



ООО «Наука и образование»



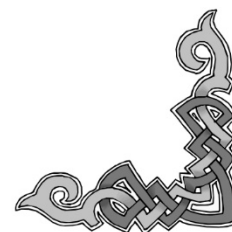
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru



**№ 10
2022**





**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**



2022, № 10

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350005, Краснодарский край, г. Краснодар, переулок Народный, д. 2/1, оф. 6

Электронный адрес: milena.555@mail.ru



РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Осипов Геннадий Васильевич, академик Российской академии наук, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Заместители председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Хунагов Рашид Думаличевич, Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор Научно-исследовательского института комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Гугуева Дарья Александровна, (по работе со студентами, магистрантами, аспирантами), кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета, Республика Армения;

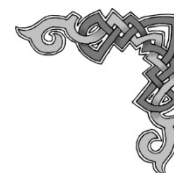
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения учебно-образовательного центра Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин Эссентукского института управления, бизнеса и права;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии и регионального управления Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;



EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Gennady V. Osipov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Rashid D. Hunagov, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of the Adygea State University;

Darya Gugueva, (for work with students, undergraduates, postgraduates), Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Branch and Applied Sociology of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State University of Economics, Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Center for the Study of Social Structure and Social Stratification of the Educational Center of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Vladimir N. Grishay, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of General Humanitarian and Natural Sciences of the Essentuki Institute of Management, Business and Law;

Alexander Viktorovich Dyatlov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Economic Sociology and Regional Management of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University;





Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, Заслуженный юрист Кубани, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, декан факультета журналистики Кубанского государственного университета;

Каропова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, руководитель Отдела оперативных исследований, заместитель руководителя Центра социологии и экономики знания Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

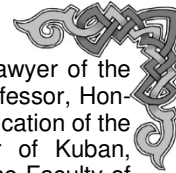
Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент) Киргизско-Российского славянского университета. г.Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимательства;

Куемжиева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного частного и предпринимательского права Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Невский Сергей Александрович, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, начальник научно-исследовательского центра № 1;



Zelensky V. Dmitriyevich, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Lawyer of Kuban, Head of Master's degree programs of the Faculty of Law of Kuban Agrarian University;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Sociology, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of Journalism of Kuban State University;

Svetlana G. Karepova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Operational Research Department, Deputy Head of the Center for Sociology and Economics of Knowledge of the Institute of Sociology of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Crimean Branch of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, Doctor of Economics, Professor, Head of the PLO «Economics and Management of the National Economy» (management) Kyrgyz-Russian Slavic University. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konvalov, Honored Employee of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Professor, Professor of the Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurship;

Svetlana A. Kuemzhieva, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International Private Law and Business Law of the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin;

Svetlana A. Markova-Murasheva, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Theory, History of State and Law of Kuban State University;

Sergei A. Nevsky, Honored Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Deputy Head of the All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Head of the Research Center № 1;





Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Университета прокуратуры Российской Федерации;

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия;

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАЕН, профессор, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубилина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, курс-лидер по направлению уголовное право Югорского государственного университета;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Краснодарского университета МВД России;



Narbut N. Petrovich, Doctor of Sociology, Professor, First Deputy Dean, Head of the Department of Sociology of the Peoples' Friendship University of Russia;

Konstantin V. Obrazhiyev, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law Disciplines of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation;

Mr. Dawei, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences. People's Republic of China;

Yury E. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Russian State University of Justice;

Vitaly S. Pusko, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Professor;

Anna I. Romanova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Economics and Management in Urban Economy of Kazan State University of Architecture and Civil Engineering;

Irina N. Rykova, Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Industrial Economics of the Research Financial Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Sergey I. Samygin, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Sociology of Rostov State University of Economics;

Anatoly N. Silin, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the West Siberian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences;

Irina V. Snimshikova, Honored Scientist of Kuban, Academician of the Russian Academy of Sciences, Professor, Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economics and Financial Management of the Kuban State Technological University named after I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, Doctor of Law, Professor, Course Leader in Criminal Law at Ugra State University doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university;

Andrey R. Tuzikov, Doctor of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Industrial Policy and Business Administration of Kazan National Research Technological University;

Ivan V. Uporov, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor, Professor of the Department of Administrative and Constitutional Law of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

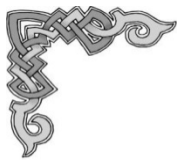


Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, руководитель Центра международно-правовых исследований Института государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик Российской академии наук, доктор социологических наук, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, директор Всероссийского научно-исследовательского института риса.

Insur Z. Farkhutdinov, Doctor of Law, Head of the Center for International Legal Studies of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «Eurasian Legal Journal»;

Evgeny M. Kharitonov, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sociological Sciences, Doctor of Agricultural Sciences, Professor, Director of the All-Russian Rice Research Institute.



СОДЕРЖАНИЕ:



СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Понеделков А.В., Меликян А.Г., Бобровнич А.А. Диспропорции в демографическом развитии федеральных округов	17
Афаунов А.З., Урумов А.В., Гапоненко О.Ю. Русофобия как разновидность ксенофобии: социокультурный и правовой аспект	22
Богданова О.В. Онлайн обучение как ресурс повышения эффективности дополнительного образования	27
Громакова В.Г., Гафиатулина Н.Х., Васильева А.А. Агрессивная цифровая среда как фактор риска для социального здоровья российской молодежи: угрозы социализирующего воздействия	31
Гутова С.Г., Данилова С.В., Самохина Н.Н., Брянский И.Н. Молодежь в условиях Севера: социокультурные тенденции, миграция и качество жизни	36
Дун Юэцзяо Практика применения технологий больших данных в социальном управлении	44
Дун Юэцзяо Положительные и отрицательные последствия социального и культурного развития в 19 веке: социальный аспект	47
Ельников Г.А., Маргарян А.А., Алиев Ш.И. Системный подход к анализу трудовых стратегий студентов вузов	50
Жукова Т.А., Набокин Д.В. Причины невостребованности сельскохозяйственных рынков у современной молодежи (региональное исследование)	53
Касьянов В.В., Самыгин П.С., Горлова Н.И. Проблемы организация физической рекреации молодежи в контексте реализации государственной молодежной политики в современной России	56
Ковров В.В., Котлярова В.В., Шолудченко И.Е. Социальные сети как пространство легитимизации агрессивного поведения молодых поколений россиян	61
Ламинина О.Г., Худиковская М.В., Шишова А.Д. Модель исследования социальных коммуникаций	65
Лю Цзюнь Информационная модернизация в области государственного управления: социально-экономический аспект	69
Малых М.М. Социальные эффекты технологического воздействия телевизионной рекламы на потребительское поведение населения России в современных условиях	72
Понеделков А.В., Аверин А.Н., Батов А.Т., Меликян А.Г. Жилищные условия российского населения	75
Пузанова Ж.В., Ларина Т.И. Реконструкция и фальсификация истории Второй мировой войны: представления о будущем России на международной арене	80
Пухно П.С., Лапсарь М.В. Влияние информации и информационного общества на личность: к вопросу об актуальности психологического исследования	87
Хэ Цзиньчжэ Позитивные и негативные последствия индустрии «черных» новостей и ее влияние на социум	91
Чжан Сыци Исследование инноваций и развития радио- и телевизионного бизнеса в эпоху новых медиа: социологический аспект	94

Чжан Цзисюань Инновации Китая в формировании эффективной системы государственного управления	97
Чикаева К.С., Юшина С.В., Сизова Н.М. Социальная агрессия как форма девиантного поведения молодежи в российском обществе	100
Чэнь Хаотянь Применение информационной статистики в национальном управлении	104
Чэнь Хаотянь Влияние национальной энергетической безопасности на социальную стабильность	107
Ши Цюн, Данильченко Т.Ю., Гангур Н.А. Что такое Китайская мечта?	110
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Агеев Н.В. Организация использования информационных технологий в расследовании	115
Ахундова К.А. Судебная власть в системе разделения властей в Азербайджанской Республике	119
Барашева Е.В., Селиванов О.В., Степаненко А.С. Альтернативные проекты Конституции РФ 1993 года	123
Васильева Я.Ю. Адаптация смертной казни как вида уголовного наказания в условиях современной России	126
Власенко И.А. Современный взгляд на практику применения статьи 321 Уголовного кодекса Российской Федерации	130
Гостев С.С., Левкина Е.С., Яцкова А.П. Историко-правовые предпосылки формирования института прав и свобод подданных в Российской империи в начале XX в.	135
Гусева И.И. Цифровизацию уголовного процесса расширять нельзя отсрочить _ где ставить запятую?	139
Зеленский В.Д., Корчагин А.Ю. О конкретизации предмета судебного разбирательства уголовных дел	143
Зехов Б.З. К вопросу о достоверности судебных приговоров	147
Зиниша О.С., Родин Д.Я., Иваненко И.Н. Процессуальное соучастие в административном судопроизводстве	150
Зяблова Т.Е. О некоторых чертах польского патриотизма	153
Казарин Д.М., Рябчиков В.В. Актуальные вопросы правовой регламентации прекращения уголовного преследования несовершеннолетних	156
Караваев А.А. Актуальные проблемы нормативного правового регулирования оборота конфиденциальной информации в подразделении по делам несовершеннолетних органа внутренних дел	159
Киреева М.В. Принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях как специально-криминологическая мера предупреждения общественно опасных деяний лиц с психическими расстройствами	164
Козаев Н.Ш., Рясов Д.А. Уголовно-правовая политика России в сфере противодействия современным формам организованной преступности	168
Кузнецова И.А., Матвеева Т.П., Кузнецова Н.А. Практика борьбы с нелегальным рынком труда: национальный и международно-правовой аспект	173
Курбанов Р.А., Попов А.А. Анализ правового регулирования оборота цифровых прав в Республике Казахстан	177

Леснов Н.Н. Международно-правовые стандарты ответственности за совершение преступлений, квалифицируемых как легализация (отмывание) доходов, полученных преступным путем	183
Литвинов А.В. Особенности привлечения к административной ответственности водителей транспортных средств за непредоставление преимущества в движении пешеходам	186
Люев Т.Х. Правовые основы обеспечения безопасности лиц, оказывающих содействие правоохранительным органам на конфиденциальной основе, в национальном законодательстве зарубежных стран	189
Мэн Гаочжэн Исследование реформы российского гражданского права в эпоху больших данных	192
Новиков М.В. Проблемы доказывания по делам о разделе совместного имущества, нажитого в фактическом браке	195
Очирова П.И., Степаненко А.С. Наследование криптовалюты: особенности и проблемы	198
Плешаков В.А. Состояние криминологической безопасности как критерий оценки динамики показателей преступности	200
Ревина И.В., Пашутина О.С., Чеботарева И.Н. К вопросу о процессуальных гарантиях добровольности отказа от субъективного права при производстве по уголовному делу	207
Родин Д.Я., Зиниша О.С., Иваненко И.Н. К вопросу о проблемах определения полномочий судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций в административном судопроизводстве	211
Савин А.А., Семенов С.А. Уголовное наказание – понятие, признаки, сущность	216
Шаназарова Е.В., Ивонтьева К.С. Понятие и признаки объективной стороны состава преступлений	220
Шатанкова Е.Н., Тарькин В.К. Использование системы электронного мониторинга при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества	223
Шубенкова К.В. Правовые проблемы охраны цифрового образа личности в РФ	226
Шумов П.В., Беззубиков Д.А. Оспаривание сделок, совершенных третьими лицами за должника, в рамках дел о несостоятельности (банкротстве)	231
Шумова К.А., Заварцева Ю.С. К вопросу о признании и исполнении решений иностранных судов в Российской Федерации	234
Щеглов Е.Н., Караваев А.А. О сведениях конфиденциального характера, подлежащих обороту в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел	237
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Андрианов А.Ю. Угроза экономической безопасности в сфере внешнеторговой деятельности	243
Бугаева Н.Ю. Место банковской системы в противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем	246
Буркальцева Д.Д., Османова Э.У., Киселев Р.О., Бондарь А.П., Бугаева Т.Н. Инновационные финансовые инструменты, влияющие на креативное пространственное развитие региона	250
Кочкудан Д.А., Терещенко О.В., Кошокова С.Я. Тренды научно-технического развития России	254
Кошелева Т.Н., Ксенофонтова Т.Ю. Методические аспекты моделирования уровней готовности сервисных компаний транспортной сферы к оказанию услуг в цифровой среде	258

Ли Шаншан Влияние энергетики на европейскую валютную систему	261
Ли Шаншан Анализ политики в сфере международной валютной системы в области финансовой безопасности	264
Лю Хан Анализ отставания между финансовым кризисом и международной валютно-финансовой системой	267
Лю Хан Анализ обменного курса доллара США и глобального финансового кризиса	270
Михайлушкин П.В., Попов М.Ю. И.В. Снимщикова о феномене бедности в современной России	273
Мэн Гаочжэн Реформа Центрального банка России и экономическое регулирование	278
Петров С.В. Угрозы и управление рисками в сфере внешнеторговой деятельности	281
Чжэн Фан Машиностроение в России и Китае и его вклад в развитие двухсторонних отношений	284
Чжэн Фан Российское машиностроение в годы Второй мировой войны как феномен мобилизационной экономики	287
Чэнь Сяююнь Исследование состояния развития и проблем иностраных коммерческих банков в России	290
Чэнь Сяююнь Исследование банковской системы в рамках российской политики финансовых реформ	293
Ян Сюе Анализ политики Всемирной валютной организации на период с 2010 по 2020 годы	296
Ян Сюе Исследование влияния валютной интернационализации на конкурентоспособность торговли финансовыми услугами	299



CONTENTS:



SOCIOLOGICAL SCIENCES

Alexander N. Averin, Aleksandr V. Ponedelkov, Arnold G. Melikyan, Aleksandr A. Bobrovnich Disproportions in the demographic development of federal districts	17
Anzor Z. Afaunov, Asker V. Urumov, Olga Yu. Gaponenko Russophobia as a kind of xenophobia: socio-cultural and legal aspect	22
Oksana V. Bogdanova Online learning as a resource for improving the effectiveness of additional education	27
Victoria G. Gromakova, Natalya Kh. Gafiatulina, Alisa A. Vasilyeva Aggressive digital environment as a risk factor for social health of russian youth: threats of socializing impact	31
Svetlana G. Gutova, Natalia N. Samokhina, Svetlana V. Danilova, Ilya N. Bryansky Youth in the North: sociocultural trends, migration and quality of life	36
Dong Yuejiao The practice of using big data technologies in social management	44
Dong Yuejiao Positive and negative consequences of social and cultural development in the 19th century: social aspect	47
Galina A. Elnikova, Artem A. Margaryan, Shapi I. Aliev A systematic approach to analyzing the labor strategies of university students	50
Tatiana A. Zhukova, Danila V. Nabokin The reasons for agricultural markets without demand for modern youth (regional research)	53
Valery V. Kasyanov, Petr S. Samigin, Natalia Iv. Gorlova The problems of organization of youth physical recreation in the context of the implementation of state youth policy in modern Russia	56
Vladimir V. Kovrov, Victoria V. Kotlyarova, Inessa E. Sholudchenko Social networks as an space for legitimization of aggressive behavior of young generations of russians	61
Olga G. Laminina, Maria V. Kulikovskaya, Anastasia D. Shishova Social communication research model	65
Liu Jun Information modernization in public administration: economic and social aspect	69
Marina M. Malykh Social effects of technological impact of television advertising on consumer behavior of the Russian population in modern conditions	72
Aleksandr V. Ponedelkov, Alexander N. Averin, Alim T. Batov, Arnold G. Melikyan Housing conditions of the Russian population	75
Zhanna V. Puzanova, Tatiana I. Larina Reconstruction and falsification of the history of the Second world war: ideas about the future of russia in the international arena	80
Petr S. Pukhno, Margarita V. Lapsar The influence of information and the information society on personality: on the question of the relevance of psychological research	87
He Jinzhe Positive and negative consequences of the black news industry and its influence on society	91
Zhang Siqi A study of innovation and development of radio and television business in the era of new media: a sociological aspect	94

Zhang Ji Quan	
China's innovations in the formation of an effective public administration system	97
Karina S. Chikaeva, Svetlana V. Yushina, Natalya M. Sizova	
Social aggression as an form of deviant behavior of youth in russian society	100
Chen Haotian	
Application of information statistics in national management	104
Chen Haotian	
The impact of national energy security on social stability	107
Shi Yun, Tatiana Yu. Danilchenko, Natalia A. Ganur	
The «Chinese dream»	110
JURISPRUDENCE	
Nikolay V. Ageev	
Organization of the use of information technologies in investigation	115
Konul A. Akhundova	
Judicial power in the system of separation of powers in the Republic of Azerbaijan	119
Eleva V. Barasheva, Oleg V. Selivanov, Alexey S. Stepanenko	
Alternative draft constitutions of 1993	123
Yana Yu. Vasilyeva	
Adaptation of the death penalty as a type of criminal punishment in the conditions of modern Russia	126
Ilya A. Vlasenko	
Modern look for practice applications article 321 of the criminal code of the Russian Federation	130
Sergey S. Gostev, Ekaterina S. Levkina, Anna P. Yatskova	
Historical and legal prerequisites for the formation of the institute of rights and freedoms of subjects in the Russian Empire in the early twentieth c.	135
Irina I. Guseva	
Digitalization of the criminal process cannot be delayed _ where to put a comma?	139
Vladimir D. Zelensky, Alexander Yu. Korchagin	
On the specification of the subject matter of the trial criminal cases	143
Batyr Z. Zekhov	
To the question of the reliability of judgments	147
Olga S. Zinisha, Denis Ya. Rodin, Igor N. Ivanenko	
Procedural complicity in administrative legal proceedings	150
Tatiana E. Zyablova	
About some features of polish patriotism	153
Daniil M. Kazarin, Vadim A. Ryabchikov	
Topical issues of legal regulation of termination of criminal prosecution of minors	156
Alexander A. Karavaev	
Current problems of regulatory legal regulation of the flow of confidential information in the minor department of the internal affairs body	159
Maria V. Kireeva	
Forced observation and treatment by a psychiatrist in outpatient conditions as a special criminological measure to prevent socially dangerous acts of persons with mental disorders	164
Nodar Sh. Kozaev, Dmitriy A. Ryasov	
Criminal law policy of Russia in the field of countering modern forms of organized crime	168
Inna A. Kuznetsova, Tamara P. Matveeva, Natalia A. Kuznetsova	
The practice of combating the illegal labor market: national and international legal aspects	173
Rashad A. Kurbanov, Alexey A. Popov	
Analysis of legal regulation of digital rights turnover in the Republik Kazakhstan	177
Nikolai N. Lesnov	
International legal standards of responsibility for committing crimes qualified as legalization (laundering) of proceeds from crime	183
Artyom V. Litvinov	
Features of bringing drivers of vehicles to administrative responsibility for not providing an advantage in traffic to pedestrians	186

Tembot Kh. Lyuev	
The legal basis for ensuring the security of persons providing assistance to law enforcement agencies on a confidential basis in the national legislation of foreign countries	189
Meng Gaozheng	
A study of russian civil law reform in the age of big data	192
Michail V. Novikov	
Problems of proof in cases of division of joint property acquired in actual marriage	195
Polina I. Ochirova, Alexey S. Stepanenko	
Inheritance of cryptocurrencies: features and problems	198
Vladimir A. Pleshakov	
The state of criminological security as a criterion for assessing the dynamics of crime indicators	200
Irina V. Revina, Olesya S. Pashutina, Irina N. Chebotareva	
On the issue of procedural guarantees of voluntary renunciation of subjective right in criminal proceedings	207
Denis Ya. Rodin, Olga S. Zinisha, Igor N. Ivanenko	
To the issue of the problems of determining the powers of the courts of appeal, cassation and supervisory instances in administrative proceedings	211
Andrey A. Savin, Sergei A. Semenov	
Criminal punishment – concept, signs, essence	216
Elena V. Shanazarova, Kristina S. Ivontieva	
The concept and signs of the objective side of the corpus delicti	220
Elena N. Shatankova, Vladimir K. Tarykin	
The use of an electronic monitoring system in the execution of sentences not related to isolation from the society	223
Ksenia V. Shubenkova	
Legal issues of protection of the digital image of the person in the Russian Federation	226
Petr V. Shumov, Dmitriy A. Bezzubikov	
Challenging transactions made by third parties for the debtor in insolvency (bankruptcy) cases	231
Kristina A. Shumova, Yulia S. Zavartseva	
On the issue of recognition and enforcement of decisions of foreign courts in the Russian Federation	234
Evgeny N. Shcheglov, Alexander A. Karavaev	
On information of a confidential nature subject to turnover in the divisions for minor cases of the internal affairs	237
ECONOMIC SCIENCES	
Alexey Yu. Andrianov	
Threat to economic security in the sphere of foreign trade	243
Natalya Y. Bugaeva	
The place of the banking system in countering the legalization (laundering) of proceeds from crime	246
Diana D. Burkaltseva, Elnara U. Osmanova, Rem O. Kiselev, Alexander P. Bondar, Tatiana N. Bugaeva	
Innovative financial instruments influencing the creative spatial development of the region	250
Dmitry A. Kochkudan, Olesya V. Tereshchenko, Saniyat Y. Koshokova	
Trends of scientific and technical development of Russia	254
Tatiana N. Kosheleva, Tatiana Yu. Ksenofontova	
Methodological aspects of modeling the levels of readiness of transport service companies to provide services in the digital environment	258
Li Shang Shang	
The impact of energy on the European monetary system	261
Li Shang Shang	
Analysis of the policy in the field of the international monetary system in the field of financial security	264

Liu Hang	
Analysis of the gap between the financial crisis and the international monetary and financial system	267
Liu Hang	
Analysis of the US dollar exchange rate and the global financial crisis	270
Pavel V. Mikhailushkin, Mikhail Yu. Popov	
I.V. Snimshchikova about the phenomenon of poverty in modern Russia	273
Meng Gaozheng	
Reform of the Central Bank of Russia and economic regulation	278
Sergey V. Petrov	
Threats and risk management in the field of foreign trade	281
Zheng Fan	
Machinebuilding industry in Russia and China and its contribution to the development of bilateral relationship	284
Zheng Fan	
Russian Mechanical engineering during the Second World War as a phenomenon of the mobilization Economy	287
Chen Xiaochun	
Research of the state of development and problems of foreign commercial banks in Russia	290
Chen Xiaochun	
Research of the banking system within the framework of the Russian financial reform policy	293
Yang Xue	
Analysis of the policy of the World Monetary Organization for the period from 2010 to 2020	296
Yang Xue	
Study of the impact of currency internationalization on the competitiveness of financial services trade	299

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
профессор Института права
и национальной безопасности,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
anaverin1947@mail.ru

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Меликян Арнольд Гаррикович

аспирант кафедры
политологии и этнополитики,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ropov-52@mail.ru

Бобровнич Александр Александрович

старший преподаватель кафедры
политологии и этнополитики,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
milena.555@mail.ru

**ДИСПРОПОРЦИИ
В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ
ФЕДЕРАЛЬНЫХ ОКРУГОВ**



Аннотация. Принципом демографической политики Российской Федерации является учет региональных особенностей демографического развития и дифференцированный подход к разработке и реализации региональных демографических программ [1]. Демографическое развитие регионов и федеральных округов неравномерно. Поэтому является актуальной рассматриваемая в статье проблема основных диспропорций в демографическом развитии федеральных округов.

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophical Science,
Professor,
Professor at the Institute of Law
and National Security,
Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation
anaverin1947@mail.ru

Aleksandr V. Ponedelkov

Doctor of Political Sciences,
Professor,
Head of Laboratory,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Arnold G. Melikyan

Graduate Student of the Department
Political Science and Ethnopolitics,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation
popov-52@mail.ru

Aleksandr A. Bobrovnich

Senior Lecturer at the Department
of Political Science and Ethnopolitics,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation
milena.555@mail.ru

**DISPROPORTIONS
IN THE DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT
OF FEDERAL DISTRICTS**



Annotation. The principle of the demographic policy of the Russian Federation is to take into account the regional features of demographic development and a differentiated approach to the development and implementation of regional demographic programs [1]. Demographic development of regions and federal districts is uneven. Therefore, the problem of the main disproportions in the demographic development of the federal districts considered in the article is relevant.

Ключевые слова: естественный и миграционный прирост, коэффициент брачности и разводимости, миграция, плотность населения, регион, рождаемость, смертность, федеральный округ, численность населения.

Keywords: natural and migration growth, marriage and divorce rate, migration, population density, region, birth rate, mortality, federal district, population.

Федеральные округа различаются плотностью населения. В 2020 году плотность населения на 1 кв. км. составила в Центральном федеральном округе 60,4 человека, (1 ранг плотности населения по отношению к плотности населения всех субъектов Российской Федерации), Северо-Западный – 8,3, (5), Южный – 36,8, (3), Северо-Кавказский – 58,5, (2), Приволжский – 28, (4), Уральский – 6,8, (6), Сибирский – 3,9, (7), Дальневосточный – 1,2, (8) [2]. Неравномерная плотность населения существует между регионами в федеральных округах. В Центральном федеральном округе самая высокая плотность была в Москве – 4941,4 (первые ранги плотности населения по отношению к плотности населения всех регионов и регионов, входящих в федеральный округ), самая низкая – Костромской области – 10,4 (58 и 18), Северо-Западном – Санкт-Петербурге – 3 848,7 (2 и 1) и Ненецком автономном округе – 0,3 (84 и 11), Южном – Севастополе – 590,3 (3 и 1) и Калмыкии – 3,6 (66 и 8), Северо-Кавказском – Ингушетии – 142,1 (5 и 1) и Ставропольском крае – 42,2 (23 и 8), Приволжском – Чувашии – 65,8 (12 и 1) и Кировской области – 10,4 (59 и 14), Уральском – Челябинской области – 38,9 (26 и 1) и Ямало-Ненецком автономном округе – 0,7 (80 и 6), Сибирском – Кемеровской области – 27,5 (41 и 1) и Красноярском крае – 1,2 (79 и 10), Дальневосточном – Приморском крае – 11,4 (55 и 1) и Чукотском автономном округе – 0,1 (85 и 11). Следует отметить, что кроме названных, в пятерку самых высоких рангов входит Московская область – 173,9 (4 и 2), самых низких рангов – Камчатский край – 0,7 (81 и 8), Саха (Якутия) – 0,3 (82 и 9), Магаданская область – 0,3 (83 и 10).

Плотность населения зависит от площади территории и численности проживающего на ней населения. Центральный федеральный округ имел 6-й ранг по отношению к территории всех округов (удельный вес территории в общей территории – 3,8 %), Северо-Западный – 4 (9,85 %), Южный – 7 (2,61 %), Северо-Кавказский – 8 (1 %), Приволжский – 5 (6,06 %), Уральский – 3 (10,62 %), Сибирский – 2 (25,47 %), Дальневосточный – 1 (40,6 %). Площадь территории регионов различна. Первый ранг имела Саха (Якутия) (18 %), три последних ранга – города федерального значения, имеющие удельный вес территории 0,01 %, Севастополь (85), Санкт-Петербург (84), Москва (83).

Федеральные округа различаются по численности постоянного населения, в том числе городского и сельского. В Центральном округе насчитывалось 39 млн. 250 тыс. 960 человек (1 ранг), из них 32 млн 346 тыс. 663 городского (1) и 6 млн 904 тыс. 297 сельского (2), Северо-Западном – 13 млн 941 тыс. 959 (5); 11 млн 848 тыс. 191 (4); 2 млн 093 тыс. 768 (8), Южном – 16 млн 482 тыс. 488 (4); 10 млн 378 тыс. 229 (5); 6 млн 104 тыс. 259

(3), Северо-Кавказском – 9 млн 967 тыс. 301 (7); 5 млн 026 тыс. 905 (8); 4 млн 940 тыс. 396 (4), Приволжском – 29 млн 070 тыс. 827 (2); 21 млн 016 тыс. 816 (2); 8 млн 054 тыс. 011 (1), Уральском – 12 млн 329 тыс. 500 (6); 10 млн 075 тыс. 822 (6); 2 млн 253 тыс. 678 (6), Сибирском – 17 млн 003 тыс. 927 (3); 12 млн 631 тыс. 909 (3); 4 млн 372 тыс. 018 (6), Дальневосточном – 8 млн 124 тыс. 053 (8); 5 млн 927 тыс. 111 (7); 2 млн 196 тыс. 942 (7). В Москве проживали 12 млн 655 тыс. 050 человек, в том числе 12 млн 455 тыс. 682 городского и 199 368 сельского населения, в Ненецком автономном округе – 44389; 32 948; 11441.

Доля и удельный вес федеральных округов в общей численности городского и сельского населения различны. Центральный округ: доля – 82,41 % и 17,59 %, число сельских жителей на 1 000 горожан – 213, удельный вес в численности населения – 29,61 % и 18,7 %, Северо-Западный – 84,98 % и 15,02 %; 177; 10,84 % и 5,67 %, Южный – 62,97 % и 37,03 %; 588; 9,5 % и 16,53 %, Северо-Кавказский – 50,43 % и 49,57 %; 983; 4,6 % и 13,38 %, Приволжский – 72,3 % и 27,7 %; 383; 19,24 % и 21,82 %, Уральский – 81,72 % и 18,28 %; 224; 9,22 % и 6,1 %, Сибирский – 74,29 % и 25,71 %; 346; 11,56 % и 11,84%, Дальневосточный – 72,96 % и 27,04 %; 371; 5,43 % и 5,95 %. Свыше 50 % сельского населения насчитывалось в Алтае (70,81 %), Чечне (61,97 %), Карачаево-Черкесии (57,1 %), Дагестане (54,68 %), Калмыкии (53,84 %), Адыгее (52,97 %), менее 10 % – в Москве (1,58 %), Магаданской области (3,9 %), Севастополе (6 %), Ханты-Мансийском автономном округе-Югре (7,39 %), Мурманской области (7,87 %). Свыше 90 % городское население – в Санкт-Петербурге (100 %), Москве (98,42 %), Магаданской области (96,1%), Севастополе (94 %), Ханты-Мансийском автономном округе-Югре (92,61 %), Мурманской области (92,13 %).

Общий, естественный и миграционный прирост влияют на численность населения. В Центральном округе были общая убыль (182596), естественная убыль (237599), миграционный прирост (55003), замещение естественной убыли миграционным приростом (23,1), Северо-Западном – убыль 40033; 76175; прирост 36142; 47,4, Южном – прирост 16404; убыль 89574; прирост 105978; 118,3, Северо-Кавказском – прирост 36368; 46497; убыль 10129, Приволжском – убыль 216856; 193503; 23353, Уральском – убыль 31252; 41204; прирост 9952; 24,2, Сибирском – убыль 114460; 87650; 26810, Дальневосточном – убыль 45150; 22864; 22286.

Население сократилось за счет естественной убыли и миграционного оттока населения в 45 регионах, превышения естественной убыли над миграционным приростом – 19, превышения

миграционного оттока над естественным приростом – 3. Население увеличилось за счет естественного и миграционного приростов в 5 регионах, превышения естественного прироста над миграционным оттоком – 5, превышения миграционного прироста над естественной убылью – 6.

Коэффициенты общего, естественного и миграционного прироста или убыли всего населения на 1 000 человек были соответственно равны в Центральном округе – убыли 4,6; 6,1; прироста 1,4, Северо-Западном – убыли 2,9; 5,5; прироста 2,6, Южном – прироста 1; 5,5; 6,4, Северо-Кавказском – прироста 3,7; 4,7; убыли 1, Приволжском – убыли 7,4; 6,7; 0,8, Уральском – убыли 2,5; 3,3; прироста 0,8, Сибирском – убыли 6,7; 5,1; 1,6, Дальневосточном – убыли 5,5; 2,8; 2,7.

Федеральные округа различаются по компонентам естественного движения населения – рождаемости, смертности, естественному приросту или убыли. Численность родившихся, умерших, естественного прироста населения составила в Северо-Кавказском – 136516; 90019; 46497, родившихся, умерших, естественной убыли в Центральном – 355864; 593463; 237599, Северо-Западном – 127246; 203421; 76175, Южном – 156765; 246339; 89574, Приволжском – 269141; 462644; 193503, Уральском – 130855; 172059; 41204, Сибирском – 170009; 257659; убыль 87650, Дальневосточном – 90118; 112982; 22864 [3].

Общие коэффициенты рождаемости и смертности на 1000 человек населения равны в Центральном округе 9 и 15,1, Северо-Западном – 9,1 и 14,6, Южном – 9,5 и 15, Северо-Кавказском – 13,7 и 9, Приволжском – 9,2 и 15,9, Уральском – 10,6 и 13,9, Сибирском – 10 и 15,1, Дальневосточном – 11,1 и 13,9. Самый высокий коэффициент рождаемости был в Чечне (20), смертности – Псковской области (19), низкие коэффициенты – Мордовии (7), Смоленской области (7) и Ингушетии (3,8).

Умирают от различных болезней, больше всего от болезней системы кровообращения и новообразований. Также, умирают от внешних причин смерти: Центральный округ – 33274, в том числе 17788 от причин смерти, обусловленных алкоголем, Северо-Западный – 12998, (5225), Южный – 12701, (2533), Приволжский – 31930, (31930), Уральский – 13550, (5484), Сибирский – 19868, (5787), Дальневосточный – 11278, (3374), Северо-Кавказский – 3984, (1153 от всех видов транспортных несчастных случаев). Наибольшее число умерших от внешних причин смерти в Московской области (7148), из них от причин смерти, обусловленных алкоголем, (4735), всех видов транспортных несчастных случаев (896), самоубийств (893), повреждений с неопределенными намерениями (886), убийств (464), случайных утоплений (200). На 1000 родившихся живыми и мертвыми высокая перинатальная смертность была в Южном округе (8,56) и Чукотском автономном округе (20), низкая – Центральном (6,12) и Северной Осетии-Алании (4,73). Количество детей, умерших в возрасте до 1 года, на 1000 родившихся живыми – 5,9 в Северо-Кавказском округе и 3,7 – Северо-

Западном, 14,7 – Чукотском автономном округе и 2,1 – Чувашии.

Федеральные округа различаются по общим коэффициентам брачности и разводимости на 1000 человек населения, числу разводов на 1000 браков. Значения коэффициентов в Центральном округе – 5,2; 3,8; 719, Северо-Западном – 6,9; 4,1; 699, Южном – 5,3; 4,1; 766, Северо-Кавказском – 4,5; 2,3; 506, Приволжском – 4,8; 3,7; 760, Уральском – 5,5; 4,4; 802, Сибирском – 5,5; 4,2; 770, Дальневосточном – 5,8; 4,4; 754. Наибольшее число разводов на 1000 браков – в Ненецком автономном округе (994), наименьшее – Чечне (179). У женщин, не состоявших в зарегистрированном браке, родились вне брака в Центральном округе 19,8 % детей к общему числу родившихся, Северо-Западном – 21,7 %, Южном – 20,2 %, Северо-Кавказском – 20,9 %, Приволжском – 19,4 %, Уральском – 22,1 %, Сибирском – 26,6 %, Дальневосточном – 29,9 %, больше всего в Тыве (57,7 %), меньше всего – Кабардино-Балкарии (10,4 %).

Следует отметить, что в федеральные округа переселяются участники Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. 21588 человек прибыли в Центральный округ, 4913 – Северо-Западный, 1622 – Южный, 588 – Северо-Кавказский, 7638 – Приволжский, 6843 – Уральский, 10334 – Сибирский, 3206 – Дальневосточный. Наибольшее количество прибывших было в Тульской области (5998), по одному участнику – в Кабардино-Балкарии и Чечне. В 6 регионов не прибыл ни один участник. В Центральном округе на учете состояли 417 беженцев, 145 вынужденных переселенцев, 7324 человек, получивших временное убежище, Северо-Западном – 7; 137; 3 907, Южном – 5; 58; 1662, Северо-Кавказском – 7; 1936; 1283, Приволжском – 16; 162; 2757, Уральском – 1; 23; 882, Сибирском – 0; 38; 376, Дальневосточном – 2; 14; 1626 [2].

Изменение численности населения происходит в результате миграции. Итоги миграции по федеральным округам следующие. В Центральный округ прибыли из-за пределов округа 809 401, в том числе из других регионов – 622597, других стран – 186804, выбыли за пределы региона – 751003, из них в другие регионы – 591824, другие страны – 159179. Соответственно данные по другим округам. В Северо-Западный – прибыли 349147; 291934; 57213; выбыли 310126; 266627; 43499, Южный – прибыли 315648; 221193; 94455; выбыли 244208; 192731; 51477, Северо-Кавказский – прибыли 104125; 86247; 17878; выбыли 113216; 94196; 19020, Приволжский – прибыли 302591; 231103; 71488; выбыли 323075; 254190; 68885, Уральский – прибыли 199490; 142543; 56947; выбыли 187875; 145913; 41962, Сибирский – прибыли 226033; 159172; 66861; выбыли 250532; 188285; 62247, Дальневосточный – прибыли 139430; 96930; 42500; выбыли 159356; 117953; 41403. В Центральном округе миграционный прирост составил 58398, из него за счет передвижений с другими регионами – 30773, другими странами – 27625, Северо-Западном – 39021; 25307; 13714, Южном – 71440; 28462; 42978, Северо-

Кавказском – миграционная убыль 9091; 7949; 1142, Приволжском – убыль 20484; 23087; прирост 2603, Уральском – 11615; убыль 3370; прирост 14 985, Сибирском – убыль 24499; 29113; 4614, Дальневосточном – убыль 19926; 21023, прирост 1097.

Прибытие и выбытие мигрантов, в основном, осуществляется со странами СНГ. Из этих стран прибыли в Центральный округ 168660 мигрантов, больше всего с Украины (59616), Северо-Западный – 52070, (Украины 16725), Южный – 86081, (Украины 45499), Северо-Кавказский – 13906, (Армении 3543), Приволжский – 62314, (Таджикистана 16032), Уральский – 52718, (Таджикистана 17 485), Сибирский – 62036, (Казахстана 62 036), Дальневосточный – 38138, (Киргизии 38138). Выбыли в страны СНГ из Центрального округа 136788, больше всего в Украину (42 197), Северо-Западного – 37401, (Украину 8837), Южного – 44463, (Украину 17523), Северо-Кавказского – 12908, (Армению 4298), Приволжского – 58720, (Таджикистан 11208), Уральского – 38142, (Казахстан 10645), Сибирского – 55343, (Казахстан 21134), Дальневосточного – 33294, (Киргизии 11818).

Численность прибывших из других стран составила в Центральном округе 18144 мигранта, больше всего из Грузии (2177), выбывших в другие страны – 22391, больше всего в Индию (3198), миграционная убыль – 4247, соответственно в Северо-Западном – 5143, (Вьетнама 5143); 6098, (Вьетнам 5143); убыль 955, Южном – 8374, (Грузии 1041); 7014, (Индию 1458); миграционный прирост 1 360, Северо-Кавказском – 3972, (Грузии 628); 6112, (Индию 1201); убыль 2140, Приволжском – 9174, (Индии 1442); 10165, (Индию 10165); убыль 991, Уральском – 4229, (Китая 1375); 3820, (Китай 1367); прирост 409 Сибирском – 4 825, (Китай 1956); 6904, (Китай 2474); убыль 2079, Дальневосточном – 4362, (Китая 2485); 8109, (Китай 5128); убыль 3747.

Общий миграционный прирост по возрастным категориям был равен в Центральном округе: молодежь трудоспособного возраста – 10220, трудоспособного возраста – 36219, старше трудоспособного возраста – 11959, в Северо-Западном – 7820; 25625; 5576, Южном – 10217; 47487; 13736, Северо-Кавказском – миграционная убыль 1933; 6103; 1055, Приволжском – убыль 1890; 15057; 3537, Уральском – прирост 2805; 9077; убыль 267,

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 года № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 42. Ст. 5009; 2021. № 49 (Ч. I). Ст. 8201.
2. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2020 году. Статистический бюллетень. URL : <https://rosstat.gov.ru/compendium>

Сибирском – убыль 2986; 17556; 3957, Дальневосточном – убыль 3056; 10332; 6538. Миграционный прирост был обеспечен в Центральном округе за счет 55458 российских граждан, Северо-Западном – 21715, Южном – 36670, Северо-Кавказском – 1055, Приволжском – 12575, Уральском – 10039, Сибирском – 8860, Дальневосточном – 3097.

Уровень образования мигрантов, обеспечивавших миграционный прирост или убыль достаточно высокий. В Центральном округе при миграционном приросте высшее образование имели 27824 человека, ученую степень доктора и кандидата наук – 104 и 512, неполное высшее – 25702, среднее профессиональное (среднее специальное) – 51342, начальное профессиональное – 15674, среднее общее (полное) – 56124, основное общее (среднее общее неполное) – 12666, начальное общее (начальное) и не имеющие образования – 4520. При миграционном приросте высшее и среднее профессиональное (среднее специальное) образование имели в Северо-Западном – 17678 и 23198, Южном – 30164 и 42376. Миграционную убыль обеспечили мигранты с высшим и средним профессиональным (средним специальным) образованием в Северо-Кавказском – 1612 и 5574, Приволжском – 10126 и 7526, Сибирском – 12430 и 5778, Дальневосточном – 9088 и 6070, в Уральском – убыль 3456 и прирост 5846.

Не вызывает сомнений необходимость дальнейшего преодоления диспропорций в демографическом развитии федеральных округов. Возможно, этому будет способствовать осуществление плана мероприятий по реализации в 2021–2025 годы Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [4]. В плане предусмотрены мероприятия по популяризации и продвижению традиционных семейных ценностей и активного долголетия; повышению благополучия семей с детьми, увеличению рождаемости; снижению материнской и младенческой смертности, улучшению репродуктивного здоровья; снижению смертности и повышению ожидаемой продолжительности жизни; формированию здоровья на производстве; поддержанию здоровья старшего поколения; формированию мотивации к здоровому образу жизни, занятиям физкультурой и спортом. В реализации мероприятий участвуют федеральные и региональные органы государственной власти.

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation of October 09, 2007 № 1351 «On Approval of the Concept of the Demographic Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2007. № 42. Art. 5009; 2021. № 49 (Part I). Art. 8201.
2. Number and migration of the population of the Russian Federation in 2020. Statistical bulletin. URL : <https://rosstat.gov.ru/compendium>

3. Естественное движение населения Российской Федерации. 2020. Статистический бюллетень. URL : https://gks.ru/bgd/regl/b20_106/Main.htm

4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2021 года № 2580-р «О плане мероприятий по реализации в 2021–2025 гг. Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 39. Ст. 6751.

3. Natural movement of the population of the Russian Federation. 2020. Statistical Bulletin. URL : https://gks.ru/bgd/regl/b20_106/Main.htm

4. Order of the Government of the Russian Federation of September 16, 2021 № 2580-r «On the Plan of Measures for the Implementation in 2021–2025 of the Concept of the Demographic Policy of the Russian Federation for the Period up to 2025 // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. № 39. Art. 6751.

Афаунов Анзор Зурабович

кандидат социологических наук,
начальник кафедры
гражданского права и процесса,
Краснодарский университет МВД России
anzor.afaunov@list.ru

Урумов Аскер Валерьевич

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
специально-технической подготовки,
Северо-Кавказский институт
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России
urumov07@mail.ru

Гапоненко Ольга Юрьевна

старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса,
Краснодарский университет МВД России
natalja.juckova2010@mail.ru

**РУСОФОБИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ
КСЕНОФОБИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ
И ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Аннотация. В условиях современных социально-политических процессов в ряде стран Запада наблюдается всплеск русофобии, которая проявляется в притеснении граждан Российской Федерации и этнически русских граждан других государств, а также проведении информационной кампании, направленной на их дискредитацию, ущемление их прав и возможностей. Авторы указывают, что русофобия является частным случаем ксенофобии, а проявления русофобии представляют собой социальную дискриминацию по этническому и социально-политическому признакам. При этом отмечается незаконный характер известных проявлений русофобии, поскольку они противоречат Конвенции по правам человека и конституционным нормам современных демократических стран. Особое внимание уделяется положению о том, что практики проявления русофобии несут угрозу не только россиянам, но и целостности социально-правовой системы тех стран, в которых они реализуются.

Ключевые слова: русофобия, дискриминация, ксенофобия, конституционное право, права человека.

На фоне политических событий, развертывающихся непосредственно на Украине и вокруг той ситуации, которая складывается в

Anzor Z. Afaunov

Candidate of Sociological Sciences,
Head of Department
Civil Law and Process,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
anzor.afaunov@list.ru

Asker V. Urumov

Candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer of the Department,
North Caucasus Institute for Advanced
Training of the Ministry of Internal Affairs
of Russia (branch) of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation
urumov07@mail.ru

Olga Yu. Gaponenko

Senior Lecturer of Department
Civil Law and Process,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
natalja.juckova2010@mail.ru

**RUSSOPHOBIA AS A KIND
OF XENOPHOBIA: SOCIO-CULTURAL
AND LEGAL ASPECT**

Annotation. In the conditions of modern socio-political processes in a number of Western countries, there is a surge of russophobia, which manifests itself in the oppression of citizens of the Russian Federation and ethnically Russian citizens of other states, the implementation of an information campaign aimed at discrediting them, infringing on their rights and opportunities. The article raises the question that russophobia is a special case of xenophobia, and manifestations of russophobia represent social discrimination on ethnic and socio-political grounds. It is proved that the known manifestations of russophobia are illegal, since they contradict the Convention on Human Rights and the constitutional norms of modern democratic countries. The question is raised that the practices of russophobia pose a threat not only to Russians, but also to the integrity of the socio-legal system of the countries in which they are implemented.

Keywords: russophobia, discrimination, xenophobia, constitutional law, human rights.

настоящий момент, наблюдается общая тенденция, связанная с формированием многообразных практик притеснения граждан Российской

Федерации, а также людей, являющихся этнически русскими. Помимо персональных санкций, которые вводятся применительно к отдельным гражданам Российской Федерации, осуществляются многочисленные инициативы, связанные с ограничением прав и возможностей людей, имеющих прямое или косвенное отношение к Российской Федерации. В качестве наиболее резонансных событий и явлений, которые имеют место, можно отнести:

- массовое увольнение россиян, связанное с их национальной принадлежностью [6];
- отказ от оказания медицинской помощи россиянам [7];
- отказ от обслуживания россиян в заведениях общественного питания [1];
- ограничения на самореализацию россиян в спортивной и культурной сферах [3];
- разрешение администрацией социальных сетей Facebook и Instagram призывов к насилию по отношению к россиянам;
- откровенная травля россиян, а также этнически русских жителей стран Запада (вплоть до применения физического насилия по отношению к ним) [3];
- активная публикация в западных средствах массовой информации материалов, направленных на формирование предвзятого, негативного отношения к Российской Федерации и всему, что связано с ней (русской культуре, руководству страны и т.д.) [2].

Данный список далеко не полон, однако он позволяет уловить общую тенденцию, связанную с формированием разносторонней кампании по дискредитации всего, что связано с Российской Федерацией.

В контексте развертывающихся событий вызывает интерес, с одной стороны, социокультурная подоплека развивающейся тенденции ущемления россиян, а также этнических русских жителей других государств, с другой стороны – правовой статус реализуемых процессов с точки зрения норм международного права и внутренних правовых установлений, реализованных на уровне правовых систем отдельных западных государств. Мы в данном случае исходим из гипотезы о том, что реализуемые процессы вступают в противоречие с основополагающими нормами международного права, в связи с чем формируется негативный прецедент «молчаливой поддержки» руководством ряда государств действий, которые по факту носят противозаконный характер.

Актуальность исследования проблемы русофобии в странах «коллективного Запада» не вызывает сомнений в силу того, что развертывающиеся процессы, во-первых, непосредственно угрожают интересам граждан Российской Федерации в ряде государств и, во-вторых, сам по себе процесс массового ущемления жителей конкретного государства представляет собой пример четко

выраженного негативного явления для общества в котором оно имеет место быть. Причем в данном случае огромное значение имеет не только то, в какие социальные условия помещены люди, выступающие в роли объекта ущемления, но и то, как со временем меняются субъектные характеристики жителей стран, в которых развертываются крупномасштабные гонения, реализуемые по определенному маркирующему признаку (в данном случае – по критерию национальной принадлежности).

Особенность исследования заключается в том, что оно осуществляется на стыке социологии культуры, позволяющей осмыслить культурные предпосылки и культурное значение развертывающихся процессов, и юридического знания, в рамках которого становится возможным определение правового статуса происходящих процессов и, в частности, отношения действующих практик к основным нормам международного, конституционного и частного права в тех государствах, на уровне которых реализуются русофобские социальные практики.

Для начала целесообразно определиться с понятийным аппаратом исследования и, в частности, выявить соотношение категорий «ксенофобия», «дискриминация» и «руссофобия», определить специфику их применения, содержательные отличия и «точки пересечения».

Проанализируем специфику категории «ксенофобия». Ксенофобия, от греч. ξένος «чужой» + φόβος «страх» – «боязнь чужого» – представляет собой разновидность социального отношения к носителю отличных от субъекта социального восприятия признаков (иная культура, этнос, раса и т.д.), характеризующегося наличием, с одной стороны, страха, с другой – неприятия. Первоначально термин «ксенофобия» сформировался в рамках психологического знания, и характеризовал одну из разновидностей фобий, связанных с переживанием социального взаимодействия с людьми, заметно отличающиеся по ключевым определяющим социальный облик признакам от социального субъекта, у которого, собственно, и развивается данная фобия, проявляющаяся в разделении социальной реальности на «своих» и «чужих» [10]. Одним из важных аспектов ксенофобии является проявление враждебности по групповому признаку, в основе которой лежит идентификация принадлежности конкретного человека к инаковой группе. При этом исследователи обращают внимание на то, что в основе ксенофобии находится эмоциональное, иррациональное негативное отношение, проявляющееся в наличии предубеждений и предвзятости в отношении представителей инаковой группы.

Некоторые исследователи обращают внимание на близость ксенофобии и этноцентризма, однако зачастую проявления ксенофобии возникают не у конкретной этнической общности, а у множества людей, относящихся к разным народам, но испытывающих общее культурное воздействие, под влиянием которого у них формируется предубеждение к представителям определенного народа. Так, например, антисемитизм можно

рассматривать в качестве примера ксенофобии, притом, что антисемитами могут являться люди самых разных национальностей. В данном случае правомерна гипотеза о том, что определяющим аспектом ксенофобии является отличие, инаковость, однако существует две принципиально отличные друг от друга формы ксенофобии:

– индивидуальное неприятие иного (что может приобретать самые разные формы, в зависимости от того, какие критерии социальной идентификации субъект избирает в качестве определяющих);

– ксенофобия как воспроизводимая в культуре модель социального неприятия определенной группы или общности, которая определяется в качестве инаковой, чуждой.

В первом случае мы имеем дело с индивидуальным переживанием различий, порождающим неприятие, агрессию, непонимание и т.д. Во втором ксенофобия приобретает характер модели социального восприятия и отношения, которая может активно транслироваться, навязываться членам общества в форме идеологического воздействия и т.д. И в данном случае большое значение приобретает то, что определяющим аспектом ксенофобного социального отношения становится его объектность.

В социальной практике формы социального отношения, имеющие деструктивный характер, зачастую рассматриваются в неразрывной связи с протекающими из них социальными практиками, и в данном случае следует различать ксенофобию как социальное отношение (которое может иметь латентный характер) и проявления ксенофобии, которые по большей части связаны с ущемлением прав, интересов и возможностей социальной группы, воспринимаемой в качестве инаковой. И в данном случае целесообразно проанализировать вопрос о том, как соотносятся между собой ксенофобия и дискриминация.

Исследователи определяют социальную дискриминацию как умышленное лишение определенного человека или группы людей привычных прав и свобод по сравнению с другими субъектами взаимодействия [4]. При этом дискриминация рассматривается как умышленное, конструируемое в социальной среде неравенство между членами общества, формируемое по определенному критерию (который, собственно, и является основанием для разделения общества на неравноправные группы). Если ксенофобия – это форма социального отношения к членам инаковой группы, то дискриминация – социальная практика ущемления представителей определенной группы, которая необязательно выделяется по признаку культурной или этнической инаковости. Так, одним из широкоизвестных примеров дискриминации является ущемление прав женщин (дискриминация по гендерному признаку), также выделяют эйджизм (дискриминация по возрастному признаку), дискриминацию инвалидов, расизм и т.д. Важнейшим аспектом теоретического определения дискриминации является то, что это именно социальная практика, в результате которой происходит

ущемление представителей определенной социальной группы. В этом контексте, рассматривая соотношение ксенофобии и дискриминации, мы можем прийти к выводу о том, что это нетождественные, однако взаимосвязанные категории: ксенофобия как отношение может порождать социальные практики, конституирующие неравенство в обществе по определенному признаку; в свою очередь, дискриминация может базироваться на различных идеологических основаниях, в связи с чем можно судить о том, что область проявления ксенофобии уже, нежели совокупность форм дискриминации.

Рассмотрим специфику русофобии как теоретической категории и социального явления. Русофобия – это идеология неприятия России и всего, что с ней связано, начиная с государственной политики и заканчивая сферой культуры. Если рассматривать содержательную составляющую русофобии как формы отношения, основанной на процессах социальной идентификации, несложно заметить размытый характер критериев идентификации объекта неприятия, основанный во многом на недостаточно развитом знании того, каковы государственные границы Российской Федерации, какие народы ее населяют, какова культура русского народа и т.д. Показательны в данном отношении случаи, когда гонениям в западных странах в связи с общественным резонансом, вызванным специальной операцией в Украине, подвергались армяне, молдаване и в том числе этнические украинцы, ошибочно принимаемые за русских. В этом отношении в качестве исходного фактора формирования образа «чужих» видится политический аспект, связанный с целенаправленной дискредитацией Российской Федерации как государства, реализуемой комплексно – через заведомо негативное рассмотрение государственной политики российской власти, искаженное восприятие русской культуры и в том числе через формирование образа русского населения как своеобразных варваров. Отсюда – размытые критерии определения объекта негативного отношения (носители русской культуры, россияне, этнические русские, жители постсоветского пространства) и возникающие в связи с этим казусы. При этом следует отметить, что развертывающаяся тенденция развития русофобии – это прежде всего процесс, реализуемый на уровне общественного сознания ряда западных стран, связанный с культивированием страха и неприятия в отношении людей, имеющих какое-либо отношение к России. В свою очередь ситуации притеснения россиян и этнических русских в западных странах – это проявление русофобии, выраженное, по сути, в практиках дискриминации.

Таким образом, мы приходим к пониманию того, что по всем основным признакам русофобия является собой разновидность ксенофобии, при этом ее социальные проявления уже представляют собой социальную дискриминацию по этнокультурному и социально-политическому признакам.

Здесь хотелось бы обратить внимание на важный момент правового плана, который зачастую упускается из виду. Выше мы рассмотрели, с одной стороны, социокультурную определенность

руссофобии, связанную с формированием негативного образа «чуждого», экстраполируемого на россиян, и одновременно с этим обосновали, что руссофобия по ряду признаков может квалифицироваться как ксенофобия, а способ ее проявления в социальной практике состоит в дискриминации россиян и представителей этнически русского населения других стран по этнокультурному и социально-политическому признакам. Вместе с тем существует ряд важных моментов правового плана, которые определяют недопустимость руссофобии с точки зрения законодательства тех стран, на уровне которых в настоящее время она получает активное развитие и распространение.

Прежде всего следует отметить, что в Европейской Конвенции по правам человека, которая была принята в 1953 году и которую в дальнейшем ратифицировали страны Совета Европы, в ст. 14 отмечается недопустимость дискриминации, как один из основополагающих принципов реализации прав человека. Иными словами, сам факт ратификации Конвенции странами-участниками договора, по сути, определяет необходимость такого правового регулирования со стороны руководства данных стран, которое обеспечило бы выполнение данной нормы. В свою очередь, обозначенная норма легла в основу конституционного права ряда государств. В частности, текст Конституции Германии, в которой имела место существенная доля из описанных выше притеснений в отношении россиян и этнически русских, (ст. 3) содержит следующее положение: «Никому не может быть причинен ущерб или оказано предпочтение вследствие его пола, его происхождения, его расы, его языка, его места рождения и родства, его вероисповедания, его религиозных или политических воззрений. Никому не может быть причинен ущерб вследствие имеющихся у него недостатков» [5]. Таким образом, практика дискриминации, основанная на руссофобии, противоречит одному из ключевых законов государства, что требует со стороны последнего соответствующей реакции, направленной на подавление неконституционного поведения носителей руссофобного поведения. Вместе с тем текущая практика показывает отсутствие должной правовой реакции на неконституционное

Литература:

1. «Мы будем отлавливать ваших детей по всему миру»: Как Запад захлестнула волна руссофобии и агрессии против русских // Новостной портал Life.ru. URL : <https://life.ru/p/1480050> (дата обращения 05.06.2022).
2. В соцсетях появились сообщения о притеснении русских за границей // Известия. URL : <https://iz.ru/1299137/video/v-sotcsetiakh-poiavilis-soobshcheniia-o-pritesnenii-russkikh-za-granitcei> (дата обращения 05.06.2022).
3. *Ильин А.Н.* Руссофобия как идеологический тренд в информационном пространстве Запада / А.Н. Ильин // Свободная мысль. 2020. № 1. С. 23–34.

поведение людей, осуществляющих дискриминирующее поведение в отношении россиян. И это является важным и очень опасным прецедентом, характеризующим несоблюдение странами, поддерживающими различные проявления недовольства Российской Федерацией и ее политическим курсом, собственных конституционных норм и тех положений международного права под которыми они ранее подписались. Такого рода выборочное следование нормам международного права несет риски не только для россиян, но прежде всего для жителей тех стран, в которых при попустительстве представителей власти могут быть реализованы социальные практики откровенно незаконного характера.

Таким образом, мы приходим к пониманию того, что практики развития ксенофобии в странах Запада, направленные на россиян и проживающих в этих странах представителей русского этноса, несут угрозу не только по отношению к нашим соотечественникам, но и по отношению к самим жителям стран, на уровне которых происходит развитие ксенофобии и основанных на ней дискриминационных практик. Фактически речь идет о прецеденте нарушения основополагающих правовых норм, а именно несоответствии социальной практики действующим нормам права, вызванном политическими факторами и нелокализованным представителями власти стран Запада. Несмотря на то, что в настоящее время риски, которые возникают ввиду сложившейся ситуации, ощущают на себе прежде всего россияне, сама по себе проблема несет угрозу всему правовому и социально-политическому укладу западных стран, поскольку речь идет о подрыве основополагающих устоев цивилизованного демократического общества. Политическая целесообразность в указанных странах стала доминировать над законностью [8, 9], что привело к разбалансировке взаимосвязи интересов граждан, общества и государства в социокультурном контексте, а также попранию естественных прав, вытекающие из естественной сущности человека, носящего в нормативном выражении установленный минимум прав для осуществления полноценной жизнедеятельности.

Literature:

1. Messages appeared in social networks about the oppression of Russians abroad // Izvestia. URL : <https://iz.ru/1299137/video/v-sotcsetiakh-poiavilis-soobshcheniia-o-pritesnenii-russkikh-za-granitcei> (date of the application 06/05/2022).
2. Messages appeared in social networks about the oppression of Russians abroad // Izvestia. URL : <https://iz.ru/1299137/video/v-sotcsetiakh-poiavilis-soobshcheniia-o-pritesnenii-russkikh-za-granitcei> (date of the application 06/05/2022).
3. *Ilyin A.N.* Russophobia as an ideological trend in the information space of the West / A.N. Ilyin // Free Thought. 2020. № 1(1679). P. 23–34.

4. *Накашидзе Д.Д.* Социальная дискриминация. Анализ понятия с точки зрения ведущих социологов / Д.Д. Накашидзе // Вестник Науки и Творчества. 2016. № 8. С. 158–163.

5. Основной закон Федеративной Республики Германии // Правовая библиотека Legalns.com. URL : <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf> (дата обращения 05.06.2022).

6. Россиян массово увольняют с работы в Европе. Этим возмущаются даже за рубежом // Телеканал 360. URL : <https://360tv.ru/news/tekst/voz-muschajutsja-za-rubezhom/> (дата обращения 05.06.2022).

7. Россияне не имеют права на лечение? Запад отказывает выходцам из России в медпомощи // Федеральное агентство новостей. URL : https://riafan.ru/22600575-rossiyane_ne_imeyut_prava_na_lechenie_zapad_otkazivaet_vihodtsam_iz_rossii_v_medpomoschi (дата обращения 05.06.2022); Клиника в Мюнхене отказалась лечить россиян и белорусов // Известия. URL : <https://iz.ru/1302908/2022-03-10/klinika-v-miunkhene-otkazalas-lechit-rossii-i-belorusov> (дата обращения 05.06.2022).

8. *Тхабисимова Л.А.* Конституционная законность: понятие, содержание и проблемы обеспечения / Л.А. Тхабисимова, А.В. Урумов // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции (г. Краснодар, 17 мая 2019 г.). Краснодар : КрУ МВД России, 2019. С. 63–69.

9. *Урумов А.В.* Современная трактовка законности: понятие, сущность и содержание / А.В. Урумов // Вопросы государства и права: сборник научных статей. Краснодар : КрУ МВД России, 2018. С. 103–110.

10. *Шевченко О.М.* Ксенофобия как предмет теоретической рефлексии в социальном познании / О.М. Шевченко // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 11. С. 104–111.

4. *Nakashidze D.D.* Social discrimination. Analysis of the concept from the point of view of leading sociologists / D.D. Nakashidze // Bulletin of Science and Creativity. 2016. № 8(8). P. 158–163.

5. Basic Law of the Federal Republic of Germany / Legalns.com Legal Library. URL : <https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf> (date of the application 06/05/2022).

6. Russians are massively fired from their jobs in Europe. This is outraged even abroad // Telekanal 360. URL : <https://360tv.ru/news/tekst/voz-muschajutsja-za-rubezhom/> (a date of the application 06/05/2022).

7. Russians do not have the right to treatment? The West refuses medical assistance to immigrants from Russia // Federal News Agency. URL : https://riafan.ru/22600575-rossiyane_ne_imeyut_prava_na_lechenie_zapad_otkazivaet_vihodtsam_iz_rossii_v_medpomoschi (date of access: 06/05/2022); The clinic in Munich refused to treat Russians and Belarusians // Izvestia. URL : <https://iz.ru/1302908/2022-03-10/klinika-v-miunkhene-otkazalas-lechit-rossii-i-belorusov> (date of the application 05.06.2022).

8. *Thabisimova L.A.* Constitutional legality: concept, content and problems of ensuring / L.A. Thabisimova, A.V. Urumov // Law and the State: problems of methodology, theory and History: materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference (Krasnodar, May 17, 2019). Krasnodar : KrU of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. P. 63–69.

9. *Urumov A.V.* Modern interpretation of legality: concept, essence and content / A.V. Urumov // Issues of state and law: collection of scientific articles. Krasnodar : KrU of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. P. 103–110.

10. *Shevchenko O.M.* Xenophobia as a subject of theoretical reflection in social cognition / O.M. Shevchenko // Social and humanitarian knowledge. 2013. № 11. P. 104–111.

Богданова Оксана Владимировна

кандидат социологических наук,
генеральный директор,
Первый консалтинговый институт
социально-экономического развития
oksanavelo9@bk.ru

Oksana V. Bogdanova

Candidate of Sociological Sciences,
General Director,
First Consulting Institute
of Socio-Economic Development
oksanavelo9@bk.ru

**ОНЛАЙН ОБУЧЕНИЕ КАК РЕСУРС
ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

**ONLINE LEARNING AS A RESOURCE
FOR IMPROVING THE EFFECTIVENESS
OF ADDITIONAL EDUCATION**

Аннотация. В статье анализируются ресурсные возможности онлайн обучения как источника повышения эффективности дополнительного образования. Даются авторские определения понятий «дополнительное образование», «онлайн обучение», «эффективность». Устанавливаются связи между ними, и формируется авторский категориальный аппарат. Утверждается, что возможности онлайн обучения в сфере дополнительного образования выросли под воздействием стремительного изменения рынка труда, совершенствования технических средств передачи информации на расстоянии и роста мотивации на обучение из-за потребностей в повышении квалификации и профессиональной переподготовки.

Annotation. The article analyzes the resource possibilities of online learning as a source of increasing the effectiveness of additional education. The author's definitions of the concepts of «additional education», «online learning», «efficiency» are given. Connections are established between and the author's categorical apparatus is formed. It is argued that online learning opportunities in the field of additional education have grown under the influence of the rapid changes in the labor market, the improvement of technical means of transmitting information at a distance and the growth of motivation for training due to the need for advanced training and professional retraining.

Ключевые слова: дополнительное образование, онлайн обучение, рынок труда, мотивация, эффективность, классическое образование, ресурсы.

Keywords: additional education, online training, labor market, motivation, efficiency, classical education, resources.

Введение.

Отношение к онлайн образованию в современном обществе неоднозначное. Истоки этого лежат на поверхности. Традиционно мы привыкли к тому, что образовательный процесс строится по линии прямой коммуникации педагога и ученика. При этом педагог (Учитель) исторически рассматривался как единственный или, во всяком случае, основной источник информации. А легализованная форма отношения к нему со стороны ученика долгое время позиционировалась, как подчеркнуто уважительная и не критическая. В социуме, где хранителем и источником распространения информации была печатная или даже рукописная книга, такая модель ролевого взаимодействия являлась оправданной. Тем более, что учитель если и не выступал в качестве автора книги, то был ее хранителем (переводчиком, интерпретатором), а это, в условиях ограниченной тиражности, ставило его в ассиметричное положение монополиста в определении истины. Обучающиеся были привязаны к конкретному месту, где находилась постоянная локация образовательного процесса. В Западной Европе таким местом долгое время были университеты.

В них совместно проживали преподаватели и студенты, чем союз собственно и породил образовательный универсум, университет. Здесь же находились и наиболее крупные библиотеки.

Иной образовательной модели социум не знал, пока развитие средств коммуникации не сделало возможным передачу информации на расстоянии. Вначале это были почтовые сообщения, затем использование магнитных пленок и компакт-дисков. Так было, пока не началась эпоха интернета.

В какой-то момент, особенно, в период наиболее острой фазы пандемии COVID-19, показалось, что наступает конец эпохи классической школы. Сейчас очевидно, что подобные мысли следует признать преждевременными. Контактное обучение ещё не выработало весь свой ресурс. И это касается, в первую очередь, обучения молодежи во время закладки фундаментальных основ образованности. Однако мы живем в эпоху стремительных перемен, всё возрастающего значения инноваций, а это ставит на повестку дня вопрос о необходимости дополнительного образования.

Можно предположить, что именно оно никак не обойдется без новых потенциальных

возможностей, которыми обладает онлайн обучение. Оценка этих возможностей в применении к представленному виду образования формирует цель нашего исследования.

Дополнительное образование: его особенности и отличия от классического обучения.

П. 1 ст. 76 Федерального закона «Об образовании» определяет, что дополнительное профессиональное образование направлено на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей, профессиональное развитие человека, обеспечение соответствия его квалификации меняющимся условиям профессиональной деятельности и социальной среды». В этом определении вся суть дополнительного образования. Оно необходимо для того, чтобы обеспечить реализацию потребности в переобучении или повышении квалификации в рамках уже полученного образования. Неслучайно, что в другой части процитированной статьи говорится о том, что к получению дополнительного образования допускаются только те лица, которые уже имеют среднее (высшее) профессиональное образование или находятся в процессе его получения, то есть где-то официально учатся. Важно также обратить внимание на выделяемые в Законе условия, определяющие особенности дополнительного профессионального образования. Специально подчеркивается, что потребность в нем возникает в том случае, когда имеет место изменение условий для работы по той или иной профессии, или существенным образом меняются социальные отношения («социальная среда»), оказывающая иной порядок воздействия на профессиональную деятельность.

Всё перечисленное определяет три особенности дополнительного образования, которые разительным образом отличают его от классического.

Во-первых, оно имеет природу, производную от классического образования [5]. То есть, оно, по своей сущности, не самостоятельное. Когнитивные, информационные, инновационные возможности дополнительного образования комплементарны к уже имеющемуся образовательному базису. Это не фундаментальное образование. Оно закладывается как надстройка к уже имеющейся образовательной конструкции. Как дополнение к чему-то, полученному ранее в бакалавриате, специалитете, магистратуре.

Во-вторых, данный тип образования представляет из себя реакцию на вызов из социальной или профессиональной среды [1]. Мы живем в динамично развивающееся время и трудно представить, чтобы знания, полученные когда-то в классических университетах, могли эффективно эксплуатироваться на протяжении всей профессиональной деятельности. Подобная невозможность очевидна для всех профессий, хотя, конечно, в каких-то из них потребность в новых знаниях будет ощущаться более или менее остро, чем в других видах профессиональной деятельности. Знания могут устареть даже в момент обучения: либо из-за качественного скачка в трансформации профессии, либо вследствие некачественного

преподавания. Поэтому Закон позволяет получить дополнительное образование непосредственно уже во время профессионального обучения. Но, нетрудно понять, что наиболее актуальная потребность в переобучении или повышении квалификации возникает спустя некоторый промежуток времени после получения диплома.

В-третьих, дополнительное образование приобретает особые содержательные контуры по сравнению с классическим, с точки зрения особенностей самих обучающихся. В классических университетах, как правило, учатся вчерашние школьники. Университетские профессора, выстраивая учебный процесс, стараются интегрировать студентов в непрерывный образовательный поток, объединяющий среднюю школу и вуз, играя на привычке обучающихся к учебе ещё с детского возраста. В условиях социальной незрелости и проблем с мотивацией – это единственная возможность дать понять вчерашним детям, считающих себя взрослыми, зачем им нужно учиться. Иное дело образование дополнительное. Оно, как правило, выбирается самостоятельно, без внешнего давления [4]. Обучение проходят уже люди взрослые, четко понимающие, зачем им это надо и какие результаты в качестве идеальной желаемой цели они ходят получить вместе с дипломом о повышении квалификации или переобучении. Таким образом, дополнительное образование характеризуется принципиально иным субъектным составом.

Подводя промежуточный итог, можно сказать, что дополнительное образование имеет комплементарный характер по отношению к классическому, содержательно выстраивается на фундаменте классического образования и адресовано высоко мотивированному контингенту обучающихся, чья профессиональная деятельность нуждается в повышении квалификации или переобучении из-за изменившейся социальной ситуации и утрате актуальности имеющихся профессиональных знаний, умений и навыков.

Ресурсы онлайн обучения для повышения эффективности дополнительного образования.

Дать однозначное определение онлайн обучению непросто [2]. Трудности порождаются уже на этапе формулировки дефиниции. Одна из причин указанных затруднений состоит в том, что на практике сложилось несколько весьма непохожих друг на друга образовательных практик, каждая из которых идентифицируется с онлайн обучением. Это всевозможные вебинары в режиме синхронного обучения, прослушивание записанных видео роликов (мини-лекций), электронное тестирование, обучение на платформах MOOCs, подключение к электронным тренингам и программам симулярам [3]. Совершенно очевидно, что онлайн обучение в том качестве, в каком оно представлено сейчас в научном и общественном дискурсах, нельзя считать корректным термином. Этот вопрос нуждается в дополнительном рассмотрении, т.к., сформировавшаяся научная традиция, чрезвычайно объемна и только ещё ждет тех ученых, которые смогут создать в имеющемся

хаосе необходимый для ее плодотворного изучения порядок. Мы же, на данном этапе, будем исходить из того, что онлайн обучение реализуется исключительно через систему Интернет, нуждается в специальных телекоммуникационных программах и зависит от поставщиков качественного информационного контента, что не позволяет ему развиваться изолированно, или вопреки, или с поглощением исторически сложившегося классического образования. Онлайн обучение столь же производно от фундаментального образования, обеспечиваемого университетами, как и само дополнительное образование.

Здесь в пору поставить вопрос о том: Имеются ли у онлайн образования ресурсы, необходимые для обеспечения эффективности дополнительного образования на столь же качественном уровне, как и у аудиторной модели, традиционно применяемой в классическом обучении?

Измерить эффективность образования достаточно непросто. В науке сложилось несколько подходов к данной проблематике [6]. Если все имеющиеся позиции свести к противоположным, применив прием категоризации, то можно будет выделить две основные. С точки зрения первой, эффективность наступает тогда, когда достигаются цели образовательной деятельности, а ресурсы, применяемые для их достижения, расходуются в объемах, не превышающих разумные. В соответствии со вторым пониманием, эффективность можно свести к удовлетворенности результатами полученного образования.

На самом деле, противоположность между представленными подходами сугубо условная. Она проистекает от необходимости применять разные исследовательские процедуры, посредством которых устанавливается искомая эффективность. Так, эффективность, идущая от цели и рационального использования ресурсов, требует учета целевых ориентаций всех заинтересованных субъектов, тщательного исследования их ресурсных возможностей, субъективной готовности их затрат на решение частных задач и достижение стратегических целей, соизмерения отдельных мнений об условной разумности и т.п.

Второй вариант в понимании эффективности предполагает установление значимых сфер и компонентов образовательной деятельности, и последующее сведение индивидуальных оценочных рейтингов применительно к сферам и компонентам, полученным по шкале удовлетворенности. Сюда можно отнести качество и достаточность информационных программ, компетентность ППС, вежливость персонала, предлагаемые к изучению дисциплины и т.п.

Ответить на поставленный выше вопрос, на данном этапе, можно лишь гипотетически. Мы не сторонники замены классического образования моделью онлайн, но применительно к дополнительному образованию ответ на него следует дать положительный.

Обоснование кроется в трех выделенных выше особенностях дополнительного образования,

резко отличающего его от исторически сложившихся образовательных форм.

Первая особенность: комплементарность дополнительного образования по отношению к классическому. Онлайн обучение не подменяет аудиторное. Оно лишь встраивается в образовательную систему там, где способно решать свои частные задачи. То есть, оно такое же комплементарное к аудиторному, как дополнительное образование к классическому обучению. На основе онлайн невозможно обучать детей и тех взрослых, в когнитивную структуру которых не заложен необходимый образовательный фундамент. Наличие же такового позволяет решать сложные интеллектуальные операции, в том числе с помощью электронных средств коммуникации.

Вторая особенность: целевая акцентированность дополнительного образования на изменение социальной ситуации на рынке труда, включая появление новых профессий. Мы живем во времена, когда стремительно меняется социальная картина нашей жизни, включая ее профессиональный спектр. Появляются новые профессии, исчезают старые. Вместе с тем, возникает потребность в новых профессиональных компетенциях. Темпы изменений стремительные. В этих обстоятельствах, нужен адекватный по скорости ответ возникшим вызовам. Традиционная образовательная система не всегда способна гибко реагировать на запросы рынка. Но эту функцию вполне способно выполнить дополнительное образование, деятельность которого окажется ещё в большей степени эффективной, если применять дистанционные образовательные технологии и электронные средства передачи информации.

Третья особенность: высокомотивированный контингент обучающихся. Главной проблемой онлайн обучения обычно определяют снижение уровня мотивации со стороны школьников и студентов. Механизмы этого процесса понятны, и здесь мы не считаем необходимым их объяснять. Более актуальным представляется вопрос о том: Насколько мотивированы слушатели в системе дополнительного образования, особенно, в сравнении со студентами бакалавриата, специалитета и магистратуры. Поскольку, большей частью, они уже люди достаточно взрослые и в процессе обучения решают вопросы имеющие для них практическую ценность, то можно допустить наличие у слушателей и более высокого уровня мотивации. Это – тоже гипотеза, и она также нуждается в эмпирическом подтверждении.

Выводы.

Развитие информационных технологий, новые возможности дистанционно передавать информацию, наметившиеся тесные связи в сотрудничестве между классическими университетами и стремительно растущими образовательными интернет-платформами может вдохнуть новый импульс к развитию дополнительного образования. Оно становится более доступным, что, в целом, является важнейшим атрибутом онлайн обучения как сравнительно новой формы образования. В

современных условиях, когда происходит трансформация рынка труда, исчезают старые и появляются новые профессии, дополнительное образование выступает едва ли не единственной институционально оформленной социальной сферой, где возможно в сравнительно короткие сроки получить повышение квалификации и осуществить профессиональную переподготовку.

Литература:

1. *Воронин В.Н.* Роль дополнительного профессионального образования в системе непрерывного образования / В.Н. Воронин // Стандарты и качество. 2021. № 3. С. 63–69.
2. *Ковалев В.В.* Качество высшего образования в России: когнитивные ресурсы онлайн-обучения / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов, А.В. Лацвеева // Наука. Культура. Общество. 2022. № 2. С. 57–69.
3. *Ковалев В.В.* Оценка качества онлайн образования (по материалам фокусированных интервью в студенческих группах) / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов, К.В. Воденко // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). 2020. Т. 13. № 3. С. 6–14.
4. *Логинова Е.В.* Роль дополнительного профессионального образования в обеспечении конкурентоспособности системы образования / Е.В. Логинова // Научно методический журнал Поиск. 2019. № 3. С. 4–6.
5. *Торшина Д.Е.* Непрерывное образование педагога дополнительного образования / Д.Е. Торшина // Педагогическое образование. 2022. Т. 3. № 4. С. 178–181.
6. *Штеле Е.А.* К вопросу о понятии «эффективность» / Е.А. Штеле, О.Б. Вечерковская // Экономический анализ: теория и практика. 2017. Т. 16. № 5. С. 935–947.

Инструментом, повышающим эффективность функционирования дополнительного образования, является онлайн обучение. Оно предоставляет высоко мотивированным слушателям реализовать свои образовательные потребности в комфортных условиях и с затратой минимума ресурсов.

Literature:

1. *Voronin V.N.* The role of additional professional education in the system of continuous education / V.N. Voronin // Standards and Quality. 2021. № 3. P. 63–69.
2. *Kovalev V.V.* Quality of Higher Education in Russia: Cognitive Resources of Online Learning / V.V. Kovalev, A.V. Dyatlov, A.V. Latsveeva // Nauka. Culture. Society. 2022. № 2. P. 57–69.
3. *Kovalev V.V.* Assessment of online education quality (based on the materials of focused interviews in student groups) / V.V. Kovalev, A.V. Dyatlov, K.V. Vodenko // Bulletin of South Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute). 2020. Vol. 13. № 3. P. 6–14.
4. *Loginova E.V.* The role of additional professional education in ensuring the competitiveness of the education system / E.V. Loginova // Scientific and Methodical Journal Search. 2019. № 3. P. 4–6.
5. *Torshina D.E.* Continuous education of supplementary education teacher / D.E. Torshina // Pedagogical Education. 2022. Vol. 3. № 4. P. 178–181.
6. *Shtele E.A.* To the question of the concept of «efficiency» / E.A. Shtele, O.B. Vecherkovskaya // Economic Analysis: Theory and Practice. 2017. Vol. 16. № 5. P. 935–947.

Громакова Виктория Георгиевна

кандидат биологических наук,
доцент Института социологии
и регионоведения,
Южный федеральный университет
victoriagromakova@yandex.ru

Гафиатулина Наталья Халиловна

кандидат социологических наук,
доцент Института социологии
и регионоведения,
Южный федеральный университет
gafiatulina@yandex.ru

Васильева Алиса Александровна

преподаватель
Института социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет
vasile@sfedu.ru

**АГРЕССИВНАЯ ЦИФРОВАЯ СРЕДА
КАК ФАКТОР РИСКА ДЛЯ
СОЦИАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ
РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
УГРОЗЫ СОЦИАЛИЗИРУЮЩЕГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ**



Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу агрессивной цифровой среды как фактору риска для социализации российской молодежи и угрозы ее социальному здоровью. Социальное здоровье молодежи рассматривается как трехуровневая сложноорганизованная система, в которой отражаются биологический социально-нормативный и личностный уровни. Выделены угрозы, создаваемые агрессивной цифровой средой для социального здоровья молодого человека и риски киберсоциализации.

Ключевые слова: цифровая среда, агрессия, факторы риска, социальное здоровье, российская молодежь, угрозы, социализирующее воздействие.



Стремительное вхождение в повседневную жизнь общества компьютерных технологий и высокоскоростных средств связи, существенно изменяющих структуру и динамику социальных отношений, стало одним из глобальных вызовов современным социальным и политическим системам. В научном дискурсе появился специальный термин «цифровизация», обозначающий процесс распространения цифровых технологий на все сферы социального взаимодействия [1].

Эволюция цифровых технологий пошла по пути развития коммуникаций и становления и

Victoria G. Gromakova

Candidate of Biological Sciences,
Associate Professor
of Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
victoriagromakova@yandex.ru

Natalya Kh. Gafiatulina

Candidate of sociological science,
Associate Professor
of Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University
gafiatulina@yandex.ru

Alisa A. Vasilyeva

Lecturer of the Institute of Sociology
and Regional Studies,
South Federal University
vasile@sfedu.ru

**AGGRESSIVE DIGITAL ENVIRONMENT
AS A RISK FACTOR FOR SOCIAL HEALTH
OF RUSSIAN YOUTH:
THREATS OF SOCIALIZING IMPACT**



Annotation. The article is devoted to a sociological analysis of the aggressive digital environment as a risk factor for the socialization of Russian youth and a threat to their social health. The social health of young people is considered as a three-level complex system, which reflects the biological social normative and personal levels. The threats posed by an aggressive digital environment for the social health of a young person and the risks of cybersocialization are highlighted.

Keywords: digital environment, aggression, risk factors, social health, Russian youth, threats, socializing impact.



формирования нового социализирующего институционального пространства – цифровой социализации или киберсоциализации [2; 3]. С точки зрения одних исследователей, цифровая среда невероятно увеличивает возможности проявления человеческой свободы; с точки зрения других авторов – цифровая среда понимается как агрессивная. Даже в «Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы», утвержденной указом Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203, делается акцент на вполне очевидные опасности. И таких опасностей большое количество:

- формирование «клипового мышления», «порабощающего эвристические потенциалы человека»;
- создание геополитических, террористических, экстремистских и иных криминальных угроз;
- промышленный шпионаж;
- распространение сайтов, приводящих к суициду;
- оказание информационно-психологического воздействия» [4, с. 83].

Цифровая среда отрицает антропологические, социально-демографические и статусно-ролевые различия, что, так или иначе, депривирует личностное развитие и формирует риски для здоровья (физического, психического, духовного, социального) [5].

Понимание цифровой среды как агрессивной приводит к постановке фундаментальных проблем, связанных с выявлением перспектив, тенденций, закономерностей меняющегося общества. Обусловленные далеко не полностью контролируемой и управляемой цифровизацией, риски рассматриваются исследователями на макро- и микросоциальном уровнях.

Исследователи обращают внимание на то, что стремительные изменения даже созидательного характера, такие как технологический прогресс, способны приводить к социальной незащищенности и развитию социальных девиаций [4]. По образному выражению В.В. Шилова, «если Интернет станет неуправляемым, как ядерная реакция, вышедшая из-под контроля, последствия могут стать катастрофическими» [6]. В унисон высказывается и Г.Ю. Беляев, предупреждая о риске превращения цифровизации в одну из наиболее «социально острых и биологически значимых» глобальных проблем [7].

Цифровая среда, представленная социальными сетями, информационными каналами и электронными библиотеками, тематическими сайтами, профессиональными и любительскими интернет-сообществами, являясь социокультурной стороной цифровой революции, в настоящее время с полным основанием считается особым типом социальной среды [7], в которую, в значительной степени, переместилась профессиональная, учебная, досуговая коммуникация современного человека.

Цифровая среда, с одной стороны, через воздействие на социальные практики способна изменять институциональные нормы и правила [2], что для общества, переживающего период социальной трансформации, особенно актуально. С другой стороны, цифровая среда сама проявляет признаки развивающегося социального института, в рамках которого происходит активное взаимодействие молодежи, что дает все основания рассматривать цифровую среду в качестве мощного агента социализации молодежи [8].

Разделяя точку зрения о том, что социализация человека продолжается всю жизнь, мы в данной

статье акцентируем внимание на молодежи как самой восприимчивой к цифровым технологиям, еще довольно пластичной в вопросах ценностно-нормативных ориентаций в плане становления личности. Мы рассматриваем российскую молодежь как самостоятельную социальную группу с набором сущностных качеств: ценностными ориентациями, субкультурой, установками и ожиданиями, и конечно, социальным самочувствием и социальным здоровьем [9].

Как подчеркивает И.В. Чернов, в условиях глобальной и молниеносной информатизации российского общества, «проблема сохранения социального здоровья молодежи начинает приобретать особое значение [10, с. 67].

Сегодня социологический дискурс определяет социальное здоровье молодежи как трехуровневую сложноорганизованную систему, в которой отражаются:

- биологический уровень, предполагающий саморегуляцию и эффективную адаптацию молодого человека к воздействиям среды, в том числе и цифровой;
- социально-нормативный уровень, в соответствии с которым, здоровье – это мера социальной активности, деятельного отношения и адекватного функционирования молодого индивида в обществе;
- личностный уровень – указывающий на становление личности в процессе ее социализации посредством эффективного взаимодействия индивида с обществом, при этом именно от состояния общества зависит как полноценное развитие, так и деформация личности молодого человека [10].

Социальное здоровье молодежи как социальной группы является индикатором жизнеспособности как социального организма (системы), возможностей роста и социально-экономического развития, рационального использования природных ресурсов и поддержания экологического и другого равновесия с окружающей природной и социальной средой.

И.В. Журавлева определяет социальное здоровье как состояние благополучия, рассматриваемое сквозь призму общественных отношений, ценностей, систему правовых, нравственных этических норм общественного устройства [11].

По мнению Л.В. Колпиной, социальное здоровье – это взаимоотношение человека с общественной средой, которое выражается в субъективной и объективной достаточности его социального статуса для реализации собственных целей, потребностей и ценностей в процессе социальной интеракции [12].

Не вызывает сомнений также и тот факт, что социальное здоровье во многом является одним из продуктов социализации, и здесь мы снова возвращаемся к социализирующему воздействию цифровой реальности как важнейшему компоненту современной социальной среды, поскольку

социализация личности/группы происходит не только в фактически существующей социальной реальности, но и в виртуальной цифровой среде. Данный процесс получил название киберсоциализации, в процессе которой происходит трансформация сознания и самосознания личности под воздействием агрессивной цифровой среды [3; 4; 5; 7; 10].

Агрессия-это понятие, «используемое для обозначения разнообразных видов и форм поведения» деструктивного характера; поведение, противоречащее нормам сосуществования людей, наносящее вред и приносящее физический или психосоциальный ущерб людям [13, с. 13]. К формам агрессивной коммуникации мы относили любые сообщения, несущие деструктивный заряд, как открытые (грубость, угрозы, оскорбления), так и скрытые (манипулятивные).

В условиях цифровой среды, когда информационные технологии формируют сетевую структуру общества, начинающую определять социальные взаимодействия, социальное здоровье российской молодежи как индикатор успеха и благополучия в обществе становится достижимым посредством личной осознанности, ответственности и активности индивида. Использование новых цифровых технологий порождает ряд противоречий, требующих комплексного исследования.

Как подчеркивает И.В. Чернов, цифровая среда формирует человека нового типа, получившего название «Homo informaticus», что кардинально модифицирует образ жизни молодых россиян и «несет в себе риски, связанные с негативным воздействием виртуальной реальности на социальное здоровье молодежи» [10, с. 70].

Анализ научной литературы позволил составить перечень угроз, создаваемых агрессивной цифровой средой для социального здоровья молодого человека. После обобщения и группировки данный перечень выглядит следующим образом:

1. Распространение деструктивных идей.

Более чем пяти миллиардная Интернет-аудитория оказалась привлекательным экспериментальным материалом для различного рода манипуляторов, которые отрабатывают на ней приемы идеологического воздействия [14]. При этом данную категорию угроз можно разделить на две разновидности:

– угрозы социально-политической направленности: распространение идей терроризма и экстремизма, межнациональной и межконфессиональной ненависти;

– угрозы индивидуально-психологической направленности: пропаганда патологических антисоциальных и разрушительных поведения, эстетизация насилия и суицида, распространение символики и мировоззренческих установок деструктивных религиозных культов и молодежных субкультур.

Результатом таких воздействий могут стать кризисы идентичности, утрата социально-

психологической связи с ближайшим социальным окружением, деструктивная переориентация жизненных целей, социализационные риски для социального здоровья молодежи, обусловленные свободой слова, массовостью и неразборчивостью контактов [15].

2. Прямая вербальная агрессия.

Как справедливо заметил В.В. Шилов, хамство и ненормативная лексика широко представлены в виртуальном пространстве. По результатам проведенного данным автором исследования [6], 33 % опрошенных молодых людей сталкивались с оскорблениями и запугиваниями в Интернете, 42 % признались в том, что самим доводилось оскорблять других пользователей. Для сравнения среди людей старшего возраста соответствующие показатели составили 10 % и 7 %, соответственно [6]. Следовательно, цифровая среда широко транслирует отнюдь не «здоровые» способы коммуникации, причем наиболее подвержена и восприимчива к ним именно молодежь.

3. Действия преступного характера.

Помимо того, что в цифровой среде создаются риски искаженного мировосприятия и транслируются образцы разрушительного поведения, несущие потенциал заражения аудитории деструктивными идеями и смыслами, она также является полем совершения деяний откровенно преступного характера, жертвой которых также может стать доверчивый и беспечный пользователь. Так, исследователи отмечают рост компьютерной преступности в кредитно-финансовой сфере, а также, связанной с нарушением конституционных прав и свобод, касающихся неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны [4].

4. Риски киберсоциализации, обусловленные характером представления информации в Интернете и опасностью примитивизации и дезорганизации когнитивных функций у молодежи на биологическом уровне социального здоровья (нарушение концентрации внимания, снижение умственной работоспособности, нарушения познавательных функций). На социально-нормативном уровне – в социальной сфере происходит нарушение коммуникативной функции: сужение круга друзей, либо обособление от сверстников и новых знакомств, нежелание раскрываться перед семьей, ограничение социальных контактов или утрата традиционных социальных связей в молодежной среде, а также – нарушение социальных норм [10]. В качестве основных рисков киберсоциализации на личностном уровне социального здоровья молодежи следует выделить: информационные перегрузки и психоэмоциональное напряжение, недоверие к окружающим, развитие личностной тревожности, подверженность депрессивному состоянию, а также – формирование Интернет-зависимости [16] и др.

5. Распространение продукции массовой культуры посредством цифровых информационных технологий является серьезной угрозой социальному здоровью молодежи, которая

ориентирована на невзыскательные духовно-нравственные «запросы современного человека; культивирование асоциального поведения, проявлениями которого являются насилие и нетерпимость, связанные с расовыми, национальными и религиозными различиями» [10, с. 72].

Таким образом, данный этап развития общества можно охарактеризовать как сложный и

Литература:

1. *Gafiatulina N.* Applying of information and communication technologies in the education process / N. Gafiatulina, N. Shishova, D. Volkova, I. Topchiy // In the collection: E3S Web of Conferences. 13. Series. «13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, Interagromash 2020». 2020. P. 15031.
2. *Володенков С.В.* Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы / С.В. Володенков // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 5. С. 341–364.
3. *Гафиатулина Н.Х.* Социальное здоровье в условиях киберсоциализации российской молодежи: к вопросу обеспечения информационной безопасности молодежи / Н.Х. Гафиатулина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 4. С. 28–31.
4. *Иванов Н.Г.* Правовое значение цифровой агрессии / Н.Г. Иванов // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 81–85.
5. *Власова В.Н.* Информационное общество как фактор влияния на социальное здоровье российской молодежи / В.Н. Власова // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 3. С. 43–52.
6. *Шилов В.В.* Роль интернета в политической сфере социума. / В.В. Шилов // Власть. 2019. № 1. Ч. 2. С. 75–82.
7. *Беляев Г.Ю.* Социально цифровая среда как источник новых возможностей и новых рисков для современного образования / Г.Ю. Беляев // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1. № 4(69). С. 109–123.
8. *Туронок С.* Интернет и политический процесс / С. Туронок // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 51–63.
9. *Галич Л.П.* Социальное самочувствие молодежи : монография. Мн., 2012. 160 с.
10. *Чернов И.В.* Социальное здоровье молодежи в условиях информационного общества / И.В. Чернов // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 11. С. 67–72.
11. *Журавлева И.В.* Отношение к здоровью индивида и общества / И.В. Журавлева; Ин-т социологии РАН. М., 2006. 238 с.

противоречивый процесс, несущий в себе угрозы традиционному социальному становлению молодежи, жизнедеятельность которой становится все более зависимой от процессов цифровизации. Социальная реальность становится частью виртуальной реальности, последняя, становясь агентом социализации молодежи, несет в себе серьезные риски и угрозы для ее социального здоровья.

Literature:

1. *Gafiatulina N.* Applying of information and communication technologies in the education process / N. Gafiatulina, N. Shishova, D. Volkova, I. Topchiy // In the collection: E3S Web of Conferences. 13. Series. «13th International Scientific and Practical Conference on State and Prospects for the Development of Agribusiness, Interagromash 2020». 2020. P. 15031.
2. *Volodenkov S.V.* Influence of Internet Communications Technologies on Modern Socio-Political Processes: Scenarios, Challenges and Actors / S.V. Volodenkov // Public Opinion Monitoring: Economic and Social Changes. 2019. № 5. P. 341–364.
3. *Gafiatulina N.Kh.* Social health in the conditions of cybersocialization of Russian youth: on the issue of ensuring the information security of youth / N.Kh. Gafiatulina // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2019. № 4. P. 28–31.
4. *Ivanov N.G.* Legal meaning of digital aggression / N.G. Ivanov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 2. P. 81–85.
5. *Vlasova V.N.* Information society as a factor of influence on the social health of Russian youth / V.N. Vlasova // Humanitarian of the South of Russia. 2022. Vol. 11. № 3. P. 43–52.
6. *Shilov V.V.* The role of the Internet in the political sphere of society / V.V. Shilov // Power. 2019. № 1. Part 2. P. 75–82.
7. *Belyaev G.Yu.* Socially digital environment as a source of new opportunities and new risks for modern education / G.Yu. Belyaev // Domestic and foreign pedagogy. 2020. Vol. 1. № 4(69). P. 109–123.
8. *Turonok S.* Internet and political process / S. Turonok // Social sciences and modernity. 2001. № 2. P. 51–63.
9. *Galich L.P.* Social well-being of youth : monograph. Mn., 2012. 160 p.
10. *Chernov I.V.* Social health of youth in the conditions of the information society / I.V. Chernov // Social and humanitarian knowledge. 2019. № 11. P. 67–72.
11. *Zhuravleva I.V.* Attitude to the health of the individual and society / I.V. Zhuravleva; Inst. of Sociology of the Russian Academy of Sciences. M., 2006. 238 p.

12. *Колпина Л.В.* Теоретико-методологические основы исследования социального здоровья личности. М. : СГУ, 2009.

13. *Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко [и др.].* Мн., 2003. 1312 с.

14. *Пэлфри Дж.* Дети цифровой эры / Дж. Пэлфри, У. Гассер; Пер. с англ. Н. Яцюк. М. : Эксмо, 2011. 368 с.

15. *Тaleb Н.Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. 2020. 2-е изд., доп. / Н.Н. Талеб Пер. с англ. // ЛитРес. URL : http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4234345

16. *Шаповалова И.С.* Влияние интернет-коммуникаций на поведение и интеллектуальное развитие молодежи / И.С. Шаповалова // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 148–151.

12. *Kolpina L.V.* Theoretical and methodological foundations of the study of the social health of the individual. M. : SGU, 2009.

13. *Sociology: Encyclopedia / Comp. A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko [et al.].* Mn. : 2003. 1312 p.

14. *Palfrey J.* Children of the digital age / J. Palfrey, W. Gasser; Transl. from English. N. Yatsyuk. M. : Eksmo, 2011. 368 p.

15. *Taleb N.N.* Black Swan. Under the sign of unpredictability. 2020. 2nd ed., add. / N.N. Taleb; Transl. from English // LitRes. URL : http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4234345

16. *Shapovalova I.S.* The influence of Internet communications on the behavior and intellectual development of young people / I.S. Shapovalova // Sociological research. 2015. № 4. P. 148–151.

Гутова Светлана Георгиевна

доктор философских наук,
профессор,
старший научный сотрудник
научно-исследовательской лаборатории
имитационного моделирования,
Нижевартовский
государственный университет
svetguts.07@mail.ru

Данилова Светлана Витальевна

кандидат экономических наук,
доцент,
старший научный сотрудник
научно-исследовательской лаборатории
имитационного моделирования,
Нижевартовский
государственный университет
svaprel@yandex.ru

Самохина Наталья Николаевна

кандидат философских наук,
доцент,
кафедра социально-гуманитарных наук
и туризма,
Нижевартовский
государственный университет,
студент магистратуры
«Современный социальный анализ»,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
natalia58@yandex.ru

Брянский Илья Николаевич

младший научный сотрудник
научно-исследовательской лаборатории
имитационного моделирования,
Нижевартовский
государственный университет
saint_f@mail.ru

**Молодежь в условиях севера:
социокультурные тенденции,
миграция и качество жизни**



Аннотация. В статье рассматриваются основные современные социокультурные и миграционные процессы в молодежной среде. На примере молодежи северного региона рассматривается положительная и негативная динамика, влияющая на условия жизнедеятельности, как отдельного региона, так и страны в целом. Особое внимание уделяется анализу сложившейся ситуации в регионе, его особым преимуществам и проблемам. Целью работы является анализ социокультурных оснований ключевых процессов, влияющих на молодежную миграцию. В

Svetlana G. Gutova

Doctor of Philosophy,
Professor,
Senior Research Officer at the Research
Laboratory of Simulation Modeling,
Nizhnevartovsk State University
svetguts.07@mail.ru

Svetlana V. Danilova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Senior Researcher Officer at the Research
Laboratory of Simulation Modeling,
Nizhnevartovsk State University
svdanilova@lenta.ru

Natalia N. Samokhina

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Department of Social Sciences
and Humanities and Tourism,
Nizhnevartovsk State University,
Graduate Student
«Modern Social Analysis»,
National Research University
«Higher School of Economics»
natalia58@yandex.ru

Ilya N. Bryansky

Associate Research Associate
Research Laboratory
Simulation Simulation,
Nizhnevartovsk State University
saint_f@mail.ru

**YOUTH IN THE NORTH:
SOCIOCULTURAL TRENDS,
MIGRATION AND QUALITY OF LIFE**



Annotation. The article deals with the main modern socio-cultural and migration processes in the youth environment. On the example of the youth of the northern region, positive and negative dynamics are considered that affect the living conditions of both a separate region and the country as a whole. Particular attention is paid to the analysis of the current situation in the region, its special advantages and problems. The purpose of the work is to substantiate the need to analyze the socio-cultural foundations of the key processes influencing youth migration. The article argues that in order

статье утверждается, что для выявления и описания основных тенденций развития региона необходимо, в первую очередь, исследовать условия жизни молодежи, ее потребности, интересы и ценности. Делается вывод о том, что молодежь Севера задает основные параметры социально-экономического и культурного портрета населения региона и поэтому изменения в динамике социокультурных и миграционных процессов позволяют находить своевременные решения основных проблем и более точно корректировать будущий образ северных городов.

Ключевые слова: молодежь, северный город, миграция, качество жизни, социокультурная ситуация, проблемы молодежи, региональная политика.



Введение.

Современная ситуация в мире во многом определяется интенсивными социокультурными и постоянно увеличивающимися миграционными процессами, которые становятся все более сложными и слабо контролируемыми как на уровне регионов, так и в масштабах целых государств. Пристальное внимание к преобладающим тенденциям в этой области обусловлено тем, что основные функции миграции связаны с перераспределением трудовых ресурсов, культурной интеграцией, изменением структуры городского и сельского населения, вопросами воспроизводства (рождаемости и смертности) и т.д.

Исследование социокультурных условий развития молодежи, напрямую связанное с понятием «качество жизни», а также, вовлеченность молодого поколения в современные миграционные процессы, вскрывают ряд проблем, возникающих как на региональном уровне, так и на территории всей страны. Особое внимание в этом вопросе необходимо уделить миграционным настроениям молодежи, которая является наиболее мобильной частью населения. Под миграцией населения предполагается рассматривать: «...сложный социальный процесс, тесно связанный с изменением экономической структуры и размещением производительных сил, с ростом социальной и трудовой мобильности населения» [1, с. 198].

Влияние социокультурных процессов на миграционное поведение молодежи.

Проблемы, с которыми сталкивается молодое поколение, могут иметь как специфический характер, так и общий для всех граждан данной страны. В частности, надо отметить, что миграционные потоки молодежи осуществляются крайне неравномерно, например, отток молодежи в сельской местности может привести к резкому снижению рождаемости в селах и старению населения. Еще одна проблема, с которой сталкиваются регионы, связана с перемещением молодежи из сельской местности в крупные города, что при определенных условиях может приводить к дополнительной нагрузке на инфраструктуру города. Как результат, данные процессы могут вызвать социально-бытовые, жилищные проблемы, а так же ряд иных сложностей, которые обычно связывают с

to identify and describe the main trends in the development of the region, it is necessary first of all to study the living conditions of young people, their needs, interests and values. It is concluded that the youth of the North sets the main parameters of the socio-economic and cultural portrait of the population of the region and therefore changes in the dynamics of socio-cultural and migration processes make it possible to find timely solutions to the main problems and more accurately adjust the future image of northern cities.

Keywords: youth, northern city, migration, quality of life, sociocultural situation, youth problems, regional policy.



интенсивной миграцией. В качестве одной из причин, вызывающей определенные проблемы в организации и налаживанию работы инфраструктуры города, можно обозначить: увеличение потоков «временной миграции». Например, если молодежь в конкретный период времени стремится в большие города на заработки, но при этом так и не становится основным трудовым ресурсом данного города, региона.

Особенное внимание хотелось бы обратить на возросшую опасность для страны и для отдельного региона, так называемого «интеллектуальный отток», в результате которого, существенная часть наиболее талантливой и профессиональной молодежи выбывает из страны на постоянное (или временное, но на длительный срок) место жительства в другие государства. Это сказывается, в целом, на развитии культуры, науки и всех отраслей производства, что в результате приводит к ряду негативных общекультурных и социально-экономических последствий для российского общества и особенно опасно для северных городов, где молодежь составляет «образованную прослойку» — культурный и интеллектуальный костяк. Поэтому, очевидно, что «утечка интеллекта» может рассматриваться как одна из серьезнейших проблем, затрагивающая вопросы безопасности российского государства и представляющая проблему для отдельных регионов, в результате чего, забота о формировании активного и патриотично настроенного подрастающего молодого поколения становится одной из важнейших стратегических задач развития страны.

Специфика молодежных проблем в современной России напрямую связана с общими тенденциями и переменами в нашем обществе, она обусловлена как политическими, так и экономическими последствиями перехода к новому социальному устройству. Формирование новых социальных институтов еще не завершено, поэтому общество только учиться защищать интересы молодежи. В такой сложной ситуации очень важно внимание общественности к проблемам молодежи. Государство активно пытается решать молодежные проблемы путем развития молодежной политики, создания целого комплекса государственных программ, способствующих максимальному включению молодых людей в жизнь общества. Как показывает опыт, тех мер, которые планирует



государство по решению молодежных проблем, как правило, недостаточно, поскольку успеть за переменами в нашей жизни сегодня практически невозможно. В сложившейся ситуации нужен активный поиск новых и альтернативных путей решения проблем молодежи. В качестве предложения поступает множество интересных решений, так, например Т.Е. Демидова отмечает: «безусловно, абсолютно необходимы государственные гарантии трудоустройства людей, вступающих на свой трудовой путь. Возможно целесообразно возродить установленное на уровне закона правило, запрещающее увольнение молодого специалиста в течение первых трех лет его работы на данном предприятии [5, с. 26–27].»

Важно отметить, что в сфере экономических отношений молодежь, будучи важным трудовым ресурсом, стремится, как можно раньше участвовать, активно расширяя поле деятельности и внося максимум инноваций и конкуренции в жизнь региона и страны. Но, в тоже время, в различных отраслях экономики по-разному относятся к молодежи и, следовательно, на рынке труда образуется неравномерность в отношении резко помолодевшей безработицы. В северных городах, например, она может быть резко выражена в тех отраслях, которые менее значимы для инфраструктуры города или даже совсем не развиты, например, сфера досуга, туризма, науки и т.д. Однако в сфере услуг и предпринимательства присутствует довольно существенный вклад именно молодых работников. Гораздо меньше молодежи занято в государственном и муниципальном управлении и в целом в социальной бюджетной сфере.

Такая ситуация может привести к потере ответственности в кадровом обеспечении, сделать невозможным реформирование и привести к системному кризису в социальной сфере. Кроме того, нарастают противоречия между «объективно пожилой» по кадровому составу социальной сферой и относительно молодой сферой предпринимательства, что ведет к частичному уклонению представителей бизнес структур от заинтересованного подхода и ответственности за сферу социальных отношений и социальных гарантий. Несколько сглаживает проблемы неравномерного распределения на рынке труда работа, которая проводится в области демографии, связанная с появлением новых мер социальной поддержки молодых семей, задействованием новых рычагов, улучшающих в целом качество жизни молодежи, таким как здравоохранение, образование, жилищное строительство.

Если рассматривать причины перемещения молодежи из северных регионов в центральную часть страны, то можно зафиксировать несколько важных тенденций:

- во-первых, это ориентация на материальное благополучие и одновременно возможность сделать карьеру;
- во-вторых, это связано с уровнем и качеством жизни, включающем развитую инфраструктуру (образование, здравоохранение, досуг и т.д.).

Огромное значение для молодежи имеет и благоустроенная городская среда, уровень комфорта в целом, транспортные возможности. В работе Е.В. Фахрутдиновой, Д.В. Юркова, посвященной анализу качества жизни в субъектах РФ делается вывод, что для миграционного настроения молодежи, как и для большинства российского населения, характерно экономически рациональное поведение, которое не связано с непредсказуемостью и серьезными рисками. Поэтому большая часть предпочитает мигрировать внутри собственного региона [22, с. 368].

Проблемы молодежи северных регионов.

Очевидно, что анализировать социокультурные и миграционные процессы, протекающие на региональном уровне не менее важно, чем на общероссийском уровне, поскольку между ними существует прямая взаимосвязь. Рассматривая особенности развития северных регионов, в качестве примера остановимся на некоторых тенденциях в развитии молодежной миграции в ХМАО-Югре. Северные регионы всегда заметно отличались своей миграционной политикой, которая, в первую очередь, была связана с привлечением трудовых ресурсов (вахтовый метод работы) и только затем уже подтягивалась остальная инфраструктура. Ханты-Мансийский округ в настоящее время является одним из наиболее значимых и успешных регионов по многим ключевым показателям. Данный регион обладает своей культурной и социально-экономической спецификой. В округе создаются уникальные условия для развития и внедрения инноваций во всех сферах жизнедеятельности. В тоже время отмечается, что: «... наибольшая продолжительность жизни наблюдается в ХМАО и ЯНАО, что определяется особенностями половозрастной структуры населения, где преобладает население трудоспособного возраста, занятое в добывающих и обрабатывающих отраслях промышленности» [15, с. 68].

Миграционная политика Ханты-Мансийского автономного округа Югры составляет неотъемлемую часть демографической политики и является механизмом целенаправленного воздействия на социальные и миграционные процессы, происходящие на территории автономного округа. В целом, тенденции миграционной динамики населения в Югре характеризуются повышенной интенсивностью миграционных потоков, что имеет прямое отношение и к молодежи. «Демографическое равновесие Севера является абсолютно неустойчивым, каждое изменение ситуации влечет изменение определенных инструментов, отражающих специфику северных территорий, включая возрастную и этнический состав населения, организацию трудовой деятельности, социально-экономические возможности развития каждого региона» [14, с. 188]. Для более эффективного социально-экономического развития северных регионов необходимо выйти на соответствующий «уровень баланса трудовых ресурсов», что в свою очередь связано с решением проблем оттока трудоспособного населения, особенно молодежи [14, с. 188–189].

Наметившиеся, в целом по стране, с началом нового века тенденции к снижению положительного механического прироста населения вызывают серьезную озабоченность, поскольку они могут привести к существенному отрицательному значению. Если говорить о развитии региона, то убыль населения, в том числе, может быть обусловлена внутренней миграцией, связанной с процессом выравнивания уровня жизни в субъектах РФ и резким оттоком молодежи в центральную часть страны. В тоже время, положительные показатели миграционного и естественного приростов остаются в округе основными факторами, определяющими рост численности населения [8].

Приоритетным для региональной политики является работа в области повышения эффективности миграционной политики на всех уровнях (федеральном и региональном), которая должна быть ориентирована на комплексный подход, учитывающий возможности задействования всех механизмов, в том числе, социальных, финансовых, правовых и других. Необходимо учитывать, что трудовая миграция продолжает оказывать влияние на жизнь региона, однако, что касается молодежи, то здесь очевидно преобладает часть населения, постоянно проживающая на территории округа. Исследования показывают, что: «Рынок труда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры является привлекательным как с точки зрения инвестора, работодателя, так и с точки зрения соискателя работы» [20, с. 73].

В последние годы стало заметно, что миграционные процессы уже в меньшей степени влияют на формирование населения ХМАО-Югры. Так называемые, вахтовые мигранты и те, кто ориентированы на временный характер работы в настоящее время составляют незначительную часть жителей региона. В тоже время, округ остается регионом, который, в основном, имеет положительный прирост населения, в том числе, за счет миграционной компоненты, что говорит о достаточно высокой привлекательности округа в пределах России [1, с. 159–160].

При этом исследователи подчеркивают, что в настоящее время: «Проблема влияния трудовой миграции на этносоциальную структуру в национальных регионах России связана с адаптацией и интеграцией мигрантов в новой этнокультурной среде и ... является одной из самых сложных, поскольку трансформирует не только социокультурное и личное пространство отдельного мигранта, но и приводит к изменениям в принимающем обществе [16, с. 669]. Особо отмечаются в научных изданиях положительный опыт и специфика социокультурной работы в миграционной сфере отдельных регионов. В частности, В.Ю. Леднева

пишет, что такая специфика реализуется в государственных программах на региональном уровне и в проектах, которые реализуются различными общественными организациями. Так, например, в ХМАО¹ в 2019 году был утвержден Региональный стандарт [19], в котором была представлена на муниципальном уровне единая система организации деятельности по социальной и культурной адаптации мигрантов и профилактике межнациональных конфликтов» [16, с. 670]. Эта форма работы создает не только благоприятную среду для привлечения трудовых ресурсов вне региона, но и формирует такие условия в северном регионе, которые способствуют более высокой стабильности в экономической сфере и что не менее важно, в области культурного развития. В тоже время отмечается, что: «доля мигрантов трудоспособного возраста среди выбывающих на Крайнем Севере аналогична среднему по России показателю – 75 и 74 % соответственно». Среди выбывших в трудоспособном возрасте значительную часть составляет молодежь. «Высокая доля молодежи среди выбывающих объясняется недостаточным уровнем развития социальной инфраструктуры, что стимулирует образовательную миграцию» [9].

Как уже отмечалось, Югра – один из самых «молодых» регионов России. Средний возраст жителей региона составляет 36 лет. С позиции трудовой активности, этот возраст говорит о наиболее продуктивном участии в экономической жизни общества. Молодые люди в возрасте до 40 лет являются сегодня важнейшим ресурсом, который к тому же выполняет основную нагрузку в плане воспроизводства населения. В регионе практически 2/3 населения составляют молодые люди. По предварительной оценке, на 01 июля 2022 года численность населения составила 1709,2 тыс. человек и по сравнению с 01 июля 2021 г. увеличилась на 13,2 тыс. человек² [12]. Качество жизни молодежи тесно связано с понятием социального благополучия, в рамках которого учитываются такие важные характеристики социальных групп как: образование, гендерные особенности, возраст, ценностные и профессиональные установки. В современной ситуации, «приоритетным должно стать исследование проблематики социального благополучия российской молодежи, поскольку она является одной из наиболее массовых социальных общностей. В этой связи следует специально подчеркнуть высокий удельный вес молодежи (большой группы людей в возрасте 14 до 35 лет) в ХМАО-Югре» [11, с. 29]. Согласно статистическим данным на 2021 год, численность молодежи в округе составляла 466400 человек (округление до сотни), или 27,6 % от численности всего населения округа (она составляла 1687000 человек) [18].

¹ Ханты-Мансийский автономный округ – Югра. В 2019 г. ХМАО заняла второе место после Московской области по количеству прибывших мигрантов, 19% всего рынка труда в Югре принадлежит мигрантам, это составляет 350 тысяч работников [7].

² Естественный прирост населения за январь-июнь 2022 года составил 3558 человек (январь-июнь 2021 года – 3356 человек). Число родившихся – 9283 человека (январь-июнь 2021 года – 9653 человека). Югра

входит в число субъектов-лидеров Российской Федерации с наилучшими показателями естественного движения населения за январь-июнь 2022. В автономном округе за январь-июнь 2022 года миграционный прирост населения составил 3416 человек (январь-июнь 2021 года – прирост 4956 человек), который сформировался за счет прироста международной миграции из стран СНГ (3764 человека) [13].

Во многом Югра представляется привлекательным местом для жизни и трудоустройства мигрантов в силу своей экономической стабильности и особым финансовым возможностями. Подобные тенденции миграционной активности обусловлены рядом причин: возможностью высокого заработка (в том числе сохраняется и вахтовый способ работы); возможностью реализовать в профессиональном плане, карьерный рост (в целом оплата труда многих специальностей выше, чем

в целом по стране); высокий спрос на трудовой ресурс (рабочие специальности); тенденция у работодателей принимать на работу человека согласного, на небольшую оплату, но при этом вполне квалифицированного, чаще иностранца [19].

В таблице 1 представлены данные по миграции в Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре (в чел) за период с 2017 по 2021 годы [21].

Таблица 1

Миграция населения в Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре, чел.

Показатель	2017 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Прибыло – всего	76217	75582	73542	70427	74378
в пределах России	65709	66380	58779	56393	56125
из других стран	10508	9202	14763	14034	18253
Выбыло – всего	80284	79006	73303	64928	65046
в пределах России	75163	72549	66541	56960	61087
в другие страны	5121	6457	6762	7968	3959
Миграционный прирост, убыль (–) – всего	–4067	–3424	239	5499	9332
передвижений в пределах России	–9454	–6169	–7762	–567	–4962
миграционного обмена населением с другими странами	5387	2745	8001	6066	14294
на 1000 населения	–2,5	–2,1	0,1	3,1	5,5

Очевидно, что за представленный временной отрезок, в целом положительная динамика в изменении соотношения между прибывшими и выбывшими жителями округа. Следует обратить внимание на то, что в округе (из числа выбывших) значительную долю населения составляет представители старшего (пенсионного) возраста, которые выбывают для проживания в регионы с более комфортными природно-климатическими условиями.

Рынок труда ХМАО-Югры является динамично развивающимся, со средним приростом численности занятых более чем в 1 %. Низкий уровень безработицы, низкий средний возраст занятого населения, а также высокий процент экономически активного населения сохранит существующие темпы развития [19]. Особое внимание надо обратить на наличие слабых структурных преобразований в экономике округа, которые в результате мало синхронизированы с происходящими структурными изменениями в сфере образования. Особенностью современного этапа является то, что значительная часть молодежи явное предпочтение отдает занятости в нематериальном производстве. На протяжении нескольких последних лет на рынке труда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры сохраняется несоответствие между спросом и предложением специалистов (несоответствие профессиональной структуры безработных граждан и имеющихся вакансий) [2, с. 30].

Молодежь часто выбирает модные и хорошо оплачиваемые профессии, что долгое время способствовало ухудшению в сфере подготовки квалифицированных кадров в базовых отраслях. Проблема трудоустройства и дискриминации молодежи на рынке труда сохраняет свою актуальность и сегодня. «Из-за перенасыщенности рынка труда молодежь является достаточно выраженной группой риска... Молодые работники

первыми попадают под сокращения при возникновении кризиса» [5, с. 24].

Молодежь как важнейший трудовой ресурс и потенциал оценивается на основании как объективных, так и субъективных предпосылок ее участия в поддержании стабильности и устойчивости социальной структуры округа. В качестве таких объективных условий оценивается степень удовлетворения молодежью своих социальных потребностей и в целом качества жизни в регионе. Опасность состоит в том, что молодые люди в случае невозможности получения нужной специальности в своем городе, вынуждены уехать и впоследствии не вернуться обратно. По статистике, получив образование за пределами Югры, обратно возвращаются лишь 28 % выпускников [4].

Другой серьезной проблемой является безработица, которая часто является именно молодежной проблемой, поскольку потребности молодых людей не всегда совпадают с нуждами региона. Проблемы молодежной безработицы, в связи с увеличением пенсионного возраста, возможно, будут все более обостряться, так как в течение ближайших лет на рынок труда будет поступать все увеличивающийся поток молодых трудовых ресурсов – выпускников всех видов учебных заведений.

Дополнительные проблемы будет создавать категория безработной молодежи, не получившей никакого профессионального образования. Поэтому состояние экономики и социальной обеспеченности говорят о необходимости создания рабочих мест для молодежи более раннего возраста, чем это было принято ранее. Незанятость молодежи пока не представляет критической массы, но складывающийся у этой части молодежи образ жизни может стать правилом и подтолкнуть на криминальный путь, что и наблюдается в реальной жизни. Ухудшение характеристик

жизнедеятельности молодежи, ограничение удовлетворения ряда важнейших потребностей с одновременным расширением потенциальных возможностей в формирующихся рыночных отношениях в определенных обстоятельствах могут порождать процессы криминализации сознания и поведения, увеличения количества маргинальных групп в молодежной среде, и, следовательно, увеличения количества правонарушений [19]. «Миграционные процессы имеют неоднозначные последствия для социально-экономического и социокультурного развития округа. Посредством миграций осуществляется процесс этнического и культурного совершенствования [3, с. 1517].

Современные исследователи¹ по результатам анализа динамичной социальной картины региона предлагают существенные и во многом действенные рекомендации, направленные на улучшение жизни в северном регионе: Создание единой системы мониторинга результативности проводимой социально-демографической политики во всех субъектах РФ [6, с. 134–135]; создание региональной инфраструктуры, которая бы содействовала социальной и культурной интеграции и адаптации мигрантов; создание благоприятных условий для «жизнедеятельности внутренних мигрантов – высококвалифицированных специалистов» [2, с. 35] Постепенно происходят необратимые процессы, так, например, «В целом, анализ миграционных и других демографических показателей приводит к выводу, что территории Крайнего Севера постепенно сближаются с несевверными регионами в области миграционных и иных демографических процессов. Это сближение можно назвать догоняющим социально-демографическим развитием Севера» [10, с. 155].

Югорская молодежь включена практически во все жизненно важные сферы деятельности округа. Достаточно много внимания уделяется бизнес-образованию, в будущем планируется более активно вовлекать молодежь в процесс рыночных отношений и формировать бизнес-поведение как можно раньше, для того чтобы молодой человек знал, как лучше презентовать себя на рынке труда, как открыть собственное дело. Молодежь активно вовлечена в социальную жизнь округа, через соответствующие деловые игры, фестивали, форумы, с их помощью молодые люди могут заявить о себе.

Структура занятости молодежи в основном соответствует средним показателям распределения экономически активного населения по основным отраслям материального и духовного производства. Как и преобладающая часть занятого населения, она большей частью работает в сфере промышленного производства. Частично наблюдается отток рабочей силы из государственного сектора экономики. Государственная молодежная политика округа, направленная на содействие созданию рабочих мест для молодежи, часто сталкивается с трудностями, так как

возможности трудоустройства в нашем регионе существенно ограничены.

Эффективному социально-экономическому развитию северных регионов, поддержанию оптимального территориального баланса трудовых ресурсов, повышению пространственного потенциала России будет способствовать решение проблем, связанных с достижением трудового оптимума населения как определяющим экономическим фактором производства, нестабильными миграционными процессами, характеризующимися оттоком трудоспособного населения, особенно молодежи, низким качеством жизнедеятельности населения в условиях [14, с. 188–189].

Необходимо постоянно учитывать и корректировать не только общие тенденции профессионального развития по стране в целом, но и региональную специфику сфер занятости. Однобокое развитие экономики округа, ориентированное на нефтегазовый комплекс, нерентабельность производства в других отраслях может породить ситуацию невосребованности существующей системы образования для производства. Для многих молодых людей является серьезной проблемой реализация в той или иной профессиональной области, отсутствие возможности трудоустроиться во время обучения профессии, тех же, кто устроился, по объективным причинам не устраивают зарплата и условия труда.

Заключение.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, в результате, мы имеем дело со сложными и неоднозначными миграционными процессами в регионе. Молодежь, являясь важным трудовым ресурсом региона, во многом определяет его культурный и интеллектуальный образ, формирует его будущие социокультурные контуры. Поэтому необходимо анализировать причины подталкивающие молодежь к миграции за пределы своего родного города, региона.

Подводя итог, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что социокультурные факторы не только способны влиять на миграционные настроения молодежи, но и наоборот, молодежь своим поведением способна изменить основные показатели качества жизни в регионе. С одной стороны, в округе постоянно осуществляется сложный культурный взаимообмен, обогащающий жизнь всех его жителей и способствующий его процветанию. С другой стороны, миграция имеет и негативные последствия, поскольку способствует росту межэтнического напряжения и криминализации, ведет к «интеллектуальному оттоку» и снижению культурного уровня в регионе, а также отражается на профессиональном насыщении рынка труда.

Сохранение молодежи в регионе имеет, таким образом, первостепенное значение. Для того, чтобы убедить молодых людей, необходимо выстраивать эффективную социально-экономическую и

¹ Более подробно можно посмотреть конкретные рекомендации в национальном демографическом докладе

2021: Демографическое самочувствие регионов России [6].

культурную политику, которая учитывала бы все аспекты создания максимально привлекательного уровня и качества жизни для молодежи. Системный подход и регулярный анализ

Литература:

1. *Акаев А.А.* Миграция: формы и роль в улучшении качества жизни населения / А.А. Акаев // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2. С. 195–202.
2. *Бурундукова Е.М.* Результаты социологического исследования вопросов трудовой миграции на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры / Е.М. Бурундукова, Ю.С. Родь, Л.С. Хромцова // Вестник Югорского государственного университета. 2017. № 3(46). С. 29–35.
3. *Горева О.М.* Анализ миграционных процессов в ХМАО / О.М. Горева, Л.Б. Осипова // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. Р. 1517.
4. *Гутова С.Г.* Социокультурные процессы в молодежной среде / С.Г. Гутова // Динамика социальной трансформации российского общества: региональные аспекты: Материалы V Тюменского международного социологического Форума, Тюмень, 05–06 октября 2017 года. Тюмень : Тюменский государственный университет, 2017. С. 115–119.
5. *Демидова Т.Е.* Социальные проблемы современной Российской молодежи: причины и пути решения / Т.Е. Демидова // Социология. 2019. № 5. С. 21–28.
6. Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад-2021 / Т.К. Ростовская, А.А. Шабунова [и др.] М. : ФНИСЦ РАН, 2021. 138 с.
7. Демографический ежегодник России, 2021 г. // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL : <https://clck.ru/32EbES> (дата обращения 01.10.2022).
8. Естественное движение населения Российской Федерации в 2015 году // Федеральная служба государственной статистики : офиц. сайт. URL : http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_106/Main.htm (дата обращения 01.10.2022).
9. *Ефремов И.А.* Возрастные особенности миграционных процессов на Крайнем Севере России / И.А. Ефремов // Демоскоп Weekly. 2014. № 581–582. URL : <http://demoscope.ru/weekly/2014/0581/analit06.php> (дата обращения 01.10.2016).
10. *Ефремов И.А.* Современные миграционные процессы на Крайнем Севере России / И.А. Ефремов // Регионология. 2016. № 4(97). С. 140–159.
11. *Зборовский Г.Е.* К исследованию социального благополучия молодежи: ключевые положения концепции / Г.Е. Зборовский // Известия высших

миграционных процессов и молодежного рынка труда, безусловно, будет способствовать развитию северных регионов.

Literature:

1. *Akaev A.A.* Migration: forms and role in improving the quality of life of the population / A.A. Akaev // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2017. № 2. P. 195–202.
2. *Burundukova E.M.* The results of a sociological study of labor migration issues on the territory of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Ugra / E.M. Burundukova, Yu.S. Rod, L.S. Khromtsova // Bulletin of the Yugorsk State University. 2017. № 3 (46). P. 29–35.
3. *Goreva O.M.* Analysis of migration processes in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug / O.M. Goreva, L.B. Osipova // Modern problems of science and education. 2015. № 1-1. P. 1517.
4. *Gutova S.G.* Sociocultural processes in the youth environment / S.G. Gutova // Dynamics of the social transformation of Russian society: regional aspects: Materials of the V Tyumen International Sociological Forum, Tyumen, October 05–06, 2017. Tyumen : Tyumen State University, 2017. P. 115–119.
5. *Demidova T.E.* Social problems of modern Russian youth: causes and solutions / T.E. Demidova // Sociology. 2019. № 5. P. 21–28.
6. Demographic well-being of Russian regions. National Demographic Report 2021 / T.K. Rostovskaya, A.A. Shabunova [et al.]. M. : FNISTS RAS, 2021. 138 p.
7. Demographic Yearbook of Russia, 2021 // Federal State Statistics Service: official website. URL : <https://clck.ru/32EbES> (date of the application 01.10.2022).
8. Natural movement of the population of the Russian Federation in 2015 // Federal State Statistics Service: official website. URL : http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_106/Main.htm (date of the application 01.10.2022).
9. *Efremov I.A.* Age features of migration processes in the Far North of Russia / I.A. Efremov // Demoscope Weekly. 2014. № 581–582. URL : <http://demoscope.ru/weekly/2014/0581/analit06.php> (date of the application 01.10.2016).
10. *Efremov I.A.* Modern migration processes in the Far North of Russia / I.A. Efremov // Regionology, 2016. № 4(97). P. 140–159.
11. *Zborovsky G.E.* To the study of the social well-being of youth: key provisions of the concept / G.E. Zborovsky // News of higher educational

- учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2022. № 2. С. 23–39.
12. Информационный демографический бюллетень «О состоянии демографической ситуации в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2019 году». Ханты-Мансийск, 2020. 120 с.
13. «Итоги социально-экономического развития Ханты-Мансийского Автономного округа – Югры за январь-июнь 2022 года». URL : <https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/32a/4xj10kvj25ryrszm3v1w7420zvdd1cml/ltogi-SER-2kv2022.pdf> (дата обращения 01.10.2022).
14. *Киселева А.* Демографическая безопасность северных регионов: проблемы депопуляции и миграции населения / А. Киселева, О.В. Гокова // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2016. № 4. С. 181–190. Herald of Omsk University. Series «Economics». 2016. № 4. 189 с.
15. *Козлова О.А.* Оценка демографических потерь трудового потенциала региона / О.А. Козлова, М.Н. Макарова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. 2022. Т. 16. № 2. С. 64–72.
16. *Леденева В.Ю.* Влияние трудовой миграции на этносоциальную структуру в национальных регионах России / В.Ю. Леденева // Россия: тенденции и перспективы развития. 2021. № 16-2. С. 669–671.
17. *Мильчакова Н.Н.* Миграция – структурный элемент рынка труда ХМАО-Югра / Н.Н. Мильчакова, Л. А. Спиридонова // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 11. С. 158–165.
18. Население Ханты Мансийского автономного округа по данным Росстат. URL : <https://rosinfostat.ru/naselenie-hmao> (дата обращения 10.01.2022).
19. Социальные процессы в молодежной среде: проблемы и особенности / С.Г. Гутова, А.А. Лицук, Н.Н. Самохина, З.А. Целищева. Нижневартовск : Нижневартовский государственный университет, 2021. 191 с.
20. *Тей Д.О.* Исследование рынка труда и демографии в ХМАО-Югре / Д.О. Тей, В.М. Татьянкин, В.М. Татьянкин // Региональные проблемы преобразования экономики. 2017. № 10(84). С. 69–79.
21. Управление Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу – ТННП. URL : https://umstat.gks.ru/ofs_demp_hmao (дата обращения 10.01.2022).
22. *Фахрутдинова Е.В.* Эмпирический анализ взаимосвязи качества жизни и миграции населения в субъектах Российской Федерации / Е.В. Фахрутдинова, Д.В. Юрков // Экономические науки. 2019. № 12. С. 363–368.
- institutions. Sociology. Economy. Politics. 2022. № 2. P. 23–39.
12. Information demographic bulletin «On the state of the demographic situation in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra in 2019». Khanty-Mansiysk, 2020. 120 p.
13. «Results of the socio-economic development of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra for January-June 2022». URL : <https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/32a/4xj10kvj25ryrszm3v1w7420zvdd1cml/ltogi-SER-2kv2022.pdf> (date of the application 01.10.2022).
14. *Kiseleva A.* Demographic security of the northern regions: problems of depopulation and population migration / A. Kiseleva, O.V. Gokova // Bulletin of the Omsk University. Series «Economics». 2016. № 4. P. 181–190.
15. *Kozlova O.A.* Estimation of demographic losses of the labor potential of the region / O.A. Kozlova, M.N. Makarova // Bulletin of the South Ural State University. Series: Economics and Management. 2022. Vol. 16. № 2. P. 64–72.
16. *Ledeneva V.Yu.* The impact of labor migration on the ethno-social structure in the national regions of Russia / V.Yu. Ledeneva // Russia: trends and development prospects. 2021. № 16-2. P. 669–671.
17. *Milchakova N.N.* Migration is a structural element of the labor market of KhMAO-Yugra / N.N. Milchakova, L.A. Spiridonova // Bulletin of the Tyumen State University. 2011. № 11. P. 158–165.
18. Population of the Khanty Mansi Autonomous Okrug according to Rosstat. URL : <https://rosinfostat.ru/naselenie-hmao> (date of the application 01/10/2022).
19. Social processes in the youth environment: problems and features / S.G. Gutova, A.A. Litsuk, N.N. Samokhina, Z.A. Tselishchev. Nizhnevartovsk : Nizhnevartovsk State University, 2021. 191 p.
20. *Tei D.O.* Research of the labor market and demography in Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra / D.O. Tei, V.M. Tatyankin, V.M. Tatyankin // Regional problems of economic transformation. 2017. № 10(84). P. 69–79.
21. *Fakhrutdinova E.V.* Empirical analysis of the relationship between the quality of life and population migration in the subjects of the Russian Federation / E.V. Fakhrutdinova, D.V. Yurkov // Economic Sciences. 2019. № 12. P. 363–368.
22. *Fakhrutdinova E.V.* Empirical analysis of the relationship between the quality of life and migration of the population in the subjects of the Russian Federation / E.V. Fakhrutdinova, D.V. Yurkov // Economic Sciences. 2019. № 12. P. 363–368.

Дун Юэцзяо

аспирант,
социологический факультет,
Государственный университет
имени М.В. Ломоносова
905141222@qq.com

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ БОЛЬШИХ ДАННЫХ В СОЦИАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Аннотация. Актуализация работ с большими данными, направленными на сбор и извлечение информации о пользователях услуг из нескольких баз данных государственных и негосударственных организаций, обещают новое понимание планирования предоставления и адресности социальных услуг. Однако появление больших данных вызвало серьезные споры в социальных науках, особенно, об их эффективности и этичности использования данных о людях, а также о том, как применять знания, которые могут появиться в результате этого процесса. Несмотря на то, что существуют дебаты об этичности больших данных в сфере социального обеспечения, практические проблемы процессов в рамках больших данных, которые могут подорвать их эффективность, еще предстоит изучить. Цель данной статьи состоит в том, чтобы выявить подобные этические проблемы и внести вклад в развитие прозрачного подхода к использованию больших данных в социальной работе.

Ключевые слова: большие данные, технологии управления информацией, распространение информации, конфиденциальная информация.

Существует мнение о том, что большие данные могут предоставить гуманитарным дисциплинам новые возможности претендовать на статус количественной науки. Однако, несмотря на то, что используемые данные могут быть количественными или были определены количественно в процессе ввода в базу данных, они могут быть не такими надежными или объективными, как может показаться, и некоторые авторы приходят к выводу, что сама идея «необработанных данных» является оксюмороном [1]. Как отмечает Гришин, «данные натурализуются, а их институциональные и методологические предпосылки исключаются из обсуждения» [2]. В то же время, Гришиным высказаны серьезные этические опасения по поводу использования больших данных как, в целом, так и в информатике социального обеспечения [2]. Также, ведутся споры об этичности применения больших данных в системе социального обеспечения [3], особенно в отношении согласия на использование персональных данных и ее конфиденциальности [4].

Dong Yuejiao

Graduate Student,
Sociological Faculty,
State University
named after M.V. Lomonosov
905141222@qq.com

THE PRACTICE OF USING BIG DATA TECHNOLOGIES IN SOCIAL MANAGEMENT

Annotation. Big data initiatives to collect and extract data on service users and service activity from multiple government and non-government databases promise new insights into social service delivery planning and targeting. However, the advent of big data has generated significant controversy in the social sciences, especially about its effectiveness and the ethical use of human data, and how to apply the knowledge that may emerge from this process. While there has been some debate about the ethics of big data in the welfare industry, the practical issues of processes within big data that could undermine its effectiveness remain to be analyzed as they are applicable in this sector. Thus, the purpose of this article is to identify such ethical issues and stimulate discussion of practical issues in order to contribute to the development of a critical, cautious, but open approach to the latest «electronic turn» of social work.

Keywords: big data, information management technologies, information dissemination, confidential information.

По мнению Котова, «риторика объективности, пронизывающая большие данные, может быть очень привлекательной для политиков, поскольку они пытаются реагировать на сложный мир социальных явлений и иметь возможность прямого с ним взаимодействия» [5]. Объективность больших данных может не подвергаться сомнению по мере того, как они становятся все более распространенными в экономике, в целом, и в секторе социального обеспечения, в частности. Тем не менее, как показал анализ того, как информация генерируется, а затем отбирается, извлекается, анализируется и интерпретируется в больших данных, многие субъективные решения, присутствующие этим процессам, подрывают претензии на объективность. Кроме того, как уже отмечалось, эти субъективные факторы могут оставаться скрытыми от внимания при представлении результатов. Это не означает, что качественные или малые данные, подходы к пониманию и решению социальных проблем лишены тех же методологических проблем и ограничений, что и большие

данные. Наоборот, большие данные способны значительно увеличить масштабы проблем, которые могут возникнуть из-за предположений, направленных на социальные отношения.

Таким образом, большие данные не застрахованы от споров об использовании статистических рассуждений в социальных исследованиях, которые касаются как определения социального явления, так и того, как сделать его измеримым. Определение социального явления как социальной проблемы, выявление индикаторов и принятие решения о том, кто или что должно стать объектом социального взаимодействия, – сугубо политический вопрос. Большие данные имеют тенденцию усугублять дисбаланс сил в цифровую эпоху, поскольку их методы используются избранным меньшинством для принятия решений, имеющих далеко идущие последствия для большинства [7]. Эта тенденция контрастирует с коллективными подходами в секторе социального обеспечения, которые направлены на привлечение пользователей этих услуг [8; 9]. Как и в случае с небольшими данными, крайне важно, чтобы исследователи и практики культивировали понимание того, как субъективность действует в контексте больших данных, чтобы поставить под сомнение возможные ошибки при включении или исключении данных, расчетов и интерпретации. Это важное направление в развитии критической точки зрения, с которой сектор социального обеспечения может взаимодействовать с большими данными, чтобы предотвратить, например, дальнейшее

ухудшение социального обеспечения нуждающейся категории граждан.

Цель этой статьи состояла в том, чтобы привлечь внимание к практическим проблемам, связанным с большими данными, в предоставлении новых идей в секторе социального обеспечения, которые связаны с процессами генерации, сбора, анализа и интерпретации информации. Анализ показал, что применение подхода больших данных в секторе социального обеспечения далеко не простое дело. Ошибки могут привести к вводящим в заблуждение информации, на которой основываются решения в отношении политики социального обеспечения, что может привести к нанесению вреда как отдельным лицам, так и населению в целом. Анализ также привлек внимание к субъективности, присущей большим данным, что контрастирует с утверждениями об их объективности. Осознание прошлых проблем с развитием информационных систем должно способствовать здоровому скептицизму в отношении применения больших данных в социальной работе, но развитие критической точки зрения не должно приводить к полному отказу от их внедрения. В этой связи уместно предположить, что критическая рефлексия может более конструктивно применяться для управления развитием больших данных, чтобы с большей вероятностью избежать серьезных ошибок и чтобы сектор социального обеспечения имел больше возможностей для улучшения качества обслуживания.

Литература:

1. Гришин Б.И. Создание и использование больших данных для управления социально-экономическим развитием / Б.И. Гришин // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 13(2). С. 103.
2. Аганбегян А.Г. О целевой направленности региональной стратегии социально-экономического развития / А.Г. Аганбегян // Экономические стратегии. 2021. Т. 166. № 8. С. 61.
3. Оценка влияния реального сектора и непродовственных сфер на динамику индекса деловой активности / А.А. Френкель [и др.] // Финансы: теория и практика. 2021. Т. 23. № 2. С. 117–133.
4. Смотрицкая И.И. Современные тенденции цифровой трансформации государственного управления / И.И. Смотрицкая, С.И. Черных // Вестник Института экономики РАН. 2022. № 5. С. 223.
5. Котов Б.И. О единой социально-экономической политике и стратегическом планировании / Б.И. Котов, А.А. Френкель // Экономическая политика. 2017. № 4. С. 233.
6. Тихомиров Б.И. Цифровизация социально-экономического развития: тернистый путь к новому качеству информационного общества / Б.И. Тихомиров // Экономика. Налоги. Право. 2021. Т. 12. № 4. С. 208.

Literature:

1. Grishin B.I. Creation and use of big data for social and economic development management / B.I. Grishin // Economy. Taxes. Right. 2020. № 13 (2). P. 103.
2. Aganbegyan A.G. On the target orientation of the regional strategy for socio-economic development / A.G. Aganbegyan // Economic strategies. 2021. Vol. 166. № 8. P. 61.
3. Assessment of the impact of the real sector and non-productive spheres on the dynamics of the business activity index / A.A. Frenkel [et al.] // Finance: theory and practice. 2021. Vol. 23. № 2. P. 117–133.
4. Smotritskaya I.I. Modern trends in the digital transformation of public administration / I.I. Smotritskaya, S.I. Chernykh // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2022. № 5. P. 223.
5. Kotov B.I. On a unified socio-economic policy and strategic planning / B.I. Kotov, A.A. Frenkel // Economic policy. 2017. № 4. P. 233.
6. Tikhomirov B.I. Digitalization of socio-economic development: a thorny path to a new quality of the information society / B.I. Tikhomirov // Economics. Taxes. Law. 2021. Vol. 12. № 4. P. 208.

7. Агеев А.И. Методика цифровой экономики в части управления и контрольной деятельности в реальном секторе экономики / А.И. Агеев, В.А. Радина // Экономические стратегии. 2020. № 3. С. 446.

8. Сафина Т.А. Актуальность и значимость исследования процессов трансформации и цифровизации экономики в современном мире / Т.А. Сафина // Евразийский юридический журнал. 2021. № 6(157). С. 228–229.

9. Смирнов Е.Н. К вопросу о влиянии цифровых трансформаций на регулирование международной электронной коммерции / Е.Н. Смирнов, С.В. Пospelov, Б.Д. Нуриев // Дискуссия. 2021. № 4(107). С. 21–28.

7. Ageev A.I. The methodology of the digital economy in terms of management and control activities in the real sector of the economy / A.I. Ageev, V.A. Radina // Economic strategies. 2020. № 3. P. 446.

8. Safina T.A. Relevance and significance of the study of the processes of transformation and digitalization of the economy in the modern world / T.A. Safina // Eurasian Legal Journal. 2021. № 6 (157). P. 228–229.

9. Smirnov E.N. On the impact of digital transformations on the regulation of international e-commerce / E.N. Smirnov, S.V. Pospelov, B.D. Nuriev // Discussion. 2021. № 4(107). P. 21–28.

Дун Юэцзяо
аспирант,
социологический факультет,
Государственный университет
имени М.В. Ломоносова
905141222@qq.com

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОЦИАЛЬНОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ В 19 ВЕКЕ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. Исторический период XIX века характеризуется значительными социальными изменениями, которые трансформировали общественное пространство. При этом социальные изменения характеризовались в большей степени потрясениями, которые обусловлены сменой промышленного уклада и общественной формации. Объект исследования – культура, как проявление исторического и социо-культурного опыта людей. Предмет исследования – культурно-исторический этап развития общества XIX века. Цель исследования – выявить положительные и отрицательные аспекты социального и культурного развития в XIX веке, через призму социального восприятия последствий. Методология исследования – диахронический метод научного исследования, предполагающий изложение культурных проявлений с учётом событийной хронологии. Результаты исследования: 1. Представлено содержание основных культурных проявлений общественной активности в XIX веке. 2. Выявлены положительные и отрицательные аспекты проявлений социального и культурного развития в XIX веке.

Ключевые слова: культура, социум, общественные отношения, исторический этап, промышленная революция.

Культура XIX века представляет собой классическую формацию культурных и социальных изменений в исторической ретроспективе эволюции общественных отношений. Общественная формация XIX века характеризуется развитием капиталистических отношений, эпохой промышленных и технологических революций, которые в значительной степени трансформировали общественное пространство и социальные связи. В данном периоде исторического и культурного развития произошло значительное количество социальных потрясений – революции, смена политических режимов, смена социальной парадигмы, которые затронули почти все государства мира. Культура и социальные трансформации общества в XIX веке характеризуются развитием философской и научной традиции, выражающихся в сциентизме, рационализме,

Dong Yuejiao
Graduate Student,
Sociological Faculty,
State University
named after M.V. Lomonosov
905141222@qq.com

POSITIVE AND NEGATIVE CONSEQUENCES OF SOCIAL AND CULTURAL DEVELOPMENT IN THE 19TH CENTURY: SOCIAL ASPECT

Annotation. The historical period of the XIX century is characterized by significant social changes that transformed public space. At the same time, social changes were characterized to a greater extent by shocks caused by a change in the industrial structure and social formation. The object of research is culture as a manifestation of hysterical and socio-cultural experience of people. The subject of the study is the cultural and historical stage of the development of society of the XIX century. The purpose of the study is to identify positive and negative aspects of social and cultural development in the XIX century, through the prism of social perception of consequences. The research methodology is a diachronic method of scientific research, involving the presentation of cultural manifestations taking into account the event chronology. Research results: 1. The content of the main cultural manifestations of social activity in the XIX century is presented. 2. Positive and negative aspects of the manifestations of social and cultural development in the XIX century are revealed.

Keywords: culture, society, social relations, historical stage, industrial revolution.

антропоцентризме, европоцентризме, развитием либеральных и неолиберальных идей, идей свободной торговли и свободного рынка. В социальном аспекте этот период характеризуется значительными социальными потрясениями и столкновениями социальных и политических идей устройства общества, которые затрагивали своими проявлениями значительную численность населения мира. В XIX веке масштабные социальные потрясения характеризовались следующими основными факторами:

– отмена рабства на большей части Европы и Америки;

– первая промышленная революция, притом, что началась в конце 18 века, именно в XIX веке преодолела национальные границы Британии,

изменив экономику и общество Нидерландов, Рейнской области, Северной Италии и северо-востока Соединенных Штатов.

Спустя несколько десятилетий, начало Второй промышленной революции послужило началом массовой урбанизации и гораздо более высокому уровню производительности, извлекаемой прибыли и процветания индустриальных стран, что продолжалось и в XX веке.

В культуре XIX века активно развивались идеи демократии, развивались опытные науки и ускоренно менялся промышленный уклад общества. Именно в этот период зарождаются, помимо уже, имеющих прикладное выражение идей свободного рынка, зарождаются идеи «моральной экономики и экономической справедливости» [1, с. 28]. Первая электроника появилась в XIX веке, благодаря появлению электрического реле в 1835 году, телеграфа и его коммуникационного шифра – азбуки Морзе в 1837 году, осуществлён первый телефонный звонок в 1876 году и запущена первая функциональная лампочка в 1878 году [2]. Всё это способствовало значительному прогрессу в развитии коммуникативных механизмов в обществе и построению новых социальных связей. Достижения в медицине и понимании анатомии человека и профилактике заболеваний произошли в XIX веке, что в свою очередь способствовало быстрому ускорению роста населения в западной части мира. Произошло удвоение населения Европы в течение XIX века, примерно с 200 миллионов до более чем 400 миллионов. Введение в эксплуатацию железных дорог стало первым крупным достижением в строительстве и эксплуатации наземного транспорта, которое за столетие кардинально изменило образ жизни людей и способ получения товаров, при этом вызвав масштабные урбанизационные движения в странах по всему миру. За это столетие численность населения многих городов по всему миру превысила миллион и более человек. Лондон стал крупнейшим в мире городом и столицей Британской империи. Его население увеличилось с 1 миллиона в 1800 году до 6,7 миллионов столетие спустя [2]. Последняя часть земной поверхности оставшаяся неоткрытой, включая обширные пространства Африканского континента и Азии, были исследованы в течение этого столетия, и, за исключением крайних зон Арктики и Антарктики, точные и подробные карты земного шара были доступны к 1890-м годам. В этом столетии главенствовали идеи либерализма, которое стало выдающимся реформаторским движением в Европе и ознаменовалось появлением идей неолиберализма. В XIX веке широко распространились новые поселения, которые были особенно распространены в Северной Америке и Австралии, при этом значительная часть крупнейших городов двух континентов была основана именно на протяжении этого столетия. Городов Чикаго и Мельбурн в Соединенных Штатах и в Австралии не существовало в первые десятилетия XIX века, но к концу XIX века стали вторыми по величине городами в Соединенных Штатах и Британской империи соответственно. В XIX века около 70 миллионов

человек покинули Европу, большинство из которых мигрировали в Соединенные Штаты.

В XIX веке также произошло появление, развитие и кодификация многих видов спорта, особенно в Великобритании и Соединенных Штатах. Такие виды спорта, как футбол, регби, бейсбол и многие другие были развиты в XIX веке, в то время как Британская империя способствовала быстрому распространению таких видов спорта, как крикет, во многих разных частях мира. Кроме того, развитие промышленности, текстильных производств привёл к резкому всплеску женской моды, как социального явления, которое характеризовалось появлением смелых социальных и индивидуальных образов, что в определённой степени способствовало развитию феминистических идей и идей равноправия полов в обществе.

При всей совокупности положительных последствий социального и культурного развития в XIX веке необходимо отметить, что смена культурной и социальной парадигмы сопровождалась значительными социальными потрясениями:

1. Наполеоновские войны были серией крупных конфликтов с 1803 по 1815 год, в которых Французская империя и ее союзники во главе с Наполеоном I сражались с рядом европейских держав. Войны были вызваны неразрешенными спорами, связанными с Французской революцией и последовавшим за ней конфликтом.
2. Войны за обретение независимости в Латинской Америке и Испано-американские войны.
3. Революции 1848 года были серией политических переворотов по всей Европе в 1848 году, которые были спровоцированы развитием идей демократии и либерализма, с целью устранения старых монархических структур и создания независимых национальных государств.
4. Гражданская война в США проходила с 1861 по 1865 год. Одиннадцать южных штатов отделились от Соединенных Штатов, в основном из-за несогласия в идеях к отношению к рабству.

Помимо перечисленных войн и революций, социальные потрясения происходили в локальных проявлениях по всему миру, что привело к значительным социальным напряжениям, часть которых исторически не преодолены до сих пор.

Заключение.

В XIX веке развитие социальных и культурных явлений в обществе характеризовалось значительными достижениями научно – технического прогресса, социальных и культурных идей, способствующих смене общественной парадигмы и устройства общества. При этом данные достижения были обусловлены значительными социальными сдвигами и потрясениями, которые создавали социальную напряжённость и характеризовались значительными деструктивными проявлениями и последствиями для различных социальных групп.

Литература:

1. *Бондаренко А.В.* Моральная экономика: экономико-философский анализ понятия / А.В. Бондаренко, Н.В. Мижарева, И.В. Нигматуллина // *Дискуссия*. 2022. № 3(112). С. 26–34.
2. *Calhoun C.* «New social movements» of the early nineteenth century / C. Calhoun // *Social science history*. 1993. Vol. 17. № 3. P. 385–427.

Literature:

1. *Bondarenko A.V.* Moral economics: an economic and philosophical analysis of the concept / A.V. Bondarenko, N.V. Mizhareva, I.V. Nigmatullina // *Discussion*. 2022. № 3(112). P. 26–34.
2. *Calhoun C.* «New social movements» of the early nineteenth century / C. Calhoun // *Social science history*. 1993. Vol. 17. № 3. P. 385–427.

Ельникова Галина Алексеевна

доктор социологических наук,
профессор,
Белгородский университет кооперации,
экономики и права
elnikova.galina@gmail.com

Маргарян Артем Александрович

аспирант кафедры гуманитарных
и социальных дисциплин,
Белгородский университет кооперации,
экономики и права
sveticlimen@yandex.ru

Алиев Шапи Изиевич

доктор социологических наук,
доцент,
Дагестанский гуманитарный институт
(филиал) Образовательного учреждения
профсоюзов высшего образования
«Академия труда
и социальных отношений»
dgi_atiso@mail.ru

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ТРУДОВЫХ СТРАТЕГИЙ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Аннотация. В статье представлен системный подход к анализу трудовых стратегий студентов. При определении трудовых стратегий в качестве системы в ее структуре авторами выделяются несколько уровней: уровень подсистем, уровень содержательных и уровень инструментальных элементов. Рассмотрение трудовых стратегий в рамках системного подхода позволяет также исследовать их взаимодействие с другими социальными системами и презентовать их как динамичную и саморегулирующуюся систему.

Ключевые слова: трудоустройство, жизненные стратегии, трудовые стратегии, студенты вузов, системный подход.

Трудоустройство выпускников вузов является одной из актуальных проблем в современной России. В течение последних нескольких десятилетий предпринимаются активные попытки решить ее в теоретическом и практическом планах. В настоящий момент насчитывается значительное количество научных работ, анализирующих процесс трудоустройства выпускников вузов как в целом по России [6; 8; 9; 10], так и на региональном уровне [1; 5]. Также, одним из важнейших показателей эффективности деятельности вузов является трудоустроенность его выпускников.

Galina A. Elnikova

Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law
elnikova.galina@gmail.com

Artem A. Margaryan

Postgraduate Student of the Department
of Humanities and Social Disciplines,
Belgorod University of Cooperation,
Economics and Law
sveticlimen@yandex.ru

Shapi I. Aliev

Doctor of Sociological Sciences,
Associate Professor,
Dagestan Humanitarian Institute (branch)
of the Academy of Labor and Social Relations
Educational Institution of Higher Education
of Trade Unions
dgi_atiso@mail.ru

A SYSTEMATIC APPROACH TO ANALYZING THE LABOR STRATEGIES OF UNIVERSITY STUDENTS

Annotation. The article presents a systematic approach to the analysis of students' labor strategies. At definition of labor strategies as system in its structure several levels are allocated: level of subsystems, level of substantial and level of instrumental elements. Consideration of labor strategies within a systematic approach also allows to investigate their interaction with other social systems and to present them as a dynamic and self-regulating system.

Keywords: employment, life strategies, labor strategies, university students, systematic approach.

В то же время, при анализе трудоустройства выпускников вузов внимание сосредоточено, прежде всего, на состоянии рынка труда и его балансе с предлагаемым вузами спектром специальностей и профессий; на качестве получаемого выпускниками образования и на овладении ими необходимыми профессиональными компетенциями. При этом в меньшей степени внимание обращается на выбор самих выпускников, эксплицируемый в их трудовых стратегиях. Трудовые стратегии выпускников вузов, как правило, изучаются отдельно, позиционируясь в качестве самостоятельного предмета исследования [2; 4; 7].

Однако различные вопросы трудоустройства выпускников вузов и их трудовые стратегии являются двумя сторонами одной проблемы, наиболее полное и глубокое исследование которой предполагает применение системного подхода.

Трудовые стратегии выпускников вузов являются подвижной системой, на которую влияют не только социально-экономическая и политическая ситуация в стране, сложившийся рынок труда, требования работодателей, социальный капитал родительской семьи и т.п., но и личные интересы выпускников и трансформация их представлений о будущей профессии. Трудовые стратегии выпускников продолжают формироваться и корректируются во время всего обучения в вузе, поэтому целесообразно проводить анализ трудовых стратегий не только выпускников, но и в целом всех студентов вузов.

Цель статьи заключается в обосновании использования системного подхода к анализу трудовых стратегий студентов вузов.

Под трудовыми стратегиями нами понимается система целей и задач, которые ставит перед собой индивид в сфере трудовой деятельности, а также способы их достижения.

Трудовые стратегии являются частью более широкой системы – системы жизненных стратегий[3] и относятся к базовым стратегиям. Кроме них, в качестве базовых в систему жизненных стратегий, входят семейные и образовательные стратегии. Все базовые стратегии тесно связаны между собой; при этом наиболее сильная связь существует между образовательными и трудовыми стратегиями, на пересечении которых формируются профессиональные стратегии.

Трудовые стратегии как базовые определяют:

- желание или нежелание индивида трудиться, а также форму приложения труда, заключающуюся в выборе работы на государственном или частном предприятии, работы «на себя» (ключевые трудовые стратегии);
- стремление работать по ранее избранной специальности (профессиональные стратегии);
- намерение делать карьеру (карьерные стратегии).

То есть, базовые трудовые стратегии, рассматриваемые в качестве системы, включают в себя

Литература:

1. *Виниченко М.В.* Трудоустройство выпускников вузов России: проблемы и пути решения / М.В. Виниченко // Социальная политика и социология. 2012. № 4. С. 7–20.
2. *Голубев И.А.* Трудовые стратегии студенческой молодежи / И.А. Голубев // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 6. С. 363–368.
3. *Ельникова Г.А.* Жизненные стратегии молодежи: теоретический и методологический анализ /

ключевые трудовые стратегии, профессиональные и карьерные стратегии, являющиеся ее основными подсистемами или структурными единицами.

В систему трудовых стратегий также входят содержательные элементы, раскрывающие смысловую составляющую всей трудовой деятельности, и инструментальные, отражающие способы достижения цели трудовых стратегий.

К содержательным элементам относятся цель, задачи, ценности, ожидаемые результаты. Ядром содержательной компоненты трудовых стратегий являются ценности, которые определяют все остальные элементы. Прежде всего, исходя из ценностей, студенты формулируют фундаментальные цели трудовых стратегий, располагая их на линейке от самореализации до материального достатка.

Инструментальные элементы трудовых стратегий составляют:

- получение необходимого образования, включая дополнительное;
- использование всех возможных ресурсов;
- приобретение практического опыта при совмещении работы с учебой.

Среди инструментальных составляющих доминантой выступает получение образования, но также значимую роль играют и ресурсы, в которых важное место занимает социальный капитал родительской семьи.

Трудовые стратегии студентов, представляя собой систему, находятся, в свою очередь, под воздействием системы многочисленных объективных и субъективных факторов. Трудовые стратегии при этом демонстрируют гибкость, динамичность и адаптивность, что позволяет рассматривать их и как саморегулирующуюся систему.

Таким образом, трудовые стратегии представляют собой многоуровневую саморегулирующуюся систему, находящуюся во взаимосвязи с другими социальными системами. Выделение и последующий анализ всех компонентов системы позволяет произвести наиболее полный и многоаспектный их анализ, что, в свою очередь, имеет и практическую ценность – возможность воздействия на трудовые стратегии студентов вуза.

Literature:

1. *Vinichenko M.V.* Employment of Russian university graduates: problems and solutions / M.V. Vinichenko // Social Policy and Sociology. 2012. № 4. P. 7–20.
2. *Golubev I.A.* Labor strategies of student youth / I.A. Golubev // Social and Humanitarian Knowledge. 2015. № 6. P. 363–368.
3. *Elnikova G.A.* Life strategies of youth: theoretical and methodological analysis / G.A. Elnikova,

Г.А. Ельникова, Ш.И. Алиев. Белгород : Кооперативное образование, 2008. 245 с.

4. *Иванова В.С.* Стратегии трудоустройства выпускников вуза / В.С. Иванова // Векторы благополучия: экономика и социум. 2016. № 1(20). С. 12–21.

5. *Клячко Т.Л.* Трудоустройство молодежи с высшим образованием и уроки пандемии / Т.Л. Клячко, Д.М. Логинов. М., 2021. 85 с.

6. *Лехтянская Л.В.* Вопросы трудоустройства выпускников вузов Приморского края / Л.В. Лехтянская, А.К. Ходякова // Карельский научный журнал. 2020. Т. 9. № 4(33). С. 89–91.

7. *Осичева А.А.* Трудовые стратегии выпускников вуза в современной России / А.А. Осичева // Наука молодых – будущее России. 2019. С. 188–191.

8. Трудоустройство выпускников и его связь с качеством высшего образования / Д.Г. Сандлер [и др.] // Университетское управление: практика и анализ. 2018. Т. 22. № 3(115). С. 73–85.

9. *Сероштан М.В.* Трудоустройство выпускников вузов в регионе: анализ и оценка. М. : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2016. 240 с.

10. *Охотников О.В.* Трудоустройство выпускников вуза как проблема системы российского образования / О.В. Охотников, Ю.Е. Казакова // Вестник УрФУ. Серия: Экономика и управление. 2019. Т. 3. № 18. С. 431–449.

Sh.I. Aliev. Belgorod : Cooperative Education, 2008. 245 p.

4. *Ivanova V.S.* Strategies of employment of university graduates / V.S. Ivanova // Vectors of well-being: Economy and Socium. 2016. № 1(20). P. 12–21.

5. *Klyachko T.L.* Employment of youth with higher education and the lessons of the pandemic / T.L. Klyachko, D.M. Loginov. M., 2021. 85 p.

6. *Lekhtyanskaya L.V.* The issues of employment of graduates of Primorsky Krai universities / L.V. Lekhtyanskaya, A.K. Khodyakova // Karelian scientific journal. 2020. Vol. 9. № 4(33). P. 89–91.

7. *Osicheva A.A.* Labor strategies of university graduates in modern Russia / A.A. Osicheva // Science of the young – the future of Russia. 2019. P. 188–191.

8. Employment of graduates and its relationship with the quality of higher education / D.G. Sandler [et al.] // University Management: Practice and Analysis. 2018. Vol. 22. № 3(115). P. 73–85.

9. *Seroshtan M.V.* Employment of university graduates in the region: analysis and evaluation. M. : Publishing and Trading Corporation «Dashkov and K^o», 2016. 240 p.

10. *Okhotnikov O.V.* Employment of university graduates as a problem in the system of Russian education / O.V. Okhotnikov, Yu.E. Kazakova // Vestnik Ural Federal University. Series: Economics and Management. 2019. Vol. 3. № 18. P. 431–449.

Жукова Татьяна Андреевна

кандидат философских наук,
доцент,
доцент кафедры
социологии и культурологии,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
tvdanilova51@mail.ru

Набокин Данила Владимирович

студент 3 курса
землеустроительного факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
Milena.555@mail.ru

**ПРИЧИНЫ НЕВОСТРЕБОВАННОСТИ
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ РЫНКОВ
У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ
(РЕГИОНАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Аннотация. Статья посвящена проблеме непопулярности рынков сельскохозяйственной продукции в среде российской молодежи. Изучены причины сложившегося явления и обозначены перспективы на ближайшее будущее и с точки зрения молодежи, и с точки зрения работников торговой отрасли российского государства. Исследование проделано на основе качественных и количественных методов социологии. В результате проделанной работы выяснено, что основная масса опрошенных молодых людей на сегодняшний день не обращаются за приобретением сельскохозяйственной продукции на продуктовые рынки, предпочитая совершать покупки в магазинах. При этом большая часть участников проведенного опроса отдает себе отчет о более высоком качестве предложенной на рынках продукции и о необходимости развития данного сегмента реализации товаров сельскохозяйственного производства.

Ключевые слова: сельскохозяйственные рынки, молодежь, экономика, сфера услуг.

Рынок является самым старым видом экономических отношений. Рынки появляются вместе с первичным разделением трудовых функций в древнем обществе (на крестьян и ремесленников) и зарождением товарного производства, появлением избытка ремесленной и сельскохозяйственной продукции. Какое же отношение к такому виду деятельности среди современной молодежи? Этот вопрос стал мотивирующим для проведения социологического исследования на тему непопулярности сельскохозяйственных рынков у современной молодежи. В современном мире, где сфера услуг преобладает в

Tatiana A. Zhukova

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Sociology and Cultural Studies,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
tvdanilova51@mail.ru

Danila V. Nabokin

3rd year student of the Faculty
of Land Management,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
Milena.555@mail.ru

**THE REASONS FOR AGRICULTURAL
MARKETS WITHOUT DEMAND FOR
MODERN YOUTH (REGIONAL RESEARCH)**

Annotation. The article is devoted to the problem of the unpopularity of agricultural markets among Russian youth. The reasons for the current phenomenon are studied and the prospects for the near future are outlined both from the point of view of young people and from the point of view of workers in the trade sector of the Russian state. The study was done on the basis of qualitative and quantitative methods of sociology. As a result of the work done, it was found that the majority of the young people surveyed today do not apply for the purchase of agricultural products at grocery markets, preferring to make purchases in stores. At the same time, most of the survey participants are aware of the higher quality of products offered on the markets and the need to develop this segment of the sale of agricultural products.

Keywords: agricultural markets, youth, economy, services.

экономике каждой страны, рынок является одной из составляющих этой сферы и его место по отношению к другим услугам далеко не первое. В настоящее время данное место реализации аграрной продукции быстрыми темпами теряет свою популярность, что может привести к потере способа заработка у определенного слоя населения. Исследователи проблем села уверены, что любой, даже самый инновационный процесс, в котором среди участников нет молодого контингента, не будет иметь будущее [1, с. 1056–1057]. Участие молодого поколения в сельском хозяйстве, или даже в потреблении продукции

сельскохозяйственного производства у частных фермеров – это решение проблем занятости и бедности, а также залог роста экономики страны [2, с. 1–8]. Для проведения социологического исследования были выбраны следующие методы: социологический опрос среди молодежи Краснодарского края (n = 189) и нарративное интервью с работниками рынка (n = 15) исследуемого региона. Под объектив исследования попали юноши (123 человека) и девушки (66 человек) Краснодарского края в возрасте от 16 до 25 лет. Опрос проводился в апреле-мае 2021 года в населенных пунктах Краснодарского края (ст. Каневская Каневского района, г. Тимашевск, г. Славянск-на Кубани и ст. Ладожская Усть-Лабинского района). В процессе исследования выяснилось, что среди опрошенных молодых людей 22,6 % ходят за покупками каждый день, 35,8 % – 3 раза в неделю, 39,6 % – иногда, 2 % – не совершают покупки вообще. Цифры (84,9 %), полученные в опросе, свидетельствуют, что подавляющее большинство молодежи предпочитают приобретать продукты питания в магазинах. 8 % респондентов, принявших участие в анкетировании, пользуются услугами доставки товаров для питания на дом. На рынке покупают продукцию лишь 7,1 % опрошенных. При ответе на вопрос «Где по-вашему более качественная продукция?» 64,2 % считают рынок, остальные представители молодого поколения (35,8 %) назвали магазин. Полученная информация указывает на противоречивость в ответах респондентов, которые, признавая качество продукции, реализуемой на рынках, продолжают приобретать для себя товары в магазинах. Пытаемся прояснить сложившуюся ситуацию с помощью анализа ответов на вопрос «Давно ли вы были на рынке?» и получаем следующую картину: 50,9 % отвечают, что не посещают рынки в принципе; 30,2 % сообщают о том, что были на рынке «вот только вчера»; 9,4 % признались, что совершали покупки на рынке примерно неделю назад; 8 % делали это месяц назад; 1,5 % респондентов ответили, что не были на рынках вообще никогда. Ответы на вопрос анкеты «Далеко ли от вас находится ближайший рынок?» также могут способствовать прояснению противоречивости полученных данных на другие вопросы инструмента исследования. Большинство ответов (35,8 %) показали, что в пределах десяти минут езды на автомобиле. 32,1 % опрошенной молодежи выбрали ответ «близко». У 30,6 % молодых граждан рынки находятся далеко от дома. А 1,5 % отвечающих сообщили о том, что не знают, где расположены рынки в их населенном пункте. Последняя информация количественно соответствует ответам категории респондентов по предыдущему вопросу: те же 1,5 % не посещали рынки никогда в своей жизни. Вопрос, напрямую выясняющий отношение молодежи к рынкам сельскохозяйственного назначения, «Куда вы пойдете за продуктами, зная, что расстояние от вас до магазина и рынка одинаковые?», позволил получить следующие данные: 62,3 % направятся в магазин, 37,7 % – на рынок. То есть, не смотря на осознание респондентами факторов в пользу рынков (качество реализуемой продукции, расстояние до рынка), большинство отдадут предпочтение совершать покупки в магазинах. Для выяснения причин

такого восприятия молодой аудиторией современных рынков, произведем анализ ответов на вопрос анкеты «Как вы думаете, почему на рынок ходит меньше людей, чем в магазины?». Главной причиной у респондентов (42,6 %) является недостаточный ассортимент товаров, представленных на рынках. 34,4 % опрошенных называют дальнейшее расстояние от дома. Но из анализа предыдущих ответов мы получили другие данные: 30,6 % опрошенной молодежи указали, что рынок расположен далеко от их места проживания. 11 % участников опроса выдвинули тезис, что высокая ценовая политика на рынках является отталкивающим фактором против их посещения. По мнению 6 % молодежи на рынках присутствует некачественная продукция. «В магазине намного проще ориентироваться» считает 1,8 % молодых жителей кубанского региона. 1,6 % респондентов уверяют, что «современное общество отходит от рынков», такой же процент опрошенных затруднились назвать причину происходящего в сфере потребления продуктов питания. Актуальность развития процесса торговли на площадках рынков сельскохозяйственного назначения подтвердили ответы отвечающих на вопрос «Как вы думаете есть ли перспектива развития рынков в вашем городе?». Так, 56,6 % молодежи ответили утвердительно. 22,6 % – не видят смысла в развитии рынков, а 20,8 % – затруднились ответить на данный вопрос. На основе полученных данных социологического опроса можно сделать вывод. Большинство молодежи (85 %) предпочитают ходить за продуктами в магазин. При этом 64 % процента считают, что на рынке более качественная продукция. Примерно половина опрошенных давно не была на рынке. Расстояние не сильно влияет на популярность (так считает 60 %), скорее причиной тут является недостаточный ассортимент, который не может удовлетворить покупателя. Большая половина участников опроса считает, что эта сфера деятельности нуждается в развитии и полагают, что для этого есть возможности, но на данный момент не является популярной среди молодого поколения. Не ограничиваясь количественным методом в исследовании, мы решили провести нарративное интервью с работниками рынков. Интервью были взяты в тех же населенных пунктах, где проведен опрос. Приведем ответы на наиболее ценные для научных выводов вопросы. Так на вопрос «Согласны ли вы с мнением, что молодежи стали не интересны походы на рынок?», были получены следующие версии ответов:

Наталья, 49 лет, работает на рынке с 2009 года. «Да, последнее время все меньше и меньше вижу их здесь». *Николай, 53 года, реализатор фруктов.* «Да, к нам ходят больше старшее поколение, молодым проще сходить в магазин». *Юлия, 22 года, педагог.* «Да, наши покупатели – это пожилые люди».

Вопрос «Как вы думаете почему пошла такая тенденция?», привнес подтверждающие уже озвученные мнения работников торговли:

Александра, 39 лет, продает специи. «Да тут все просто, проще сходить в магазин».

Нина Петровна, 64 года, тридцать лет в рыночной торговле. «Вы вообще выходили на улицу до этого? Магазины сейчас на каждом шагу, поэтому проще сходить туда».

Василий, 44 года, бывший военный. «Я думаю, что сейчас проще сходить в магазин, который находится в 5 минутах от дома».

Заговорив о перспективе рыночной торговли в России через 20 лет, мы отметили, что мнения разделились:

Анна Ивановна, 67 лет, продает овощи, зелень со своего участка. «Ой, ну не знаю, так легко сказать не могу, но если подумать, то может и не стать их вообще, сейчас все сложнее и сложнее работать становится, покупателей становится меньше».

Зина, 34 года, продавец в молочном отделе. «Да ничего не станет, сейчас хорошо можно заработать только по праздникам, а в остальное время остается выживать».

Татьяна, 51 год, продавец меда. «С ними все будет нормально, несмотря на то, что молодых здесь меньше, но все равно покупатели же у нас есть, и кто знает может через 20 лет рынки снова станут популярными».

Вопрос «Как вы считаете, стоит ли развивать вашу сферу деятельности, популяризировать ее среди молодежи?», дал единогласные высказывания:

Алевтина, 54 года, работает сама на себя. «Конечно, покупателей будет больше».

Андрей, 38 лет, продают с женой продукцию со своего ЛПХ. «Думаю да, почему нет? Здесь все свое, домашнее. Нам больше покупателей, им качественные продукты».

Лидя, 42 года, реализатор разливного подсолнечного масла, по специальности парикмахер. «Еще как стоит, давно пора начать это делать!».

Литература:

1. *Pretty J.* Response to comment on «Resource-conserving agriculture increases yields in developing countries» / J. Pretty, R.E. Hine, J.I.L. Morison // *Environmental Science and Technology.* 2007. № 3. P. 1056–1057.
2. *Чеснокова Л.А.* Проблемы привлечения молодого поколения в отрасль сельского хозяйства РФ / Л.А. Чеснокова, Н.И. Яшина, С.А. Малышев // *Сельское хозяйство.* 2018. № 3. С. 1–8. URL : https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27141

А ответы на вопрос «Куда вы сами ходите за продуктами?», привнесли противоречие с предыдущими суждениями:

Людмила, 46 лет, реализатор в бакалейном отделе. «Смотря за какими продуктами, овощи я сама выращиваю у себя на участке, мясо, хлеб, молоко, какие-нибудь специи и тому подобное все на рынке покупаю». *Валентина, 56 лет, предприниматель.* «Я сама хожу в магазин и ничего страшного». *Василий Петрович, 69 лет, продает виноград и укорененные черенки.* «Покупаю везде на фермах, рынках и в магазин тоже хожу, зачем себя в чем-то ограничивать?».

Таким образом, работники рынков полностью согласны с тем, что молодежи на рынках критически мало, что большая часть покупателей – это старшее поколение. Причину происходящего видят в появлении большого количества магазинов. Участники нарративного интервью уверены, что рынкам требуется развитие и популяризация среди молодежи, но не все верят, что такое может случиться. Многие интервьюируемые допускают, что уже через 20 лет рынков может не остаться. При этом сами реализаторы рыночной продукции обращаются с целью совершения покупки в магазины и не видят ничего противоречивого в своем намерении.

На основе проведенного социологического исследования можно сказать, что гипотеза подтверждена и на самом деле среди молодого поколения есть тенденция, которая постепенно меняет экономику нашей страны тем, что поддержка индивидуальных предпринимателей снижается, работать становится сложнее. При смене поколения, возможно рынки останутся в прошлом, и для того, чтобы этого не произошло, необходима основательная поддержка со стороны государства и популяризация среди молодых поколений данную сферу индивидуальной деятельности.

Literature:

1. *Pretty J.* Response to comment on «Resource-conserving agriculture increases yields in developing countries» / J. Pretty, R.E. Hine, J.I.L. Morison // *Environmental Science and Technology.* 2007. № 3. P. 1056–1057.
2. *Chesnokova L.A.* Problems of attracting the younger generation to the agricultural sector of the Russian Federation / L.A. Chesnokova, N.I. Yashina, S.A. Malyshev // *Agriculture.* 2018. № 3. P. 1–8.

Касьянов Валерий Васильевич

доктор социологических наук,
доктор исторических наук,
профессор,
декан факультета журналистики,
заведующий кафедрой истории России
факультета истории, социологии
и международных отношений,
Кубанский государственный университет
culture@kubsu.ru

Самыгин Петр Сергеевич

доктор социологических наук,
профессор кафедры теории
и истории государства и права,
Ростовский государственный
экономический университет
samvgin78@yandex.ru

Горлова Наталья Ивановна

доктор исторических наук,
доцент кафедры менеджмента
спорта и активного досуга,
Российский экономический университет
имени Г.В. Плеханова
gorlovanat@yandex.ru

**ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИЯ
ФИЗИЧЕСКОЙ РЕКРЕАЦИИ
МОЛОДЕЖИ В КОНТЕКСТЕ
РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ**

■ ■ ■

Аннотация. В статье отмечается, что, несмотря на декларируемые в текстах государственных программ цели, связанные с вовлечением большей части населения, в целом, и молодежи, в частности, в физкультурно-спортивную деятельность и другие направления физической рекреации, в реальности, количество россиян, участвующих в рассматриваемой деятельности на регулярной и систематической основе, значительно уступает аналогичным показателям, характерным для западноевропейских государств. Как указывают авторы, организация оптимальной рекреационной активности молодежи не может быть осуществлена без участия органов государственной власти и местного самоуправления. В качестве основного средства продвижения рекреационной деятельности спортивно-оздоровительного характера в молодежной среде могут выступать молодежные клубы и сообщества, деятельность которых ориентирована именно на физическую, двигательную рекреацию посредством использования средств физической культуры, спорта и туризма.

Valery V. Kasyanov

Doctor of Sociology,
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Dean of the Faculty of Journalism,
Head of the Department of Russian History,
Faculty of History, Sociology
and International Relations,
Kuban State University
culture@kubsu.ru

Petr S. Samigin

Doctor of Sociology,
Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Rostov State University of Economics
samvgin78@yandex.ru

Natalia Iv. Gorlova

Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Management
of Sports and Active Leisure,
Russian Economic University
named after G.V. Plekhanov
gorlovanat@yandex.ru

**THE PROBLEMS OF ORGANIZATION
OF YOUTH PHYSICAL
RECREATION IN THE CONTEXT
OF THE IMPLEMENTATION OF STATE
YOUTH POLICY IN MODERN RUSSIA**

■ ■ ■

Annotation. The article notes that despite the goals declared in the texts of state programs related to the involvement of the majority of the population in general and youth in particular in physical culture and sports activities and other areas of physical recreation, in reality the number of Russians participating in the activity under consideration on a regular and systematic basis is significantly inferior to similar indicators characteristic of Western European states. As the authors point out, the organization of optimal recreational activity of young people cannot be carried out without the participation of state authorities and local self-government. Youth clubs and communities, whose activities are focused specifically on physical and motor recreation through the use of physical culture, sports and tourism, can act as the main means of promoting recreational activities of a sports and wellness nature in the youth environment.

Ключевые слова: молодежь, учащаяся молодежь, молодежная политика, досуг, рекреация, физическая рекреация, рекреационная деятельность, рекреационное пространство, спорт, массовый спорт, физическая культура, туризм.

Keywords: youth, students, youth policy, leisure, recreation, physical recreation, recreational activity, recreational space, sports, mass sports, physical culture, tourism.

В условиях современного общества важное значение приобретает рекреация, представляющая собой социально организованный процесс, который направлен на восстановление и поддержание человеческих физических и духовных сил, и имеет в качестве своей основополагающей цели оптимизацию состояния здоровья индивида в комплексе с приобретением последним положительного социального опыта. В специальных исследованиях рекреация также определяется как деятельность, направленная на восстановление человеком сил, которые были израсходованы им в процессе осуществления профессиональной или трудовой деятельности, и предусматривающая создание определенного запаса энергии с целью продолжения активной жизнедеятельности в будущем, а также сохранения и увеличения физического и интеллектуального потенциала [1, с. 10]. С точки зрения А.В. Бирюковой, рекреация характеризуется наличием свободы выбора осуществляемых видов деятельности, реализацией в свободное от основных занятий время, направленностью на восстановление и укрепление здоровья, развитие различных личностных качеств [2, с. 12].

Наряду с понятием «рекреация», в научной литературе также нередко используется близкое к нему по значению понятие «досуг», которое является более широким: досуг или досуговая деятельность может иметь как активный, так и пассивный характер. Что же касается рекреации, то она, как уже было отмечено выше, предусматривает деятельность, направленную на восстановление физических сил индивида, поддержание и укрепление его здоровья, повышение уровня работоспособности и т.д. Рассматриваемые характеристики рекреации приобретают особую актуальность применительно к молодежи, которая объективно нуждается в активной деятельности, призванной укрепить здоровье представителей рассматриваемой социально-демографической группы, повысить уровень ее работоспособности, умения адаптироваться к условиям постоянно меняющейся внешней среды, что необходимо для достижения успеха в профессиональной и других сферах жизнедеятельности молодых людей. Включение молодежи в деятельность рекреационного характера в идеале должно быть направлено не на пассивные, а именно на активные формы проведения свободного времени, способные оказывать позитивное воздействие на состояние здоровья. В то же время, для значительной части представителей современной российской молодежи, в соответствии с выводами некоторых экспертов, характерна преимущественная ориентация на зрелищно-развлекательный компонент досуговой деятельности (примером может служить просмотр спортивных состязаний): здесь молодой человек предстает исключительно в роли

зрителя, болельщика, а не активного участника спортивных мероприятий, вовлеченного в систематическую деятельность спортивно-оздоровительного характера [3, с. 15].

Одна из наиболее известных в отечественной социологической науке классификаций досуговой деятельности предложена исследователями, представляющими Институт социологии РАН: данная классификация основана на типе избираемого досуга, который, в свою очередь, зависит от конкретных форм проведения свободного времени. В рамках данной классификации, выделяются, соответственно, пассивный отдых или «ничегонеделание», а также – активный развивающий досуг. Несмотря на то, что молодежь, в целом, как показывают результаты социологических опросов, представляет собой достаточно активную в социальном плане группу; все же, для значительной ее части характерен преимущественно пассивный отдых, включающий общение в Интернете, социальных сетях, компьютерные игры, просмотр телепередач или прослушивание музыки [4, с. 268–269]. Очевидно, что пассивные формы проведения свободного времени не способны оказывать позитивное воздействие на состояние здоровья молодых людей, в отличие от активной деятельности спортивно-оздоровительного характера, направленной на совершенствование физических качеств индивидов, развитие их двигательных навыков и умений и других позитивных эффектов здорового отдыха.

Отсюда проистекает высокая значимость именно физической, двигательной рекреации: последняя представляет собой активность, направленную на восстановление физических и психических сил человека после выполнения им основной деятельности, обыкновенно связанную с работой или учебой, и осуществляемую с помощью средств спорта и физической культуры. Двигательная рекреация предусматривает не только восстановление сил, сохранение и укрепление здоровья, но и развитие физических качеств, совершенствование функциональных систем организма, овладение новыми моторными умениями и навыками. С точки зрения Н.Г. Соколова и В.П. Овчинникова, физическую рекреацию целесообразно рассматривать как отдых двигательного-активного характера, осуществляемый посредством использования физических упражнений, подвижных игр, а также различных видов спорта, которые позволяют восстановить умственную и физическую работоспособность индивида [5, с. 30]. По сути, физическая рекреация предполагает использование любых видов двигательной активности, которые направлены на укрепление и развитие здоровья, восстановление сил, затраченных человеком в процессе осуществления профессиональной деятельности. Здесь центральную роль призваны играть физическая культура и спорт: занятия ими

на регулярной и систематической основе позволяют значительно увеличить адаптационные возможности организма, сохранить и укрепить здоровье, подготовить молодого человека к осуществлению трудовой и других видов деятельности. Рекреация, в целом, направлена на формирование здоровой, а также, социальной активной личности, обладающей способностью успешно функционировать в условиях постоянно меняющихся внешних условий, высокой конкурентоспособностью, необходимой для эффективной реализации собственных жизненных стратегий.

При этом, как справедливо отмечает А.В. Бирюкова, здесь целесообразно выделять «объективное и субъективное рекреационное пространство» [2, с. 12]. Если первое включает объективные внешние условия для реализации рекреационной деятельности, соответствующую инфраструктуру для активного отдыха, спортивно-оздоровительной деятельности, то второе - внутренние ценности, установки конкретных индивидов, направленных на рекреационную сферу, их готовность к осуществлению деятельности, направленную на укрепление здоровья, восстановление сил и повышение работоспособности. Соответственно, в идеале должны иметься как объективные условия для осуществления различных видов рекреационной активности, и, в первую очередь, физической, двигательной рекреации, так и устойчивая ориентация представителей молодежи на отдых не пассивного, а двигательного характера, предусматривающий использование физических упражнений, подвижных игр, а также различных видов спорта. Здесь нельзя не согласиться с А.В. Бирюковой, указывающей на необходимость в существовании специализированных учреждений для осуществления рекреационной деятельности подростков и молодежи. Рекреационный потенциал данных учреждений следует оценивать по таким параметрам как информационная доступность, включающая возможность оперативного получения молодыми людьми данных о реализуемых рекреационных мероприятиях, деятельности соответствующих учреждений; транспортная доступность, предусматривающая возможность добраться до данного объекта; финансовая доступность, связанная с возможностью воспользоваться предоставляемыми спортивно-оздоровительными и другими услугами [2, с. 13].

На наш взгляд, организация оптимальной рекреационной деятельности молодежи не может быть осуществлена без участия органов государственной власти и местного самоуправления, призванных в первую очередь создавать так называемое объективное рекреационное пространство [6, с. 52]. Речь идет об инфраструктуре для занятий спортом, различных спортивных объектах и сооружениях, а также, о кружках, секциях, спортивно-оздоровительных лагерях, предназначенных для молодежной рекреации. Создание этой инфраструктуры является неотъемлемым компонентом государственной молодежной политики, что закреплено в текстах различных нормативно-правовых актов, государственных программ развития физической культуры, спорта,

молодежного отдыха, туризма и т.д. Так, в соответствии с материалами официальной статистики, в течение последних лет в России было введено в действие довольно значительное число спортивных объектов и сооружений (в период с 2015 по 2019 г. количество таких сооружений увеличилось на 10 тыс.); довольно высокой является и обеспеченность населения спортивной инфраструктурой (56 %) [7]. Что касается молодежи, то, как свидетельствуют результаты опросов, проведенных специалистами, представителями Федерального научно-исследовательского центра социологических исследований Российской академии наук (РАН), потенциальные условия для занятий молодыми людьми физической культурой и спортом являются достаточно обширными: так, в частности, от места проживания молодых людей, находятся либо стадион (на это, в частности, было указано 40,1 % представителей молодежи), либо спортивная площадка – 35,1 %, либо спортивный зал – 32,4 %, либо спорткомплекс – 24,9 %, либо бассейн – 22,1 % [3, с. 270]. Указанные данные позволяют сделать вывод, в соответствии с которым, физкультурно-спортивные объекты, в целом, находятся в пределах доступности, являющейся приемлемой для значительной части представителей современной российской молодежи. В то же время, большее значение имеет не только транспортная или территориальная, но и финансовая доступность учреждений для осуществления той или иной рекреационной активности. В течение последних лет в нашей стране было создано достаточно большое число рекреационных учреждений, в том числе, и для физической, двигательной рекреации: речь идет о всевозможных клубах или центрах здоровья, а также, физкультурно-оздоровительных, спортивно-оздоровительных, рекреационно-оздоровительных центрах, туристских базах, молодежных оздоровительных лагерях и т.д. Проблема заключается в том, что абсолютное большинство данных организаций являются коммерческими и соответствующие оздоровительные, рекреационные услуги предоставляются в них за определенную плату. Учитывая, что молодежь, в целом, является достаточно уязвимой в социально-экономическом плане группой, можно предположить, что рассматриваемые услуги являются недоступными для значительной части молодых людей, являющихся представителями малообеспеченных и бедных слоев российского общества. Данное предположение подтверждается результатами аналитического отчета «Оценка доступности в 2018–2019 годах и истекшем периоде 2020 года физкультурно-оздоровительных и спортивных услуг», подготовленного экспертами Счетной палаты РФ: в соответствии с данным отчетом, соответствующие услуги являются недоступными для большей части населения страны. Для того, чтобы рассматриваемые виды рекреационной деятельности имели оздоровительный эффект, они должны осуществляться на регулярной основе, однако, многие россияне не располагают финансовыми средствами, являющимися достаточными для оплаты систематических занятий. В итоге, был сделан вывод, в соответствии с которым, в современной России

в настоящее время не устранены объективные материальные препятствия, ограничивающие массовый доступ граждан к физкультурно-оздоровительным и спортивным услугам [8].

Несмотря на декларируемые в текстах государственных программ цели, связанные с вовлечением большей части населения, в целом, и молодежи, в частности, в физкультурно-спортивную деятельность и другие направления физической рекреации, в реальности, количество россиян, участвующих в рассматриваемой деятельности на регулярной и систематической основе, значительно уступает аналогичным показателям, характерным для западноевропейских государств. Многие эксперты отмечают формализм, имеющий место в рамках организации массовых рекреационных мероприятий спортивно-оздоровительной и физкультурной направленности: здесь органы власти, в частности, стремятся добиваться показателей массовости посредством использования административного ресурса. В специальных исследованиях также нередко подчеркивается декларативный характер многих государственных целевых программ развития физической культуры и спорта, и, в целом, вклад государства в данную сферу определяется как недостаточный [9].

Что касается многочисленных построенных и введенных в эксплуатацию в течение последних лет спортивных объектов и сооружений, то многие из них в реальности предназначены для использования профессиональными спортсменами и спортивными клубами и к массовому спорту, рекреации широких слоев населения никакого отношения не имеют. Доступ ко многим спортивным объектам на практике возможен только за определенную плату, что имеет следствием недоступность физкультурно-спортивных, оздоровительных услуг для низкодоходных групп населения, значительную часть которых составляет молодежь. Соответственно, многие рекреационные услуги предназначены, в первую очередь, для представителей средних и высших слоев российского общества. Отсюда проистекает необходимость как в усовершенствовании материально-технической базы, необходимой для занятий физической культурой, спортом и другими видами двигательной, физической рекреации, увеличении финансирования данной отрасли с учетом приоритетного значения для общества именно массового, а не профессионального спорта, так и в расширении государственной информационной политики в области физической рекреации, пропаганды физической культуры, спорта и других компонентов оздоровительной, двигательной рекреационной деятельности, создание наиболее оптимальных условий для оздоровительной рекреации молодежи в учебных и трудовых коллективах, по месту жительства, в местах отдыха и т.д.

В качестве основного средства продвижения рекреационной активности спортивно-оздоровительного характера в молодежной среде могут выступать молодежные клубы и сообщества, деятельность которых ориентирована именно на физическую, двигательную рекреацию

посредством использования средств физической культуры, спорта и туризма. Необходимо отметить, что именно спортивные клубы, разветвленная система которых существует в развитых государствах Запада, используется в этих странах для привлечения представителей различных социально-демографических групп и, в том числе, молодежи к систематическим физкультурно-спортивным занятиям. Здесь важным преимуществом является территориальная близость (нередко используется также понятие «шаговая доступность») этих организаций к местам проживания, работы или учебы целевой аудитории данных клубов. Если речь идет о массовом спорте как важной составляющей физической рекреации, то показатели шаговой доступности, в данном случае, могут быть достигнуты посредством создания системы малобюджетных спортивных площадок, функционирующих по месту жительства молодых людей, либо по месту их учебной или трудовой деятельности.

Те оздоровительные клубы, которые существуют в настоящее время, по сути своей, как отмечают Н.Г. Соколов и В.П. Овчинников, клубами не являются по причине отсутствия в них клубной формы организации, включающей членство, единство идеологии и культуры качества жизни и здоровья, просветительства, образования и т.д. Кроме того, по оценкам данных специалистов, существующие в настоящее время клубы здоровья имеют в качестве недостатков низкий оздоровительно-технологический уровень, отсутствия комплекса рекреационных, оздоровительных услуг и т.д. [5, с.33]. Что касается спортивных клубов, то к их функциям традиционно относят предоставление участникам условий для подготовки к спортивным состязаниям, решение различных вопросов организационного характера, проведение спортивных и других рекреационных мероприятий. Так, в среде российской студенческой молодежи важную роль играют студенческие спортивные клубы, основными направлениями деятельности которых являются организация и проведение физкультурно-оздоровительных и спортивных мероприятий массового характера, создание различных секций, любительских спортивных объединений и команд. Работа спортивных клубов должна быть организована таким образом, чтобы их участники могли осуществлять рекреационную деятельность, направленную на укрепление их здоровья, развитие физических и других качеств, повышение социальной и другой активности.

Занятия в спортивных клубах, таким образом, направлены не только на вовлечение молодых людей в регулярные физкультурно-спортивные, оздоровительные занятия, но и призваны содействовать формированию устойчивых потребностей в осуществлении двигательной активности как неотъемлемой формы проведения свободного времени. Наряду с этим, деятельность спортивных, оздоровительных молодежных клубов в идеале должна способствовать удовлетворению потребностей молодых людей в общении со сверстниками, интересном проведении досуга, поддержке и укреплении здоровья, участии в различных мероприятиях спортивно-оздоровительной направленности. В отличие от учащейся

и, в первую очередь, студенческой молодежи, представители работающей молодежи в значительно меньшей степени вовлечены в работу физкультурно-оздоровительных или спортивных клубов. В случае с этой категорией молодежи, препятствием для участия в деятельности таких организаций может выступать необходимость уплаты членских и других взносов, оплаты работы различных тренеров или инструкторов, что

может быть затруднительно для представителей низкодоходных групп молодежи. Если в западно-европейских странах такая практика является нормальной, то в России, где доходы населения уступают аналогичным показателям в развитых капиталистических государствах Запада, необходима финансовая и другая поддержка деятельности молодежных спортивных и оздоровительных клубов и сообществ со стороны государства.

Литература:

1. *Епанешникова О.В.* Социокультурный потенциал рекреационной деятельности в современной России : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Майкоп, 2009.
2. *Бирюкова А.В.* Рекреация подростков в структуре показателей качества жизни : автореф. дис. ... канд. соц. наук, СПб., 2009.
3. *Ионова О.В.* Физкультурно-оздоровительная деятельность в структуре досуга студенческой молодежи : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Пенза, 2018.
4. *Горшков М.К.* Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований : монография / М.К. Горшков, Ф.Э. Шереги. М. : ФНИСЦ РАН, 2020.
5. *Соколов Н.Г.* Рекреация и двигательная реабилитация при занятиях физической культурой и спортом : учеб. пособие / Н.Г. Соколов, В.П. Овчинников. СПб. : РГГМУ, 2016.
6. *Касьянов В.В.* Социально-исторические проблемы осуществления государственной молодежной политики в современной России / В.В. Касьянов, П.С. Самыгин, А.К. Манучарян // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 12.
7. Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 № 3081-р «Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 г.». URL : www.consultant.ru (дата обращения 07.07.2022).
8. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Оценка доступности в 2018–2019 годах и истекшем периоде 2020 года физкультурно-оздоровительных и спортивных услуг». URL : www.ach.gov.ru (дата обращения 08.07.2022).
9. *Клюев А.П.* Тенденции и барьеры управления массовым спортом в современной России (на материалах экспертного опроса) / А.П. Клюев, П.К. Кузнецов // Управленческое консультирование. 2013. № 2.
10. Социология молодежи / М.Ю. Попов, С.А. Гусова и соавт.; Под ред. В.Н. Кузнецова. М., 2005. 335 с.

Literature:

1. *Epaneshnikova O.V.* Socio-cultural potential of recreational activity in modern Russia : abstract of dis. ... cand. of sociol. sciences. Maykop, 2009.
2. *Biryukova A.V.* Recreation of adolescents in the structure of quality of life indicators : abstract of dis. ... cand. of sociol. sciences. SPb., 2009.
3. *Ionova O.V.* Physical culture and recreation activities in the structure of leisure of student youth : abstract of dis. ... cand. of sociol. sciences. Penza, 2018.
4. *Gorshkov M.K.* The youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of long-term research: monograph / M.K. Gorshkov, F.E. Sheregi. M. : FNIS CS RAS, 2020.
5. *Sokolov N.G.* Recreation and motor rehabilitation during physical culture and sports : textbook / N.G. Sokolov, V.P. Ovchinnikov. SPb. : RGGMU, 2016.
6. *Kasyanov V.V.* Socio-historical problems of the implementation of the state youth policy in modern Russia / V.V. Kasyanov, P.S. Samygin, A.K. Manucharyan // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. № 12.
7. The Decree of the Government of the Russian Federation of 24.11.2020 № 3081-r «On approval of the Strategy for the development of physical culture and sports in the Russian Federation for the period up to 2030». URL : www.consultant.ru (date of the application 07.07.2022).
8. Report on the results of the expert-analytical event «Assessment of accessibility in 2018–2019 and the expired period of 2020 of physical fitness and sports services». URL : www.ach.gov.ru (date of the application 08.07.2022).
9. *Klyuev A.P.* Trends and barriers of mass sports management in modern Russia (based on the materials of an expert survey) / A.P. Klyuev, P.K. Kuznetsov // Management consulting. 2013. № 2.
10. Sociology of Youth / M.Yu. Popov, S.A. Gusova [et al.]; Ed. by V.N. Kuznetsov. M., 2005. 335 p.

Ковров Владимир Викентьевич

кандидат педагогических наук,
доцент,
Севастопольский
государственный университет
lev23@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна

доктор философских наук,
профессор,
кафедра социально-гуманитарных
дисциплин,
Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал)
Донского государственного университета,
г. Шахты
biktoria66@mail.ru

Шолудченко Инесса Евгеньевна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры педагогики,
Ростовский государственный медицинский
университет Минздрава России
inessluck@yandex.ru

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК
ПРОСТРАНСТВО ЛЕГИТИМИЗАЦИИ
АГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
МОЛОДЫХ ПОКОЛЕНИЙ РОССИЯН**

Аннотация. В данной публикации социальные сети анализируются в качестве пространства легитимизации агрессии молодежи, которая как объект исследования рассматривается с позиций поколенческого подхода. Под легитимизацией агрессии в пространстве социальных сетей нами подразумевается процесс смыслового обоснования правомерности, мотивированности и приемлемости молодыми поколениями россиян просмотра агрессивного контента и формирование агрессивного поведения в социальных сетях путем приписывания социально одобряемого (легитимного) статуса и готовности оправдывать агрессивное поведение.

Ключевые слова: социальные сети, агрессивное поведение, агрессия, молодые поколения, россияне, молодежь, пространство, легитимизация.

Проблема агрессивного поведения молодых поколений актуализировалась давно, однако, никогда ранее ученые (социологи, психологи, культурологи, юристы, праведы) не наблюдали, чтобы молодежная агрессивность приобрела вселенские масштабы. Драйвером радикальных изменений в процессе социализации

Vladimir V. Kovrov

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor,
Sevastopol State University
lev23@list.ru

Victoria V. Kotlyarova

Doctor of Doctor of Philosophy,
Professor,
Department of Social
and Humanitarian Disciplines,
Institute of Service and Entrepreneurship
(branch) Don State Technical University,
Shakhty
biktoria66@mail.ru

Inessa E. Sholudchenko

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor
of the Department of Pedagogy,
Rostov State Medical University
of the Ministry of Health of Russia
inessluck@yandex.ru

**SOCIAL NETWORKS AS AN SPACE
FOR LEGITIMIZATION OF AGGRESSIVE
BEHAVIOR OF YOUNG GENERATIONS
OF RUSSIANS**

Annotation. In this publication, social networks are analyzed as a space for legitimizing youth aggression, which, as an object of research, is considered from the standpoint of a generational approach. Under the legitimization of aggression in the space of social networks, we mean the process of semantic substantiation of the legitimacy, motivation and acceptability of young generations of Russians for viewing aggressive content and the formation of aggressive behavior in social networks by attributing a socially approved (legitimate) status and readiness to justify aggressive behavior.

Keywords: social networks, aggressive behavior, aggression, young generations, Russians, youth, space, legitimization.

молодых поколений россиян и нарастания агрессивного поведения стали интернет-коммуникации в социальных сетях [1], в которых молодые люди могут пребывать онлайн 24/7 в домашних условиях, в условиях академической среды и на улице. Этот факт связан с тем, что в социальных сетях можно быть, пользуясь различными

информационно-техническими сервисами на смартфоне, планшете, ноутбуке, компьютере – это совсем недавно стало новой социализационной нормой [2], легитимизированной информационным обществом, в рамках которого Интернет и социальные сети стали новым институтом социализации молодых поколений россиян. А поскольку каждое новое поколение – это продукт своего времени: с его уникальными социальными, экономическими, социокультурными и технологическими характеристиками, то принадлежность к тому или иному поколению определяет мировоззрение, формирует ценностные ориентации и, конечно, формы поведения, обусловленные детерминантами конструктивного либо деструктивного характера [3].

С позиций поколенческого подхода к молодежи, поколения молодых россиян можно дифференцировать на поколение Y – миллениалы (родившиеся после 1980-х – 1995 гг.), Z – поколение селфи (родились после 1995г.) и поколение онлайн (родились после 2007г.) [4, с. 120].

Охарактеризуем данные поколения с точки зрения влияния компьютерных технологий на их поведенческие характеристики.

Поколение Y – это будущие потребители, годы становления которых, были полны плееров, компьютеров, они выросли с текстовыми сообщениями, чатами, видеоиграми, длительным пребыванием в сети. Это поколение сильно в реализации мультитаск и технология – это их образ жизни.

Поколение Z – исключительно интерактивны: одобряют новые технологии, годы становления данного поколения связано с социальными сетями, WhatsApp, YouTube, сетевыми играми, они чувствуют себя глобально и социально связанными.

Поколение онлайн (платформенное поколение) – социализируются с самого рождения в онлайн-пространстве, они выросли со смартфонами, ноутбуками, портативной электроникой, виртуальной и дополненной реальностью. Для этого поколения форматы онлайн-взаимодействия и взаимодействия в реальной жизни перемешаны и соединены, дети и подростки не всегда способны разделить их между собой.

Наиболее популярными социальными сетями для российской молодежи являются ВКонтакте (94,1 % опрошенных предпочитают эту сеть) и Instagram – 68,3 %. А среди наиболее значимых для респондентов мессенджеров на первом месте оказался WhatsApp (71,0 %), далее – Telegram (43,3 %), Viber (27,1 %) и Skype (25,4 %) [5].

Пространство социальных сетей для этих поколений россиян сопряжено с ощущениями собственной автономности, активности и личной свободы в выборе содержательного наполнения общения и форм социального взаимодействия, что позволяет характеризовать пространство социальных сетей как рискогенное, несущее в себе деструктивные формы поведения, в том числе и легитимизацию агрессии.

Как известно, агрессивность, транслируемая в социальных сетях, имеет широкий диапазон проявлений – от опосредованной агрессии вербального характера до вербовки и планирования террористических актов [6].

Что же представляет собой легитимизация, будучи процессом обеспечения общественного признания того или иного институционального пространства в целом?

Необходимо сразу уточнить, что категория «легитимизация» является производной от категории «легитимность», введенной в научно-понятийный социально-политический аппарат немецким социологом и политологом М. Вебером [7]. Опираясь на избранные труды М. Вебера, под легитимизацией агрессии в пространстве социальных сетей нами подразумевается процесс смыслового обоснования правомерности, мотивированности и приемлемости молодыми поколениями россиян просмотра агрессивного контента и формирования агрессивного поведения в социальных сетях путем приписывания социально одобряемого (легитимного) статуса и готовности оправдывать агрессивное поведение.

Как подчеркивают С.Н. Ениколопов и Н.В. Чудова, легитимизация представляет собой процесс, в рамках которого «индивид разрабатывает механизмы и аргументы, оправдывающие и одобряющие конкретные действия, поступки или отношения как общественно значимые» [8, с. 19]. При этом легитимизация агрессивного поведения как утверждение, признание чего-то среди молодых поколений россиян идет по одному из трех путей, базирующихся на ценностном, гуманистическом и нормативном подходах [8]:

- по пути признания агрессии как самостоятельной ценности;
- по пути признания агрессии и агрессивного поведения как инструмента защиты прав человека и охраны окружающей среды;
- по пути признания агрессивного поведения как оружия защиты традиционных социокультурных ценностей и поддержания норм.

А как можно определить легитимизированную агрессию молодых и легитимизацию агрессивного поведения поколений? Легитимизированная агрессия впервые встречается в социологической теории культурного излишка Л. Бэрона и М. Страуса. В соответствии с главным тезисом данной теории – во всякой культуре существуют такие ценности и нормы, которые оправдывают агрессию в определенных ситуациях и могут способствовать использованию человеком таких деструктивных форм поведения, как агрессия, принуждение, жесткое давление. Авторы обнаружили положительную корреляцию между индексом легитимизированной агрессии и индексом преступных форм поведения [9].

В рамках заявленной тематики, необходимо подчеркнуть, что речь может идти о легитимизации двух полярных агрессивных форм поведения.

Первая форма представляет собой демонстрацию агрессии, просмотр сцен насилия и размещение в социальных сетях различного контента, имеющего агрессивный характер – эту форму можно назвать созерцательно-демонстративной. Вторая же форма – это экстраполяция явного проявления агрессивного поведения молодых пользователей, нацеленное на других участников пространства сетевой интеракции. В качестве примера можно привести т.н. «стилевые типы» сетевой подростковой и молодежной агрессии:

– «троллинг» (социальная провокация, эпатажные агрессивные высказывания), «хейтерство» (ненавистничество, склоничество) [10, с. 6];

– кибербуллинг (отдельное направление электронной травли), который определяется как преднамеренные агрессивные действия, указывающие на социальную жестокость в сетевом взаимодействии: например, группа молодых людей, объединенная идеей кибербуллинга с агрессивными высказываниями, угрозами, домогательствами и травлей в социальных сетях по отношению к беженцам, представителям иных этнических сообществ.

С.Н. Еникополов и Н.П. Цибульский разработали опросник для измерения легитимизированной (социально одобряемой) агрессии, и в результате была получена структура из пяти факторов легитимизации агрессивного поведения молодых поколений в зависимости от сферы: политической, спортивной, СМИ, воспитания и личного опыта [11].

Согласно результатам отечественных исследований, проведенных А.Н. Султановой, У.Ю. Чут, Г.А. Бусыгиной и др., коэффициент легитимной агрессии определялся по сумме трех переменных, в числе которых - интересующий нас коэффициент легитимной агрессии в средствах массовой информации, в том числе и социальных сетях. Этот коэффициент определялся по рейтингу

читаемости информации в социальных сетях и просмотру различных каналов с агрессивной тематикой. Авторы пришли к выводу о том, что легитимизированная агрессия личности связана с другими составляющими элементами агрессивного поведения и установками в его отношении, такими, в частности, «как склонность скрывать (проявлять анонимно) и ритуализировать агрессию, получать от нее удовольствие, оправдывать ее» [12, с. 89].

Также, серьезной проблемой сетевой коммуникации является использование техник манипуляции и манипулятивного поведения, в особенности, приемов обесценивания [13].

В исследованиях С.Н. Еникополова и Н.В. Чудовой была обнаружена взаимосвязь между уровнем легитимизации агрессии и склонностью к девиантным, деструктивным формам поведения молодых поколений россиян, что связано с демонстрацией агрессивного поведения и «оправданием насилия законопослушными, социально успешными людьми и уровнем аномии (презрения к нормам и ценностям общества и законам и интересам государства) поведения в социальных сетях [13, с. 59].

В заключении необходимо сказать о том, что важным направлением профилактики и минимизации агрессивного сетевого поведения молодых поколений россиян является развитие информационных методов, в рамках которых могут быть сформированы электронные автоматизированные экспертные методы выявления и динамического мониторинга сетевой агрессии. Благодаря разработке такого рода методов, представляется возможным обнаружить тексты и сообщения в пространстве социальных сетей, носящие рискованный, угрожающий, провокационный, деконсолидирующий, экстремистский, дестабилизирующий, обесценивающий и манипулятивный характер.

Литература:

1. *Чебунина О.А.* Социальные интернет-сети в процессе социализации современной российской молодежи: специфика влияния и социализационные риски : дис. ... канд. социол. наук. Ростов-н/Д., 2019. 34 с.
2. *Kobysheva L.* Organization of higher education in context of digitalization: online learning experience at pandemic, development trends / L. Kobysheva [et al.] // In the collection E3S Web of Conferences. 14. Rostov-on/D., 2021.
3. *Гафиатулина Н.Х.* Детерминанты деструктивного поведения в молодой семье: социально-психологическое осмысление / Н.Х. Гафиатулина, Н.М. Сизова, И.Е. Шолудченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 5. С. 33–37.
4. *Йонген В.* Onlife. Ритейл будущего. М., 2021. 320 с.

Literature:

1. *Chebunina O.A.* Social Internet networks in the process of socialization of modern Russian youth: the specifics of influence and socialization risks : dis. ... cand. sociological sciences. Rostov-on/D., 2019. 34 p.
2. *Kobysheva L.* Organization of higher education in context of digitalization: online learning experience at pandemic, development trends / L. Kobysheva [et al.] // In the collection E3S Web of Conferences. 14. Rostov-on/D., 2021.
3. *Gafiatulina N.Kh.* Determinants of destructive behavior in a young family: socio-psychological understanding / N.Kh. Gafiatulina, N.M. Sizova, I.E. Sholudchenko // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2022. № 5. P. 33–37.
4. *Jongen V.* Onlife. Retail of the future. M., 2021. 320 p.

5. Молодежь России в цифровом пространстве: основания дифференциации стратегий интернет-поведения / Е.В. Бродовская [и др.] // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. Т. 14. № 1. С. 37–58.
6. *Брусенцева Д.М.* Формирование современным медиапространством террористических установок в молодёжной среде / Д.М. Брусенцева // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 193–198.
7. *Вебер М.* Избранное: Образ общества. СПб., 2015.
8. *Ениколопов С.Н.* Агрессивность и имплицитная теория насилия / С.Н. Ениколопов, Н.В. Чудова // Прикладная юридическая психология. 2017. № 2(39). С. 18–26.
9. *Baron L.* Cultural and economic sources of homicide in the United States / L. Baron, M. Straus // Journal of Family Violence. 2001. Vol. 16, I. 4. P. 421–435.
10. *Собкина В.С.* Подростковая агрессия в социальных сетях: восприятие и личный опыт / В.С. Собкина, А.В. Федотова // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 2. С. 5–18.
11. URL : https://psylab.info/Опросник_легитимизированной_агрессии
12. Особенности агрессивного поведения у лиц, легитимизирующих агрессию / А.Н. Султанова, У.Ю. Чут, Г.А. Бусыгина [и др.] // Reflexio. 2020. Т. 13. № 2. С. 79–92.
13. *Ениколопов С.Н.* Социальные сети как машина легитимизации агрессии / С.Н. Ениколопов, Н.В. Чудова // Сб. материалов III Всероссийской научно-практической конференции «Консолидация общества: аналитика обеспечения развития России и ее национальной безопасности». М., 2016. С. 58–61.
5. Russian youth in the digital space: grounds for differentiation of Internet behavior strategies / E.V. Brodovskaya [et al.] // Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk. 2019. Vol. 14. № 1. P. 37–58.
6. *Brusentseva D.M.* Formation of terrorist attitudes in the youth environment by modern media space / D.M. Brusentseva // State and municipal management. Scientific notes. 2019. № 1. P. 193–198.
7. *Weber M.* Favorites: The Image of Society. SPb., 2015.
8. *Enikolopov S.N.* Aggressiveness and the implicit theory of violence / S.N. Enikolopov, N.V. Chudova // Applied Legal Psychology. 2017. № 2(39). P. 18–26.
9. *Baron L.* Cultural and economic sources of homicide in the United States / L. Baron, M. Straus // Journal of Family Violence. 2001. Vol. 16, I. 4. P. 421–435.
10. *Sobkina V.S.* Teenage aggression in social networks: perception and personal experience / V.S. Sobkina, A.V. Fedotova // Psychological science and education. 2019. Vol. 24. № 2. P. 5–18.
11. URL : [https://psylab.info/ Questionnaire_of_legitimate_aggression](https://psylab.info/Questionnaire_of_legitimate_aggression)
12. Peculiarities of aggressive behavior in persons legitimizing aggression / A.N. Sultanova, U.Yu. Chut, G.A. Busygina [et al.] // Reflexio. 2020. Vol. 13. № 2. P. 79–92.
13. *Enikolopov S.N.* Social networks as a machine for the legitimization of aggression / S.N. Enikolopov, N.V. Chudova // Collection of materials of the III All-Russian scientific and practical conference «Consolidation of society: analytics of ensuring the development of Russia and its national security». M., 2016. P. 58–61.

Ламинина Ольга Глебовна

кандидат философских наук,
доцент,
Национальный
исследовательский университет,
Московский государственный технический
университет имени Н.Э. Баумана
olga.laminina@ngips.ru

Худиковская Мария Васильевна

Национальный
исследовательский университет,
Московский государственный технический
университет имени Н.Э. Баумана
m.khudikovskaya@yandex.ru

Шишова Анастасия Дмитриевна

Национальный
исследовательский университет,
Московский государственный технический
университет имени Н.Э. Баумана
adshishova@mail.ru

МОДЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Аннотация. В статье описывается концепция базовой модели информационного взаимодействия социальных субъектов, основанная на теории информационного поля и его терминах. Тем не менее, информационное поле в базовой модели не рассматривается как специфическая характеристика информационного пространства. Для разработки концепции модели используется метод агентного моделирования в структуре «субъект-среда-объект». Введены понятия «семантический спектр», «шкала чувствительности объекта». В результате проведенного исследования, разработана концепция первичной модели поведения агента, в которой реакции на информационное воздействие рассмотрены без учета характерных информационно-полевых эффектов с упрощенной бинарной социальной реакцией объектов на информационное воздействие.

Ключевые слова: агентное моделирование, информационное взаимодействие, имитационное моделирование, информационное поле, социальная среда, информационная среда, информационное воздействие.

Сегодня общепризнанным является факт, что человечество вступило в эпоху информационного общества. Огромное количество научных работ посвящено исследованию взаимодействия личности и информационного пространства, социальной и информационной сред. Однако очень малое количество исследователей занимаются

Olga G. Laminina

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
National Research University,
Moscow State Technical
University named after N.E. Bauman
olga.laminina@ngips.ru

Maria V. Kulikovskaya

National Research University,
Moscow State Technical
University named after N.E. Bauman
m.khudikovskaya@yandex.ru

Anastasia D. Shishova

National Research University,
Moscow State Technical
University named after N.E. Bauman
adshishova@mail.ru

SOCIAL COMMUNICATION RESEARCH MODEL

Annotation. The article describes the concept of the basic model of information interaction of social subjects based on the theory of the information field and its terms. Nevertheless, the information field in the basic model is not considered as a specific characteristic of the information space. To develop the concept of the model, the agent modeling method is used in the «subject-environment-object» structure. The concepts of «semantic spectrum», «sensitivity scale of the object» are introduced. As a result of the research, the concept of the primary model of agent behavior has been developed, in which reactions to information impact are considered without taking into account the characteristic information-field effects with a simplified binary social reaction of objects to information impact.

Keywords: agent modeling, information interaction, simulation modeling, information field, social environment, information environment, information impact.

проблемой разработки математической модели взаимодействия социума и информационного пространства. Из отечественных учёных, посвятили свои работы данной проблеме, можно выделить С.Н. Бухарина, В.И. Ковалева, С.Ю. Малкова. Они разработали теорию информационного поля, предложили понятия и базовые соотношения,

которые позволяют формализовать информационные отношения различных субъектов, и разработали определенную математическую модель информационных взаимодействий [1; 2; 3; 4].

Теория информационного поля основана на концептуальной модели «субъект-среда». Авторы этой концепции объясняют такой выбор особенностью моделирования социальных объектов и учетом влияния социальной среды на информационное взаимодействие субъектов. Также, они вводят понятие «информационное поле» и описывают его по аналогии с физическими полями. Этот подход представляется разумным и обоснованным, однако больше сосредоточен на описании свойств информационного поля.

В данной статье описана концепция базовой модели информационного взаимодействия социальных субъектов, основанная на теории информационного поля и его терминах. Целью модели является создание инструмента прогнозирования реакции наблюдаемых социальных групп и всего наблюдаемого сообщества под многократным информационным воздействием разной тематической направленности и интенсивности. Однако процесс взаимодействия рассматривается с точки зрения отправления, обработки, приема информационных сигналов и возможной реакции адресатов, с учетом влияния информационной среды на проходящий сквозь нее информационный сигнал. Также, принята в расчет особенность восприятия информации человеком. Таким образом, один и тот же информационный сигнал, несущий один «информационный заряд» будет обработан по-разному и вызовет различные реакции. Одной из основных целей моделирования является попытка симитировать реакцию приемника информации на информационный сигнал. Соответственно, посылая информационное сообщение с определенными характеристиками, можно посмотреть реакцию приемника и, например, просчитать стратегию информационной кампании.

Несмотря на использование основных подходов из теории информационного поля, в базовой модели не идет речи об информационном поле, как некоей топологии – пространстве, которое обладает полевыми свойствами, такими как способность оказывать воздействие на объекты, в этом поле находящиеся. Информационное поле как специфическая характеристика информационного пространства, пронизывающего социальное пространство (в предлагаемой модели пространство ключевых агентов), должно быть введено в модель на этапе формирования комплексной модели. Понятие «информационное поле» в создаваемой модели может иметь различный физический смысл и быть описано как ряд социальных явлений от оперативно появляющихся (общественное мнение, доминирующая социальная реакция, такая, например, как паника) до глубоко индоктринированных социальных установок (понятия приличия, требования культурного поведения и т.п.)

На данном этапе первичная модель поведения агента будет рассмотрена как реакции на информационное воздействие без учета характерных информационно-полевых эффектов с упрощенной бинарной социальной реакцией объектов на информационное воздействие.

Метод агентного моделирования является наиболее подходящим для создания базовой имитационной модели с указанными целями. Соответственно, агентами будут социальные субъекты: отдельные люди или социальные группы с одинаковыми усредненными характеристиками.

Для построения модели будет использоваться структура «субъект-среда-объект». Это обусловлено тем, что фактически в модели рассматриваются две среды: социальная среда, состоящая из совокупности агентов, воспринимающих информацию от посланий, и информационная среда, как совокупность информационных посланий и коммуникационных каналов. Схема абстракции взаимодействия сред представлена на рисунке 1.

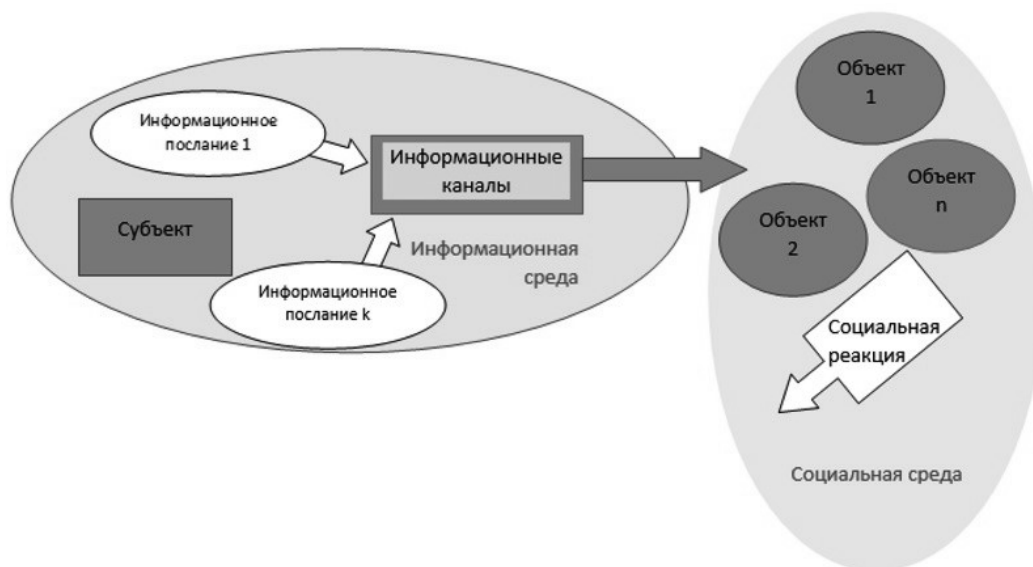


Рисунок 1 – Структура базовой модели

Субъект информационного воздействия в этой модели является источником информации. Он генерирует и посылает сообщение. На данном этапе моделирования субъект не обладает определенными индивидуальными характеристиками, однако в реальности субъект помимо обладания определенными характеристиками способен воспринимать обратную связь от приемников информации. Эти особенности не учитываются в базовом варианте модели.

Информационная среда является средством передачи сообщения от источника приемнику. Она имеет определенную пропускную способность, описываемую семантическим спектром, так называемый фильтр, который позволяет корректировать сообщение, учитывать влияние среды на смысл послания. В базовой модели информационная среда однородна, то есть одинаково реагирует на любой сигнал из любого источника, однако при дальнейшей разработке модели в среде можно выделить отдельные информационные каналы, оказывающие различное влияние на сообщения.

Объект информационного воздействия описывает одного агента, имеющего определенный набор параметров, представляющий шкалу индивидуальных предпочтений. Совокупность агентов – это социальная среда, совокупную реакцию

которой исследует модель. Объект принимает сообщение, передаваемое субъектом через среду, и использует его как источник энергии для социальной реакции. Если сообщение не обладает достаточным количеством энергии, оцениваемой по шкале чувствительности (шкале индивидуальных предпочтений) объекта, социальная реакция выражается бездействием (пассивной позицией агента), иначе агент переходит в активную позицию.

Семантический спектр – комплекс характеристик, отражающих тематическое наполнение сообщения (многопараметрическая шкала). Это определенный информационный заряд сообщения, описываемый через семантические темы, указанные в послании. В смысловом спектре указывается тематическая характеристика и степень ее проявления в сообщении. Интенсивность проявления описывается дискретным показателем. Данная шкала позволяет использовать экспертные оценки. Например, оцениваются заявления о помощи государства малоимущим. В семантическом спектре могут быть выделены следующие тематические линейки: финансовая помощь, поиск работы, льготы. Каждое сообщение оценивается экспертами по этим линейкам, и определяется коэффициент в диапазоне $[-1, 1]$. Схема семантического спектра представлена на рисунке 2.

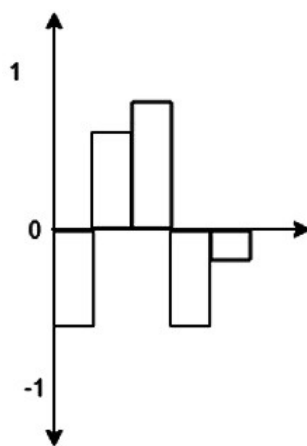


Рисунок 2 – Схема семантического спектра сообщения

Сообщение (информационное послание) – схематичная структура информационного сигнала, описываемая семантическим спектром. Каждое сообщение субъекта характеризуется смысловым спектром послания. Соответственно, модель рассматривает не само послание, а его спектр. Все сообщения в модели описываются только в рамках одного семантического спектра.

Шкала чувствительности объекта – это шкала индивидуальных предпочтений приемника, его взглядов и убеждений, выражаемая семантическим спектром.

Имитационная модель существует и проживает жизненный цикл в собственном модельном времени T . Передача сообщения занимает один временной шаг: в момент времени $T(i)$ происходит отправка и прием сообщения, в момент времени

$T(i+1)$ объект генерирует социальную реакцию. В результате, работу модели можно описать следующим образом: сначала источник формирует информационное послание, задавая значения семантического спектра, описывающего сообщение. Затем он отправляет послание в информационную среду. При передаче сообщения информационная среда определенным образом корректирует сообщение, изменяя его семантический спектр в соответствии с собственной шкалой чувствительности, информационным фильтром. Далее информационное послание достигает приемника сообщения, который также оценивает его в соответствии с собственными индивидуальными предпочтениями и формирует определенную социальную реакцию.

Таким образом, за определенное количество временных шагов, составляющих жизненный цикл

модели, источник отправляет некоторое количество сообщений и получает социальную реакцию агентов-приемников. Источник не должен отправлять сообщение на каждом временном шаге, соответственно, приемник также не получает сообщения.

В заключение можно отметить, что модель дает возможность имитировать информационное воздействие на объекты социальной среды, оценить

Литература:

1. Бухарин С.Н. К вопросу о математическом моделировании информационных воздействий / С.Н. Бухарин, С.Ю. Малков // Информационные войны. 2010. № 2(14). С. 14–20.
2. Бухарин С.Н. Основы теории информационного поля. Инноватика и экспертиза / С.Н. Бухарин, С.Ю. Малков. 2014. № 1(12). С. 131–148.
3. Цыганов В.В. Информационные войны в бизнесе и политике / В.В. Цыганов, С.Н. Бухарин // Теория и методология. М. : Академический проект, 2007.
4. Бухарин С.Н. О формализации понятия информационного поля / С.Н. Бухарин, В.И. Ковалев, С.Ю. Малков // Информационные войны. 2009. № 4(12). С. 2–10.
5. Клаус Н.Г. Применение агентного моделирования в анализе социальных конфликтов. Модель «Две этнические группировки. Предотвращение геноцида» / Н.Г. Клаус; Под ред. В. И. Филоненко // Методология, теория и история социологии: сборник научных статей : в 3 т. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮФУ, 2012. Т. 2. С. 57–65.
6. Миняев А.И. Агентно-ориентированный подход в имитационном моделировании / А.И. Миняев // E-Scio. 2020. № 8(47). С. 196–201.

реакцию объектов на информационные сообщения, учесть особенности конкретной социальной группы. При этом в данной статье рассматривается лишь базовая модель информационного взаимодействия, которая описывает самые основные принципы работы модели. Базовая модель выполняет свою основную функцию, тем не менее, для получения более полных результатов моделирования необходима серьезная доработка существующей модели.

Literature:

1. Bukharin S.N. On the question of mathematical modeling of information impacts / S.N. Bukharin, S.Yu. Malkov // Information Wars. 2010. № 2(14). P. 14–20.
2. Bukharin S.N. Fundamentals of the theory of the information field. Innovation and Expertise / S.N. Bukharin, S.Yu. Malkov. 2014. № 1(12). P. 131–148.
3. Tsyganov V.V. Information wars in business and politics / V.V. Tsyganov, S.N. Bukharin // Theory and methodology. M. : Academic project, 2007.
4. Bukharin S.N. On the formalization of the concept of the information field / S.N. Bukharin, V.I. Kovalev, S.Yu. Malkov // Information Wars. 2009. № 4(12). P. 2–10.
5. Klaus N.G. Application of agent modeling in the analysis of social conflicts. The model «Two ethnic groups. Prevention of genocytosis» / N.G. Klaus; Edited by V.I. Filonenko // Methodology, theory and history of sociology: collection of scientific articles : in 3 vol. Rostov-on/D. : Publishing House of SFU, 2012. Vol. 2. P. 57–65.
6. Minyazev A.I. Agent-oriented approach in simulation modeling / A.I. Minyazev // EScio. 2020. № 8 (47). P. 196–201.

Лю Цзюнь
магистрант,
факультет государственного управления,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
1020368371@qq.com

ИНФОРМАЦИОННАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В ОБЛАСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. На современном этапе развития общества национальные и локальные правительства внедряют информационные технологии для более качественного исполнения экономических и социальных проектов. Информационная модернизация государственного управления помогает также предоставлять гражданам государственные услуги, снижая затраты на их получение таких услуг. В данной статье рассматриваются роль ИКТ в развитии и совершенствовании государственного управления. Автор статьи обосновывает внедрение цифровых технологий в стратегию государственного управления, которые, по его мнению, являются ключевыми для социально-экономического развития страны.

Ключевые слова: государственное управление, информационные технологии, цифровизация, электронное правительство, госуслуги.

Сегодня, в XXI веке, когда информационные технологии стремительно ворвались в нашу жизнь, ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что еще одним важным ресурсом при работе с электронной информацией является государственное управление – целенаправленное и спланированное воздействие государства на людей и созданных ими институтов, определяющее общественную и коллективную жизнедеятельность последних в определенных целях и интересах.

Для более эффективной работы все без исключения органы государственного управления перешли на цифровизацию, под которой следует понимать модернизацию системы управления, основанную на использовании электронного информационного оборудования и технологий и обеспечивающую высокое качество, эффективность, сбалансированность и предсказуемость результатов [5, с. 69]. Цифровизация государственного сектора экономики и сферы социального развития осуществляется с помощью проектов в области ИКТ, начиная от простого онлайн-портала для конкретного учреждения и заканчивая обширными системами управления операциями,

Liu Jun
Master's Student,
Faculty of Public Administration,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
1020368371@qq.com

INFORMATION MODERNIZATION IN PUBLIC ADMINISTRATION: ECONOMIC AND SOCIAL ASPECT

Annotation. At the present stage of society's development national and local governments are introducing information technologies for better execution of economic and social projects. Information modernization of public administration also helps to provide public services to citizens, reducing the cost of obtaining such services. This article discusses the role of ICT in the development and improvement of public administration. The author of the article substantiates the introduction of digital technologies into the strategy of public administration, which, in his opinion, are key for the socio-economic development of the country.

Keywords: public administration, information technology, digitalization, e-government, public services.

которые создают различные организации [6, с. 160]. Цифровизация в короткие сроки оптимизирует административные ресурсы внутренней и внешней политики, предоставляет своим гражданам качественные услуги всех уровней [6, с. 161], хотя, с точки зрения российских исследований, цифровая трансформация в госуправлении не сводится только к изменениям при предоставлении гражданам госуслуг. Цифровые технологии используются также для администрирования доходов, управления государственным имуществом, контрольно-надзорной деятельности, а также для планирования, мониторинга и оценки результатов деятельности органов власти [1, с. 6]. Цифровые технологии в государственном управлении направлены не только на результативность (снижение сроков исполнения тех или иных государственных функций), но и на экономическую эффективность, поскольку, благодаря цифровизации, «развивается глобализация сетевых взаимодействий: производители и потребители практически любой страны мира могут взаимодействовать, компании получают доступ на новые рынки сбыта, формируются новые направления товарных потоков, облегчается встраивание производства в глобальные сети поставок, т.е.,

устраняется необходимость ведения бизнеса с привязкой к определенной территории». Иными словами, цифровизация способствует устранению торговых барьеров, снижению операционных издержек бизнеса, изменению характера экономических связей, которые, с развитием информационных технологий, приобрели глобальный характер [4, с. 22]. Кроме того, цифровизация способствует снижению бюджетных расходов, в том числе и расходов на содержание аппарата госслужащих и на содержание огромного числа государственных организаций (ведомств, департаментов и т.п.) [1, с. 46–47]. Важной сферой цифровой модернизации государственного управления является социальная. Внедрение ИКТ в сферу государственного управления, в первую очередь, связано с концепцией так называемого «электронного правительства» (англ. «e-government»), которое можно переосмыслить как «государство в сети», т.е., государство, создающее единые прозрачные интернет-порталы органов государственной власти. Благодаря широкому внедрению услуг через Интернет, граждане, знакомые с информационными и мобильными технологиями, могут получить доступ к государственным услугам всех уровней. Преимущества тут очевидны: «значительное сокращение времени, необходимого для обработки документов, упрощение бюрократических процедур, облегчение координации действий, а также, достижение большей открытости и прозрачности деятельности государственного управления для граждан, что повышает их доверие к государственным институтам» [3, с. 490]. Благодаря получению услуг в режиме онлайн, каналы физической доставки услуг исчерпали себя, поскольку не всегда могут работать оперативно, т.е. быстро и качественно доставлять услугу заинтересованной в ней стороне [Digitalization, p. 4]. Электронный документооборот снижает количество бумажной волокиты и бюрократии при оформлении документов. 15 декабря 2009 года в России начал функционировать справочно-информационный интернет-ресурс под названием «Единый портал государственных и муниципальных услуг» (ЕПГУ), который гражданам страны известен как «Госуслуги». Этот ресурс обеспечивает доступ физических и юридических лиц к сведениям об услугах государственных и муниципальных учреждений, а также предоставляет в электронной форме все услуги,

Литература:

1. Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е.И. Добролюбова [и др.]. М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 114 с.
2. Катрашова Ю.В. Использование «сквозных» цифровых технологий в сфере государственного управления / Ю.В. Катрашова, Г.Ю. Митяшин // Наука Красноярья. 2020. Т. 9. № 4. С. 85–102.
3. Обущева К.А. Цифровая трансформация государственного управления / К.А. Обущева // Молодой ученый. 2022. № 20. С. 490–493.
4. Стрелкова И.А. Цифровизация экономики: новый формат глобализации / И.А. Стрелкова // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 4. С. 20–28.

размещенные на этом портале в соответствии с конкретным регионом России. Место получения той или иной услуги, как и условия ее предоставления, определяет сам человек.

Благодаря тому, что государство становится поставщиком услуг для физических и юридических лиц, повышается уровень благосостояния населения за счет удобства, возникающего как результат более прозрачных, открытых решений государственного управления. Предоставление государственных услуг в режиме реального времени, расширяет возможностей защиты прав населения, повышает юридическую и информационную культуру граждан [2, с. 87].

В Китае информационная модернизация государственного управления не получила такого отклика у населения, как в России, из-за сохраняющегося цифрового разрыва, т.к. распространение и доступ к ИКТ в Китае неравномерен (в богатых городских районах он выше, чем в сельской местности). Однако, в 2019 году в Китае был открыт общенациональный портал (www.Gov.cn), который на сегодняшний день является одной из лучших информационных площадок КНР. Этот портал позволяет выходить на порталы местных правительств, центральных ведомств и агентств и получать онлайн-услуги. Через «окно» «советы по управлению» пользователи могут загружать свои предложения, советы и комментарии, а через «окно» «Хочу сказать премьер-министру» – напрямую к нему обратиться. Здесь же правительство размещает новости и разъяснения о проводимой государством внешней и внутренней политике.

Конечно, по уровню цифровизации деятельности правительства Китай отстает от многих стран – членов Большой двадцатки, в том числе и от России, но, учитывая принятую национальным правительством еще в 2016 году «Стратегию развития информатизации Китая», согласно которой, к середине XXI века Китай должен стать лидером в глобальном информационном развитии, можно предположить, что информационная модернизация государственного управления в стране выйдет на более высокий уровень, повысив эффективность работы как центрального, так и местных правительств.

Literature:

1. The digital future of public administration by results / E.I. Dobrolyubova [et al.]. M. : Publishing House «Delo» RANEPА, 2019. 114 p.
2. Katrashova Yu.V. The use of «end-to-end» digital technologies in the field of public administration / Yu.V. Katrashova, G.Yu. Mityashin // Science of Krasnoyarsk. 2020. Vol. 9. № 4. P. 85–102.
3. Obusheva K.A. Digital transformation of public administration / K.A. Obusheva // Young Scientist. 2022. № 20. P. 490–493.
4. Strelkova I.A. Digitalization of the economy: a new format of globalization / I.A. Strelkova // Economy. Taxes. Law. 2020. № 4. P. 20–28.

5. *Bondarchuk P.* Digitalization in the values system of Public Administration National Security aspect / P. Bondarchuk // *Sciences of Europe*. 2021. № 6. P. 69–71.

6. *Teemu M.L.* Project governance and portfolio management in government digitalization / M.L. Teemu, A. Kirsi, K. Jaakko // *Transforming Government: People, Process and Policy*. 2019. Vol. 13. № 2. P. 159–196.

7. *D. Little A.* Digitalization of government services. Luxembourg : S.A., 2018. 20 p.

5. *Bondarchuk P.* Digitalization in the values system of Public Administration National Security aspect / P. Bondarchuk // *Sciences of Europe*. 2021. № 6. P. 69–71.

6. *Teemu M.L.* Project governance and portfolio management in government digitalization / M.L. Teemu, A. Kirsi, K. Jaakko // *Transforming Government: People, Process and Policy*. 2019. Vol. 13. № 2. P. 159–196.

7. *D. Little A.* Digitalization of government services. Luxembourg : S.A., 2018. 20 p.

Малых Марина Михайловна
соискатель кафедры социальной философии и социологии, генеральный директор ООО «Региональный дом рекламы», Институт социальных наук Иркутского государственного университета
marcher09@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ЭФФЕКТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ РЕКЛАМЫ НА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ



Аннотация. В статье освещаются условия формирования и проявления социальных эффектов технологического воздействия телевизионной рекламы на потребительское поведение населения России в современных условиях. Акцентируется внимание возросшей скорости распространения и силы влияния информации в условиях глобализации. Определено, что ключевыми эффектами являются: обеспечение спроса на рекламируемые товары и услуги; формирование и укрепление брендов в сознании потребителей; создание и поддержание репутаций компаний и обеспечение безопасности сбыта товаров и услуг. Основываясь на личном профессиональном 17-летнем опыте, автор не только выявляет перечисленные социальные эффекты, но и дает рекомендации по отслеживанию их проявления в иных средствах массовой коммуникации, кроме телевидения. Уделено внимание ментальной составляющей в процессе принятия решения о покупках, а также роли Федерального закона «О рекламе» в обеспечении безопасности сбыта товаров и услуг.

Ключевые слова: социальные эффекты, технологическое воздействие, телевизионная реклама, средства массовой коммуникации, влияние информации, глобализация, потребитель, потребительское поведение, бренды, сбыт товаров и услуг.



Современные условия жизни россиян, сформированные под влиянием глобальных и локальных вызовов, формируют новые стратегии потребительского поведения населения России. Во все времена одним из ключевых факторов, влияющих на структуру потребления, являлись средства массовой коммуникации в целом и телевидение в частности. События последних трех лет с 2020 по 2022 гг. позволили выявить отдельные социальные эффекты технологического воздействия телевизионной рекламы на потребительское поведение населения России.

Marina M. Malykh
Candidate of the Department of Social Philosophy and Sociology, General Director of LLC «Regional Advertising House», Institute of Social Sciences of Irkutsk State University
marcher09@mail.ru

SOCIAL EFFECTS OF TECHNOLOGICAL IMPACT OF TELEVISION ADVERTISING ON CONSUMER BEHAVIOR OF THE RUSSIAN POPULATION IN MODERN CONDITIONS



Annotation. The article highlights the conditions for the formation and manifestation of the social effects of the technological impact of television advertising on the consumer behavior of the Russian population in modern conditions. Attention is paid to the increased speed of dissemination and the power of influence of information in the context of globalization. It is determined that the key effects are: ensuring demand for advertised goods and services, the formation and strengthening of brands in the minds of consumers, the creation and maintenance of reputations of companies and ensuring the safety of sales of goods and services. Based on personal professional experience of 17 years, the author not only identifies the listed social effects, but also gives recommendations on tracking their manifestations in other mass media, except television. Attention is paid to the mental component in the decision-making process on purchases, as well as the role of the Federal Law «On Advertising» in ensuring the safety of the sale of goods and services.

Keywords: social effects, technological impact, television advertising, mass media, influence of information, globalization, consumer, consumer behavior, brands, sales of goods and services.



Под влиянием технического прогресса телевидение как информационный продукт вынуждено технологизировать свою структуру для соответствия потребительским запросам зрителя, а современные специалисты по маркетингу адаптировать телевидение как инструмент рекламы под нужды современных предпринимателей. В одном из своих интервью Энтони Гидденс справедливо называет развитие современных средств массовой телекоммуникации и информации главной тенденцией современной фазы глобализации [3]. В современных условиях скорость передачи и



распространения информации настолько высока, что события, произошедшие в одной точке земного шара, оказывают влияние на людей за сотни тысяч километров от него. В продолжение этой мысли важно отметить концептуальные идеи Пьера Бурдьё в отношении специфики социологического анализа поля журналистики и условий труда журналистов электронных и печатных СМИ: «...с одной стороны, СМИ получают всё большую власть в обществе, становясь, в частности, важнейшим фактором политической борьбы, а с другой – они попадают под непрерывно растущее влияние и контроль, как политики (политиков), так и экономики...» [2]. Данные идеи позволили выделить две основные функции телевидения:

- 1) информирование граждан о событиях в России и мире;
- 2) информирование потребителей о товарах и услугах.

При анализе целей и функций современной телевизионной рекламы обнаруживается ряд социальных эффектов технологического воздействия телевизионной рекламы на потребительское поведение населения России [6].

На основании проведенного автором контент-анализа региональных рекламных кампаний на федеральных телеканалах (Первый, Россия 1, Россия 24, СТС, ТНТ, НТВ, ТВ3, ТВц, Пятница, Пятый, Домашний, Матч, Рен ТВ за 2020–2022 гг.) выявлено, что посредством высокого аудиторного охвата телевизионной рекламы, в короткие сроки обеспечивается **спрос на рекламируемые товары и услуги**. Интерес потребителей к товарным предложениям, демонстрируемым в рекламных сообщениях, можно отследить в поисковых системах. В массированном информационном пространстве потребитель постоянно ищет подробности заинтересовавшего его продукта или услуги. По этой причине, в первых строчках страницы поисковой системы должен появляться сайт компании-производителя или продавца товарного предложения. Данные о количестве запросов в поисковой системе Яндекс отражаются в открытом источнике WordStat. Уровень заинтересованности можно сравнить, выгрузив данные в разные периоды: до рекламной кампании продукта, во время нее и после. Кроме поисковых систем, интерес потребителей проявляется в запросах адресов справочников и карт, а также, во внутренней статистике компании-рекламодателя – в количестве и сумме чеков и входящих звонков.

Еще одним важным социальным эффектом технологического воздействия телевизионной рекламы на потребительское поведение населения является **формирование и укрепление брендов в сознании потребителей**. Согласно многочисленным исследованиям, решение о покупке в умах потребителей созревает под влиянием двух ментальных систем: сознания и подсознания. Работа этих систем подробно описана в книге Дэвида Канемана «Думай медленно, решай быстро» [1]. Согласно воззрениям автора, система 1 (сознание) работает быстро, оказывая влияние на автоматические действия человека,

но базируются данные действия на результатах деятельности системы 2 (подсознание), которая работает медленно, обрабатывая полученную информацию, в том числе, рекламную, находясь в постоянном состоянии обучения и накопления опыта [1]. В результате, совершая покупки, потребитель основывается на работе системы 1, зачастую автоматически. Между тем, во внимании сознания человека находятся те бренды, которые присутствуют в его информационном поле. Воздействия телевизионной рекламы на формирование и укрепление брендов происходят через массированное многократное повторение его в информационных материалах, демонстрируемых на федеральных каналах.

Рыночная экономика служит полем для развития высокой предпринимательской конкуренции, с одной стороны, и проявлением массовой потребительской активности с другой, поскольку товарооборот и доверие покупателей являются основой для стабильного ведения любого бизнеса. Массовый спрос формируется под влиянием широкого информирования о товарах и услугах, а лояльность потребителей направлена в сторону товаропроизводителей и продавцов, которые не боятся широкой узнаваемости своих товаров и услуг. На этом фоне телевизионная реклама служит основным способом **создания и поддержания репутаций компаний**. Представители бизнеса, которые произвели товары, реализовывая крупные рекламные кампании на телевидении, готовы к обратной связи потребителей. Такие действия создают для предпринимателя репутацию надежного производителя, готового поддерживать или усовершенствовать качество товаров с целью повышения уровня жизни потребителя.

Другим важным социальным эффектом технологического воздействия телевизионной рекламы на потребительское поведение населения России является **обеспечение безопасности сбыта товаров и услуг покупателям**. С момента подписания договора на размещение рекламных материалов в эфире федеральных каналов предпринимателю присваивается статус «рекламодателя». В цепочке процесса рекламирования присутствуют еще два звена:

- «рекламораспространитель», т.е., компания, которая выставляет видеоролики в эфир;
- «рекламоноситель», т.е., канал, который обеспечивает информационное вещание.

Важно отметить, что в Федеральном законе «О рекламе» (2016 г.) прописана юридическая ответственность всех участников рекламно-информационного процесса, что заставляет сотрудников данных компаний взаимодействовать на предмет проверки соответствия рекламных материалов «Закону о рекламе» [5]. Как следствие, представители лицензируемой деятельности предоставляют лицензии, производители товаров предоставляют сертификаты качества и т.д. Кроме этого, каждый рекламодатель обязан подписать и предоставить гарантийное письмо, подтверждающее, что вся, содержащая в видеоролике информация, корректна, а рекламодатель несет за нее полную ответственность.

Таким образом, в информационное телевизионное пространство попадают только проверенные видеоматериалы, а потребитель принимает решение о покупках безопасных товаров и услуг.

В заключение, мы считаем нужным отметить, что в условиях новой социально-экономической, социально-политической и социокультурной реальности роль средств массовой коммуникации приобретает новые качества. На сегодняшний день, социальные эффекты технологического

воздействия телевизионной рекламы на потребительское поведение населения формируются под воздействием новых альтернатив и социальных приоритетов. Глобальные и региональные вызовы и угрозы неизбежно проявляются во взаимодействии со средствами массовой коммуникации, где телевидение выступает одним из основных инструментов информирования населения [4]. В этой ситуации социальные эффекты телевизионной рекламы можно интерпретировать, не иначе, как следствие глобальных изменений.

Литература:

1. *Барден Ф.* Взлом маркетинга. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2021. 304 с.
2. *Бурдьё П.* О телевидении и журналистике. М. : Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2002. 160 с.
3. *Гидденс Э.* Последствия современности. 2-е издание. М. : Праксис, 2011. 354 с.
4. *Грабельных Т.И.* Глобальные и региональные воздействия на современные общества: новые социальные трансформации / Т.И. Грабельных, Н.А. Саблина, В.В. Зырянов // Социологические исследования. 2022. № 4. С. 152–154.
5. *Малых М.М.* Влияние пандемии на поведение и портрет современного телезрителя в России (на примере нескольких регионов) / М.М. Малых; Науч. ред.: Т.И. Грабельных // Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ: сборник научных трудов ФГБОУ ВО «ИГУ». Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. С. 350–354.
6. *Малых М.М.* Социальная реклама на телевидении как способ донесения информации от органов муниципальной власти населению города / М.М. Малых; Науч. ред. Т.И. Грабельных // Цивилизационные сдвиги в развитии современного города: сборник научных трудов. ФГБОУ ВО «ИГУ». Иркутск : Издательство ИГУ, 2021. С. 199–203.

Literature:

1. *Barden F.* Hacking marketing. M. : Mann, Ivanov and Ferber, 2021. 304 p.
2. *Bourdieu P.* On television and journalism. M. : Foundation for Scientific Research «Pragmatics of Culture», 2002. 160 p.
3. *Giddens E.* Consequences of modernity. 2nd edition. M. : Praxis, 2011. 354 p.
4. *Grabelnykh T.I.* Global and regional impacts on modern societies: new social transformations / T.I. Grabelnykh, N.A. Sablina, V.V. Zyryanov // Sociological research. 2022. № 4. P. 152–154.
5. *Malykh M.M.* The impact of the pandemic on the behavior and portrait of a modern TV viewer in Russia (on the example of several regions) / M.M. Malykh; scientific ed.: T.I. Grabelnykh // Global and regional impacts in the system of modern societies: collection of scientific works of the FSBEI HE «ISU». Irkutsk : IGU Publishing House, 2021. P. 350–354.
6. *Malykh M.M.* Social advertising on television as a way of conveying information from municipal authorities to the population of the city / M.M. Malykh; Scientific ed. by T.I. Grabelnykh // Global and regional impacts in the system of modern societies: a collection of scientific works of the FSBEI HE «ISU». Irkutsk : IGU Publishing House, 2021. P. 199–203.

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
профессор Института права
и национальной безопасности,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
anaverin1947@mail.ru

Батов Алим Тимурович

магистр политологии,
член Экспертного совета
по законотворчеству,
Молодежный парламент
при Государственной Думе
isriu.ranepa.ru

Меликян Арнольд Гаррикович

аспирант кафедры
политологии и этнополитики,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
milena.555@mail.ru

**Жилищные условия
РОССИЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ**



Аннотация. Рассматривается состояние жилищных условий населения на основе статистических данных о жилищном фонде, площади жилого помещения, адресной социальной помощи гражданам по оплате жилья и коммунальных услуг, оценке населением удовлетворенностью жилищными условиями и коммунальными услугами, значение Государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации», финансирование жилищно-коммунального хозяйства.

Ключевые слова: аварийное жилье, благоустройство, государственная программа, жилищные условия, жилищный фонд, дом, квартира, общая площадь жилого помещения, оплата жилого

Aleksandr V. Ponedelkov

Doctor of Political Sciences,
Professor,
Head of Laboratory,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy of National
Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophical Science,
Professor,
Professor at the Institute of Law
and National Security,
Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
under the President of the Russian Federation
anaverin1947@mail.ru

Alim T. Batov

Master of Political Science,
Member of the Expert Council
According to Lawmaking,
Youth Parliament
under the State Duma
isriu.ranepa.ru

Arnold G. Melikyan

Graduate Student of the Department
Political Science and Ethnopolitics,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy of National
Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation
milena.555@mail.ru

**HOUSING CONDITIONS
OF THE RUSSIAN POPULATION**



Annotation. The state of housing conditions of the population is considered on the basis of statistical data on the housing stock, the area of residential premises, targeted social assistance to citizens to pay for housing and utilities, the assessment of the population's satisfaction with housing conditions and utilities, the importance of the State Program of the Russian Federation «Providing affordable and comfortable housing and communal services for citizens of the Russian Federation», financing housing and communal services.

Keywords: emergency housing, improvement, state program, housing conditions, housing stock, house, apartment, total area of residential premises, payment for housing and communal services, satisfaction with

помещения и коммунальных услуг, удовлетворенность жилищными условиями, финансирование жилищно-коммунального хозяйства.

housing conditions, financing of housing and communal services.

В период с 2010 по 2020 год общая площадь жилых помещений – изолированных помещений, которые являются недвижимым имуществом и пригодны для постоянного проживания, отвечают установленным санитарным и техническим правилам и нормам в среднем на одного жителя увеличилась с 19,2 до 26,9 кв. метра, в том числе в городской местности – с 18,9 до 26,7, сельской – с 19,9 до 27,4 [1; 2]. Увеличилось число квартир с 55,1 млн до 69 млн из них: однокомнатных – с 12,8 млн до 17,5 млн, двухкомнатных – с 22,6 млн до 26,3 млн, трехкомнатных – с 16,2 млн до 19,1 млн, четырехкомнатных и более четырех комнат – с 3,5 млн до 5,7 млн. Увеличился средний размер одной квартиры с 49,1 до 56,3 кв. м. общей площади жилых помещений, однокомнатной – с 32 до 36,4, двухкомнатной – с 45,4 до 49,3, трехкомнатной – с 60,4 до 67, четырехкомнатной и более четырех комнат – с 82,6 до 109,8. Следует отметить уменьшение числа семей, получивших жилые помещения и улучшивших жилищные условия за год с 253 тыс. до 96 тыс., по 4% от числа семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях. Стало меньше семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях – сокращение с 5 млн 419 тыс. до 2 млн 181 тыс., с 11 % до 4,2 % от числа семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях. В жилищном фонде как совокупности всех жилых помещений общая площадь жилых помещений увеличилась с 2 млрд. 787 млн до 3 млрд. 931 млн кв. м., в том числе в частном жилищном фонде – с 1 млрд 819 млн до 3 млрд. 632 млн (92,4 % к итогу), из него в собственности граждан – с 1 млрд. 620 млн до 3 млрд. 541 млн (90,1 %). Сократился государственный жилищный фонд с 177 млн до 102 млн (93 %), муниципальный – с 739 млн до 163 млн (4,2 %). Соответственно городской и сельский жилищные фонды увеличились с 2 млрд. 020 млн до 2 млрд 919 млн и с 767 млн до 1 млрд 012 млн. Аналогичные изменения по формам собственности произошли в городском частном жилищном фонде – увеличение с 1 млрд 163 млн до 2 млрд 673 млн (91,6 %), в том числе в собственности граждан – с 1 млрд 022 млн до 2 млрд. 596 млн (88,9 %) и сельском – с 656 млн до 959 млн (94,8 %), в том числе в собственности граждан – с 598 млн до 945 млн (93,4 %). Сократился городской государственный жилищный фонд с 143 млн до 93 млн (3,2 %) и сельский – с 34 млн до 8 млн (0,8 %), муниципальный – с 673 млн до 121 млн (4,2 %) и с 66 млн до 42 млн (4,2 %). Увеличилось число зарегистрированных прав на жилые помещения с 2 млн 443 тыс. до 3 млн 329 тыс., в том числе граждан – с 2 млн 389 тыс. до 3 млн 280 тыс., общая площадь жилых помещений, на которые зарегистрированы права, – с 71 млн до 150 млн кв. м., в том числе граждан – с 68 млн до 148 млн. Уменьшилось число приватизированных жилых помещений с 922 тыс. до 81 тыс., их общая площадь – с 42 млн до 4 млн кв. м.

В 2020 году построено 82,2 млн кв. м. общей площади жилых помещений, из них населением за счет собственных и привлеченных средств – 39,8 млн (удельный вес в общем вводе – 48,4 %), жилищно-строительными кооперативами – 0,8 млн (1 %). В городской и сельской местности построено соответственно 57,5 млн и 24,7 млн кв. м. общей площади жилых помещений, в том числе населением за счет собственных и привлеченных средств – 17,8 млн и 22 млн. Построено 1 млн 122 тыс. квартир, населением за счет собственных и привлеченных средств – 299 тыс., средний размер квартир – 73,3 и 133 кв. м. общей площади. Объем предоставленных жилищных кредитов физическим лицам в рублях равен 4 трлн 450 млрд, в иностранной валюте – 0,7 млрд., из них ипотечные жилищные кредиты – 4 трлн 444,3 млрд и 0,4 млрд 42628 семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, купили жилые помещения, из них на средства федеральных субвенций – 11540, по ипотечному кредитованию – 10821, общая площадь жилых помещений, купленная семьями, – 2 млн 429,7 тыс. кв. м., соответственно – 656,6 тыс. и 623,7 тыс. Средняя цена за 1 кв. м. общей площади была равна на первичном рынке жилья 79003 рубля, вторичном – 66712. Много еще аварийного жилья. Общая площадь жилых помещений аварийного жилищного фонда – 19 млн 615,9 тыс. кв. м.

В первом полугодии 2021 года построено 36 млн 499 тыс. кв. м. общей площади, в том числе в Центральном федеральном округе 11 млн 487,5 тыс., Северо-Западном – 4 млн 432,6 тыс., Южном – 4 млн 335,5 тыс., Северо-Кавказском – 1 млн 995,1 тыс., Приволжском – 7 млн 430 тыс., Уральском – 2 млн 844,7 тыс., Сибирском – 2 млн 962,9 тыс., Дальневосточном – 1 млн 010,7 тыс. Наибольший показатель был в Московской области (3 млн 654,3 тыс.), наименьший – Магаданской области (1,3 тыс.) и Чукотском автономном округе (1,4 тыс.) [3].

По видам занимаемого жилого помещения группы населения распределяются в зависимости от уровня денежных доходов по 20-процентным группам. В первой группе с наименьшими доходами 43,8 % занимали отдельную квартиру, 55,4 % – отдельный дом, часть дома, 0,6 % – жилую площадь в коммунальной квартире, 0,1 % – жилую площадь в общежитии, пятой группе с наибольшими доходами соответственно – 89,5 %; 9,9 %; 0,5 %; 0 % [1; 2].

Жилищные условия в федеральных округах и регионах различны. Общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, и средний размер общей площади жилых помещений одной квартиры соответственно составили в Центральном федеральном округе 28,1 и 56,7 кв. м., Северо-Западном – 29 и 55,5, Южном – 26 и 58,2, Северо-Кавказском – 22,2 и 75,6,

Приволжском – 28 и 54,9, Уральском – 26,5 и 53,8, Сибирском – 25,6 и 53,7, Дальневосточном – 24,2 и 51,3. В пределах федерального округа существуют различия между регионами по общей площади жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя. В Центральном округе: Рязанская область – 34,2 кв. м. и Москва – 19,6, Северо-Западном: Новгородская область – 33,3 и Ненецкий автономный округ – 25,6, Южном: Краснодарский край – 28,2 и Крым – 19,7, Северо-Кавказском: Северная Осетия – Алания – 29,6 и Ингушетия – 15,7, Приволжском: Пензенская область – 31,4 и Удмуртия – 23,7, Уральском: Тюменская область – 29,5 и Ямало-Ненецкий автономный округ – 20,7, Сибирском: Хакасия – 26,3 и Тыва – 14,3, Дальневосточном: Магаданская область – 29,4 и Забайкальский край – 21,8. Наибольшая величина среднего размера общей площади жилых помещений одной квартиры была в Чечне (93,8), наименьшая – Курганской области (47,8).

В благоустройстве жилищного фонда удельный вес общей площади, оборудованной водопроводом, составил 85 %, водоотведением (канализацией) – 80 %, отоплением – 87 %, ваннами (душем) – 72 %, газом (сетевым, сжиженным) – 66 %, горячим водоснабжением – 73 %, напольными электроплитами – 25 %, одновременно водопроводом, водоотведением (канализацией), отоплением, горячим водоснабжением, газом или напольными электроплитами – 70 %. Благоустройство сельского жилищного фонда намного отстает от благоустройства городского жилищного фонда. Соответственно удельный вес общей площади в сельском и городском жилищном фондах, оборудованной водопроводом, составил 64 % и 92 %, водоотведением (канализацией) – 52 % и 89 %, отоплением – 72 % и 93 %, ваннами (душем) – 41 % и 83 %, горячим водоснабжением – 41 % и 84 %, напольными электроплитами – 8 % и 31 %, за исключением - газом (сетевым, сжиженным) – 75 % и 64 %, отоплением, горячим водоснабжением, газом или напольными электроплитами – 38 % и 81 %. Необходимо отметить, что увеличился ввод в действие в сельской местности водопроводных сетей с 636,4 до 955,5 километров и уменьшился ввод газовых сетей с 16,2 тыс. до 5,3 тыс. километров. Удельный вес домашних хозяйств, проживающих в домах, оборудованных одновременно всеми видами благоустройств, по 20-процентным группам населения зависит от уровня благосостояния: первая группа с наименьшими располагаемыми ресурсами – 26,1 %, пятая группа с наибольшими располагаемыми ресурсами – 53,9 %. Фактический уровень платежей населения за жилое помещение, капитальный ремонт и коммунальные услуги составил 94,8 %.

По благоустройству занимаемого жилого помещения домашние хозяйства, проживающие в жилом помещении, оборудованном централизованным водопроводом, составили 89,7 %, централизованной канализационной системой – 72,6 %, центральным отоплением – 68,1 %, центральным горячим водоснабжением – 56,6 %, ванной или душем – 87,6 %, сетевым газом – 67,2 %. Имеются различия в городских и сельских населенных

пунктах: соответственно централизованным водопроводом – 95,5 % и 70,6 %, централизованной канализационной системой – 87,2 % и 24,9 %, центральным отоплением – 82,9 % и 19,7 %, центральным горячим водоснабжением – 70,6 % и 10,9 %, ванной или душем – 94,4 % и 65,5 %, сетевым газом – 67,9 % и 65,2 %.

Доля домашних хозяйств, проживающих в отдельной квартире, – 71,4 %, коммунальной квартире – 0,5 %, индивидуальном (одноквартирном) доме – 23,9 %, части индивидуального (одноквартирного) дома – 4,1 %, общежитии – 0,1 %. Следует отметить, что кроме основного жилья некоторые домашние хозяйства имеют в пользовании дополнительное жилье: квартиру, комнату в коммунальной квартире – 5,8 %, дом, часть дома, пригодные для постоянного проживания, – 2,6 %, дачу, дом для сезонного проживания – 15,3 %.

Представляет несомненный интерес оценка домашними хозяйствами степени удовлетворенности жилищными условиями. По данным комплексного наблюдения условий жизни населения, 7,3 % домохозяйств оценили состояние своего жилого помещения как отличное, 45,5 % – хорошее, 43,6 – удовлетворительное, 3,3 % – плохое, 0,3 % – очень плохое, соответственно по 20-процентным группам: первая с наименьшими и пятая с наибольшими располагаемыми ресурсами – 5 % и 11,8 %; 38,3 % и 50 %; 48,8 % и 36,6 %; 7,2 % и 1,4 %; 0,7 % и 0,1 %. На недостаток тепла указали 7,2 %, солнечного света – 6 %, на сырость (промерзание) стен, полов – 6,2 %, наличие насекомых (грызунов) – 5,1 %, шум, загрязнение воздуха, пыль, сажа с улицы (транспорт, предприятия, магазины) – 11,4 %, шум от соседей – 11,3 %, плохая освещенность подходов к дому или в подъезде – 13,1 %, нарушение общественного порядка вблизи дома или в подъезде – 4,4 %, домохозяйства, указавшие на все или на большинство перечисленных недостатков в жилом помещении – 0,1 % [2]. Живут в домах, построенных до 1920 года 1,3 % семей, после 1956 года – 92,4 % [4]. Для отопления у 7,1 % домов используются печи, в сельской местности – 21,1 %. Имелись в 1–1,5 % домов постоянные и в 15 % временные перебои с подачей холодной воды, в 8–9 % – плохое состояние оборудования для подачи воды, в 29,7 % – хорошее качество питьевой воды, в 56,7 % – удовлетворительное, 13,4 % – плохое. В 9,3 % домов не было горячей воды, в 0,7–0,9 % – были постоянные перебои, слабый напор, низкая температура подачи горячей воды. У 19,5 % домашних хозяйств были перебои с подачей электроэнергии, у 1,5 % – один и более раз в неделю, 5,2 % – в месяц, 8,2 % – два-три раза в год. 4,9 % семей не имели канализации, 18,1 % – жили с выгребными ямами, у 20 % были проблемы с работой канализации.

3,8 % домашних хозяйств указали на то, что испытывают большую стесненность, 15,4 % – определенную стесненность, 80,7 % – не испытывают стесненности, 0,1 % – затруднились ответить [2]. 13,9 % указали на намерения улучшить свои жилищные условия в ближайшие 2–3 года, 85,2 % – не собирающиеся их улучшить. 11,1 % планируют вселиться в жилое помещение, строительство

которого ведут, участвуют в долевом строительстве, 3,8 % собираются подать документы для постановки на очередь или ожидают прохождения очереди, 6,3 % рассчитывают на получение нового жилья в связи со сносом дома, 32,1 % собираются купить, построить другое жилье, 4 % собираются снимать жилье, 42,6 % собираются улучшить свои жилищные условия другим способом, 0,75 не определились. Предполагаемыми источниками денежных средств на покупку, строительство жилья названы продажа имеющегося жилья для покупки другого жилья (41,9 %), ипотечный кредит (66,3 %), средства материнского капитала (24,7 %), средства военной накопительной системы (1,7 %), другие источники, в том числе за счет собственных средств (41,6 %), не определились (0,8 %).

Региональные органы исполнительной власти и органы местного самоуправления осуществляют адресную социальную помощь людям, если их расходы на оплату жилого помещения и коммунальных услуг превышают величину максимально допустимой доли расходов граждан на оплату жилого помещения и коммунальных услуг в совокупном доходе семьи. Расходы рассчитываются исходя из размера регионального стандарта нормативной площади жилого помещения, используемой для расчета субсидий, и размера регионального стандарта стоимости жилищно-коммунальных услуг. Региональные органы исполнительной власти и органы местного самоуправления предоставляют субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг. С 2010 по 2020 год увеличилось число получателей субсидии с 3,21 млн семей до 3,52 млн, сумма начисленных субсидий – с 3,08 млрд до 75,3 млрд рублей, среднемесячный размер субсидий на семью – с 80 до 1782 рублей. Уменьшились удельный вес семей, пользующихся субсидиями, в общем числе семей – с 7,7 % до 6,3 %, число получателей субсидии в денежной форме через банковские счета в банках, организации связи или иным способом – с 5,15 млн (2010 год) до 3,52 млн семей [1].

Определенным категориям граждан, в том числе совместно с ними проживающим членам их семей оказывается социальная поддержка по оплате жилого помещения и коммунальных услуг в виде скидки к начисленной сумме платежа за жилое помещение и коммунальные услуги или в виде денежной выплаты гражданину через банковские счета, организации связи или иным способом.

Литература:

1. Российский статистический ежегодник. 2021. Статистический сборник. URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegovodnik_2021.pdf
2. Социальное положение и уровень жизни России. 2021. Статистический сборник. URL : https://gks.ru/bgd/regl/b21_44/Main.htmhttps://gks.ru/bgd/regl/b21_44/Main.htm
3. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации. URL : https://gks.ru/bgd/regl/b21_44/Main.htmhttps://gks.ru/bgd/regl/b21_44/Main.htm

Увеличились объем средств, предусмотренных на предоставление социальной поддержки с 17,5 млрд. до 305 млрд. рублей, среднемесячный размер социальной поддержки на одного пользователя – с 32 до 758 рублей, сократилась численность граждан, пользующихся социальной поддержкой, с 45,6 млн до 33,5 млн человек, удельный вес граждан, пользующихся социальной поддержкой, в общей численности населения. – с 31 % до 23 %.

В федеральном бюджете для финансирования жилищно-коммунального хозяйства выделяются на 2022 год 458 млрд 651 млн 476,7 тыс. рублей (0,34 % прогнозируемого объема ВВП и 1,935 % расходов федерального бюджета), 2023-й – 533 млрд 691 млн 046,1 тыс. (0,376 % и 2,11 %), 2024-й – 405 млрд 575 млн 308,8 тыс. (0,267 % и 1,538 %). Следовательно, в 2023 году расходы на жилищно-коммунальное хозяйство увеличиваются в абсолютных цифрах и в процентах, в 2024 году уменьшаются. Соответственно на финансирование жилищного хозяйства запланировано 49 млрд 589 млн 409,8 тыс.; 60 млрд 192 млн 068,4 тыс.; 35 млрд 135 млн 703,5 тыс., коммунального хозяйства – 67 млрд 854 млн 794,8 тыс.; 107 млрд 814 млн 904,8 тыс.; 84 млрд 030 млн 780,9 тыс., благоустройства – 80 млрд 507 млн 819,4 тыс.; 80 млрд 614 млн 699,4 тыс.; 84 млрд 985 млн 034,3 тыс. [5]. Предусмотрены также средства для финансирования прикладных научных исследований и других вопросов в области жилищно-коммунального хозяйства.

Необходимо подчеркнуть значение Государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» для улучшения жилищных условий населения. В программе определены цели до 2030 года: увеличение годового объема ввода до 120 млн кв. метров; улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей; повышение в полтора раза комфортности городской среды; обеспечение качества и доступности услуг жилищно-коммунального хозяйства не менее 50 % населения, до 2024 года расселение 8,9 млн кв. метров, признанного непригодным для проживания по состоянию на 01 января 2017 года. Основными приоритетами государственной политики в жилищной и жилищно-коммунальной сфере являются обеспечение доступности *жилья* для всех категорий граждан, соответствие объема комфортности *жилищного* фонда потребностям населения [6].

Literature:

1. Russian Statistical Yearbook. 2021. Statistical collection. URL : https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Ejegovodnik_2021.pdf
2. Social status and standard of living in Russia. 2021. Statistical collection. URL : https://gks.ru/bgd/regl/b21_44/Main.htmhttps://gks.ru/bgd/regl/b21_44/Main.htm
3. The main indicators of the socio-economic situation of the subjects of the Russian Federation in the

Федерации в I полугодии 2021 года // Российская газета. 2021. 10 сентября.

4. *Миркин Я.* Как и в чем живут российские семьи / Я. Миркин // Российская газета. 2021. 24 мая.

5. Федеральный закон от 06 декабря 2021 года № 390-ФЗ «О федеральном бюджете на 2022 год и на плановый период 2023 и 2024 годов» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 50 (часть I, II, III). Ст. 8397.

6. Постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2017 года № 1710 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 3. Ст. 546; 2022. № 2. Ст. 523.

first half of 2021 // Rossiyskaya Gazeta. 2021. 10 sentyabrya.

4. *Mirkin Y.* How and in what Russian families live / Y. Mirkin // Rossiyskaya gazeta. 2021. 24 maya.

5. Federal Law of December 06, 2021 № 390-FZ «On the Federal Budget for 2022 and for the Planning Period of 2023 and 2024» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2021. № 50 (Part I, II, III), Art. 8397.

6. Resolution of the Government of the Russian Federation of December 30, 2017 № 1710 «On Approval of the State Program of the Russian Federation «Providing Affordable and Comfortable Housing and Utilities for Citizens of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. № 3. Art. 546; 2022. № 2. Art. 523.

Пузанова Жанна Васильевна
доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социологии,
Российский университет дружбы народов
Puzanova-zhv@rudn.ru

Ларина Татьяна Игоревна
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии,
Российский университет дружбы народов
larina-ti@rudn.ru

РЕКОНСТРУКЦИЯ И ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ИСТОРИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ РОССИИ НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ

Аннотация. В последнее время активно ведется нивелирование роли СССР в победе во Второй мировой войне, которое преследует попытки ослабить современную Россию на международном поле. В связи с этим, проблема будущего России на международной арене предстает в новом свете. В рамках статьи с опорой на теории memory studies представлены экспертные оценки по вопросу соотношения понятий «фальсификация» и «реконструкция» истории, отношения к России в будущем в сочетании с результатами опроса интернационального студенчества об итогах Второй мировой войны. В итоге сделаны выводы, что реконструкцию и фальсификацию истории стоит разделять по политической ориентации, где первое понятие в большей степени носит внутривнутриполитический характер, а второе – внешнеполитический. Приведен ряд рекомендаций по противодействию фальсификации истории.

Ключевые слова: Вторая мировая война, фальсификация истории, реконструкция истории, СССР, Российская Федерация, студенчество, экспертный опрос.

На сегодняшний день реальностью является факт разной трактовки исторических событий различными политическими и идеологическими силами¹.

Вторая мировая война стала удобным информационным поводом для манипулирования общественным сознанием с целью расстановки удобным тем или иным сторонам акцентов, в частности, приближения образа современной России к образу страны-агрессора. Даже в научных

¹ Статья написана в рамках государственного задания № 075-00167-20-03 «Социогуманитарные основы противодействия экстремизму».

Zhanna V. Puzanova
Doctor of Sociological Sciences,
Professor,
Professor of the Department of Sociology,
Peoples' Friendship University of Russia
Puzanova-zhv@rudn.ru

Tatiana I. Larina
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor
of the Department of Sociology,
Peoples' Friendship University of Russia
larina-ti@rudn.ru

RECONSTRUCTION AND FALSIFICATION OF THE HISTORY OF THE SECOND WORLD WAR: IDEAS ABOUT THE FUTURE OF RUSSIA IN THE INTERNATIONAL ARENA

Annotation. Recently, the role of the USSR in the victory in World War II has been actively leveled, which is pursued by attempts to weaken modern Russia on the international field. In this regard, the problem of Russia's future in the international arena appears in a new light. Within the framework of the article, based on the theory of memory studies, expert assessments are presented on the relationship between the concepts of «falsification» and «reconstruction» of history, attitudes towards Russia in the future, combined with the results of a survey of international students on the results of World War II. As a result, it was concluded that the reconstruction and falsification of history should be divided according to political orientation, where the first concept is more of a domestic political nature, and the second is foreign policy. A number of recommendations are given to counter the falsification of history.

Keywords: World War II, history rewriting, reconstruction of history, USSR, Russian Federation, students, expert survey.

в работах авторам не удается избежать критики в ангажированности изложения истории, пример – работа английского автора В. Дэвис, посвященная советской и постсоветской памяти о Великой Отечественной войне в городе-герое Новороссийске, рецензию на которую написали наши авторы, налицо столкновение дискурсов [1].

Следует описать теоретическую рамку, в которую укладывается дискурс публикации, – это исследовательское поле memory studies, на котором

работают специалисты различных гуманитарных областей. Наиболее известным именем, в этом контексте, является имя М. Хальбвакса, который открыл направление изучения памяти, выделяя два типа – индивидуальную и коллективную. Важным является его тезис о том, что «Историю можно представить как универсальную память человеческого рода. Но универсальной памяти не существует. Носителем всякой коллективной памяти является группа, ограниченная в пространстве и времени» [2]. Слова Хальбвакса уже показывают некую социальную обусловленность исторической памяти. Его концепцию продолжают супруги Ассман: Я. Ассман концентрируется на прямом продолжении идей Хальбвакса, описывая коммуникативную и культурную памяти, которые отличаются по параметру времени, его супруга А. Ассман переосмысливает идеи Хальбвакса и выделяет свои уровни памяти, наиболее примечательные для нас – культурную и политическую, так как, в отличие от социальной и индивидуальной, они не персонифицированы, а обусловлены общественными факторами [3].

Отечественный политолог О.Ю. Малинова, работающая на поле *memory studies*, говорит, что на нем масса различных политологических определений, вызывающих путаницу, это «историческая политика», «политика прошлого», «политика памяти», «историческая память», «политическое использование истории», «режим памяти» и др., в то же время она приходит к выводу, что политическое использование прошлого – наиболее широкая категория, которая описывает любые практики обращения к историческому прошлому в политическом контексте вне зависимости от того, складываются ли они в последовательную стратегию [4].

Мы будем использовать термин «историческая память», и рассматривать политику, как инструмент работы с социальными представлениями о прошлом. В рамках своей теории, французский историк П. Нора определяет память как «жизнь», носителями которой выступают социальные группы, это всегда «актуальный феномен». История, напротив, представляет собой проблематичную и неполную реконструкцию или репрезентацию прошлого [5]. Эти трактовки обуславливают сложность взаимоотношения понятий «фальсификация» и «реконструкция».

Основным драйвером политики памяти в той или иной стране выступают интересы, устремления и действия внутренних сил, направленные на утверждение той или иной трактовки истории [5]. Идет «война» историй, точнее – «война» целей государств в объяснении прошлого. Концептуальная история с позиций цели мировоззрения другого человека, целей другого государства всегда воспринимается противниками концепции (другая концептуальная цель) как фальсификация истории [6]. Поэтому можно сделать вывод о том, что фальсификация истории понятие относительное, и в этой статье мы понимаем под фальсификацией истории сознательные попытки отказаться от поиска исторической истины, вместо этого, используя идеологические и политические мотивы

представлять выгодную той или иной стороне трактовку.

Фальсификация истории может быть обусловлена различными идеологическими, политическими, коммерческими и другими мотивами. Выделяют две основные группы целей фальсификации. Первая представляет собой социально-политические, геополитические и идеологические мотивы, которые могут быть связаны с пропагандой, нацеленной на компрометацию какой-либо страны на международной арене. Вторая группа мотивов содержит личностно-психологические и коммерческие мотивы, нацеленные на самоутверждение, получение славы, известности, общественного признания в короткие сроки посредством «сенсации», которая имеет возможность перевернуть существующие в обществе представления о событиях прошлого [7]. Очевидно, что когда речь идет об образе страны, то мы имеем дело с первым видом.

Реконструкция же является не фактографией некой «всеобщей истории», а действенным рассказом о символах той группы, которой это сообщение позволяет поддержать групповую идентичность [8]. Поэтому можно сделать вывод, что понятие «реконструкция» истории имеет внутривнутриполитический смысл, влияя на общественное сознание граждан определенной территории, понятие «фальсификация» истории носит внешнеполитический характер, преследуя цель повлиять на общественное сознание граждан других субъектов и третьих сторон, которые могут выступить политическими союзниками в других ситуациях.

Причинами феномена фальсификации истории Второй мировой и Великой Отечественной войн некоторые авторы предлагают считать следующие [9]:

– Во-первых, Великая Отечественная война – самая важная составляющая часть Второй мировой войны, это одно из значительнейших событий мировой истории: ее влияние на последующее формирование СССР, России и мира колоссально и разнообразно;

– Во-вторых, Победа в Великой Отечественной войне справедливо является предметом гордости россиян;

– В-третьих, война и Победа над нацистской Германией – это не просто общее воспоминание для народов бывшего СССР, но и объединяющее начало, точка опоры, основание будущего роста и развития;

В-четвертых, для нашего народа Великая Отечественная война по сей день остается самым значимым и глобальным историческим событием в ряду других, сопоставимых по масштабу.

Данное событие в российском общественном сознании очень аффективно насыщено и является смыслообразующим, что делает его ценным объектом влияния со стороны антагонистических сил.

Наша публикация представляет собой аналитический обзор результатов социологического

опроса интернационального студенчества на тему отношения к итогам Второй мировой войны в контексте современности, а также, экспертного опроса, призванных описать перспективы России на международной арене в контексте фальсификации итогов войны частью мирового сообщества. В виду эмпирической направленности данных в статье помимо собственных данных, которые являются «ядром» обзора, в большей степени, использованы данные релевантных социологических опросов других центров, нежели теоретические обзоры. Структурно изложение построено путем описания данных экспертного опроса, подкрепленного данными анкетного опроса студенчества и данных других социологических центров.

Дизайн исследования и методы. В ходе реализации проекта «Реконструкция исторической памяти в контексте социальной справедливости: к 75-летию Великой Победы», данные которого будут приведены ниже, в 2019–2020 году был реализован опрос студентов РУДН общей численностью 873 человека. В исследовании использована квотная выборка, в основу которой положен факультет, курс обучающихся, а также регион прибытия студента: иностранные студенты (417 человек) (традиционное деление для РУДН – Латинская Америка, Юго-Восточная Азия, Ближний и Средний Восток, Африка, Европа и СНГ) и российские студенты (456 человек).

Также, был проведен экспертный опрос на тему: «Отношение к России в будущем в контексте фальсификации истории». Экспертами выступили 11 преподавателей истории в школах и высших учебных заведениях, так как они имеют чёткое представление о реальном ходе событий и опыт работы с детьми и молодёжью, а также часто сталкиваются с фактами фальсификации истории и их влиянием на качество образования.

Результаты и интерпретация. Отвечая на вопрос: *«Сейчас часто звучат различные мнения о феномене реконструкции исторической памяти в современном мире. Что такое, по Вашему мнению, реконструкция исторической памяти? Чем она вызвана? Что Вы можете сказать по этому поводу?»*, большинство экспертов придерживаются мнения, что реконструкция исторической памяти – это восстановление картины прошлого, попытка воссоздать историю. Также, эксперты полагают, что реконструкция носит субъективный характер, некоторые отмечают намеренную реконструкцию истории, направленную на поддержание политической ситуации в стране. Э2: *«Реконструкция исторической памяти основана исключительно на политических мотивах. Это, наверное, желание подогнать политические решения под некоторую историческую базу»*. При этом практически все эксперты указывают на важность реконструкции. Это важно, в первую очередь, для обогащения знаний молодёжи, для сохранения

исторической памяти. Э3: *«Очень важно, чтобы молодое поколение помнило и знало свои корни, предков и те доблестные события прошедшей старины»*.

Абсолютно все эксперты уверены в том, что реконструкция и фальсификация – это разные понятия. При этом эксперты отмечают, что этот вопрос зависит от интерпретации и самого процесса изменения истории. Э1: *«...Надо сказать о том, что реконструкция, конечно же, может, как совпадать с фальсификацией, так и отличаться от нее.»* Э8: *«Если мы отнесёмся к этому неосторожно, может быть, поспешно, тогда реконструкция может и быть сфальсифицирована.»*

По мнению экспертов, фальсификация носит намеренный характер, она осуществляется специально и с определенным умыслом. Реконструкцию же характеризуют как благо-ориентированное действие, нацеленное на приближение к исторической истине, то есть второе понятие носит научный характер, а первое – нет.

Также, чувствуется негативный характер процесса фальсификации. Часто звучали такие слова как «искажение», «подмена», Э11: *«Фальсификация – это когда всякие глупости рассказывают, пишут книги некоторые наши коллеги-товарищи из неподтвержденных совершенно источников и дурят головы обычных граждан, людей, которые не в курсе»*.

В ответах на вопрос *«Каковы, по Вашему мнению, перспективы развития проблемы реконструкции исторической памяти в рамках Второй мировой войны?»* эксперты отмечают, что каждая страна хочет провозгласить себя победительницей, повысить свой авторитет на фоне других. Часть экспертов придерживаются мнения о том, что во многом перспективы развития проблемы реконструкции исторической памяти зависят от настоящего отношения мирового сообщества к США, так как *«эта страна провозгласила себя лидером и единственным реальным победителем в войне. Под действием данного внушения началась проблема переписывания истории, будущее которой пока оставляет желать лучшего»*.

По данным опроса «Россия и США», проведенного Фондом «Общественное мнение» 22 апреля 2019 года, 25 % опрошенных считают, что влияние США в мире растёт, и ещё 8 % из них полагают, что это выражается в том, что США навязывают всему миру свои ценности и порядки, проводят агрессивную политику. 37 % опрошенных в целом относятся к США негативно, в то время как позитивно – 12 %¹. Однако мировая общественность относится негативно и к США, и к России – негатив держится на уровне 49 %, но Россию позитивно оценивает общественность третьей страны-гиганта – Китая². Ещё больше, чем

¹ ФОМ. Россия и США/ФОМ от 22.04.2019. URL : <https://fom.ru/Mir/14195>

² Globescan. Sharp Drop in World Views of US, UK: Global Poll. July 4, 2017. URL : <https://globescan.com/sharp-drop-in-world-views-of-us-uk-global-poll> (дата обращения 25.01.2020).

Россию и США, жители разных стран недолюбливают Иран (61 %), Северную Корею (59 %), Пакистан (58 %) и Израиль (50 %).

Следующий вопрос звучал так: **«Каковы Ваши прогнозы по развитию динамики отношения к факту победы СССР во Второй мировой войне со стороны США, Украины и стран ЕС?»**. Почти все эксперты говорят о том, что роль СССР в победе во Второй мировой войне будет и дальше минимизироваться. Э5: *«Другие страны пытаются принизить роль СССР в победе над гитлеровской Германией и окончательно свети героизм наших предков к минимуму»*. Эксперты также считают, что динамика отрицательная, и в дальнейшем будет происходить нейтрализация роли СССР во вкладе в Победу. Но также, все они надеются на то, что отношение стран поменяется, и что в скором времени произойдет сближение по этому вопросу. Пока будет продолжаться конкуренция между странами, и пока будет идти политическая борьба, отношение

к роли победы СССР во Второй мировой войне не изменится.

Взглянуть на этот вопрос под другим ракурсом позволяют ответы интернационального студенчества на вопрос «Оцените вклад таких стран-участниц Второй мировой войны, как США, СССР, Япония, Польша и Великобритания, по пятибалльной шкале (где 1 – малый вклад, а 5 – значительный вклад)». В данном вопросе специально дано закрытие «Япония», вопрос работал, в том числе, как «ловушка» для проверки знаний студентов.

Российские студенты оценивают вклад таких стран, как США и СССР, выше, чем иностранные студенты (2,8 и 4,7 балла соответственно). Вклад остальных стран, таких, как Япония, Польша и Великобритания, был оценен иностранными студентами выше, чем российскими (2,5, 2,5 и 2,9 балла соответственно). В целом, и иностранные, и российские студенты наиболее высоко оценивают вклад в Победу СССР (рис. 1).

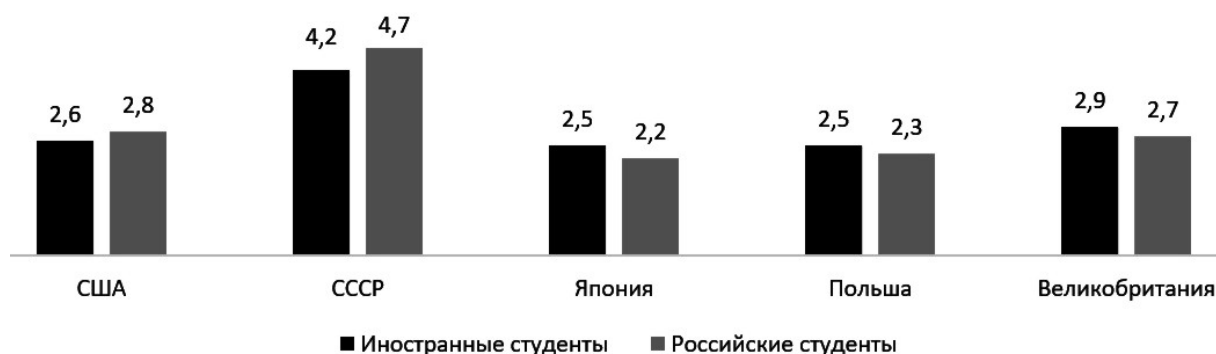


Рисунок 1 – Распределение оценок вклада стран-участниц, как США, СССР, Япония, Польша и Великобритания, в победу во Второй мировой войне по гражданству

Задав открытый вопрос: «Кто, по Вашему мнению, одержал победу во Второй мировой войне?», примерно две трети студентов (73,2 %) уверены, что победителем Второй мировой войны является СССР. Чуть меньше десятой части (7,9 %) считают, что победителем стоит считать Антигитлеровскую коалицию, 6,4 % опрошенных отметили победительницей Второй Мировой войны Россию, что, вероятно, связано с тем, что студенты приравнивают СССР к России. Также встречались такие ответы, как *«Победителя нет»* и *«Победили все, кто был против фашизма»*, на долю тех, кто придерживается этих мнений, приходится 2,7 % и 3 %, соответственно. Что интересно, среди иностранных студентов примерно на пять процентов больше тех, кто считает победителем СССР (76,4 % для иностранных и 71,8 % для российских респондентов). Каждый десятый (10 %) российский студент высказался в пользу того, что победителем справедливо считать не только СССР, но и союзные страны (Антигитлеровскую коалицию), что, безусловно, верно. Россию же победительницей во Второй мировой войне, в большей степени, склонны считать иностранные студенты (9,1 %, тогда как среди российских всего 3,8 %), тут очевидна «склейка» конструктов СССР-Россия в сознании респондентов. В целом, мы видим, склонность студенчества считать СССР победителем в

войне. Тут необходимо отметить, что такая позиция может выглядеть несколько идеалистически для иностранцев, но эти студенты учатся в России, и данный факт нельзя недооценивать.

Мнения экспертов в ответах на вопрос **«Как Вы считаете, каким образом повлияет эта динамика (отношения к роли СССР в Великой Победе) на отношение к РФ на современной международной арене?»** разделились на три группы: кто-то из экспертов считает, что динамика будет отличаться со стороны разных стран. Э6: *«по Украине, это, пока вообще сложно что-то сказать»*; *«говорить о реконструкции исторической памяти там я даже не берусь»*; *«с Европой ещё не всё пропало, с Американцами... Может всё ещё вернётся...»*. Были и те, кто выразил мнение, что данная динамика приведет к укреплению России как великой державы на международной арене. Э1: *«К России будут как к новому Гаранту мира на всей планете и будут как к силе, которая способна не разъединять, не уничтожать народы, а объединять их в единый сплоченный мир»*. Третья группа считает, что, наоборот, динамика будет продолжать развиваться в том же направлении; то есть, авторитет России продолжит снижаться несмотря на то, что все хорошо осведомлены о роли Советского Союза во Второй мировой войне, однако,

признавать это публично не входит в идеологические позиции данных стран. Э11: «Но не дают им возможности на каком-то высоком уровне сказать о том, что Россия молодец, что Советский Союз молодец. Потому что до этого была холодная война».

Довольно сложно сейчас спрогнозировать, как динамика отношения к факту победы СССР во Второй мировой войне со стороны США, Украины и стран ЕС повлияет на положение РФ на современной международной арене. Это обусловлено сложной внешней политической ситуацией, так как у многих экспертов расходятся мнения по поводу текущей ситуации.

В ответ на вопрос: «Согласны ли Вы с утверждением, что Российская Федерация занимает

ведущие позиции на мировой арене?» более половины опрошенных студентов (54,3 %) выразили своё полное или частичное согласие с предложенным утверждением, при этом частично согласных на десять процентов больше (32,1 % и 22,2 % соответственно). Около трети опрошенных затруднились выразить своё отношение к данному утверждению (27 %), и всего 18,7 % студентов выразили своё полное или частичное несогласие. Количество иностранных студентов, готовых полностью или частично согласиться с тем, что Россия занимает ведущие позиции на мировой арене, превышает количество российских почти на 8 % (58,7 % по сравнению с 50,5 %), в то время как граждане России в большей степени, чем иностранные, склонны полностью или частично опровергнуть данное утверждение (24,8 % по сравнению с 11,8 %) (рис. 2).

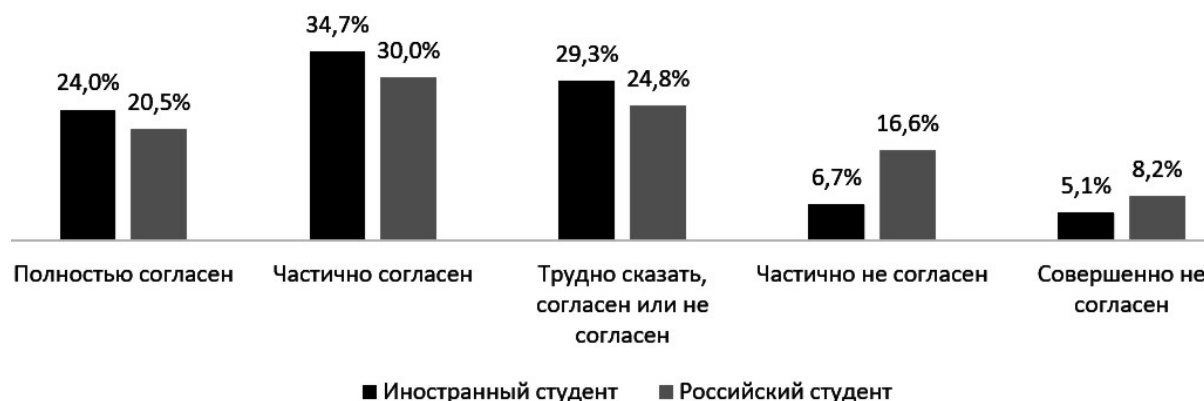


Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы или не согласны с утверждением, что Российская Федерация сейчас занимает ведущие позиции на мировой арене?». Распределение по гражданству

В то же время, иностранные граждане в большей степени, чем российские, склонны полностью согласиться с тем, что Россия является одним из главных агрессоров на мировой арене (10,6 % по сравнению с 3,7 %), тогда как российские студенты более склонны полностью или частично опровергнуть данное утверждение (43,6 % по сравнению с 21 %) (Ответы на вопрос: «Согласны ли Вы или не согласны с утверждением, что Российская Федерация является одним из главных агрессоров на мировой арене?»). Среди иностранных студентов наиболее склонны считать Россию одним из главных агрессоров на мировой арене обучающиеся из Африки (полностью (21,9 %) или частично (23,4 %) согласны 45,3 % респондентов). Тех же, кто готов полностью (10,5 %) или частично (21,1 %) опровергнуть данное утверждение больше всего среди студентов из стран Ближнего Востока (36,9 %).

Так, несмотря на то, что иностранные студенты чаще, чем российские признают лидерские позиции России на мировой арене, они же чаще считают современную Россию страной-агрессором. Pew Research Center в 2018 году провел опрос, касающийся отношения к России и ее Президенту В.В.Путину¹. Влияние России в мире, по мнению

респондентов, растет, однако отношение к Президенту и самой стране негативно. Только в четырех странах – в Тунисе, Южной Корее, Греции и на Филиппинах – большинство респондентов позитивно относятся к России и решениям В.В. Путина. В остальных обследованных государствах негативное отношение преобладает. Антироссийские взгляды особенно сильны в Европе и Северной Америке.

Интересны данные другого социологического опроса студенчества (МГИМО), в результате которого, студенты назвали основные, на их взгляд, причины фальсификации: геополитические интересы западных стран, феномен «нового прошлого», русофобия и разрушение Советского Союза, повлекшее психо-историческую капитуляцию: «мы сами позволили так относиться к нашей истории и нашим победам, сами допустили фальсификацию...» [10].

В ответ на вопрос «**Что Вы можете порекомендовать для защиты российской ментальности от фактов фальсификации истории?**», абсолютно все эксперты уверены в том, что необходимо с детства прививать любовь к Родине и преподавать реальные исторические факты.

¹ Pew Research Center. Image of Putin, Russia Suffers Internationally. December 06, 2018. URL : <https://www.pewresearch.org/global/2018/12/06/image-of-putin-russia-suffers-internationally> (дата обращения 25.01.2020).

Э4: «... *Побольше читать научных (а не псевдо-научных) статей и книжек по истории*». Большую работу предстоит сделать учителям и преподавателям истории, чтобы научить детей анализировать и проводить причинно-следственные связи, также необходимо повысить общий культурный уровень населения. Люди должны научиться самостоятельно мыслить, анализировать события прошлого и думать об уровне их достоверности и значимости для современности. В целом вопрос критического восприятия информации на фоне увеличения роли информационных технологий сейчас приобретает первостепенное значение.

Обсуждение и заключение. Завершая аналитический обзор, следует отметить, что, как отмечают современные авторы И.В. Васильев и А.Н. Кузнецов, в современной зарубежной политической риторике и исторической публицистике просматривается стремление некоторых политических элит пересмотреть итоги Второй мировой войны и Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков [11]. В этом контексте одной из задач было получить экспертный взгляд на соотношение понятий «реконструкция» и «фальсификация» истории.

Реконструкция и фальсификация не являются синонимами, но данные понятия даже в экспертном сообществе пересекаются по смыслу. Несмотря на то, что реконструкция истории направлена на восстановление истинных событий прошлого, данная цель все равно может не достигаться из-за специфики самой памяти, обусловленной символическими смыслами социальных групп. Однако стоит выделить основное отличие реконструкции от фальсификации, вторая всегда носит намеренный характер. Мы же придерживаемся точки зрения о том, что данные понятия стоит различать по критерию политической ориентации – внутри- или внешнеполитическая.

Помимо этого, некоторые эксперты отмечают, что Вторая мировая война становится не только информационным поводом для внешнеполитических воздействий, но и специфическим рычагом внутренней политики самой России, являясь эффективным фреймом, который политики используют в своей речи, повышая авторитет в глазах общественности. В целом, мы можем отметить, что в глобальном дискурсе в отношении Второй мировой войны на данный момент скорее можно наблюдать социально-психологический эффект «мы-они», когда происходит концентрация внимания на различиях (вклада в Победу в т.ч. процесс минимизации роли и вклада Советского Союза в победу, мемориальных практик и т.д.), а не подчеркивание общего объединяющего смысла. К такому же выводу приходит и С. Белов, который по результатам экспертного опроса отмечает, что «оценка качества мемориальной политики производится экспертами с прагматических позиций:

Литература:

1. *Попов А.Д.* «Конструирование мифов»: западный взгляд на советскую российскую

целью политики памяти, с точки зрения опрошенных специалистов, является продвижение позитивного образа прошлого России на внутри- и внешне-политической арене, формирование и укрепление национально-государственной идентичности. Выстраивание национальной политики памяти предполагается в рамках дискурса примирения, синтеза «памяти победителей» и памяти «побежденных» [12].

Эксперты говорят, что динамика практик исторической памяти может измениться, когда произойдет усиление Российской Федерации и её значимости в глазах других стран, в целом, ставя эти практики в зависимость от политического авторитета акторов.

По мнению экспертов, для защиты российской ментальности от возможности разночтений исторических событий необходимо прививать детям любовь и уважение к национальной и мировой истории, повышать уровень их исторического образования, посещать различные мероприятия и музеи. Использование медиа пространства – одно из важнейших направлений для достижения желаемого результата. К похожим выводам в своей статье приходит и Е.Г. Пономарева, подчеркивая необходимость создания в обществе атмосферы социальной и моральной нетерпимости к фальсификациям государственной программы по подготовке специалистов по истории [10].

Представления о будущем России на политической арене описаны с опорой на экспертные мнения, отношение интернационального студенчества к Второй мировой войне, и мировой общественности к России и США. Иностранные студенты чаще, чем российские признают лидерские позиции России на мировой арене, они же чаще считают современную Россию страной-агрессором. В целом, даже среди экспертов нет единых позиций по прогностике, однако, все они сходятся в мнении о том, что динамика практик исторической памяти изменится, когда произойдет усиление Российской Федерации и её значимости в глазах других стран. Также, стоит отметить, что факт Великой Победы и роли СССР в ней неразрывно связан с современными представлениями о роли России в мире.

В качестве возможных направлений противодействию фальсификации истории и защите общественного сознания можно особо выделить работу по линии школьного и университетского образования: усиление компетенций учительского корпуса по историческим наукам, расширение доступа и представление общественности фактического архивного материала, особое внимание к учебным материалам, развитие у обучающихся навыков критического осмысления любой информации и практика определения фальшивых новостей (fake-news), которые могут являться элементами фальсификаций.

Literature:

1. *Popov A.D.* «Myths Making»: Western View of Soviet / Russian Historical Memory (Book Review:

- историческую память (Рец. на кн.: Davis, V. *Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City* / V. Davis. London : I.B. Taurus, 2018. 351 p.) / А.Д. Попов, О.В. Романько // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 1. С. 120–125.
2. Хальбвакс М. «Коллективная и историческая память» / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. 2005. № 2(40–41). С. 8–27.
 3. Assmann A. Re-framing memory. Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past / A. Assmann // K. Tilmans, F. van Vree and J. Winter (eds.). *Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe*. Amsterdam University Press. 2010. С. 35–50.
 4. Ефременко Д.В. «Историческая память и наднациональная идентичность. Случай Европейского союза» / Д.В. Ефременко; Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко // Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. М.; СПб. : Нестор-История, 2018. С. 110–126.
 5. Нора П. «Проблематика мест памяти» / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок // Франция-память. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та: 1999. С. 17–50.
 6. Личман Б.В. Методология современного мировоззрения о прошлом, истории и фальсификации истории / Б.В. Личман // История и современное мировоззрение. 2020. Т. 2. № 2. С. 12–15.
 7. Вяземский Е.Е. Проблема фальсификации истории России и общее историческое образование: теоретические и практические аспекты // Проблемы современного образования. 2012. № 1. С. 28–43.
 8. Макаров А.И. Историческая память: конструкция или реконструкция? // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 4–10.
 9. Ливцов В.А. Проблема фальсификации истории второй мировой войны: Орловско-Курская дуга / В.А. Ливцов, А.С. Пожидаев, К.С. Нилаева // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 4. С. 100–107.
 10. Пономарева Е.Г. Вторая мировая война и проблема фальсификации ее истории в представлениях российской молодежи / Е.Г. Пономарева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 2. С. 307–322.
 11. Васильев И.В. Историческая память как фактор патриотического воспитания граждан / И.В. Васильев, А.Н. Кузнецов // Власть. 2021. Т. 29. № 3. С. 142–148.
 12. Белов С.И. Недостатки формирования политики памяти в России (результаты обобщения экспертных мнений) / С.И. Белов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2018. Т. 20. № 2. С. 269–277.
- Davis, V. *Myth Making in the Soviet Union and Modern Russia: Remembering World War Two in Brezhnev's Hero City* / V. Davis. London : I.B. Taurus, 2018. 351 p.) / A.D. Popov, O.V. Romanko // *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2020. Vol. 25. № 1. P. 120–125.
 2. Halbwachs M. *Collective and historical memory* / M. Halbwachs // *Emergency reserve*. 2005. № 2. P. 8–27.
 3. Assmann A. *Re-framing memory. Between Individual and Collective Forms of Constructing the Past* / A. Assmann // K. Tilmans, F. van Vree and J. Winter (eds.). *Performing the Past: Memory, History, and Identity in Modern Europe*. Amsterdam University Press. 2010. P. 35–50.
 4. Yefremenko D.V. *Historical memory and supranational identity. European Union case* / D.V. Yefremenko; Ed. by A. Miller, D.V. Yefremenko // *Methodological issues of studying the politics of memory* M.; SPb. : Nestor-History, 2018. P. 110–126.
 5. Nora P. *Problems of places of memory. France-memory* / P. Nora; Ed. by P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pjuimezh, M. Vinok. SPb. : St. Petersburg University Press, 1999. P. 17–50.
 6. Lichman B.V. *Methodology of the modern worldview about the past, history and falsification of history* / B.V. Lichman // *History and modern worldview*. 2020. Vol. 2. № 2. P. 12–15.
 7. Vyazemskij Ye.Ye. *Problem of falsification of Russian history and the general historical education: theoretical and practical aspects. Problems of modern education*. 2012. № 1. P. 28–43.
 8. Makarov A.I. *Historical memory: construction or reconstruction?* / A.I. Makarov // *Historical examination*. 2014. № 1. P. 4–10.
 9. Livcov V.A. *The problem of falsification of history of the World War Two: the Orel-Kursk arc* / V.A. Livcov, A.S. Pozhidaev, K.S. Nilaeva // *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2017. № 4. P. 100–107.
 10. Ponomareva E.G. *The World War II and its falsification in the Russian youth representations* / E.G. Ponomareva // *RUDN Journal of Sociology*. 2020. Vol. 20. № 2. P. 307–322.
 11. Vasiliyev I.V. *Historical memory as a factor in the patriotic education of citizens* / I.V. Vasiliyev, A.N. Kuznetsov // *Vlast*. 2021. Vol. 29. № 3. P. 142–148.
 12. Belov S.I. *Disadvantages of the formation of the memory policy in Russia (the results of the generalization of expert opinions)* / S.I. Belov // *RUDN Journal of Political Science*. 2018. Vol. 20. № 2. P. 269–277.

Пухно Петр Сергеевич

кандидат социологических наук,
доцент кафедры
тактико-специальной подготовки,
Краснодарский университет МВД России
puhno@rambler.ru

Лапсарь Маргарита Владимировна

адъюнкт кафедры
социально-гуманитарных дисциплин,
Краснодарский университет МВД России
margaret-1572@yandex.ru

**Влияние информации
и информационного общества
на личность: к вопросу
об актуальности
психологического исследования**

Аннотация. В предлагаемой статье авторами анализируется влияние информационных технологий на личность человека, проводится краткий анализ изменений и опасностей, которые подобная трансформация может повлечь в качестве последствий как для самой личности, так и для общества. Основное внимание авторы уделяют актуальности психологических исследований, посвящённых данной теме, степени разработанности данной темы. Делается попытка анализа значимости и целесообразности составления психолого-цифрового портрета личности, анализируются сложности, с которыми может столкнуться психолог при изучении личности человека по его цифровому «следу».

Ключевые слова: личность, психика, психологические процессы, информация, информационное общество, информационно-телекоммуникационные технологии, социальные институты, трансформация, психолого-цифровой портрет.

На сегодняшнем этапе развития современного общества одной из его определяющих характеристик можно с уверенностью назвать быстрое распространение и активное внедрение информационно-телекоммуникационных технологий во все области жизни человека. С каждым днём в ряде случаев информационные технологии становятся не просто средством упрощения отдельных аспектов быта, но приобретают статус посредника между личностью и социальными институтами, между сферами общества, транслируют волю государства к народу и являются ретрансляторами общественного мнения по основным вопросам жизни индивида и социума.

Petr S. Pukhno

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of the Department
of Tactical and Special Training,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
puhno@rambler.ru

Margarita V. Lapsar

Adjunct of the Department of Social
and Humanitarian Disciplines,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
margaret-1572@yandex.ru

**THE INFLUENCE OF INFORMATION
AND THE INFORMATION SOCIETY
ON PERSONALITY: ON THE QUESTION
OF THE RELEVANCE OF PSYCHOLOGICAL
RESEARCH**

Annotation. In the proposed article, the authors analyze the impact of information technology on a person's personality, a brief analysis of the changes and dangers that such a transformation can entail as consequences for both the individual and society. The main attention is paid by the authors to the relevance of psychological research on this topic, the degree of development of this topic. An attempt is made to analyze the significance and expediency of compiling a psychological and digital portrait of a person, and the difficulties that a psychologist may encounter when studying a person's personality along his digital «trace» are analyzed.

Keywords: personality, psyche, psychological processes, information, information society, information and telecommunication technologies, social institutions, transformation, psychological and digital portrait.

Особенно сильное влияние информационных технологий мы видим в области экономических процессов. С каждым годом заметно возрастает объём инвестирования в развитие информационно-телекоммуникационного поля, что, несомненно, ведёт к глубоким трансформационным процессам внутри других сфер общественной жизни. Мы говорим об экономической сфере в первую очередь по той причине, что именно развитие экономики считаем основополагающим катализатором всех социальных процессов, что также подтверждается выводами, сделанными В.П. Куприяновским, Д.Е. Намиот, С.А. Синяговым, А.П. Добрыниным [1] В свою очередь,

возрастание объёмов финансирования информационно-телекоммуникационных технологий напрямую связано с потребностью общества в удовлетворении информационной потребности и запросом на их развитие и внедрение в решение бытовых вопросов.

Выбранная тема для исследования актуальна в связи с тем, что активное внедрение результатов информационно-технического прогресса в жизнь современного человека придало технологиям статус жизненной необходимости в сознании личности. Повсеместное использование цифровых ресурсов в частности и основными социальными институтами приводит к тому, что личность человека создаёт в виртуальной среде собственный «двойник», на взаимодействие с которым и направлена активность агентов социальных институтов. Системная виртуализация документов, удостоверяющих личность человека, его покупки посредством использования банковских карт или систем онлайн-платежей, общение в сети, поиск информации, обучение, неограниченный доступ к разнообразному контенту является следствием развития информационных технологий и взаимодействия с ними личности человека. Данные процессы приводят к заметным изменениям в сознании как уже сформированной личности, так и влияют на психическое и социальное развитие ребёнка. В связи с этим, одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед психологией как наукой о сознании и личности человека, является систематическое и детальное изучение влияния информации и информационных технологий на личность человека с точки зрения трансформации психических процессов. Анализируя совокупность психологических исследований, проведённых в указанной нами области, можно утверждать, что данная тема является новой и отчасти революционной в научном знании. Это объясняется, в первую очередь, тем, что информационные технологии как следствие технического и общественного прогресса явление достаточно новое, а результаты трансформации психики и личности человека нередко имеют латентный характер, однако, всё же, представляют собой явление массовое и необратимое. Чаще всего, результат влияния информации и информационных технологий на личность и её развитие становятся достоянием общества и могут использоваться как предмет для психологического исследования после того, как появляются негативные последствия такого влияния. Самыми яркими примерами можно назвать совершение актов скулшутинга как на территории нашей страны, так и в зарубежных странах, когда ужасающие преступления совершаются именно посредством взаимодействия неформированной личности подростка и информационно-телекоммуникационных технологий.

В связи с достаточно объёмным полем проблематики и в условиях крайне ограниченных эмпирических исследований, мы видим основной целью данной научной статьи рассмотреть причины актуальности полномасштабного научного исследования выдвинутой нами темы в области психологии личности человека.

Одной из задач, стоящих перед нами в контексте исследования, является установление характера влияния информационных технологий на личность и сознание человека, в каких ролях они выступают в отношении друг друга и как такое влияние может быть использовано отдельными заинтересованными акторами. На сегодняшний день мы отмечаем не только сильнейшую виртуализацию повседневных действий человека, но, как уже было указано выше, создание в информационной сети виртуальной личности-двойника, которая существует не как образ-отражение реального человека, а ведёт активную социальную активность. Об этом достаточно ярко и информативно высказывается Г. Греф, обращаясь к студентам Балтийского федерального университета им. И. Канта: «Постепенно вы, как реальный человек, будете интересовать мир всё меньше и меньше, а значение вашего цифрового аватара, наоборот, станет неуклонно повышаться, поскольку он очень многое о вас сможет сказать. Всех будет интересовать ваша цифровая копия, которая хранится на облаках, а не вы ... При этом важно понимать, что все мы будем абсолютно прозрачны для цифрового мира. Практически ничего не удастся скрыть. Далеко не все готовы смириться с таким положением дел, но это ключевой тренд на ближайшие годы» [2]. По нашему мнению, именно в этом и заключается основная опасность трансформационных процессов личности: человек начинает понимать, что его виртуальный образ можно сформировать совершенно непохожим на реальную личность и представлять её миру как «оригинал». При этом реальная личность человека будет начинать испытывать угнетающие когнитивные процессы вследствие несоответствия желаемого образа действительному положению человека в обществе.

Важно отметить, что, несмотря на виртуальность создаваемого образа и его несоответствия действительности, по поведению человека в социальных сетях можно сделать вывод не только о его социальной активности, но и о многих психических аспектах личности, в том числе, и о наличии или отсутствии у него психических отклонений и даже заболеваний. Такой вывод мы можем сделать, основываясь на научных исследованиях и разработках М. Косинского. Им установлено, что понять личность человека и уровень его психического развития достаточно легко установить по отметкам заинтересованности, проще говоря, «лайкам»: «Достаточно десяти лайков (интересов), чтобы система смогла лучше распознать вашу личность, чем коллега по работе, а по 230–240 лайкам компьютер будет знать о вас больше, чем ваш супруг или супруга» [3]. Однако следует сказать, что человек, понимающий факт того, что каждое его действие в сети оцифровывается и остаётся в памяти информационного поля навсегда, может использовать это для создания того самого виртуального образа, наделённого большим количеством положительных, одобряемых обществом черт. Например, многие крупные кампании, в том числе, в IT-сфере при приёме кандидата на работу основываются не столько на результатах собеседования, а больше на изучении его профилей в социальных сетях, активности в

ведении аккаунтов, наиболее часто посещаемых сайтов и изучении тем.

Приведённый выше аспект взаимодействия личности и информационного общества носит социальный характер, однако и он также оказывает заметное влияние на сознание человека. Личность в условиях доступа к подобному инструментарию создания виртуального себя не получает реального развития, отчасти она деградирует, теряет способности к коммуникации и совершенствованию.

Не менее опасным, с точки зрения влияния на развитие психики человека, считаем и другой фактор взаимодействия личности и информационного поля. Он заключается в том, что информация и информационные технологии могут использоваться как мощнейший инструмент оказания воздействия на личность человека, проникновения в неё в целях трансформации. Манипуляция сознанием, как отдельного человека, так и большой массы людей является общепризнанным инструментом политики, маркетинга, идеологии. Посредством подачи информации в определённой форме, виде, различными инструментами личность может незаметно попадать под влияние и трансформироваться так, как необходимо актору такого воздействия. Объясним нашу мысль.

Уже давно не является секретом, что построение психолого-цифрового портрета личности основано на её поведении в информационном поле, о чём нами было упомянуто выше. Вместе с тем, мы впервые используем такой термин, как «психолого-цифровой портрет», так как данное определение модели поведения личности в виртуальной среде считаем не до конца проверенным, спорным и сугубо индивидуальным явлением, не лишённым, однако, рациональности изучения и использования при изучении трансформационных процессов, которые информационное общество оказывает на личность человека.

Основываясь на поведении человека в сети, его профиле, основных интересах, наиболее часто посещаемых сайтах, мы можем определить такие группы черт личности, как:

- подсознательные;
- психологические;
- потребностные;
- мировоззренческие;
- социальные.

Однако при анализе поведения человека в информационном пространстве исследователь может столкнуться с той самой личностью-двойником, о которой мы говорили выше. «Не создается ли действительная угроза представленности человека преимущественно своим цифровым «аватаром», а не самим собой на новом этапе развития информационного массового общества? Не породит ли это неизбежную деформацию

личности, когда та, в результате страха, имеет неуспешный (для карьеры, для получения кредита, необходимых документов и т.п.) «цифровой профиль» станет жёстко «цензурировать» свою социальную жизнь, осуществление которой переходит в сетевое пространство. Нет ли в таком случае предпосылок к зарождению нового невиданного ещё диктата, когда приблизится возможность наказания за «мыслепреступления?» [4] – такими вопросами задаётся Горбунов А.И. Можем ли мы на сегодняшнем этапе изучения взаимодействия личности и информационных технологий однозначно ответить на эти вопросы и быть готовыми разрешать последствия, которые может нести для общества трансформация личности в связи с активным использованием её информации? Думается, что нет, так как даже в условиях качественного составления психолого-цифрового портрета исследователь не будет до конца уверенным в достоверности и объективности предоставляемых пользователем данных о себе. Вместе с этим, нам кажется разумным развивать психологию личности в информационной среде хотя бы тем причинам, что информационные технологии уже стали постоянным спутником жизни и развития личности, а следовательно будут продолжать оказывать влияние на те психологические процессы, которые казались давно изученными и не таящими в себе секретов. Однако психология работает с самым сложным объектом для изучения – личностью человека, а значит, не может обделять внимание новые аспекты его жизни.

Таким образом, даже при кратком и достаточно поверхностном анализе влияния, которое оказывают информационные технологии на личность и психическое развитие человека, мы можем сделать вывод, что данная тема является актуальной для глубокого и детального изучения эмпирического исследования. Воздействие информационных технологий на личность человека нельзя назвать только негативным, возможности для позитивного развития личности предоставляются масштабные и вполне доступные: начиная от научных статей в открытом доступе и не заканчивая онлайн-курсами по получению высшего образования.

Однако в силу научных интересов и специфики профессиональной деятельности, а также, запросов правовой системы считаем особенно актуальным и важным изучение и анализ того влияния информационных технологий, которое приводит к развитию у личности различных форм негативных девиаций и может стать причиной совершения правонарушений. Как отмечает А.И. Горбунов: «Вместе с тем, возможности цифровых технологий переводят информационное массовое общество в новую фазу его развития, сопряжённую с ранее не существовавшими факторами изменения личностного бытия» [4], что, в свою очередь, ставит перед наукой психологии новые задачи по изучению психических процессов личности и её трансформации под влиянием различных факторов, особенно, ранее, не оказывавших на неё какого-либо воздействия.

Литература:

1. О работах по цифровой экономике / В.П. Куприяновский [и др.] // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2016. Т. 12. № 1. С. 243–249.
2. Греф рассказал о возрастающей роли цифрового аватара личности // РИА Новости: [сайт]. (23.07.2017). URL : <https://ria.ru/economy/20170723/1499007433.html> (дата обращения 20.09.2022).
3. Мы не заметим, как мир захватит искусственный интеллект // Радио Свобода: (сайт). (09.12.2016). URL : <https://www.svoboda.org/a/28166040.html> (дата обращения 22.09.2018).
4. Горбунов А.С. Личность и цифровые технологии в информационном массовом обществе / А.С. Горбунов // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2018. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-i-tsifrovye-tehnologii-v-informatsionnom-massovom-obschestve> (дата обращения 27.09.2022).

Literature:

1. About works on digital economy / V.P. Kupriyanovsky // Modern information technologies and IT-education. 2016. Vol. 12. № 1. P. 243–249.
2. Gref spoke about the growing role of the digital avatar of the individual // RIA Novosti: [website]. (07/23/2017). URL : <https://ria.ru/economy/20170723/1499007433.html> (date of the application 20.09.2022).
3. We will not notice how artificial intelligence will take over the world // Radio Liberty: (website). (09.12.2016). URL : <https://www.svoboda.org/a/28166040.html> (date of the application 09/22/2018).
4. *Gorbunov A.S. Personality and digital technologies in the mass information society / A.S. Gorbunov // Vestnik MGOU. Series: Philosophical Sciences. 2018. № 4. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-i-tsifrovye-tehnologii-v-informatsionnom-massovom-obschestve> (date of the application 09/27/2022).*

Хэ Цзиньчжэ
магистрант,
факультет журналистики,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
851419576@qq.com

ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ИНДУСТРИИ «ЧЕРНЫХ» НОВОСТЕЙ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИУМ

Аннотация. В данной статье проводится исследование «черного» контента массмедийного новостного пространства. Автор статьи рассматривает сущность «черной» новости, под которой он понимает сообщение негативного воздействия, играющее роль в манипулировании сознанием общественности. Автор статьи приходит к выводу, что сцены жестокости, насилия, убийств, катастроф, военных конфликтов способны влиять на психологическое состояние человека, и, в то же время, сообщения негативного характера могут сыграть позитивную роль в развитии общества. В качестве примера новостной политики, автор статьи рассматривает подачу новостей в российских и китайских массмедиа.

Ключевые слова: массмедиа, «черная» новость, негативная информация, манипуляция сознанием.

На рубеже третьего тысячелетия в коммуникативных процессах произошли серьезные изменения, связанные со всевозрастающим воздействием современных массмедиа на жизнь индивидов и общества в целом. Можно сказать, что современный человек живет в медиапространстве, представленном контекстом массовой информации.

Информация – самый распространенный продукт потребляемый человечеством. Спрос на нее всегда был высоким. Но именно в настоящее время, когда массмедиа завоевали Интернет-пространство, возросла роль информативного воздействия на человека. Информационное поле, которому подвергается человек с утра до вечера, поистине огромно. Печатные и электронные издания, телевизионные и радиоканалы, которые, благодаря Интернету, можно смотреть и слушать в любой точке земного шара, выдают сотни новостей, рассказывают о тысячах событий. Однако, как свидетельствует статистика, большая часть передаваемого журналистами и репортерами материала имеет тенденцию к демонстрации негатива, что выражается в репортажах, передающих сцены жестокости, убийств, массовых расстрелов, в публикациях, с натуралистическими подробностями описывающих истории, связанные с

He Jinzhe
Master's Student,
Faculty of Journalism,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
851419576@qq.com

POSITIVE AND NEGATIVE CONSEQUENCES OF THE BLACK NEWS INDUSTRY AND ITS INFLUENCE ON SOCIETY

Annotation. This article examines the «black» content of the mass media news. The author of the article examines the essence of the «black» news, which he defines as the message of negative influence playing an important role in manipulating the public consciousness. The author of the article comes to the conclusion that scenes of cruelty, violence, murders, catastrophes, military conflicts can affect the psychological state of a person, and at the same time negative messages can play a positive role in the development of society. As an example of news policy, the author of the article considers the presentation of news in the Russian and Chinese mass media.

Keywords: mass media, «black» news, negative information, manipulation of public consciousness.

работой правоохранительных органов, раскрывающих то или иное преступление.

Негативно ориентированная информация очень плохо сказывается на здоровье ее потребителей (причем не только психологическом, но и физическом). Читая, слушая или просматривая подобные сюжеты, человека начинает мучить мысль, что мир погружается в катастрофу и хаос. С точки зрения М.О. Руденко, «после просмотра подобного рода телеэфиров неизбежно возникает чувство страха: страха за собственную жизнь, за жизнь близких, пропадает уверенность в завтрашнем дне» [2, с. 109]. Но, тем не менее, в России только 17 % респондентов не довольны обилием на экранах телевизоров сцен, в которых культивируется жестокость и насилие, в которых основными действующими лицами являются криминальные структуры, правоохранительные органы, насильники, жертвы. Согласно статистическим данным, в России 90 % читателей периодики пропускают позитивные (экономические, культурные и т.д.) новости и пристально следят за информацией, которая «щекочет нервы». Аудитория, по мнению российских исследователей, не понимает, что «увлеченность негативными новостями не всегда позволяет беспристрастно взглянуть на их содержание и объективно оценить

реальную необходимость в получении такого рода информации» [1, с. 529].

Учитывая тот факт, что массовая аудитория сама с нетерпением ждет новостей, в которых зрители увидят кадры катастроф, стихийных бедствий, пожаров, наводнений, убийств, репортеры «подогревают» ее интерес тем, что приукрашивают события, добавляя в сюжет новые подробности. Иными словами, репортеры идут на поводу у публики: «читатель хочет острого сюжета – журналист его создает.

Если апеллировать к телевидению, то «черные» новости привлекают зрителей не только интригующим содержанием. Новостные каналы всегда опираются на визуальные стимуляторы, под которыми имеются в виду видеоролики и графические кадры, сопровождающие повествование. Редакторы зачастую готовы отказаться от правды, лишь бы для зрителей создать зрелище. Поэтому даже самая последняя срочная новость может быть сконструирована таким образом, что ее истинное содержание теряется в видео- и аудио-эффектах, иллюстрирующих данную новость. Эмоционально воздействует на аудиторию и музыкальное сопровождение. Грамотно, в соответствии с темой, подобранная музыка оказывает сильное психологическое воздействие на зрителей и может даже подавить словесный комментарий [5, р. 5].

Итак, по мысли большинства исследователей, негативные новости оказывают разрушительное воздействие на аудиторию. Посредством черной индустрии новостей совершается манипулирование массовым сознанием. Следствием «криминализации» массмедиа может стать общий страх населения перед природными катаклизмами, войнами, преступным миром, неопределенным будущим и т.п., приводящий к паническим атакам, суицидальным мыслям, росту смертности от инфарктов, инсультов и других болезней, а также увеличивающееся число преступных деяний, особенно среди подростков и молодежи, бессознательно копирующих поведение телевизионных героев. Негативная информация, сходящая с экранов телевизоров и полос газет, приводит к агрессивным настроениям в обществе, готовым вот-вот вылиться наружу и решить проблему, о которой вещает новость, грубой силой.

Литература:

1. *Маркелов К.В.* Негативная новость на центральных телеканалах России и Украины: общее и специфическое / К.В. Маркелов, Е.Б. Громова, Н.Р. Нафиева // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 3. С. 521–532.
2. *Руденко М.О.* Негативная медийная информация и ее влияние на человека / М.О. Руденко // Медиаобразование. 2014. № 2. С. 108–112.
3. *Соловьев В.Р.* Манипуляции: Атакуй и защищайся. М. : Эксмо, 2011. 352 с.

Однако, как считает В. Соловьев, «любое подвергающееся манипуляции сознание рано или поздно устает. Устает от негатива. Поэтому очень важно при манипуляции общественным сознанием или сознанием одного человека вовремя перевести представляемую информацию в иной регистр степени важности» [3, с. 139]. Поэтому иногда негативные новости «затушевываются» второстепенным комментарием, ослабляющим эффект от основного сообщения. Например, в случае с разливом нефти в Атлантическом океане, связанным с компанией «Бритиш Петролеум», на телевидении стали выходить репортажи о том, как компания содействует защите окружающей среды, производит выплаты пострадавшим, ликвидирует последствия катастрофы [4, с. 81]. Подобный аспект подачи информации сглаживает негативное воздействие на зрителя, которого волнуют экологические проблемы.

«Черную» индустрию новостей не следует рассматривать только в негативном контексте. Эта мысль чаще всего содержится в работах западных аналитиков, которые считают, что негативные сюжеты в телепередачах и газетные статьи с негативной риторикой могут выступать в роли сторожевого пса [5, р. 6]. Так, просмотрев репортаж о пожаре, который произошел по вине какого-нибудь человека, заснувшего на диване с зажженной сигаретой в руке, зритель задумается о том, следует ли курить, ведь эта пагубная привычка может привести к трагическим последствиям. «Черные» новости, по мысли М.Дж. Проктора, могут даже стать катализатором социального прогресса и экономического развития, поскольку, осведомляя население о проблемах, они могут привести к позитивным изменениям в обществе, которое потребует от правительства принятия определенных законов, затрагивающих интересы граждан [5, р. 6].

В завершении скажем, что «черные» новости – это результат целенаправленной политики. «Черный» контент очень выгоден телерадиокомпаниям и прессе, поскольку уклон потребителя информации в сторону новостей негативного содержания может им обеспечить определенную выгоду, ибо «негатив дает рейтинги, а следственно, и прибыль» [2, с. 112].

Literature:

1. *Markelov K.V.* Negative news on the central TV channels of Russia and Ukraine: general and specific / K.V. Markelov, E.B. Gromova, N.R. Nafieva // Bulletin of the RUDN. Series: Literary Studies. Journalism. 2019. Vol. 24. № 3. P. 521–532.
2. *Rudenko M.O.* Negative media information and its impact on a person / M.O. Rudenko // Media education. 2014. № 2. P. 108–112.
3. *Soloviev V.R.* Manipulations: Attack and defend. M. : Eksmo, 2011. 352 p.

4. *Черкасова В.П.* Медиа-манипулирование общественным политическим сознанием: Телевидение и Интернет. М. : Издательство «Весь Мир», 2019. 152 с.

5. *Proctor M.J.* An Investigation into Negative Television News and its Psychological Effects on Viewers. Thesis for BA (Hons) in Communications in Creative Media. School of Informatics and Creative Arts, 2021. 63 p.

4. *Cherkasova V.P.* Media manipulation of public political consciousness: Television and the Internet. M. : Publishing House «The Whole World», 2019. 152 p.

5. *Proctor M.J.* Investigation of negative television news and its psychological impact on viewers. Dissertation for a bachelor's degree (with honors) in communications in creative media. School of Computer Science and Creative Arts, 2021. 63 p.

Чжан Сыци

магистрант,
философский факультет,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
diemaske@foxmail.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ИННОВАЦИЙ И РАЗВИТИЯ РАДИО- И ТЕЛЕВИЗИОННОГО БИЗНЕСА В ЭПОХУ НОВЫХ МЕДИА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. Стремление к трансформации и развитию является необходимой мерой и полезным качеством для традиционных средств массовой информации, чтобы адаптироваться к рыночной конкуренции, отраслевым тенденциям и внедрять самостоятельные инновации на фоне эпохи новых медиа. В новую эпоху медиа традиционные СМИ могут оптимизировать распределение традиционных медиаресурсов, изменить способ распространения информации традиционных СМИ и объединить способность традиционных СМИ формировать общественное мнение. Основываясь на предыстории эры новых медиа, в сочетании с операционными характеристиками традиционных средств массовой информации, традиционные средства массовой информации должны изменить концепцию и параллельно внедрять инновации в систему, учитывать инновации контента и итерации форм, а также уделять равное внимание развитию талантов и расширению возможностей в области науки и техники.

Ключевые слова: новые медиа, трансформация и развитие, социальные отношения, инновации.

С бурным развитием и широкой популярностью интернет-технологий стремительно появляются и широко развиваются новые медиаформы, основанные на цифровых технологиях, беспроводной связи, спутниковой связи и других технических средствах. Новые медиа включают в себя социальную интернет-платформу, платформу we-media и так далее. Благодаря преимуществам интернет-технологий, таким как высокая открытость, широкий охват и высокая эффективность, новые медиа постепенно занимают все большую дискурсивную власть, влияние и направляющую силу в области информационной коммуникации, таким образом, область информационной коммуникации вступает в эру новых медиа.

В эпоху новых медиа, с одной стороны, новые медиа эффективно экранируют, анализируют,

Zhang Siqi

Master's Student,
Faculty of Philosophy,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
diemaske@foxmail.com

A STUDY OF INNOVATION AND DEVELOPMENT OF RADIO AND TELEVISION BUSINESS IN THE ERA OF NEW MEDIA: A SOCIOLOGICAL ASPECT

Annotation. The desire for transformation and development is a necessary measure and a useful quality for traditional media to adapt to market competition, industry trends, and innovate on their own against the backdrop of the new media era. In the new age of media, traditional media can optimize the distribution of traditional media resources, change the way traditional media disseminates information, and combine the ability of traditional media to guide public opinion. Based on the background of the new media era, combined with the operational characteristics of traditional media, traditional media should change the concept and in parallel innovate the system, consider content innovation and form iteration, and pay equal attention to the development of talent and empowerment in science and technology, as well as to form the conditions for the development of the system foundation, empowerment in the field of innovation and promotion of talent.

Keywords: new media, transformation and development, social relations, innovations.

добывают и прогнозируют массивную информацию для улучшения инноваций и точности контента. С другой стороны, он использует слова, изображения, аудио, видео и другие формы для визуальной и звуковой обработки контента, чтобы реализовать интересную и эффективную форму общения. В процессе наложенной информационной коммуникации новые медиа взаимодействуют с аудиторией, что приводит к росту влияния новых медиа. В этом контексте, традиционные СМИ (радио и телевидение) должны признать свои собственные недостатки и извлечь уроки из преимуществ новых медиа-элементов для достижения собственной трансформации и развития [1]. Оптимизация распределения традиционных медиаресурсов и изменение конкурентоспособности традиционных медиа являются основной ценностью трансформации и развития традиционных медиа в эпоху новых медиа.

С точки зрения практической работы, традиционные медиа могут оптимизировать собственные ресурсные элементы путем трансформации.

Во-первых, трансформация и развитие могут ускорить оптимизацию структуры талантов традиционных медиа, подчеркнуть культивирование молодых команд с новыми технологиями, новыми идеями, новым видением, новыми целями и новыми способностями, чтобы обеспечить эффективную поддержку устойчивого развития традиционных медиа.

Во-вторых, благодаря трансформации и развитию традиционные медиа могут создавать новые каналы трафика для подключения клиентов, накладывать свои собственные офлайн-преимущества, а традиционные медиа могут реализовывать свою собственную онлайн- и офлайн-синхронную совместную разработку и, наконец, полностью отражать свои собственные преимущества контента.

В-третьих, основываясь на трансформации и развитии, традиционные медиа могут интегрировать свои собственные ресурсы медиатехнологий, освещать исследования и применение медиатехнологий и повышать ресурсоспособность и технологическую способность традиционных медиа и, в конечном счете, повышать их основную конкурентоспособность [2].

Основной ценностью трансформации и развития традиционных медиа в эпоху новых медиа является изменение способа передачи информации традиционными медиа и расширение влияния традиционных медиа. Нет сомнений в том, что Интернет оказал большое влияние на способ производства и жизни человека, даже в области распространения информации. В эпоху новых медиа способ передачи информации традиционными медиа слишком жесткий. Это не только отсутствие достаточно привлекательной информации по содержанию, но и немного скучно по форме. Сложно привлечь молодых клиентов в новую эпоху и удовлетворить потребности рынка. При этом направление распространения информации традиционных СМИ обычно одностороннее и отсутствуют коммуникации и взаимодействия между передатчиком информации и аудиторией, тем самым, уменьшая влияние и привлекательность самих традиционных СМИ. Благодаря трансформации и развитию, традиционные средства массовой информации будут сопоставляться с функциями, содержанием и способами новых медиа, учиться на их превосходном опыте и способах, внедрять свои собственные способы распространения информации и расширять свое влияние [4; 5]. Традиционные средства массовой информации должны изменить концепцию распространения информации и в полной мере осознать, что социум является ядром распространения информации и обладает незаменимой субъ-ективностью.

В стратегии развития руководители медиа должны не только достичь высокой степени

консенсуса в управлении, но и укрепить просвещение в отношении консенсуса по преобразованию и развитию с сотрудниками на низовом уровне. Чтобы обеспечить плавное реформирование традиционных медиа в эпоху новых медиа, менеджеры должны не только реализовать передовую концепцию работы новых медиа, но и получить широкий консенсус сотрудников. С другой стороны, необходимо дополнительно уточнить конкретную операционную систему в области распространения информации и создать научную, всеобъемлющую и исполняемую операционную систему, которая включает в себя не только разработку функциональной координации каждой должности, но и механизм стимулирования и сдерживания для каждой должности и персонала. Медиа-организации должны постоянно высвобождать внутренние управленческие дивиденды посредством институциональной реформы, подчеркивать институциональные преимущества, ресурсные преимущества и организационные преимущества в процессе конкуренции между традиционными медиа и новыми медиа, а также, обеспечивать эффективную реформу традиционных медиа в эпоху новых медиа [3]. Как инновация контента, так и итерация формы являются ключевым путем трансформации и развития традиционных медиа в эпоху новых медиа. Основной целью является реконструкция традиционной системы управления медиа в новую медиа-эру. Из прошлой истории традиционные СМИ обычно придают большое значение инновациям в контенте и хотят привлечь большинство интернет-клиентов с помощью инноваций контента. Так как из-за отсутствия инноваций в контенте, контент традиционных СМИ отстает и не достигает нужного социального эффекта. В то же время, из-за стареющей структуры команды талантов, низких навыков знаний и всесторонней грамотности, она не может итерировать и внедрять содержательную форму распространения информации, тем самым снижая эффективность работы традиционных медиа в эпоху новых медиа. Поэтому новая медиаплатформа должна усиливать инновации в содержании распространения информации, и, в то же время, она должна учитывать актуализацию итерации различных форм распространения информации, идти в ногу с ритмом и доносить до социума желаемую информацию. Таким образом, трансформация и развитие – это единственный путь для традиционных медиа в эпоху новых медиа, и это неизбежный выбор для достижения собственного эффективного, стабильного и устойчивого развития. Под воздействием новых медиа традиционные медиа должны интегрировать свои собственные элементы, исследовать свои собственные недостатки, учиться на опыте развития новых медиа, всесторонне реализовывать свою собственную идеологическую трансформацию, институциональную трансформацию и трансформацию способов, а также, повышать конкурентоспособность традиционных средств массовой информации в функционировании рынка, их влияние на распространение информации и ее привлекательность в передаче информации.

Литература:

1. *Симонов А.Г.* Реформирование медиа. М. : Энигма, 2022. С. 810.
2. *Геворкян Я.Е.* Инновации в современном PR. М. : Юрайт, 2021. С. 240.
3. *Ершова А.С.* Перспектива реформирования СМИ. М. : МГИМО-Университет, 2021. С. 160.
4. *Габдулхакова Р.В.* Роль интернет-коммуникаций в продвижении имиджа города / Р.В. Габдулхакова, Ю.Б. Козлова, Н.В. Грогуленко // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1(152). С. 429–430.
5. *Семина А.П.* Цифровизация процессов управления персоналом: SMM в HR / А.П. Семина // Дискуссия. 2020. № 1(98). С. 62–68.

Literature:

1. *Simonov A.G.* Media reform. M. : Enigma, 2022. P. 810.
2. *Gevorkyan Ya.E.* Innovation in the modern PR. M. : Urait, 2021. P. 240.
3. *Ershova A.S.* The prospect of reforming the media. M. : MGIMO-University, 2021. P. 160.
4. *Gabdulkhakova R.V.* The role of Internet communications in promoting the image of the city / R.V. Gabdulkhakova, Yu.B. Kozlova, N.V. Grogulenko // Eurasian Law Journal. 2021. № 1(152). P. 429–430.
5. *Semina A.P.* Digitalization of HR management processes: SMM in HR / A.P. Semina // Discussion. 2020. № 1(98). P. 62–68.

Чжан Цзисюань
магистрант,
факультет космических исследований,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
achou7@qq.com

ИННОВАЦИИ КИТАЯ В ФОРМИРОВАНИИ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. В начале XXI века о Китае заговорили как о стране с богатым инновационным потенциалом. Однако, как показывает опыт Китайской Народной Республики, которая за довольно короткий срок смогла добиться значительных успехов на мировой экономической арене, свидетельствует о том, что наличие высокого инновационного потенциала, являющегося необходимым фактором экономического развития, влечет за собой реорганизацию системы государственного управления. В данной статье представлен краткий обзор становления этой системы, которая создается благодаря правительству КНР, внедряющему инновации в реорганизацию институтов государственного управления.

Ключевые слова: Китайская народная республика, государственное управление, инновации, административная реформа.

В Китайской Народной Республике система государственного управления рассматривается как важный элемент решения экономических и социальных задач развития общества. Ее цель – сплочение нации на фоне проблем и вызовов, с которыми сталкивается страна, окруженная недоброжелателями в лице США и других стран западного мира. И инновационная политика Китая в процессе формирования системы государственного управления играет не последнюю роль, поскольку инновации являются первой движущей силой развития и стратегической поддержкой построения общественной и социально-экономической системы страны [2, с. 333]. Всеобъемлющие реформы, которые постепенно перевели бывшую плановую экономику в экономику, обозначенную китайскими лидерами как «социалистическая рыночная экономика», Китай проводит с 1978 года. До этих реформ экономическая деятельность в КНР жестко контролировалась, причем государственному контролю подвергались не только все виды производимой продукции, но и ее количество, ценообразование, распределение. Обеспечение сырьем, распределение средств, укомплектование техническим персоналом, сельскохозяйственное производство, распределение зерна, текстиля и даже бумаги контролировались государством [5, с. 12]. Переход Китая к новому типу

Zhang Ji Quan
Master's Student,
Faculty of Space Studies,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
achou7@qq.com

CHINA'S INNOVATIONS IN THE FORMATION OF AN EFFECTIVE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM

Annotation. At the beginning of the XXI century, China was talked about as a country with a rich innovative potential. However, as the experience of the People's Republic of China shows, which has been able to achieve significant success in the world economic arena in a fairly short period of time, indicates that the presence of high innovative potential, which is a necessary factor of economic development, entails the reorganization of the public administration system. This article provides a brief overview of the formation of the public administration system in China, which is being created due to the Government which introduces innovations in the reorganization of public administration institutions.

Keywords: People's Republic of China, public administration, innovation, administrative reform.

управления экономикой обоснован концепцией «четырех модернизаций», объявленной Чжоу Эньлаем в середине 1960-х годов и возрожденной Дэн Сяопином для запуска экономических реформ в 1978 году. Эта концепция предусматривала развитие и подъем китайской экономики до середины XXI века путем модернизации сельского хозяйства, промышленности, национальной обороны, науки и техники. В середине 1980-х годов Дэн Сяопин разработал стратегию развития страны, взяв курс на ее инновационное развитие. В этот период времени активно импортировались технологии и привлекался иностранный капитал. В начале XXI в. в Китае был запущен процесс перехода от стратегии заимствования к стратегии собственных инноваций, позволивших обеспечить гармоничное сосуществование с новой экономической системой и достаточную поддержку для нее. В настоящее время правительство Китая заявляет о своем намерении создать полномасштабную высокоэффективную национальную инновационную систему и построение в Китае инновационно-ориентированного общества, что позволит превратить Китай в мировую инновационную экономическую державу. Текущие меры государственной политики сфокусированы на создании новой инновационной модели, позволившей Китаю достичь поставленных целей в области

экономического развития, увеличить темпы роста среднего класса и ускорить прогресс в укреплении инновационного потенциала, чтобы перейти в разряд глобальных инновационных лидеров [1, с. 10].

Новая инновационная политика требовала изменений в системе управления. До реформ структура власти была сильно централизована, поскольку местные органы власти, предприятия, учреждения и общественные организации не имели автономии и де-факто являлись ветвями правительства, находящегося в Пекине. Эти организации выполняли план под руководством Государственной комиссии по планированию (ныне именуемой Национальной комиссией по развитию и реформам), а центральное правительство контролировало распределение людских и финансовых ресурсов. Результатом стала обширная и раздутая бюрократическая структура с чрезмерной укомплектованностью персоналом, функциональным дублированием и низкой эффективностью [3]. С переходом на новые рыночные отношения реформа государственного управления пошла несколько иным путем. Ослабление государственного контроля, введение рынка, реорганизация государственных учреждений, а также реорганизация государственных предприятий, изменение операционных процедур, повышение подотчетности, улучшение предоставления услуг стали нормой.

В конце 1990-х годов в Китае была проведена новая серия административных реформ, которые внесли свой вклад в систему государственного управления. В ходе этих реформ китайское правительство решило отказаться от прямого вмешательства в экономическую и социальную жизнь, чтобы, в целях развития страны и общества, создать административный потенциал для надлежащего регулирования рыночной экономики и поддержки рыночных реформ. В связи с этим, правительство решило уйти из экономической и социальной сфер, открыв путь частным инвесторам. На повестке дня также стояли:

- модернизация экономики;
- сокращение штатов;
- слияние административных структур;
- реструктуризация государственных предприятий.

В 1998 году число административных учреждений было сокращено с 99 до 82-х. На местном уровне были упрощены некоторые административно-

Литература:

1. Россия и Китай: инновации и предпринимательство. Аналитический отчет. М., 2016. 94 с.
2. *Фань Доунань*. Инновационная политика Китая: этапы формирования / Фань Доунань // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 1. С. 331–344.
3. *Alberti A.* Replicating Innovations in Governance: An Overview / A. Alberti & Bertucci G. // Innovations in Governance and Public Administration: Replicating

бюрократические процедуры, а сторонним лицам путем приватизации и заключения контрактов открылась дорога к управлению. В стране также появились учреждения, занимающиеся социальной работой [6]. Политика наращивания правительственного потенциала осуществляется на различных уровнях государственного управления. Эта политика включает: укрепление системы регулирования рынка, укрепление системы управления государственными активами, улучшение контроля за макроэкономикой и повышение эффективности государственной службы.

В 2008 году, чтобы избежать дублирования обязанностей и «несоответствия полномочий обязанностям», упорядочить функции правительственных ведомств и усилить макроэкономическое регулирование, было предложено провести работу по созданию «суперминистерств». Проект обсуждался на проходящей в Пекине сессии Всекитайского собрания народных представителей, высшего органа государственной власти Китая. Как надеются авторы документа, реформа позволит повысить эффективность работы правительства. В число этих «суперминистерств» вошли министерства промышленности и информации, человеческих ресурсов и социальной защиты, окружающей среды, жилищного строительства и городских сооружений, а также министерство транспорта. До этого времени за эти направления работы отвечали отдельные агентства [6]. Появление системы «суперминистерств» не только отвечает требованиям экономического и социального развития государственного управления, но и необходимо для эффективной работы правительства, поскольку:

- во-первых, смежные предприятия стали подчиняться одному министерству и получать эффективную координацию;
- во-вторых, централизованное управление помогло уменьшить количество споров между отдельными департаментами, проблемы которых могут быть легко решены;
- в-третьих, количество сотрудников департаментов сократилось, а человеческие ресурсы переданы «головному» предприятию [4, с. 86].

Формирование системы государственного управления в Китае еще не закончено. Но стремительный рост экономики создает благоприятные условия для эффективного внедрения инноваций в систему государственного управления. Ближайшие годы станут определяющими для страны и покажут целесообразность принятых мер проводимой административной реформы.

Literature:

1. Russia and China: innovation and entrepreneurship. Analytical report. M., 2016. 94 p.
2. *Fang Donang.* China's Innovation Policy: stages of formation / Fang Donang // Creative economy. 2022. Vol. 16. № 1. P. 331–344.
3. *Alberti A.* Replicating Innovations in Governance: An Overview / A. Alberti & Bertucci G. // Innovations in Governance and Public Administration: Replicating

what works. New-York : United Nations Department of Economic and Social Affairs, 2006. P. 1–21.

4. *Fangcheng Yuan*. A Study on Characteristics of China's Government Reform in Different Stages since the Reform and Opening-Up and Its Prospects / Fangcheng Yuan // Journal of Politics and Law. 2010. Vol. 3. № 3. P. 85–90.

5. Governance in China. Paris : OECD, 2005. 574 p.

6. *Wei Li*. Public Administration in China – Evolution and Current Challenge / Wei Liu, Wenzhao Li // Asian Journal of Political Science. 2013. Vol. 21. № 1. P. 1–20.

what works. New-York : United Nations Department of Economic and Social Affairs, 2006. P. 1–21.

4. *Fangcheng Yuan*. A Study on Characteristics of China's Government Reform in Different Stages since the Reform and Opening-Up and Its Prospects / Fangcheng Yuan // Journal of Politics and Law. 2010. Vol. 3. № 3. P. 85–90.

5. Governance in China. Paris : OECD, 2005. 574 p.

6. *Wei Li*. Public Administration in China – Evolution and Current Challenge / Wei Liu, Wenzhao Li // Asian Journal of Political Science. 2013. Vol. 21. № 1. P. 1–20.

Чикаева Карина Суреновна

доктор исторических наук,
профессор кафедры
социологии и культурологии,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
chikaevakarina@mail.ru

Юшина Светлана Владимировна

кандидат философских наук,
доцент кафедры истории и культурологии,
Донской государственный
технический университет
yushinasv@mail.ru

Сизова Наталья Мироновна

кандидат философских наук,
преподаватель
кафедры административного права,
Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
natasizo@mail.ru

**СОЦИАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ
КАК ФОРМА ДЕВИАНТНОГО
ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЕЖИ
В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**



Аннотация. Статья посвящена социологическому анализу социальной агрессии как одной из форм девиантного поведения российской молодежи. Ключевым свойством принадлежности к группе девиаций является деструктивность. Теоретико-методологическими концепциями, объясняющими порождение социальной агрессии, являются теории социализации личности и социального научения. Авторы статьи приходят к заключению о необходимости социального контроля со стороны общественных институтов с целью предупреждения и минимизации девиаций в молодежной среде.

Ключевые слова: девиантное поведение, социальная агрессия, деструктивность, молодежь, российское общество.



В условиях неопределенности будущего, нестабильности социально-экономической и социально-политической ситуации в российском обществе, а также, снижения общего социокультурного уровня молодых поколений россиян, девиантное поведение современной молодежи приобрело статус массового явления, приводящего к неадекватной социализации молодых поколений россиян и создающего тревожный фон социального самочувствия [1], приводящих к росту

Karina S. Chikaeva

Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department
of Sociology and Cultural Studies,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
chikaevakarina@mail.ru

Svetlana V. Yushina

Candidate of Philosophical Sciences,
Associate Professor of the Department
of History and Cultural Studies,
Don State Technical University
yushinasv@mail.ru

Natalya M. Sizova

Candidate of Philosophical Sciences,
Teacher Departments
of Administrative Law,
Rostov Law Institute
Ministry of the Interior Russian Federation
natasizo@mail.ru

**SOCIAL AGGRESSION
AS AN FORM OF DEVIANT BEHAVIOR
OF YOUTH IN RUSSIAN SOCIETY**



Annotation. The article is devoted to the sociological analysis of social aggression as one of the forms of deviant behavior of Russian youth. The key property of belonging to a group of deviations is destructiveness. Theoretical and methodological concepts that explain the generation of social aggression are theories of socialization of the individual and social learning. The authors of the article come to the conclusion about the need for social control by public institutions in order to prevent and minimize deviations in the youth environment.

Keywords: deviant behavior, aggression, destruction, youth, Russian society.



различных форм девиаций и порождающих волну социальной агрессии и деструктивного реагирования. Это свидетельствует о том, что проблема социальной агрессии как девиантной формы поведения молодых людей не утрачивает своей актуальности, и, очевидно, что данная проблематика вряд ли утратит свою остроту в ближайшей перспективе. Это связано с тем, что агрессия, будучи деструктивным многоаспектным явлением современности, интерпретируемым рядом

походов (от системного, синергетического до информационно-кибернетического и киберсоциализационного), позволяет ориентироваться и адаптироваться в тяжелом, противоречивом, полном агрессивных угроз, мире [2].

Какова интерпретация девиантного поведения (ДП) молодежи?

С точки зрения социологии, в широком смысле, ДП представляет собой сложную форму социального поведения молодежи, обусловленного системой взаимосвязанных факторов – условий и социально-психологических детерминант. Под ДП понимаются такие поступки и действия молодого человека, которые не соответствуют официально установленным или же фактически сложившимся в данном обществе (социальной группе) нормам и ожиданиям. Кроме того, ДП – социальное явление, характерное для аномийных (по Э. Дюркгейму) обществ, выражающееся в относительно массовых и устойчивых формах молодежной интеракции, не соответствующих формально установленным или же фактически сложившимся в обществе нормам и ожиданиям; а также, ДП – это способ изменения социокультурных норм и ожиданий с помощью демонстрации молодежию ценностного отношения к ним. С этой целью молодежью используются разнообразные приемы: молодежная лексика, субкультура, символическая атрибутика, мода, манеры поведения и пр. [3].

В узком смысле, ДП – поведение, отклоняющееся от принятых в российском обществе норм (правовых, социально-психологических, духовно-нравственных, социокультурных).

Для спектра поведенческих девиаций характерно многообразие их проявлений. Принципиальным является тот факт, что различные формы девиантного поведения имеют некоторые общие свойства, являющиеся критерием принадлежности к группе девиаций, наиболее значительным из которых – это деструктивность (их разрушительный характер).

С этим трудно не согласиться, поскольку ДП, так или иначе, ведет к деструкции личности, состояния здоровья, социальных отношений и взаимосвязей, нарушению общественного порядка и пр. При этом важно подчеркнуть, что деструктивность, будучи ключевым свойством принадлежности к группе девиаций, имеет тесную взаимосвязь с базовой человеческой социально-психологической характеристикой личности – социальной агрессией. В таком контексте, агрессия, направленная на социальное окружение или непосредственно на себя, играет немаловажную роль в возникновении поведенческих девиаций и, конечно, заслуживает внимания.

Невзирая на многочисленные усилия исследователей данной проблематики, по мнению Т.П. Скрипкиной, интерпретировать агрессивные формы девиантного поведения различных групп, в целом, и молодежи, в частности, отыскать способы противостояния им, а также, «выстроить различные конструкты противодействия агрессивным

проявлениям личности и совладания с ними, пока не представляется возможным, напротив, порождаются лишь новые детерминанты, источники ее возникновения и варианты проявления» в условиях презентации агрессивных моделей поведения, «войн за территории и другие ресурсы, кровавых сражений, насилия и агрессии» [4, с. 7–8].

Развитие девиантологии как науки привело к формированию относительно самостоятельных направлений внутри девиантологии [5].

Как показывает анализ социологических опросов, российское население, а молодежь, в особенности, сильно изменилось за последние два десятилетия по причине трансформации ценностных ориентаций и мировоззренческих позиций. Уже не вызывает сомнений тот факт, что социальная агрессивность как девиантная форма поведения является сложным параметром с многоуровневой организацией и бидетерминацией, сопряженной с дуалистическим характером природы агрессии, имеющей биологическое и социальное происхождение.

Согласно результатам опроса ИС РАН, российское общество стало более агрессивным и циничным: минимизировались такие специфически человеческие и высоконравственные качества, как сочувствие, жалость, эмпатия как способность сопереживания. При этом агрессивность и циничность усилились на 76 % и 68 %, соответственно. Патриотизм в молодежной среде упал на 64 %, искренность ослабла на 70 %, бескорыстие – на 72 %, честность – на 70 %, доброжелательность – на 71 %, уважение к старшим проявляется на 73 % реже [6]. Проще говоря, трансформировались нравственно-этические нормы отношений, вслед за которыми изменились многие конструктивные формы социального поведения как на уровне российского общества в целом, так и на уровне молодежного сообщества, в частности.

В этой связи, актуализировался особый интерес и внимание к интерактивной природе факторов, порождающих социальную агрессию как девиантную форму поведения. К данному направлению необходимо отнести объяснительные концепции, разработанные в русле теорий социализации и социального научения, в которых различным образом определяются и по-разному связываются между собой компоненты агрессивного поведения, ответственные за их мотивацию и направление.

В рамках когнитивно-бихевиористской агрессии, агрессию как форму девиантного поведения ученые рассматривают в рамках основных концептуальных разработок классических теорий агрессии, таких как: теория инстинктивного поведения (теории влечения), фрустрационная теория агрессии и теория (как результат) специфического социального научения.

По причине роста социальной агрессии как девиантной формы поведения в молодежной среде, современные российские и зарубежные исследователи выделяют определенные факторы и функции агрессии и агрессивных форм поведения

молодежи, исходя, как минимум, из двух теоретико-методологических концепций, объясняющих порождение агрессии: концепции социализации личности и теории социального научения.

В соответствии с первой концепцией, приобретаемые молодым субъектом в процессе социализации знания о существовании тех или иных форм агрессии, может содействовать актуализации потребности именно в агрессивных формах поведения, если таковые будут действительны в рамках достижения молодым человеком значимых целей, удовлетворения всевозможных потребностей, самоутверждения и разрядки.

В соответствии со второй концепцией, легитимная социальная агрессия является источником научения конкретно взятым формам агрессивного поведения и программам их исполнения [7]. Данная функция детально проанализирована и освящена на примере легитимного насилия в русле теории социального научения, разработанного А. Бандурой, показавшим, что агрессии молодые люди «обучаются» в результате научения, т.е. посредством вознаграждения или наблюдения за другими социально значимыми субъектами, получающими вознаграждение за проявленную агрессивность [8]. Если агрессор усваивает, что акты социальной агрессии приводят к ожидаемым последствиям, то формируются стереотипные шаблоны социального взаимодействия, подкрепляющие демонстрацию агрессивных форм поведения [9]. При этом агрессивное поведение российской молодежи может выступать фактором защиты прав личности и защиты ценностно-нормативных установок, а также, фактором становления личности в процессе киберсоциализации в пространстве социальных сетей, когда наблюдается признание агрессии в качестве самостоятельной ценности.

Сегодня известны различные механизмы утверждения и распространения девиантной агрессии и агрессивных форм поведения современной молодежи в российском обществе (субъективного и объективного социокультурного генезиса) [10], в том или ином смысле, связанных с процессом дегуманизации, в числе которых:

- отрицание ответственности (молодой человек считает себя заложником ситуации и жертвой объективных обстоятельств);
- минимизация или полное отрицание ущерба от совершенных действий молодым человеком в случае его установки, что никто серьезно не страдает и пострадает;
- «расчеловечивание» – «экскалаторизирование жертвы (жертва агрессивных действий выводится за пределы категории «человек»)» и «осуждение осуждающих» (людям, обвиняющим субъекта в агрессии, приписывается лицемерие, ложь,

Литература:

1. Гафиатулина Н.Х. Детерминанты деструктивного поведения в молодой семье: социально-

враждебные намерения), а также, «нейтрализация девиантной оценки агрессивного поведения ссылкой на более высокие ценности» [11];

– формирование образа врага и рационализация агрессии среди молодежи, что создает дегуманизационные механизмы социально-психологической защиты от раскаяния после совершенного акта агрессии;

– агрессия как реакция на действие стресса и факторы, продуцирующие стресс в условиях травматических изменений социокультурной среды и трансформации общественных институтов социализации.

Таким образом, в рамках социологического и близкого к нему социально-психологического теоретико-методологического осмысления, социальная агрессия как деструктивная форма девиации (вербальной или невербальной) является результатом социальных процессов в обществе, сложных взаимодействий и затруднительных взаимоотношений между российским социумом и /или молодежной группой, молодым индивидом.

В целом, высокий уровень социальной агрессии и других девиантных форм поведения молодежи и, соответственно, аномийности общества, требует ее предупреждения или минимизации. В связи с этим, необходим социальный контроль со стороны общественных институтов. Основные средства социального контроля заключаются в следующем:

- Во-первых, социализация, обеспечивающая восприятие, усвоение и выполнение молодыми людьми общепринятых в обществе социальных норм;
- Во-вторых, воспитание – процесс систематического и целенаправленного воздействия на социальное развитие личности молодого человека в целях формирования у него потребности и привычки соблюдать, господствующие в обществе, социально-нормативные предписания;
- В-третьих, групповое давление, присущее всякой социальной группе и выражающееся в том, что каждый индивид, входящий в конкретную группу, должен выполнять определенный набор исходящих от нее императивных требований и предписаний, соответствующих принятым в ней нормам.

В-четвертых, принуждение – применение определенных санкций (угроза, наказание), понуждающих молодежь и молодежные группы выполнять предписываемые обществом (общностью) нормы и правила поведения и наказывающих повинных в нарушении этих норм.

Literature:

1. Gafiatulina N.Kh. Determinants of destructive behavior in a young family: socio-psychological

- психологическое осмысление / Н.Х. Гафиатулина, Н.М. Сизова, И.Е. Шолудченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 5. С. 33–37.
2. *Верещагина А.В.* Парадоксы толерантности и девиантное поведение молодежи / А.В. Верещагина // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 4. С. 32–37.
3. *Клейберг Ю.А.* Психология девиантного поведения. М., 2001.
4. *Скрипкина Т.П.* Социальные представления о легитимизации агрессии у военнослужащих с разным профессиональным статусом / Т.П. Скрипкина // Прикладная юридическая психология. 2022. № 1(58). С. 6–18.
5. *Гилинский Я.И.* Социология девиантности / Я.И. Гилинский // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 70–76.
6. URL : <https://fb.ru/post/psychology/2022/6/24/357370>
7. *Ениколопов С.Н.* Социальные сети как машина легитимизации агрессии / С.Н. Ениколопов // Сб. материалов III Всероссийской научно-практической конференции «Консолидация общества: аналитика обеспечения развития России и ее национальной безопасности». М., 2016. С. 58–61.
8. *Bandura A.* Aggression: A social leaning analysis. Englewood Cliffs, N.J.: 1973, Prentice Hall.
9. *Антипин В.Б.* Агрессивность современной молодежи как психолого-педагогическая проблема общества / В.Б. Антипин, Е.В. Герман // Омский научный вестник. 2013. № 5. С. 160–162.
10. *Чикаева К.С.* Девиантное поведение молодежи: социальные факторы, его детерминирующие / К.С. Чикаева // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 263–268.
11. *Сержантова А.А.* Агрессия как социально-психологическая форма девиантного поведения. Ее причины и последствия / А.А. Сержантова // Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. 2019. № 1. С. 116–119.
- understanding / N.Kh. Gafiatulina, N.M. Sizova, I.E. Sholudchenko // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2022. № 5. P. 33–37.
2. *Vereshchagina A.V.* Paradoxes of tolerance and deviant behavior of youth / A.V. Vereshchagina // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2018. № 4. P. 32–37.
3. *Kleiberg Yu.A.* Psychology of deviant behavior. M., 2001.
4. *Skripkina T.P.* Social ideas about the legitimization of aggression among servicemen with different professional status / T.P. Skripkina // Applied Legal Psychology. 2022. № 1(58). P. 6–18.
5. *Gilinsky Ya.I.* Sociology of deviance / Ya.I. Gilinsky // Sociological research. 2009. № 8. P. 70–76.
6. URL : <https://fb.ru/post/psychology/2022/6/24/357370>
7. *Enikolopov S.N.* Social networks as a machine for the legitimization of aggression / S.N. Enikolopov // Sat. materials of the III All-Russian scientific and practical conference «Consolidation of society: analytics for ensuring the development of Russia and its national security». M., 2016. P. 58–61.
8. *Bandura A.* Aggression: A social leaning analysis. Englewood Cliffs, N.J.: 1973, Prentice Hall.
9. *Antipin V.B.* Aggressiveness of modern youth as a psychological and pedagogical problem of society / V.B. Antipin, E.V. German // Omsk Scientific Bulletin. 2013. № 5. P. 160–162.
10. *Chikaeva K.S.* Deviant behavior of youth: social factors that determine it / K.S. Chikaeva // State and municipal management. Scientific notes. 2022. № 1. P. 263–268.
11. *Serzhantova A.A.* Aggression as a socio-psychological form of deviant behavior. Its causes and consequences / A.A. Serzhantova // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied research. 2019. № 1. P. 116–119.

Чэнь Хаотянь

магистрант,
факультет государственного управления,
Государственный университет
имени М.В. Ломоносова
15653727676@163.com

Chen Haotian

Master's Student,
Faculty of Public Administration,
State University
named after M.V. Lomonosov
15653727676@163.com

ПРИМЕНЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ СТАТИСТИКИ В НАЦИОНАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

APPLICATION OF INFORMATION STATISTICS IN NATIONAL MANAGEMENT

Аннотация. В данной статье описываются ключевые аспекты структурной и функциональной трансформации российской системы государственной статистики как основного элемента будущей национальной системы управления данными. Рассмотрены такие вопросы, как налаживание диалога между службой статистики и пользователями, интеграция данных из различных источников, интеллектуальная обработка данных в условиях цифровизации экономики. Области улучшения включают предоставление более качественной информации для формирования политики, предприятий, частных лиц и внешних партнеров. Ожидается, что национальная статистика представит взаимосвязанную, объективно измеримую модель социально-экономических процессов и явлений, основанную на соответствующих теоретических концепциях.

Annotation. This article describes the key aspects of the structural and functional transformation of the Russian system of state statistics as the main promote all previous best results in methodology, areas of observation, indicators and other areas. Areas for improvement include providing better information to policymakers, businesses, individuals and external partners. It is expected that national statistics will provide data sources, a necessary feature of the new system will be its reliance on a consistent conceptual framework.

Ключевые слова: статистика, данные, управление, экономика, обработка информации.

Keywords: statistics, data, management, economics, information processing.

Стремительное развитие и широкое распространение цифровых технологий привели к поистине революционным изменениям в экономике и обществе. Масштабная цифровизация различных сторон экономики и повседневной жизни приводит к радикальным изменениям в характере и объемах данных о социально-экономическом развитии [6; 7]. Его применение меняется, и спрос выходит за рамки традиционных возможностей. Данные генерируются практически везде: промышленными установками, бытовой техникой, космическими аппаратами, организациями и домохозяйствами, социальными сетями. Его состав становится все более разнообразным и постоянно обновляется. Расширяется и спектр источников данных, наряду с формируемыми типами данных, включающими общие количественные и качественные характеристики различных объектов, процессов или явлений, а также, текстовые, аудиовизуальные и другие «технологические» форматы.

национальной инфраструктуры, общественным благом, которое способствует предоставлению эффективных, конкурентоспособных услуг и высококачественных информационных продуктов [1].

Различные группы акторов нуждаются в объективной, системной и актуальной информации об экономических, социальных, демографических, экологических и технологических тенденциях, при этом они участвуют в «производстве» соответствующих данных. Ужесточаются требования относительно актуальности и достоверности статистических данных. Исходные данные требуют своевременной и надежной проверки, что предполагает использование жестких критериев отбора для выбора адекватных методологий и подходов к их применению и оценки их пригодности для целей принятия решений. Национальные статистические системы во всем мире все чаще используют большие данные и выявляют области, в которых последние могут сыграть решающую роль в будущем (например, макроэкономическое прогнозирование).

В отчете Национальной комиссии по инфраструктуре Великобритании система производства и распространения официальных статистических данных признается новым важным компонентом

В 2020 г. Статистический отдел и ЕЭК ООН провели исследование проектов больших данных

для производства официальной статистики, в ходе которого национальные статистические организации указали, что один и тот же источник данных может использоваться для разных отраслей статистики [2]. Общественность нуждается в них, чтобы ориентироваться в возникающих экономических и социальных обстоятельствах, разумно распоряжаться личными финансами, получать актуальную информацию об образовании, здравоохранении и окружающей среде. Наконец, гражданское общество нуждается в статистике для поддержания общественного консенсуса и предотвращения напряженности, тогда как органы государственной власти должны принимать разумные решения в рамках доказательной политики. Например, Стратегия данных Статистического управления Дании на 2016–2020 годы ставило две конкретные цели в области коммуникации: адаптация официальной статистики к требованиям пользователей и активное участие в общественных дискуссиях по актуальным вопросам развития [3].

Жизненно важно понимать роль государственной статистики (и статистического управления) в контексте цифровизации и продвижения межведомственной координации деятельности, связанной со статистикой, и применения новых возможностей для анализа административных, открытых и больших данных. Выбор соответствующих вариантов во многом определяется доминирующей моделью государственного управления. Как показывает многолетняя международная практика, успешная современная национальная статистическая служба, работающая в рамках парадигмы доказательной политики, выступает как единый национальный центр по выработке понятийного аппарата, методологии и опыта работы с социально-экономическими данными независимо от их происхождения, будь то статистическое наблюдение или альтернативные источники.

Объединение статистических данных, полученных из различных источников, открывает новые возможности комплексного измерения социально-экономических изменений. Прогресс, достигнутый в международной практике предоставления доступа к обезличенным микроданным, дает ведущим статистическим управлениям значительные «интеллектуальные входы». Ключевой задачей здесь является открытие доступа к статистическим микроданным для заинтересованных пользователей. Уместно привести несколько, заслуживающих внимания, примеров преодоления барьеров, препятствующих использованию первичных данных и раскрытию массивов данных в исследовательских целях. Информация о ежедневных поездках людей используется Бюро переписи населения США для

построения обобщенных статистических моделей, которые впоследствии доводятся до всеобщего сведения и используются для оценки нагрузки на транспортную инфраструктуру [4]. Статистические микроданные в сочетании с административной информацией все чаще применяются для непосредственной оценки эффективности мер регулирования. Классическим примером такого анализа на международном уровне является проект MicroBeRD, реализуемый ОЭСР, направленный на измерение влияния налоговых льгот на объем расходов [5]. Микроданные позволяют использовать самые передовые и точные эконометрические методы для анализа факторов, влияющих на эффективность различных политик, а в контексте международного бенчмаркинга максимально учитывать страновые особенности. Такие проекты имеют ценность не только как уникальные академические исследования, но и как перспективные области для разработки механизмов оценки политики.

Аналитическая функция статистического управления также может быть усилена своевременной публикацией временных рядов и данных в машиночитаемом формате, отвечающем международным требованиям качества, для последующей обработки и анализа. На основе этого подхода создаются специализированные пользовательские приложения для работы со статистическими данными. Например, Бюро переписи населения США разработало приложение для представителей широких слоев населения, выбирающих новое место жительства. Приложение идентифицирует выбор городов, соответствующих заданным пользователем параметрам. Это меняет парадигму использования результатов статистического наблюдения: статистика не только помогает обосновать то или иное решение, но и предлагает выбор различных возможных вариантов.

Таким образом, новые технологии позволяют своевременно удовлетворять широкий спектр информационных потребностей. Ключевой вопрос заключается в правильном использовании этих технологий. Все более сложные методологии и информационные базы предполагают, что изменятся и сами пользователи интеллектуальной статистики. Они становятся не только активными участниками процессов сбора, накопления и применения первичных данных, но и превращаются в «умных» потребителей, развивающих статистическое мышление и способных извлекать максимально возможную выгоду от использования статистических данных. Такие навыки должны стать неотъемлемым (и, возможно, обязательным) компонентом любого набора навыков, необходимых в различных сферах деятельности.

Литература:

1. *Марков С.Н.* Статистика : учебник. СПб. : Хатбер-М, 2021. С. 908.
2. *Родионов Г.О.* Национальная экономика. М. : Юрайт, 2022. С. 1500.

Literature:

1. *Markov S.N.* Statistics : textbook. SPb. : Khatber-M, 2021. P. 908.
2. *Rodionov G.O.* National economy. M. : Yurait, 2022. P. 1500.

3. *Яковлева Г.Я.* Международная аналитика. М. : Синтез, 2021. С. 310.

4. *Журавлев П.Р.* Анализ больших данных в условиях меняющегося Мира / П.Р. Журавлев // Международная аналитика. М. : Типография МГИМО. 2021. № 4. С. 69.

5. *Печатник К.П.* Современные подходы к социологии управления. Тат.: Вакс+. 2021. С. 312.

6. *Акьюлов Р.И.* Управление результативностью воспроизводства человеческих ресурсов региона: проблемы и перспективы / Р.И. Акьюлов // Дискуссия. 2021. № 2–3(105–106). С. 70–80.

7. *Лусегенова З.С.* О современных формах государственного управления / З.С. Лусегенова // Евразийский юридический журнал. 2021. № 2 (153). С. 132–133.

3. *Yakovleva G. Ya.* International Analytics. M. : Synthesis, 2021. P. 310.

4. *Zhuravlev P.R.* Big Data Analysis in a Changing World / P.R. Zhuravlev // International Analytics. M. : Printing house of MGIMO. 2021. № 4. P. 69.

5. *Printer K.P.* Modern approaches to the sociology of management. Tat.: Wax+. 2021. P. 312.

6. *Akyulov R.I.* Managing the effectiveness of reproduction of human resources in the region: problems and prospects / R.I. Akyulov // Discussion. 2021. № 2–3(105–106). P. 70–80.

7. *Lusegenova Z.S.* On modern forms of public administration / Z.S. Lusegenova // Eurasian Law Journal. 2021. № 2(153). P. 132–133.

Чэнь Хаотянь

магистрант,
факультет государственного управления,
Государственный университет
имени М.В. Ломоносова
15653727676@163.com

Влияние национальной энергетической безопасности на социальную стабильность

Аннотация. Энергетическая безопасность является ключевым элементом национальной безопасности, обеспечивающий устойчивость функционирования производственных систем, резистентный гомеостаз окружающей среды и социальное благополучие общественных систем. Объектом исследования выступает энергетика, как вид экономической деятельности. Предметом исследования является социально-экономическая система в контексте энергетической безопасности. Цель исследования – раскрыть компоненты влияния энергетической безопасности на устойчивость социальных систем в динамике изменения социально-экономического пространства. Задачи исследования: 1. Теоретический анализ отечественных и зарубежных научных источников; 2. Эвристический анализ содержания влияния энергетической безопасности на устойчивость социальных систем; 3. Формулировка научно-обоснованных выводов. Методология исследования – эвристический подход к теоретическому анализу научных источников предметной области. Результаты исследования представляют собой детекцию содержания влияния энергетической безопасности в контексте стабильности социального пространства России.

Ключевые слова: энергетика, национальная безопасность, социальная устойчивость, устойчивое развитие, общественное благополучие, энергетические ресурсы.

Социальная стабильность обеспечивается устойчивым ростом экономических систем с сохранением благополучия окружающей среды. Вот, что пишет исследователь Ю.В. Соловова: «Таким образом, можно утверждать, что энергетика как сектор экономики прямо влияет на эффективность социального пространства, обеспечивая условия устойчивого благополучия граждан» [1, с. 48]. Исследователь Берч - младший в своём исследовании приходит к выводу: «Человеческие общества существуют в определенных пределах ресурсов. Энергетика означает уровень развития ресурсов, которого достигло конкретное общество» [2, с. 27]. Доступность дешёвых энергетических ресурсов является основным условием эффективности функционирования современной экономики. При этом

Chen Haotian

Master's Student,
Faculty of Public Administration,
State University
named after M.V. Lomonosov
15653727676@163.com

THE IMPACT OF NATIONAL ENERGY SECURITY ON SOCIAL STABILITY

Annotation. Energy security is a key element of national security, ensuring the stability of the functioning of production systems, the resistant homeostasis of the environment and the social well-being of public systems. The object of the study is energy as a type of economic activity. The subject of the study is the socio-economic system in the context of energy security. The purpose of the study is to reveal the components of the influence of energy security on the stability of social systems in the dynamics of changes in the socio-economic space. Research objectives: 1. Theoretical analysis of domestic and foreign scientific sources; 2. Heuristic analysis of the content of the impact of energy security on the stability of social systems; 3. Formulation of scientifically based conclusions. The research methodology is a heuristic approach to the theoretical analysis of scientific sources of the subject area. The results of the study represent the detection of the content of the influence of energy security in the context of the stability of the social space of Russia.

Keywords: energy, national security, social stability, sustainable development, public well-being, energy resources.

неравномерность распределения в поставках энергоресурсов между экономическими агентами приводит к появлению уязвимостей устойчивости национальной системы хозяйствования.

Развитие международных энергетических отношений способствуют глобализации хозяйственных и социальных связей, что приводит к двум взаимоисключающим событиям:

1. Глобальной энергетической безопасности.
2. Энергетической зависимости национальных систем хозяйствования.

Масштабное внедрение возобновляемых источников энергии, повышение энергетической

эффективности и диверсификация источников энергии, разработка инновационных накопителей энергии и новых типов энергетических машин приводят к условному увеличению энергетической безопасности и сомнительным экономическим выгодам. Капиталоёмкость новых технологий по использованию альтернативных энергетических ресурсов и систем крайне высока в сравнении с традиционными энергетическими ресурсами (уголь, газ, нефть).

Таким образом, отсутствие обеспеченности традиционными источниками энергетических ресурсов приводит к значительному снижению экономической эффективности и падению инвестиционной активности внутри национальных хозяйственных систем. Значительное снижение экономических выгод, падение деловой активности и снижения уровня капитальных затрат на создание условий расширенного воспроизводства неизбежно влияет на социальную стабильность в части падения доходов населения и покупательной способности.

Взаимосвязь национальной энергетической безопасности и социальной стабильности выражается в следующем:

1. Политическая/внутренняя нестабильность в странах-поставщиках и производителях энергии.
2. Зависимость от внешних агентов – поставщиков энергетических ресурсов.
3. Неравномерность распределения и накопления доходов внутри страны, обеспеченных энергетическими системами экспорта/импорта.
4. Отсутствие действительных гарантий добросовестности поставок и транспортировки энергетических ресурсов коммерческими субъектами хозяйствования. Коммерческие субъекты хозяйствования ориентированы на достижение коммерческой выгоды, а не социального эффекта в рамках национальной системы хозяйствования.
5. Конкуренция за обладание источниками энергии (например, биотопливо, биодизель, биоэтанол) против традиционных источников энергии (нефть, уголь, природный газ);
6. Безопасность и экологические риски в использовании атомной энергии, зависимость от строительства и обслуживания объектов атомной энергетики.
7. Ненадежность накопителей энергии (например, длительное вращение турбины для выработки энергии).
8. Стихийные бедствия (например, землетрясения, ураганы и т.д.).

Отдельно стоит рассматривать энергоснабжение как доставку топлива или продуктов

Литература:

1. Соловова Ю.В. Энергетика и социальная эффективность в контексте функционирования современной экономики / Ю.В. Соловова // Дискуссия. 2022. № 3(112). С. 48–56.

преобразованного топлива к местам потребления. Данный процесс состоит из добычи, переработки, производства, распределения и хранения топлива – энергетический поток. Энергетический поток может быть нарушен рядом факторов, в том числе, введением более высоких цен на энергию из-за действий ОПЕК или крупных производителей, войной, политическими спорами, экономическими спорами или физическим ущербом энергетической инфраструктуре из-за терроризма. Безопасность энергоснабжения является серьезной проблемой национальной безопасности в рамках обеспечения устойчивого развития социальных и экономических систем национального хозяйства.

Национальная энергетическая безопасность может быть обеспечена энергетической эластичностью, процентным изменением потребления энергии для достижения однопроцентного изменения национального внутреннего валового продукта. Этот показатель используется при оценке показателей устойчивого роста в развивающихся странах, при этом, сохраняя баланс между обеспечением безопасности энергоснабжения и ограничением выбросов дополнительных парниковых газов. Энергетическая эластичность является основным показателем устойчивости социальных и экономических систем, поскольку коммерческие источники энергии, используемые конкретной страной, обычно подразделяются на ископаемые, возобновляемые и т.д. – разные категории экономической и энергетической эффективности. Возобновляемые источники энергии не выступают средством гарантирующим устойчивость хозяйственного комплекса страны, так как зависят от факторов, не поддающихся прямому воздействию человека: солнце, ветер, вода.

Таким образом, возникает дихотомия в вопросе национальной энергетической безопасности: с одной стороны, отсутствует возможность прямого управления и распределения возобновляемых источников энергии; с другой стороны отсутствует возможность прямого влияния на поставщиков энергии традиционных ресурсов [3; 4; 5]. Таким образом, социальная стабильность может быть достигнута за счёт обеспечения энергетической эластичности и распределения источников энергии между традиционными источниками энергии и возобновляемыми.

Социальная стабильность предполагает наличие механизма устойчивого роста социально-экономической системы, который может быть обеспечен только устойчивым энергетическим потоком и устойчивой энергетической генерацией внутри страны. Отсутствие обеспечения национальной системы хозяйствования энергетическими ресурсами, как следствие приводит к дисбалансу производственных и экономических систем, что негативно сказывается на социальной стабильности, как внутри страны, так и в отдельных социальных группах.

Literature:

1. Solovova Yu.V. Energy and social efficiency in the context of the functioning of the modern economy / Yu.V. Solovova // Discussion. 2022. № 3(112). P. 48–56.

2. *Burch Jr W.R.* Resources and social structure: some conditions of stability and change / Jr W.R. Burch // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1970. T. 389. № 1. P. 27–34.

3. Smart cities in future energy system architecture / E.T. Mekhdiev, V.V. Prokhorova, S.V. Makar [et al.] // International Journal of Energy Economics and Policy. 2018. Vol. 8. № 5. P. 259–266.

4. Global refining industry in retrospect, and evaluation of Russia-European union petroleum products' trade perspectives / I.A. Guliyev, E.T. Mekhdiev, I.I. Litvinyuk [et al.] // International Journal of Energy Economics and Policy. 2017. Vol. 7. № 5. P. 209–216.

5. *Чугунов Д.К.* Тенденции и проблемы развития российского рынка природного газа / Д.К. Чугунов, О.В. Чечеткин, И.Д. Миоров // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1(152). С. 176–178.

2. *Burch Jr W.R.* Resources and social structure: some conditions of stability and change / Jr W.R. Burch // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. 1970. T. 389. № 1. P. 27–34.

3. Smart cities in future energy system architecture / E.T. Mekhdiev, V.V. Prokhorova, S.V. Makar [et al.] // International Journal of Energy Economics and Policy. 2018. Vol. 8. № 5. P. 259–266.

4. Global refining industry in retrospect, and evaluation of Russia-European union petroleum products' trade perspectives / I.A. Guliyev, E.T. Mekhdiev, I.I. Litvinyuk [et al.] // International Journal of Energy Economics and Policy. 2017. Vol. 7. № 5. P. 209–216.

5. *Chugunov D.K.* Trends and problems of development of the Russian natural gas market / D.K. Chugunov, O.V. Chechetkin, I.D. Miorov // Eurasian Law Journal. 2021. № 1(152). P. 176–178.

Ши Цюн

аспирант по специальности
теории и истории культуры,
Краснодарский государственный
институт культуры
popov-52@mail.ru

Данильченко Татьяна Юрьевна

доктор философских наук,
доцент,
профессор кафедры русского
и иностранных языков и литературы,
Краснодарский государственный
институт культуры
tatiana.svyat-07@yandex.ru

Гангур Наталья Александровна

доктор исторических наук,
профессор,
проректор по науке
и дополнительному образованию,
Краснодарский государственный
институт культуры
Milena.555@mail.ru

ЧТО ТАКОЕ КИТАЙСКАЯ МЕЧТА?



Аннотация. Особенности этнического и цивилизационного развития накладывают отпечаток на стиль и логику социального мышления. Медиация социальной среды не ослабила, а усилила это воздействие. В контексте этого тезиса, авторы отмечают, что философия и логика социального мышления многообразны. В статье рассматриваются особенности стратегем непрямого мышления китайцев в сравнении с европейцами. Имеет значения для понимания практики социокультурного общения китайцев, россиян, европейцев.

Ключевые слова: мышление, логика, философия не-прямых действий, стратегемы социокультурного мышления, уловки мышления.



Особенности этнического и цивилизационного развития накладывают отпечаток на стиль и логику социального мышления. Медиация социальной среды не ослабила, а усилила это воздействие.

«Китайская мечта» – это курс на национальное возрождение, поддержанный председателем Китая Си Цзиньпином как лидером «пятого поколения руководителей». Впервые эта социальная стратегема декларирована в конце 2012 г., стартовала в ноябре 2013 г. Истоки этого порыва уходят в социальную борьбу периода Опиумных войн (170 лет назад). Достижение намеченной в

Shi Yun

Graduate Student in Specialty
Theories and Cultural History,
Krasnodar State
Institute of Culture
popov-52@mail.ru

Tatiana Yu. Danilchenko

Doctor of Philosophy,
Associate Professor,
Professor of the Department of Russian
and Foreign Languages and Literature,
Krasnodar State Institute of Culture
tatiana.svyat-07@yandex.ru

Natalia A. Ganur

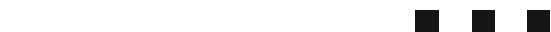
Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Vice-Rector for Science
and Additional Education,
Krasnodar State
Institute of Culture
Milena.555@mail.ru

THE «CHINESE DREAM»



Annotation. The peculiarities of ethnic and civilizational development leave an imprint on the style and logic of social thinking. Mediation of the social environment has not weakened, but strengthened this impact. In the context of this thesis, the authors note, The philosophy and logic of social thinking is manifold. The article deals with the peculiarities of indirect Chinese thinking stratagems in comparison with the Europeans. It has implications for understanding the practice of sociocultural communication of the Chinese, the Russians, the Europeans.

Keywords: thinking, logic, philosophy of indirect action, stratagems of sociocultural thinking, tricks of thinking.



стратегеме «китайской мечты» цели ожидается достигнуть к 2049 г. (юбилей образования КНР). Стратегемы Китайской мечты [1] включают в себя совершенствование государственного управления, преодоление коррупции, повышение жизненного уровня населения, ориентация на мир во внешней политике, следование курсу «Один пояс – один путь», преодоление социального разрыва бедных и богатых.

Стратегемность мышления является важной чертой политической, дипломатической, военной жизни и психологии в Китае [7]. Например, стратегемная искусность политической прагматики индусов строилась на астрономических

предсказаниях [3]. Стратегематика «Китайской мечты» направлена на модернизацию поведения людей, изменений политической культуры, что провоцирует ряд конфликтов [1]. Считается, что то, как надо управлять государством в китайской традиции уже сформулировано давно Конфуцием и другими мудрецами. Стратегема реформирования – «древность на службе современности» и ориентирована на развитие новых идей путем их переосмысления [1; 4].

В наше время в основу «китайской мечты» заложена идеология сильного государства с максимальным использованием «мягкой силы». «Мягкая сила» рассматривается как инструмент превращения государства в могучую страну, трансформирующую мир с помощью культурных практик [8]. Рост «мягкой силы» мыслится также как действие консолидирующих сил социалистической идеологии: формирование гармоничной культуры, воспитание цивилизованных отношений; распространение национальной культуры и строительство общего духовного очага китайской нации; продвижение новаторства в культуре, усиление ее жизненной силы. Главным глобальным проектом КНР по выходу китайской культуры «вовне» является создание сети Институтов Конфуция по всему миру [5].

Идея «китайской мечты» содержит в себе общечеловеческие процветание, демократию, гармонию, свободу, равенство, справедливость, верховенство закона, доверие, преданность, патриотизм, братство. Взаимовыгодное сотрудничество Китая и других стран видится, в выдвинутой Китаем инициативе сотрудничества в рамках концепции «Один пояс – один путь». Реализация проекта откроет перед КНР новые преимущества. Этот проект будет способствовать долгосрочному осуществлению «китайской мечты».

Таким образом, в целом, концепция китайской мечты подобна программе коммунистического строительства в СССР, предполагавшей высшего уровня производительных сил, гармонии производственных отношений и всестороннее гармоничное развитие личности [10]. Идеология китайской мечты также предполагает превращение КНР в могущественное государство, построение «гармоничного общества» и «гармоничного мира». Построение китайского коммунизма включает использование западных достижений путем рекомбинирования капитализма и социализма, свободного рынка и государственного регулирования, торгового доминирования и идеологической ориентации, осуществление модернизации с китайской спецификой, в том числе, использование «мягкой силы» Китая.

Однако надо понимать, что дискурсы и нарративы с китайской спецификой содержат стратегемы

Литература:

1. Ван Вэй. Некоторые вопросы социально политического курса «Китайская мечта о великом возрождении китайской нации» / Ван Вэй // Власть. 2018. № 7. С. 240.

умолчания, стратегемы непрямого действия. В чем-то, это можно уподобить диалектике, которую боготворил В.И. Ленин и которая включает в себя «единство и борьбу противоположностей», «взаимопереход противоположностей». Ф. Жюльен, характеризуя китайский дискурс, пишет, что китаец не излагает напрямую то, что думает, а удовлетворяется аналогией и тем, чтобы собеседник самостоятельно вывел из его посылки заключение [3]. Т.Ю. Данильченко так характеризует «фигуры умолчания» [2]: Если аристотелевская логика линейна, однозначна, нацелена на заполнение лакун, то китайский прием использует лакуны как средство изложения мысли; конфуцианская логика витиеватая; китайская методика полагает изначально, что собеседник призван сам завершить недосказанное умозаключение [2].

А. Маслов [6] называет следующие особенности мышления китайцев, проявляющиеся в коммерческом менеджменте:

- коррелятивное мышление как предпочтение лучшего варианта глядя по обстоятельствам, а не по договоренности;
- тактика уловок в переговорах;
- тактика мягкой силы в переговорах (они ждут пока соперник не ослабнет);
- слово «да» в китайской лексике многозначно, элемент многозначной логики;
- «да» у них, прежде всего, элемент вежливости, а не предметного согласия; традиционно китайские бизнесмены ориентированы на семейную матрицу.

Понятие «культура» для китайцев – это «семейная культура» (традиция от Конфуция), а остальной мир – чужой, варварский.

Делая итоговый вывод, мы бы пришли к следующим заключениям, касающимся цивилизационных особенностей логики китайцев:

- в отличие от объективистской логики Запада («Платон мне друг, но истина дороже»), логика китайцев на первое место ставит этику, семейные ценности;
- мышление китайцев изначально работает не в двузначной, а в многозначной логике;
- логика китайцев доминантой делает на борьбу, а примирение противоположностей;
- логика стратегем непрямого мышления означает, что доминирует умозаключение от противного, предполагающая возможность «додумывания» итогового заключения.

Literature:

1. Wang Wei. Some Issues of the Social and Political Course «Chinese Dream of the Great Revival of the Chinese Nation» / Wang Wei // Power. 2018. № 7. С. 240.

2. Данильченко Т.Ю. Лакуны в мыслительных стратегиях запада и востока / Т.Ю. Данильченко // «Культурная жизнь Юга России». 2009. № 5(34). С. 22.
3. Жюльен Ф. Путь к цели: в обход или напрямик. Стратегия смысла в Китае и Греции. М., 2001. С. 12.
4. Киссинджер Г. О Китае. М. : АСТ, 2014. 635 с.
5. Ковалев С.М. Интерпретация содержания новейшей идеологии КНР «Китайская мечта» в исторической ретроспективе / С.М. Ковалев, Н.А. Абрамова // Россия и Китай: Проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2017. С. 56–60.
6. Маслов А. Мы плохо понимаем, что в реальности происходит в Китае. URL : https://go.mail.ru/redirect?type=sr&redir=eJwNyrsNwjAQAFcVwgAXk0CCwjYWHMrJX_kOm5QMqIHgmXoaJiBkp60T28SSbzXutbanCgUzEymyWcdsLLGgkFYG4eWkcAbdrGAnyG5aKclKQbyBj0cJolQIKNxlblQpByJI3lkWdySGIRt24-jUu3Qd7v1ph06dVNycb_V9_V-zJ_r8_4H6s01qA&src=27eb1dc&via_page=1&user_type=3&oqid=a03b8e708835af42
7. Мясников В.С. Стратегематика – наука точная / В.С. Мясников // Зенгер Х. фон. Полное собрание 36 знаменитых китайских стратагем в одном томе. М. : Эксмо, 2015.
8. Ознос Э. Век амбиций: богатство, истина и вера в новом Китае. М. : АСТ, 2016. 528 с.
9. XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. М. : Госполитиздат, 1962. Т. I–III.
2. *Danilchenko T.Yu.* Lacunas in the thinking strategies of the West and the East / T.Yu. Danilchenko // «Cultural Life of the South of Russia». 2009. № 5 (34). P. 22.
3. *Julien F.* The way to the goal: bypassing or straightforward. The Strategy of Meaning in China and Greece. M., 2001. C. 12.
4. *Kissinger G.* On China. M. : AST, 2014. 635 c.
5. *Kovalev S.M.* Interpretation of the Content of China's Latest Ideology «Chinese Dream» in Historical Retrospect / S.M. Kovalev, N.A. Abramova // Russia and China: Problems of Strategic Interaction: a collection of the Eastern Center. 2017. P. 56–60.
6. *Maslov A.* We poorly understand what is really happening in China. URL : https://go.mail.ru/redirect?type=sr&redir=eJwNyrsNwjAQAFcVwgAXk0CCwjYWHMrJX_kOm5QMqIHgmXoaJiBkp60T28SSbzXutbanCgUzEymyWcdsLLGgkFYG4eWkcAbdrGAnyG5aKclKQbyBj0cJolQIKNxlblQpByJI3lkWdySGIRt24-jUu3Qd7v1ph06dVNycb_V9_V-zJ_r8_4H6s01qA&src=27eb1dc&via_page=1&user_type=3&oqid=a03b8e708835af42
7. *Myasnikov V.S.* Stratagematics – an exact science / V.S. Myasnikov // Zenger H. von. Complete Collection of 36 Famous Chinese Stratagems in One Volume. M. : Eksmo, 2015.
8. *Oznos E.* The Age of Ambition: Wealth, Truth and Faith in the New China. M. : AST, 2016. 528 p.
9. XXII Congress of the Communist Party of the Soviet Union. M. : Gosudolitizdat, 1962. Vol. I–III.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Агеев Николай Владиславович

кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры криминалистики,
Кубанский государственный
аграрный университет
nikolasbass@yandex.ru

Nikolay V. Ageev

Candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer
Departments of Forensic Science,
Kuban State
Agrarian University
nikolasbass@yandex.ru

**ОРГАНИЗАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В РАССЛЕДОВАНИИ**

**ORGANIZATION OF THE USE
OF INFORMATION TECHNOLOGIES
IN INVESTIGATION**

Аннотация. Современные темпы развития общества оказывают большое влияние на распространение информационно-телекоммуникационных технологий во всех значимых сферах человеческой деятельности. В статье автор проводит анализ основных направлений использования информационных технологий в организации расследования преступлений. Также, автор рассматривает различные подходы к понятию «цифровая криминалистика». Рассмотрен вопрос о значимости использования информационных технологий в расследовании как вспомогательного средства организации.

Annotation. The modern pace of development of society has a great influence on the spread of information and telecommunication technologies in all significant spheres of human activity. In the article the author considers the main directions of the use of information technologies in the organization of the investigation of crimes. The author also considers various approaches to the concept of digital forensics. The question of the significance of the use of information technology in the investigation as an auxiliary element of the organization is considered.

Ключевые слова: организация расследования, информационные технологии, криминалистика, вспомогательное средство организации.

Keywords: organization of an investigation, information technology, criminalistics, auxiliary means of organization.

Современные темпы развития общества оказывают большое влияние на распространение информационно-телекоммуникационных технологий во всех значимых сферах человеческой деятельности. Полагаем, что тенденции развития не могут не приниматься во внимание при анализе криминалистических положений сегодня и в будущем. Под информационными технологиями мы понимаем процесс применения существующих и разработку новых способов и технических приемов для обработки, систематизации и алгоритмизации любого вида информации. Анализируя определения, изучая их специфику, мы сделали вывод о том, что существуют неоднозначные подходы к изучению понятий «цифровая криминалистика», «форнезика», «киберкриминалистика» и др.

- технику и технологию цифровой криминалистики;
- тактику цифровой криминалистики;
- методику расследования отдельных видов преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий [2, с. 231–241].

Е.Р. Россинская рассматривает «цифровую криминалистику» как «часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности» [3, с. 193–202].

В.Г. Гриб и О.И. Тюнис относят к «цифровой криминалистике» только «применение... средств и методов, основанных на использовании информационных, цифровых технологий», и говорят о них как о части криминалистической техники [1, с. 9–12].

Е.П. Ищенко полагает, что направление цифровой криминалистики означает «переход от аналогового представления информации к дискретному – цифровому, позволяющему математизировать все процессы, происходящие в реальной действительности, а также отразить специфику традиционных преступлений, когда они совершаются с помощью новейших информационно-телекоммуникационных технологий» [4, с. 15–28].

В.А. Мещеряков, говоря о «цифровой криминалистике», выделил обособленные разделы – по аналогии с традиционной криминалистикой:

Мы присоединяемся к мнению Е.Р. Россинской о том, что термин «цифровая криминалистика» целесообразно излагать как «использование информационных технологий в расследовании». Полагаем, что цифровые технологии можно рассмотреть, как вспомогательное средство

- введение в цифровую криминалистику;

организации, способствующее использованию информационных средств и «компьютерного интеллекта» в оптимизации умственной деятельности следователя и в решении иных организационных задач.

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ определил, что информационные технологии – это процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации, а также средства осуществления таких процессов и методов [5].

Полагаем, что информационные технологии – это практическое (вспомогательное) средство управления процессами поиска, сбора, хранения, обработки информации, получаемой в ходе расследования преступления, являющиеся, на наш взгляд, вспомогательными (дополнительными) инструментами, повышающими эффективность и продуктивность в работе следователя.

Использование современных информационных технологий не только рационализирует информационные процессы, происходящие в уголовном судопроизводстве, но и делает эффективными системы поддержки решений, принимаемых следователями, экспертами, оперативными сотрудниками, судьями [6, с. 120–121].

Внедрение новых и усовершенствование существующих информационных технологий в систему расследования преступлений, по нашему мнению, способствует повышению эффективности организации расследования преступлений. На современном этапе развития информационно-телекоммуникационных технологий можно выделить **основные направления использования информационных технологий в организации расследования преступлений:**

1. Использование информационных технологий в целеопределении. Мыслительный процесс следователя, его умственную деятельность невозможно заменить «искусственным интеллектом». Вместе с тем, мы полагаем, что возможность использования программного обеспечения (вспомогательного средства), позволяет сократить время мыслительного (умственного) процесса, посредством ввода исходной информации (в зависимости от анализа следовой картины) в программу, которая путем алгоритмизации определит соответствующий механизм целеопределения, что, в последующем, выразится в соответствующих группах логических следствий. Исходя из этого, следователь быстрее и эффективнее определит обстоятельства, имеющие значение при расследовании уголовного дела. В данном случае, возможно только программирование новых и использование существующих алгоритмов, созданных на основе криминалистических характеристик укрупненных групп преступлений.

Таким образом, «искусственный интеллект» принципиально, на наш взгляд, не должен заменять умственную деятельность следователя, а только предоставить различные комбинации

заранее запрограммированных алгоритмов, что в значительной мере облегчит работу следователя, повышая, таким образом, производительность и эффективность.

2. В процессе целеопределения строятся следственные версии. Создание программного обеспечения, позволяет с учетом «искусственного интеллекта», заранее запрограммированного на основные методики расследования преступлений, при вводе первоначальных данных выдвигать следственные версии. В ННГУ им. Н.И. Лобачевского разработана программа «ФОРВЕР-Следователь» [7], основанная на традиционном представлении о криминалистической характеристике преступлений. Полагаем, что необходимо модернизировать программы путем объединения их в единую систему. Возможность использования «компьютерного интеллекта» полностью не может заменить умственную деятельность следователя, направленную на выдвижение следственных версий. В данном случае «ФОРВЕР-Следователь» возможно использовать как вспомогательное средство организации при формировании следственных версий. Необходимо, в зависимости от следственной ситуации, предоставить возможность выбора соответствующего алгоритма следственных действий (с учетом процессуальной особенности и порядка производства), выделить типичные следственные версии и др.

3. Использование информационных технологий в планировании. Например, программный комплекс «ГРАН-УД» обеспечивает учет и контроль за расследованием уголовных дел, связывая в локальной сети две подсистемы: «АРМ Руководителя следственного органа» и «АРМ Следователя». Технический потенциал данной системы разнообразен, что позволяет:

- осуществлять фиксацию следственных действий;
 - формулировать и формировать все необходимые процессуальные документы;
 - осуществлять планирование (в том числе календарное планирование).
- По нашему мнению, эффективность работы возможна при условии:
- объединения всех существующих систем в единую;
 - использования единой терминологии при определении понятий;
 - использования программного обеспечения, как на мобильных устройствах, так и на персональных компьютерах;
 - корректирования плана исключительно следователем;
 - уведомления PUSH-сообщениями о предстоящих этапах планирования;
 - доступа и контроля со стороны руководителя.

Таким образом, синхронизация с применением информационных технологий позволяет быстрее осуществлять планирование, что обеспечивает эффективную работу.

4. Использование информационных технологий при проведении следственных действий. Например, при осмотре, возможно применение специализированной мобильной программы, которая позволяет за короткое время провести анализ места происшествия и выделить основные признаки, на которые следователю необходимо обратить внимание, в том числе при осмотре труднодоступных мест. Для следователей в учебных кабинетах, которые имеются во всех следственных органах Следственного комитета, разработаны и активно применяются такие программы обучения, как «Виртуальный осмотр места происшествия», «Виртуальный обыск» [8, с. 1].

Например, при допросе – возможность использования платформ видео-конференций связи, позволяющих в условиях дефицита времени дистанционно проводить данное следственное действие. Разработано специальное программное приложение для мобильных устройств «Реконструкция места происшествия», предназначенное для составления схематических планов, фиксации хода и результатов следственных действий с привязкой к географическим координатам через приемники GPS/Глонасс.

5. Использование информационных технологий при фиксации, хранении, сборе доказательств с использованием современной криминалистической (цифровой) техники. Фиксация обстановки места происшествия во многом определяет объективность и результат расследования. Полагаем, что совершенствование применения современных технических средств позволяет зафиксировать и воссоздать картину обстановки места происшествия в самом передовом виде (например, создание 3-D фото-видео съемки с использованием беспилотных летательных аппаратов.). В последующем, данные цифровые материалы позволяют спроектировать цифровую модель обстановки места происшествия. Существующие проблемы в материально-техническом оснащении следственных органов не позволяют осуществлять применение самых передовых систем фото-видео фиксации.

Таким образом, фото-видео фиксация осуществляется с применением более простых в своем исполнении технических устройств. Применение системы «Умный город» совместно с автоматизированными базами ГИБДД, таможенных и налоговых органов позволяет выявить движение различных субъектов преступления и предметов (движение денежных средств или товаров).

Литература:

1. *Гриб В.Г.* Криминалистика и цифровые технологии / В.Г. Гриб, И.О. Тюнис // Российский следователь. 2019. № 4.
2. *Мещеряков В.А.* Цифровая криминалистика / В.А. Мещеряков // Библиотека криминалиста. 2014. № 4(15).

6. Использование информационных технологий во взаимодействии между всеми участниками расследования. В рамках взаимодействия следователя со всеми участниками расследования важной составной частью является информационно-организационное обеспечение деятельности следователя, аккумулирующее в себе автоматизированные базы данных. Например, система АДИС «ПАПИЛОН» – обеспечивает:

- ввод и хранение в базе данных дактилокарт, фотоизображений, особых примет и словесного описания людей;
- ввод и хранение следов пальцев рук и ладоней, изъятых с мест нераскрытых преступлений;
- проведение автоматического поиска «карта – карта» и др.

7. Использование информационных технологий при производстве иных следственных действий и получении ориентирующей и справочной информации. Речь идет об использовании данных приемов и методов при назначении экспертиз. Активное использование компьютерных технологий при производстве экспертных исследований, способствует решению сложных экспертных задач, направленных, прежде всего, на три основных направления: математизация отдельных стадий экспертного исследования, полная автоматизация исследования вещественных доказательств и создание диалоговых систем [9, с. 142–143].

Таким образом, использование информационных технологий в расследовании преступлений является вспомогательным средством организации, прослеживаемым в целеопределении, планировании, формировании предмета расследования, построении программы расследования, учете следственных действий, сборе и обработке информации, взаимодействии и координации деятельности.

Умственную деятельность следователя невозможно заменить «искусственным интеллектом», но, исходя из современных реалий цифровизации современного общества, использование данных информационных средств становится обязательным, имеющим вспомогательное значение. Интеграция информационных технологий в практическую и умственную деятельность следователя способствует развитию и усовершенствованию организационных средств и методов в методике расследования преступлений, повышая продуктивность и эффективность работы.

Literature:

1. *Grib V.G.* Criminalistics and digital technologies / V.G. Grib, I.O. Tyunis // Russian investigator. 2019. № 4.
2. *Meshcheryakov V.A.* Digital Forensics / V.A. Meshcheryakov // Forensic Library. 2014. № 4(15).

3. *Россинская Е.Р.* Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности / Е.Р. Россинская // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2(89).
4. *Ищенко Е.П.* У истоков цифровой криминалистики / Е.П. Ищенко // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 3.
5. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ. URL : [http:// www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798)
6. Криминалистика : учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, профессора В.Д. Зеленского и д-ра юрид. наук, профессора Г.М. Меретукова. СПб. : Издательство «Юридический центр», 2015.
7. *Толстолуцкий В.Ю.* Программа формирования следственных версий (ФОРВЕР Следователь). Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2013660539 / В.Ю. Толстолуцкий, А.В. Рыбочкин (дата регистрации 08.11.2013).
8. *Бастрыкин А.И.* Особенности организации раскрытия и расследования преступлений прошлых лет и серийных преступлений / А.И. Бастрыкин // Записки следователя. 2020. № 6.
9. Криминалистика : учебник / Под ред. д-ра юрид. наук, профессора В.Д. Зеленского и д-ра юрид. наук, профессора Г.М. Меретукова. СПб. : Издательство «Юридический центр», 2015.
3. *Rossinskaya E.R.* Theory of information and computer support for criminalistic activity: concept, system, basic patterns / E.R. Rossinskaya // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2(89).
4. *Ishchenko E.P.* At the origins of digital forensics / E.P. Ishchenko // Bulletin of the O.E. Kutafin (MSUA). 2018. № 3.
5. Federal Law «On information, information technologies and information protection» dated July 27, 2006 № 149-FZ. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798
6. Criminalistics : textbook / Ed. Dr. jurid. Sciences, Professor V.D. Zelensky and Dr. jurid. Sciences, Professor G.M. Meretukov. SPb. : Publishing house «Legal Center», 2015.
7. *Tolstolutsky V.Yu.* The program for the formation of investigative leads (FORVER Investigator). Certificate of state registration of the computer program № 2013660539 / V.Yu. Tolstolutsky, A.V. Rybochkin (registration date 08.11.2013).
8. *Bastrykin A.I.* Features of the organization of disclosure and investigation of crimes of past years and serial crimes / A.I. Bastrykin // Notes of the Investigator. 2020. № 6.
9. Criminalistics : textbook / Ed. Dr. jurid. Sciences, Professor V.D. Zelensky and Dr. jurid. Sciences, Professor G.M. Meretukov. SPb. : Publishing house «Legal Center», 2015.

Ахундова Кенюль Ариф кызы
докторант
Национальной Академии Авиации,
ЗАО «Азербайджан Хава Йоллары»
Milena.555@mail.ru

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы судебной власти как независимой и самостоятельной власти в системе разделения властей в Азербайджанской Республике. Автор статьи, исходя из правового анализа норм Конституции Азербайджанской Республики, определяет взаимодействие судебной власти с законодательной и исполнительной властью. В данной статье также рассматриваются цели судебной власти. Автор подчеркивает, что на законодательном уровне цели судебной власти не установлены, что препятствует полностью ее пониманию.

Ключевые слова: разделение властей, судебная власть, законодательная власть, исполнительная власть, цели судебной власти.

До сегодняшнего дня в науке конституционного права Азербайджана вопросы судебной власти и ее место в системе государственной власти не являлись предметом комплексного исследования. А также, очевиден и тот факт, что в зарубежной научной литературе некоторые аспекты, касающиеся судебной власти, до сих пор остаются дискуссионными и являются неисчерпанными. Все сказанное, на наш взгляд, требует всестороннего исследования некоторых вопросов судебной власти на основе законодательства Азербайджанской Республики, а также осуществления всестороннего и комплексного изучения некоторых вопросов судебной власти, являющихся на сегодняшний день проблемными и дискуссионными, вследствие чего выразить авторскую позицию.

Так, согласно с ч. 3. ст. 7 Конституции Азербайджанской Республики, «Государственная власть в Азербайджанской Республике организуется на основе принципа разделения властей: законодательную власть осуществляет Милли Меджлис Азербайджанской Республики; исполнительная власть принадлежит Президенту Азербайджанской Республики; судебную власть осуществляют суды Азербайджанской Республики.

Из изложенного положения Основного Закона можно прийти к выводу о том, что судебная власть в Азербайджанской Республике является самостоятельным видом государственной

Konul A. Akhundova
Doctoral Student
of the National Aviation Academy,
CJSC «Azerbaijan Hava Yollary»
Milena.555@mail.ru

JUDICIAL POWER IN THE SYSTEM OF SEPARATION OF POWERS IN THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Annotation. This article discusses the issues of the judiciary as an independent and independent power in the system of separation of powers in the Republic of Azerbaijan. Based on the legal analysis of the norms of the Constitution of the Republic of Azerbaijan, the author of the article determines the interaction of the judiciary with the legislative and executive authorities. And also this article discusses the goals of the judiciary. The author emphasizes that at the legislative level the goals of the judiciary are not established, which prevents its full understanding.

Keywords: separation of powers, judiciary, legislative power, executive power, goals of the judiciary.

власти, и как отмечается в ч. 4. ст. 7 Конституции АР, законодательная, исполнительная и судебная власти взаимодействуют в соответствии с положениями настоящей Конституции и независимы в рамках своих полномочий.

На сегодняшний день в научно-правовой литературе вопрос о природе судебной власти до сих пор остается актуальным, так как, по результатам анализа некоторых публикаций можно встретить ряд позиций авторов, которые рассматривают природу судебной власти с разных научных позиций. Например, М.В. Баглай, рассматривая судебную власть в двух контекстах, пишет: «Судебная власть приобретает подлинно универсальный характер, ибо становится участником осуществления всех функций государства, она в то же время имеет независимость по отношению к другим ветвям власти» [1].

Совсем иной позиции придерживается Н.А. Колоколов, по мнению которого, «судебная власть – это особые общественные отношения, возникновение и существование которых обусловлено способностью социума при необходимости генерировать механизм разрешения конфликтов на основе норм права, обеспечиваемый мощью государства» [2]. Точка зрения же Н.А. Михайловой более близка к позиции Конституции Азербайджанской Республики. По ее мнению: «Судебная власть, охраняя права и свободы человека, защищая законные интересы государства,

становится, по существу, участником осуществления всех функций государства [3]. Такой подход разделяет и В.Е. Чиркин, который рассматривает судебную власть как особую ветвь государственной власти, отличную от законодательной и исполнительной. И далее, автор отмечает: «Суд не изолирован от других ветвей власти: он применяет законы, изданные парламентом, другие нормативные акты органов государства...» [4]. Этим автор выражает ту идею, которая отображена в Конституции Азербайджанской Республики, а именно: «Законодательная, исполнительная и судебная власти взаимодействуют в соответствии с положениями настоящей Конституции и независимы в рамках своих полномочий» (ч. 4. ст. 7).

Некоторые авторы рассматривают судебную власть как «специфическую независимую ветвь государственной власти, осуществляемую путем гласного, состязательного, как правило, коллегиального рассмотрения и разрешения в судебных заседаниях споров о праве» [5]. В правовой литературе встречается мнение о том, что судебная власть может рассматриваться в качестве обеспечения исполнения приговоров, других судебных актов и т.д. [6].

По нашему мнению, с изложенными умозаключениями авторов трудно будет согласиться, так как данная позиция еще больше сужает деятельность судебной власти. Как ранее было отмечено нами, судебная власть независимая, но одновременно взаимодействует с законодательной и исполнительной властями. Судебная власть не только обеспечивает исполнение приговоров и других судебных актов, также, она обеспечивает верховенство Конституции Азербайджанской Республики, а также, путем осуществления правосудия обеспечивает права и законные интересы граждан и содействует им в реализации своих законных прав.

Весьма интересна позиция В.А. Яблокова и С.А. Шейфера, которые предложили определять судебную власть как принадлежащее судам, формирующим единую государственную судебную систему, исключительное полномочие по решению возникающих в юридической сфере общественных отношений социальных конфликтов с использованием регламентированной законом процедуры и реализуемое в конституционной, гражданской, уголовной, административной и арбитражной форме судопроизводства [7].

Для того, чтобы внести ясность в понимание сущности природы судебной власти, считаем целесообразным рассмотреть цели судебной власти. При этом в Законе Азербайджанской Республики «О судах и судьях» от 10 июня 1997 года № 310-IQ, несмотря на наличие одноименной главы «Судебная власть», перечень и содержание целей судебной власти не прослеживаются. Аналогичный подход прослеживается и в Конституции Азербайджанской Республики. Однако, согласно ч. 2 ст. 1 Закона Азербайджанской Республики «О Конституционном суде» от 23 декабря 2003 года № 561-IIQ, основные цели Конституционного суда заключаются в обеспечении верховенства

Конституции Азербайджанской Республики, защите основных прав и свобод каждого.

В отличие от законодательства в правовой литературе сформировались несколько позиций о целях судебной власти. Сторонники первой позиции считают, что целью судебной власти является содействие гражданам, их объединениям, включая экономические образования, государственным и общественным институтам в реализации законных прав [8]. Вторая позиция заключается в том, что, какой бы ни была модель отправления правосудия, основной целью судебной власти остается устранение правового конфликта [9]. Сторонники третьей позиции считают, что главным назначением судебной власти является разрешение политических, социальных, экономических и прочих видов конфликтов [10]. И, наконец, авторы четвертой позиции рассматривают цель судебной власти через цель правосудия, определяя, что целью правосудия является защита субъективных прав. Такой позиции придерживаются Л.А. Баталова, А.П. Вершинин [11].

Проведя научно-правовой анализ позиций авторов, можно прийти к выводу о том, что во всех подходах основным ядром является осуществление правосудия. Именно через осуществление правосудия реализуются и защищаются законные и субъективные права, разрешаются и устраняются правовые, политические, социальные, экономические и прочие виды конфликтов.

А также, из анализа норм Конституции Азербайджанской Республики, можно прийти к выводу о том, что судебная власть в Азербайджанской Республике независимая, но одновременно взаимодействует с другими ветвями государственной власти. Термин «взаимодействие» можно встретить и в Конституции Азербайджанской Республики. И тут возникает вопрос: В чем же выражается взаимодействие судебной власти с исполнительной и законодательной властью? Во-первых, как нам известно, судебную власть в Азербайджанской Республике осуществляют посредством правосудия только суды и на основе процессуальных законодательств. А процессуальные законодательства, которые были приняты законодательным органом, определяют порядок рассмотрения споров. Во-вторых, согласно п. 10. ч. 1. ст. 95 Конституции Азербайджанской Республики, Милли Меджлис Азербайджанской Республики, являющийся законодательным органом, по представлению Президента Азербайджанской Республики назначает судей Конституционного Суда Азербайджанской Республики, Верховного Суда Азербайджанской Республики и апелляционных судов Азербайджанской Республики. В-третьих, в соответствии с п. 9. ст. 109 Конституции Азербайджанской Республики, Президент Азербайджанской Республики назначает судей других судов Азербайджанской Республики, то есть, судей первой инстанции, вследствие чего, можно сделать вывод о том, что как независимый вид государственной власти судебная власть, в рамках своих полномочий, взаимодействует с законодательной и исполнительной властью. Исходя из анализа законодательства, мы можем отметить, что суды, которые посредством правосудия

осуществляют судебную власть, на законодательном уровне наделены только этими полномочиями, в то время, как государственные органы, в том числе, исполнительной и законодательной власти, не имеют подобных полномочий, что говорит об исключительности осуществления правосудия именно судами.

В заключении процитируем Т.Г. Морщакову, которая справедливо отмечает, что самостоятельная и независимая судебная власть, исполняя роль баланса во взаимоотношениях органов законодательной и исполнительной власти, должна обеспечивать непосредственное действие Конституции РФ во всех сферах законодательной и правоприменительной деятельности, и, прежде всего, гарантировать судебную защиту прав и свобод человека и гражданина [12]. Сущность этой мысли является неоспоримой, поскольку отражает восприятие судьбоносной функции судебной власти – создание паритета для существования двух иных форм проявления государственной власти в современном обществе.

Изложенное предоставляет возможность сделать следующие выводы о сущности судебной власти в системе разделения властей в Азербайджанской Республике. Судебная власть в Азербайджанской Республике является самостоятельным

видом государственной власти, которая реализуется на взаимодействии с иными проявлениями последней – законодательной и исполнительной. Главенствующей чертой судебной власти является то, что она не только обеспечивает исполнение приговоров и других судебных актов, также она обеспечивает верховенство Конституции Азербайджанской Республики, а также путем осуществления правосудия обеспечивает права и законные интересы граждан и содействует им в реализации своих законных прав. Среди целей судебной власти, в соотношении с иными ветвями государственной власти, выделено: осуществление правосудия через содействие гражданам, их объединениям, включая экономические образования, государственным и общественным институтам в реализации законных прав или устранение правового конфликта. Определены формы и содержание взаимодействия судебной, законодательной и исполнительной власти. При этом выделено полномочие осуществления правосудия как исключительная особенность именно судебной власти. Именно через реализацию указанного полномочия судебная власть проявляет свою судьбоносную функцию – создание паритета для существования двух иных форм проявления государственной власти в современном обществе.

Литература:

1. *Баглай М.В.* Конституционное право Российской Федерации : учебник. М. : Норма: Инфра-М, 2018. С. 646.
2. *Колоколов Н.А.* Судебная власть: от лозунга к пониманию реальности. М. : Юрист, 2010. С. 141.
3. *Михайловская И.Б.* Суды и судьи: независимость и управляемость. М. : Проспект, 2010. 128 с.; С. 56.
4. *Чиркин В.Е.* Основы сравнительного правоведения : учеб. пособие. М. : Изд-во Московского психолого-социального университета; Воронеж : МОДЭК, 2014. С. 279–280.
5. *Общая теория государства и права / Под ред. В.В. Лазарева.* М., 2004. С. 284.
6. *Чимитов Э.О.* Российская судебная система / Э.О. Чимитов // Аспирант. 2019. № 1(43). С. 80–82; С. 80.
7. *Шейфер С.А.* Понятие судебной власти и ее функции / С.А. Шейфер, В.А. Яблоков // Проблемы судебно-правовой реформы в России: история и современность: сб. трудов. Самара, 1999. С. 192.
8. *Фоков А.П.* Судебная власть в системе разделения властей. 2009.
9. *Дегтярев С.Л.* Реализация судебной власти в гражданском судопроизводстве (теоретико-прикладные проблемы) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2008. С. 19.

Literature:

1. *Baglay M.V.* Constitutional law of the Russian Federation : textbook. M. : Norm: Infra-M, 2018. P. 646.
2. *Kolokolov N.A.* Judicial power: from the slogan to understanding reality. M. : Lawyer, 2010. P. 141.
3. *Mikhailovskaya I.B.* Courts and judges: independence and manageability. M. : Prospect, 2010. 128 p.; P. 56.
4. *Chirkin V.E.* Fundamentals of comparative jurisprudence : textbook. M. : Publishing House of the Moscow Psychological and Social University; Voronezh : MODEK, 2014. P. 279–280.
5. *General theory of State and law / Ed. by V.V. Lazarev.* M., 2004. P. 284.
6. *Chimitov E.O.* Russian judicial system / E.O. Chimitov // Postgraduate student. 2019. № 1 (43). P. 80–82; P. 80.
7. *Shafer S.A.* The concept of judicial power and its functions / S.A. Shafer, V.A. Yablokov // Problems of judicial and legal reform in Russia: history and modernity: collection of works. Samara, 1999. P. 192.
8. *Fokov A.P.* Judicial power in the system of separation of powers. 2009.
9. *Degtyarev S.L.* The implementation of judicial power in civil proceedings (theoretical and applied problems) : abstract. dis. ... dr. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2008. P. 19.

10. *Колоколов Н.А.* Судебная власть как общеправовой феномен : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2006.

11. *Баталова Л.А.* Способы защиты прав налогоплательщиков в арбитражном суде / Л.А. Баталова, А.П. Вершинин. СПб., 1997. С. 22.

12. *Морщакова Т.Г.* Разграничение компетенции между Конституционным Судом и другими судами Российской Федерации / Т.Г. Морщакова // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 7. С. 22.

10. *Kolokolov N.A.* Judicial power as a general legal phenomenon : abstract. dis. ... d-ra jurid. sciences'. N. Novgorod, 2006.

11. *Batalova L.A.* Ways to protect the rights of taxpayers in the arbitration court / L.A. Batalova, A.P. Vershinin. SPb., 1997. P. 22.

12. *Morshchakova T.G.* Differentiation of competence between the Constitutional Court and other courts of the Russian Federation / T.G. Morshchakova // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 1997. № 7. P. 22.

Барашева Елена Викторовна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия, Иркутск
barahevaev@bk.ru

Селиванов Олег Владимирович

студент 1 курса,
Российский государственный
университет правосудия
avadakeedavraa@yandex.ru

Степаненко Алексей Сергеевич

доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
mail@esbrsuj.ru

**АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ
КОНСТИТУЦИИ РФ 1993 ГОДА**

Аннотация. Начало 1990 годов объективно является периодом взрыва народного политического творчества, Конституция была интересна не только высшим слоям общества, но и широким слоям народа. Согласно статистике Конституционной комиссии РФ, насчитывается 39 народных проектов. Данная статья посвящена исследованию Конституционных проектов 1990–1993 годов. Изучены основные проекты, которые вошли в основу действующей конституции. На основании изученных материалов проведен сравнительный анализ альтернативных проектов Конституции с принятой Конституцией в 1993.

Ключевые слова: альтернативный проект Конституции, Конституция 1993.

Начало 1990 годов объективно является периодом взрыва народного политического творчества, Конституция была интересна не только высшим слоям общества, но и широким слоям народа, согласно статистике Конституционной комиссии РФ насчитывается 39 народных проектов. Этот период характеризуется переменами самого разного рода: экономическими, технологическими, общественными, информационными, культурными и, конечно же, социальными и политическими. Эти перемены требовали определения границ и направления изменений, в этот период право выбора получили буквально все слои общества: свободное население, элита и правящий класс. Направление перемен было

Eleva V. Barasheva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of State and Legal Disciplines,
Russian State
University of Justice, Irkutsk
barahevaev@bk.ru

Oleg V. Selivanov

1st year Student,
Russian State
University of Justice
avadakeedavraa@yandex.ru

Alexey S. Stepanenko

Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Humanities
and Socio-economic Disciplines,
Russian State University of Justice
mail@esbrsuj.ru

**ALTERNATIVE DRAFT
CONSTITUTIONS OF 1993**

Annotation. The beginning of the 1990s is objectively a period of explosion of folk political creativity, the Constitution was interesting not only to the highest strata of society, but also to the broad strata of the people, according to the statistics of the Constitutional Commission of the Russian Federation there are 39 people's projects. This article is devoted to the study of the Constitutional projects of 1990–1993. Studied the main projects, became the basis of the current constitution. Based on the materials studied, a comparative analysis of alternative drafts of the Constitution with the adopted Constitution in 1993 was carried out.

Keywords: alternative drafts of the Constitution, Constitution in 1993.

определенно модернизацией политической, экономической и социальной систем. Модернизация заключалась в двух диаметрально противоположенных концепциях: первая заключалась в приведении этих систем к уровню современного и открытого общества, вторая заключалась в возвращении к традиционному прошлому [3].

Один из самых нестандартных проектов Конституции – проект А.Д. Сахарова. Он является социалистическим, на первом месте стоит человек – гражданин.

Проект А.Д. Сахарова устанавливает четкие толерантные настроения общества, статья 2 –

«Цель народа – счастливая, полная смысла жизнь, свобода материальная и духовная, благосостояние, мир и безопасность для граждан страны, для всех людей на Земле независимо от их расы, национальности, пола, возраста и социального положения». Статья 5 – «Союз в лице его органов власти и граждан стремится к сохранению мира во всем мире, к сохранению среды обитания, к сохранению внешних и внутренних условий существования человечества и жизни на Земле в целом, к гармонизации экономического, социального и политического развития во всем мире». Статья 7 – «В основе политической, культурной и идеологической жизни общества лежат принципы плюрализма и терпимости». Статья 12 – «Союз не имеет никаких целей экспансии, агрессии и мессианизма. Вооруженные Силы строятся в соответствии с принципом оборонительной достаточности». На основании этих статей уже можно сказать о политике глобально пацифизма и отчасти литературного характера написанного [4].

Эксперт Л.М. Баткин провел подробный анализ данного проекта.

«В этом проекте поражает уже просто то, что он существует» – это первое предложение, которое задает настроение всей работе. Отдельно стоит отметить позицию А.Д. Сахарова, она заключалась в необходимости формирования конституции с нуля. А.Д. Сахаров утверждал, что необходимо исходить из фундаментальной перестройки принципов и норм общественно-государственного строя. А затем или одновременно, исходя из этой основы, осуществлять правовую детализацию.

Проект Конституции А.Д. Сахарова о нераздельной связи между правами человека и миром на земле, между выживанием человечества и открытостью каждого отдельного общества – в течение двадцати лет считалась в СССР «наивными» рассуждениями, а в 1990 году был объявлен государственным курсом и назван «новым мышлением». Конституционные идеи, которые принимались за отвлеченные фантазии и просто вдохновляющее знамя, явились как базовый рабочий документ.

Подводя итог, стоит сказать, что проект А.Д. Сахарова одновременно продолжает, увы, неизмеримо опережать нашу реальность. Еще достаточно долго он будет оказывать просвещающее воздействие на умы сограждан [2].

Одним из двух проектов, которые легли в основу действующей Конституции стал проект Конституционной комиссии РСФСР, основывающийся на концепции проекта Конституции Л.М. Мамута, содействующей:

1. РСФСР представляет собой суверенное государство, добровольно объединившееся на основе договора с другими суверенными равноправными государствами в Союз Советских Социалистических Республик.

2. РСФСР является демократическим правовым государством. Народ России – носитель

суверенитета; воля народа – единственный законный источник государственной власти.

3. В РСФСР как суверенном демократическом правовом государстве в структуре и деятельности всей системы государственных институтов последовательно проводится принцип разделения властей: законодательной, исполнительно-распорядительной, судебной.

4. РСФСР сложилась и существует как многонациональное федеративное государство. Все нации и народности, населяющие Россию, свободны и равноправны. Они имеют право на самостоятельное национально-территориальное и социально-культурное развитие.

5. РСФСР должна явиться государством, высшей целью и главной обязанностью которого будет обеспечение социальной и политико-юридической защищенности человека, его законных интересов; она явится государством, на деле гарантирующим ему все права и свободы, предусмотренные общепризнанными нормами современного международного права и полностью воспринятыми в Конституции РСФСР [4].

По мнению критиков, проект носит элитарный и предвзятый характер. Отвергает существующую реальность – то, что Российская Федерация является органической частью СССР. Предлагает обособление республики от Союза. Отсутствует характеристика Российской Федерации как социалистического государства, что можно интерпретировать как планирование замены существующего строя на примитивный капитализм. Приоритетность личности заменяет коллективный характер общества.

В заключении, вопреки историческому опыту государственности и национальным особенностям наших народов, территориальным и природным условиям России, проект Конституции в значительной части скопирован с Конституции США, что вынуждены признать сами разработчики [5].

Вторым проектом, но первым по важности является проект Конституционного совещания, он стал основой действующей Конституции. Проект был подготовлен ко 02.11.1993 года и закрепил текущую структуру Конституции [4].

Структура по главам:

1. Основы конституционного строя (ст. 1–16).
2. Права и свободы человека и гражданина (ст. 17–64).
3. Федеративное устройство (ст. 65–79) – позднее добавлена ст. 79.1.
4. Президент Российской Федерации (ст. 80–93).
5. Федеральное собрание (ст. 94–109).
6. Правительство Российской Федерации (110–117).

7. Судебная власть (ст. 118–129) – впоследствии дополнено название «Судебная власть и прокуратура», исключена ст. 127.

8. Местное самоуправление (ст. 130–133).

9. Конституционные поправки и пересмотр Конституции (ст. 134–137).

Для дальнейшей работы сравним преамбулу проекта и Конституции 1993 года. Первое и единственное отличие заключается в третьем предложении, проект утверждал «права человека и достойную жизнь», впоследствии понятие «достойной жизни» было убрано из формулировки [1].

В принятой в 1993 году Конституции была впервые закреплена концепция организации государственной власти, в основу которой положена идея разделения властей. Были утверждены основные принципы организации и деятельности государства. Была признана частная собственность, государство стало осуществлять ее защиту наравне

Литература:

1. Конституция Российской Федерации принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями от 01.07.2020) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. *Баткин Л.М.* Конституционные идеи Андрея Сахарова: сборник. М., 1990. С. 33.

3. *Волков Л.Б.* Всплеск русского конституционализма. М., 2009. С. 73.

4. *Румянцев О.Г.* Из истории создания Конституции РФ Т. 5: Альтернативные проекты Конституции РФ. М., 2009. С. 1120.

5. МЫ ГОВОРИМ «НЕТ!» проекту Конституции РФ, подготовленному рабочей группой Конституционной комиссии Верховного Совета РСФСР / С.С. Воскресенский [и др.]. М., 1990.

6. Всенародное голосование по Конституции России. URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Всенародное_голосование_по_Конституции_России#Правовые_моменты_президентских_указаний_о_проведении_всенародного_голосования (дата обращения 05.12.2021).

с государственной и муниципальной собственностью. Был введен политически и идеологически плюрализм.

Проект Конституционного совещания был доработан с привлечением субъектов Российской Федерации, депутатов, их различных фракций, специалистов, рабочих групп. Также, в работе участвовали представители проекта «Rule of Law». В результате совместной работы был создан единый проект Конституции России.

Всенародное голосование по проекту Конституции Российской Федерации было проведено 12 декабря 1993 года. 22 декабря Центризбирком обнародовал общие итоговые результаты, объявив о том, что всенародное голосование состоялось, а проект Конституции Российской Федерации одобрен необходимым большинством населения. С подобным заявлением 22 декабря выступил Президент России на пресс-конференции в Кремле [6].

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended on 01.07.2020) // CL RF. 2014. № 31. Art. 4398.

2. *Batkin L.M.* Constitutional Ideas of Andrei Sakharov: collection. M., 1990. P. 33.

3. *Volkov L.B.* The splash of Russian constitutionalism. M., 2009. P. 73.

4. *Rumyantsev O.G.* From the history of the creation of the Constitution of the Russian Federation Vol. 5: Alternative drafts of the Constitution of the Russian Federation. M., 2009. P. 1120.

5. WE SAY «NO!» the draft Constitution of the Russian Federation, prepared by the working group of the Constitutional Commission of the Supreme Soviet of the RSFSR / S.S. Voskresensky [et al.]. M., 1990.

6. National vote on the Constitution of Russia. URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/Всенародное_голосование_по_Конституции_России#Правовые_моменты_президентских_указаний_о_проведении_всенародного_голосования (date of the application 05.12.2021).

Васильева Яна Юрьевна

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующая кафедрой
уголовно-правовых дисциплин,
Иркутский юридический институт –
филиал Университета прокуратуры
Российской Федерации
casevostok@mail.ru

Yana Yu. Vasilyeva

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Law
Disciplines of the Irkutsk Law Institute –
branch of the University of the Prosecutor's
of the Russian Federation
casevostok@mail.ru

АДАПТАЦИЯ СМЕРТНОЙ КАЗНИ КАК ВИДА УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

ADAPTATION OF THE DEATH PENALTY AS A TYPE OF CRIMINAL PUNISHMENT IN THE CONDITIONS OF MODERN RUSSIA

Аннотация. В статье анализируются исторические предпосылки возникновения смертной казни как уголовного наказания, рассмотрено первое упоминание о таком наказании, а также становление последнего в истории уголовного права России. Автором исследованы причины появления моратория на осуществление смертной казни в России, рассмотрены правовые основания моратория на смертную казнь и его последствия. Представлено исследование современной политической обстановки, непосредственно влияющей на существование моратория на смертную казнь. Очевидно, что тема смертной казни является одной из самых противоречивых тем в правовой науке. Когда-то широко применявшаяся во всем мире смертная казнь, ныне отменена в большинстве стран либо введен мораторий на смертную казнь, как в России. Тем не менее, есть еще достаточно много стран, в которых применяют эту форму наказания. Целью исследования является анализ сложившейся обстановки в области применения смертной казни как уголовного наказания в условиях проведения специальной военной операции в Украине. Автор приходит к выводу о том, что современное состояние российского общества под воздействием политических как внутренних, так и международных событий, выработало предпосылки для снятия моратория на смертную казнь, обосновывается необходимость снятия последнего. По итогам исследования предлагаются изменения в действующее законодательство.

Ключевые слова: специальная военная операция, смертная казнь, уголовное наказание, мораторий на смертную казнь, военные преступления, цели уголовного наказания.

Annotation. The article analyzes the historical prerequisites for the emergence of the death penalty as a criminal punishment, considers the first mention of such a punishment, as well as the formation of the latter in the history of Russian criminal law. The author investigated the reasons for the emergence of a moratorium on the implementation of the death penalty in Russia, considered the legal basis for the moratorium on the death penalty and the consequences of the latter. The article presents a study of the current political situation, which directly affects the existence of a moratorium on the death penalty. Obviously, one of the most controversial topics in legal science and not only is the topic of the death penalty. Once widely used throughout the world, the death penalty has been abolished in most countries or a moratorium on the death penalty has been introduced, as in Russia. However, there are still many countries that apply this form of punishment. The purpose of the study is to analyze the current situation in the field of application of the death penalty as a criminal punishment in the context of a special military operation in Ukraine. The author comes to the conclusion that the current state of Russian society, in the key of political both domestic and international events, has developed the prerequisites for lifting the moratorium on the death penalty, the need to remove the latter is substantiated. Based on the results of the study, changes to the current legislation are proposed.

Keywords: special military operation, death penalty, criminal punishment, moratorium on the death penalty, war crimes, goals of criminal punishment.

С мертная казнь, является одной из самых противоречивых и обсуждаемых тем в мире. Сторонники смертной казни часто рассматривают ее как неприятный, но необходимый способ защитить общество от тех, кто совершает самые жестокие преступления. Противники смертной казни часто приравнивают ее к убийству, указывают на

то, что она не снижает уровень убийств, и считают, что цель не может оправдывать средства, особенно, когда достаточно много людей в мире ошибочно осуждены.

Более 70 % стран на сегодняшний день отменили смертную казнь законодательно или на практике.

По состоянию на 2022 год, самыми последними странами, объявившими смертную казнь вне закона, являются Казахстан и Папуа-Новая Гвинея, законы которых об отмене смертной казни вступили в силу 29 декабря 2021 года и 22 января 2022 года, соответственно. Ожидается, что Малайзия последует этому примеру в 2022 году.

Список стран, которые отменили или приостановили смертную казнь, растет. По данным Amnesty International, на конец 2021 года 108 стран законодательно отменили смертную казнь за все преступления, 144 страны отменили смертную казнь законодательно или на практике, 28 стран фактически отменили смертную казнь, никого не казнив за последние 10 лет, и 55 стран по-прежнему сохраняют смертную казнь за общеуголовные преступления.

Обратимся к историческим истокам назначения смертной казни. Можно предположить, что смертная казнь является одним из самых древних видов наказания. Фактически, она явилась реализацией принципа «око за око, зуб за зуб». Возможно, одним из первых упоминаний о рассматриваемом уголовном наказании было в Кодексе Хаммурапи – юридическом документе из древней Вавилонии (в современном Ираке).

Согласно этому документу, за двадцать пять видов преступлений было предусмотрено наказание в виде смертной казни. Например, за такие преступления, как прелюбодеяние и помощь рабам в побеге.

Обращаясь к истории русских законов, мы видим, что смертная казнь как мера наказания упоминается в ряде древних памятников, например, в Краткой Русской Правде (XI век). Уже в Судебниках великого князя Ивана III 1497 г. и царя Ивана IV (Грозного) 1550 г. смертные приговоры выносились уже достаточно часто и исполнялись публично, зачастую, сопровождаясь пытками. То есть, система наказаний и процесс их исполнения были направлены на запугивание преступников и населения.

Следующим шагом в создании уголовных наказаний и их реализации стало принятие Соборного уложения 1649 г. – первого процессуального закона в истории России [1, с. 223]. Согласно ему, более шестидесяти видов преступных деяний могли наказываться смертной казнью.

В XX веке в России смертная казнь была отменена после Февральской революции в 1917 году, но вскоре вновь введена на фронте Временным правительством за воинские преступления, измену, убийство и разбой. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. выделил смертную казнь в отдельную статью и предусмотрел ее применение как вида казни по делам, рассматриваемым в революционных судах, а с 10 июля 1923 г. – в производстве по делам Верховного суда, областных судов и судов всех формирований.

22 ноября 1926 года был принят новый Уголовный кодекс РСФСР, согласно которому, для борьбы с худшими формами преступности,

угрожавшими основам советской власти и советского строя, могли применяться расстрелы как уникальная мера защиты правительства трудящихся [4, с. 65].

26 мая 1947 года, после окончания Великой Отечественной войны, Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об отмене смертной казни», которым отменял эту меру наказания в мирное время, рекомендуя вместо нее применение тюремных сроков на 25 лет. Но юридический запрет был отменен и 12 января 1950 г. смертную казнь разрешили применять к изменникам Родины, шпионам, а с 1954 г. и за умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах.

27 октября 1960 года Верховный Совет РСФСР принял Уголовный кодекс РСФСР, где смертная казнь была выделена в отдельную статью как единственная мера наказания, которая применялась за тяжкие преступления.

Таким образом, на начало 1990-х гг. в уголовном законодательстве России действовало более 30 статей, согласно которым, допускалось применение смертной казни. И, соответственно, возникло противоречие между УК РСФСР 1960 г., предусматривавшем смертную казнь в широком смысле, и Конституцией Российской Федерации, которая разрешила ее использование «в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей». Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г. снял вышеуказанное противоречие.

Рассматривая современные реалии в вопросе применения смертной казни, отметим, что часть 1 статьи 20 Конституции Российской Федерации закрепляет право человека на жизнь, а часть 2 этой статьи содержит положение о том, что смертная казнь до ее отмены может быть установлена федеральным законом в качестве исключительного наказания за тяжкие преступления против жизни, давая подсудимому право на рассмотрение его дела судом присяжных. Эта статья имеет два значения: с одной стороны, законодатель допускает возможность вынесения смертной казни в качестве исключительной меры при наличии обстоятельств, перечисленных в настоящей статье, но с другой стороны, в ней указывается временный характер такого наказания, что подразумевает полную отмену смертной казни в будущем.

Для начала следует вернуться к вопросу о введении моратория на смертную казнь в России. Первый акт в этой сфере – Указ Президента Российской Федерации от 16.05.1996 г. № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы», в котором подчеркивается временный характер применения смертной казни при определенных условиях. В нем также есть указание на намерение России согласиться с Протоколом № 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Россия подписала этот протокол в 1997 году, но до сих пор его не ратифицировала.

Следующим правовым актом является Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р, в котором анализируется судебная практика и Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 02.02.1999 г. № 3-П. Резюмируется, что смертная казнь в России не должна применяться даже после создания судов присяжных по всем делам РФ, так как создана гарантия права человека не быть приговоренным к смертной казни, и формируется процесс, направленный на отмену смертной казни [2, с. 5].

Однако в условиях современной действительности полагаем, что представленное выше Определение не отвечает действующей обстановке и формирующейся преступности на фоне проведения специальной военной операции, что, безусловно, необходимо устранить.

Как справедливо отмечал российский исследователь проблем наказания С.В. Познышев: «Наказание имеет только одну цель – предупреждение преступлений, которое возможно в форме физического удержания (для преступников)».

Безусловно, сдерживающую роль смертной казни как правового ограничения нельзя недооценивать. Есть люди (а точнее, не люди, например, террористы или серийные убийцы), для которых вообще нет социальных преград, и никакая сила их не остановит, кроме расстрела. В отношении же другой категории людей она вполне оказывает сдерживающее воздействие посредством устрашения, т.е., наступления смерти».

Отметим, что в связи с позицией «несогласия» Совета Европы с проведением России специальной военной операцией на Украине и многим иным политическим причинам 15 марта 2022, официально Россия вышла из Совета Европы.

Реальная политическая напряженность между Европейским Союзом и Россией возникла во время грузинского конфликта в августе 2008 года, когда Европейский Союз как организация-клиент США следовал антироссийской политике и курсу, диктуемым Вашингтоном [3, с. 186].

Другой проблемой напряженности между западными созданиями ЕС и НАТО является членство в НАТО стран Центральной и Юго-Восточной Европы или расширение НАТО на восток.

Соответствующая поддержка Вашингтоном намерений Грузии и Украины вступить в НАТО создала дополнительную напряженность в отношениях с Россией, и, следовательно, соглашение «Партнерство ради мира» как форум для интеграции России в европейскую систему безопасности и сотрудничества провалилось.

Европейский Союз выразил свою озабоченность по поводу Калининградской области России, которая на некоторое время стала предметом споров в отношениях между Россией и Европейским Союзом, но, несомненно, ухудшила их. Тем не менее, кульминация ухудшения двусторонних

отношений между Европейским Союзом и Россией наступила в 2021–2022 годах.

В связи с прекращением членства Российской Федерации в Совете Европы, возникла реальная возможность снятия моратория на смертную казнь, что в понимании автора является целесообразным как в рамках достижения целей уголовного законодательства, так и в экономическом плане.

Примечательно, что в ст. 2 Протокола № 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод предусмотрено применение смертной казни при неизбежности войны, что напрямую соответствует имеющейся ситуации с Украиной. Приверженцы неонацистских группировок украинского праворадикального движения ежедневно совершают особо тяжкие преступления как в отношении граждан России, так и преступления против мира и безопасности (например, при обстрелах Запорожской АЭС), наказание за совершение которых может соответствовать цели восстановления социальной справедливости исключительно через назначение смертной казни.

Целесообразность снятия моратория также объясняется тем, что по данным ФСИН на 2021 год, в местах лишения свободы находилось почти 482 тысяч человек, что приравнивается практически к населению крупного города. Исходя из приведенной статистики, возникает вопрос: Смертная казнь обходится налогоплательщикам дороже, чем пожизненное заключение или нет? В любом случае, содержание преступников, отбывающих наказание в виде пожизненного лишения свободы в местах лишения свободы, является достаточно затратным делом.

Несмотря на международные обвинения некоторых стран в адрес России о низком правовом уровне уголовного законодательства, последние активно применяют смертную казнь в качестве уголовного наказания. Так, число стран, казнивших людей в 2021 году (18, в том числе США), осталось неизменным по сравнению с 2020 годом, число людей, приговоренных к смертной казни, выросло. В 2020 году было вынесено 1477 новых смертных приговоров, но это число выросло до 2052 смертных приговоров, вынесенных в 2021 году. Это привело к тому, что на конец года в общей сложности около 28670 человек, о которых известно, что им вынесен смертный приговор. Более того, 82 % из этих лиц содержались под стражей в девяти странах: Ираке (более 8000), Пакистане (более 3800), Нигерии (более 3036), США (2382), Бангладеш (более 1800), Малайзии (1359), Вьетнаме (более 1200), Алжире (более 1000) и Шри-Ланка (более 1000 человек).

Таким образом, налицо формирование всех предпосылок позволяющих отменить мораторий на смертную казнь, что позволит восстановить социальную справедливость, а также, будет соответствовать всем целям уголовного наказания уголовного закона.

В свою очередь, нам представляется целесообразным предложение Президента Российской

Федерации о внесении поправок в п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации в порядке, предусмотренном гл. 9 Конституции Российской Федерации в части действия требований международного законодательства и договоров, а также решения международных органов на территории России только в той части, в которой они не

Литература:

1. *Абдурзакова М.А.* Нужна ли смертная казнь в России? / М. А. Абдурзакова, Л.М. Исмаилова // Новая наука: финансово-экономические основы. 2017. № 1. С. 5–8.
2. *Дикарева О.А.* К вопросу о моратории на смертную казнь / О.А. Дикарева // Современное состояние и перспективы развития российского и международного законодательства: сборник статей международной научно-практической конференции. 2017. С. 64–66.
3. *Познышев С.В.* Основные вопросы учения о наказании / С.В. Познышев. М., 1904. 612 с.
4. *Скатын М.А.* Смертная казнь в России как мера наказания / М.А. Скатын, Н.В. Смирнова // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2017. Т. 6. № 1. С. 186.

противоречат положениям Конституции Российской Федерации. Благодаря таким поправкам, становится возможным законное, обоснованное и справедливое применение смертной казни при условии рассмотрения уголовного дела судом присяжных.

Literature:

1. *Abdurzakova M.A.* Is the death penalty necessary in Russia? / M.A. Abdurzakova, L.M. Ismailova // New Science: Financial and Economic Fundamentals. 2017. № 1. P. 5–8.
2. *Dikareva O.A.* On the issue of a moratorium on the death penalty / O.A. Dikareva // Current state and prospects for the development of Russian and international legislation: collection of articles of the international scientific and practical conference. 2017. P. 64–66.
3. *Poznyshev S.V.* Basic questions of the doctrine of punishment / S.V. Poznyshev. M., 1904. 612 p.
4. *Skatin M.A.* The death penalty in Russia as a measure of punishment / M.A. Skatin, N.V. Smirnova // Bulletin of Medical Internet Conferences. 2017. Vol. 6. № 1. P. 186.

Власенко Илья Александрович
аспирант кафедры криминалистики,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
vlas_box@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРАКТИКУ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 321 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье приводятся официальные статистические данные о количестве преступлений, предусмотренных статьей 321 УК РФ, совершенных в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы, анализируются примеры из судебной практики, исследуются спорные вопросы теории и практики.

Ключевые слова: дезорганизация деятельности учреждений, исполняющих изоляцию от общества, насилие, угроза применения насилия, служебная деятельность.

Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, представляет собой совершение таких деяний, которые посягают на общественные отношения в сфере обеспечения нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию лиц от общества, а также, одновременно – и здоровье населения, так как состав преступления, предусмотренного статьей 321 УК РФ, предполагает три категории потерпевших, а именно:

- 1) осужденный, то есть, лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы или ареста на основании вступившего в законную силу обвинительного приговора суда, а также, подозреваемый или обвиняемый, находящийся в месте содержания под стражей в результате избранной ему меры пресечения;
- 2) сотрудник места лишения свободы либо места содержания под стражей;
- 3) близкие сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей.

Обратимся к статистике, где общее число зарегистрированных преступлений среди лиц, содержащихся в местах лишения свободы, за 12 месяцев 2021 года составило – 1 тыс. 271 преступлений, из которых: в Следственных изоляторах – 251, в Лечебных исправительных учреждениях – 41, в ПФРСИ – 16, в ЛПУ – 10, в «тюрьмах» – 6, в воспитательных колониях – 3. Наибольшая часть преступлений в уголовно-исполнительной

Ilya A. Vlasenko
Postgraduate Student
of the Department of Criminalistics,
Kuban State Agricultural University
named after I.T. Trubilin
vlas_box@mail.ru

MODERN LOOK FOR PRACTICE APPLICATIONS ARTICLE 321 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article provides official statistics on the number of crimes under Article 321 of the Criminal Code, committed against employees of the criminal-executive system, analyzes examples from judicial practice, explores controversial issues of theory.

Keywords: disorganization of the activities of institutions executing isolation from society, violence, the threat of violence, official activity.

системе совершена в исправительных колониях – 944 преступления. Так, количество преступлений, совершенных в исправительных колониях, составило за 2021 год – 940, и за 2020 года – 970, из которых:

- убийств в 2021 году – 9, в 2020 году – 3;
- умышленное причинение тяжкого вреда здоровью в 2021 году – 17, в 2020 – 19;
- приобретение и сбыт наркотических средств – 134 в 2021 году и 182 в 2020 году;
- побегов – 101 в 2021 и 97 в 2020 соответственно [1].

Однако обращает на себя внимание тот факт, что не выделены отдельной строкой сведения по статье 321 УК РФ, предусматривающей ответственность за дезорганизацию деятельности учреждений, исполняющих наказание, хотя, в аналогичном отчете за 2017 год, данное деяние было отнесено к одному из самых распространенных в исправительных учреждениях после приобретения и сбыта наркотических средств.

Средний уровень преступлений среди осужденных, содержащихся в исправительных колониях, в расчете на 1000 человек, составил в 2021 году – 2,770. На остальные преступления приходится – 69 %. Вместе с тем, отмечается, что, с одной стороны, активно ведется работа по выявлению осужденных, склонных к совершению

преступлений и грубых нарушений установленного порядка отбывания наказания, и профилактике с их стороны противоправных проявлений. С другой стороны, налицо факты, когда из-за недостаточного контроля и надзора за подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, недостатков в обыскной работе в жилую зону попадает большое количество колюще-режущих предметов. Так, 44,06 % от общего количества изъятых колюще-режущих предметов было изъято в жилой зоне и на внутренней режимной территории СИЗО и «тюрем» – 6 тыс. 238 единиц. За 12 месяцев 2021 года зафиксировано 436 случаев применения насилия в отношении персонала учреждений в связи с осуществлением ими служебной деятельности, в том числе – 146 случаев с причинением вреда здоровью. При явных случаях неповиновения осужденных лиц сотрудникам учреждений, в соответствии с законодательством, к нарушителям 10 тысяч 070 раз применялись специальные средства и газовое оружие; а также, 47 работников отделов безопасности (режима) дежурной службы – привлечены к ответственности за неслужебные связи со специальным контингентом [1].

Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде в исправительных учреждениях ФСИН России (ИК, КП, ЛИУ, ЛПУ) – 872 (АППГ – 851), что на 2,47 % больше в сравнении с АППГ. По исправительным учреждениям количество преступлений распределилось следующим образом:

- ИК общего режима – 196 (АППГ–237);
- ИК строгого режима – 437 (АППГ–370);
- ИК особого режима – 24 (АППГ–44);
- КП–161 (АППГ–144);
- ЛИУ–43(АППГ–38);
- ЛПУ–11 (АППГ–18);
- ЖК–17(АППГ–30).

Наиболее распространенные преступления:

- приобретение, сбыт наркотических средств – 201 (АППГ–147);
- дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества – 181 (АППГ–195);
- побег из мест лишения свободы – 106 (АППГ–101).

Наибольшее количество побегов совершено в исправительных учреждениях УФСИН (ГУФСИН) России по Пермскому краю – 11, Приморскому краю –9, Иркутской области –7, Кемеровской области –7, Свердловской области –7. Наибольшее число побегов приходится на КП –96 (АППГ –88). Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества, составила в ИК общего режима – 48 (АППГ–62), ИК строгого режима – 111 (АППГ–90), ИК особого режима –

2 (АППГ–17), КП–5(АППГ–10), ЛИУ–13(АППГ–12), ЛПУ–2(АППГ–4), ЖК–9(АППГ–12) [1].

Положение удручает и требует осмысления. Так, в Распоряжении Правительства РФ от 29.04.2021 года № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года» [2] говорится, в частности, о необходимости повышения эффективности уголовно-исполнительной системы, которое предусматривает совершенствование организации ее деятельности, оптимизацию учреждений, обеспечение безопасности, развитие производства и формирование высокомотивированного и профессионального кадрового потенциала повышение уровня мотивации при прохождении службы и формирование здоровой морально-психологической обстановки, исключающей противоправное поведение сотрудников уголовно-исполнительной системы. Однако еще ранее в Постановлении Правительства РФ от 06.04.2018 года № 420 (в редакции от 18.04.2022 г.) «О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2030 годы)» отмечается, что сохраняется проблема обеспечения личной безопасности осужденных в связи с противоправными действиями, а также, негативным влиянием лидеров и членов группировок криминально ориентированных осужденных и злостных нарушителей установленного порядка отбывания наказания. И только в 54 субъектах Российской Федерации, имеющиеся единые помещения камерного типа, позволяют обеспечить эффективную изоляцию указанных лиц от основной массы осужденных [3].

Проведенный в данной статье анализ практики применения рассматриваемой уголовно-правовой нормы, с одной стороны, может показать современную ситуацию, в целом, в уголовно-исполнительной системе, а, с другой стороны, высветить наиболее важные вопросы, касающиеся доказывания и методики расследования деяний по статье 321 УК РФ. Однако практика применения данной нормы, рассмотренная нами при анализе некоторых приговоров, с одной стороны, может внести вклад в характеристику ситуации в российской уголовно-исполнительной системе, и, с другой стороны, обозначить алгоритм доказывания по данной категории дел, обозначить вероятность обвинительного приговора и сделать прогноз вероятного наказания, а также, систематизировать типовые доводы защиты с оценкой их эффективности и привести некоторые рекомендации по их осуществлению.

Необходимо подчеркнуть, что в самом названии статьи 321 УК РФ [4] четко обозначена ее цель: «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества», следовательно, цель, являясь обязательным признаком субъективной стороны состава преступления, заключается в воспрепятствовании исправлению осужденного, а мотивом является месть за оказанное потерпевшим содействие администрации учреждения или органу уголовно-исполнительной системы. В процессе анализа приговоров, следует отметить, что сторона защиты, часто ссылалась на то, что у подсудимого отсутствовал

умысел на дезорганизацию работы учреждения уголовно-исполнительной системы, однако же, он никогда не принимался судом во внимание. Как верно отмечает В.С. Ишигеев: «Исторически рассматриваемый состав был предназначен для борьбы с организованными преступными формированиями осужденных» [5], что следовало еще из нормы, предусмотренной статьей 77.1 УК РСФСР [6].

Как нам представляется, состав преступления, сформулированный в статье 321 УК РФ, не соответствует имеющимся реалиям противодействия организованной преступности. В действующей редакции говорится только о применении насилия в отношении осужденных и сотрудников исправительных учреждений. Возникает вопрос: Насколько верным будет утверждение о том, что к дезорганизации деятельности исправительного учреждения приводит всякое насилие в отношении сотрудников мест лишения свободы. Для того, чтобы ответить на него, необходимо выяснить, что представляет собой слово «дезорганизация». Так, С.И. Ожегов в Словаре русского языка трактует дезорганизацию, как «расстройство организации, нарушение порядка, дисциплины, организованности» [7]. Поэтому, на основании проведенного нами анализа приговоров по рассматриваемой статье, можно сделать вывод о том, что практически любое нарушение режима содержания под стражей может быть расценено как общественно опасное, предполагающее дезорганизацию деятельности учреждения, хотя, далеко не всегда, это явно следует из фабулы дела. Так, несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, повлекло отмену приговора Майминского районного суда Республики Алтай от 11 апреля 2018 года в отношении гр-на З. по части 2 статьи 321 УК РФ на основании пункта 3 части 2 статьи 302 УПК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления. Выводы суда апелляционной инстанции об отсутствии в действиях гр-на З. состава преступления основаны на отсутствии признаков объективной стороны, так как он не причинял физическую боль и не ограничивал свободу потерпевшего, а, следовательно, не осуществлял по отношению к нему насилие, не опасное для жизни и здоровья, и не высказывал ему угроз применения такого насилия. При этом суд первой инстанции, вынося обвинительный приговор, не высказал сове суждение в отношении показаний потерпевшего и свидетелей о поведении и действиях гр-на З. на предмет наличия или отсутствия в них угрозы применения насилия, не опасного для жизни и здоровья, что являлось необходимым для правильной квалификации содеянного [8].

Следующий пример касается не отмены приговора, а исключения из него квалифицирующего признака лишь изменения его в части недоказанности и невозможности реализации угрозы в отношении сотрудника места содержания под стражей и его близких. Так, Апелляционным постановлением Красноярского краевого суда от 09.09.2021 г. № 22-6811/2021 приговор по части 2 статьи 321 УК РФ Ачинского городского суда Красноярского края от 23 июня 2021 года в

отношении гр-на Б.А. был изменен. В результате, содеянное гр-ном Б.А., было квалифицировано по части 2 статьи 321 УК РФ – применение насилия, не опасного для жизни и здоровья, совершенное в отношении сотрудника места содержания под стражей в связи с осуществлением им служебной деятельности и назначенное гр-ну Б.А. наказание по части 2 статьи 321 УК РФ – снижено до 1 года 9 месяцев лишения свободы [9].

Однако чаще суды не принимают во внимание показания самого обвиняемого и свидетелей. Так, например, гр-н Ф., обвиняемый по части 2 статьи 321 УК РФ в ходе судебного заседания объяснил, что обвинение его в части применения им насилия к сотрудникам изолятора, необоснованно, так как он только «нецензурно выражался в связи с ненадлежащими условиями содержания, размахивал руками. Он случайно задел рукой стоявшего рядом с ним сотрудника изолятора, намерений применить насилие в отношении него у него не было. Адвокат гр-на Ф. также настаивал на отсутствии насильственных действий в отношении сотрудника ФКУ СИЗО-4 УФСИН РФ, аргументируя это имеющейся в деле видео-записью, представленной в ходе судебного следствия» [10].

Ярким примером рассмотрим, когда умысел был направлен именно на дезорганизацию деятельности учреждений, исполняющих изоляцию от общества, является Приговор № 1-14/2021 от 13 июля 2021 года по делу № 1-14/2021 Яшкульского районного суда (Республика Калмыкия) по части 2 статьи 321 УК РФ [11], суть которого заключается в следующем – осужденный С.О. Опалев, находясь на территории общежития ФКУ ИК-2 Республики Калмыкия пос. Яшкуль, будучи в нетрезвом состоянии, нецензурно выражаясь по отношению администрации учреждения, настаивал на выдаче мобильного телефона, остальных осужденных к массовому неповиновению, выкрикивал в адрес администрации учреждения грубую нецензурную брань, а также то, что хочет, ослабления режима, предоставления телефонов, телевизоров, алкоголя, ежедневного похода в баню и заработной платы, обращался к другим осужденным с требованиями совершать массовые акты членовредительства в отношении себя и суицида, а также настаивал на их неподчинении администрации учреждения. Далее он устроил погром в общежитии, которому последовали другие осужденные, участвовавшие, в частности, в уничтожении и порче имущества, которое выразилось, в том числе, в разбитых окнах. Беспорядки длились в течение 3–4 часов. Данный инцидент, из которого явно следует, что умысел лиц, обвиняемых в совершении противоправных деяний, был направлен на дезорганизацию и произошел недавно в ФКУ ИК-2 УФСИН России по Республике Калмыкия. Так, 05 августа 2022 года в 22.20 в дежурную часть ИК-2 (п. Яшкуль, строгий режим) от оператора видеоконтроля поступил доклад о том, что в отряде № 8 СУОН, в котором содержалось 11 человек, зафиксировано передвижение одного осужденного с неизвестным предметом. Указанные осужденные самовольно преодолели локальное ограждение, разделяющее жилую зону от запираемых помещений, и

последовали в общежитие отрядов № 5, 6, где содержалось 105 человек. Никто из осужденных, находившихся в общежитии, противоправных действий не поддержали и даже тогда, когда двое осужденных (М.М. Антимогомедов и Д.И. Курамагомедов) забаррикадировали лестничный пролет между отрядами. Однако в ходе пресечения противоправных действий указанных осужденных – получили травмы 8 сотрудников ФКУ ИК-2 УФСИН России по Республике Калмыкия, причем к двум из них было применено насилие опасное для жизни, в результате которого один из них скончался в от полученных травм в больнице. На месте происшествия работала следственно-оперативная группа Яшкульского МСОСУ СК РФ по Республике Калмыкия. Изъята арматура кустарного производства в виде топорика, две заточенные металлические пластины [12]. По данному факту возбуждено уголовное дело по п.п. «б» и «ж» части 2 статьи 105 и часть 3 статьи 30, части 1 статьи 105 УК РФ и части 3 статьи 321 УК РФ – указывает Интернет источник со ссылкой на СУ СК по Республике Калмыкия [13]. Когда, в соответствии с пунктом 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года № 1 (в ред. от 03.03.2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», убийство сотрудника места лишения свободы или места содержания под стражей либо осужденного с целью

воспрепятствовать его исправлению или из мести за исполнение им общественной обязанности, совершенное лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы или содержащимся под стражей, надлежит квалифицировать, помимо соответствующей части статьи 105 УК РФ и по статье 321 УК РФ, предусматривающей ответственность за дезорганизацию нормальной деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества [14].

Обращает на себя внимание тот факт, что так по настоящее время отсутствуют разъяснения Пленума Верховного Суда РФ относительно практики применения статьи 321 УК РФ. Однако аналогичной статье 77.1 Уголовного кодекса РСФСР (введенной Законом РСФСР от 25.07.1962г.) было посвящено еще в 1985 году Постановление Пленум Верховного Суда СССР № 10 от 21.06.1985 г. (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 02.03.1989 № 1) «О судебной практике об уголовной ответственности за действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений».

Полагаем, что содержание диспозиции статьи 321 УК РФ требует переработки законодателем и при этом следовало бы обратиться к имеющемуся положительному опыту.

Литература:

1. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы январь–декабрь 2021г.: информационно-аналитический сборник. Тверь, 2022.
2. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.04.2021г. № 1138-р «О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года». URL : https://ppt.ru/http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610
3. Постановление Правительства РФ от 06.04.2018 года № 420 (ред. от 18.04.2022г.) «О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2030 годы)».
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996г. № 63-ФЗ (ред. 24.09.2022 г.). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=18tzrlgzgl699814009
5. *Ишигеев В.С.* Пенитенциарные преступления: характеристика, предупреждение, ответственность : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Красноярск, 2004. С. 30.
6. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г.
7. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 2008. С. 205.
8. Обобщение практики отмены и изменения приговоров при рассмотрении уголовных дел в

Literature:

1. The main indicators of the activity of the penitentiary system January-December 2021: information and analytical collection. Tver. 2022.
2. Decree of the Government of the Russian Federation № 1138-r dated 04/29/2021 «On the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030». URL : https://ppt.ru/http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated 06.04.2018 № 420 (ed. dated 18.04.2022) «On the federal target program «Development of the penal enforcement system (2018-2030)».
4. The Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of 13.06.1996 (as amended on 24.09.2022). URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=18tzrlgzgl699814009
5. *Ishigeev V.S.* Penitentiary crimes: characteristics, prevention, responsibility : abstract. dis. ... doct. jurid. sciences'. Krasnoyarsk, 2004. P. 30.
6. Criminal Code of the RSFSR 1960.
7. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. M., 2008. P. 205.
8. Generalization of the practice of cancellation and amendment of sentences when considering criminal

апелляционной инстанции Верховного Суда Республики Алтай в связи с ошибками, допускаемыми судами при применении уголовного и уголовно-процессуального закона за 12 месяцев 2018 года // Система ГАРАНТ (garant.ru).

9. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 09.09.2021 № 22-6811/2021 (Приговор: По ч. 2 ст. 321 УК РФ (дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества). Постановление: Приговор изменен). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610

10. Апелляционное определение от 24 сентября 2021 года по делу № 22-6307. URL : www.consultant.ru

11. Приговор № 1-14/2021 от 13 июля 2021 г. по делу № 1-14/2021 Яшкульского районного суда (Республика Калмыкия). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610

12. Донесение о происшествии в ФКУ ИК-2 УФСИН России по Республике Калмыкия.

13. Двое зеков устроили в колонии в Калмыкии резню с убитыми и ранеными. URL : <https://www.rostov.kp.ru/daily/27428.5/4628701>

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 09.02.1999 г., в «Библиотеке Российской газеты», № 8, 1999 г., в журнале «Российская юстиция», № 4, 1999 г. // Система ГАРАНТ (garant.ru).

cases in the appellate instance of the Supreme Court of the Altai Republic in connection with errors made by courts in the application of criminal and criminal procedure law for 12 months of 2018 // System GARANT (garant.ru).

9. Appeal resolution of the Krasnoyarsk Regional Court of 09.09.2021 № 22-6811/2021 (Sentence: According to Part 2 of Article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation (disorganization of the activities of institutions providing isolation from society). Resolution: The sentence has been changed). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610

10. Appeal ruling of September 24, 2021 in case № 22-6307. URL : www.consultant.ru

11. Verdict № 1-14/2021 of July 13, 2021 in case № 1-14/2021 of the Yashkul District Court (Republic of Kalmykia). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_383610

12. Report on the incident to the FКУ ИК-2 of the Federal Penitentiary Service of Russia in the Republic of Kalmykia

13. Two convicts staged a massacre with the dead and wounded in the colony in Kalmykia. URL : <https://www.rostov.kp.ru/daily/27428.5/4628701>

14. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 dated 27.01.1999 «On judicial practice in murder cases (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)» // Rossiyskaya Gazeta. 09.02.1999, in the «Library of the Russian newspaper», № 8, 1999, in the journal «Russian Justice», № 4, 1999 // System GARANT (garant.ru).

Гостев Сергей Сергеевич

кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
истории государства и права,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
dragon9006@list.ru

Левкина Екатерина Сергеевна

старший преподаватель кафедры
гражданского и трудового права,
гражданского процесса,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
elevkina2007@yandex.ru

Яцкова Анна Павловна

кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры
истории государства и права,
Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя
y1970@inbox.ru

**ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ
ИНСТИТУТА ПРАВ И СВОБОД
ПОДДАННЫХ В РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX В.**

■ ■ ■

Аннотация. В данной статье рассматриваются исторические и правовые условия формирования в Российской империи в начале XX в. института прав и свобод российских подданных. Анализируется правительственная политика накануне и в ходе первой русской революции, механизм законодательного закрепления института прав и свобод российских подданных. Конституционная реформа начала XX в., одной из целей которой являлось наделение российских подданных политическими и гражданскими правами, привела к модернизации российской государственности и правовой системы, формированию конституционного правосознания.

Ключевые слова: конституционная реформа, первая русская революция, народное представительство, институт прав и свобод гражданина, избирательные права, свобода слова и печати, свобода собраний и союзов.

■ ■ ■

Sergey S. Gostev

Candidate of Legal Sciences,
Senior Lecturer of the Department
the History of the State and Law,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya
dragon9006@list.ru

Ekaterina S. Levkina

Senior Lecturer of the Department
the Civil and Labor Law,
Civil Process,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya
elevkina2007@yandex.ru

Anna P. Yatskova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Professor of the Department
the History of the State and Law,
Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
named after V.Ya. Kikotya
y1970@inbox.ru

**HISTORICAL AND LEGAL
PREREQUISITES FOR THE FORMATION
OF THE INSTITUTE OF RIGHTS
AND FREEDOMS OF SUBJECTS
IN THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE EARLY TWENTIETH C.**

■ ■ ■

Annotation. This article examines the historical and legal conditions of the formation of the institute of rights and freedoms of Russian subjects in the Russian Empire at the beginning of the twentieth century. The author analyzes the government policy on the eve and during the first Russian revolution, the mechanism of legislative consolidation of the institution of rights and freedoms of Russian subjects. The constitutional reform of the beginning of the XX century, one of the goals of which was to endow Russian subjects with political and civil rights, led to the modernization of the Russian statehood and legal system, the formation of constitutional legal awareness.

Keywords: constitutional reform, the first Russian revolution, people's representation, institute of civil rights and freedoms, electoral rights, freedom of speech and press, freedom of assembly and unions.

■ ■ ■

Особое место в системе конституционных норм любого государства занимает институт, закрепляющий и регулирующий правовой статус личности. Согласно действующей Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. Формирование и становление прав и свобод человека и гражданина является результатом длительного исторического процесса, который отражает как общие тенденции развития данного правового института, так и учитывает национальные особенности. Конституционная реформа, проведенная в начале XX в. в Российской империи, привела к коренному обновлению государственного строя, и в том числе, к дарованию населению политических прав и свобод. Изначально реформы не входили в правительственную программу и явились порождением сложившейся внутренней ситуации начала XX в. Следует вспомнить речь Николая II 1895 г. в который он заявил, что «в последнее время слышались в нескольких земских собраниях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял мой незабвенный покойный Родитель» [5, с. 339]. По мнению современника событий, политического деятеля и публициста А.А. Кизеветтера, действия властей в условиях экономического и политического кризиса начала XX в. были непродуманными и не принесли желаемого результата в виде успокоения внутренней обстановки в стране: «все меры, направленные против освободительного движения, только подрывали авторитет власти. Решительный удар этому авторитету был нанесен русско-японской войной» [15]. Убийство в 1904 г. министра внутренних дел В.К. Плеве наглядно продемонстрировало правительству и Николаю II серьезность происходящих событий, однако и после этого самодержавие надеялось на сохранение доминанты в политической жизни страны [16]. Российский историк В. В. Шелохаев в своем труде «Либеральная модель переустройства России» отметил, что в начале XX века Россия переживала «системный кризис, где власть и стоящие за ней силы, вынужденные идти на реформы, стремятся сохранить (удержать) за собой максимум властных функций и собственности» [13]. Был выбран путь, который, как казалось власти, позволит сохранить существующее общественное и государственное устройство, придав ему новую правовую оболочку, которая позволит создать правовые основы и гарантии соблюдения гражданских прав и свобод. Начало было положено с внесения изменений в фабричное законодательство. 02 июня 1903 г. был издан Правила «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности», устанавливающие ответственность предпринимателей за увечья и смерть рабочих и выплату компенсации тем, кто пострадал [6]. 10 июня 1903 г. опубликован указ «Об учреждении старост в

промышленных предприятиях», согласно которому разрешалось организовывать рабочие собрания для выборов представителей – старост, которые имели право следить за «благоустройством и порядком», а также лоббировать интересы рабочих [7].

Назначенный министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский, заявил, что «административный опыт привел меня к глубокому убеждению, что плодотворность правительственного труда основана на искренно благожелательном и истинно доверчивом отношении к общественным и сословным учреждениям и к населению вообще. Лишь при этих условиях работы можно получить взаимное доверие, без которого невозможно ожидать прочного успеха в деле устройства государства» [14]. Осенью 1904 г. съезд земских и городских деятелей, солидаризуясь и поддерживая П.Д. Святополк-Мирского в деле проведения реформ, выдвинул резолюцию, в которой в качестве основных требований звучало обеспечить гарантии неприкосновенности личности, гражданское и политическое равноправие населения Российской империи, уравнивание крестьян в правах с другими сословиями, введение свободы вероисповедания и печати, расширение полномочий органов самоуправления и создание народного представительства.

Программа реформ П.Д. Святополк-Мирского в усеченном виде была воплощена в указе 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» [8]. На Комитет министров возлагалась обязанность по подготовке законодательной базы, которая бы ввела бы в действующий государственный строй правовые начала: «озаботиться изысканием мер для водворения законности, расширения свободы слова, веротерпимости, местного самоуправления, устранения излишних стеснений инородцев и всяких исключительных законов» [1].

18 февраля 1905 г. были изданы три нормативных акта, которые явились предтечей формирования высшего представительного органа в России – Государственной думы. В ходе обсуждения проектов министр внутренних дел А.Г. Булыгин, руководивший деятельностью Особого совещания, старался учесть мнение либеральных кругов российской общественности. Поэтому были отвергнуты предложения о создании народного представительства на местах или при министерствах, а также, как не удовлетворяющее историческим условиям, совещательное учреждение, которое собиралось бы по особым случаям для рассмотрения вопросов внутренней и внешней политики, по подобию Земских соборов периода сословно-представительной монархии [16]. Даже сам термин – Земский Собор – предлагавшийся некоторыми разработчиками, был отклонен как явный анахронизм [4]. Таким образом, созданная Особым совещанием законосовещательная с ограниченной компетенцией Государственная дума, избираемая на определенный срок, фактически олицетворяла ту форму представительства, которая предлагалась в правительственных проектах времен Александра II.

Одним из важнейших направлений проводимой правовой реформы явилось провозглашение свободы вероисповедания. 17 апреля 1905 г. указом «Об укреплении начал веротерпимости» любому совершеннолетнему российскому подданному было даровано право исповедовать любое христианское вероучение и были отменены все прошлые, не соответствующие новому постановлению, законы [9]. Были значительно расширены права старообрядческих и сектантских общин. В прессе указ получил оценку как «первой серьезной уступки в деле свободы духа» [12].

На основе Манифеста «Об учреждении Государственной Думы» 06 августа 1905 г. и ряда сопутствующих актов население России получило возможность избирать национальный орган народного представительства. Российское избирательное право не сильно отличалось от западноевропейских аналогов: были предусмотрены косвенные выборы, разделение избирателей по сословным куриям и высокий имущественный ценз, дающий возможность голосовать. Таки образом, избирательные права получил ограниченный круг лиц. В частности, к выборам не допускались женщины, учащиеся, кочевые инородцы и т.д. Был нарушен принцип презумпции невиновности.

Как отмечает советский историк Р.Ш. Ганелин, «булыгинский проект», которым то пугали, то прельщали Николая II, был безнадежно запоздалым, так как «требования широких оппозиционных кругов, претерпевая процесс значительной радикализации, давно и далеко оставили за собой ту меру уступок, которая была предметом спора на совещаниях в Петергофе и после него» [2].

Следующим этапом в формировании института прав и свобод российских подданных, несомненно, являлся Манифест 17 октября 1905 г. Следует отметить, что решающую роль в издании Манифеста сыграла Всероссийская политическая стачка, охватившая большую часть империи. Именно она послужила катализатором для последующего развития ситуации в стране, явилась

Литература:

1. *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2.
2. *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революция. СПб., 1991.
3. Гессен В.М. Новый избирательный закон / В.М. Гессен // Право. 1905. № 50.
4. *Кравец И.А.* Конституционализм и российская государственность в начале XX в. : учеб. пособие. М., 2000.
5. *Леонтович Л.Л.* История либерализма в России 1762–1914. М., 1995.
6. Полное Собрание Законов Российской Империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. 3. Т. XXIII. № 23060.

тем неотвратимым обстоятельством, которое способствовало отказу правительства от идеи как можно более полно сохранить традиционную структуру органов власти, ограничившись попыткой соединить неограниченную монархию с законосовещательной Думой. По мнению А.С. Тумановой, Манифест 17 октября 1905 г. «как акт, ликвидировавший политическое рабство» возможно сравнить с Манифестом 19 февраля 1861 г. «отменившим гражданское рабство» [12, с. 206]. Манифест предоставил населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [10]. Основная идея документа в области прав и свобод – права носят внесловный характер. Принципы, закрепленные Манифестом, получили свое законодательное оформление в серии Временных правил от 04 марта 1906 г. [11].

Изданное 11 декабря 1905 г. новое Положение о выборах в Государственную Думу, сохранив принцип куриальных и многостепенных выборов, позаимствованный из земской избирательной системы, все же предоставило избирательные права рабочим и расширило круг избирателей в городской курии за счет снижения имущественного ценза [15, с. 105]. По мнению В.М. Гессена, введенные новеллы позволяют сделать заявление о том, что «русская избирательная система приближается к системе всеобщего избирательного права» [3, с. 3963].

Свод Основных Государственных законов Российской империи в редакции 23 апреля 1906 г. окончательно закрепил институт прав и свобод российских подданных. Впервые в Основные Государственные законы была введена глава 8, посвященная правам и обязанностям российских подданных. Таким образом, новая редакция Основных государственных законов явилась логическим завершением процесса объективации и легитимации прав и свобод российских подданных в начале XX в.

Literature:

1. *Witte S.Y.* Memoirs. M., 1960. Vol. 2.
2. *Ganelin R.S.* Russian autocracy in 1905. Reforms and revolution. SPb., 1991.
3. *Hessen V.M.* New electoral law / V.M. Hessen // Pravo. 1905. № 50.
4. *Kravets I.A.* Constitutionalism and Russian statehood in the early twentieth century : textbook. M., 2000.
5. *Leontovich L.L.* The History of liberalism in Russia 1762–1914. M., 1995.
6. The Complete Collection of Laws of the Russian Empire (hereinafter – PSZ RI). Sobr. 3. Vol. XXIII. № 23060.

7. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXIII. № 23122.
 8. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXIV. № 25495.
 9. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXV. № 26125.
 10. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXV. № 26805.
 11. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXVI. № 27479; ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXVI. № 27480.
 12. *Туманова А.С.* Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX – начала XX века / А.С. Туманова, Р.В. Киселев. М., 2011.
 13. *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996.
 14. *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М. : РОССПЭН, 2007.
 15. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 4-й доп. Полутом. Россия. СПб., 1907. С. LXXXIX.
 16. *Яцкова А.П.* Основные государственные законы Российской империи 23 апреля 1906 г. – первая российская конституция : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001.
7. PSZ RI. Comp. 3. Vol. XXIII. № 23122.
 8. PSZ RI. Comp. 3. Vol. XXIV. № 25495.
 9. PSZ RI. Comp. 3. Vol. XXV. № 26125.
 10. PSZ RI. Comp. 3. Vol. XXV. № 26805.
 11. PSZ RI. Comp. 3. Vol. XXVI. № 27479; PSZ. Comp. 3. Vol. XXVI. № 27480.
 12. *Tumanova A.S.* Human rights in legal thought and lawmaking of the Russian Empire of the second half of the XIX – early XX century / A.S. Tumanova, R.V. Kiselyov. M., 2011.
 13. *Shelokhaev V.V.* Liberal model of the reconstruction of Russia. M., 1996.
 14. *Shipov D.N.* Memories and thoughts about the past. M. : ROSSPEN, 2007.
 15. Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron. 4th add. Half volume. Russia. SPb., 1907. P. LXXXIX.
 16. *Yatskova A.P.* Basic state laws of the Russian Empire April 23 1906 – the first Russian Constitution : dis. ... cand. of law sciences. M., 2001.

Гусева Ирина Ивановна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовно-процессуального права
и криминалистики
юридического факультета,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
guseva-ir@mail.ru

Irina I. Guseva

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure Law
and Criminalistics of the Faculty of Law,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
guseva-ir@mail.ru

**ЦИФРОВИЗАЦИЮ УГОЛОВНОГО
ПРОЦЕССА РАСШИРЯТЬ НЕЛЬЗЯ
ОТСРОЧИТЬ _ ГДЕ СТАВИТЬ ЗАПЯТЫЮ?**

Аннотация. Анализируются предпосылки и возможность распространения цифрового контента в уголовно-процессуальной деятельности. Исследуются мнения ученых по проблемным вопросам применения искусственного интеллекта на этапе принятия сообщений о преступлении, внедрения электронного уголовного дела, использования видеоконференций при проведении следственных действий. Делается вывод о необходимости преодоления отставания от цифровой реальности, ее законодательного закрепления на каждом из этапов уголовного процесса и продвижении современных технологических разработок с целью создания медиапространства, удовлетворяющего требованиям усовершенствованного уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: цифровые технологии, доступ к правосудию, заявление о преступлении, информационная безопасность, электронное уголовное дело, видеоконференция в ходе следственного действия; права граждан.

Глобальная цифровизация мирового пространства во всех сферах жизнедеятельности побуждает принимать меры к предоставлению новых возможностей применения электронных интегрированных систем и видеотехнологий в уголовно-процессуальной деятельности.

Отставание российского уголовно-процессуального законодательства от, все больше набирающей скорость цифровизации общественного пространства, порождает множество предложений по его реформированию. Предлагаемые направления затрагивают в той или иной степени все стадии уголовного процесса. Небезосновательно особое внимание многими исследователями уделяется досудебному производству, где применение цифровых технологий уголовно-процессуальным кодексом пока не предусмотрено. А именно, на стадии возбуждения уголовного дела может

**DIGITALIZATION OF THE CRIMINAL
PROCESS CANNOT BE DELAYED _
WHERE TO PUT A COMMA?**

Annotation. The prerequisites and the possibility of distributing digital content in criminal procedural activities are analyzed. The opinions of scientists on problematic issues of the use of artificial intelligence at the stage of receiving reports about a crime, the introduction of electronic criminal proceedings, the use of videoconferencing during investigative actions are investigated. The conclusion is made about the need to overcome the lag behind digital reality, its legislative consolidation at each stage of the criminal process and the promotion of modern technological developments in order to create a media space that meets the requirements of improved criminal procedure legislation.

Keywords: digital technologies; access to justice; crime statement; information security; electronic criminal case; video conference during the investigation; citizens' rights.

быть реализовано одно из конституционных прав граждан – доступ к правосудию.

Говоря о технологическом прогрессе на этапе поступления повода к возбуждению уголовного дела, в научных кругах обсуждается вопрос о преимуществах укоренения возможности подачи заявления о преступлении в электронной форме. Отправной точкой цифровизации в уголовном процессе, по справедливому мнению Ю. Новолодского, должны стать отношения, иницилирующие процесс уголовного преследования [1]. Л.А. Воскобитова высказывает мнение о целесообразности создания единого портала «Сообщение о совершенном преступлении», предлагая отдельные ограничения его использования в целях обеспечения безопасности сведений, содержащихся в информации [2, с. 42–43]. О необходимости создания единой электронной системы,

объединяющей все правоохранительные органы, обеспечивающие доступ к правосудию заявляли и другие ученые.

Зарубежный опыт применения цифрового контента на первоначальном этапе в большинстве своем показал положительные результаты. С.В. Зуев, А.А. Собенин и другие авторы констатируют успешное применение электронного формата принятия и регистрации заявлений о преступлениях в республике Казахстан, обращая внимание на невозможность удаления сообщения, поданного в электронной форме, а также его сокрытия от регистрации [3, с. 121; 4, с. 269–272; и др.]. Ряд авторов, анализируя плюсы и минусы использования онлайн-сервисов подачи сообщений о преступлениях и представлении доказательств в электронные уголовные дела, делают выводы об эффективности доступа граждан к правосудию и его прозрачности [5, с. 236–240; 6, с. 214–224].

Целесообразность и перспективность медиа-продуктов, в том числе, на этапе подачи заявления о преступлении, не вызывает сомнения. Кроме заявлений граждан о преступных посягательствах, оправданным будет через этот же портал осуществление доставки постановления прокурора об обнаружении признаков преступления (п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ) или материалов о налоговых и иных преступлениях, выявленных должностными лицами органа, осуществляющего контрольно-надзорные функции (ч. 8 ст. 144 УПК РФ) [7, с. 98–99].

Аналогичная методика успешно работает на официальных сайтах различных ведомств, например, федеральной налоговой службы, пенсионного фонда, банков России и других органов. В то же время, внедрение новых технологий на начальном этапе уголовного процесса требует более серьезных разработок технического характера, способного обеспечить не только идентификацию личности, получение электронной подписи, разъяснение ответственности за заведомо ложный донос, уведомление о принятии и регистрации заявления, но и отсеивать явно недостоверную информацию, разграничивать сообщения об уголовно-правовых конфликтах от сведений о других правонарушениях или гражданских правоотношениях, давать предварительную квалификацию, направлять сообщение в соответствующий орган расследования и прочее. Кроме того, особое внимание должно быть уделено обеспечению информационной безопасности и защите персональных данных.

Процессуалистами давно обсуждается вопрос о возможности снижения бюрократических нагрузок при оформлении процессуальных и следственных действий, за счет их фиксации с помощью аудио-видео техники, внедрения электронного документооборота, способного ускорить передачу и обмен информацией. Суждения о возможности замены бумажного носителя следует признать соответствующими вызовам современности. В этой связи, заслуживают внимания предложения о внедрении в уголовный процесс

«электронного уголовного дела» [8, с. 41–44; 9, с. 6–10 и др.].

С.В. Зуев, рассматривая плюсы и минусы уголовного дела в цифровом формате, указывает на угрозы обеспечения информационной безопасности, возможности фальсификаций, ущемления прав участников судопроизводства, стирания граней между информацией и доказательствами, посягательства на стереотипы уголовно-процессуального познания, кадровых проблем, больших затрат на техническое перевооружение. В то же время, он констатирует невозможность ухода от существующей действительности, предлагая законодательное закрепление принятых прогрессивных технологий [9, с. 7–10].

В научных кругах дискутируется вопрос о целесообразности расширения возможности использования видеоконференций при проведении следственных действий в досудебном производстве. Большинство авторов, поддерживающих позицию допустимости поведения следователем, дознавателем следственных действий в удаленном формате, называют допрос и очную ставку. С.П. Щерба, Е.А. Архипова видят перспективы в законодательном закреплении применения удаленных технологий и при производстве предъявления для опознания, освидетельствования, следственного эксперимента и проверки показаний на месте [10, с. 56]. Видеоконференция в ходе опознания и освидетельствования имеет своих сторонников, обосновывающих преимущества такой формы. Оппоненты, напротив считают, что подобный порядок не вписывается в теорию доказывания [11, с. 23].

Существующие в уголовно-процессуальном праве основные понятия и положения представляют собой определенные догмы, сформировавшиеся за достаточно продолжительный исторический период и отражающие развитие общественных процессов. Сложившиеся уголовно-процессуальные традиции нельзя рассматривать как беспочвенные предписания правотворчества или произвольные юридические формы, которые могут быть наполнены любым содержанием, на что указывает Л.Н. Масленникова [12, с. 155]. Поэтому любые преобразования правового регулирования уголовно-процессуальных норм не должны разрушать общую систему элементов, необходимых для разрешения уголовно-правового конфликта и устанавливающих процедурные требования для возникающих при этом взаимоотношений между субъектами. Назревшая необходимость внедрения на досудебном отрезке уголовно-процессуальной действительности цифровых технологий предполагает поэтапный и системный характер, который, однако, не терпит отлагательства.

Разработка программных алгоритмов и модернизация законодательной базы должны проходить параллельно. Создание рабочей группы по оптимизации действующего уголовно-процессуального кодекса, с включением в нее IT-специалистов, могло бы ускорить процесс обновления правовых норм. Начальный этап совершенствования должен включать внесение дополнений и

отдельных изменений в нормы закона, касающихся подачи заявления о преступлении в электронной форме, установления оснований и условий для применения видеоконференции, определения перечня следственных и процессуальных действий, при производстве которых допустимо использование удаленного контента, регламентации порядка электронного документооборота по уголовному делу. Уже сейчас необходимо преобразование системы подготовки кадрового потенциала, способного на качественном уровне обучать действующих сотрудников и новичков методам применения новых технологий в уголовном процессе.

Литература:

1. *Новолодский Ю.* Цифровизация уголовного судопроизводства. URL : <https://parf.ru/polemic/opinions/tsifrovizatsiya-ugolovno-sudoproizvodstva> (дата обращения 10.09.2022).
2. *Воскобитова Л.А.* Использование функционального подхода для цифровизации уголовного судопроизводства / Л.А. Воскобитова // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10. С. 34–51.
3. *Зуев С.В.* Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы / С.В. Зуев // Сибирский юрид. вестник. 2018. № 4(83). С. 118–123.
4. *Собенин А.А.* Актуальные вопросы регистрации заявлений и сообщений о преступлениях в условиях развития цифровых технологий / А.А. Собенин // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2919. № 4. С. 266–273.
5. *Вилкова Т.Ю.* Досудебное производство в условиях развития цифровых технологий в России и за рубежом: сравнительный анализ / Т.Ю. Вилкова // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции. XVI Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): Материалы конференции : в 3 ч. М. : РГ-Пресс, 2019. Ч. 3. С. 236–240.
6. *Масленникова Л.Н.* Опыт цифровизации уголовного судопроизводства Федеративной Республики Германия и возможности его использования при цифровизации уголовного судопроизводства России / Л.Н. Масленникова, Т.Е. Сушина // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 214–224.
7. *Гусева И.И.* Поводы к возбуждению уголовного дела: перспективы расширения и цифровизации / И.И. Гусева, В.Н. Зубков // Modern Science. 2022. № 4-1. С. 96–99.
8. *Познанский Ю.Н.* Электронное уголовное дело в решении проблемы расследования уголовного дела в разумные сроки / Ю.Н. Познанский // Труды академии управления МВД России. 2015. № 1(33). С. 41–44.

Цифровая трансформация мирового пространства и расширение возможностей применения во многих сферах искусственного интеллекта в недалеком будущем приведет к юридическому переосмыслению наполняемости традиционных уголовно-процессуальных процедур новым содержанием с использованием цифровых возможностей. Этот этап будет предполагать не только корректировку законодательных норм и имплантацию новых научных технологий, но, возможно, и перестройку досудебной стадийности, а также ее содержания, не нарушая принципы уголовного судопроизводства.

Literature:

1. *Novolodsky Y.* Digitalization of criminal proceedings. URL : <https://parf.ru/polemic/opinions/tsifrovizatsiya-ugolovno-sudoproizvodstva>
2. *Voskobitova L.A.* The use of a functional approach for digitalization of criminal proceedings / L.A. Voskobitova // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSLA). 2020. № 10. P. 34–51.
3. *Zuev S.V.* Digital environment of criminal proceedings : problems and prospects / S.V. Zuev // Siberian Jurid. herald. 2018. № 4(83). P. 118–123.
4. *Sobenin A.A.* Topical issues of registration of statements and reports on crimes in the context of the development of digital technologies / A.A. Sobenin // Vestnik VSU. Series: Law. 2919. № 4. P. 266–273.
5. *Vilkova T.Y.* Pre-trial proceedings in the context of the development of digital technologies in Russia and abroad: comparative analysis / T.Y. Vilkova // Russian legal system in the conditions of the Fourth Industrial Revolution. XVI International Scientific and Practical Conference (Kutafin readings): Conference materials : in 3 parts. M. : RG-Press, 2019. Part 3. P. 236–240.
6. *Maslennikova L.N.* The experience of digitalization of criminal proceedings of the Federal Republic of Germany and the possibility of its use in the digitalization of criminal proceedings in Russia / L.N. Maslennikova, T.E. Sushina // Actual problems of Russian law. 2020. № 6. P. 214–224.
7. *Guseva I.I.* Reasons for initiating a criminal case: prospects for expansion and digitalization / I.I. Guseva, V.N. Zubkov // Modern Science. 2022. № 4-1. P. 96–99.
8. *Poznansky Yu.N.* Electronic criminal case in solving the problem of investigating a criminal case in a reasonable time / Yu.N. Poznansky // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. № 1(33). P. 41–44.

9. Зуев С.В. Электронное уголовное дело: за и против / С.В. Зуев // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4(19). С. 6–12.

10. Щерба С.П. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: опыт, проблемы, перспективы : монография / С.П. Щерба, Е.А. Архипова. М. : Юрлитинформ, 2016. 216 с.

11. Овчинникова О.В. Перспективы использования видео-конференц-связи в электронном судопроизводстве / О.В. Овчинникова // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 4(19). С. 21–25.

12. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию») : монография / Отв. ред. Л.Н. Масленникова. М. : Норма : ИНФРА-М, 2022. 664 с.

9. Zuev S.V. Electronic criminal case: pros and cons / S.V. Zuev // Law and order: history, theory, practice. 2018. № 4(19). P. 6–12.

10. Shcherba S.P. The use of videoconferencing in criminal proceedings in Russia and foreign countries: experience, problems, prospects : monograph / S.P. Shcherba, E.A. Arkhipova. M. : Yurlitinform, 2016. 216 p.

11. Ovchinnikova O.V. Prospects of using video conferencing in electronic court proceedings / O.V. Ovchinnikova // Law and order: history, theory, practice. 2018. № 4(19). P. 21–25.

12. The concept of building criminal proceedings that provide access to justice in the context of the development of digital technologies (GAS «Access to Justice») : monograph / Ed. by L.N. Maslennikov. M. : Norma : INFRA-M, 2022. 664 p.

Зеленский Владимир Дмитриевич

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры криминалистики,
руководитель магистерских
программ юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
juristic@kubsau.ru

Корчагин Александр Юрьевич

доктор юридических наук,
профессор,
профессор кафедры криминалистики,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
crimkubgau@mail.ru

**О КОНКРЕТИЗАЦИИ ПРЕДМЕТА
СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА
УГОЛОВНЫХ ДЕЛ**



Аннотация. Изложен процесс конкретизации обстоятельств предмета расследования судьей по уголовному делу. Особое внимание уделено содержанию взаимосвязи результатов расследования и судебного разбирательства, процессу целеопределения в уголовном судопроизводстве. Даны краткие характеристики процесса изучения обстоятельств предмета расследования. Изложен процесс целеопределения в расследовании, факторы, влияющие на качественное его изучение судьей. Уделено внимание рекомендациям по проверке оправдательных обстоятельств.

Ключевые слова: организация расследования, целеопределение, предмет расследования, предмет судебного разбирательства, обстоятельства предмета доказывания.



Расследование и судебное разбирательство уголовных дел являются взаимосвязанными частями уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальная регламентация процесса взаимосвязи этих частей в целом позволяет их успешному сочетанию.

Не менее сложной и ответственной является взаимосвязь содержательной стороны расследования с организацией, тактикой судебного следствия и всего судебного рассмотрения уголовного дела. Взаимосвязь результатов досудебного следствия и судебного разбирательства осуществляется по различным направлениям и возникает ряд уголовно-процессуальных, организационных, криминалистических и других вопросов.

Vladimir D. Zelensky

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department of Criminology,
Head of the Master's Programs
of the Faculty of Law,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
juristic@kubsau.ru

Alexander Yu. Korchagin

Doctor of Law,
Professor,
Professor of the Department of Criminology,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
crimkubgau@mail.ru

**ON THE SPECIFICATION
OF THE SUBJECT MATTER
OF THE TRIAL CRIMINAL CASES**



Annotation. The process of specification of circumstances of a subject of investigation by a judge in a criminal case is stated. Special attention is given to the content of interrelation of results of investigation and court proceedings, process of goal setting in criminal proceedings. Brief characteristics of the circumstances of the investigation process are given.

Keywords: organisation of investigation, goal-determination, the subject of investigation, the subject of the trial, the circumstances of the subject of evidence.



Если говорить о содержательной стороне соотношения результатов расследования и организацией судебного разбирательства уголовного дела, то основная сложность состоит в изучении и оценке судьей материалов расследования для подготовки всестороннего исследования их в процессе судебного заседания. При этом необходимо учитывать ряд факторов, влияющих на указанный процесс.

Следователь в ходе расследования приходит к выводу о доказанности обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ. В обвинительном заключении он обосновывает свои выводы собранными доказательствами.

Судья, получив от прокурора уголовное дело, с естественной осторожностью относится к выводам следователя, полагая их, как известно, версией обвинения. Другое дело, что эти выводы судья обязан исследовать, т.е., проверить их обоснованность.

Полагаем, что основное в рассматриваемом процессе – это выявление соответствия действий следователя и всего расследования в целом требованиям уголовно-процессуального закона о доказанности обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу.

Безусловно, в содержании рассматриваемого процесса важную роль занимает организационно-методические вопросы и, прежде всего, конкретизация предмета судебного разбирательства.

Как известно, обстоятельства предмета расследования (ст. 73 УПК РФ) могут устанавливаться в ходе расследования прямыми доказательствами и без особых затруднений или в ходе поиска и выявления промежуточных фактов, посредством собирания косвенных доказательств. Обстоятельства, входящие в предмет доказывания, и промежуточные факты в совокупности образуют предмет расследования [2, с. 12–13; 9, с. 172, 173, 177]. Предмет расследования является объектом расследования как деятельности. Его полное определение следователем является первым обязательным условием полноты, законности расследования.

Расследования по степени криминалистической сложности делятся на простые, усложненные, сложные и особо сложные [3, с. 26–34]. Определение следователем предмета всех видов расследования (кроме простых) представляет собой систему взаимосвязанных интеллектуальных процессов. В кратком изложении это целеопределение, т.е., определение возможных промежуточных фактов, преимущественно на первоначальном этапе расследования.

Известно, что обстоятельства, подлежащие доказыванию, указаны в законе (ст. 73 УПК РФ) и устанавливаются либо прямыми доказательствами, либо посредством выявления и исследования промежуточных фактов. В ходе расследования строятся следственные версии. Из каждой версии выводятся логические следствия – сведения о фактах, которые должны существовать при условии, что данная версия верна. Методика расследования, как часть криминалистики, разрабатывает этот процесс и дает рекомендации по содержанию типичных промежуточных фактов, которые должны существовать при совершении определенного вида преступлений в типичной обстановке и в определенной сфере социальной деятельности [4, с. 51–53].

Изложенные основные сведения о содержании целеопределения в уголовном судопроизводстве дают представление об известной сложности этого интеллектуального процесса. Его качественное осуществление зависит от ряда факторов. К числу основных из них относится

профессионально-психологический уровень следователя и условия расследования. Как видим, первый фактор содержит определенную долю субъективизма, поэтому существует возможность утраты сведений о логических следствиях. Результаты такого негативного явления могут влечь различные последствия, в том числе серьезные.

Мы уделяем внимание вопросу выявления промежуточных фактов потому, что сущность данного организационно-аналитического процесса существенно не меняется при его осуществлении в последующем судьей, когда он изучает материалы дела и исследует их в судебном заседании. Как показывает многолетняя практика изучения данной проблемы авторами, типичные ошибки и упущения следователями в процессе целеопределения повторяются в настоящее время [7, с. 14–19].

Конкретизация предмета расследования представляет собой систему организационно-аналитических процессов, направленных на изучение первичной информации, выявленных (известных) обстоятельств предмета доказывания, на построение следственных версий, выведения из них логических следствий и определения промежуточных фактов, обосновывающих обстоятельств события.

Судья должен изучить процесс целеопределения, осуществленный следователем, с целью получения вывода о его обоснованности или выявления ошибок и упущений. В рассматриваемой деятельности по изучению материалов уголовного дела выделяется и изучение процесса получения следователем доказательств, т.е., деятельности следователя, прежде всего, на первоначальном этапе расследования.

В конкретизации предмета судебного разбирательства важное значение имеет изучение, анализ определенных обстоятельств, о которых заявляет обвиняемый (затем подсудимый) и сторона защиты в целом.

В ходе анализа доказательств повышенное внимание должно уделяться содержанию и результатам расследования преступлений, совершенных в условиях неочевидности, т.е., при отсутствии свидетелей. В таких расследованиях установление обстоятельств предмета доказывания, особенно виновности лица, осуществляется, в основном, посредством выявления и исследования промежуточных фактов, т.е., косвенных доказательств. Расследование преступлений, совершенных в условиях неочевидности имеет определенные особенности. Строятся следственные версии о личности преступника, проводятся следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия. Обычно это система взаимосвязанных действий, образующих тактическую операцию. Типичными в таких ситуациях являются тактические операции «Проверка причастности к совершению преступления определенного лица» (подозреваемого) и тактические операции «Изобличение обвиняемого». В зависимости от характера преступления и криминалистической сложности расследования, таких тактических

операций может быть несколько. Судья должен изучить и верно оценить как криминалистическую грамотность действия следователя, так и обоснованность его выводов о виновности. Речь идет, разумеется, не о решении, а об отсутствии в материалах дела данных, противоречащих выводам следователя о виновности, об очевидных упущениях и противоречиях, то есть о возможности слушать данное уголовное дело.

Качественное целеопределение возможно при исследовании судьей научно-практических рекомендаций по собранию, исследованию, оценке доказательств. Безусловно, необходимым является знание судьей организационно-методических рекомендаций в расследовании отдельных видов преступлений.

Особое внимание уделяется проверке оправдательных обстоятельств. Имеется в виду оправдательные обстоятельства, исключающие уголовную ответственность: алиби, необходимая оборона и другие. Оправдательные обстоятельства выявляются чаще на первоначальном этапе расследования. Сведения о них являются, в основном, подозреваемыми, обвиняемыми.

Криминалистической методикой разработаны научно-практические рекомендации по проверке наиболее распространенных оправдательных обстоятельств [5]. Например, проверка алиби включает допрос лица, заявившего об этом обстоятельстве по определенным правилам: с выбором точки отсчета [6, с. 146–150] и последовательного детального выяснения событий и явлений в заданном отрезке пространства и времени; выяснение не только сведений у других лиц, но и проверки этих сведений и обстоятельств формирования их содержания; в выявлении и проверке отражения событий в документах или иных средствах материальной фиксации и других [6, с. 146–150]. Вышесказанное аргументированное мнение о методах предвосхищения алиби и действиях, нейтрализующих будущее ложное алиби [1, с. 47–48], и другие рекомендации. Располагая знаниями об изученной методике, необходимо изучить содержание проверки алиби и проверить полноту проверки и обоснованность вывода об опровержении оправдательного обстоятельства.

Целеопределение сопряжено с планированием расследования. В результате, образуется структура расследования как деятельности, которую изучает судья при изучении материалов дела. В ней обязательно изучаются следующие элементы:

- предмет расследования, полнота его определения следователем;
- перечень следственных действий и характер их сочетания;
- полнота и всесторонность исследования (доказанность) обстоятельств предмета доказывания, виновности лица.

Используя как образец научно обоснованную структуру и модель расследования с реальной по

данному уголовному делу, судья формирует свой вывод о возможности рассмотрения уголовного дела.

Содержанием вывода судьи могут быть:

- результаты расследования научно обоснованы и должны составлять предмет судебного разбирательства по уголовному делу;
- в системе расследования есть ошибки и упущения, которые либо не влияют на обоснованность вывода обвинительного заключения, а потому могут быть восполнены в ходе предстоящего судебного следствия;
- недостатки расследования препятствуют рассмотрению уголовного дела.

В последнем случае умственная деятельность судьи имеет целью выявить:

- какие сведения о фактах могли существовать в данном случае;
- проверялись ли в ходе расследования эти сведения;
- какие сведения о фактах противоречат выводам обвинения, проверялись ли они и опровергнуты ли.

На основе изложенного, судья может строить судебные версии о событии в целом или его отдельных обстоятельствах, что изменяет предмет расследования и формирует (конкретизирует) предмет судебного разбирательства [8, с. 70–71].

Данные нашего изучения практики показывают, что, чаще всего (в 79 % случаев), складывается ситуация, когда судья с большой долей вероятности допускает возможность положений обвинительного заключения вместе с тем, предполагается один или несколько вариантов существования отдельных обстоятельств предмета расследования.

На качество изучения судьей результатов расследования влияют следующие основные факты:

- знание судьей криминалистической характеристики расследования и содержания предмета целеопределения;
- обоснованность вывода об определении следователем предмета расследования.

Таким образом, сочетание материалов досудебного следствия и процесса изучения судьей предмета расследования состоит в раздельном изучении этих двух объектов интеллектуальной деятельности, в выявлении возможных недостатков и упущений, и формирования вывода о возможности решения вопроса о судебном разбирательстве.

Полагаем, что изложенная методика конкретизации предмета судебного разбирательства будет влиять на нейтрализацию возможных судебных ошибок.

Литература:

1. *Баев О.Я.* Предвосхищающая проверка возможных версий со стороны защиты / О.Я. Баев // Качество расследования: криминалистические и уголовно-процессуальные проблемы: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2016. С. 47–48.
2. *Зеленский В.Д.* Организация расследования преступлений. Ростов-н/Д., 1989. С. 12–13.
3. *Зеленский В.Д.* Теоретические вопросы организации расследования преступлений. Краснодар, 2011. С. 26–34.
4. Криминалистические проблемы качества расследования преступлений : учеб. пособие / В.Д. Зеленский, С.А. Куемжиева, А.Ю. Корчагин [и др.]. Краснодар, 2020. С. 51–53.
5. *Зеленский В.Д.* Получение, проверка и оценка в процессе расследования данных, оправдывающих обвиняемого. Саратов, 1972.
6. *Зеленский В.Д.* Организация проверки алиби / В.Д. Зеленский // Отечественная криминалистика: вчера, сегодня, завтра. Сборник научных статей. М., 2020. С. 146–150.
7. *Бахтеев Д.В.* Концептуальные основы теории криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений : автореф. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 14–19.
8. *Корчагин А.Ю.* Основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел. М., 2009. С. 70–71.
9. *Куемжиева С.А.* Методика расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних. М., 2018. С. 172, 173, 177.

Literature:

1. *Baev O.Ya.* Anticipatory verification of possible versions by the defense / O.Ya. Baev // Quality of investigation: criminalistic and criminal procedural problems: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2016. P. 47–48.
2. *Zelensky V.D.* Organization of crime investigation. Rostov-on/D., 1989. P. 12–13.
3. *Zelensky V.D.* Theoretical issues of the organization of crime investigation. Krasnodar, 2011. P. 26–34.
4. Criminalistic problems of the quality of crime investigation : textbook / V.D. Zelensky, S.A. Kuemzhieva, A.Yu. Korchagin [et al.]. Krasnodar, 2020. P. 51–53.
5. *Zelensky V.D.* Receipt, verification and evaluation during the investigation of data justifying the accused. Saratov, 1972.
6. *Zelensky V.D.* Organization of alibi verification / V.D. Zelensky // Domestic criminalistics: yesterday, today, tomorrow. Collection of scientific articles. M., 2020. P. 146–150.
7. *Bakhteev D.V.* Conceptual foundations of the theory of criminalistic thinking and the use of artificial intelligence systems in the investigation of crimes : abstract of the doctor of law. Yekaterinburg, 2022. P. 14–19.
8. *Korchagin A.Yu.* Fundamentals of forensic support for the trial of criminal cases. M., 2009. P. 70–71.
9. *Kuemzhieva S.A.* Methods of investigating crimes against the family and minors. M., 2018. P. 172, 173, 177.

Зехов Батыр Зурабович

аспирант кафедры криминалистики
и правовой информатики
юридического факультета
имени А.А. Хмырова,
Кубанский государственный университет
zehov_batyr_01@mail.ru

Batyr Z. Zekhov

Postgraduate Student
of the Department of Criminalistics
and Legal Informatics Faculty of Law
named after A.A. Khmyrova,
Kuban State University
zehov_batyr_01@mail.ru

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ СУДЕБНЫХ ПРИГОВОРОВ

TO THE QUESTION OF THE RELIABILITY OF JUDGMENTS

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу проблемы достоверности приговора суда. Обращается внимание на различные подходы законодателя к описанию достоверности доказательств в процессуальных отраслях российского права и отсутствие легально установленного требования достоверности к итоговому акту, принятому в результате рассмотрения дела по существу. Рассмотрено соотношение понятий «достоверность доказательства» и «достоверность приговора», в результате чего сделан вывод о том, что последняя не складывается только лишь из совокупности отдельно взятых достоверных доказательств. Приводятся различные подходы к оценке достоверности приговора – по содержанию и формальному критерию.

Ключевые слова: достоверность доказательства, достоверность приговора, внутреннее убеждение судьи, состояние доказанности.

Annotation. This article is devoted to the analysis of the problem of the reliability of the court verdict. Attention is drawn to the different approaches of the legislator to the description of the reliability of evidence in the procedural branches of Russian law and the absence of a legally established requirement of reliability to the final act adopted as a result of the consideration of the case on the merits. The relationship between the concepts of «reliability of evidence» and «reliability of the sentence» is considered, as a result of which it is concluded that the latter does not consist only of the totality of individual reliable evidence. Various approaches to assessing the reliability of the sentence are given – according to the content and formal criteria.

Keywords: credibility of evidence, credibility of sentence, judge's inner conviction, state of proof.

Достоверность в науках криминального цикла упоминается в контексте правильности доказательства по существу и, как отмечает Г.М. Резник, определяется через комплексный анализ источника фактических данных и хода формирования доказательства с учетом информации, относящейся к одному и тому же факту, полученной из других процессуальных источников [9, с. 13]. Вместе с достоверностью подлежат оценке судом: допустимость – характеризует доказательство по форме и относимость (качественная его составляющая) – отражает его связь с подлежащим установлению фактом.

Российское процессуальное законодательство закрепляет необходимость анализа доказательств с учетом вышеназванных требований, однако объем их легального описания в различных кодексах не тождественен. Примечательно, что в ГПК РФ на уровне одноименных отдельных статей (59 и 60) дается краткая характеристика относимости и допустимости, в то время как содержание достоверности доказательства не раскрывается и структурно законодателем не обособлено. В свою очередь, УПК РФ, хотя и указывает в ст. 88 на необходимость оценки доказательств через призму относимости, допустимости и

достоверности, определяет критерии их соответствия только допустимости (ст. 75).

Особый интерес представляет ст. 71 АПК РФ, которой установлено: если в результате проверки и исследования доказательства выясняется соответствие содержащихся в нем сведений действительности, оно признается достоверным. Аналогичное, по сути, правовое предписание содержится в ст. 84 КАС РФ.

Как нам представляется, достоверность доказательства, будучи правовой категорией, требует однозначного толкования и восприятия на практике, поэтому следует придерживаться подхода арбитражного процессуального законодательства, а также – правил административного судопроизводства. При этом следует признать, что, вне зависимости от наличия либо отсутствия законодательного описания достоверности в конкретной отрасли процессуального права, она выступает одним из необходимых свойств доказательства, позволяющих суду разрешить дело по существу. В то же время, требование достоверности принимаемого судом акта легально не установлено. Так, ч. 1 ст. 297 УПК РФ указывает на законность, обоснованность и справедливость

приговора. Вместе с тем, выводы, содержащиеся в нем, безусловно, должны соответствовать действительности.

При первом приближении можно предположить, что точно установленные отдельные факты определяют вывод и о достоверном разрешении дела. Например, случай наступления смерти пациентки Х. после дренирования плевральной полости врачом А., оказывающим ей медицинскую помощь, органы предварительного расследования квалифицировали по ч. 2 ст. 109 УК РФ. Однако суд установил, что внутреннее кровоизлияние у Х. имело место еще до осмотра А. Выбранная последним тактика и методика оказания врачебной помощи соответствовала состоянию больной и установленным медицинским стандартам, что не ставилось под сомнение специалистами и заключениями экспертиз. В итоге, А. был оправдан [11].

Таким образом, достоверность итогового судебного акта (приговора) не складывается только лишь из совокупности отдельно взятых достоверных доказательств. В этой связи, следует согласиться с А.А. Хмыровым в том, что речь идет именно об их системе, строго упорядоченной относительно структуры предмета доказывания. Стоит отметить и то, что решающее значение может иметь также установление какого-либо промежуточного факта [10, с. 137–140]. Вышеназванное необходимо соотносить со всеми фактическими обстоятельствами дела и правильно квалифицировать преступление, что, в свою очередь, позволит корректно определить наказание или иную меру уголовно-правового характера.

Процесс оценки доказательств включает субъективные и объективные составляющие. С одной стороны, внутреннее убеждение судьи формируется исходя из его совести, уровня правосознания и опыта правоприменительной деятельности. В то же время, как оценка каждого из доказательств, так и принятие итогового решения по делу базируются на нормах материального и процессуального права. Таким образом, хотя судья и свободен от любого внешнего воздействия, оценка доказательств по конкретному делу не носит произвольных характер, что неоднократно подтверждалось правовыми позициями высших судебных инстанций [12].

Кроме того, в зарубежных исследованиях акцентируется внимание на взаимосвязи познавательной деятельности и эмоций в процессе принятия решения по делу. И, хотя правоприменители обязаны оставаться объективными и беспристрастными, имеют место случаи, когда и следователи [1], и судьи [2] подсознательно подчеркивали информацию, которая поддерживала уже

сформированную гипотезу о наличии вины. В частности, учитывались такие данные как психопатия подозреваемого [3], тяжесть травм, полученных потерпевшим [4]. Даже внешний вид лица влиял на приговор, вынесенный профессиональными судьями [5]. Названные характеристики, безусловно, представляют интерес с точки зрения поливариантности условий и факторов, сопровождающих ход мыслительного процесса судьи при рассмотрении дела по существу. В то же время, безусловно, они не могут сами по себе служить доказательством вины лица.

В научной литературе формирование достоверного знания характеризуется «состоянием доказанности», когда посредством достаточных доказательств, представляется возможным охватить все свойства и отношения познаваемых обстоятельств [8, с. 38]. Однако четкая «формула» достижения такого состояния легально не закреплена, и едва ли можно ее зафиксировать. Потому наиболее приемлемым нам видится изучение общих закономерностей отражения в судебных актах алгоритма принимаемого решения. С этой целью, предлагается акцентировать внимание не на процессе формирования внутреннего убеждения (в доктрине выделяются его гносеологические, логические и психологические аспекты [6, с. 12]), а на результате оценки доказательств во взаимосвязи с обстоятельствами дела.

Итак, проблему анализа достоверности приговора суда можно рассматривать в двух аспектах. Вышеизложенный (неполный) алгоритм формирования итогового вывода суда по делу отражает содержательный элемент достоверности. В то же время, необходимо учесть и соблюдение формальных требований, предъявляемых к приговору как официальному документу. Согласно действующему национальному стандарту РФ, достоверным является документ, содержание которого можно считать полным и точным представлением подтверждаемых операций, деятельности или фактов; которому можно доверять в последующих операциях или в последующей деятельности. При этом документы должны быть созданы во время или сразу после события, к которому они относятся, лицами, достоверно знающими факты, или системами, обычно используемыми при проведении данной операции [7].

На основе изучения действующего законодательства, доктринальных источников и актов правоприменения представляются необходимыми выявление и дальнейшая разработка критериев достоверности судебных приговоров. Данное исследование будет способствовать достижению «устойчивости» последних и формированию единой следственной и судебной практики, в целом.

Литература:

1. *Close C. van den Eeden*. Forensic expectations: Investigating a crime scene with prior information / Close C. van den Eeden, C.A.J. de Poot, P.J. van Koppen // *Science & Justice*. 2016. № 56(6). P. 475–

Literature:

1. *Close C. van den Eeden*. Forensic expectations: Investigating a crime scene with prior information / Close C. van den Eeden, C.A.J. de Poot, P.J. van Koppen // *Science & Justice*. 2016. № 56(6). P. 475–

481. URL : <https://doi.org/10.1016/j.scijus.2016.08.003>

2. *Lidén M.* Guilty, no doubt': Detention provoking confirmation bias in judges' guilt assessments and debiasing techniques / M. Lidén, M. Gräns, P. Juslin // *Psychology, Crime and Law*. 2018. № 25(3). P. 219–247. URL : <https://doi.org/10.1080/1068316X.2018.1511790>

3. *Rassin E.* Initial evidence for the assimilation hypothesis / E. Rassin // *Psychology, Crime & Law*, 2017. № 23:10, 1010–1020. URL : <https://doi.org/10.1080/1068316X.2017.1371307>

4. *Rassin E.* Context effect and confirmation bias in criminal fact finding / E. Rassin // *Leg Crim Psychol*. 2020. № 25. P. 80–89. URL : <https://doi.org/10.1111/lcrp.12172>

5. *Wilson J.P.* Facial trustworthiness predicts extreme criminal-sentencing outcome / J.P. Wilson, N.O. Rule // *Psychological Science*. 2015. № 26. P. 1325–1331. URL : <https://doi.org/10.1177/0956797615590992>

6. *Аубакирова А.А.* Следственные и экспертные ошибки при формировании внутреннего убеждения : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. Челябинск, 2010.

7. ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информация и документация. Управление документами: Приказ Росстандарта от 26 марта 2019 г. № 101-ст). М. : Стандартинформ, 2019.

8. *Костенко Р.В.* Состояние доказанности как оценочная категория в уголовно-процессуальном праве / Р.В. Костенко // *Правовая парадигма*. 2019. № 18(2). С. 35–41.

9. *Резник Г.М.* Внутреннее убеждение при оценке доказательств. М., 1977.

10. *Хмыров А.А.* Косвенные доказательства. М., 1979.

11. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Ингушетия от 20 ноября 2018 г. по делу № 22-259/2018. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/6zsC4umCJnD> (дата обращения 10.06.2022).

12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко на нарушение его конституционных прав статьями 17, 88, 234 и 235 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. № 323-О. URL : <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision32449.pdf>

481. URL : <https://doi.org/10.1016/j.scijus.2016.08.003>

2. *Lidén M.* Guilty, no doubt': Detention provoking confirmation bias in judges' guilt assessments and debiasing techniques / M. Lidén, M. Gräns, P. Juslin // *Psychology, Crime and Law*. 2018. № 25(3). P. 219–247. URL : <https://doi.org/10.1080/1068316X.2018.1511790>

3. *Rassin E.* Initial evidence for the assimilation hypothesis / E. Rassin // *Psychology, Crime & Law*, 2017. № 23:10, 1010–1020. URL : <https://doi.org/10.1080/1068316X.2017.1371307>

4. *Rassin E.* Context effect and confirmation bias in criminal fact finding / E. Rassin // *Leg Crim Psychol*. 2020. № 25. P. 80–89. URL : <https://doi.org/10.1111/lcrp.12172>

5. *Wilson J.P.* Facial trustworthiness predicts extreme criminal-sentencing outcome / J.P. Wilson, N.O. Rule // *Psychological Science*. 2015. № 26. P. 1325–1331. URL : <https://doi.org/10.1177/0956797615590992>

6. *Aubakirova A.A.* Investigative and expert errors in the formation of inner convictions : author. dis. ... dr. legal Sciences. Chelyabinsk, 2010.

7. ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019. National standard of the Russian Federation. System of standards on information, librarianship and publishing. Information and documentation. Document management: Order of Rosstandart dated March 26, 2019 № 101-st. M. : Standartinform, 2019.

8. *Kostenko R.V.* The state of proof as an evaluation category in criminal procedure law / R.V. Kostenko // *Legal paradigm*. 2019. № 18(2). P. 35–41.

9. *Reznik G.M.* Inner conviction in evaluating evidence. M., 1977.

10. *Khmyrov A.A.* indirect evidence. M., 1979.

11. Appeal decision of the Supreme Court of the Republic of Ingushetia dated November 20, 2018 in case № 22-259/2018. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/6zsC4umCJnD> (date of the application 06/10/2022).

12. On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sheichenko about the violation of his constitutional rights by Articles 17, 88, 234 and 235 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 12, 2005 № 323-O. URL : <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision32449.pdf>

Зиниша Ольга Станиславовна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
денежного обращения и кредита,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
zinisha@rambler.ru

Родин Денис Яковлевич

доктор экономических наук,
доцент кафедры
денежного обращения и кредита,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
rodin17@mail.com

Иваненко Игорь Николаевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса
и международного права,
Кубанский государственный университет
ivanenko.igor@mail.ru

**ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ СОУЧАСТИЕ
В АДМИНИСТРАТИВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Аннотация. В настоящей статье мы рассмотрим и проанализируем проблемы института процессуального соучастия в административном судопроизводстве. Если при этом вступить в административное судопроизводство в качестве административного истца хочет только одно лицо, то, в таком случае, соучастие не возникает на стороне административного истца. Институт процессуального соучастия в административном судопроизводстве имеет основополагающее значение для надлежащей защиты прав и законных интересов лица.

Ключевые слова: процессуальное соучастие, административное судопроизводство, процессуальное соучастие в административном судопроизводстве.

В начале нашего небольшого исследования скажем, прежде всего, что сама по себе проблема правового регулирования института процессуального соучастия, в том числе в административном судопроизводстве, является весьма актуальной в настоящее время.

В частности, по мнению некоторых авторов, объединение исковых заявлений – это средство для упрощения и ускорения судопроизводства, в том числе административного. Суд в процессе этого разрешает сразу все схожие иски. Данный факт, в свою очередь, практически исключает возможность наличия противоречий в том случае, когда

Olga S. Zinisha

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Monetary Circulation and Credit,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
zinisha@rambler.ru

Denis Ya. Rodin

Doctor of Economics,
Associate Professor of the Department
of Monetary Circulation and Credit,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
rodin17@mail.com

Igor N. Ivanenko

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
of Civil Procedure and International Law,
Kuban State University
ivanenko.igor@mail.ru

**PROCEDURAL COMPLICITY
IN ADMINISTRATIVE
LEGAL PROCEEDINGS**

Annotation. This article discusses and analyzes the problems of the institution of procedural complicity in administrative proceedings. If at the same time only one person wants to enter into administrative proceedings as an administrative plaintiff, then in this case complicity does not arise on the side of the administrative plaintiff. The institution of procedural complicity in administrative proceedings is of fundamental importance for the proper protection of the rights and legitimate interests of a person.

Keywords: procedural complicity, administrative proceedings, procedural complicity in administrative proceedings.

данные дела рассматривались бы по отдельности. Мы считаем, что такой подход обладает недостатками, к примеру, это отсутствие законодательного ограничения по соединению исков. Последнее может привести к тому, что несколько истцов будут стремиться к субъективному соединению исков с целью минимизации судебных расходов, а это плохо скажется на деятельности суда.

Как полагают иные авторы, соединение исков обусловлено целью избежать наличия противоречивых решений суда по похожим обстоятельствам [1].

Процессуальное соучастие в административном судопроизводстве представляет собой участие в одном и том же процессе нескольких истцов или ответчиков, права требования или обязанности которых не исключают друг друга.

А.А. Карпова полагает, что процессуальное соучастие является формой осложнения процесса, для которой характерна множественность лиц на стороне истца или ответчика [2].

М.К. Треушников считает, что процессуальное соучастие предполагает участие в одном и том же процессе нескольких истцов или нескольких ответчиков. При этом требования или обязанности указанных лиц не исключают друг друга [3]. Подобного определения процессуального соучастия придерживается А.М. Нурбалаева. Она считает, что процессуальное соучастие является формой множественности лиц, которые участвуют в одном процессе. Непосредственно процессуальное соучастие обусловлено наличием многосубъектного спорного материального правоотношения. При этом существует одно общее основание, из которого следуют несколько спорных материальных правоотношений [4].

При процессуальном соучастии происходит соединение исков по субъектам процесса. При этом одинаковые иски предъявляются несколькими субъектами или одним предъявляются к одному лицу либо к нескольким субъектам соответственно.

Проанализируем далее отличие процессуального соучастия от группового иска.

Законодательно определение группового иска отсутствует.

В.В. Ярков полагает, что групповой иск является процессуальным институтом, целью которого является защита интересов большой группы лиц. При этом состав таких лиц на момент возбуждения дела неизвестен [5].

Г.О. Аболонин считает такой иск письменным обращением в суд, которое характеризуют следующие признаки:

- осуществляется от имени многочисленной группы лиц;
- содержит требования о взыскании с ответчика денежной суммы;
- основано на общем юридическом факте;
- выдвигается как требования законных имущественных интересов всех участников группы;
- рассматривается судом на основе адекватного представительства [6].

Отличие процессуального соучастия от института группового иска заключается в следующем:

- множественность в групповом иске выражается только на стороне истца, а при процессуальном соучастии – на стороне истца и ответчика;

в групповом иске должно быть указано лицо, которому поручено ведение соответствующего гражданского дела в интересах группы лиц, а при процессуальном соучастии каждый истец подает исковое заявление самостоятельно;

- при процессуальном соучастии каждый истец выступает в процессе самостоятельно, а в судебном разбирательстве при групповом иске участвует лицо, которому поручено ведение дела, и который сам является членом этой группы;

- при процессуальном соучастии решение по делу выносится в отношении каждого соистца или соответчика, при групповом иске – общее судебное постановление, которое распространяется на всех членов группы.

Отметим, что в качестве цели процессуального соучастия в административном судопроизводстве выступает помощь во всестороннем исследовании всех необходимых доказательств, а также помощь в установлении фактической основы дела. Последнее выступает как обязательный элемент для раскрытия сущности самих правоотношений между сторонами в рамках рассматриваемого дела [7].

Итак, назовем цели института процессуального соучастия в административном судопроизводстве:

- 1) обеспечение вынесения законного судебного решения;
- 2) уменьшение судебных расходов.

Процессуальное соучастие в административном судопроизводстве допустимо только лишь непосредственно в следующих случаях:

- 1) когда предмет спора состоит в общих правах или обязанностях нескольких административных истцов либо же ответчиков;
- 2) когда права или обязанности нескольких субъектов административных правоотношений обусловлены одним основанием.
- 3) когда предмет административного спора обусловлен однородными правами или обязанностями субъектов административных правоотношений [8].

Далее отметим следующее. Суд по результатам рассмотрения дела решает следующий вопрос: обладает ли заинтересованное лицо, которое обратилось в суд с административным иском, правами и обязанностями, которые непосредственно положены в основание административного иска.

Заметим, что часто возникают ситуации, при которых суд принимает решение не в пользу административного истца.

Помимо этого, имеют место такие ситуации, когда субъект правоотношения при наличии возможности защиты своего нарушенного права или же оспаривания возложенной обязанности не имеет желания вступить в процесс и пользоваться

правом на судебную защиту своих интересов. При отсутствии заинтересованности потенциального административного истца исключается возможность возбуждения дела.

Одним из основных условий для самого возбуждения дела судом представляется непосредственно интерес административного истца в разрешении данного спора исключительно в свою пользу.

Выделим далее реализацию интереса стороны при процессуальном соучастии в административном судопроизводстве. Важнейшим условием данного представляется возникновение активного процессуального соучастия. Заметим, что в

Литература:

1. *Кузьмичев Д.С.* Процессуальное соучастие ответчиков / Д.С. Кузьмичев, М.И. Удалов // Юридический факт. 2022. № 163. С. 41.
2. *Карпова А.А.* Институт процессуального соучастия в гражданском процессе: понятие и виды / А.А. Карпова // Вестник науки. 2019. Т. 2. № 1(10). С. 55.
3. *Гражданский процесс : учебник для вузов / Под ред. М. К. Треушникова.* М. : Городец, 2014. С. 77.
4. *Нурбалаева А.М.* К вопросу о процессуальном соучастии в гражданском процессе / А.М. Нурбалаева, С.И. Исмаилова // Молодой ученый. 2018. № 23(209). С. 107.
5. *Ярков В.В.* Групповой иск в проекте единого ГПК России / В.В. Ярков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 8. С. 100.
6. *Аболонин Г.О.* Массовые иски в теории гражданского процессуального права / Г.О. Аболонин // Вестник гражданского процесса. 2015. № 2. С. 243.
7. *Галиакберова И.А.* Групповой иск и соотношение с институтом процессуального соучастия / И.А. Галиакберова // Вестник науки и образования. 2021. № 13-1(116). С. 64.
8. *Година А.А.* О некоторых аспектах процессуального соучастия / А.А. Година, Н.А. Годин // В сборнике: Актуальные вопросы юриспруденции. Сборник статей IX Международной научно-практической конференции. Пенза, 2021. С. 132.

данном случае соучастие имеет смысл только в том случае, если в судебном разрешении спора заинтересованы два и больше участников правоотношения. Данные участники полагают, что административный ответчик нарушил их права.

Если при этом вступить в административное судопроизводство в качестве административного истца хочет только одно лицо, то в таком случае соучастие не возникает на стороне административного истца.

Таким образом, институт процессуального соучастия в административном судопроизводстве имеет основополагающее значение для надлежащей защиты прав и законных интересов лица.

Literature:

1. *Kuzmichev D.S.* Procedural complicity of defendants / D.S. Kuzmichev, M.I. Udalov // Legal fact. 2022. № 163. P. 41.
2. *Karpova A.A.* Institute of procedural complicity in civil proceedings: concept and types / A.A. Karpova // Bulletin of Science. 2019. Vol. 2. № 1(10). P. 55.
3. *Civil procedure : textbook for universities / Edited by M.K. Treushnikov.* M. : Gorodets, 2014. P. 77.
4. *Nurbalaeva A.M.* On the issue of procedural complicity in civil proceedings / A.M. Nurbalaeva, S.I. Ismailova / A.M. Nurbalaeva // Young Scientist. 2018. № 23(209). P. 107.
5. *Yarkov V.V.* Class action in the draft of the unified CPC of Russia / V.V. Yarkov // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2015. № 8. P. 100.
6. *Abolonin G.O.* Mass lawsuits in the theory of civil procedural law / G.O. Abolonin // Bulletin of Civil Procedure. 2015. № 2. P. 243.
7. *Galiakberova I.A.* Class action and the relationship with the institute of procedural complicity / I.A. Galiakberova // Bulletin of Science and Education. 2021. № 13-1(116). P. 64.
8. *Godina A.A.* On some aspects of procedural complicity / A.A. Godina, N.A. Godin // In the collection: Topical issues of jurisprudence. collection of articles of the IX International Scientific and Practical Conference. Penza, 2021. P. 132.

Зяблова Татьяна Евгеньевна
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры теории
и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
tizet69@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ЧЕРТАХ ПОЛЬСКОГО ПАТРИОТИЗМА

Аннотация. Статья посвящена одному из польских слов-флагманов, выстраивающих представление поляков о мире – патриотизму. Отмечается, что для народа, в течение долгого времени лишённого государства, патриотизм является важнейшей ценностью. Выделяются и характеризуются, обусловленные ходом исторического развития Польши, некоторые специфические черты польского патриотизма: понимание Родины как духовной сущности, независимой от государства и территории, романтизм, связь с католической верой и римско-католической церковью. Намечаются тенденции в современном развитии понимания понятия «патриотизм».

Ключевые слова: жертвенность, обязанности, патриотизм, Польша, религиозная толерантность, романтизм, самоидентичность.

Анализируя польское общество начала XXI в. можно заметить, что оно переживает своеобразный кризис самоидентичности и патриотизма. Об этом свидетельствуют:

- равнодушие, проявляемое некоторыми группами населения в обсуждении важнейших общественных вопросов, касающихся безопасности и защиты государства;
- волна эмиграции;
- постепенное угасание традиций;
- отход от католической религии и церкви; кризис ценностей; нежелание идентифицировать себя с государством и др.

Освободившись от прокоммунистической власти, и, связывая свое будущее с западными государствами, поляки формируют новое национальное самосознание в чрезвычайно трудных условиях. Поэтому обращение к патриотизму, как его необходимому элементу, становится чрезвычайно актуальным.

Патриотизм – одно из польских слов-флагманов, слов-ключей, выстраивающих польское представление о мире. В этом смысле, оно имеет

Tatiana E. Zyablova
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia
tizet69@mail.ru

ABOUT SOME FEATURES OF POLISH PATRIOTISM

Annotation. The article is devoted to one of the Polish flagship words that build Poles' idea of the world – patriotism. It is noted that for a people deprived of the state for a long time, patriotism is the most important value. Some specific features of Polish patriotism determined by the course of the historical development of Poland are highlighted and characterized: understanding of the Motherland as a spiritual entity independent of the state and territory, Romanticism, connection with the Catholic faith and the Roman Catholic Church. Trends in the modern development of the understanding of the concept of «patriotism» are outlined.

Keywords: sacrifice, duties, patriotism, Poland, religious tolerance, romanticism, self-identity.

значение не только для формирования ощущения принадлежности к определённой социальной группе, но и для характеристики ее в отношении других групп.

Понятие «польский патриотизм» эволюционировало, пройдя, по мнению П. Кмечика, следующие этапы:

1. До начала XVIII в. – формирование понятия патриотизма как любви к родине.
2. XIX в. Время разделов Польши. Дальнейшее развитие понятий «патриотизм» и «национальное самосознание».
3. XX в. II Речь Посполитая (II республика) до 1939 г. В условиях сильного государства, уважающего свою идентичность, и объединения народа в борьбе с большевиками возросла роль всеобщего патриотического воспитания.

В рамках третьего этапа выделяется период с 1939 по 1945 г., который характеризуется деятельностью польского подполья, сохранением идентичностью в условиях оккупации. Выражением патриотизма явилось Варшавское восстание.

Для времени после 1945 г. – характерен скрытый патриотизм в условиях советской пропаганды и искажении истории, а позже – деятельность «Солидарности».

4. Последний период начинается в 1989 г. Необходимость формирования национальной самоидентичности в условиях глобализации актуализирует формирование современного патриотизма, отражающегося в подчас тяжелом повседневном труде, участии общественной жизни, культивировании традиций [2].

Еще более детально традиции патриотизма от периода восстаний до наших дней, когда любовь к Родине следует понимать в тесной связи с понятием суверенного государства в рамках Единой Европы и НАТО, описывает лидер правящей консервативной партии «Право и Справедливость» Я. Качиньски [5].

Современный патриотизм замаскирован отрицательными чертами «польского характера»: мегаломанией, убежденностью в собственной исключительности и особой роли в истории, преувеличенной чувствительности к понятию чести, но он, по-прежнему, является важной частью жизни поляков и сохраняет некоторые особенные черты.

Прежде всего, он связан со специфическим пониманием Родины как духовной сущности, независимой от государства, и даже от родной земли, отсылающей к истории и культуре.

История Польши, борьба за независимость и возрождение государства привели к тому, что патриотизм чаще всего понимается как боевой дух народа и готовность подчинения личных интересов общественным, как способность переносить лишения и опасности, а также преодолевать их даже ценой здоровья, жизни и личных благ [2].

Для понимания особенностей польского патриотизма важно уяснение такого равнозначного с патриотизмом понятия, как «национальная самоидентичность», в свою очередь, раскрываемая посредством понятий «национальное самоопределение», «польскость» и «дух народа». В литературе доминируют такие ценности самоидентичности поляков. как:

- остатки шляхетских (сарматских) традиций;
- романтический этос;
- большое влияние католицизма;
- традиции «оплота» Европы, религиозной толерантности;
- длительно сохраняющееся стремление к свободе и особенности национального характера [3, с. 285].

Характеризуя особенности польского патриотизма, следует иметь ввиду, что самоидентичность поляков чрезвычайно сильно окрашена католицизмом, который когда-то связывал страну с Западной Европой и, одновременно, отличал ее от соседей с другим вероисповеданием.

Католицизм оказал мощное воздействие на формирование моральных качеств и предоставил образцы этики повседневной жизни. В обыденном представлении считается, что патриотом, в полном смысле этого слова, может быть только поляк-католик. Так, известен случай, когда известному польскому журналисту Ц. Гмызу было отказано в участии в ежегодном Марше Независимости на том основании, что он не является католиком.

Однако такая позиция не отражает современное понимание патриотизма отцами церкви и требует разъяснений. По их убеждению, в жизни католика нет сфер, которые не связаны с верой. Она охватывает и влияет на все, включая патриотизм. Более того, как указывал папа римский Иоанн Павел II, история польского народа не может быть понятна без Христа. Без него поляки бы не поняли бы и сами себя. Но это утверждение не сводит понимания патриотизма только к схеме поляк-католик. Иоанн Павел II трактовал патриотизм как любовь ко всему, что связано с Родиной – истории, традициям языку и даже пейзажам. Католическая церковь оперирует понятием «вечной» Родины, которая подразумевает служение родине «временной», готовность посвятить себя ей. Вместе с тем, как учат иерархи католической церкви, патриотизм не следует понимать как абстрактную категорию. Он не ставит жестких культурных или политических рамок, а наоборот, различными способами укореняется и приносит плоды в жизни людей различных общностей, которые вместе хотят творить добро для всех. Зрелый патриотизм – это любовь к ближнему, солидарность, ответственность за судьбу конкретных людей, открытость для совместной работы. Не каждый патриот может быть католиком. Но каждый католик должен быть патриотом. Нельзя исключать из круга патриотов тех, кто строит уважение к Отчизне на иных нежели они основаниях, равно как и нельзя навязывать свое понимание патриотизма другим [4].

Многие исследователи и публицисты подчеркивают, что польский патриотизм ассоциируется, в основном, с усилием народа в ситуациях серьезных угроз и выступлений. Это вполне обосновано, поскольку все польские национальные восстания означали моральную победу, приближая свободу и мобилизуя следующие поколения к борьбе за нее. Восстания – своеобразный символ польского героизма, любви к свободе и, прежде всего, патриотизма в его классической форме.

Классический польский патриотизм нашел отражение в течении романтизма – наиболее яркой его черты. Как отмечает М. Янион, в течение почти 200 лет в Польше преобладал достаточно однообразный стиль культуры, который можно назвать символично-романтическим. Романтизм приобрел черты национальной харизмы и оказал сильное влияние на формирование польской культуры. Романтизм – как всеохватывающий стиль – концепция и практика культуры – выстраивал, прежде всего, чувство народного самосознания и защищал его символы. Романтический канон передавался из поколения в поколение, он указывал направления и ставил караулы для его охраны [1, с. 5–6].

В основных его произведениях нашли отражение мессианские идеи склонности к жертвам за общее дело, доминирование «сердца» над разумом и прославление воинской доблести, конспирации и таинственности. В произведениях А. Товянского А. Мицкевича, Ю. Вроньского польский мессианизм приписывал себе миссию возрождения Польши как «страдающего Христа народов» [3, с. 294].

В настоящее время представление о патриотизме меняется. С одной стороны, многие поляки начинают трактовать его как добросовестное выполнение основных обязанностей, таких как военная служба, оплата налогов, охрана окружающей среды, природных запасов, активная забота о чести родины и доброе имя земляков, сохранение

традиций и др. Иными словами, современный патриотизм – это сознательный и позитивный ежедневный труд с осознанием того, что люди являются частью чего-то более значимого, чем они сами [2].

С другой стороны, отмечается тенденция отношения к патриотизму как к анахронизму, пережитку прошлого. Кроме того, в ряде случаев, к патриотизму относятся поверхностно, ограничиваясь поддержкой национальной футбольной команды, раскраской в цвета национального флага машин, футболок и лиц. В других, крайних формах его отождествляют с ксенофобией и национализмом. В связи с этим, изучение патриотизма остается одной из актуальных тем исследований в рамках различных наук.

Литература:

1. *Janion M.* Czy będziesz wiedział, co przeżyłeś. Gdańsk : Tower Press, 2000. 52 p.
2. *Kmieciak P.* Tożsamość narodowa i patriotyzm współczesnych Polaków / P. Kmiecik // Aktualności. 21 września 2016. URL : www.nowastrategia.org.pl (date of the application 29.09.2022).
3. *Łastawski K.* Historyczne i współczesne wartości polskiej tożsamości narodowej / K. Łastawski // Słupskie Studia Historyczne. 2007. № 13. P. 279–307.
4. *Stopka A.* Patriotyzm po chrześcijańsku / A. Stopka // Przewodnik katolicki. 10 października 2022. URL : www.przewodnik-katolicki.pl (date of the application 10.10 2022).
5. *Żmijewski T.* Imponujący wykład prezesa PiS o patriotyzmie: «Trwa atak na Kościół, rodzinę i dzieci. To zagraża naszemu narodowi oraz państwu». 24 kwietnia 2019. URL : wpolityce.pl (date of the application 03 октября 2022).

Literature:

1. *Janion M.* Czy będziesz wiedział, co przeżyłeś. Gdańsk : Tower Press, 2000. 52 p.
2. *Kmieciak P.* Tożsamość narodowa i patriotyzm współczesnych Polaków / P. Kmiecik // Aktualności. 21 września 2016. URL : www.nowastrategia.org.pl (date of the application 29.09.2022).
3. *Łastawski K.* Historyczne i współczesne wartości polskiej tożsamości narodowej / K. Łastawski // Słupskie Studia Historyczne. 2007. № 13. P. 279–307.
4. *Stopka A.* Patriotyzm po chrześcijańsku / A. Stopka // Przewodnik katolicki. 10 października 2022. URL : www.przewodnik-katolicki.pl (date of the application 10.10 2022).
5. *Żmijewski T.* Imponujący wykład prezesa PiS o patriotyzmie: «Trwa atak na Kościół, rodzinę i dzieci. To zagraża naszemu narodowi oraz państwu». 24 kwietnia 2019. URL : wpolityce.pl (date of the application 03 октября 2022).

Казарин Даниил Максимович
студент факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
kazarin_daniil@mail.ru

Рябчиков Вадим Вячеславович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
9040315660@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные вопросы совершенствования регламентации реализации прав несовершеннолетних в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства в части прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям. Проведен анализ норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства в части освобождения несовершеннолетнего от уголовного наказания с применением мер воспитательного воздействия и обоснована необходимость внесения дополнений в законодательные нормы по данной проблеме.

Ключевые слова: несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела и уголовного преследования, принудительные меры воспитательного воздействия.

Социальная ориентированность содержания уголовного законодательства, особенности правоприменительной практики в отношении различных категорий правонарушителей, наличие нормативно определенных гарантий защиты прав и свобод участников правоотношений, включая подозреваемых и обвиняемых, обусловили складывание особой системы предварительного расследования и уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних лиц.

Уязвимость этой категории предполагает установление дополнительных гарантий реализаций их прав и законных интересов, в том числе в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства. Указом Президента Российской

Daniil M. Kazarin
Student of the Faculty
of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Punishments in Russia
kazarin_daniil@mail.ru

Vadim A. Ryabchikov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor
of Journalistic Discipline,
Vladimir Law Institute
Federal settlements in Russia
9040315660@mail.ru

TOPICAL ISSUES OF LEGAL REGULATION OF TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION OF MINORS

Annotation. The article discusses some issues of improving the regulation of the implementation of the rights of minors during the preliminary investigation and trial in terms of the termination of criminal prosecution on non-rehabilitating grounds. The analysis of the norms of criminal and criminal procedure legislation regarding the release of a minor from criminal punishment with the use of educational measures is carried out and the need for amendments to the legislative norms on this issue is substantiated.

Keywords: minor suspect, accused, exemption from criminal liability, termination of criminal proceedings and criminal prosecution, compulsory measures of educational influence.

Федерации от 29.05.2017 г. № 240 в России объявлено о реализации комплекса мероприятий в рамках Десятилетия детства [1], в которых Распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.01.2021 г. № 122-р, среди прочих, представлен блок совершенствования механизмов профилактики правонарушений несовершеннолетних и их социально-правовой реабилитации [2].

Данное направление деятельности обусловлено фактами сохранения достаточно высоких показателей подростковой преступности. Так, по данным Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации, за 2021 год было расследовано 31,9 тыс. преступлений,

совершенных несовершеннолетними, выявлено 1,5 тыс. случаев вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий. За 6 месяцев 2022 года уже выявлено 16692 случая совершения уголовно наказуемого деяния лицами, не достигшими совершеннолетия [5].

Несмотря на наличие положительной динамики показателей подростковой преступности, отражающей, среди прочего, результативность расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, ювенального судопроизводства, ряд вопросов повышения качества данной деятельности, в том числе, ее правового регулирования, остается актуальным.

Учеными и юристами-практиками отмечается наличие ряда нормативно-правовых пробелов, не позволяющих повысить эффективность проведения следственных мероприятий и судебных разбирательств с участием несовершеннолетних правонарушителей в части применения механизмов прекращения уголовного дела и уголовного преследования.

Применение ст. 427 УПК РФ ориентировано на прекращение уголовного дела в отношении несовершеннолетних, обладающих обвиняемого. В случае прекращения уголовного дела, следователем или дознавателем и возбуждением ходатайства перед судом о применении мер воспитательного воздействия статус несовершеннолетнего становится не определенным. При этом уголовное дело прекращено. И по уже прекращенному делу суд принимает решение. В случае отказа суда в назначении принудительных мер воспитательного характера, должно быть принято новое законодательно не урегулированное процессуальное решение по уголовному делу, уже прекращенному на досудебной стадии. Эта ситуация рождает правовую неопределенность не только статуса несовершеннолетнего, но и процедурную несогласованность в отношениях органов предварительного следствия и суда.

Логичнее было бы ввести в уголовно-процессуальное законодательство норму о передаче уголовного дела по обвинению несовершеннолетнего в суд с приложенным ходатайством о прекращении уголовного преследования и применении меры воспитательного характера. В этом случае, будет достигнута правовая определенность статуса несовершеннолетнего и единообразие процедуры действий органов предварительного расследования и суда по применению мер воспитательного характера.

Кроме того, важно нормативно закрепить содержание и порядок оформления процессуальных документов, в том числе, оформление согласия принятия решения о прекращении уголовного преследования и применении мер воспитательного воздействия несовершеннолетнего и законного представителя, а также, факта разъяснения заинтересованным сторонам последствий завершения предварительного расследования таким образом.

На основании ч. 4 ст. 427 УПК РФ суду предоставлено право возложить на специализированное учреждение для несовершеннолетних контроль за исполнением требований, предусмотренных принудительной мерой воспитательного воздействия. Законодатель исходит из позиции приоритета родительского контроля за поведением подростка и оказанием на него должного воспитывающего воздействия [6, с. 101]. Однако анализ реальной ситуации, в том числе, преступных рецидивов молодых людей свидетельствует о наличии значительной доли семей, которые не в состоянии оказывать адекватное воспитательное влияние на подростка в силу отсутствия нормальных взаимоотношений, неполного состава семьи, асоциального образа жизни самих родителей и т.д. Несомненно, суд должен всесторонне оценить возможности применения мер воспитания со стороны родителей несовершеннолетнего обвиняемого, но, зачастую, он может оценить только формальные признаки: наличие судимости у родителей, постановку семьи на учет в комиссию по делам несовершеннолетних и др. Перечень этих оснований незначителен и не может исчерпывающе характеризовать степень воспитательного влияния на ребенка. Исходя из этого, необходимо нормативно закрепить обязательность контроля исполнения мер принудительного воздействия со стороны специализированных учреждений, при этом указав исчерпывающий перечень этих учреждений и порядок осуществления контроля.

Подобный пробационный механизм условного наказания с обязательным перечнем воспитательных, социально-реабилитационных и адаптационных мер позволит не только осуществить полноценный контроль за поведением несовершеннолетнего на протяжении всего срока применения мер воспитательного воздействия, но и нивелировать отрицательное воздействие окружения, помочь в социализации подростка. Также на эти учреждения может быть возложена обязанность анализа и оценки психоэмоционального состояния, особенностей психофизиологических и иных личностных характеристик, являющихся важным основанием принятия процессуальных решений в отношении несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого.

Анализ действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства ставит под сомнение целесообразности применения некоторых норм, касающихся прекращения уголовного дела в связи с назначением судебного штрафа.

Нельзя не согласиться с мнением Ф.Ю. Васильева, считающего, что оплата судебного штрафа, возлагаемого на несовершеннолетнего, как правило, переходит на его родителей (законных представителей), что нивелирует воспитательное значение этой меры [3, с. 100].

Действительно, данная мера фактически не предусматривает реального наказания для самого несовершеннолетнего и не способствует формированию его личной ответственности за свои поступки. В конечном итоге это порождает чувство безнаказанности, что недопустимо для человека преступившего закон [4, с. 127].

Соответственно, необходимо внести корректировку в содержание ст. 76.2 УК РФ в части условий освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, например, наличия заработка или иных источников дохода, характер правонарушения и степень активного участия в возмещении вреда и др., возложив эту обязанность на органы суда. А также, законодательно урегулировать вопрос о размере судебного штрафа при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности за совершение действий, за которые не предусмотрено наказание в виде штрафа, внося дополнение в ст. 91 УК РФ и ч. 2 ст. 104.5 УК РФ.

Особая важность тщательной проработки содержания и применения правовых норм, предусматривающих возможности для прекращения уголовного преследования несовершеннолетних,

Литература:

1. Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства. Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 // Рос. газ. 2017. № 7281.
2. Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 г.: распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.01.2021 г. № 122-р. URL : <http://www.consultant.ru>
3. *Васильев Ф.Ю.* Судебный штраф как основание освобождения от уголовной ответственности: проблемы, вопросы, пути решения / Ф.Ю. Васильев // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. С. 98–104.
4. *Абдуллаева Н.А.* Некоторые вопросы применения судебного штрафа в отношении несовершеннолетних / Н.А. Абдуллаева // Закон и право. 2021. № 8. С. 126–127.
5. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 г, январь-июнь 2022 г. // Ежемесячный сборник Главного управления правовой статистики и информационных технологий Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL : <http://crimestat.ru/analytics>
6. *Стельмах В.Ю.* Дефекты законодательной регламентации уголовного судопроизводства по делам несовершеннолетних / В.Ю. Стельмах // Журнал российского права. 2020. № 10. С. 92–104.

обусловлена необходимостью защиты прав детей и подростков, как одной из наиболее уязвимых категорий, склонной к попаданию под влияние социального окружения и не в полной мере осознающей последствия собственного поведения. С другой стороны, последовательная правоприменительная деятельность, исключающая двойственное толкование тех или иных норм, позволит оказывать должное правовое воздействие на несовершеннолетних правонарушителей.

Внесение вышеперечисленных дополнений в совокупности с поэтапной реализацией концепции восстановительной юстиции, нацеленной на применение медиативных процедур и ресоциализацию несовершеннолетних правонарушителей, не только повысит эффективность борьбы с преступностью, но и обеспечит реализацию базовых принципов социально-ориентированного правосудия.

Literature:

1. On the announcement of the Decade of Childhood in the Russian Federation // Decree of the President of the Russian Federation № 240 of May 29, 2017 // Russian Gas. 2017. № 7281.
2. On approval of the plan of the main activities carried out within the framework of the Decade of Childhood for the period up to 2027: Decree of the Government of the Russian Federation of 23.01.2021. № 122-r. URL : <http://www.consultant.ru>
3. *Vasiliev F.Y.* Judicial fine as a basis for exemption from criminal liability: problems, questions, solutions / F.Y. Vasiliev // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2019. P. 98–104.
4. *Abdullayeva N.A.* Some issues of the application of a court fine against minors / N.A. Abdullayeva // Law and law. 2021. № 8. P. 126–127.
5. The state of crime in Russia for January – December 2021, January-June 2022 // Monthly collection of the Main Department of Legal Statistics and Information Technologies of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL : <http://crimestat.ru/analytics>
6. *Stelmakh V.Yu.* Defects of legislative regulation of criminal proceedings in juvenile cases / V.Yu. Stelmakh // Journal of Russian Law. 2020. № 10. P. 92–104.

Карavaев Александр Александрович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры административной
деятельности органов внутренних дел,
Воронежский институт МВД России
ferrari49@yandex.ru

Alexander A. Karavaev

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor
of the Department of Administrative
Activities of Internal Affairs Bodies,
Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ferrari49@yandex.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА
КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ
ИНФОРМАЦИИ В ПОДРАЗДЕЛЕНИИ
ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ОРГАНА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**

**CURRENT PROBLEMS OF REGULATORY
LEGAL REGULATION OF THE FLOW
OF CONFIDENTIAL INFORMATION
IN THE MINOR DEPARTMENT
OF THE INTERNAL AFFAIRS BODY**

Аннотация. В статье производится анализ нормативной правовой базы, регламентирующей отдельные вопросы оборота конфиденциальной информации в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Обозначены актуальные предложения по внесению изменений в действующие нормативные правовые акты относительно обязанностей сотрудника полиции по сохранению сведений в режиме ограниченного распространения. Отмечены отдельные аспекты ведомственного регулирования накопления и передачи сведений конфиденциального характера в системе органов внутренних дел.

Annotation. The article analyzes the regulatory legal framework governing certain issues of the circulation of confidential information in the departments for juvenile affairs of the internal affairs bodies. Current proposals for amending the current regulatory legal acts regarding the duties of a police officer to store information in a restricted distribution mode are outlined. Certain aspects of departmental regulation of the accumulation and transfer of confidential information in the system of internal affairs bodies are noted.

Ключевые слова: информационная ограниченного распространения, конфиденциальные сведения, подразделение по делам несовершеннолетних, оборот конфиденциальной информации, информационных системы органов внутренних дел.

Keywords: restricted information, confidential information, juvenile department, circulation of confidential information, information systems of internal affairs bodies.

По нашему мнению, в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел наибольшему обороту подвергаются персональные данные, коммерческая и служебная тайна. Следовательно, правовое регулирование именно этих категорий представляется наиболее логично рассмотреть. Исследование нормативного правового регулирования стоит начать с системообразующего акта в данной отрасли общественных отношений, а именно ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1].

- нравственность;
- права и законные интересы граждан;
- обеспечение обороны и безопасности государства.

Представляется, что такая широкая концепция субъектов права и свободы подлежащих защите в рамках данного нормативного правового предписания, имеет чересчур свободную формулировку, следовательно, это может привести к расширительному толкованию.

Статья 9 данного акта предписывает основные ограничения на доступ к определенным информационным ресурсам. Основания для подобных ограничений согласно части первой рассматриваемой статьи это защита следующих направлений:

Отдельного внимания заслуживает обозначенное в часть 2 статьи 9 основательное гарантирование Конституционного права и свободы на поддержание свойств конфиденциальности сведений, доступ, к которым ограничен федеральным законодательством. Более обстоятельное изучение

- основы конституционного строя;

предложенного механизма вызывает некоторое недоумение, поскольку, фактически, в данном положении законодатель представил возможность неисполнения любых ограничений, которые, в свою очередь, не установлены, федеральным законодательством. Данная позиция нам представляется не имеющей системного характера, поскольку многообразие конфиденциальных сведений в России не может быть урегулировано исключительно законодательством федеральным, следовательно, и ограничения на данную категорию сведений по аналогии не могут быть исчерпывающе изложены на уровне федерального законодательства.

В части 4 статьи 9 предусматривается, что «федеральными законами устанавливаются условия отнесения информации к сведениям, составляющим коммерческую, служебную или иную тайну, обязательность соблюдения конфиденциальности такой информации, а также – ответственность за ее разглашение». Проведенный совокупный анализ содержания данных положений формирует некоторую концепцию соотношения категории «информация ограниченного доступа» и системного признака «конфиденциальность». Данное положение представляется нам не в полной мере корректным, поскольку соотносятся различные критерии, более того подобная законодательная позиция фактически ликвидирует стройную систему сведений, определенную ранее в ФЗ «Об информации» [2] 1995 года.

Проведем краткий анализ правового регулирования по отдельным направлениям. Первым, наиболее значительным по объему представляется служебная тайна. Упоминание о данной «обособленной системе» появляется в первой редакции ФЗ «Об информации» [3] 2006 года, а именно пункте 3 части 4 статьи 8 где, по решению законодателя, служебная тайна представляется как термин одного порядка с государственной тайной. Там говорится о том, что запрещено ограничивать доступ к информации, которая сформирована о деятельности государственных органов и учреждений, за исключением если эти сведения составляют государственная или служебная тайна. Следовательно, формально нормотворцем признается, что служебная тайна является вторым институтом по ограничению доступа к сведениям. При этом важность и значимость данного правового института для нашего государства очевидна и прослеживается в разрозненных нормативных правовых актах, а попыток придания данному институту системных признаков пока не реализуется.

Представляется актуальным обозначить и то, что служебная тайна как элемент упоминается более чем в сорока федеральных законах, где она занимает место на уровне государственной и коммерческой тайны, определяется как самостоятельный правовой институт. Однако не в полной мере понятной является еще одна современная позиция, сформированная юридической наукой, так служебная тайна зачастую начинает отождествляться с институтом сведений ограниченного распространения в федеральных органах исполнительной власти, что отчасти справедливо по

следующим соображениям. Гриф «Для служебного пользования» применяется, в настоящее время, при довольно скупом нормативном правовом регулировании, он является при этом достаточно распространенным явлением.

Переход к унифицированной системе служебной тайны позволит определить правила оборота таких сведений как на бумажных носителях, так и в электронной форме отображения, определив при этом, что любые сведения конфиденциального характера, к которым правомерно ограничен доступ их первичным обладателем и которые в рамках установленной процедуры переданы в органы публичной власти, должны сохраняться там в указанном режиме в течение срока, установленного законом либо согласованного сторонами соответствующих отношений.

Персональные данные. Основные направления правового регулирования данной категории информации были заложены еще в законе «Об информации» 1995 года. Именно он представил первое, нормативное определение категории как «сведения о фактах, событиях и обстоятельствах жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность».

В действующей системе отечественного права данное направление регламентирует профильный нормативный правовой акт Федеральный закон «О персональных данных» [4]. Представляется, что действующая трактовка персональных данных («любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному, или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)») слишком широка, так под эту категорию подпадает вся информация об отождествляемом лице, либо необходимая для его установления (его фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, другая информация).

Исследуя данную формулировку несколько детальней, мы можем вычленим две центральных группы сведений. Первая это сведения, о лице которое нам известно, и получаемая информация является не более чем уточняющим аспектом. Однако основной информацией, необходимой для установления данного лица, мы уже обладаем, это может быть Ф.И.О., адрес проживания, дата рождения и место. Вторым блоком, в данном контексте, является информация, которая необходима нам для установления конкретного лица, т.е. иными слова нам нужна определенная выборка из общего массива данных, которая будет сформулирована по определенным основаниям, к примеру, информация о всех владельцах огнестрельного нарезного карабина «Сайга» зарегистрированных в Советском районе города Воронеж.

Таким образом, при первом анализе данная модель представляется достаточно строгой и системной, однако законодатель использует формулировку, которая вносит некоторое замешательство, это «любая информация». Закрепление фактического посыла, что любая информация о

лице является персональными данным не позволит построить логичную систему ограничений. Иными словами, если мы толком не знаем, что такое персональные данные, то, как мы можем выстроить систему ограничения доступа к этой информации? Например, является ли персональными данными информация о том, что Петров Сергей Иванович имеет размер одежды 54, а размер обуви – 43? Формально – это персональные данные (любая информация о лице), но нужно ли их защищать? Выглядит странным допущение такой неопределенности при довольно четко определенной цели рассматриваемого федерального закона.

Сотрудники подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел имеют центральным документам регламентирующим их деятельность на федеральном уровне ФЗ «О полиции» [5], который в своих нормативных предписаниях устанавливает ряд прав и обязанностей в информационной сфере, далее включается ведомственное регулирование [6] которое, в некотором роде, призвано более системно изложить вышестоящее законодательство и перекрыть правоприменительные пробелы в случае их наличия.

Пункт 6 статьи 11 ФЗ «О полиции» регламентирует право сотрудника полиции получать доступ к сведениям, охраняемым в режиме государственной или иной законодательно установленной тайны. Бесспорный научный интерес, в данном положении вызывает шаблонная формулировка «иная, охраняемая законом» тайна. Данная категория не только приводит к толкованию по аналогии, более того, она вводит потенциального правоприменителя в состояние необходимости лично отождествить категорию сведений и их принадлежность к конкретному адресату.

Необходимо учитывать тот факт, что, в некоторых случаях, получая информацию ограниченного распространения, полицейский не имеет возможности установить адресата сразу либо спросить у него о возможных требованиях конфиденциальности данных сведений, или получить согласие на доступ к данной категории контента. В настоящее время, по мнению автора, формируется адекватная информационному развитию общества необходимость четкого обозначения на нормативном правовом уровне, всех видов тайн, с их последующим нормативным толкованием и систематизацией. Представляется актуальным, в данном контексте, использовать современные достижения науки и техники, а также, научный потенциал образовательных учреждений, которые будут способны на основе анализа нормативной практики и эмпирических данных сформировать «пилотный» проект подобного перечня, обосновав его, как с формально-логической, так и технико-юридической стороны.

На сотрудника полиции статья 27 (в 45 редакции ФЗ «О полиции» от 11.06.2021) возлагала обязанность по реализации защиты рассматриваемых категорий тайн, а также сведения, ставшие ему известными в связи с выполнением служебных обязанностей, в том числе, сведения, касающиеся частной жизни и здоровья граждан или

затрагивающие их честь и достоинство. Однако в настоящее время, данная обязанность исключена (в 46 редакции ФЗ «О полиции» от 21.12.2021). Данное положение вещей представляется нам не в полной мере корректным, поскольку, рассматриваемая обязанность распространяется на абсолютное количество сотрудников полиции без каких-либо критериев, поэтому нам представляется актуальным дополнить статью 27 «Основные обязанности сотрудника полиции» частью 3 в следующей редакции: «не разглашать сведения, составляющие государственную, служебную или иную охраняемую законом тайну, а также сведения, ставшие ему известными в связи с выполнением служебных обязанностей, но не имеющие отношения к интересам службы, установленным действующим законодательством».

Полагаем, что подобное нормативное установление упразднит возможные противоречия в толковании нормы и будет положительно сказываться на поддержании надлежащего уровня законности в деятельности сотрудника полиции.

Примерный перечень сведений конфиденциального характера в ведомстве МВД России был утвержден приказом № 825 «ДСП», который в настоящее время утратил силу. Предпринятые автором попытки изыскать документ, его замещающий успехом, не увенчались. Следовательно, в настоящее время, подобного перечня нет, а данные отношения в системе не имеют системного регламентирования и лишь отдельно упоминаются в некоторых приказах и распоряжениях. Безусловно, что указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 [7] действует и распространяет свои регулятивные функции на ведомство, однако, даже формулировка служебной тайны в нем нуждается в определенной коррекции.

Инструкцией по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации утвержденной приказом МВД России № 845 [8] (разделом I пунктом 2.14) предусмотрен сбор информации о несовершеннолетних и их родителях (представителях) в случае совершения ими противоправных действий, жестокого обращения с ребенком, нахождения в социально-опасном положении, а также, не исполняющие обязанности по воспитанию и обучению. Данный сбор информации имеет центральной задачей статистическую отчетность, которая, в свою очередь, обозначается в нормах ФЗ № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (подпункт 5 пункта 2 статьи 21) [9]. Для утверждения, что данная деятельность имеет системный характер, ГУ-ООП МВД России на основании поступления к ним статистической отчетности подобного рода по полугодиям формируют мониторинг состояния и структуру противоправной деятельности среди несовершеннолетних граждан на территории России.

Однако детальное изучение положений Приказ МВД России от 06.07.2012 № 678 [10] установило отсутствие конкретных правовых механизмов

защиты персональных данных, передаваемых в информационных системах, при этом пункт 8 раздела II приказа прямым указанием производит отправление в части организации защиты персональных данных в электронных системах к организационным и техническим мерам, что, по нашему мнению, представляется достаточно дискуссионным.

Конфиденциальность информации, тем более, персональных данных, учитывая сам объем полученных сведений, есть задача многофакторного

Литература:

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Об информации, информатизации и защите информации: Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (утратил силу).
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июня 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 09.08.2006) // СПС «КонсультантПлюс» (утратил силу).
4. О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. О полиции: Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении Инструкции по организации защиты персональных данных, содержащихся в информационных системах органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 06.07.2012 № 678; Об утверждении Перечня должностных лиц системы МВД России, пользующихся правом доступа к сведениям, составляющим налоговую тайну: приказ МВД России от 24.11.2021 № 944; Об утверждении Положения о Центральной экспертной комиссии Министерства внутренних дел Российской Федерации по режиму секретности и Типового положения об экспертной комиссии органа внутренних дел по режиму секретности: приказ МВД России от 12.08.2022 № 599; Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Перечень сведений конфиденциального характера: указ Президента Российской Федерации от 06 марта 1997 № 188 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15.10.2013 № 845 // СПС «КонсультантПлюс».

характера и разрешить ее сугубо техническими или организационными мерами представляется задачей мало исполнимой. Следовательно, возникает ситуация для ведомственного правового регулирования, и в рамках данной деятельности, в качестве первого направления, нам представляется актуальным на уровне министерства урегулировать соотношение категорий «персональные данные» и «личная тайна», предложить механизм определения объема данных сведений и структурировать особенности их обработки.

Literature:

1. On information, information technologies and information protection: Federal Law of July 27, 2006 № 149-FZ (as amended on July 21, 2014) // SPS «ConsultantPlus».
2. On information, informatization and information protection: Federal Law of February 20, 1995 № 24-FZ // SPS «ConsultantPlus» (no longer valid).
3. On information, information technologies and information protection: Federal Law of June 27, 2006 № 149-FZ // SPS «ConsultantPlus» (no longer valid).
4. On personal data: Federal Law of July 27, 2006 № 152-FZ // SPS «ConsultantPlus».
5. On the police: Federal Law of February 7, 2011 № 3-FZ // SPS «ConsultantPlus».
6. On approval of the Instructions for organizing the protection of personal data contained in the information systems of the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated July 06, 2012 № 678; On approval of the List of officials of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia enjoying the right of access to information constituting a tax secret: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated November 24, 2021 № 944; On approval of the Regulations on the Central Expert Commission of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on the regime of secrecy and the Model Regulations on the expert commission of the internal affairs body on the regime of secrecy: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 12, 2022 № 599; On approval of the Instructions for organizing the activities of units for juvenile affairs of the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 15.10.2013 № 845 // SPS «ConsultantPlus».
7. List of confidential information: Decree of the President of the Russian Federation dated March 06, 1997 № 188 // SPS «ConsultantPlus».
8. Instructions for organizing the activities of units for juvenile affairs of the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 10/15/2013 № 845 // SPS «ConsultantPlus».

9. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

10. Об утверждении Инструкции по организации защиты персональных данных, содержащихся в информационных системах органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 6.07.2012 № 678 // СПС «КонсультантПлюс».

9. On the basics of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law of June 24, 1999 № 120-FZ // SPS «ConsultantPlus».

10. On the approval of the Instructions for organizing the protection of personal data contained in the information systems of the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated July 06, 2012 № 678 // SPS «ConsultantPlus».

Киреева Мария Викторовна
аспирантка кафедры уголовного права,
Юго-западный
государственный университет
markina006@yandex.ru

ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ И ЛЕЧЕНИЕ У ВРАЧА-ПСИХИАТРА В АМБУЛАТОРНЫХ УСЛОВИЯХ КАК СПЕЦИАЛЬНО-КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ МЕРА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ



Аннотация. В настоящей статье рассматривается принудительная мера медицинского характера в виде принудительного наблюдения и лечения у врача-психиатра в амбулаторных условиях, как специально-криминологическая мера предупреждения общественно опасных деяний лиц с психическими расстройствами. Автором выявлена тенденция применения данной принудительной меры медицинского характера не в качестве первичной, а при изменении ранее назначенного стационарного психиатрического лечения в отделении с общим типом наблюдения. Проанализированы особенности рассмотрения ходатайств об изменении принудительного стационарного психиатрического лечения на амбулаторное лечение и наблюдение в контексте необходимости достижения предупредительной цели принудительных мер медицинского характера. Сделан вывод о том, что для достижения указанной цели следует выяснять не только психическое состояние лица, динамики его поведения и социальной адаптации, но и обстоятельства его бытовой жизни и социального статуса лица.

Ключевые слова: специально-криминологическое предупреждение преступности, лица с психическими расстройствами, принудительные меры медицинского характера, принудительное лечение и наблюдение у врача-психиатра в амбулаторных условиях.



Деятельность по профилактике преступлений и правонарушений в современной России играет немаловажную роль, поскольку позволяет выявить и пресечь совершение преступлений и правонарушений, представляющих наибольшую степень общественной опасности, на ранних стадиях, не допустив наступление тяжких последствий. Предупреждение преступности включает в себя широкий комплекс мер организационного,

Maria V. Kireeva
Postgraduate Student
of the Department of Criminal Law,
Southwest State University
markina006@yandex.ru

FORCED OBSERVATION AND TREATMENT BY A PSYCHIATRIST IN OUTPATIENT CONDITIONS AS A SPECIAL CRIMINOLOGICAL MEASURE TO PREVENT SOCIALLY DANGEROUS ACTS OF PERSONS WITH MENTAL DISORDERS



Annotation. This article discusses a compulsory measure of a medical nature in the form of compulsory observation and treatment by a psychiatrist on an outpatient basis, as a special criminological measure to prevent socially dangerous acts of persons with mental disorders. The author revealed a tendency to apply this compulsory measure of a medical nature not as a primary one, but when changing previously prescribed inpatient psychiatric treatment in a department with a general type of observation. The features of consideration of applications for changing compulsory inpatient psychiatric treatment to outpatient treatment and observation in the context of the need to achieve the preventive goal of compulsory medical measures are analyzed. It is concluded that in order to achieve this goal, it is necessary to find out not only the mental state of the person, the dynamics of his behavior and social adaptation, but also the circumstances of his everyday life and the social status of the person.

Keywords: special-criminological crime prevention, persons with mental disorders, compulsory medical measures, compulsory treatment and observation by a psychiatrist on an outpatient basis.



правового, экономического, культурно-воспитательного, социально-психологического характера, и других методов борьбы с преступностью.

Меры по профилактике совершения общественно опасных деяний лицами с психическими расстройствами входят в многоуровневую систему мероприятий по предупреждению преступности, осуществляемых государственными, муниципальными органами и их должностными лицами,

с целью воздействия на преступность, причины и условия совершения преступлений, для их устранения или нейтрализации.

В общую структуру преступности включается совершение общественно опасных деяний лицами с психическими расстройствами. Это могут быть лица, совершившие деяния в состоянии невменяемости, либо, так называемой, «ограниченной» вменяемости, что служит основанием для назначения к данным лицам принудительных мер медицинского характера. Отдельно следует выделить лиц, у которых психическое расстройство появилось после совершения преступления, либо которое хотя и наличествовало во время совершения преступления, но не повлияло на способность лица в полной мере осознавать фактических характер и общественную опасность своего деяния или руководить им. Данная категория лиц подлежит обособлению, поскольку психическое расстройство в данном случае не влияет на совершение преступлений и обуславливает применение иных предупредительных мер (в том числе назначение уголовного наказания в целях исправления осужденного и др.).

Профилактика общественно опасного поведения лиц с психическими расстройствами может включать в себя общесоциальные, общекриминологические и специально-криминологические меры предупреждения. При этом к общесоциальные меры направлены на устранение причин и условий совершения преступлений, связанных с уровнем жизни и благосостоянием населения в целом, в том числе уровнем психического здоровья населения и его поддержания в нормальном состоянии. Общекриминологические меры включают в себя разработку средств уголовно-правового воздействия в целях охраны личности, общества и государства от совершения преступлений, федеральных, региональных и муниципальных программ по профилактике преступности, их финансирование и организацию. Специально-криминологические меры предупреждения направлены на лиц, совершивших общественно опасные деяния (уголовные наказания, иные меры уголовно-правового характера, программы социальной адаптации и ресоциализации и т.д.).

Так, О.А. Макушкина и Л.А. Яхимович комплекс профилактических мер по предупреждению общественно опасных деяний лиц с психическими расстройствами, делят на две категории [3, с. 35–40]:

1) неспецифические меры профилактики общественно опасных деяний, которые включают в себя проведение общей диагностики, лечебной и реабилитационной практики организаций, оказывающих психиатрическую помощь населению. На данном этапе большое значение имеет выявление психических расстройств на их ранних стадиях, доступность и эффективность оказываемой медицинской помощи. Немаловажной мерой является возможность принудительной госпитализации лиц с психическими расстройствами в стационар в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации;

2) специфические меры профилактики непосредственно направлены на конкретных лиц, совершивших общественно опасные деяния и страдающих психическими расстройствами.

Немаловажное значение в профилактической деятельности по предупреждению общественно опасных деяний лиц с психическими расстройствами имеет не только лечение психических заболеваний, но и выявление причин и условий, способствующих возникновению таких заболеваний и профилактика психических расстройств в целом. При этом психические расстройства не могут однозначно определять совершение лицами общественно опасных деяний, а лишь могут оказать влияние на механизм преступного поведения [2, с. 131].

В качестве одной из специально-криминологических мер предупреждения общественно опасных деяний лиц с психическими расстройствами можно назвать предусмотренное Уголовным кодексом Российской Федерации принудительное психиатрическое наблюдение и лечение в амбулаторных условиях. Данная мера представляет собой принудительную меру медицинского характера (ст. 100 УК РФ «Принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях») (далее – АПНЛ), которая может быть назначена судом лицу, совершившему общественно опасное деяние и страдающему психическим расстройством, если такое лицо не по своему психическому состоянию не нуждается в стационарном психиатрическом лечении.

Амбулаторное психиатрическое лечение может быть назначено в качестве принудительной меры медицинского характера по решению суда лицу, совершившему общественно опасное деяние и страдающему психическим расстройством, либо исключая вменяемость, либо исключая возможность назначения или исполнения уголовного наказания. При этом амбулаторное психиатрическое лечение может быть назначено как в качестве первичной меры, так и выступать заключительным этапом применения принудительных мер медицинского характера при переходе со стационарного психиатрического лечения. При этом наиболее распространенной является практика «ступенчатого» лечения, то есть, перехода больных со стационарного наблюдения на амбулаторное [1, с. 34–36].

Принудительное амбулаторное лечение является промежуточным этапом между наблюдением в стационаре и внебольничным оказанием психиатрической помощи. Причины появления данной принудительной меры в уголовном законодательстве видятся в его гуманистической направленности и стремлении государства к сокращению недобровольной госпитализации граждан в психиатрической стационар, которая неизбежно влечет серьезные правоограничения для человека, в том числе, их общественную изоляцию и нарушение социальных связей.

В судебной практике при рассмотрении представлений психиатрической больницы, оказывающей медицинскую помощь в стационарных условиях,

относительно продления, изменения или прекращения применения к лицу принудительных мер медицинского характера, учитывая специфику данной категории материалов, суд основывается на заключение врачей-психиатров по результатам проведенной в стационаре психиатрической экспертизы, либо на акт психиатрического освидетельствования. Это обусловлено необходимостью специальных познаний в области судебной психиатрии, применяемых при исследовании состояния здоровья лица, находящегося под медицинским наблюдением, коими обладают эксперты соответствующей специальности.

При этом рассматривая вопрос изменения принудительной меры медицинского характера на более «мягкую» – амбулаторное психиатрическое лечение и наблюдение, судом подлежат выяснению также обстоятельства бытовой жизни и социальный статус лица, совершившего общественно опасное деяния. Так, судом ставятся вопросы о составе семьи пациента, наличия у него в собственности жилого помещения и объективное состояние данного помещения относительно пригодности для жизни, способности лица самостоятельно удовлетворять свои основные потребности, наличия лиц, способных осуществлять уход при необходимости, об источнике дохода и возможности осуществлять трудовую деятельность. То есть, прежде чем перевести пациента со стационара на амбулаторное лечение, суд прогнозирует дальнейший образ жизни и поведение психически нездорового лица. Думается, что данный факт связан со стремлением достижения такой цели принудительных мер медицинского характера, как предупреждение совершения лицами новых общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законодательством (ст. 98 УК РФ).

Так, администрация Курской клинической психиатрической больницы имени святого великомученика и целителя Пантелеимона (ККПБ) обратилась в Курский районный суд Курской области с ходатайством об изменении П. принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях, с общим типом наблюдения, на принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях [4].

Согласно акту психиатрического освидетельствования, у П. достигнуто стойкое, значительное улучшение психического состояния, о чем свидетельствует его упорядоченное поведение, ровное настроение, отсутствие агрессивных тенденций, участие в трудовых процессах отделения больницы, наличие критики к своему заболеванию и совершенному общественно опасному деянию. При этом данные о неустойчивости социальной адаптации больного в прошлом говорят о необходимости принудительного контроля и поддержки со стороны психоневрологического диспансера, а также, продолжения медикаментозной терапии, в связи с чем, он продолжает представлять незначительную опасность для себя и окружающих. По

результатам психиатрического освидетельствования комиссия врачей-психиатров рекомендовала суду изменить стационарное психиатрическое лечение на амбулаторное наблюдение и лечение.

Однако при рассмотрении указанного ходатайства суд выяснил, что за время нахождения в психиатрической медицинской организации П. утратил социальные связи, его жилой дом долгое время находился без присмотра, какие-либо близкие лица, способные осуществлять уход и оказывать помощь П., отсутствуют. В этой связи суд не смог при имеющихся данных вынести решение по существу рассмотрения ходатайства больницы, и назначил судебную психиатрическую экспертизу, поставив перед экспертами вопросы относительно возможности П. самостоятельного проживания, ухода за собой и удовлетворения своих основных потребностей.

Думается, такой подход суда основан на полном и всестороннем исследовании обстоятельств дела и прогнозировании дальнейшей жизни находящегося на принудительном лечении лица, стремлении суда к достижению такой цели принудительных мер медицинского характера, как предупреждение совершения лицами новых общественно опасных деяний, предусмотренных уголовным законодательством, и соотносится с ней.

В дальнейшем, при улучшении психического состояния пациента, может быть принято решение об отмене амбулаторного психиатрического наблюдения и лечения. В числе критериев, позволяющих принять такое решение, можно назвать критическое отношение к заболеванию и совершенному деянию, устойчивое психическое состояние и достаточную социальную адаптацию, отсутствие нарушений режима наблюдения и лечения и др. [5, с. 238–240].

Таким образом, принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях является специально-криминологической мерой предупреждения общественно опасных деяний лиц с психическими расстройствами, применяемой на основании уголовного законодательства. В судебной практике наблюдается тенденция применения данной принудительной меры медицинского характера не в качестве первичной, а при изменении ранее назначенного стационарного психиатрического лечения в отделении с общим типом наблюдения. При этом специфика рассмотрения ходатайств об изменении принудительного стационарного психиатрического лечения на амбулаторное лечение и наблюдение связана с выяснением судами не только психического состояния лица и динамики его поведения и социальной адаптации, но и обстоятельства бытовой жизни и социального статуса лица, совершившего общественно опасное деяния. Думается, что такой подход основан на стремлении к достижению предупредительной цели принудительных мер медицинского характера и соответствует ей.

Литература:

1. *Бондарев Н.В.* Амбулаторное принудительное наблюдение и лечение психически больных лиц, совершивших общественно-опасные деяния / Н.В. Бондарев // Альманах современной науки и образования. 2015. № 12(102). С. 34–36.
2. *Бубнова Т.А.* Предупреждение преступлений, совершаемых осужденными с психическими расстройствами : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Рязань, 2009. 195 с.
3. *Макушкина О.А.* Основные принципы деятельности медицинских служб по внебольничной профилактике общественно-опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами / О.А. Макушкина, Л.А. Яхимович // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2012. № 6(75). С. 35–40.
4. Материал № 6-183/2022 // Архив Курского районного суда Курской области.
5. Показатели оценки эффективности внебольничной профилактики общественно опасных действий психически больных / Л.А. Яхимович [и др.]; Под ред. профессора В.В. Вандыша // Судебная психиатрия. Актуальные проблемы. М. : ФГБУ «ГНЦССП имени В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России, 2012. № 9. С. 231–240.

Literature:

1. *Bondarev N.V.* Outpatient compulsory observation and treatment of mentally ill persons who have committed socially dangerous acts / N.V. Bondarev // Almanac of modern science and education. 2015. № 12(102). P. 34–36.
2. *Bubnova T.A.* Prevention of crimes committed by convicts with mental disorders : dis. ... cand. legal sciences: 12.00.08. Ryazan, 2009. 195 p.
3. *Makushkina O.A.* Basic principles of the activities of medical services for out-of-hospital prevention of socially dangerous actions of persons suffering from mental disorders / O.A. Makushkina, L.A. Yakhimovich // Siberian Bulletin of Psychiatry and Narcology. 2012. № 6(75). P. 35–40.
4. Material № 6-183/2022 // Archive of the Kursk district court of the Kursk region.
5. Indicators for evaluating the effectiveness of out-of-hospital prevention of socially dangerous actions of mentally ill patients / L.A. Yakhimovich; ed. professor V.V. Vandysha // Forensic Psychiatry. Actual problems. M. : FGBU «GNTSSSP named after V.P. Serbsky» Ministry of Health and Social Development of Russia, 2012. № 9. P. 231–240.

Козаев Нодар Шотаевич

доктор юридических наук,
доцент,
заместитель начальника
по учебной и научной работе,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России
nkosaev@mail.ru

Рясов Дмитрий Алексеевич

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного права и криминологии,
Ставропольский филиал
Краснодарского университета МВД России
ryasov_dmitriy@mail.ru

Nodar Sh. Kozaev

Doctor of Law,
Associate Professor,
Deputy Head for Academic
and Scientific work,
Stavropol branch
of the Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
nkosaev@mail.ru

Dmitriy A. Ryasov

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Criminal Law and Criminology
Stavropol branch
Krasnodar University of the Ministry
of internal Affairs of Russia
ryasov_dmitriy@mail.ru

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА
РОССИИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
СОВРЕМЕННЫМ ФОРМАМ
ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ**



Аннотация. В статье рассматриваются особенности современных форм организованной преступности. Раскрываются юридико-технические аспекты конструирования норм уголовного законодательства, регламентирующих ответственность за преступление, предусмотренное ст. 210.1 УК РФ. Проанализированы проблемы судебной и следственной практики по делам о преступлениях против общественной безопасности, содержащих признаки преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ, а также предложены варианты повышения эффективности нормативно-правового обеспечения деятельности органов власти в контексте противодействия современным формам организованной преступности.

Ключевые слова: организованная преступность, преступный профессионализм, преступное сообщество, предупреждение преступности, структура организованной преступности, преступная иерархия.



Организованная преступность – это особый вид преступности, отличающийся устойчивостью и стабильностью состава, строгой иерархичностью между членами группы, значительностью состава, распределением ролей и функций между участниками группы, наличием цели, как правило, корыстной.

Безусловно, преступление, совершенное организованной группой, имеет большую общественную опасность – это отражено почти во всех статьях

**CRIMINAL LAW POLICY OF RUSSIA
IN THE FIELD OF COUNTERING MODERN
FORMS OF ORGANIZED CRIME**



Annotation. The article discusses the features of modern forms of organized crime. The article reveals the legal and technical aspects of the construction of the norms of criminal legislation regulating responsibility for a crime under Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The problems of judicial and investigative practice in cases of crimes against public safety containing signs of a crime under art. 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as options for improving the effectiveness of regulatory and legal support for the activities of authorities in the context of countering modern forms of organized crime.

Keywords: organized crime, criminal professionalism, criminal community, crime prevention, structure of organized crime, criminal hierarchy.



Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ): в квалифицированные составы преступлений вынесен квалифицирующий признак «совершенное организованной группой».

Современные формы организованной преступной деятельности все чаще приобретают трансграничный характер, что позволяет говорить, в контексте международной организованной преступности, которая, в свою очередь, является угрозой как для конкретно взятого государства,



так и для мира, в целом, именно поэтому была создана Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности [1].

Претерпев существенные изменения в видовом и качественном содержании, преступность продемонстрировала присущий ей признак исторической изменчивости и проявила способность приспособливаться к происходящим в стране и обществе преобразованиям.

Изменения, затронувшие систему общественных отношений, как внутри страны, так и в масштабе международных отношений продемонстрировали возросшую необходимость в поиске новых мер противодействия организованным формам преступности.

Более трех лет назад, 01 апреля 2019 года, УК РФ был дополнен новой статьей 2101, содержание которой представляло собой логическое продолжение положений, ранее сформулированных в квалифицированном составе ч. 4, ст. 210 УК РФ, обеспечивающего дифференциацию уголовной ответственности за осуществление руководящей деятельности в составе преступного сообщества лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии [2].

Отмеченная законодательная инициатива, во многом была обусловлена, необходимостью укрепления правовых основ деятельности правоохранительных органов в сфере борьбы с организованной преступностью. Основная идея данных поправок состояла в ликвидации, укоренившейся в преступном мире, вертикали управления преступной деятельностью, верхушку которой, со времен советского государства, составляла криминальная элита, именуемая «Ворами в законе».

Несмотря на то, что в структуре современной преступности кражи давно перестали занимать лидирующие позиции, а в структуре преступников, «Воров» потеснили «Хакеры», лидеры преступных кланов по-прежнему именуют себя «Ворами в законе».

Внесенные поправки в уголовное законодательство привели к криминализации самого статуса «Вора в законе», т.е. фактического занятия высшего положения в преступной иерархии.

Следует отметить, что законодательная конструкция нормы, получившей закрепление в ст. 2101 УК РФ вызвала широкую дискуссию в научном сообществе и поставила, не мало, вопросов перед правоприменителями.

Тем не менее, по прошествии времени, можно говорить о накопившемся опыте применения данной нормы, через призму решенных и не решенных проблем.

Основной проблемой стало определение специальных признаков субъекта данного преступления, а именно занятие лицом высшего положения в преступной иерархии.

Очевидно, что законодатель не мог употреблять принятый в преступном мире и ставший

общеупотребимыми термин «Вор в законе», в виду того, что он является жаргонизмом. Вместе с тем, вряд ли можно было бы найти более удачное определение его качественному содержанию, позволяющему одновременно обозначить объем полномочий реализуемых в сфере преступной деятельности и формулировать в соответствии с принятыми юридико-техническими легальными формами выражения. Но в данном случае, сравнения не допустимы, так как термин со временем не теряет свою негативную окраску. Более того, использование такого термина как «воры в законе» в уголовном законе приведет к ситуации, что определение такого понятия можно будет встретить в словаре русского языка, а не в словаре жаргонизмов, как сейчас. И тогда под термином «закон» придется понимать не только ныне существующий смысл этого слова, но и «закон» в смысле понимания «воров в законе» – «воровской закон», что некорректно.

Как указывалось ранее, термин «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», является синонимом термина «вор в законе», так как именно по своему функционалу, указанная категория преступников представляют собой «криминальную элиту» и наделены максимально широкими полномочиями в области руководства преступной деятельностью.

Представляется верным, что законодатель не желал ограничить круг субъектов, которые могли бы подлежать уголовной ответственности по ст. 2101 УК РФ. Но в связи с тем, что понятие, указанное в уголовном законе, криминологическое, то его уголовно-правовой смысл не ясен, даже Верховный Суд Российской Федерации говорит только о признаках, а не дает определение данного понятия. Полагаем, это связано с тем, что этот термин не отвечает целям и задачам, которые изначально ставил перед собой законодатель.

Термин, используемый в криминологической науке, получивший применение для конструирования диспозиции статьи 2101 УК РФ, не в полной мере отвечает поставленным изначально целям и задачам.

В контексте рассматриваемых вопросов, интерес представляет мотивировочная часть приговора № 1-16/2016 1-322/2015 от 15 января 2016 г. по делу № 1-16/2016[3], где указано: «Для организации и создания преступного сообщества (преступной организации) прибыли неустановленные следствием лица, которые занимали высшее положение в преступной иерархии, так называемые «воры в законе», и представлявшие преступные интересы воровского клана».

Этот приговор вызывает особый интерес в связи с тем, что суд, придя к выводу о тождественности терминов «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», и «вор в законе» отмечает, что они являются синонимами.

Доктрина уголовного закона, представлена рядом авторских позиций, содержание которых представляют интерес в контексте рассматриваемых вопросов. Так, одним из вариантов решения

указанной проблемы В.А. Попов, считает возможным элиминировать данные признаки субъекта преступления в связи с их криминологической природой и оценочным характером в целях устранения дополнительных, искусственно созданных трудностей в процессе правоприменения [4, с. 32].

Такое же мнение высказывает С.Д. Белоцерковский: «положенцы» и «смотрящие» являются специальными субъектами, предусмотренными в ст. 2101 УК РФ, а «вор в законе» является специальным субъектом, предусмотренным в ст. 2101 УК РФ [5, с. 11].

Все это существует на уровне теоретических воззрений, мнений конкретных ученых, а четкого и регламентированного закрепления в УК РФ или других нормативно-правовых актах, в настоящее время не содержится. Все аспекты, которые связаны с привлечением к уголовной ответственности по ст. 2101 УК РФ должны быть дополнительно урегулированы.

Полагаем, что заимствование криминологической терминологии, в некоторой степени, размывает сложившееся представление о системе источниковой базы используемой при конструировании уголовно-правовых норм.

Нерешенность данного вопроса, по прежнему вынуждает суды самостоятельно толковать тот термин, который указан в ст. 2101 УК РФ. Как мы видим, не всегда толкования являются систематизированными, между судами, отсутствует единообразие судебного толкования – это лишь подтверждает уже высказанный тезис о том, что пробел в указанной части уголовного закона не устранен.

Полагаем, что решение указанной проблемы возможно посредством легального толкования соответствующего признака и разъяснения его содержания в формате примечания к соответствующей норме. Для целей разъяснения необходимо консультироваться со специалистами, которые занимаются проблемой «воров в законе» и организованными группами, созданными ими, для систематизации и выявления всех тех признаков и функций, которые обладают общественной опасностью. Безусловно, для такого тщательного анализа необходимо углубленно изучить внутренние проблемы и специфику такой деятельности, в некотором роде ее урегулировать. Но без подробного нормативного закрепления норма не будет работать – правоприменителям необходимо опираться на конкретные действия, которые должны быть нормативно закреплены. В этом же нормативно-правовом акте или в рекомендациях Пленума Верховного Суда РФ будет необходимо разъяснить правоприменителям, что термин «воры в законе» является полным синонимом к термину «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» [6, с. 53].

При формулировании соответствующего разъяснения следует исходить из объема полномочий, обладание которыми предполагает статус лица занимающего высшее положение в преступной

иерархии, а именно его ключевую роль в организации деятельности преступного сообщества.

В качестве варианта решения затронутой проблемы может быть формулирование соответствующего определения, и его закрепления в качестве 3 примечания к ст. 210 УК РФ следующим образом: «Под лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса следует понимать лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющее общее руководство преступным сообществом (организацией), координирующее его преступную деятельность, наделенное правом голоса при участии в собрании организаторов, руководителей (лидеров) или иных представителей преступных сообществ (преступных организаций) по вопросам осуществления преступной деятельности».

Такое урегулирование проблемы позволит разрешить множество задач:

- 1) лица, ныне не подлежащие уголовной ответственности, будут обладать необходимым объемом деликтоспособности, учитывающей характер и степень общественной опасности, осуществляемой ими деятельности;
- 2) к уголовной ответственности будут привлекаться не только сами «воры в законе», но и «положенцы», «смотрящие», и так далее – не будет важен статус лица в криминальном мире, а важны лишь общественно опасные действия, те функции, которые они исполняют;
- 3) в уголовном законе не будет использован жаргонизм, благодаря бланкетной диспозиции.

В противном случае, ситуация меняться не будет, также, как и ужесточение борьбы с организованной преступностью, а цели провозглашенные законодателем в пояснительной записке к внесению изменений в ст. 210 УК РФ останутся декларативными. Также как сейчас, лица, обладающие статусом «вора в законе», будут консолидировать вокруг себя большой круг лиц и открыто заявлять, что они являются «ворами в законе», и по-прежнему исполнять те функции, которые характерны для этого статуса [7, с. 163].

Еще одной проблемой в практике применения рассматриваемой нормы является возникшая конкуренция с преступлением, предусмотренным ч. 4 ст. 210 УК РФ. Устанавливая ответственность за совершение преступления лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, законодатель, желая того или нет, установил конкуренцию со ст. 2101 УК РФ – формально эти деяния всегда будут образовывать идеальную совокупность.

С точки зрения научных основ квалификации преступлений, было бы неправильно говорить о совокупности, но этот вывод на сегодняшний день неочевиден. Изменение диспозиции ст. 2101 УК РФ и отражение в ней конкретных общественно опасных деяний позволило бы разграничить данные составы и в случае совершения поименованных в статье действий можно было бы говорить о реальной совокупности преступлений [5; с. 6].

В настоящий момент уголовный закон в части противодействия организованной преступности вне всяких сомнений требует изменений. Но при введении в уголовный закон новой нормы необходимо исходить из того, что помимо материального права есть процессуальное, и правоприменители не должны сталкиваться с проблемами в аспекте доказывания совершения виновным преступления – для этого необходимы разъяснения.

Для разрешения сложившихся на практике проблем, все же, следует определиться с целью действия ст. 2101 УК РФ:

1. Если целью является привлечение к более строгой ответственности «воров в законе», которые создали и (или) руководили преступным сообществом – то менять существующую диспозицию бессмысленно, так как альтернатив термину «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» в нормативно-правовом определении не существует.

2. Если целью является привлечение к ответственности лиц, которые обладают авторитетом в данной организованной преступной группе за счет чего повышается общественная опасность данного преступного сообщества – то, безусловно, диспозиция требует изменений.

3. Если формирование нормативно-правовой основы для осуществления противодействия организованным формам преступной деятельности путем ликвидации верхушки криминальной элиты, то следует заимствовать опыт законодателя Грузии, который ввел в свое уголовное законодательство специальную норму закрепившую основание уголовной ответственности в диспозиции ст. 223.1 УК Грузии, в которой используется термин «*კანონიერი ქურდობი*», который дословно переводится на русский язык, как «законный вор». Этот термин является абсолютным аналогом термина «вор в законе», так как иногда «воров в законе» называют «законниками» – это тождественные термины, они являются синонимами [8. с. 84].

Исходя из прямого толкования текста уголовного закона и правоприменительной практики, можно прийти к выводу о том, что сейчас диспозиция

Литература:

1. Конвенция против транснациональной организованной преступности: резолюция 55/25 Генеральной Ассамблеи от 15.11.2000 года // Бюллетень международных договоров. М., 2005. С. 3–33. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения 07.09.2022).

2. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности: Официальный сайт «Система обеспечения законодательной деятельности». URL : <http://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (дата обращения 19.03.2022).

ст. 2101 УК РФ не соответствует изначальной цели законодателя. В процессе изучения релевантной судебной практики был выявлен приговор [9], в рамках которого рассматривалось заключение специалиста, указавшего в заключении лингвистической экспертизы, что «вор в законе» – это лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии».

Еще одной особенностью рассматриваемого состава является то, что устанавливая уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, законодатель определяет длящийся характер общественно опасного деяния. Начало данного преступления связано с принятием (возложением) полномочий определяющих высшее положение лица в преступной иерархии. Соответственно все время, в течение которого лицо обладало полномочиями, присущими для лидера преступного сообщества (организации), следует признавать временем совершения единого преступления.

Пресечение рассматриваемого преступления посредством предусмотренных законом мер, в принципе, не возможно, поскольку сам факт привлечения лица к уголовной ответственности не является препятствием для продолжения занятия высшего положения в преступной иерархии, поскольку фактическое пребывание лица в местах лишения свободы не препятствует занятию высшего положения в преступной иерархии. В этой связи, продолжающееся занятие высшего положения в преступной иерархии после осуждения лица за данное преступление не может образовывать признаков множественности, в связи с чем, повторное привлечение к уголовной ответственности будет недопустимым по причине прямого нарушения ч. 1 ст. 50 Конституции Российской Федерации.

В связи с изложенным, обоснован вывод о том, что ужесточение ответственности за такие преступления имеет под собой объективную потребность. Специфика структуры и деятельности организованных групп демонстрирует, что общественная опасность совершения преступлений в составе организованной группы повышается многократно.

Literature:

1. Convention against Transnational Organized Crime: General Assembly resolution 55/25 of 15.11.2000 // Bulletin of International Treaties. M., 2005. № 2. P. 3–33. URL : http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (date of the application 07.09.2022).

2. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in terms of countering organized crime: Official website «System of legislative activity support». URL : <http://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7> (date of the application 19.03.2022).

3. Приговор Читинского районного суда (Забайкальский край) от 15 января 2016 г. по делу № 1-16/2016. URL : <http://sudact.ru/regular/doc/SSQmCt8UUxNS> (дата обращения 19.03.2022).
4. Григорьев Д.А. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? / Д.А. Григорьев, В.И. Морозов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. № 4(30). С. 50–58.
5. Белоцерковский С.Д. Новый Федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения / С.Д. Белоцерковский // Уголовное право. 2010. № 2. С. 11–14.
6. Клейменов М.П. Развитие организованной преступности: явление и определение / М.П. Клейменов, И.М. Клейменов // Вестник Омского университета. Серия: Право. Омск, 2017. № 2. С. 160–164.
7. Глonti Г. Профессиональная преступность в Грузии (воры в законе) / Г. Глonti, Г. Лобжанидзе. Тбилиси : TraCCC, 2004. 273 с.
8. Приговор Железнодорожного районного суда (город Ростов-на-Дону) от 31 октября 2012 г. по делу № 1-163/2012 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС Gcourts.ru (дата обращения 19.06.2022).
3. The verdict of the Chita District Court (Zabaykalsky Krai) of January 15, 2016 in case № 1-16/2016. URL : <http://sudact.ru/regular/doc/SSQmCt8UUxNS> (date of the application 19.03.2022)
4. Grigoriev D.A. How to identify a person who occupies the highest position in the criminal hierarchy? / D.A. Grigoriev, V.I. Morozov // Legal science and law enforcement practice. M., 2014. № 4(30). P. 50–58.
5. Belotserkovsky S.D. The new Federal Law on strengthening the fight against criminal communities: commentary and problems of application / S.D. Belotserkovsky // Criminal Law. M., 2010. № 2. P. 11–14.
6. Kleimenov M.P. Development of organized crime: phenomenon and definition / M.P. Kleimenov, I.M. Kleimenov // Bulletin of Omsk University. Series: Law. Omsk, 2017. № 2. P. 160–164.
7. Glonti G. Professional crime in Georgia (thieves in law) / G. Glonti, G. Lobzhanidze. Tbilisi : TraCCC. 2004. 273 p.
8. Verdict of the Railway District Court (Rostov-on-Don) dated October 31, 2012 in case № 1-163/2012 // The document was not published. Access from the ATP Gcourts.ru (date of the application 19.06.2022).

Кузнецова Инна Анатольевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
Владимирский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
kuzina33@mail.ru

Матвеева Тамара Павловна

старший преподаватель
кафедры частноправовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
matveeva33@mail.ru

Кузнецова Наталья Александровна

старший преподаватель
кафедры частноправовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
kuz1503@yandex.ru

**ПРАКТИКА БОРЬБЫ С НЕЛЕГАЛЬНЫМ
РЫНКОМ ТРУДА: НАЦИОНАЛЬНЫЙ И
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**



Аннотация. На любом этапе развития государства проблема занятости населения выступает одной из наиболее распространенных и широкомасштабных проблем. Статья посвящена борьбе с нелегальным рынком труда. В работе авторы раскрывают вопросы, касающиеся определения понятия «нелегальный рынок труда», причин его возникновения и распространения. Особое внимание уделяется способам борьбы с нелегальным рынком труда, а также – их эффективности.

Ключевые слова: трудовое право, труд, рынок труда, нелегальный рынок труда, борьба с нелегальным рынком труда, способы борьбы с нелегальным рынком труда.



На любом этапе развития государства проблема занятости населения выступает одной из наиболее распространенных и широкомасштабных проблем, так как работа является неотъемлемой частью жизни каждого трудоспособного гражданина. Независимо от ее содержания, условий, требований, предъявляемых к работнику, сложности и ответственности, она охватывает

Inna A. Kuznetsova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines,
Vladimir branch
Russian Academy of National Economy
and Public Service under the President
of the Russian Federation
kuzina33@mail.ru

Tamara P. Matveeva

Senior Lecturer of the Department
of Private Law Disciplines of the Faculty
of Law and Management,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service
matveeva33@mail.ru

Natalia A. Kuznetsova

Senior Lecturer of the Department
of Private Law Disciplines of the Faculty
of Law and Management,
Vladimir Law Institute of the Federal
Penitentiary Service
kuz1503@yandex.ru

**THE PRACTICE OF COMBATING
THE ILLEGAL LABOR MARKET: NATIONAL
AND INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS**



Annotation. At any stage of the development of the state, the problem of employment of the population is one of the most common and widespread problems. The article is devoted to the fight against the illegal labor market. In his work, the author discloses questions regarding the definition of the concept of «illegal labor market», the reasons for its emergence and spread. Particular attention is paid to ways of combating the illegal labor market and their effectiveness.

Keywords: labor law, work, labor market, illegal labor market, fight against illegal labor market, ways of fight against illegal labor market.



большую часть жизни каждого человека, а также – его дальнейшие перспективы развития. Работа задает некий «социальный фон» жизни людей. Ведь современный человек имеет массу потребностей, удовлетворение которых напрямую зависит от его финансовой обеспеченности, которая, в свою очередь, исходит из реализуемой им работы. Чем больше расширяются объемы

производства, развиваются те или иные отрасли, тем больше рабочих мест создается, а, в совокупности с остальными, они составляют рынок труда. Вопрос о состоянии рынка труда в Российской Федерации всегда является одним из важнейших вопросов политики государства.

И.И. Мухина, Е.Н. Синдяшкина определяют понятие «рынок труда» как систему отношений в социально-экономической сфере жизни общества, которые образуются между работодателями, определяющими спрос на рабочую силу, и работниками по найму, выступающими в роли предложения рабочей силы на рассматриваемом рынке» [2, с. 57]. Благодаря этому механизму, происходит реализация права на труд граждан, осуществляется их финансовое обеспечение через оплату труда, а также, пополняется бюджет государства за счет средств, отчисляемых в качестве налогов.

В сегодняшнее напряженное время, а также, ввиду растущих санкций со стороны западных держав на наше государство, встает необходимость обеспечения мер поддержки занятости населения, и снижения нагрузки на российскую экономику. Так в начале 2022 года, чтобы поддержать рынок труда, Правительством РФ было выделено более 39 млрд рублей из резервного фонда [1].

Тем не менее, на практике все больше получает свое распространение такое явление, как «нелегальный рынок труда», под которым можно понимать следующее: «Неформальный вид занятости, демонстрирующий сокрытие реально существующих отношений найма в целях роста доходности трудовой сделки» [3, с. 99]. Многие ученые также присваивают ему наименование «теневой» рынок труда и полагают, что он является частью теневой экономики страны.

Изучение данного явления позволило выделить некоторые из его характерных черт, к которым в частности можно отнести:

- отсутствие письменного оформления трудовых договоров;
- отсутствие данных о работниках в бухгалтерской отчетности работодателя, что, в свою очередь, способствует уклонению от налогов;
- нечеткое соблюдение или полное отсутствие техники безопасности, при этом ответственность за возможные неблагоприятные ситуации не имеет четкого определения, как по объемам, так и по субъектам (кто, как и кому будет компенсировать и т.д.);
- несоответствие условий труда и самой деятельности санитарным нормам и иным государственным стандартам, закрепленным в нормативных правовых актах страны;
- расчет работодателя с работником преимущественно наличными денежными средствами, подлинность которых определить сложно, а перемещение и вовсе невозможно;

- отсутствие какой-либо социальной защиты работника, что полностью возлагает на него ответственность за все возможные ситуации в процессе осуществления своей трудовой деятельности и иные [3, с. 101].

Можно предположить, что на увеличение неформальной занятости, в определенной мере, повлияли коронавирусные ограничения, переход организаций на дистанционный режим работы, закрытие предприятий, сокращение рабочих мест. Кроме всего на рынок труда, и в том числе, на рынок теневой занятости значительное влияние оказывают низкий уровень жизни населения, увеличение цен на продукты питания, постоянно повышающиеся платежи за коммунальные услуги, рост уровня безработицы и низкий уровень заработной платы, несмотря на меры социальной поддержки населения в период пандемического кризиса.

Также, к факторам, влияющим на рынок труда, можно отнести значительное изменение международных отношений в мире и многое другое.

Так, по данным Росстата, рост теневой экономики в России составлял: в 2010 году – 712 трлн рублей; в 2015 год – 23,4 трлн рублей; в 2018 году – 20,7 трлн рублей; в 2020 году – 20,5 трлн руб. В начале 2022 года теневая занятость уже составляла 18,4 %. Это показывает об наметившихся изменениях в экономике, на рынке труда, в торговле и на рынке финансовых услуг.

Самые высокие показатели теневой занятости в России отмечены в Ингушетии, Дагестане. Лучшие обстоит дела в Мурманской области. В Москве уровень теневой занятости минимален (4 %) [7].

Значительно ниже неучтенная занятость в развитых странах. Благополучнее чем в России обстоит дела в Японии, Нидерландах, Сингапуре и в некоторых других государствах. Хотя высокая инфляция в настоящий момент оказывает свое влияние на многие европейские государства.

Если говорить о нелегальном (теневом) рынке труда, то его появление возможно в различных формах. Приведем в качестве примера некоторые из них.

Так, теневая деятельность, как основа теневого рынка может представляться как форма индивидуального выживания. Она предполагает наличие помимо основной занятости скрытую занятость, то есть иной источник дохода, который не имеет законной государственной регистрации, а, следовательно, не облагается налогами. Помимо этого, одной из форм является нерегистрируемое предпринимательство, что напрямую исходит из первой формы. В качестве примера такой деятельности можно привести продажу изделий ручной работы, фермерство, оказание транспортных услуг массового характера без соответствующего юридического оформления и т.д.

Возникновению нелегального рынка труда способствовали определенные причины. Их разнообразие велико, в связи с чем, рассмотрим лишь

некоторые из них, содержащиеся в трудах Р.И. Акьюлова.

- Возможность получения легких денег, которые не обременены налоговыми отчислениями в государственные структуры и организации.
- Осуществление деятельности без соблюдения правил и норм, установленных государством, что полностью снимает обязанность по социальному обеспечению работников работодателем.
- Низкий уровень экономического (финансового) обеспечения в результате получения «чистых денег». Это вынуждает работника искать иные источники дохода, где можно получить больше денег при этом, не осуществляя отчисления в пользу государства.
- Нежелание работодателя нести ответственность за жизнь и обеспечение работника, производить выплаты в налоговые органы.
- Стремительный рост безработицы.
- Массовые миграционные потоки и т.д. [4, с. 23].

Исходя из всего вышеизложенного, можно сказать, что нелегальный (теневой) рынок труда влечет за собой значительные последствия, как для государства, так и для отдельно взятых личностей. Они могут быть представлены дефицитом бюджета, отсутствием пенсионных накоплений, травмами и иными неблагоприятными вытекающими последствиями.

В связи с этим, различные государства мира осуществляют свои методы борьбы с нелегальным рынком труда. Они достаточно разнообразны, но сводятся примерно к одному – решение проблем его создающих.

Отталкиваясь от зарубежного опыта, можно привести ряд определенных мер, которые применялись в некоторых странах Европы.

Так, например, многие из них с ростом теневого рынка труда взяли курс на модернизацию и смену ориентиров трудовых инспекций. В этом отношении в Румынии при осуществлении трудовых проверок приоритет отдавался наиболее подверженным данному явлению областям – промышленным предприятиям и строительной сфере. По аналогичному пути пошла и Латвия, сосредоточившись на сфере обслуживания – ресторанах и кафе. В тоже время в Швеции такими областями стали такси и парикмахерские, а Словения обратила внимание на школы вождения.

В результате этих действий указанным странам удалось вывести по примерным подсчетам около 25 % «серых» доходов граждан, а также

Литература:

1. Распоряжение Правительства РФ от 18 марта 2022 года № 537-р. URL : <http://publication.pravo.gov.ru>

существенно снизить уровень возникновения новых случаев пополнения теневого рынка труда [5, с. 122].

Еще один действенный способ борьбы с теневым рынком труда – повышение штрафов, которым активно пользовалась Германия. Так, неуплата социальных взносов была криминализована в уголовное законодательство, а штрафы существенно выросли до 300 евро. В свою очередь, это способствовало снижению сектора нелегального рынка труда почти на 20 % [6, с. 13].

Интересным представляется иной способ борьбы, которым активно стала пользоваться Германия в период массового наплыва иностранных мигрантов в 2015 году. Государство не только не пыталось остановить этот поток и ввести определенные ограничения, а, напротив, активно поощряло и оказывало содействия в официальном трудоустройстве вновь прибывшего населения, что существенно увеличило бюджет в стране, в том числе, и сократило долю «серых» работников.

Российская Федерация также предпринимает определенные меры в отношении борьбы с теневым рынком труда, например, посредством увеличения МРОТ, следствием чего должно стать увеличение заработной платы. Подтверждением этому служит принятие Федерального закона от 06.12.2021 № 406-ФЗ «О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «О минимальном размере оплаты труда» (с 01 июля 2022 года он составляет 15279 рублей).

Помимо этого, широкое распространение получил национальный проект «Демография», одной из задач которого является содействие в занятости и трудоустройстве граждан, их профессиональному переобучению или повышению уже существующей квалификации.

И, несмотря на все трудности и проблемы, проанализировав рынок труда в России, стоит заметить, что структура его в последние годы неоднородна. На начало 2022 года в России почти на 10 процентов сократилась неучтенная занятость.

Внедрение новых технологий, востребованность HR-специалистов, снижение кредитных ставок, поддержка некоторых отраслей экономики, проведение эксперимента по установлению специального налогового режима для самозанятых, тем не менее, несмотря на это значительная доля трудоспособного населения по-прежнему предпочитает ведение нелегальной трудовой деятельности (около 40 %), в связи с чем, борьба с данной проблемой еще на долгое время будет являться одной из приоритетных задач не только российского государства, но и многих других развитых и развивающихся стран мира.

Literature:

1. Decree of the Government of the Russian Federation № 537-r dated March 18, 2022. URL : <http://publication.pravo.gov.ru>

2. Мухина И.И. Занятость и безработица: кризис или новые возможности / И.И. Мухина, Е.Н. Синдяшкіна // Социально-трудовые исследования. 2020. № 3(40). С. 56–67.

3. Акьюлов Р.И. Теневой рынок труда и экономическая безопасность России: проблемы и перспективы / Р.И. Акьюлов // Муниципалитет: экономика и управление. 2020. № 3(32). С. 97–103.

4. Акьюлов Р.И. Современные тенденции развития теневой занятости в российской экономике / Р.И. Акьюлов // Дискуссия. 2020. № 2(99). С. 23–29.

5. Неженская И.В. Анализ зарубежной практики борьбы с теневой экономикой / И.В. Неженская // АНИ: экономика и управление. 2013. № 1. С. 112–124.

6. Акперов К.Э. Приоритеты миграционной политики Германии и механизмы ее реализации / К.Э. Акперов // Вестник науки и образования. 2019. № 9-2(63). С. 10–17.

7. Росстат. URL : <https://rosinfostat.ru/tenevaya-ekonomika>

2. Mukhina I.I. Employment and unemployment: crisis or new opportunities / I.I. Mukhina, E.N. Sindyashkina // Social and labor research. 2020. № 3(40). P. 56–67.

3. Akyulov R.I. The shadow labor market and economic security of Russia: problems and prospects / R.I. Akyulov // Municipality: economics and management. 2020. № 3(32). P. 97–103.

4. Akyulov R.I. Modern trends in the development of shadow employment in the Russian economy / R.I. Akyulov // Discussion. 2020. № 2(99). P. 23–29.

5. Nezhenskaya I.V. Analysis of the foreign practice of combating the shadow economy / I.V. Nezhenskaya // ANI: economics and management. 2013. № 1. P. 112–124.

6. Akperov K.E. Priorities of German migration policy and mechanisms of its implementation / K.E. Akperov // Bulletin of Science and Education. 2019. № 9-2(63). P. 10–17.

7. Rosstat. URL : <https://rosinfostat.ru/tenevaya-ekonomika>

Курбанов Рашад Афатович
доктор юридических наук,
профессор,
заведующий кафедрой
гражданско-правовых дисциплин,
Российский экономический
университет имени Г.В. Плеханова
Kurbanov.RA@rea.ru

Попов Алексей Алексеевич
кандидат юридических наук,
доцент кафедры
гражданско-правовых дисциплин,
Российский экономический
университет имени Г.В. Плеханова,
старший научный сотрудник лаборатории
правовых проблем
недропользования и экологии,
Институт проблем экологии
и недропользования
Академии наук Республики Татарстан
Popov.A@rea.ru

АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ЦИФРОВЫХ ПРАВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН



Аннотация. Следуя принципу открытости экономики, в Гражданский кодекс Республики Казахстан в 2020г. были внесены изменения, касающиеся введения нового объекта гражданских прав – цифровых активов. Данная категория призвана урегулировать отношения, возникающие по поводу использования как уже длительный период существующих криптоактивов, но в будущем может потенциально распространяться на больший круг объектов. В статье дается анализ действующего законодательства в указанной сфере и перспектив его развития в ближайший период.

Ключевые слова: цифровые права, цифровые активы, криптоактивы, ЕАЭС, инвестиционные платформы.



Вряд ли кто-то из практических специалистов и исследователей станет аргументированно возражать против того, что право как регулятор общественных отношений объективно должно динамично успевать за изменениями этих отношений, оперативно реагировать на появляющиеся новые отношения и гибко подстраиваться под

Rashad A. Kurbanov
Doctor of Law,
Professor,
Head of the Department
of Civil Law Disciplines,
Russian Economic University
named after G.V. Plekhanov
Kurbanov.RA@rea.ru

Alexey A. Popov
Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
of Civil Law Disciplines,
Russian Economic University
named after G.V. Plekhanov,
Senior Researcher at the Laboratory of Legal
Problems of Subsoil Use and Ecology,
Institute of Ecology and Subsoil Use
Problems Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan
Popov.A@rea.ru

ANALYSIS OF LEGAL REGULATION OF DIGITAL RIGHTS TURNOVER IN THE REPUBLIC KAZAKHSTAN



Annotation. Following the principle of openness of the economy, amendments were made to the Civil Code of the Republic of Kazakhstan in 2020, which supplemented the existing objects of civil rights with a new category – digital assets. The introduction of this category is aimed at regulating the relations arising from the use of existing crypto assets for a long period of time. In the foreseeable future, the regulatory framework for the use of various digital assets, including investment assets, in economic turnover will continue. The article analyzes the current legislation in this area and the prospects for its development in the near future.

Keywords: digital rights, digital assets, crypto assets, EAEU. investment platforms.



меняющиеся традиционные. Целями таких изменений в праве, как нам представляется, выступает, в том числе, обеспечение достаточного уровня защиты прав в их статике и динамике¹.

Перед тем как перейти непосредственно к анализу вынесенной в заголовок настоящей статьи

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20415. URL : <https://rscf.ru/project/22-28-20415>

проблематики, связанной с включением цифровых прав в перечень объектов гражданского права, позволим себе привести некоторую историческую ретроспективу использования компьютерных технологий в республиках СССР.

Первый крупномасштабный компьютер БЭСМ-1 был собран в Москве в Институте точной механики и вычислительной техники имени С.А. Лебедева. Советские работы по компьютерам впервые были обнародованы на Дармштадтской конференции ещё в 1955 году. Как и в Соединенных Штатах, ранние компьютеры предназначались исключительно для научных и военных расчетов.

Если не принимать во внимание постепенное робкое распространение индивидуальных устройств с 1982 г. (IBM), используемых функционально как более продвинутый вариант электронной печатной машинки, то роль компьютеров в управлении сложными системами общего гражданского назначения долгое время оставалась довольно скромной и вспомогательной.

Исключением можно считать числовое программное управление (сокр. ЧПУ; англ. computer numerical control, сокр. CNC – компьютерное числовое управление) – область техники, связанная с применением цифровых вычислительных устройств для управления производственными процессами. В этой сфере в СССР также был достигнут более чем заметный прогресс в 1960-е по удаленному управлению сложными производственными процессами (металлургия, прокатное производство и пр.).

Все приведенные достижения не получили сколько-нибудь заметной правовой регламентации информационно-телекоммуникационной сферы, за исключением производственных регламентов операторов ПЭВМ различного типа и отраслевого назначения.

По настоящему серьезным вызовом законодателю в государствах на территории бывшего СССР стали, развивающиеся и усложняющиеся современные цифровые технологии, которые с конца XX в. с огромной скоростью изменяют современное общество, одновременно порождая самую насущную потребность в детализированном правовом регулировании. Дистанционное банковское обслуживание (интернет-банкинг), электронная торговля, электронная коммерция, расчеты посредством сети Интернет через систему электронных кошельков уже прочно вошли в нашу повседневную жизнь. С середины 2000-х гг. новым фактором, с каждым годом все более влияющим на экономические отношения, стало появление криптовалют, а затем – и токенов.

Факторы нарастающей цифровизации в экономике подвигли ряд государств к необходимости регулирования в рамках национального законодательства использования криптовалют и ICO [1] (США, Япония, Швейцария, Беларусь и др.), Казахстан, также как и Россия, в режиме выжидательного отношения к упомянутым явлениям

оставался в стороне от этого процесса, более того, это заметно демонстрировало определенное негативное отношение к данным экономическим феноменам. Однако с каждым годом становилось все более очевидным, что такая политика приведет лишь ко все большему отставанию от других государств. В итоге, все-таки сложилось определенное понимание необходимости технологического развития и адекватного правового регулирования того, что, в целом, именуют «цифровой экономикой».

В итоге, в Республике Казахстан вслед за изменениями в российском законодательстве, вступившими в силу с 01.10.2019 г. (ст. 128 ГК РФ) в рамках большого пакетного закона, были внесены изменения в ст. 115 и 116 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – ГК РК).

В соответствии с изменениями, внесёнными Законом Республики Казахстан от 25.06.20 г. № 347-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий», в ГК РК появились две ключевые нормы о цифровых активах как аналогах цифровых прав в ГК РФ. Так, ч. 2 ст. 115 ГК РК теперь действует в следующей редакции: «2. К имущественным благам и правам (имуществу) относятся: вещи, деньги, в том числе, иностранная валюта, финансовые инструменты, работы, услуги, объективированные результаты творческой интеллектуальной деятельности, фирменные наименования, товарные знаки и иные средства индивидуализации изделий, имущественные права, цифровые активы и другое имущество».

Статья 116 ГК РК с титулом «Оборотоспособность объектов гражданских прав» была дополнена п. 3-1 следующего содержания: «3-1. Понятие и виды цифровых активов, а также, особенности оборота цифровых активов определяются законодательством Республики Казахстан, актами Международного финансового центра «Астана».

Как нам представляется, термин «цифровые активы», включенный в ГК РК является более удачным чем «цифровые права» в ст. 128 ГК РФ, который, будучи рассчитанным на многие категории (финансовые, имущественные, инвестиционные и пр.), всё же, отличается полисемией [2]. Так, с середины 2000-х годов «цифровые права» в одном из своих значений стали понимать как комплекс прав человека, заключающийся в праве людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, доступ и использование компьютеров и иных электронных устройств, а также, коммуникационных сетей, в частности, к сети Интернет. Доступ в Интернет уже многие годы признаётся как неотъемлемое право в соответствии с законодательством ряда стран. К этому можно добавить, что в массовом обиходе со времен 1950-х годов в СССР «права» – водительское удостоверение, и если оно, в массе своей, в формате госуслуг и электронного взаимодействия станет не бумажным, а цифровым; вот и третье, но далеко не последнее значение термина «цифровые права».

Цифровые активы вошли в перечень объектов гражданского права в соответствии с новой редакцией ст. 115 ГК РК, а п. 3.1. ст. 116 ГК РК, носит при этом отсылочный характер к законодательству, которое должно быть принято в развитие и определить понятие, виды и особенности оборота для их отдельных категорий.

Какую последующую нормативную «разверстку» получают цифровые активы в законодательстве Казахстана, пока неясно, т.к. нет законопроектов или планов законотворческой работы в данной сфере.

Законодательство Казахстана, как мы видим, на данный момент очень лаконично и даже не раскрывает сущность самого понятия «цифровой актив» в отдельной ст. ГК РК (подобно ст. 141.1 ГК РФ) либо в отдельном законе, также, отсутствуют и нормы, в которых какие-либо обязательственные права были названы цифровыми активами.

Возможно, в порядке прогноза развития законодательства, предположить, что цифровые активы будут определены как отдельный вид имущественных прав, которыми признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Дополнительно потребуются раскрыть содержание и условия осуществления прав на цифровые активы, в том числе, закрепить норму об обладателе цифрового актива (аналогичную п. 2 ст. 141.1 ГК РФ, указывающей, что обладателем цифрового права признается лицо, которое, в соответствии с правилами информационной системы, имеет возможность им распоряжаться). В заключение следует заметить, что пока не существует закона, в котором какие-либо права были названы в качестве разновидности цифрового актива. При этом следует принимать во внимание и особенности регулирования финансово-инвестиционной сферы Казахстана, проявляющейся в своеобразной ковариантности с того момента как, по инициативе Н.А. Назарбаева, был принят Конституционный закон Республики Казахстан от 07 декабря 2015 года № 438-V ЗРК «О Международном финансовом центре «Астана» [3] (далее – МФЦА).

МФЦА сегодня позиционируется как современный финансовый хаб для стран Центральной Азии, Евразийского экономического союза, Кавказа, Монголии, Западного Китая и Восточной Европы, имеющий одной из главных целей поддержку устойчивого экономического роста и содействие развитию широкого спектра финансовых услуг.

Уже с момента создания для МФЦА поставлена стратегическая цель войти в 20-ку крупнейших финансовых деловых центров Азии к 2030 г.

Одновременно с этим, МФЦА – первая в ЕАЭС площадка, предоставляющая бизнесу системный доступ к быстрорастущему и перспективному сегменту инвестиций – исламским финансам. По

различным оценкам, объем этого сегмента в мире уже составляет более 2,5 трлн долларов с прогнозом роста до 3,8 трлн к 2023 г.

При этом важно отметить, что исламское финансирование в МФЦА развивается не в противоречие, а в комплексирование к традиционным европейским финансовым инструментам, и, на наш взгляд, даёт только дополнительные преимущества, стабильность и устойчивость на самую долгосрочную перспективу.

Индустрия исламских финансов уже играет важную роль в развитии реальной экономики и повышении стабильности мировой финансовой системы. Создание прочной финансовой системы определено как одна из важных задач, способствующих развитию экономики Казахстана.

Обоснованно предполагается, что дальнейшее развитие исламского финансирования в МФЦА, предлагающего множество финансовых и бизнес-решений для внутреннего рынка и региона Центральной Азии, улучшит конкурентоспособность и динамичность финансового центра и будет работать на укрепление роли МФЦА как ведущего регионального финансового центра, интегрированного с мировым рынком.

Возникает резонный вопрос: Не входят ли развитие цифровых активов в МФЦА и, в целом, в Казахстане в некоторое сложное противоречие с исламским финансированием? Справедливости ради следует отметить, что дискуссия здесь далеко не закрыта. Так, ведущие исламские страны и богословы, специализирующиеся на исламских финансах, пока не пришли к единому мнению по цифровым деньгам. К примеру, муфтий Египта и одновременно известный эксперт в мире исламских финансов, профессор Мунзир Кахф определили криптовалюту неприемлемой с точки зрения шариата денежной системой.

Не дождавшись общей согласованной позиции или же имея свое собственное видение криптовалюты, в Саудовской Аравии, Турции, Тунисе, Малайзии официально разрешили ее оборот. Причем, в Малайзии даже заявили о планах по созданию «исламской криптовалюты».

Каким образом появление новой категории в ГК РК отзовется на объеме финансовых рынков криптовалют и токенов и других возможных категорий цифровых активов? На наш взгляд, до развития законодательства и появления первой правоприменительной практики это невозможно обоснованно прогнозировать. Однако ориентиры, пусть и укрупненные, всегда можно найти в соотношении емкостей фондового рынка стран ЕАЭС. Это далеко не лишает отдельные страны возможности ставить амбициозные цели по созданию и развитию новых финансовых центров Евразии.

Как нам представляется, только по мере принятия специального законодательства и его применения для регулирования деятельности инвестиционных платформ, работающих с цифровыми активами в Казахстане, можно будет оценить значимость рассматриваемого нового вида объектов

для экономического развития страны и для формирования общего финансового рынка ЕАЭС.

На сегодняшний день, в Казахстане также как и в России ежегодно растет количество пользователей приложений для инвестирования [4] и количество инвестиционных частных счетов составляет: 132,86 тыс. счетов физлиц в Центральном депозитарии ценных бумаг и около 98 тыс. – в депозитарии биржи AIX. Аналитические прогнозы предполагают, что развитие инвестиционных платформ позволит нарастить число розничных игроков на фондовом рынке [4]. При этом выделяются такие категории, как краудинвестинговые и краудфандинговые площадки, равноправное кредитование, фонды и бизнес-ангелы, которые, независимо от условий взаимодействия участников экономических отношений, нацелены на альтернативное многовариантное инвестирование.

Как нам представляется, наибольшее значение среди всего перечисленного для перспектив оборота цифровых активов имеет краудфандинг как новый дополнительный инструмент инвестирования. По состоянию на 2022 г. в развитых экономиках под краудфандингом одинаково понимается инвестирование большим числом физических лиц небольших сумм в проекты новых компаний, находящихся на начальных этапах развития. Способы реализации такой складчины могут отличаться: где-то привычнее взаимодействие через социальные сети, а, в иных случаях, используется функционал инвестиционных платформ либо разновидности внебиржевого распространения бездокументарных ценных бумаг. На 2019 г. краудфандинг как разновидность прямых инвестиций в мировой экономике уже оценивался в 13,9 млрд долл. США, с прогнозом на увеличение к 2026 г. до 39,8 млрд долл. США [6].

По состоянию на 2022г. уже в 36-ти государствах, среди которых и передовые страны мира – США, Великобритания, Германия, Испания, Япония, Канада, Швейцария, – криптовалюта уже стала самостоятельным игроком на рынке. Цифровые деньги в этих странах можно использовать как платежные средства, их оборот контролируется властями или никак не ограничивается.

Казахстан по состоянию регулирования занял промежуточное положение между странами, одобряющими криптовалюты, и странами, категорически их запретившими. Национальный банк Казахстана не включил криптовалюту либо другие цифровые активы в государственную систему денежного оборота, но в стране, в целом, не воспрещается ее использование.

Одновременно с этим, инвестиционные платформы в Казахстане не имеют специального законодательного статуса, а термин в экономическом обороте имеет больше технологическое значение для онлайн-инвестирования, чем правосубъектное.

Инвестиционные платформы как специализированные программы пришли с периода 2015–2017 гг. на смену дорогостоящим и не гибким программам

инвестирования. В массовом обывательском понимании это – брокеры Казахстана, программы или даже приложения на телефон, которые можно использовать для заработка или пассивного дохода самостоятельно. Для регистрации достаточно быть совершеннолетним и иметь банковский счёт.

Стоит заметить, что наиболее массовые популярные платформы на сегодняшний день не казахстанские, т.к. предполагается, что в Казахстане инвестиционная культура только развивается и уровень доверия к казахстанским компаниям невысокий, потому что компании-эмитенты пока не могут предоставить надёжную гарантию роста инвестиций.

Рассматриваемые платформы дают возможность начать инвестировать с небольших сумм (20 \$), предоставляют возможность обучения путем копирования сделок опытных трейдеров или через специализированный курс перед началом инвестирования и даже предлагают застраховать свое вложение, чтобы не потерять деньги. К сожалению, в Казахстане такие программы пока не создаются, поэтому язык управления приложения может быть английским, хотя многие уже включили русский в один из основных языков (!) и как следствие валютой операции часто являются доллары, евро, в некоторых случаях, рубли, но не тенге.

Проанализировав предлагаемый сегодня функционал наиболее массово используемых в Казахстане платформ-приложений (Bulkestate, Capital.com, Crowd Estate, Autoinvest, DebitumNetwork, eToro, Mintos, NordFX, Paybis, Reinvest24, Viainvest и пр.), можно резюмировать, что, типично, они позволяют вкладываться в недвижимость и ипотечные продукты европейских стран, (в Литве, Латвии, Польше и Эстонии) торговать акциями и биржевыми товарами через брокера, либо работают по принципу электронного обменного пункта, где можно приобрести и продать любые криптовалюты. К сервису Mintos, дающему возможность инвестировать в займы на глобальном рынке, обращаются в коммерческих масштабах такие казахстанские компании, как Tengo.kz, ID Finance, Кредит 24 и LFTECH.

На наш взгляд, недостаточность, неполнота регулирования деятельности инвестиционных платформ в существующем виде не может обеспечить стимулирование реальных инвестиций в экономику в Казахстане и ЕАЭС.

Выводы.

1. Термин «цифровые активы», используемый в действующей редакции статей 115 и 116 Гражданского кодекса Республики Казахстан, в его гражданско-правовом содержании эквивалентен термину «цифровые права» ст. 128 в ГК РФ.

После редакционных изменений ст.ст. 115 и 116 ГК РК термин «цифровые активы» не получил дальнейшего развития как по отдельным разновидностям, так по особенностям их оборота.

2. В развитие положений ст. 115 и 116 ГК РК, в Казахстане целесообразно принятие законодательного массива подобного Федеральному закону от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и Федеральному закону «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ.

Российское законодательство не претендует на статус образцового и модельного, но законодатели Казахстана вполне могут учесть всесторонний опыт правоприменения, полноту и

Литература:

1. Initial coin offering, (читается Ай Си О, с англ. – «первичное предложение [размещение] монет») – форма привлечения инвестиций в виде продажи инвесторам фиксированного количества новых единиц криптовалют, полученных разовой или ускоренной генерацией. Встречается также форма «первичного предложения токенов».

2. Полисемия (от греч. πολυσημία – «многозначность») – многозначность, многовариантность, то есть наличие у слова (единицы языка, термина) двух и более значений, исторически обусловленных или взаимосвязанных по смыслу и происхождению. См.: *Песина С.А.* Полисемия в когнитивном аспекте: монография. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2005. 325 с.

3. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL : <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z150000438> (дата обращения 07.07.2022).

4. Для Казахстана наиболее используемые: Freedom Finance. Halyk Finance. АО Jysan Invest. АО BCC Invest; в России в ТОП входят: Тинькофф Инвестиции, ВТБ: мои инвестиции, Сбербанк: Мой инвестор, Открытие брокер, Альфа директ, FinamTrade, Мой брокер (БКС), МТС инвестиции, Альфа-капитал, Alpari invest.

5. Подробнее на Kursiv Media. URL : <https://kz.kursiv.media/2021-01-27/kakie-prilozheniya-dlya-investitsiy-poyavilis-v-kazakhstane> (дата обращения 07.07.2022).

6. Развитие альтернативных механизмов инвестирования: прямые инвестиции и краудфандинг. Доклад для общественных консультаций. URL : https://cbr.ru/Content/Document/File/112055/Consultation_Paper_200811.pdf (дата обращения 07.07.2022).

7. URL : <https://cbr.ru/registries/?CF.Search=%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC&CF.TagId=&CF.Date.Time=Any&CF.Date.DateFrom=&CF.Date.DateTo> (дата обращения 10.07.2022).

эффективность. Также, может быть учтен российский опыт практической реализации в сфере национальных инвестиционных платформ, связанный с включением в реестр ЦБ РФ за период с 02.06.2020 г. по 13.07.2022 г. уже 65 специализированных организаций [7].

3. Цели реализации планов по созданию общего финансового рынка ЕАЭС к 01.01.2025 г., со всей очевидностью, формируют запрос на дальнейшее большее сближение законодательства в рассматриваемом сегменте цифровой экономики как для привлечения прямых инвестиций, так и для обеспечения равных прав инвесторов независимо от того, резидентами какой страны ЕАЭС они являются.

Literature:

1. Initial coin offering, (read AI Si O, from English – «initial offer [placement] of coins») is a form of attracting investment in the form of selling to investors a fixed number of new units of cryptocurrencies received by one-time or accelerated generation. There is also a form of «initial token offering».

2. Polysemy (from the Greek. πολυσημία – «polysemy») – polysemy, multivariance, that is, the presence of a word (a unit of language, term) of two or more meanings historically conditioned or interrelated in meaning and origin. See: *Pesina S.A.* Polysemy in the cognitive aspect : monograph. URL : Publishing House of A.I. Herzen RSPU, 2005. 325 p.

3. Information and legal system of regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan. URL : <https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z150000438> (date of the application 07.07.2022).

4. For Kazakhstan, the most used: Freedom Finance. Halyk Finance. JSC Jysan Invest. JSC BCC Invest; in Russia, the TOP includes: Tinkoff Investments, VTB: my investments, Sberbank: My investor, Otkritie broker, Alfa Direct, FinamTrade, My Broker (BCS), MTS Investments, Alfa Capital, Alpari invest.

5. Read more on Kursiv Media. URL : <https://kz.kursiv.media/2021-01-27/kakie-prilozheniya-dlya-investitsiy-poyavilis-v-kazakhstane> (date of the application 07.07.2022).

6. Development of alternative investment mechanisms: direct investment and crowdfunding. A report for public consultation. URL : https://cbr.ru/Content/Document/File/112055/Consultation_Paper_200811.pdf (date of the application 07.07.2022).

7. URL : <https://cbr.ru/registries/?CF.Search=%D0%B8%D0%BD%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D1%85+%D0%BF%D0%BB%D0%B0%D1%82%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC&CF.TagId=&CF.Date.Time=Any&CF.Date.DateFrom=&CF.Date.DateTo> (date of the application 10.07.2022).

8. *Aru I.* The Fundamental Principles of Utility Tokens in the Blockchain Ecosystem. 2020. URL : <https://www.ccn.com/fundamental-principles-utility-tokens-blockchain-ecosystem> (дата обращения 10.07.2022).

9. *Новоселова Л.* «Токенизация» объектов гражданского права / Л. Новоселова // *Хозяйство и право*. 2017. № 12. С. 29–44.

10. *Санникова Л.В.* Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота / Л.В. Санникова, Ю.С. Харитоновна // *Право и экономика*. 2018. № 4. С. 27–34.

11. *Федоров Д.В.* Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта / Д.В. Федоров // *Вестник гражданского права*. 2018. № 2. С. 30–74.

12. *Свон М.* Блокчейн. Схема новой экономики. М. : Олимп-Бизнес, 2017. С. 11.

13. *Сулейменов М.К.* Цифровизация и совершенствование гражданского законодательства. URL : <https://www.zakon.kz/5009131-tsifrovizatsiya-i-sovershenstvovanie.html>. (дата обращения 10.07.2022).

8. *Aru I.* The Fundamental Principles of Utility Tokens in the Blockchain Ecosystem. 2020. URL : <https://www.ccn.com/fundamental-principles-utility-tokens-blockchain-ecosystem/>. (date of the application 10.07.2022).

9. *Novoselova L.* «Tokenization» of objects of civil law / L. Novoselova // *Economy and law*. 2017. № 12. P. 29–44.

10. *Sannikova L.V.* Digital assets as objects of entrepreneurial turnover / L.V. Sannikova, Yu.S. Kharitonova // *Law and economics*. 2018. № 4. P. 27–34.

11. *Fedorov D.V.* Tokens, cryptocurrency and smart contracts in domestic bills from the perspective of foreign experience / D.V. Fedorov // *Bulletin of Civil Law*. 2018. № 2. P. 30–74.

12. *Swan M.* Blockchain. Scheme of the new economy. M. : Olympus-Business, 2017. P. 11.

13. *Suleimenov M.K.* Digitalization and improvement of civil legislation. URL : <https://www.zakon.kz/5009131-tsifrovizatsiya-i-sovershenstvovanie.html> (date of application 10.07.2022).

Леснов Николай Николаевич
магистрант,
Московский университет
имени А.С. Грибоедова
Forester82@yandex.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ СТАНДАРТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, КВАЛИФИЦИРУЕМЫХ КАК ЛЕГАЛИЗАЦИЯ (ОТМЫВАНИЕ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Аннотация. В данной статье анализируется значимость основополагающих международных нормативных актов, чье регулирующее воздействие направлено на превенцию и противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. По итогам публикации сделан вывод о том, что мировым сообществом накоплен весомый опыт в деле противодействия коррупции и легализации (отмывания) доходов от преступной деятельности, который снискал достойное закрепление в рамках конвенционного регулирования и служит дополнительным стимулом прозрачности, эффективности и главное – правовой направленности для заключения международных договоров финансово-экономического характера.

Ключевые слова: легализация, отмывание, международные акты, терроризм, незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ, противодействие.

Индикативным показателем значительной международной опасности легализации криминальных доходов является международный резонанс – вопросам противодействия данному виду общественно-опасного поведения посвящено множество международных документов и конвенций.

Конвенционное регулирование вопросов, касающихся выработки платформы мирового сообщества, имеющей целью противодействие отмыванию доходов, полученных преступным путем, направлено на констатацию возможности извлечения сверхприбыли в результате трансграничной преступной деятельности, в т.ч., незаконного оборота наркотиков, оружия и иных запрещенных и ограниченных в обороте предметов и веществ, с возможностью вливания данных активов в легальную экономическую деятельность.

Программным международным документом, ориентирующим государства на осуществление

Nikolai N. Lesnov
Master's Student,
Moscow University
named after A.S. Griboyedov
Forester82@yandex.ru

INTERNATIONAL LEGAL STANDARDS OF RESPONSIBILITY FOR COMMITTING CRIMES QUALIFIED AS LEGALIZATION (LAUNDERING) OF PROCEEDS FROM CRIME

Annotation. This article analyzes the significance of the fundamental international regulations, whose regulatory impact is aimed at preventing and combating the legalization (laundering) of proceeds from crime. Based on the results of the article, it was concluded that the world community has accumulated significant experience in combating corruption and the legalization (laundering) of proceeds from crime, which has earned a worthy consolidation in the framework of conventional regulation and serves as an additional incentive for transparency, efficiency and, most importantly, a legal orientation for the conclusion international agreements of a financial and economic nature.

Keywords: legalization, laundering, international acts, terrorism, illegal circulation of narcotic drugs and psychotropic substances, counteraction.

международного оборота товаров и денежных средств в правовом режиме, исключающем возможность извлечения и последующей легализации (отмывания) криминальных доходов, может быть, по праву, признана Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 11.05.1980 [1], призывающая учитывать необходимость содействия достижению единообразия в ее применении и соблюдению добросовестности в международной торговле (ст. 7). Думается, что подобное предписание ориентирует на исключение любых форм незаконного извлечения прибыли из договоров трансграничной купли-продажи и последующей легализации криминальных доходов.

Конвенция ООН о борьбе с коррупцией от 31.10.2003 [2] (далее – Конвенция о борьбе с коррупцией) устанавливает порядок приостановления (замораживания) операций, ареста, конфискации и возвращения доходов от преступной деятельности в качестве меры, направленной на

предотвращение их легализации (ст. 3). В конечном счете, приведенные предписания Конвенции о борьбе с коррупцией, являются фактором, препятствующим проникновению в финансово-экономическую сферу государства и в честный бизнес активов сомнительного (с неясными правовой природой и источником происхождения) характера.

В Конвенции ООН против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20.12.1988 [3] указывается на то, что незаконный оборот обеспечивает большие прибыли и финансовые средства; это позволяет транснациональным преступным организациям проникать в правительственные механизмы, законную торговую и финансовую деятельность и общество на всех его уровнях, разлагать и подрывать их (Прембула). Фактически, в подобной формулировке отражена озабоченность ООН возможностью отмывания денежных средств, полученных преступным путем, через легальные государственные механизмы и структуры частного бизнеса.

Рекомендации Специальной финансовой комиссии по проблемам отмывания денег (FATF – Financial Action Task Force of Money Laundering) «Отмывание денег и финансирование терроризма, связанные с пандемией COVID-19. Риски и политические меры реагирования» [4], разработанные в мае 2020 г., акцентируют внимание мирового сообщества на проблеме создания дополнительных возможностей для преступников отмывать незаконные денежные средства посредством использования нерегулируемого финансового сектора и неправомерного использования и хищения финансовой помощи на национальном и международном уровнях, а также средств из фондов чрезвычайных и непредвиденных расходов. Указание на недопустимое, в любой ситуации фактического характера, ослабление государственного контроля за финансовыми потоками, в известной степени, способно сыграть роль фактора, ограничивающего хищение и незаконное обращение денежных средств, препятствующего легализации криминальных доходов.

Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности, заключенная в Страсбурге 08.11.1990 [5], делает акцент на том, что средства правовой защиты от легализации криминальных доходов должны быть эффективными и нацеленными на сохранение прав участвующих в Конвенции сторон (ст. 5).

Аналогичной значимостью обладает Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 [6], одной из целей которой является противодействие легализации доходов от преступной деятельности, осуществляемой на территориях нескольких государств.

Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма, заключенная в Варшаве 16.05.2005 [7], ратифицированная Россией 26.06.2017 (далее – Варшавская конвенция об отмывании и

конфискации преступных доходов), содержит разъяснения относительно категориального аппарата отмывания преступных доходов и перечень мер, направленных на пресечение подобных действий, розыск и конфискацию полученного незаконным путем имущества. В частности, в целях реализации ответственности за отмывание доходов, полученных преступным путем, и финансирование терроризма, Варшавская конвенция об отмывании и конфискации преступных доходов предоставляет государствам-участникам возможность разыскивать, отслеживать, идентифицировать, замораживать, изымать и конфисковывать имущество (ч. 2 ст. 2).

В отдельных международных нормативных документах сделан акцент на раскрытии основополагающих для квалификации криминального поведения анализируемого вида понятий. Так, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 09.12.1999 [8] сфокусирована на раскрытии содержания сентенции «средства» в качестве понятия, значимого для уголовного права и криминалистики.

Знаковую роль в противодействии легализации незаконных активов играют Международные договоры Российской Федерации, определяющие политику нашего государства в сфере внешнеэкономической деятельности, подтверждающие его ориентированность на общепризнанные стандарты в сфере национального и трансграничного оборота товаров, услуг и денежных средств. Россия, являясь частью мирового сообщества, не может дистанцироваться от его ценностных и правовых установок, в которых нет и не может быть места преступным схемам ведения бизнеса на основе капитала, обладающего криминальной предысторией.

Договор о Евразийском экономическом союзе, подписанный в Астане 29.05.2014 [9], устанавливает, что Союз осуществляет свою деятельность на основе соблюдения принципов рыночной экономики и добросовестной конкуренции. Следование приведенным принципам исключает любую возможность проникновения в финансовую деятельность государства доходов сомнительного происхождения.

В рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕврАзЭС), действует Договор о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при перемещении наличных денежных средств и (или) денежных инструментов через таможенную границу таможенного союза от 19.11.2011 [10] (далее – Договор ЕврАзЭС о противодействии отмыванию преступных доходов от 2011 г.), который раскрывает содержание основных понятий и предметных категорий, обладающих значимостью для квалификации легализации доходов криминального характера.

Для примера может быть также приведено Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве и взаимной помощи в области борьбы с незаконными финансовыми

операциями, а также, с финансовыми операциями, связанными с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем от 12.02.1999 [11]. Предметом упомянутого Соглашения выступает сотрудничество по следующим направлениям: предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие незаконных финансовых операций, а также, финансовых операций, связанных с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем (ст. 2). Достигнутые договоренности исполняются сторонами в должном правовом режиме.

Литература:

1. Вестник Высшего Арбитражного суда РФ. 1994. № 1.
2. Собрание законодательства РФ. 26.06.2006. № 26. Ст. 2780.
3. Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. М., 1994. Вып. XLVII.
4. Рекомендации Специальной финансовой комиссии по проблемам отмывания денег «Отмывание денег и финансирование терроризма, связанные с пандемией COVID-19. Риски и политические меры реагирования». Перевод АНО МУМ-ЦФМ. Париж : Секретариат ФАФТ, 2020. С. 4.
5. Собрание законодательства РФ. 20.01.2003. №3. Ст. 203.
6. Собрание законодательства РФ. 04.10.2004. № 40. Ст. 3882.
7. Собрание законодательства РФ. 19.02.2018. № 8. Ст. 1091.
8. Собрание законодательства РФ. 24.03.2003. № 12. Ст. 1059.
9. Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в Астане 29.05.2014 (в ред. от 01.10.2019) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : www.pravo.gov.ru (дата обращения 02.10.2022).
10. Собрание законодательства РФ. 27.05.2013. № 21. С. 2561.
11. Бюллетень международных договоров. 1999. № 11.

Таким образом, можно утверждать, что мировым сообществом накоплен весомый опыт в деле противодействия коррупции и легализации (отмывания) доходов от преступной деятельности, который снискал достойное закрепление в рамках конвенционного регулирования и служит дополнительным стимулом прозрачности, эффективности и главное – правовой направленности для заключения международных договоров финансово-экономического характера.

Literature:

1. Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1994. № 1.
2. Collection of legislation of the Russian Federation. 06/26/2006. № 26. Art. 2780.
3. Collection of international treaties of the USSR and the Russian Federation. M., 1994. Issue XLVII.
4. Recommendations of the Special Financial Commission on Money Laundering «Money laundering and terrorist financing related to the COVID-19 pandemic. Risks and Policy Responses». Translation by ANO ITMCFM. Paris: FAFT Secretariat, 2020. P. 4.
5. Collection of legislation of the Russian Federation. 01/20/2003. Number 3. Art. 203.
6. Collection of legislation of the Russian Federation. 04.10.2004. № 40. Art. 3882.
7. Collection of legislation of the Russian Federation. 02/19/2018. № 8. Art. 1091.
8. Collection of legislation of the Russian Federation. 03/24/2003. № 12. Art. 1059.
9. Treaty on the Eurasian Economic Union. Signed in Astana on May 29, 2014 (as amended on October 1, 2019) // Official Internet portal of legal information. URL : www.pravo.gov.ru (date of the application 02.10.2022).
10. Collection of legislation of the Russian Federation. May 27, 2013. № 21. P. 2561.
11. Bulletin of international treaties. 1999. № 11.

Литвинов Артем Валерьевич
кандидат технических наук,
доцент кафедры
деятельности органов внутренних дел
в особых условиях,
Омская академия МВД России
artyom_hawk@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ВОДИТЕЛЕЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ ЗА НЕПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ПРЕИМУЩЕСТВА В ДВИЖЕНИИ ПЕШЕХОДАМ

Аннотация. Несмотря положительную динамику по снижению показателей дорожно-транспортной аварийности, связанную с наездами на пешеходов, данный вид дорожно-транспортного происшествия стабильно остается вторым по массовости. Примечательным является тот факт, что наезды на пешеходов преимущественно происходят по вине водителей транспортных средств, вследствие нарушений ими Правил дорожного движения, в специально отведенных для перехода проезжей части местах, т.е. на пешеходных переходах. В рамках исследования рассматривается зарубежный опыт по формированию норм, определяющих порядок проезда нерегулируемых пешеходных переходов, судебная практика для определения подходов по привлечению к ответственности водителей транспортных средств за непредоставление преимущества в движении пешеходам и формирование на их основе предложений по внесению изменений в Правила дорожного движения, которые, как мы полагаем, могли бы снизить показатели аварийности на нерегулируемых пешеходных переходах.

Ключевые слова: административная ответственность; дорожно-транспортное происшествие; нерегулируемый пешеходный переход; преимущество (приоритет), уступить дорогу.

Актуальность исследования. Несмотря положительную динамику по снижению показателей дорожно-транспортной аварийности, связанную с наездами на пешеходов, данный вид дорожно-транспортного происшествия стабильно остается вторым по массовости. Практически каждое третье дорожно-транспортное происшествие связано с наездом на пешеходов, кроме того, данные дорожно-транспортные происшествия характеризуются высокой тяжестью последствий. Так, в результате наездов на

Artyom V. Litvinov
Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor of the Department
Activities of Internal Affairs Bodies
under Special Conditions,
Omsk Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
artyom_hawk@mail.ru

FEATURES OF BRINGING DRIVERS OF VEHICLES TO ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR NOT PROVIDING AN ADVANTAGE IN TRAFFIC TO PEDESTRIANS

Annotation. Despite the positive dynamics in reducing the indicators of road traffic accidents associated with pedestrian collisions, this type of road traffic accident consistently remains the second most widespread. It is noteworthy that collisions with pedestrians usually occur due to the fault of drivers of vehicles, due to violations of traffic Rules by them, in places specially designated for crossing the carriageway, i.e. at pedestrian crossings. The study examines foreign experience in the formation of norms defining the order of passage of unregulated pedestrian crossings, judicial practice to determine approaches to hold drivers of vehicles accountable for not providing an advantage in traffic to pedestrians and the formation on their basis of proposals to amend the Rules of the road, which, as we believe, could reduce accident rates at unregulated pedestrian crossings.

Keywords: administrative responsibility; traffic accident; unregulated pedestrian crossing; advantage (priority), give way.

пешеходов на дорогах Российской Федерации ежегодно гибнет свыше 3500 человек. Примечательным является тот факт, что наезды на пешеходов преимущественно происходят по вине водителей транспортных средств, вследствие нарушений ими Правил дорожного движения, в специально отведенных для перехода проезжей части местах, т.е. на пешеходных переходах. Наибольшее количество погибших зафиксировано в часы пик и в темное время суток. На нерегулируемых пешеходных переходах зафиксировано свыше

70 % наездов от общего количества дорожно-транспортных происшествий на пешеходных переходах, в которых основными виновниками стали водители транспортных средств, на регулируемых пешеходных переходах ситуация иная здесь наблюдается недисциплинированность пешеходов.

Результаты исследования. Как отмечалось ранее при рассмотрении актуальности темы исследования, дорожно-транспортные происшествия, связанные с наездами на пешеходов, серьезной проблемой для государства [1]. Несмотря на то, что ежегодно сотрудниками органов внутренних дел проводятся профилактические мероприятия по обеспечению безопасности дорожного движения на пешеходных переходах, участникам дорожного движения разъясняются их права и обязанности, в 2021 г. возбуждено около одного миллиона дел об административном правонарушении, выражающемся в непредоставлении преимущества в движении пешеходам [2]. Речь идет о выявлении правонарушения сотрудниками полиции. Между тем, обращает на себя внимание достаточно противоречивая судебная практика, связанная с рассмотрением дел об административном правонарушении, предусмотренном статьей 12.18 КоАП РФ [3].

Так, при рассмотрении дела Юргинским городским судом гражданка Ч. была привлечена к административной ответственности за непредоставлении преимущества в движении пешеходу [4]. Гражданка Ч. осуществляла выезд из пересечения проезжих частей, пересекая пешеходный переход, по которому на разрешающий сигнал светофора осуществлял движение пешеход, привлечена к ответственности за непредоставление преимущества в движении пешеходу. Попытка со стороны гражданки Ч. обжаловать действие должностного лица, составившего протокол об административном правонарушении, не была удовлетворена. Указание гражданки Ч. на отсутствие в действиях пешехода попыток изменить скорость или направление движения во время движения по пешеходному переходу. Суд при вынесении решения исходил из того, что участник дорожного движения (гражданка Ч.) своими действиями не должна была создавать помех в движении пешеходу, иными словами, выполнить требование пунктов 13.1, 1.2 Правил дорожного движения [5]. Требование п. 1.2 Правил (далее – ПДД) заключается в отсутствии в действиях участников дорожного движения **создания возможности** вынудить других участников, имеющих по отношению к нему преимущество, изменить направление движения или скорость.

При рассмотрении дела Гулькевичским районным судом факт совершения административного правонарушения подтверждается постановлением по делу об административном правонарушении, протоколом об административном правонарушении, объяснениями пешехода [6]. Данное дело примечательно тем, что пешеход осуществлял переход проезжей части с противоположного края относительно направления движения автомобиля. Водитель, сначала остановился перед пешеходным переходом, а затем продолжил

движение, не обеспечив беспрепятственный переход проезжей части пешеходом, полагаем, из-за некорректного трактования п. 14.1, 14.2, 1.2 ПДД.

Суд при рассмотрении дела об административном правонарушении, предусмотренном ст. 12.18 КоАП РФ, исходил из норм, предусмотренных Конвенцией о дорожном движении, принятой в г. Вена, понятия «Преимущество (приоритет)», выражающемся в праве на первоочередное движение в намеченном направлении по отношению к другим участникам дорожного движения. Суд, принимая решение, исходил из того, что водитель при наличии пешехода на пешеходном переходе должен был остановиться и пропустить пешехода, заблаговременно снизив скорость [7].

Примечательным является решение суда [8], которое по результатам рассмотрения жалобы гражданина Ф., отменило постановление органов ГИБДД о привлечении его к ответственности по ст. 12.18 КоАП РФ. Суд исходил из того, что расстояние от пешеходов до транспортного средства обеспечивало отсутствие в создании помех в движении пешеходам, более того и также отсутствию возможности создания им помех, как это принимается во внимание в решениях, рассмотренных в ходе исследования.

Изучая хронологию изменений правил проезда пешеходных переходов, в частности, обязанности водителей транспортных средств при приближении к нерегулируемому пешеходному переходу, обратимся к двум основным периодам: редакция п. 14.1 ПДД до и после 2014 г. Так, предыдущая редакция не содержала понятия «уступить дорогу (не создавать помех)», а обязывала водителя снизить скорость или остановиться. На наш взгляд, учитывая сложившееся разностороннее трактование данного понятия, редакция п. 14.1 ПДД являлась более определенной для участников дорожного движения и сотрудников, осуществлявших надзор за дорожным движением. Между тем, рассматриваемая редакция п. 14.1 ПДД обязывала водителей выполнить требования о снижении скорости или остановке при условии движения пешехода по проезжей части, либо его вступления на проезжую часть. Действующая же редакция указывает на выполнение требования уступить дорогу пешеходам, переходящим дорогу или вступившим на проезжую часть (трамвайные пути) для осуществления перехода. Содержащиеся нормы в редакции ПДД до 2014 г., фактически требовали от пешехода выбора удобного момента для того, чтобы вступить на проезжую часть, действующая же редакция указывает на наступление преимущества в движении у пешехода, приближающегося к пешеходному переходу по тротуару или обочине.

Анализ Правил дорожного движения соседних республик Казахстан, Беларусь, Узбекистан (далее – ПДД с указанием названия республики) определяют обязанность водителей транспортных средств, приближающихся к пешеходному переходу весьма по-разному. В п. 14.1 ПДД Республики Казахстан указывается на необходимость уступить дорогу пешеходам, при этом

акцент выполнен на указание места нахождения пешехода, при котором водитель обязан выполнить требование уступить дорогу, а именно фактически в случае осуществления перехода по траектории, пересекающей направление движения транспортного средства. В п. 116 ПДД Республики Беларусь не применяется понятие «уступить дорогу», а указывается на выполнение обязанности водителя транспортного средства предоставить преимущество в движении пешеходу. В п. 109 ПДД Республики Узбекистан не применяются понятия «уступить дорогу», «преимущество», однако, говорится об обязанности водителя выполнить действия по снижению скорости или остановке для пропуска пешехода, переходящего проезжую часть. Отметим, что разъяснение, в чем выражается действие водителя в части выполнения требования «пропустить пешехода» в «Общих положениях» ПДД Республики Узбекистан не содержится.

Таким образом, подводя итог рассмотрению принятых в ряде стран СНГ норм, определяющих порядок действий водителей транспортных средств в случае их приближения к нерегулируемому пешеходному переходу, а также, судебных

Литература:

1. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 2021 год. Информационно-аналитический обзор. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2022. 126 с.
2. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2021 году: информационно-аналитический обзор / К.С. Баканов, П.В. Ляхов, М.М. Исаев [и др.]. М. : ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2022. 128 с.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 «О Правилах дорожного движения». Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Решение № 12-220/2019 от 05 ноября 2019 г. по делу № 12-220/2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/kZnwtk1gmNmJ>
6. Решение № 12-33/2020 от 19 мая 2020 г. по делу № 12-33/2020. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/4CBOvOccvmZn>
7. Решение № 12-18/2021 от 03 марта 2021 г. по делу № 12-18/2021. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/ilKieGyqjXVT/>.
8. Решение № 30-2-203/2021 от 28 апреля 2021 г. по делу № 30-2-203/2021. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/bvXyFSGAXZWR>

решений, принятых при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 12.18 КоАП РФ, наглядно демонстрируется отсутствие единого подхода к трактованию норм, предусмотренных Правилами дорожного движения.

На наш взгляд, понятие «уступить дорогу (не создавать помех)» является весьма оценочным, что предопределяет его различное толкование. Полагаем, что для более четкого понимания всеми участниками дорожного движения правил проезда пешеходных переходов, п. 14.1 Правил требует иного содержания, а именно, исключения понятия «уступить дорогу (не создавать помех)», внося изменения в данный пункт, изложив его в следующей редакции «Водитель транспортного средства, приближающегося к нерегулируемому пешеходному переходу, обязан остановиться или снизить скорость перед пешеходным переходом для обеспечения преимущества (приоритета) в движении пешеходов, переходящих дорогу или вступивших на проезжую часть (трамвайные пути) для осуществления перехода, путь движения которых он пересекает».

Literature:

1. Road traffic accidents in the Russian Federation for 2021. Informational and analytical review. M. : FКУ «NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia», 2022. 126 p.
2. Law enforcement activities in the field of road safety in 2021: information and analytical review / K.S. Bakanov, P.V. Lyakhov, M.M. Isaev [et al.]. M. : FКУ «NC BDD of the Ministry of Internal Affairs of Russia», 2022. 128 p.
3. Code of the Russian Federation on Administrative Offences of December 30, 2001 № 195-FZ (with amendments and additions) Access from the legal reference system «Consultant Plus».
4. Decree of the Government of the Russian Federation of October 23, 1993. № 1090 «On the Rules of the road». Access from help.-legal system «Consultant Plus».
5. Decision № 12-220/2019 of November 05, 2019 in case № 12-220/2019. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/kZnwtk1gmNmJ>
6. Decision № 12-33/2020 of May 19, 2020 in case № 12-33/2020. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/4CBOvOccvmZn>
7. Decision № 12-18/2021 of March 03, 2021 in case № 12-18/2021. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/ilKieGyqjXVT>
8. Decision № 30-2-203/2021 of April 28, 2021 in case № 30-2-203/2021. URL : <https://sudact.ru/regular/doc/bvXyFSGAXZWR>

Люев Тембот Хабасович

старший преподаватель
кафедры деятельности органов
внутренних дел в особых условиях,
Северо-Кавказский институт
повышения квалификации (филиал)
Краснодарского университета МВД России
loov2012@mail.ru

Tembot Kh. Lyuev

Senior Lecturer of the Department
of Internal Affairs in the Special Conditions,
North Caucasus Institute
for Advanced Studies (branch)
of the Krasnodar University
of the Ministry of Internal Affairs of Russia
loov2012@mail.ru

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ,
ОКАЗЫВАЮЩИХ СОДЕЙСТВИЕ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМ ОРГАНАМ
НА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ОСНОВЕ,
В НАЦИОНАЛЬНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

**THE LEGAL BASIS FOR ENSURING
THE SECURITY OF PERSONS PROVIDING
ASSISTANCE TO LAW ENFORCEMENT
AGENCIES ON A CONFIDENTIAL BASIS
IN THE NATIONAL LEGISLATION
OF FOREIGN COUNTRIES**



Аннотация. Статья посвящена вопросам становления и развития работы с агентурой в некоторых зарубежных странах, а также -рассмотрению мер по обеспечению безопасности лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, организации получения от граждан анонимной информации о преступлениях в Германии и США и возможном использовании зарубежного опыта в России.

Ключевые слова: лица, оказывающие негласное содействие правоохрнительным органам, конфиденты, конфиденциальное сотрудничество, анонимная информация.



Правовая культура жителей большинства европейских стран и США в части восприятия необходимости и значимости правоохрнительной системы, а также, ее роли для обеспечения безопасности общества, страны и граждан значительно отличается от отношения к этому жителей Российской Федерации.

В европейских странах развитие агентурной работы, наиболее близкой по ее виду и содержанию к современным стандартам, пришлось на 18 век. Например, во Франции одним из основоположников становления этого направления оперативно-розыскной деятельности стал известный сыщик и первый глава Главного управления национальной безопасности Э.Ф. Видок, который считал, что основным критерием оценки работы агентуры, является не ее многочисленность, т.е., количество поступающих сообщений, а ее эффективность, т.е., качество и достоверность поступающей от конфидентов информации. При этом, по его мнению, за подобную информацию агенту



Annotation. The article is devoted to the formation and development of work with agents in some foreign countries, as well as to the consideration of measures to ensure the security of persons who provide confidential assistance to the bodies engaged in operational-search activities, the organization of obtaining anonymous information from citizens about crimes in Germany and the United States and possible using foreign experience in Russia.

Keywords: persons providing covert assistance to law enforcement agencies, confidants, confidential cooperation, anonymous information.



должно быть положено достойное материальное вознаграждение.

В Германии наибольшего развития агентурная работа также получила в 18 веке в период правления короля Фридриха II, который приветствовал разведывательную деятельность на территории других государств. Работники посольств вели вербовочную деятельность в тех странах, где они находились, и собирали сведения о степени боеготовности и состоянии армии данного государства. Актуальным направлением признавалась вербовка женщин, чьи возможности получения значимой информации ценились значительно выше мужских. При этом система получения сообщений конфидентов была выстроена таким образом, что полученная из одного источника информация, должна была быть подтверждена через другие независимые источники, что значительно повышало эффективность агентурной работы.



Из развитых европейских государств ранее всего агентурная работа в ее современном понимании зародилась и развивалась в Англии, где ее активное становление пришлось на начало 16 века. Уже тогда деятельность агентуры разделялась на разведывательную работу в зарубежных странах (в основном, это крупные страны Европы: Германия, Испания, Франция), и работу по противодействию преступности и контрразведке внутри самой Англии и на территории ее колоний.

В большинстве развитых западных стран, а также – в Японии и Китае в современных условиях достаточно эффективно зарекомендовал себя метод получения анонимной информации от жителей, для чего разрабатываются специальные информационные системы и каналы связи для приема такого рода сообщений.

Особенно успешно метод сбора анонимных сообщений от населения проявляет себя в борьбе с преступлениями коррупционной направленности. Такая информационная система Business-Keeper-Monitoring-System (BKMS® System), через которую информатор в полностью анонимном режиме может направить сообщение в правоохранительные органы [2], была разработана, например в Германии. При использовании данной системы лицу, предоставившему анонимную информацию о преступлении, гарантируется удаление сведений из сети, позволяющих его идентифицировать, поскольку ни IP-адрес, ни время в сети не сохраняются.

В Соединенных Штатах лицо, оказавшее содействие органам правопорядка пусть и анонимно, в зависимости от значимости информации и тяжести преступления, о котором сообщается, может претендовать на выплату определенной денежной суммы. При этом абсолютная анонимность ему гарантируется. Деньги переводятся, как правило, через банк либо торговое предприятие, где человек по присвоенному ему кодовому номеру, который называют информатору во время первого телефонного контакта, назвав сумму причитающегося ему вознаграждения, также, оговоренную заранее по телефону, забирает свой конверт с вознаграждением.

Получение правоохранительными органами анонимных сообщений от населения по телефону и иным способом, а также, выплата вознаграждения в случае ее реализации, на наш взгляд,

Литература:

1. *Петлицкий С.В.* Сравнительный анализ норм, регламентирующих порядок применения мер по обеспечению безопасности к лицам, оказывающих содействие на конфиденциальной основе (по законодательству Республики Беларусь и зарубежных стран) / С.В. Петлицкий // Новый университет. Серия: Экономика и право. 2016. № 10(68). С. 43–50.

2. *Рукавишников Г.А.* Об использовании анонимной помощи граждан правоохранительными органами зарубежных государств / Г.А. Рукавишников //

внешне напоминает использование в целях борьбы с преступностью «телефонов доверия», «горячих линий» и т.д., применяемых органами внутренних дел в нашей стране. Что же касается финансового обеспечения этого рода деятельности, оно несравнимо с зарубежными стандартами и не соответствует современным требованиям, а это значит, что анонимные источники не будут активно заинтересованы в передаче сведений правоохранительным органам. Подобное положение дел не способствует эффективности деятельности оперативных подразделений ОВД по борьбе с преступностью.

Вопросы обеспечения безопасности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие правоохранительным органам, являются ключевыми для эффективного развития данного направления оперативно-розыскной деятельности, так как от этого зависит желание и готовность граждан к сотрудничеству с оперативными подразделениями. В некоторых странах действуют нормы права, которые обеспечивают всестороннее регулирование вопросов обеспечения безопасности свидетелей, в том числе из числа конфидентов. Также, данными нормами регламентируется деятельность органов, в ведении которых находится реализация мер по обеспечению безопасности [1].

Перед возможным совершением преступных деяний в составе криминальной группировки конфидент обязан предварительно сообщить своему руководству о готовящемся преступлении, его участниках, месте пребывания его исполнителей и организаторов, также предоставить иные сведения [3], благодаря которым станет возможным предотвратить или минимизировать негативные последствия. В целях последующего вынесения конфиденту оправдательного приговора в суде и использования в дальнейшем полученные сведения должны быть строго документированы оперативными работниками [4].

Для того, чтобы сформировать подобные подходы к решению обозначенной проблемы российскому законодателю, потребуется заимствование зарубежного опыта правового регулирования борьбы с организованными формами преступности. Это - значительный шаг в сторону оптимизации рассматриваемого метода ОРД, и прийти к нему целесообразно уже сейчас.

Literature:

1. *Petlitsky S.V.* Comparative analysis of the norms governing the procedure for applying security measures to persons providing assistance on a confidential basis (according to the legislation of the Republic of Belarus and foreign countries) / S.V. Petlitsky // New University. Series: Economics and law. 2016. № 10(68). P. 43–50.

2. *Rukavishnikov G.A.* On the use of anonymous assistance from citizens by law enforcement agencies of foreign countries / G.A. Rukavishnikov // Bulletin of

Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 2(8). С. 67–70.

3. Яковец Е.Н. О совершенствовании правового статуса и правовой защиты лиц, оказывающих содействие оперативно-розыскным органам / Е.Н. Яковец // Эпомен. 2020. № 46. С. 364–385.

4. Яковец Е.Н. Информационно-психологическая безопасность лиц, оказывающих содействие оперативным подразделениям органов внутренних дел / Е.Н. Яковец // Труды Академии управления МВД России. 2015. № 1(33). С. 45–48.

the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 2(8). P. 67–70.

3. *Yakovets E.N.* On the improvement of the legal status and legal protection of persons providing assistance to the operational-search authorities / E.N. Yakovets // *Epomen*. 2020. № 46. P. 364–385.

4. *Yakovets E.N.* Information and psychological security of persons providing assistance to the operational units of the internal affairs bodies / E.N. Yakovets // *Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2015. № 1(33). P. 45–48.

Мэн Гаочжэн
магистрант,
Юридический институт,
Российский университет дружбы народов
gaozheng.meng@outlook.com

ИССЛЕДОВАНИЕ РЕФОРМЫ РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В ЭПОХУ БОЛЬШИХ ДАННЫХ

Аннотация. Развитие информационных технологий расширило возможности использования персональных данных способами, наносящими ущерб субъекту данных. Однако создание сильных организационных мер и правового регулирования потенциально может снизить уровень угроз и рисков. В данной статье основное внимание уделяется обработке персональных данных с использованием того, что обычно называют технологией больших данных. Особая сложность заключается в разделении информации на идентифицирующую информацию, относящуюся к конкретным людям, и обезличенные данные, которые, по крайней мере теоретически, дают общую картину без идентификации отдельных лиц. В статье обсуждаются правовые вопросы, связанные с управлением и безопасностью персональных данных, обрабатываемых с помощью технологии больших данных. Особое внимание уделяется использованию собранных из Интернета данных о действиях пользователей, которые могут быть использованы для профилирования лиц с целью получения коммерческой выгоды.

Ключевые слова: большие данные, гражданское законодательство, государственное регулирование, конфиденциальная информация, защита информации.

Технология Big Data позволяет собирать и обрабатывать большие объемы данных, включая личную информацию или информацию, которая может идентифицировать человека. В связи с этим, Россия сталкивается с рядом проблем с точки зрения защиты конфиденциальности при предоставлении услуг, зависящих от персональных данных, таких как онлайн-покупки, социальные сети и банковские операции [5; 6]. Эти проблемы включают в себя:

- обеспечение защиты персональных данных от кражи или утечки;
- обеспечение баланса между доступом компаний к персональным данным и правом отдельных лиц на неприкосновенность частной жизни;

Meng Gaozheng
Master's Student,
Law Institute,
Peoples' Friendship University of Russia
gaozheng.meng@outlook.com

A STUDY OF RUSSIAN CIVIL LAW REFORM IN THE AGE OF BIG DATA

Annotation. The development of information technology has expanded the possibilities of using personal data in ways that are detrimental to the data subject. However, the creation of strong organizational measures and legal regulation can potentially reduce the level of threats and risks. This article focuses on using what is commonly referred to as big data technology. Particularly difficult is the separation of information into identifying information relating to specific individuals and de-identified data, which, at least in theory, gives an overall picture without identifying individuals. The article discusses legal issues related to the management and security of personal data processed using big data technology. Particular attention is being paid to the use of data collected from the Internet about user activity, which can potentially be used for profiling individuals for commercial gain, to identify good or bad candidates for a loan, or to establish insurance.

Keywords: big data, civil law, government regulation, confidential information, information security.

– обеспечение того, чтобы защита анонимности, предусмотренная законом, распространялась на данные, обрабатываемые с помощью инструментов Big Data [4].

В России нет официального определения Big Data ни на законодательном уровне, ни в рамках ИТ-отрасли. Это подтверждает исследование «100 профилей ведущих российских компаний о стратегии в области больших данных», проведенное аналитиками TAdviser в 2020 году. Их опрос выявил «множественность трактовок термина и множественность его определений» внутри отрасли. Кроме того, как отмечается в этом отчете, «государственный сектор использует большие данные относительно слабо», несмотря на то, что они используются рядом государственных органов [1]. В России данная технология используется

и в банковской сфере. Мониторинг персональных данных клиентов для оценки риска или стимулирования спроса кажется привлекательной идеей для компании, но не для потребителей, поскольку такие данные могут быть использованы, например, для ограничения в займах. Учитывая все более широкое распространение анализа персональных данных с помощью технологии Big Data, уместно рассмотреть возможные юридические проблемы обеспечения обработки персональных данных в соответствии с принципами конфиденциальности и неприкосновенности частной жизни, а также обеспечения подотчетности компаний и государственных органов, которые собирают и анализируют такие данные.

В России нет специальных «киберзаконов», регулирующих эти новые виды отношений между людьми и учреждениями, которые собирают и используют с помощью ИТ личную информацию о них. В связи с этим, действующая система правовых норм формировалась на основе отраслевых законов (ФЗ «О связи», № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» и др.), по аналогии с международным правом. Этими законами введен ряд положений, определяющих порядок обработки персональных данных в информационно-телекоммуникационных сетях. В них указывается, что любой оператор данных, осуществляющий сбор персональных данных, в том числе в сети Интернет, обязан использовать серверы, расположенные на территории Российской Федерации. Ответственность за соблюдение ФЗ № 152 лежит на операторе (операторе услуг). Статья 15.5 Федерального закона «Об информации» определяет меры, которые государство может принять в случае нарушения этих требований, в том числе создание «Реестра нарушителей прав субъектов персональных данных» и принятие мер по ограничению доступа к информации. Что касается безопасной и конфиденциальной обработки массивов больших данных, содержащих информацию о частных лицах, то о сложных проблемах правового регулирования, новизне правоотношений в этой сфере и общем отсутствии достаточной правовой и отраслевой практики в России оказываются сложными для решения [2]. Изменения, происходящие в обработке и использовании информации, представленной большими

Литература:

1. *Талипова Э.Г.* Закон об информации в эпоху больших данных / Э.Г. Талипова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. № 1. С. 210.
2. *Севастьянов А.Н.* Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) / А.Н. Севастьянов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. С. 406.
3. *Савельев А.И.* Направления регулирования Больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях / А.И. Савельев // Закон. 2021. № 5. С. 310.

данными, требуют реформирования гражданского законодательства, чтобы принципы, лежащие в основе существующих законов о конфиденциальности данных, могли быть соблюдены в контексте потенциальных новых угроз конфиденциальности и потенциальных злоупотреблений, связанных с технологией больших данных. Чтобы быть эффективными, эти изменения должны включать более четкую ответственность и более строгие санкции в случае нарушений. Необходимо разработать подраздел гражданского законодательства о «Больших данных», в котором должны обозначить и определить риски и угрозы, а также, обеспечить желаемый уровень защиты, необходимый при обработке информации, которая может быть запрошена технологией больших данных.

В подобном подразделе Гражданского кодекса должны быть определены алгоритмы разделения типов информации, относящейся к большим данными и процедуры обработки такой информации. Несмотря на наличие российского законодательства о защите персональных данных, требуется ряд поправок в гражданское законодательство для защиты субъектов данных от больших данных [3].

Таким образом, принципы, на которых построены существующие законы о защите данных, остаются верными: закон направлен на защиту прав граждан, частной жизни и обеспечение конфиденциальности их личных данных. Однако быстрое накопление массивных наборов данных, содержащих информацию о частных лицах, и постоянно растущая мощь инструментов больших данных для идентификации конкретных лиц из объединенных анонимных записей сделали существующее законодательство неспособным справиться с новыми угрозами конфиденциальности и требуют внесения соответствующего раздела в Гражданский кодекс. Компании не уверены в соблюдении требований в отношении того, что считается персональными данными и на ком лежит ответственность за защиту информации при работе с данными, полученными от третьих лиц. Без срочного внесения поправок в действующее законодательство возможность использования персональных данных в коммерческих или иных целях, что является серьезной угрозой праву граждан России.

Literature:

1. *Talipova E.G.* Law on information in the era of big data / E.G. Talipova // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2020. № 1. P. 210.
2. *Sevastyanov A.N.* Problems of application of legislation on personal data in the era of «Big Data» (Big Data) / A.N. Sevastyanov // Pravo. Journal of the Higher School of Economics. 2021. № 1. P. 406.
3. *Saveliev A.I.* Directions of regulation of Big data and protection of privacy in new economic realities / A.I. Saveliev // Law. 2021. № 5. P. 310.

4. *Майер-Шенбергер В.* Большие данные. Революция, которая изменит то, как мы живем, работаем и мыслим / В. Майер-Шенбергер, К. Кукьер. М., 2022. С. 874.

5. *Смолина О.С.* Проблемы сделок посредством цифровой платформы и идеи совершенствования гражданского и банковского законодательства Российской Федерации / О.С. Смолина // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 182–185.

6. *Хайруллин В.А.* Инерция в социально-экономических системах: теоретико-эвристический анализ феномена / В.А. Хайруллин, С.В. Макара, Э.Н. Ямалова // Дискуссия. 2021. № 5(108). С. 88–104.

4. *Mayer-Schenberger V.* Big data. A revolution that will change the way we live, work and think / V. Mayer-Schenberger, K. Kukier. M., 2022. P. 874.

5. *Smolina O.S.* Problems of transactions through a digital platform and ideas for improving the civil and banking legislation of the Russian Federation / O.S. Smolina // Eurasian Legal Journal. 2021. № 3 (154). P. 182–185.

6. *Khairullin V.A.* Inertia in socio-economic systems: theoretical and heuristic analysis of the phenomenon / V.A. Khairullin, S.V. Makar, E.N. Yamalova // Discussion. 2021. № 5(108). P. 88–104.

Новиков Михаил Васильевич

кандидат юридических наук,
доцент,
декан факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
m_novikov@mail.ru

**ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ
ПО ДЕЛАМ О РАЗДЕЛЕ
СОВМЕСТНОГО ИМУЩЕСТВА,
НАЖИТОГО В ФАКТИЧЕСКОМ БРАКЕ**

Аннотация. С позиции юриспруденции и юридического сознания, «фактический брак» выглядит как один сплошной риск. В статье рассматривается практическая проблема, связанная с доказательственной базой по делам о разделе совместно имущества, нажитого в фактическом браке. Автором в данной публикации, в качестве примера, приведен ряд судебных решений, определений, формирующих практику по данной категории дел.

Ключевые слова: фактический брак, гражданский брак, совместно нажитое имущество, признание фактического брака, незаконный брак, имущество фактических супругов, имущество гражданских супругов.

С позиции юриспруденции и юридического сознания, «фактический брак» выглядит как один сплошной риск. Особенно остро лица, не зарегистрировавшие брачно-семейные отношения, осознают проблемы фактического совместного проживания в момент переломных семейных событий: рождения общего ребенка, размены/продажи квартиры, получения/передачи наследства, разделения имущественной доли, «развода» и т.п. Тот факт, что фактические брачно-семейные отношения чаще всего склонны к распаду, многие просто не хотят принимать как закономерность. В случае распада такого «брака», наступает правовая неопределенность не только по поводу прав, но и по вопросу обязанностей [1].

На сегодняшний день статистика распада фактических брачных отношений не ведется, так как достаточно трудно отследить как момент возникновения такого «брака», так и момент его прекращения, однако, можно привести тенденцию распада официальных браков. URL : <https://www.fedstat.ru/indicator/31566> (дата обращения 11 октября 2022).

Проведя линию тренда, мы можем наблюдать возрастание количества распада официальных браков к 2024, даже не рассматривая факторы, возникшие в 2020–2022 году, такие, как пандемия

Michail V. Novikov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Dean of the Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Service
Execution of Punishments
m_novikov@mail.ru

**PROBLEMS OF PROOF IN CASES
OF DIVISION OF JOINT PROPERTY
ACQUIRED IN ACTUAL MARRIAGE**

Annotation. From the standpoint of jurisprudence and legal consciousness, «de facto marriage» looks like one continuous risk. The article deals with a practical problem related to the evidence base in cases of division of jointly acquired property acquired in an actual marriage. A number of court decisions and definitions that form the practice in this category of cases are given.

Keywords: actual marriage, civil marriage, jointly acquired property, recognition of actual marriage, illegal marriage, property of actual spouses, property of civil spouses.

COVID-19, СВО и возможный экономический кризис. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что количество прекращенных «фактических браков» также возрастет, а значит, увеличится количество споров относительно обязанностей и имущественных прав фактических супругов.

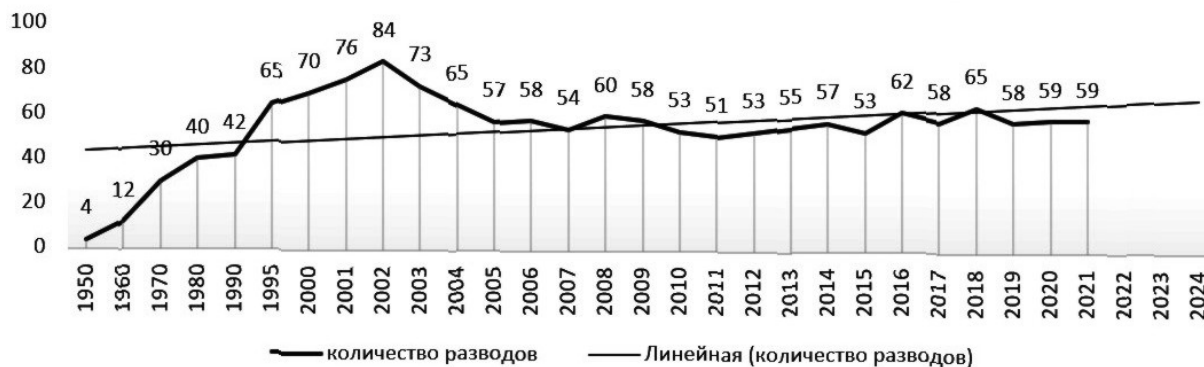
Следует отметить, что признание «фактического брака» законным – трудная задача. Связано это с тем, что законодательством нашей страны не урегулирован институт «фактического брака» и, соответственно, гражданское процессуальное законодательство, как и судебная практика, не регулируют вопросы доказывания фактов в случае споров по итогам прекращения не зарегистрированных фактических брачно-семейных отношений.

Семейный кодекс на сегодняшний день устанавливает режим совместной собственности исключительно лиц, состоящих в браке. Конечно, «фактические супруги» могут заключать договоры, которые бы регламентировали их совместно проживание (согласно п. 2 ст. 421 ГК РФ стороны могут заключить договор как предусмотренный, так и не предусмотренный законом или иными правовыми актами). Например, возможно заключение договора простого товарищества, договора дарения,

соглашений о долевой собственности и т.д. Однако в настоящей статье рассмотрены случаи, в которых «фактические супруги» не

предусмотрели распад своего «фактического брака» и не заключили никакого договора или соглашения.

Сколько процентов официальных браков распадается?



В Российской Федерации на данный момент не существует законодательно установленных понятий, как «фактические брачные отношения» или «сожитительство». Закон не устанавливает прав или обязанностей для людей (фактических супругов), чьи отношения официально не зарегистрированы. Соответственно, установить право собственности на совместное имущество, аналогично с правами супругов в официальном браке, на основании действующих нормативно-правовых актов невозможно. В таком случае, у «фактических супругов» возникает потребность признать их права, возникшие в «фактическом браке», аналогичным правам супругов, чьи отношения были официально зарегистрированы.

Положительной судебной практики по признанию фактического сожитительства – браком очень мало. Поэтому стоит рассмотреть иные варианты по установлению прав на совместно нажитое имущество в фактическом браке.

Рассматривая судебную практику, можно сделать определенные выводы по проблемам доказывания признания имущества совместно нажитым. Рассмотрим Решение Сортавальского городского суда № 2-70/2014 от 16 апреля 2014 года о взыскании денежных средств, прекращения права собственности на имущество и признании права собственности на имущество. Истец не пыталась признать фактический брак зарегистрированным, иск был о признании права собственности на имущество, нажитое совместно с фактическим супругом (ответчиком его назвать нельзя, т.к. по данному делу ответчиками являлись законные наследники гражданского мужа).

Анализируя данное решение, обращаем внимание на то, что судья принял в качестве доказательства брачных отношений. Согласно ст. 55 Гражданского процессуального кодекса РФ: «Доказательствами по делу являются полученные в предусмотренном законом порядке сведения о фактах, на основе которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, а также иных обстоятельств, имеющих значение

для правильного рассмотрения и разрешения дела. Эти сведения могут быть получены из объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных и вещественных доказательств, аудио- и видеозаписей, заключений экспертов».

В рассматриваемом деле доказательствами послужили:

- подробный перечень приобретенного в период совместной жизни имущества; показания свидетелей;
- информация со страницы социальной сети, на которой в графе «семейное положение» указано «женат».

Особое внимание судом уделяется возможности приобретения имущества одним из супругов (материальное положение, в связи с чем, истице удалось доказать, что фактический супруг не мог самостоятельно приобрести имущество). В результате, суд признал наличие фактических отношений, в связи с чем иск был частично удовлетворен.

Еще одно дело, которое можно рассмотреть, как положительную судебную практику по вопросу совместного имущества «фактических супругов» и наследования имущества «фактического супруга» – Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 июля 2020 № 5-КГ20-66-К2 об установлении факта нахождения на иждивении, признании права собственности на квартиру в порядке наследования. Истица указывает, что состояла в фактических брачных отношениях и вела общее хозяйство с третьим лицом до дня его смерти, при этом находилась на полном материальном обеспечении третьего лица, являвшегося собственником квартиры. Интересны факты, которые Верховный Суд Российской Федерации принял во внимание при отмене трех судебных решений нижестоящих инстанций и направлении дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

В первую очередь, истица ссылалась на факт совместного проживания с фактическим супругом в одном доме, где оба были прописаны. Также, существенную роль сыграло то обстоятельство, что деньги за сдачу в аренду недвижимого имущества третьего лица (фактического супруга) ежемесячно перечислялись на ее расчетный счет. По обстоятельствам дела были организованы и оплачены похороны фактического супруга истицы с получением ею на свое имя удостоверения о родственном захоронении. Наследственное дело к имуществу умершего фактического супруга открыто у нотариуса г. Москвы по заявлению той же истицы. Учитывая данные факты, ВС РФ принял иное решение, чем нижестоящие инстанции.

В случае прекращения фактических брачных отношений между сожителями также может встать вопрос не о признании имущества совместно нажитым (в случае незаинтересованности), а о необходимости возврата денежных средств, который один из фактических супругов вложил в имущество другого супруга. В данном случае, хотелось бы обратить внимание на обстоятельство, по которым суд не признает неосновательное обогащение между фактическими супругами. Примером такого судебного дела может являться Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16 июня 2020 года № 5-КГ20-29, 2-2159/2019 о взыскании неосновательного обогащения. Истец ссылается на то, что в период сожительства с ответчицей им по договору купли-продажи был приобретен земельный участок, право собственности на который зарегистрировано за ответчицей. Также, истец ссылается на факт несения им затрат на строительство и обустройство дома на спорном земельном участке. В удовлетворении требования отказано, поскольку установлено, что несение истцом материальных затрат на протяжении совместного проживания с ответчицей осуществлялось им добровольно, в силу личных отношений сторон и никакими обязательствами не было обусловлено (п. 4 статьи 1109 ГК РФ). Таким образом, установление наличия фактических

Литература:

1. Шумов П.В. Гражданский брак и незарегистрированный брак: проблема соотношения юридических понятий / П.В. Шумов, Д.Д. Докукина // Актуальные вопросы права, экономики и управления: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции : в 3 ч. Пенза, 05 июня 2017 года. Пенза : «Наука и Просвещение», 2017. С. 156–158.
2. Шумов П.В. Роль Верховного Суда Российской Федерации в правотворческом процессе / П.В. Шумов, А.С. Рогачев // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5. № 5.

брачных отношений не для всех случаев может служить гарантом удовлетворения иска. Поскольку на сожителей распространяются лишь общие нормы гражданского и семейного законодательства, одним из вариантов будет официальное подтверждение ведения совместного быта (договоры и соглашения, о которых упоминалось ранее).

Как видим, перспектива по признанию сожительства браком появляется, в том случае:

- если отношения были длительными;
- есть ребенок, воспитатели детского сада или учителя в школе подтвердят в суде, что ребенка забирали оба фактических супруга;
- важно наличие совместные фото, поездки на отдых, совместные траты, покупка имущества; также, доказательством может послужить нахождении на иждивении фактического супруга.

Таким образом, особое внимание стоит уделить именно совокупности доказательств по рассматриваемой категории дел. Проблема отсутствия судебной практики и доказательственной базы по делам о разделе совместного имущества, нажитого в фактическом браке, не будет решена, пока законодательно не будет урегулирован институт фактического брака, в том числе путем его запрета.

Говорить о нововведениях в гражданское и семейное законодательство или о необходимости издания постановлений Пленума Верховного суда, регулирующего данный вопрос – не верная позиция [2]. На современном этапе развития российского государства и общества признавать фактический брак было бы неверным, противоречащим традиционным ценностям. Полное приравнивание прав и обязанности «фактических супругов» к супругам, чей брак официально зарегистрирован, было бы неправильным.

Literature:

1. Shumov P.V. Civil marriage and unregistered marriage: the problem of the correlation of legal concepts / P.V. Shumov, D.D. Dokukina // Topical issues of law, economics and management: collection of articles of the VIII International Scientific and Practical Conference : in 3 parts. Penza, June 05, 2017. Penza : «Science and Enlightenment», 2017. P. 156–158.
2. Shumov P.V. The role of the Supreme Court of the Russian Federation in the law-making process / P.V. Shumov, A.S. Rogachev // Bulletin of Science and Practice. 2019. Vol. 5. № 5.

Очирова Полина Игоревна
студентка,
Российский государственный
университет правосудия
ochirovapi@bk.ru

Степаненко Алексей Сергеевич
доктор философских наук,
профессор кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Российский государственный
университет правосудия
mail@esbrsuj.ru

НАСЛЕДОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ: ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ



Аннотация. Интенсивное развитие информационных технологий приводит к их активному внедрению, в том числе, в гражданский оборот. Данная статья посвящена вопросу организации процедуры наследования криптовалюты. В настоящее время существуют действительно актуальные проблемы в области оборота криптовалют (цифровых активов) как практического, так и правового характера. Авторами выделены основные проблемы и предложены способы их преодоления.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровые финансовые активы, наследование, биткоин, биржа, цифровая валюта.



В настоящее время правовое поле сталкивается с новшествами настолько стремительно и часто, что не всегда удается предупредить (предусмотреть) все негативные или спорные ситуации.

Интенсивное развитие информационных технологий приводит к их активному внедрению, в том числе, в гражданский оборот. Отвечая на этот общественный запрос, в Российской Федерации подготовили и исполняют национальную программу «Цифровая экономика Российской Федерации» на период с 2018 по 2024 годы [1]. Целью данной национальной программы является, прежде всего, создание доступного интернета, защита информации граждан, бизнеса и т.д.

Национальная программа реализуется в актуальных направлениях: нормативное регулирование цифровой среды, IT-инфраструктура, кадры для цифровой экономики, кибербезопасность, цифровые технологии, цифровое госуправление, искусственный интеллект. Однако ни одно из перечисленных направлений не дает ответа и путей решения действительно важной проблемы – наследования криптовалюты (цифровых активов).

Polina I. Ochirova
Student,
Russian State University of Justice
ochirovapi@bk.ru

Alexey S. Stepanenko
Doctor of Philosophy,
Professor of the Department of Humanities
and Socio-economic Disciplines,
Russian State University of Justice
mail@esbrsuj.ru

INHERITANCE OF CRYPTOCURRENCIES: FEATURES AND PROBLEMS



Annotation. The intensive development of information technologies leads to their active introduction, including in civil circulation. This article is devoted to the organization of the procedure for inheritance of cryptocurrencies. Currently, there are really urgent problems in the field of cryptocurrency (digital assets) turnover both practical and legal in nature. The authors have identified the main problems and proposed ways to overcome them.

Keywords: cryptocurrency, digital financial assets, inheritance, bitcoin, exchange, digital currency.



Актуальность криптовалют с каждым годом растет, так многие аналитики, финансисты и крупные компании считают, что Веб 3.0. (появление криптовалют) – это неизбежность и цифровая революция, которая будет на порядок уровней выше, чем появление мобильных телефонов и сравнима, возможно, с самим появлением сети Интернет [2].

В настоящее время отсутствует законодательный ответ на вопрос о возможности завещать криптовалюты (цифровые активы). Применение к криптовалютам «традиционных» правил наследования активов (ценных бумаг, долей и т.д.), на наш взгляд, невозможно, что объясняется анонимностью криптокошельков. Отсюда возникает единственно возможный способ завещания криптовалюты – передача ключа (пароля) и номера (логина) криптокошелька наследникам. В противном случае, если потенциальный наследодатель-владелец криптокошелька умрет раньше передачи такой информации - активы криптокошелька будут утеряны навсегда.

Потенциально возможны три сценария завещания криптовалюты.

Первый – наследодатель внес в завещание запись о том, что передает после своей смерти криптовалюту какому-либо наследнику. Данный случай самый неблагоприятный, так как само волеизъявление без передачи логина и пароля не несет в себе как таковой практической ценности, потому что без этих сведений доступ к криптокошельку невозможен, что можно характеризовать как некий «технический барьер».

Второй – наследодатель внес в завещание не только запись о передаче криптовалюты, но и передал логин и пароль, однако, криптовалюта хранится на бирже (например, Binance или Bubit). Такой факт может внести ряд сложностей для получения доступа к криптокошельку, так как доступ к счету определяется внутренними правилами каждой биржи самостоятельно. Так, например, в системе биржи Binance реализуется множество систем защиты активов (помимо логина и пароля) – двухфакторная аутентификация (2FA): ключи безопасности (например, Yubikey), Google Authenticator, верификация по номеру телефона, подтверждение по email и т.д. Данные системы безопасности создают сложности для наследника так, как не всегда с передачей логина и пароля наследодатель передает, например, свой номер телефона или электронную почту.

Биржа Coinbase одна из немногих бирж, которая в какой-то части регулирует наследственные правоотношения. Так, согласно п. 13.12 Пользовательского соглашения [3] права на аккаунт переходят наследникам, однако если в течение некоторого времени пользователь не проявляет

никакой активности в аккаунте, то содержащиеся криптоактивы считаются выморочным имуществом, которое биржа передает соответствующему государству.

Следовательно, чтобы передать хранящуюся на бирже криптовалюту, наследодателю важно сообщить, как минимум, о наличии личного кабинета на бирже.

Третий – криптовалюта хранится на «холодном» кошельке (флеш-карте). В таком случае, наследодателю надлежит внести в завещание следующую информацию: кому передать «холодный» кошелек, пин-код от кошелька, представляющий собой непосредственно пин-код и кодовую фразу из 12 слов (чаще всего несвязанных между собой).

На наш взгляд, небезопасно [4] сообщать логин и пароль в тексте самого завещания, так как такие сведения станут известны нотариусу, а в некоторых случаях и переводчику, исполнителю завещания, свидетелям и т.д. Разрешить данную проблему можно, в частности, с помощью банковской ячейки, а именно путем помещения ключа (логина, пароля) и всей необходимой информации. В таком случае наследодатель должен определить, кому из наследников он завещает содержимое банковской ячейки.

Таким образом, действующее законодательство хоть и решило проблему определения места криптовалюты в системе российского законодательства, но оставило без внимания проблему её наследования.

Литература:

1. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // СПС КонсультантПлюс // Опубликовано 11.02.2019 г. на официальном интернет-портале правовой информации. URL : <http://government.ru/info/35568>
2. *Барашева Е.В.* Перспективы развития цифрового рубля / Е.В. Барашева, П.И. Очирова, А.С. Степаненко // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2022. № 3. С. 197–200.
3. Coinbase: Пользовательское соглашение. URL : <https://www.coinbase.com> (дата обращения 27.05.2022).
4. *Барашева Е.В.* Историко-правовые аспекты киберпреступности в банковской сфере / Е.В. Барашева, Д.А. Степаненко // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2022. № 6.

Literature:

1. Passport of the national project «National Program «Digital Economy of the Russian Federation» (approved by the Presidium of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects, Protocol № 7 dated 04.06.2019) // SPS Consultant-Plus // Published on 11.02.2019 on the official Internet portal of legal information. URL : <http://government.ru/info/35568>
2. *Barasheva E. V.* Prospects for the development of the digital ruble / E. V. Barasheva, P. I. Ochirova, A. S. Stepanenko // *Humanities, socio-economic and social sciences.* 2022. № 3. P. 197–200.
3. Coinbase: User Agreement. URL : <https://www.coinbase.com> (ate of the application 27.05.2022).
4. *Barasheva E. V.* Historical and legal aspects of cybercrime in the banking sector / E. V. Barasheva, D. A. Stepanenko // *Humanities, socio-economic and social sciences.* 2022. № 6.

Плешаков Владимир Алексеевич
доктор юридических наук,
профессор,
главный научный сотрудник НИЦ № 1,
Всероссийский
научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации
Milena.555@mail.ru

СОСТОЯНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ДИНАМИКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Аннотация. В статье доказывается необходимость учета показателей, отражающих степень обеспечения криминологической безопасности при анализе динамики показателей преступности. Показывается практика такого учета в зарубежных странах. Дается анализ и делается вывод об увеличении уровня ситуационной преступности, которая во многом зависит от степени криминологической защиты объектов преступного посягательства. Предлагается перечень показателей, отражающих степень обеспечения криминологической безопасности.

Ключевые слова: показатели, отражающие степень обеспечения криминологической безопасности, ситуационная преступность, уровень ситуационной преступности, возможности совершения преступлений, криминологическая защита.

Во всех законодательных актах, регламентирующих противодействие преступности, действующих в настоящее время, а также в предыдущих, времен перестройки, приоритетным направлением предусматривалось защита личности, общества, государства от преступных посягательств. Так, в Федеральном законе «О полиции» от 07 февраля 2011 года № 3 ФЗ указывается, что первым основным направлением деятельности полиции является защита личности, общества, государства от противоправных посягательств [1]. В Федеральном законе «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ также первым основным направлением профилактики правонарушений является защита личности, общества, государства от противоправных посягательств [2]. В Законе СССР от 06 марта 1991 г. № 2001-1 «О советской милиции» в ст. 2 первой основной задачей милиции было обеспечение личной безопасности граждан [3]. То есть, все вышеперечисленные законодательные акты нацеливают органы полиции на защиту граждан от противоправных посягательств. Вместе с тем, такая защищенность, по сути, во-первых, никак

Vladimir A. Pleshakov
Doctor of Law,
Professor,
Chief Researcher, Research Center № 1,
All-Russian Research Institute
Home Affairs Ministries
of the Russian Federation
Milena.555@mail.ru

THE STATE OF CRIMINOLOGICAL SECURITY AS A CRITERION FOR ASSESSING THE DYNAMICS OF CRIME INDICATORS

Annotation. The article proves the need to take into account indicators reflecting the degree of criminological security when analyzing the dynamics of crime indicators. The practice of such accounting in foreign countries is shown. The analysis is given and the conclusion is made about the increase in the level of situational crime, which largely depends on the degree of criminological protection of objects of criminal encroachment. A list of indicators reflecting the degree of criminological security is proposed.

Keywords: indicators reflecting the degree of criminological security, situational crime, the level of situational crime, the possibility of committing crimes, criminological protection.

напрямую не оценивается; во-вторых, при анализе преступности и ее динамики не рассматривается. Степень защищенности граждан предполагается, априори, оценивать по состоянию и динамике преступности. К такой оценке также искусственно «подтягивают» оценку общественного мнения, но в котором, (общественном мнении) практически очень редко рассматривается проблема оценки гражданами своей защищенности от преступных посягательств.

Так, даже при верном посыле в определении состояния криминологической безопасности как состояния защищенности законных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, анализу подвергаются сами угрозы или их источники, но не состояние защищенности [4]. Но ведь угрозы, тем более реализованные в виде преступлений, являются следствием недостаточной обеспеченности криминологической безопасности, выразившейся в реализации возможности совершения преступления. И такая возможность может быть, как субъективной, то есть, зависящей от субъекта, так и

объективной, продиктованной окружающей обстановкой. Применительно к совершению преступления субъективная возможность – это готовность субъекта к совершению преступления, его мотивация и решимость на такое деяние, а также опыт и практика преступной деятельности, которые способствуют преодолению препятствий на пути к его совершению. Объективная возможность, в данном случае, это ситуация, складывающаяся до и в момент совершения преступления, которая способствует или активно не препятствует такому деянию. Но объективная возможность может также порождать мотивацию и решимость к противоправным деяниям при совершении преступлений, в которых ситуация играет решающую роль. Таким образом, не были предприняты меры по созданию препятствий для реализации субъективной возможности совершения преступления. Такие меры в российской криминологии называются мерами криминологической защиты или ситуационного предупреждения преступлений. В литературе еще в 2010 году указывалось: «...Исследованием установлено, что интересы населения, претендующие на реальное и всеобъемлющее обеспечение правоохранительными органами защиты от преступных посягательств, вступают в явное противоречие с интересами правоохранительной системы. Если люди, в своем большинстве (до 90 %), ждут от милиции раскрытия преступлений, задержания и изобличения виновных в их совершении, возмещения материального вреда пострадавшим, то представители закона, большей частью (52 %), пытаются решить проблему общественной безопасности, традиционно ориентируясь на силовой (репрессивный) потенциал жестокого наказания преступников. В необходимости оказания реальной помощи населению, как фактор его криминологической безопасности, убеждены только 6 % опрошенных милиционеров. Рассогласованность общих криминологических оценок и разных антикриминогенных интересов свидетельствует о нарушении правоохранительного баланса, негативно отражающегося как на реальной защите населения от преступности, так и, что закономерно, на авторитете существующей правоохранительной системы. Такая рассогласованность правоохранительных интересов серьезно обостряет существующую в российском обществе проблему социальной напряженности и логически выступает гораздо более серьезным фактором угрозы национальной безопасности, чем сама преступность» [5]. Такая картина наблюдается и в настоящее время.

Привычный анализ криминологической обстановки исходя из влияния на преступность различных факторов (экономических, политических, социально-культурных и т.п.) часто не давал возможность дать объективную оценку складывающейся криминологической ситуации, динамике, а тем более прогнозу показателей преступности. Так, преступность, начиная с 2006 года, имеет основную тенденцию к существенному сокращению, в 2021 году она сократилась на 48 %. Еще больше сократилось число наиболее тяжелых

преступлений (убийств – на 73 %, причинений тяжкого вреда здоровью – на 65 %, краж – на 56 %, разбоев – на 93 %, грабежей – на 91 %) [6]. При этом если анализировать все вышеперечисленные факторы, то реального существенного улучшения этих показателей не произошло [7]. И страна в этот период пережила дефолт 2008 года, который существенно отразился на социально-экономической обстановке. Если проследить динамику отношения доли дохода, принадлежащей 10 % наиболее обеспеченной части населения, к доли дохода, принадлежащей 10 % наименее обеспеченного населения, т.е., децильный коэффициент и коэффициент Джини (индекс концентрации доходов), который характеризует степень отклонения линии фактического распределения общего объема доходов от линии их равномерного распределения. (Величина коэффициента Джини может варьироваться от 0 до 1, при этом, чем выше значение показателя, тем более неравномерно распределены доходы), то эти показатели изменились незначительно. Так, в 2006 году децильный коэффициент составлял 15,9, а в 2021 году – 15,1. Величина коэффициента Джини в 2006 году равнялся 0,415, а в 2021 году – 0,408 [8]. То есть, объяснить такое длительное и значительное снижение показателей преступности, исходя из вышеперечисленных факторов не представляется возможным.

Аналогичная ситуация сложилась в зарубежных странах в 90-х годах прошлого столетия, когда преступность в странах Северной Америки, Европы, Австралии, Латинской Америки, Африки и Азии существенно сокращалась. Было обнаружено, что начало снижения преступности варьировалось от страны к стране, начиная с самого начала 1990-х до середины 1990-х гг., в среднем, были зафиксированы следующие проценты падения уровня преступности: кража из банка (77,1 %), кража у человека (60,3 %), кража со взломом (26,0 %), нападение (20,6 %) и угон автомобиля (16,8 %). Кроме того, все виды преступлений сократились примерно одинаковыми темпами для всех стран [9].

Для объяснения этого феномена было проведено множество исследований. В том числе, было выдвинуто 15 гипотез для объяснения снижения международной преступности в 1990-е годы: отравление свинцом (наиболее легко происходит через воздействие этилированной краски и бензина, вызывающее повреждение головного мозга у детей), легализация абортов, рынки наркотиков (снижение потребления крэка-кокаина), демография (относительно меньшее число молодых мужчин), число полицейских, стратегии полиции, уровень тюремного заключения, здоровая экономика, смертная казнь, (усиленный) контроль над оружием, законы о праве ношения оружия, иммиграция, доверие потребителей, снижение политических волнений, а также, снижение возможностей для преступности, соответственно усиление безопасности. Однако проверка всех этих гипотез показала, что только последняя могла существенно повлиять на эту тенденцию. Гипотеза снижения криминальных возможностей и усиление безопасности (далее просто именуемая

гипотезой безопасности) утверждает, что изменения в количестве и качестве безопасности были важным фактором в снижении международной преступности в 1990-е гг. [10]

В частности, что касается автомобильных краж, то появление электронных иммобилайзеров (англ. immobiliser – «обездвиживатель») и центрального замка имело решающее значение для понимания причин снижения этого вида преступлений. Жилищная база также выиграла от повышения уровня безопасности, аналогичного тому, что наблюдается в автомобилях. Конечно, дома не могут быть установлены устройства иммобилайзера, но охранная сигнализация становится все более сложной с прямым вызовом в местную полицию, а также, живой связью между домом и охранной компанией, чтобы подтвердить или опровергнуть законность сигнализации. Кроме того, возросла прочность окон, оконных замков, дверей и дверных замков. Эти улучшения будут наиболее очевидны в новых жилых комплексах, которые будут иметь более низкие показатели виктимизации от взломщиков после контроля за другими факторами.

На основе исследований, проведенных в рамках ситуационного предупреждения преступности, было установлено, что целенаправленное ужесточение (повышение безопасности) снижает количество грабежей в почтовых отделениях, магазинах товаров первой необходимости и банках. В частности, было установлено, что наличие двух дежурных продавцов, особенно в ночную смену, имеющих четкие линии обзора внутри круглосмотрового магазина и снаружи, а также, меньшее количество наличных денег на руках уменьшают количество грабежей. Все они потенциально связаны с гипотезой безопасности и заслуживают систематического изучения.

Все эти аспекты безопасности для автомобилей, домов и минимаркетов, по крайней мере, для некоторых преступников, превратили подходящие цели в неподходящие цели.

Таким образом, с учетом рассмотренных здесь эмпирических данных и гипотез, касающихся краж со взломом и грабежей, гипотеза безопасности оказалась наиболее поучительной для понимания падения международной преступности в 1990-е гг. [11].

Таким образом, учет средств повышения безопасности и снижения возможностей совершения преступлений явился важнейшим фактором обоснования глобального снижения преступности в 90-е годы прошлого столетия в зарубежных странах. Но при этом указывается на то, что анализ уровня безопасности необходимо проводить наряду с анализом других факторов, влияющих на преступность. Вместе с тем, криминологи англоязычных стран выявили влияние уровня безопасности и возможностей совершения преступлений на смещение преступности, как по видам преступлений, так и по географии преступных проявлений. Это связано, прежде всего, с тем, что мотивированные преступники предпочитают не ориентироваться на конкретные преступления,

а они подменяют один набор криминальных событий другим, потому что возможности для этого становятся лучше.

В исследовании, проведенном Тарой Ходжкинсон и ее коллегами, опубликованом в 2016 и 2019 годах, были найдены доказательства пространственного сдвига в структуре преступности при наличии значительного снижения уровня преступности. Что касается кражи транспортных средств, то пространственный сдвиг привел к тому, что преступность переместилась в относительно бедные районы города. Почему? Именно здесь можно найти старые автомобили без электронных иммобилайзеров. А что касается квартирных краж, то пространственный сдвиг привел к тому, что преступность переместилась в относительно богатые районы города. Почему? Потому что именно там пропорционально больше домов на одну семью и меньше кондоминиумов, причем кондоминиумы имеют в среднем несколько уровней более сложной безопасности.

Таким образом, преступники приспосабливаются, меняя способы совершения своих преступлений и места, куда они идут [12].

Все эти выводы применимы и к нашим условиям. Приведем некоторые доказательства этого. За период снижения преступности с 2006 года выросли, порой значительно, показатели, отражающие маргинализацию преступности. Так, доля преступников из числа социально неадаптированных лиц существенно увеличилась. За этот период времени доля лиц, ранее совершавших преступления, возросла с 28,8 % до 60 %, не имеющих постоянного источника доходов – с 59,6 % до 64 %, на 11,4 % увеличилась доля лиц, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения. Доля несовершеннолетних, совершивших преступления повторно, возросла с 16 % до 24,8 %. И это - на фоне 75-процентного снижения общей преступности несовершеннолетних и сокращения их доли в общей преступности с 10 % до 3,4 %. А ведь это - потенциальные преступники, многие из них – ситуационные. Большинство преступлений в сельской местности также совершается ситуационно под воздействием алкоголя. Это подтверждается и статистикой: ежегодно около 40 % (в 2021 году – 38 %) погибших от преступных посягательств и более 30 % (в 2021 году – 31 %), получивших тяжкий вред здоровью, приходится на сельскую местность, хотя, из всей преступности здесь совершается, всего лишь, каждое пятое преступление. К ситуационной преступности относится и основная масса преступлений, совершаемых на бытовой почве и в жилом секторе. На бытовой почве совершается каждое четвертое убийство (25,2 %) и 27,1 % нанесений тяжкого вреда здоровью. В жилом секторе в 2021 году было совершено 19,4 % всех преступлений. Здесь же совершается 67 % всех убийств и 68 % нанесений тяжкого вреда здоровью. В числе лиц, совершающих преступления в жилом секторе, 70 % не имеют постоянного дохода (в общей преступности – 64 %), ранее судимые – 35,8 % (в общей преступности – 30,1 %), в состоянии опьянения – 52 % (в общей преступности – 30,9 %) [13]. Из числа лиц, освободившихся

из мест лишения свободы, и лиц, осуждённых к наказанию и мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией от общества, обратившихся в центры занятости населения в 2020 году (33508 чел.), было трудоустроено лишь 33,8 % (11322 чел.) На профилактических учётах в 2021 году состояли 71366 лиц, совершивших правонарушения в сфере семейно-бытовых отношений и представляющих опасность для окружающих. 25230 лиц, больных алкоголизмом и 11230 – наркоманией, состояли на учёте в медицинской организации и представляли опасность для окружающих [14]. Важно подчеркнуть, что именно эти лица, не имеющие работы, но имеющие опыт преступной деятельности, чаще всего идут на преступления ситуационного характера. И именно ситуационные преступления во многом зависят от возможности их совершить, а возможности, в свою очередь, возникают ввиду недостаточного обеспечения криминологической безопасности личности, общества, государства.

При этом ситуационную преступность можно определить, как исторически изменчивое массовое социально-правовое явление, представляющее собой совокупность преступлений, совершённых лицами под влиянием ситуационных факторов, сыгравших решающую роль в их поведении, на определённой территории за определённый период.

Исходя из этого определения, выделим основные виды ситуационной преступности.

1. Совокупность преступлений, при совершении которых ситуация напрямую способствовала формированию мотивации, принятию решения и реализации его в преступном деянии. Это такие преступления, как совершённые в состоянии аффекта, при превышении пределов необходимой обороны, неосторожные, а также, преступления, совершённые под воздействием алкогольной, наркотической или иной психотропной зависимости.

2. Совокупность преступлений, в основе совершения которых лежала мотивация, но на принятие решения и выбор объекта и предмета посяательства повлияла криминогенная и/или виктимная ситуация. Это те преступления, которые совершаются при наличии объективных возможностей для их совершения (доступные ценные для преступника объекты и предметы преступного посяательства, отсутствие необходимого контроля и учёта за оборотом государственных средств и имущества и т.п.). К таким преступлениям также можно отнести совершаемые внезапно, в отсутствие у виновных заранее обдуманного умысла, подготовительных действий. Сюда можно включить соответствующие этим условиям кражи, грабежи и разбои, изнасилования, совершённые на улицах и в других общественных местах, карманные, квартирные кражи, экономические преступления, в том числе коррупционные, а также совершаемые в сфере быта, кражи автотранспорта и т.п.

В том, что ситуационная преступность носит массовый характер, можно убедиться, оценив её

объём. По оценке А.Н. Варыгина, ситуационная преступность составляет более 1/3 всей преступности [15]. Однако, исходя из выделенных видов ситуационной преступности, очевидно, что эти преступления могут составлять до 70 % всех преступлений.

Далее посмотрим по определенным, во многом косвенным данным, как изменились возможности обеспечения криминологической безопасности.

Существенную помощь в деле обеспечения криминологической безопасности, как известно, оказывает распространение видеонаблюдения. Россия за год поднялась с четвертого на второе место в мире по темпам установки камер видеонаблюдения. Страна обогнала Великобританию, но уступила Южной Корее. С начала 2021 года в России число видеокамер выросло на 10,1 % – до 15,2 млн. В Южной Корее количество систем видеонаблюдения увеличилось на 30 %, но составило всего 1,3 млн. В Великобритании – на 10 % – до 5,5 млн. По числу камер Россия осталась на третьем месте, которое заняла еще в декабре 2020 года. Возглавил список Китай (204,7 млн), второе место заняли США (54,8 млн), у Германии, находящейся на четвертом месте, камер видеонаблюдения в 3 раза меньше, чем у России, – 5,6 млн. 58,3 % камер видеонаблюдения в России установлены коммерческими организациями, 32,9 % – государством, еще 8,8 % – частными лицами. Тем не менее рост числа камер в стране в основном связан с развитием системы видеофиксации ПДД и масштабированием государственных проектов, таких как «Безопасный город» [16].

Другим не менее важным фактором, повышающим степень безопасности, является охрана жилища, имущества, собственности, в том числе государственной. По оценкам BusinessStat, за 2016–2020 г. численность частных охранных услуг в России выросла на 16,2 % и достигла 92,1 млн [17].

Однако четких показателей, отражающих степень криминологической безопасности, еще нет ни у нас, ни за рубежом, хотя предпосылки к этому в статистике МВД России намечаются. Так, в статистическом сборнике по России «О реализации мероприятий в сфере профилактики правонарушений» (например, № 2012_040.039 за 2020 г.) есть раздел 4 «Сведения по обеспечению безопасности объектов с массовым пребыванием людей», где указывается количество мест, специально отведенных или приспособленных для коллективного обсуждения общественно значимых вопросов и выражения общественных настроений, а также, для массового присутствия граждан для публичного выражения общественного мнения. Таких в 2020 году было 11562, в том числе 2915 оборудованных средствами видеонаблюдения. Также, указывается количество объектов транспортной инфраструктуры. В 2020 году их было 11890, в том числе 2063 оборудованных системами видеоконтроля пассажиропотока, 1419 – оборудованных техническими средствами обнаружения и обезвреживания оружия, взрывчатых веществ, досмотра ручной клади и багажа. Также,

в этом разделе указывается на то, что количество государственных (муниципальных) образовательных организаций в 2020 году было – 96269, в том числе 81715 имели физическую охрану, 35322 оборудованы системами контроля и управления доступом, а 83226 – оборудованы системами видеонаблюдения. При этом важно выделить общеобразовательные организации, которых в 2020 году было 43241, из них 37052 имели физическую охрану, 14607 оборудованы системами контроля и управления доступом, 37963 оборудованы системами видеонаблюдения. И, хотя форма этих статистических данных ежегодно меняется, они отражают определенную картину обеспечения криминологической безопасности этих объектов, но динамику этих показателей, к сожалению, отследить сложно по указанной причине. Как видно из этих данных, еще много общественно значимых объектов не оборудованы надлежащими средствами защиты от преступных посягательств, но это направление усиленно развивается, что конечно-же отражается на снижении возможности совершения преступлений, а, соответственно, на динамике самой преступности в сторону ее снижения и снижения ее общественной опасности. Хотя эффективность этих средств защиты, порой, оставляет желать лучшего. Это доказывает пример варварского расстрела школьников и учителей в школе города Ижевска. И этот пример еще раз доказывает необходимость учета и анализа количества и эффективности установленных средств защиты от преступных посягательств.

При выработке таких показателей можно ориентироваться на основные направления применения мер ситуационного предупреждения или криминологической защиты, которые автором статьи были выделены ранее, 18:

1. Показатели, отражающие непосредственную защиту объектов преступного посягательства, которые включают в себя:

– показатели, отражающие укрепление объектов преступного посягательства или усиление их сохранности, реализуемое путем разработки более эффективных запирающих устройств, укрепление дверей, окон, установление охраны и охранной сигнализации и т.п. Здесь можно вспомнить опыт работы участковых инспекторов милиции в 70-е годы прошлого столетия по паспортизации объектов недвижимости на предмет их защиты от возможных преступных посягательств, обязательных нормах установки, например, химвешек в магазинах и т.п.;

– показатели, отражающие введение специальных нормативов криминологической безопасности строительных объектов, и в других сферах, технологической (создание автоматических без доступа человека технологических линий по производству, переработке материалов наиболее подверженных расхищению, драгоценных, камней, металлов, GSM, алкогольных напитков, наркотических и психотропных веществ и т.п.), финансовой (например, увеличение безналичного оборота денежных средств, разработка методики

проведения финансовых операций, снижающих риск расхищения), административной (меры предупреждения коррупции) и других.

2. Показатели, отражающие снижение возможностей и увеличение осознаваемых преступником трудностей в совершении преступлений, включают в себя:

– показатели, отражающие принимаемые меры по введению специальных режимов безопасности на объектах возможных преступных посягательств, пограничных, миграционных, пропускных и иных режимов;

– показатели, отражающие принятие мер, при которых средства совершения преступлений становятся недоступными для преступников, проверка пассажиров авиа – железнодорожного и автотранспорта, спортивных болельщиков и зрителей при посещении спортивных и культурно-массовых мероприятий и т.п.

3. Показатели, отражающие принятие мер, снижающих заинтересованность в совершении преступления, в том числе, уменьшающих ценность имущества, создающих трудности по их реализации. Это нанесение специальных трудно сводимых и скрытых маркировок на ценные предметы, создание каталогов произведений искусства, антиквариата и других особо ценных вещей и т.п.

4. Показатели, отражающие меры, увеличивающие осознаваемую преступником угрозу разоблачения и задержания.

Это показатели, отражающие количество, необходимый охват и динамику установки различных видов наблюдения за объектами возможного преступного посягательства. При этом отражаются следующие виды наблюдения:

– формальное – установка видеонаблюдения за подъездами, наиболее оживленными участками микрорайонов, в метро и на других видах транспорта, за движением автотранспорта, расширение и корректировка дислокации патрульно-постовых нарядов органов внутренних дел, привлечение к патрулированию населения;

– неформальное – визуальное наблюдение, осуществляемое жителями по месту жительства, установка дежурства в подъездах, использование возможностей наблюдения со стороны расположенных в микрорайонах служб безопасности и охраны, сторожей;

– естественное наблюдение, осуществляемое гражданами из окон квартир, учебных заведений, административных зданий, организуется путем корректировки проектов зданий микрорайонов, зон отдыха, стоянок автотранспорта с учетом хорошей просматриваемости и освещенности;

Показатели, отражающие количество и охват объектов возможного преступного посягательства системой быстрого взаимодействия с органами правопорядка при помощи, специально установленной в общественных местах, аппаратуры прямой связи.

Необходимо при этом отметить, что получение вышеотмеченных данных, охватывающих большие агломерации, проблематично, поэтому возможно, что эти показатели надо распространять на микрорайоны, улицы, небольшие населенные пункты. Эта работа должна быть возложена на участковых уполномоченных полиции при разработке определенных форм отчетности об обеспечении криминологической безопасности объектов возможных преступных посягательств. Обобщенные данные этих форм создаются на более

Литература:

1. Федеральный закон «О полиции» (с изменениями на 29 июля 2018 года) от 07 февраля 2011 года № 3 ФЗ. Ст. 2.
2. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 года. № 182-ФЗ. Ст. 6.
3. Закон СССР от 06 марта 1991 г. № 2001-1 «О советской милиции». Ст. 2.
4. *Клейменов М.П.* Анализ общественного мнения о криминологической ситуации в регионе / М.П. Клейменов, М.С. Фокин // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 4(37). С. 123–126.
5. *Лапин А.А.* Формирование органами внутренних дел общественного мнения о состоянии криминологической безопасности / А.А. Лапин // История государства и права. М. : Юрист, 2010. № 14. С. 8–12.
6. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 года: сборник ФКУ «ГИАЦ МВД России». М., 2021.
7. См., например, численность населения, имеющего среднедушевые денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, и дефицит денежного дохода, динамические ряды. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>; Основные показатели жилищных условий населения. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/13706>; Заболеваемость населения алкоголизмом и алкогольными психозами (данные Минздрава России, расчет Росстата). URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/13721>; Уровень безработицы населения в возрасте 15–72 лет (по данным выборочных обследований рабочей силы). URL : https://rosstat.gov.ru/labour_force
8. Распределение общего объема денежных доходов и характеристики дифференциации денежных доходов населения. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения 08.08.2022).
9. *Martin A. Andresen* Environmental criminology: evolution, theory and practice. Second edition. Abingdon. Oxon: New York, NY: Routledge. 2020. P. 240.
10. Там же. С. 243–244.

высоких уровнях управления, ОВД района, города, области, МВД республики, МВД России.

Таким образом, необходимость расширения средств криминологической защиты возможных объектов преступных посягательств очевидна, но необходимо также это систематизировать путем учета охвата и эффективности их функционирования и влияния на состояние и динамику преступности.

Literature:

1. Federal Law «On the Police» (as amended on July 29, 2018) of February 07, 2011 № 3 FZ. Art. 2.
2. Federal Law «On the basics of the system of crime prevention in the Russian Federation» of June 23, 2016. № 182-FZ. Art. 6.
3. The Law of the USSR of March 06, 1991 № 2001-1 «On the Soviet militia». Art. 2.
4. *Kleimenov M.P.* Analysis of public opinion on the criminological situation in the region / M.P. Kleimenov, M.S. Fokin // Bulletin of Omsk University. The series «Law». 2013. № 4(37). P. 123–126.
5. *Lapin A.A.* Formation of public opinion on the state of criminological security by internal affairs bodies / A.A. Lapin // History of state and law. M. : Lawyer, 2010. № 14. P. 8–12.
6. The state of crime in Russia for January – December 2021: collection of the Federal State Institution «GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia». M., 2021.
7. See, for example, the number of the population with per capita monetary incomes below the subsistence minimum, and the deficit of monetary income, dynamic series. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>; Main indicators of housing conditions of the population. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/13706>; Morbidity of the population with alcoholism and alcoholic psychoses (data of the Ministry of Health of Russia, calculation of Rosstat). URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> ; The unemployment rate of the population aged 15–72 years (according to sample surveys of the labor force). URL : https://rosstat.gov.ru/labour_force
8. Distribution of total monetary income and characteristics of differentiation of monetary income of the population. URL : <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (date of the application 08.08.2022).
9. See *Martin A. Andresen* Environmental criminology: evolution, theory and practice. Second edition. Abingdon. Oxon : New-York, NY: Routledge. 2020. P. 240.
10. Ibid.: P. 243–244.

11. Там же. С. 245–246.

12. *Hodgkinson T.* Changing spatial patterns of residential burglary and die crime drop: The need for spatial data signatures / T. Hodgkinson, M.A. Andresen. // *Journal of Criminal Justice*. 2019. № 61. P. 90–100.

13. Отчёт о профилактической работе органов внутренних дел за январь-декабрь 2020 года. М., 2021.

14. Отчёт о профилактической работе органов внутренних дел за январь-декабрь 2021 года. М., 2022.

15. *Варыгин А.Н.* «Системное» и «ситуационное» в преступности / А.Н. Варыгин // *Право и политика*. 2015. № 1(181). С. 60.

16. URL : <https://www.mn.ru>. Moscow Daily News. 30 июня 2021.

17. Сайт Secuteck.Ru Журнал «Системы безопасности» (08.06.2021).

18. *Плешаков В.А.* Когда преступник не захочет рисковать / В.А. Плешаков // *Полиция России*. 2016. С. 17–20.

11. Ibid., P. 245–246.

12. *Hodgkinson T.* Changing spatial patterns of residential burglary and die crime drop: The need for spatial data signatures / T. Hodgkinson, M.A. Andresen // *Journal of Criminal Justice*. 2019. № 61. P. 90–100.

13. Report on the preventive work of internal affairs bodies for January-December 2020. M., 2021.

14. Report on the preventive work of internal affairs bodies for January-December 2021. M., 2022.

15. *Varygin A.N.* «Systemic» and «situational» in crime / A.N. Varygin // *Law and politics*. 2015. № 1 (181). P. 60.

16. URL : <https://www.mn.ru> / Moscow Daily News. June 30, 2021.

17. Secuteck.Ru website. Magazine «Security Systems» (08/06/2021).

18. *Pleshakov V.A.* When the criminal does not want to take risks / V.A. Pleshakov // *Russian police*. August 2016. P. 17–20.

Ревина Ирина Валерьевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Юго-Западный
государственный университет
ivrevina@mail.ru

Пашутина Олеся Сергеевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Юго-Западный
государственный университет
olesya-pashutina@yandex.ru

Чеботарева Ирина Николаевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики,
Юго-Западный
государственный университет
cheb_irina@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
ГАРАНТИЯХ ДОБРОВОЛЬНОСТИ
ОТКАЗА ОТ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА
ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ
ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ**

■ ■ ■

Аннотация. В статье рассматривается отказ от субъективного права в уголовном процессе как проявление воли его участника через такой признак, как добровольность. Авторы исходят из того факта, что отказ от субъективного права обладает признаками осознанности и добровольности. Признак добровольности выражается в свободном волеизъявлении участниками уголовного судопроизводства посредством выбора им соответствующего варианта поведения как наиболее для него приемлемого. Цель настоящего исследования состоит в определении процессуальных гарантий, обеспечивающих добровольность отказа от реализации субъективных прав при производстве по уголовному делу. В статье изучаются мнения ученых по данному вопросу, основные выводы и предложения базируются на основе проанализированных данных проведенных социологических исследований правоприменителя, а также – обобщения материалов судебной практики.

Ключевые слова: добровольность отказа от права, свобода выбора, процессуальные гарантии, участие защитника, уголовное судопроизводство.

■ ■ ■

Irina V. Revina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Assistant Professor of Criminal Trial
and Forensic Science,
Southwest Public University
ivrevina@mail.ru

Olesya S. Pashutina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure and Criminalistics,
Southwest State University
olesya-pashutina@yandex.ru

Irina N. Chebotareva

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate professor of the Department
of Criminal Procedure and Criminalistics,
Southwest State University
cheb_irina@mail.ru

**ON THE ISSUE OF PROCEDURAL
GUARANTEES OF VOLUNTARY
RENUNCIATION OF SUBJECTIVE
RIGHT IN CRIMINAL PROCEEDINGS**

■ ■ ■

Annotation. The article considers the rejection of subjective law in criminal proceedings as a manifestation of the will of its participant through such a sign as voluntariness. The authors proceed from the fact that the rejection of a subjective right has signs of awareness and voluntariness. The sign of voluntariness is expressed in the free expression of will by the participants of criminal proceedings by choosing the appropriate behavior option as the most acceptable for them. The purpose of this study is to determine the procedural guarantees that ensure the voluntary refusal to exercise subjective rights in criminal proceedings. The article examines the opinions of scientists on this issue, the main conclusions and proposals are based on the analyzed data of the conducted sociological studies of the law enforcement officer, as well as the generalization of materials of judicial practice.

Keywords: voluntary refusal of the right, freedom of choice, procedural guarantees, participation of the defender, criminal proceedings.

■ ■ ■

Исследование сущности отказа от субъективного права неразрывно связано с изучением вопроса о его признаках как акта волеизъявления.

Отказ от субъективного права является осмысленным актом волеизъявления, основанном на знании лица о наличии у него определенного права и последствиях отказа от него [2, с. 78].

Отказ от права в юридической интерпретации можно охарактеризовать не только с позиции выражения осознанного волеизъявления субъекта уголовно-процессуальной деятельности, но и, в немалой степени, как акт, отличающийся признаками добровольного характера.

Иными словами, осознание возможности реализации права является обязательной составляющей добровольности: только на основании ее наличия или отсутствия можно установить добровольность отказа от субъективного права [3, с. 80].

На основе проведенного анализа уголовно-процессуальных норм, а также, ряда социологических исследований, мы полагаем возможным следующим образом определить систему процессуальных гарантий добровольности отказа от реализации субъективного права при производстве по уголовному делу.

Прежде всего, предполагается *равное предоставление такой правовой возможности всем участникам уголовного судопроизводства, наделенным определенным процессуальным статусом, регламентированным соответствующей нормой УПК РФ, согласно выполняемой функции.*

Следовательно, в юридическом отношении добровольный отказ от субъективного права проявляется в качестве правомерной, допустимой формы процессуальной деятельности, что подтверждают результаты проведенного нами опроса правоприменителя [4]. На вопрос анкеты о том, имеет ли право участник уголовного процесса отказаться от своего права и не использовать его, 86,8 % следователей, 100 % прокуроров, 75,5 % адвокатов и 97,2 % судей ответили утвердительно.

Значительное число респондентов заявило, что в своей практике лично сталкивались с такой формой реализации принадлежащего субъекту права (81,1 % следователей и дознавателей, 90,4 % адвокатов, 86,7 % прокуроров, 97,2 % судей).

В подобных ситуациях правоприменители считают необходимым разъяснять последствия неиспользования участником своего права либо, напротив, преимуществ его использования. И только 11,3 % следователей, 2,1 % адвокатов не предпринимают в подобной ситуации каких-либо действий, уповая на самостоятельный характер принятого решения.

В то же время, опрос показал, что, по мнению абсолютного большинства респондентов из числа следователей, дознавателей и адвокатов,

неиспользование участниками уголовного процесса своих прав отрицательно сказывается на достижении задач уголовного процесса.

Диаметрально противоположного мнения придерживаются в данном вопросе прокуроры и судьи, акцентируя внимание на нейтральной позиции по данному поводу.

В качестве надлежащей гарантии *добровольного отказа от права следует признать установленный законом порядок и процедуру принятия такого решения.*

Проведенный нами анализ судебно-следственной практики показал, что отказ от реализации того или иного права в уголовном процессе весьма распространенное явление. Так, из изученных нами материалов 261 уголовного дела, рассмотренных судами Белгородской и Курской областей за период с 2016 по 2020 гг., в результате проведенного анализа процессуальной деятельности обвиняемого в ходе досудебного производства по уголовному делу, было установлено, что в 13,2 % обвиняемый отказался от такого права, как дача показаний; в 11,7 % – от защитника; в 72,3 % случаев обвиняемый не реализовал свое право на заявление ходатайств; в 43,5 % обвиняемый не ознакомился с постановлением о назначении судебной экспертизы и с заключением эксперта по делу.

Аналогичная ситуация характерна и для процессуального участия потерпевшего при производстве по уголовному делу. Так, нами было установлено, что в 60,7 % дел потерпевший на заявлял ходатайств в досудебном производстве, а по 36,6 % – в ходе судебного заседания. Данный участник уголовного процесса не реализовал свои процессуальные возможности в связи с производством судебной экспертизы в 34,1 % случаев, а в 20,7 % не ознакомился с материалами дела по окончании предварительного расследования. В 84,3% потерпевший отказался от участия в судебных прениях; в 71,9 % потерпевший отказался от заявления гражданского иска, а в 42,1 % случаев – отказался от заявленных исковых требований в суде.

В данном случае, гарантией добровольности отказа потерпевшего от реализации, принадлежащего ему права, выступает отражение в протоколе судебного заседания принятого им решения.

Вместе с тем, мы полагаем, что процедурные вопросы оформления добровольного отказа от реализации того или иного права в ходе досудебного производства как со стороны потерпевшего, так и со стороны обвиняемого должным образом законодательно не урегулированы. Согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), такой порядок закреплен лишь в ч. 1 ст. 52, указывающей, что «подозреваемый, обвиняемый вправе в любой момент производства по уголовному делу отказаться от помощи защитника. Такой отказ допускается только по инициативе подозреваемого или обвиняемого. Отказ от защитника заявляется в

письменном виде. Если отказ от защитника заявляется во время производства следственного действия, то об этом делается отметка в протоколе данного следственного действия».

Полагаем, это вполне оправдано, в связи с тем, что четко регламентировать в законе процедуру отказа от всех процессуальных прав, которыми наделен субъект, нецелесообразно и в большей степени будет указывать на бюрократический характер судопроизводства, нежели должным образом обеспечивать защиту прав и свобод участников процесса.

В тоже время, на наш взгляд, не выяснив мотивы такой процессуальной деятельности указанных участников, весьма сложно говорить о надлежащем обеспечении их прав и свобод при производстве по уголовному делу в порядке ст. 11 УПК РФ.

Проблемой действующего законодательства является тот факт, что уголовно-процессуальные нормы не содержат каких-либо указаний относительно необходимости выяснения мотивации лица при отказе от своего субъективного права.

Полагаем, в целях укрепления гарантий добровольности отказа от реализации того или иного права в совокупном сочетании его субъективного (понимаемом как свобода воли при принятии решения) и объективного (предполагающего свободу выбора варианта поведения в процессе) критерия [3, с. 80] в законе следует закрепить указание на необходимость установления мотивов принятия такого решения, что позволит, во-первых, определить возможность осознания лицом своего субъективного права, а также, исключить вероятность оказания на него какого-либо давления извне с целью воспрепятствования реализации того или иного права. В качестве уголовно-процессуальной нормы, нам это видится следующим образом:

П. 1 ч. 1 ст. 11 УПК РФ: *«В случае отказа подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, а также, других участников уголовного судопроизводства от осуществления принадлежащего им права суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны выяснить мотивы принятия такого решения».*

Процедурно это можно сделать на этапе окончания предварительного расследования при ознакомлении с материалами уголовного дела, отразив информацию в соответствующем протоколе. Если же данный вопрос возник в ходе судебного разбирательства по уголовному делу, то соответствующая запись заносится в протокол судебного заседания.

Для оценки гарантированности добровольного отказа от права в УПК РФ регламентирован порядок такого следственного действия как допрос, который, на наш взгляд, не исключает возможность допроса в качестве свидетеля, в частности, должностного лица правоохранительного органа с целью разъяснения различных обстоятельств дела, в том числе удостоверения факта

осознанности и исключения принудительного воздействия на волеизъявление участника процесса при отказе от того или иного права.

Не исключается возможность допроса непосредственно участника уголовно-процессуальных отношений с тем, чтобы удостоверить сам факт добровольности подобного отказа от права.

Добровольный отказ от права не всегда предполагает его окончательность. Так, скажем, отказ от адвоката на этапе досудебного производства не исключает в дальнейшем возможности его участие в судебном заседании. В тоже время, отказ от рассмотрения дела в особом порядке или от суда присяжных, выраженный в надлежащей процессуальной форме на этапе ознакомления с материалами уголовного дела исключает такую возможность в последующем для подсудимого.

На сегодняшний день в качестве неотъемлемой гарантии добровольности отказа от права можно считать *регламентированное законом обязательное участие адвоката* (или представителя/законного представителя) при производстве по уголовному делу. Речь идет о ст. 51 УПК РФ, устанавливающей случаи обязательного участия защитника в интересах подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, а также, ч. 2 ст. 45 УПК РФ, закрепляющей необходимость участия представителя потерпевшего по делам о преступлениях, причинивших вред несовершеннолетним; когда потерпевший имеет физические и психические недостатки, в силу чего, не может самостоятельно осуществлять права и защищать свои интересы.

Обязательное участие адвоката при производстве по уголовному делу, в первую очередь, направлено на обеспечение соблюдения и защиту процессуальных прав и свобод обозначенных участников судопроизводства на всех этапах рассмотрения уголовного дела [5].

О.В. Васильев справедливо акцентирует внимание на том, что «обеспечение обязательного участия, в частности, защитника необходимо не только для соблюдения прав человека, но и для отправления правосудия, в котором уделяется большее внимание мнению защитника, чем на предварительном расследовании» [6, с. 131].

Адвокат как процессуальный субъект должен проявлять активность с момента допуска к участию в деле [7, с. 135], надлежащим образом контролируя выполнение лицом, в производстве которого находится уголовное дело требований закона, в том числе, касающихся разъяснения подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, а также, потерпевшему их прав и соответственно оказывая квалифицированную юридическую помощь не только при желании доверителя воспользоваться принадлежащими ему процессуальными правами, но и при отказе от их реализации. В последнем случае подразумевается необходимость согласованной позиции по данному волеизъявлению с разъяснением юридических последствий такого отказа в зависимости от его формы (обратимый/необратимый) [8, с. 180].

Это подтверждают результаты проведенного нами опроса адвокатов. Значительное число респондентов (82,1 %) заявили, что в случае отказа участника от реализации принадлежащего ему права они разъясняют (либо разъяснят при условии возникновения подобной ситуации в их практике) последствия неиспользования участниками его права. Довольно большой процент опрошенных (50,5 %), напротив, считают необходимым в данной ситуации разъяснить преимущества использования участниками его права. Лишь 2 %

Литература:

1. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, в рамках научного проекта № 20-011-00858.
2. *Чеботарева И.Н.* Правовое регулирование отказа от субъективного права в уголовном процессе России : монография / И.Н. Чеботарева, О.С. Пашутина, И.В. Ревина. Курск, 2021.
3. *Чеботарева И.Н.* Отказ от субъективного права как феномен в уголовном процессе России: монография / И.Н. Чеботарева, О.С. Пашутина, И.В. Ревина. Курск, 2020.
4. В опросе приняли участие 108 судей, 45 сотрудников органов прокуратуры, 162 представителя органов следствия и дознания, 291 адвокат Архангельской, Белгородской, Курской, Московской, Орловской, Ростовской, Тульской областей, г. Москвы.
5. *Смирнов А.В.* Уголовный процесс : учеб. / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский; Под общ. ред. А.В. Смирнова. 7-е изд., перераб. М., 2017.
6. *Васильев О.В.* Справедливость на досудебных стадиях уголовного процесса России. М., Юрлитинформ, 2017.
7. *Шадрин В.С.* Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М., 2000.
8. *Чеботарева И.Н.* Отказ от реализации субъективного права в уголовном процессе / И.Н. Чеботарева // Вестник Волгоградской Академии МВД России. 2019. № 1. С. 173–182.

адвокатов считают недопустимым вторгаться в процесс реализации участником своего субъективного права.

Резюмируя изложенное, обязательное участие адвоката при производстве по уголовному делу с позиции законодателя выступает дополнительной гарантией обеспечения прав и законных интересов участников процесса, в том числе и при отказе от их реализации.

Literature:

1. The study was carried out with the financial support of the RFBR, as part of the scientific project № 20-011-00858.
2. *Chebotareva I.N.* The waiver of sub-objective rights in the enlarged processsee also : monograph / N. Chebotareva, O.S. Pashutina, I.V. Revina. Kursk, 2021.
3. *Chebotareva I.N.* How a phenomenon in a magnified processsee also : monograph.N. Chebotareva, O.S. Pashutina, I.V. Revina. Kursk, 2020.
4. 108 judges, 45 employees of the prosecutor's office, 162 representatives of the investigation and inquiry bodies, 291 lawyers of the Arkhangelsk, Belgorod, Kursk, Moscow, Orel, Rostov, Tula regions, Moscow took part in the survey.
5. *Smirnov A.V.* Criminal process : textbook / A.V. Smirnov, K.B. Kalinovsky; Under the general editorship A.V. Smirnova. 7th ed. perab. M., 2017.
6. *Vasilyev O.V.* The Justice of the present day. M., Jurlitinform, 2017.
7. *Shadrin V.S.* The right person in the case of a criminal investigation. M., 2000.
8. *Chebotareva I.N.* Renunciation of conversions of subjective rights in the enlarged process / I.N. Chebotareva // newspaper Volgograd Academy MFA Rossii. 2019. № 1. P. 173–182.

Родин Денис Яковлевич

доктор экономических наук,
доцент кафедры
денежного обращения и кредита,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
rodin17@mail.com

Зиниша Ольга Станиславовна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры
денежного обращения и кредита,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
zinisha@rambler.ru

Иваненко Игорь Николаевич

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского процесса
и международного права,
Кубанский государственный университет
ivanenko.igor@mail.ru

**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ
ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ СУДОВ
АПЕЛЛЯЦИОННОЙ, КАССАЦИОННОЙ
И НАДЗОРНОЙ ИНСТАНЦИЙ
В АДМИНИСТРАТИВНОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

■ ■ ■

Аннотация. В ходе настоящего исследования предпринята попытка анализа полномочий судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций в административном судопроизводстве. Приведены нормы Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, закрепляющие перечень полномочий судов в административном судопроизводстве. Выделены основные проблемы и умозаключения по результатам проведенного исследования.

Ключевые слова: административное судопроизводство, апелляционная инстанция, кассационная инстанция, надзорная инстанция, полномочия суда, полномочия судов в административном судопроизводстве.

■ ■ ■

Актуальной представляется проблема охраны права и законных интересов граждан от незаконных действий и решений со стороны органов государственной власти и органов местного самоуправления. Определенные противоречия и проблемы сопровождают процесс,

Denis Ya. Rodin

Doctor of Economics,
Associate Professor
of the Department of Monetary
Circulation and Credit,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
rodin17@mail.com

Olga S. Zinisha

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor
of the Department of Monetary
Circulation and Credit,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
zinisha@rambler.ru

Igor N. Ivanenko

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor of the Department
of Civil Procedure and International Law,
Kuban State University
ivanenko.igor@mail.ru

**TO THE ISSUE OF THE PROBLEMS
OF DETERMINING THE POWERS
OF THE COURTS OF APPEAL, CASSATION
AND SUPERVISORY INSTANCES
IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS**

■ ■ ■

Annotation. This article attempts analysis of the powers of the courts of appeal, cassation and supervisory instances in administrative proceedings. The norms of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, fixing the list of powers of courts in administrative proceedings, are given. The main conclusions based on the results of the study are highlighted.

Keywords: administrative proceedings, appellate instance, cassation instance, supervisory instance. powers of the court, powers of the courts in administrative proceedings.

■ ■ ■

содержащий определенный «перевес» в пользу более защищенной стороны, обладающей властными полномочиями.

Таким образом, институт административного судопроизводства представляет собой осново-

полагающий институт в области защиты прав, свобод человека и гражданина.

15 сентября 2015 года вступил в силу Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации. Именно данный кодифицированный акт закрепил независимость административного судопроизводства в рамках российской правовой системы.

Административное судопроизводство характеризуется рядом общих родовых признаков с конституционным, гражданским, уголовным судопроизводствами. Установленные частью 2 статьи 118 Конституции Российской Федерации четыре формы судопроизводства, обладают своей спецификой в целях и правовом регулировании, однако, все они призваны решать одну общую задачу – обеспечение посредством правосудия прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, все формы судопроизводства необходимо рассматривать в неразрывном функциональном единстве. Как следствие, «названные исчерпывающим образом четыре формы судопроизводства представляют собой оптимально необходимую совокупность, гарантирующую полноценную судебную защиту, право на которую предусмотрено статьей 46 Конституции Российской Федерации.

Соответственно, отсутствие любого из судопроизводств снижает эффективность судебной защиты.

Для объективного рассмотрения полномочий судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций необходимо определить содержание термина «административное судопроизводство».

Так, М.С. Студеникина под термином «административное судопроизводство» понимает два вида деятельности суда:

- 1) осуществление судом контрольных полномочий в отношении законности актов исполнительных органов государственной власти и их должностных лиц;
- 2) участие суда в рассмотрении дел об административных правонарушениях [3, с. 1179].

Л.А. Николаева и А.К. Соловьева указывают на то, что административное судопроизводство – это форма судебного (принудительного) восстановления субъективных публичных прав граждан и организаций, гарантия судебной защиты прав и свобод человека и гражданина [4, с. 121].

Ю.Н. Стариков, в свою очередь, отождествляет термины «административная юстиция», «административный процесс» и «административное судопроизводство» [6, с. 26].

Е.С. Васильева и В.К. Нехайчик считают, что термин «административное судопроизводство» подразумевает под собой, прежде всего, правосудие, осуществляемое специализированными административными судами, в особом судебном процессуальном порядке, по рассмотрению и

разрешению административных и публичных дел, с целью защиты прав, свобод и охраняемых законом интересов человека и гражданина, юридических лиц и их объединений от произвола чиновников [1, с. 39].

Таким образом, с учетом действующего в настоящее время Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации под административным судопроизводством понимается порядок защиты в судах общей юрисдикции прав, свобод и охраняемых законом интересов человека и гражданина, прав и охраняемых законом интересов юридических лиц и их объединений от неправомерных решений и действий (бездействия) федеральных органов исполнительной власти, иных федеральных государственных органов, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, а также порядок рассмотрения иных административных споров, вытекающих из публично-правовых отношений (статья 1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации).

Анализ положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации указывает на то, что административный процесс является своего рода юридической процедурой с особыми характеристиками, такими как этапность и временная определенность.

Судебная инстанция – определенная процессуальная компетенция суда (или его структурного подразделения), состоящая в полномочии на рассмотрение и разрешение дела по существу с вынесением судебного акта или в проверке законности и обоснованности вынесенного приговора или решения, не вступившего или вступившего в законную силу.

Установленные частью 2 статьи 118 Конституции Российской Федерации четыре формы судопроизводства, имеют свою специфику в целях и правовом регулировании, однако, все они призваны решать одну общую задачу – обеспечение посредством правосудия прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, все формы судопроизводства необходимо рассматривать в неразрывном функциональном единстве. Как следствие, «названные исчерпывающим образом четыре формы судопроизводства представляют собой оптимально необходимую совокупность, гарантирующую полноценную судебную защиту, право на которую предусмотрено статьей 46 Конституции Российской Федерации.

Соответственно, отсутствие любого из судопроизводств снижает эффективность судебной защиты.

По мнению И.В. Пановой, несмотря на то, что юридическому процессу присущи признаки стадийности, цикличности, которые законодателем четко оформлены в стадии процессуальной активности, единого понимания в определении понятий стадий процесса пока не достигнуто. Одни ученые под стадией процесса понимают

совокупность процессуальных действий или процессуальных отношений, объединенных ближайшей целью, другие – порядок движения дела, установленной законом, третьи – поочередно сменяющие друг друга самостоятельные этапы, имеющие конкретные цели и задачи [5, с. 41].

Так, традиционно, под полномочиями суда в судебном разбирательстве понимается совокупность его прав и обязанностей по осуществлению правосудия в рамках определенного вида процедуры, регулируемой нормами соответствующего процессуального нормативного акта.

Полномочия суда составляют основу всей процедуры административного судопроизводства. Они проявляются в конкретных актах суда, который при наличии определенной причины уполномочивает или обязывает разрешать публично-правовые споры.

В соответствии с пунктом 58 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 года № 36 «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации», полномочия суда в рамках административного судопроизводства при подготовке административного дела к судебному разбирательству расширяются указанием на то, что судья вправе провести предварительное судебное заседание. Такое заседание может быть назначено при возникновении необходимости уточнения обстоятельств, имеющих значение для:

- правильного рассмотрения и разрешения административного дела;
- определения достаточности доказательств по административному делу;
- выявления фактов пропуска сроков обращения в суд с административным иском заявлением;
- процессуального закрепления распорядительных действий сторон, совершенных при подготовке административного дела к судебному разбирательству;
- выяснения возможности урегулирования административного спора до судебного разбирательства.

Также, необходимо отметить, что пунктом 61 указанного Постановления Пленума при рассмотрении административного дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих суд не связан основаниями и доводами, содержащимися в административном исковом заявлении. При этом суд не вправе признать обоснованным оспариваемое решение, действие, бездействие со ссылкой на обстоятельства, не являвшиеся предметом рассмотрения соответствующего органа, организации, лица, изменяя таким образом основания

принятого решения, совершенного действия, имевшего место бездействия.

Однако необходимо отметить, что в соответствии с пунктом 62 Постановления Пленума № 36, суд не осуществляет проверку целесообразности оспариваемых решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих, принимаемых, совершаемых ими в пределах своего усмотрения в соответствии с компетенцией, предоставленной законом или иным нормативным правовым актом.

При этом следует иметь в виду, что превышение указанных полномочий либо использование их вопреки законной цели и правам, законным интересам граждан, организаций, государства и общества является основанием для признания оспариваемых решений, действий (бездействия) незаконными. Данная мера находит должное закрепление в пункте 4 части 9 статьи 226 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации.

В рамках административного судопроизводства следует отдельно выделять дополнительные стадии, включающие стадию апелляции, кассации, пересмотра судебных постановлений в порядке надзора.

В теории судебного процесса стадия оспаривания и возражения считается дополнительной стадией в различных видах судебного разбирательства.

В соответствии с положениями статьи 309 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации по результатам рассмотрения апелляционных жалоб, представления суд апелляционной инстанции вправе:

- 1) оставить решение суда первой инстанции без изменения, апелляционные жалобы, представление без удовлетворения;
- 2) отменить или изменить решение суда первой инстанции полностью или в части и принять по административному делу новое решение;
- 3) отменить решение суда и направить административное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в случае, если административное дело было рассмотрено судом в незаконном составе, или если административное дело рассмотрено в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания, или если судом был разрешен вопрос о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в административном деле, или если решение суда первой инстанции принято в соответствии с частью 5 статьи 138 данного Кодекса либо в случае нарушения правил о ведении аудиопроотолирования судебного заседания;

4) отменить решение суда первой инстанции полностью или в части и прекратить производство по административному делу либо оставить заявление без рассмотрения полностью или в части по основаниям, указанным в статьях 194 и 196 указанного Кодекса;

5) оставить апелляционные жалобу, представление без рассмотрения по существу при наличии оснований, предусмотренных частью 1 статьи 301 данного Кодекса.

Пунктом 78 Постановления пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2016 года № 36 суд апелляционной инстанции вправе отказать лицу, участвующему в деле, в удовлетворении ходатайства о приобщении или об истребовании дополнительных доказательств, только если судом установлено, что непредставление этих доказательств в суд первой инстанции было направлено на затягивание рассмотрения дела или представляло собой иное злоупотребление процессуальными правами.

В рамках апелляционного производства по делу, также установлено полномочие в силу части 1 статьи 308 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, в соответствии с которым суд апелляционной инстанции рассматривает административное дело в полном объеме и не связан основаниями и доводами, изложенными в апелляционной жалобе, представлении и возражениях относительно жалобы, представления.

Регламентация полномочий суда кассационной инстанции находит отражение в статье 329 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, в соответствии с которой, суд кассационной инстанции, рассмотрев кассационные жалобу, представление с административным делом, вправе:

1) оставить судебный акт суда первой, апелляционной или кассационной инстанции без изменения, кассационные жалобу, представление без удовлетворения;

2) отменить судебный акт суда первой, апелляционной или кассационной инстанции полностью либо в части и направить дело на новое рассмотрение в соответствующий суд с указанием при необходимости на обязанность рассмотреть дело в ином составе судей;

3) отменить судебный акт суда первой, апелляционной или кассационной инстанции полностью либо в части и оставить заявление без рассмотрения либо прекратить производство по административному делу;

4) оставить в силе один из принятых по административному делу судебных актов;

5) отменить либо изменить судебный акт суда первой, апелляционной или кассационной инстанции и принять новый судебный акт, не передавая административное дело на новое рассмотрение, если допущена ошибка в применении и (или) толковании норм материального права;

6) оставить кассационные жалобу, представление без рассмотрения по существу при наличии оснований, предусмотренных частью 1 статьи 321 указанного Кодекса.

Необходимо отметить, что вышеуказанным Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации отдельных полномочий в рамках рассмотрения дела в суде кассационной инстанции не установлено. Данный фактор указывает на отсутствие специальных полномочий суда кассационной инстанции по причине регламентации процесса судопроизводства как в рамках первоначального рассмотрения административного дела судом, так и в рамках рассмотрения дела в суде апелляционной инстанции. Перечень основных полномочий суда кассационной инстанции по административному делу изложен в вышеуказанной статье Кодекса. Однако данное утверждение представляется ошибочным. В рамках кассационного рассмотрения административного дела имеется ряд особенностей, вызванных целями и спецификой рассмотрения дела в суде кассационной инстанции. Таковыми представляются полномочия о решении вопроса о возвращении кассационных жалобы, представления без рассмотрения по существу в связи с пропуском срока обжалования судебного акта в кассационном порядке. Данный вопрос решается в течение десяти дней со дня их поступления в суд кассационной инстанции, вопрос о восстановлении пропущенного срока подачи кассационных жалобы, представления должен быть разрешен в этот же срок. Также, необходимо отметить, что данный вопрос разрешается судьей суда кассационной инстанции единолично. Данная формулировка полномочия суда в рамках кассационного производства влечет определенные процессуальные особенности, в связи с чем, нам представляется необходимой более подробная регламентация процесса рассмотрения дела в суде кассационной инстанции, посредством установления исчерпывающего перечня полномочий суда на всех этапах рассмотрения дела, а не только в отношении «итоговых» полномочий.

Подробный подход использован законодателем в рамках регламентации полномочия суда при рассмотрении дела в порядке надзора в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации.

Так, положениями статьи 342 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации предусмотрено: Президиум Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев надзорные жалобу, представление с административным делом в порядке надзора, вправе:

1) оставить судебный акт суда первой, апелляционной или кассационной инстанции без изменения, надзорные жалобу, представление без удовлетворения;

2) отменить судебный акт суда первой, апелляционной или кассационной инстанции полностью либо в части и направить административное дело на новое рассмотрение в соответствующий суд.

При направлении административного дела на новое рассмотрение Президиум Верховного Суда Российской Федерации может указать на необходимость рассмотрения административного дела в ином составе судей;

3) отменить судебный акт суда первой, апелляционной или кассационной инстанции полностью либо в части и оставить заявление без рассмотрения, либо прекратить производство по административному делу;

4) оставить в силе один из принятых по административному делу судебных актов;

5) отменить либо изменить судебный акт суда первой, апелляционной или кассационной инстанции и принять новый судебный акт, не

Литература:

1. *Васильева Е.С.* Концепция административного судопроизводства в механизме административно-правового воздействия / Е.С. Васильева, В.К. Нехайчик // Административное и муниципальное право. 2011. № 10(46). С. 38–43.

2. *Диордиева О.* Обжалование определений суда первой инстанции / О. Диордиева // Российская юстиция. 2010. № 10. С. 14–15.

3. *Кузьмичева Г.А.* Административный процесс: понятие, сущность, принципы / Г.А. Кузьмичева, М.С. Студеникина // Lex russica (Русский закон). 2006. Т. 65. № 6. С. 1178–1190.

4. *Николаева Л.А.* Административная юстиция и административное судопроизводство: зарубежный опыт и российские традиции / Л.А. Николаева, А.К. Соловьева // Сер. Конституционное, муниципальное и административное право. СПб., 2004.

5. *Панова И.В.* Административное судопроизводство – вид судопроизводства в Российской Федерации / И.В. Панова // Арбитражный и гражданский процесс. 2003. № 2. С. 36–43.

6. *Стариков Ю.Н.* Административное судопроизводство и административные суды в Российской Федерации: реальность и перспективы / Ю.Н. Стариков // Российский судья. 2012. № 12. С. 20–28.

передавая административное дело на новое рассмотрение, если допущена ошибка в применении и толковании норм материального права;

6) оставить надзорные жалобу, представление без рассмотрения по существу при наличии оснований, предусмотренных статьей 335 данного Кодекса.

Резюмируя изложенное, отметим, что полномочия судов апелляционной, кассационной и надзорной инстанций в административном судопроизводстве до настоящего времени выступают в качестве объекта для дискуссий. Данная проблема связана с необходимостью внедрения результатов научных исследований в нормы, регламентирующие стадии административного судопроизводства.

Literature:

1. *Vasilyeva E.S.* The concept of administrative legal proceedings in the mechanism of administrative and legal impact / E.S. Vasilyeva, V.K. Nekhaychik // Administrative and municipal law. 2011. № 10(46). P. 38–43.

2. *Diordieva O.* Appeal of rulings of the court of first instance / O. Diordieva // Russian justice. 2010. № 10. P. 14–15.

3. *Kuzmicheva G.A.* Administrative process: concept, essence, principles / G.A. Kuzmicheva, M.S. Studenikina // Lex russica (Russian Law). 2006. Vol. 65. № 6. P. 1178–1190.

4. *Nikolaeva L.A.* Administrative justice and administrative proceedings: foreign experience and Russian traditions / L.A. Nikolaeva, A.K. Solovyova // Ser. Constitutional, Municipal and Administrative Law. SPb., 2004.

5. *Panova I.V.* Administrative legal proceedings – a type of legal proceedings in the Russian Federation / I.V. Panova // Arbitration and civil procedure. 2003. № 2. P. 36–43.

6. *Starilov Yu.N.* Administrative proceedings and administrative courts in the Russian Federation: reality and prospects / Yu.N. Starilov // Russian Judge. 2012. № 12. P. 20–28.

Савин Андрей Александрович
старший преподаватель
кафедры публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Aasavin33@mail.ru

Семенов Сергей Александрович
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
kurlak09@rambler.ru

УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ – ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ, СУЩНОСТЬ

Аннотация. В системе мер, осуществляемых Российским государством по укреплению законности и правопорядка, ужесточению борьбы с преступностью, весомое пространство отводится совершенствованию системы уголовных санкций, увеличению производительности ее функционирования. Уголовное наказание считается одним из наиглавнейших институтов уголовного права, внимание к которому проявляют не только профессиональные ученые, но и широкие слои населения. Материальные и процессуальные вопросы уголовного наказания регулируются совокупностью предписаний многих отраслей права: уголовного, уголовно-процессуального, судостроительного, гражданского, гражданско-процессуального, уголовно-исполнительного, международного и т.д. Статья об этом.

Ключевые слова: наказание, преступление, уголовное право, виновность.

Уголовное наказание является одним из самых сложных социально-правовых явлений, когда-либо происходивших в обществе. Оно берет свое начало с создания первых централизованных государств, т.е., определенные виды наказания применялись еще в древних государствах. Основным видом уголовного наказания древнего мира являлась смертная казнь, которая отличалась особой жестокостью исполнения. Лишь в 18 веке с появлением первых трудов ученых, в которых содержались идеи гуманизации наказания, произошло их «очеловечивание». Серьезное воздействие на общество в период гуманизации оказал трактат Ч. Беккария «О преступлении и наказании», основной смысл которого заключался в следующем: «Не жестокость

Andrey A. Savin
Senior Lecturer of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
Aasavin33@mail.ru

Sergei A. Semenov
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
kurlak09@rambler.ru

CRIMINAL PUNISHMENT – CONCEPT, SIGNS, ESSENCE

Annotation. In the system of measures implemented by the Russian state to strengthen the rule of law and order, to tighten the fight against crime, a significant space is given to improving the system of criminal sanctions, increasing the productivity of its functioning. Criminal punishment is considered one of the most important institutions of criminal law, which is paid attention to not only by professional scientists, but also by the general population. The material and procedural issues of criminal punishment are regulated by a set of prescriptions of many branches of law: criminal, criminal procedure, judicial, civil, civil procedure, penal enforcement, international, etc. The article is about it.

Keywords: punishment, crime, criminal law, guilt.

наказания, а его неотвратимость обеспечивает его предупредительное значение». В истории России первое упоминание о праве содержится в Соборном уложении 1649 г. Историческое понятие наказания утвердилось только в 19 веке. В этом же столетии впервые были созданы работы, посвященные исследованию наказания как уголовно-правовой категории, наиболее выдающимися авторами подобных работ были: Ф. Депп, Н. Суворов, И.Я. Фойницкий, И. Милован и др. Современное понятие наказания даётся в статье 43 УК РФ.

Наказание – это мера государственного принуждения, назначаемая по приговору суда, к лицам признанным виновными в совершении

преступления, заключающаяся в предусмотренных настоящим Кодексом лишении и ограничении прав и свобод лиц, которое применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений [1].

Основываясь на приведенном выше понятии «наказание», можно выделить следующие основные его признаки:

- меру государственного принуждения;
- оно персонафицировано;
- назначается только приговором суда и заключается в ограничении прав и свобод человека.

Такие ограничения должны вызвать у человека определенные неудобства, страдания, осознание того, что он совершил общественно опасное деяние.

Проблема сущности уголовного наказания, пожалуй, является наиболее сложной в теории уголовного права.

В философии сущность понимается как внутреннее строение (содержание) предмета, выражающаяся в совокупности всех ее многообразных свойств и отношений.

В целях уяснения сущности наказания обратимся к его этимологическому значению. В. Даль трактовал наказание, как «давать наказ, приказ, приказывать строго, предписывать, велеть». В течение долгого времени наказание трактовалось как акт возмездия. Подобное суждение основывалось на обычае кровной мести. Но возмездие не может быть положено в основу объяснения сущности наказания. Как отмечал в начале XX в. А.А. Жижиленко, понятие «возмездие» не связано только с понятием наказания: «Возмездие остается возмездием независимо от того, использовано ли оно в таких явлениях, как наказание или месть – возмездие карательное, или же на нем покоится идея награды – возмездие награждающее» [2]. Сущность наказания – это то, что в наибольшей мере характеризует каждый вид наказания, позволяет провести разграничение наказания от иных мер уголовно-правового характера, а также от иных мер юридической ответственности. Таким образом, сущность наказания заключается в государственном осуждении, порицании преступления и упрека лица, его совершившего, материализуемыми в лишении и ограничении прав и свобод осужденного, претерпевание которых вызывает у него страдание, применяемые в целях восстановления справедливости, исправления виновного и недопущение новых преступных проявлений.

Любое разумное действие человека должно иметь определенную цель, иначе его можно считать бессмысленным. В словаре русского языка «цель» определяется как «идеальное, мысленное предвосхищение результата деятельности. В качестве непосредственного мотива цель направляет и регулирует человеческую деятельность.

Содержание цели зависит от объективных законов действительности, реальных возможностей субъекта и применяемых средств» [3].

В ч. 1 ст. 43 УК РФ говорится, что наказания применяются в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений [4].

По ходу достижения определенной цели, возможны три варианта развития событий, когда цель и результат полностью совпадают; цель достигается лишь частично; цель перевыполняется.

Третий вариант развития событий, также содержит в себе три вида результата: перевыполнение цели носит положительный характер; перевыполнение цели носит нейтральный характер; перевыполнение цели является общественно опасным.

Что же кроется под целями наказания:

1. Восстановления социальной справедливости – компенсация вреда, причиненного человеку, обществу или государству. Эта цель предполагает возмещение причиненного ущерба, как человеку, так и государству. Оно может выражаться в наложении на осужденного штрафа, исполнения обязательных и исправительных работ, возмещение физического и материального ущерба. Но эта цель достигается далеко не в каждом случае, например, в случае совершения убийства.

2. Исправление осужденного. Данная цель предполагает формирование у осужденного уважительного отношения к обществу и закону, изменение его негативных свойств, приведших к совершению преступления, путем применения уголовно-правового воздействия.

3. Предупреждение совершения новых преступлений – подразумевается деятельность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, органов государственной власти и органов местного самоуправления направленная на выяснение и устранение причин, способствующих повторному совершению преступлений.

Указанная цель достигается посредством решения следующих задач [5]:

- регулирования порядка и условий отбывания наказаний;
- определения средств исправления осужденных;
- охраны их прав и законных интересов;
- оказания осужденным помощи в социальной адаптации.

Выделяют общее и индивидуально предупреждение преступлений.

Индивидуальное предупреждение преступлений выражается в оказании на осужденного положительного воздействия, в целях недопущения совершения им новых преступлений.

Цель индивидуального предупреждения преступлений достигается с помощью как мер взыскания и поощрения, применяемых к осужденным, так и посредством общественного полезного труда, проведения с осужденным воспитательной работы, оказание помощи осужденным, освобожденным от отбывания наказания.

Общее предупреждение преступлений рассматривается как деятельность учреждений и органов, исполняющих наказания, органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных общественных организация, а также, граждан по выявлению и устранению причин способствующих совершению преступлений иными лицами [6].

Данная цель достигается путем проведения мероприятий политического, правового, идеологического, экономического и иного характера.

Перечисленные цели являются прямыми задачами наказания. На практике достижение перечисленных выше целей оказывают огромное воздействие на осужденного, и часто позитивно.

Современный Уголовный кодекс РФ насчитывает 13 видов наказаний. Они подразделяются на основные (применяемые самостоятельно) и дополнительные (применяемы в паре с основными), а также меры, применяемые в качестве как основных, так и дополнительных [7].

Перечень наказаний следует разделить на основные виды наказаний, на дополнительные виды наказаний, а также на дополнительные вида наказаний которые могут коррелировать с основными (статья 45 УК РФ).

К основным видам относятся:

- обязательные работы; исправительные работы;
- ограничение по военной службе;
- принудительные работы;

Литература:

1. *Гладких В.И.* Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / В.И. Гладких, В.С. Курчев; Под общей ред. д-р юрид. наук, профессора В.И. Гладких. М. : Новосибирский государственный университет, 2015. 614 с.
2. *Жижиленко А.А.* Очерки по общему учению о наказании. СПб., 1923. 110 с.
3. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М., 1997. 944 с.
4. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / С.А. Балеев [и др.]. М. : Статут, 2012. 941 с.

- арест;
- содержание в дисциплинарной воинской части;
- лишение свободы на определенный срок;
- пожизненное лишение свободы;
- смертная казнь.

Такое наказание, как лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград применяется исключительно в качестве дополнительного вида наказания.

Дополнительные же виды наказаний, которые могут применяться как отдельные виды наказаний, так и в совокупности с основными: штраф; лишение права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью и ограничение свободы.

Комплексный подход при рассмотрении закрепленных в уголовном законодательстве Российской Федерации видов уголовных наказаний свидетельствует о наличии определенной системности данного объекта. Установленные в отечественном законодательстве наказания разнообразны и многоплановы. Часть из них имеет долгосрочный характер процесса исполнения, другие ограничиваются разовыми действиями. Ряд наказаний связан с лишением или ограничением свободы, большинство не имеет такого карательного воздействия. Между ними имеются связи различных видов и форм.

Понятие «система наказаний» можно изложить как, предусмотренный уголовным законом, обязательный исчерпывающий перечень видов наказаний определённого содержания, имеющих чётко определённое соотношение между собой и расположенных в определённой последовательности от менее строгих наказаний к более строгим.

Literature:

1. *Gladkikh V.I.* Criminal law of Russia. General and Special parts : textbook / V.I. Gladkikh, V.S. Kurcheev; Under the general editorship of doctor of law, professor V.I. Gladkikh. M. : Novosibirsk State University, 2015. 614 p.
2. *Zhizhilenko A.A.* Essays on the general doctrine of punishment. SPb., 1923. 110 p.
3. *Ozhegov S.I.* Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed. / S.I. Ozhegov, N.Y. Shvedova. M., 1997. 944 p.
4. Criminal law of Russia. Special part: textbook / S.A. Baleev [et al.]. M. : Statute, 2012. 941 p.

5. *Бриллиантов А.В.* Уголовное право России в схемах и определениях : учеб. пособие / А.В. Бриллиантов, Я.Е. Иванова. М. : Проспект, 2012. 227 с.

6. Уголовное право. Общая часть : учебник / А.Ф. Мицкевич [и др.]. М. : Проспект, 2014. 445 с.

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // «Собрание законодательства РФ». 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

5. *Brilliantov A. V.* Criminal law of Russia in schemes and definitions : textbook / A. V. Brilliantov, Ya. E. Ivanova. M. : Prospekt, 2012. 227 p.

6. Criminal law. General part : textbook / A. F. Mickiewicz [et al.]. M. : Prospect, 2014. 445 p.

7. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FZ (ed. of 24.09.2022) // «Collection of Legislation of the Russian Federation», 17.06.1996. № 25. Art. 2954.

Шаназарова Елена Витальевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
публично-правовых дисциплин
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
Milena.555@mail.ru

Ивонтьева Кристина Сергеевна

магистрант,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний
daniilzykov@mail.ru

**ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ
ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ
СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Аннотация. В настоящей статье рассматривается объективная сторона как обязательный признак любого преступления, ее значение обусловлено тем, что она является связующим звеном между умыслом уголовного деяния, его совершением и последствиями. Отсутствие объективной стороны преступления говорит о невинности лица, из чего следует, что не установление таковой в действиях лица является реализацией принципа презумпции невинности.

Ключевые слова: уголовное деяние, признаки преступления, объективная сторона, действие, бездействие, время, место, способ.

В основе реализации уголовного законодательства лежит охранительная функция, целью которой является наказание лиц, посягнувших на права, свободы и собственность граждан, общественную и экологическую безопасность, систему государственного управления и иные институты жизнедеятельности государства. В зависимости от объекта преступного посягательства, все уголовные деяния разделены на виды, каждый из которых носит свои индивидуальные признаки, позволяющие соотнести его к тому или иному преступлению.

Само преступление представляет собой противоправных факт, событие, совершенное при определенных обстоятельствах, с определенным умыслом. В целях детализации данных событий законодателем были разработаны соответствующие ему признаки, которые бы позволили

Elena V. Shanazarova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Public Law Disciplines
of the Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
Milena.555@mail.ru

Kristina S. Ivontieva

Master's Student,
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service
daniilzykov@mail.ru

**THE CONCEPT AND SIGNS
OF THE OBJECTIVE SIDE
OF THE CORPUS DELICTI**

Annotation. This article considers the objective side as an obligatory feature of any crime, its significance is due to the fact that it is a link between the intent of a criminal act, its commission and consequences. The absence of the objective side of the crime indicates the innocence of the person, from which it follows that not establishing such in the actions of the person is the implementation of the principle of the presumption of innocence.

Keywords: criminal act, signs of a crime, objective side, action, inaction, time, place, method.

соотнести совершенное противоправное деяние с преступлением.

Необходимость детализации преступления по его признакам вызвана тем, что многие преступные деяния достаточно сложно отграничить от иных правоотношений, что может привести к необоснованному привлечению к уголовной ответственности, или же, наоборот, позволит избежать таковой.

Кроме того, конкретизация деяний, квалифицирующихся как уголовные, позволяет реализовывать один из основополагающих принципов судопроизводства – презумпции невинности, который гласит, что никто не может быть обвинен в преступлении, пока вина не будет доказана. Доказательство виновности – есть, ни что иное, как установление события преступления, времени, места

и способа его совершения, цели и иных признаков, позволяющих применить к преступнику норму Уголовного кодекса РФ.

В уголовном праве признаки совершенного преступления можно разделить на внешние и внутренние. На проявлении внешних признаков и строится объективная сторона уголовного деяния. Стоит отметить, что данные признаки наиболее доступны правоприменителям на начальном этапе расследования, даже при условии, что изначально лицо, совершившее преступление, не установлено. Они позволяют квалифицировать действия виновного лица и соотнести их с определенным составом преступления. Внутренние признаки составляют психологическую сторону преступника, в связи с чем, установлению они подлежат только при установлении виновного.

Объективные признаки имеют свое закрепление в диспозициях статей Уголовного кодекса РФ. Они имеют четкую и недвусмысленную формулировку, поскольку отражают существенные условия совершенного уголовного деяния, позволяют ограничить его от непроступного посягательства, а также от иных составов преступлений, схожих по форме вины и возникшему умыслу. Например, такие составы преступлений, как кража, грабеж или разбой, подразумевают наличие единого корыстного умысла, однако обстоятельства совершения – тайное или открытое хищение, являющиеся признаками объективной стороны, позволяют разграничить их между собой. Очень тонкую грань объекта уголовных и гражданских правоотношений можно, например, увидеть при совершении мошенничества. Так, о гражданских правоотношениях говорит наличие гражданско-правового договора, заключенного между лицами, однако, если действия лица выходят за рамки его предела, преступник умышленно вводит лицо в заблуждение, в целях извлечения своей собственной выгоды, уже можно говорить и о наличии состава преступления, предусмотренного ст. 159 УК РФ.

Объективная сторона преступления говорит о направленности преступных действий, а также о тех общественных благах, на которые преступник посягает. Ни также могут указывать на квалифицирующие признаки, которые, в свою очередь, говорят о степени общественной опасности, что непосредственно влияет на санкцию – определение наказания.

Все признаки объективной стороны преступления неотделимы друг от друга и дополняемы друг другом. К ним относятся:

- действие (бездействие);
- общественно-опасные последствия;
- причинно-следственная связь между действиями (бездействиями) и последствиями;
- место, время, обстановка, орудия и способ совершения.

Данные признаки преступления непосредственно указаны в нормах Особенной части УК РФ и

присущи конкретному человеческому противоправному поведению, следствием которого является причинение вреда отдельным видам правоотношений, интересам и блага отдельного человека или государства в целом.

Такой признак как действие (бездействие) говорит о самой природе возникновения уголовного деяния, порождая факт его совершения и само событие. Преступное действие (бездействие) есть ничто иное как поведенческий акт, сопровождающийся волевым и осознанным характером, следствием которого стало причинение вреда.

Общественно-опасные последствия являются неотъемлемой частью признаков объективной стороны большинства составов преступлений, однако, при некоторых деяниях, их наличие не обязательно, что говорит об особенностях данного рода деяний, представляющих опасность для человека и общества без вытекающих последствий. Однако некоторые нормы могут содержать в себе как формальные, так и материальные составы преступлений. Например, ст. 123 УК РФ – Незаконное проведение искусственного прерывания беременности – в первой части содержит формальный состав преступления, ограничиваясь самим фактом совершения деяния в виде проведения искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшее образование соответствующего профиля, квалифицирующим же признаком данной нормы являются те же деяния, но с повлекшими негативными последствиями в виде причинения смерти по неосторожности, либо тяжкого вреда здоровью.

Наличие только формального состава преступления мы можем увидеть в ст. 213 УК РФ – Хулиганство. В нем четко можно отследить отсутствие необходимости причинения каких-либо последствий, однако, законодателем в данном составе прописаны иные обязательные признаки объективной стороны, такие как:

- способ совершения – применения насилия или угроза его применения (п. «а», ч. 1);
- мотивы – политическая, идеологическая, расовая, религиозная ненависть или вражда (п. «б», ч. 1);
- место преступления – виды транспорта (морской, воздушный, железнодорожный и др.) (п. «в», ч. 1);
- орудие – или предметы, используемые в качестве таковых (п. «а», ч. 2);
- объект – представитель власти, выполняющий функции по охране общественного порядка (п. «а», ч. 2);
- способ – с применением взрывчатых веществ и взрывных устройств (ч. 3).

Как мы видим, каждый признак объективной стороны из рассматриваемого преступления имеет существенное значение для квалификации уголовного деяния. Отсутствие такового не позволяет правоприменить ее к виновному лицу.

Наличие же последствий говорит о необходимости дополнительной квалификации содеянного, применяя иные нормы, например, при причинении вреда здоровью действия преступника будут рассматриваться в совокупности с нормой УК РФ, предусматривающей ответственность в зависимости от степени ее тяжести.

Другим примером формального состава преступления является ст. 151.1 УК РФ, которая предусматривает уголовную ответственность за продажу алкогольной продукции лицу, не достигшему восемнадцати летнего возраста. Последствия подобного рода преступлений не имеют значение для привлечения виновного к уголовной ответственности. В данном случае, отрицательные последствия оказывают влияние только на применения санкций судом. Однако обязательным признаком объективной стороны данного состава преступления выступает наличие административной преюдиции, под которой подразумевается наличие у виновного административной ответственности за впервые совершенное аналогичное деяние. Как мы видим, законодателем применяется признак неоднократности к объективной стороне преступления, при условии, что первый противоправный проступок попадает под признаки ст. 4.6 КоАП РФ и является административным. Однако такой подход законодателя, по мнению исследователей, является не совсем верным, поскольку, совершая реализацию алкогольной продукции несовершеннолетнему, виновный

посягает на его физическое и моральное здоровье [1].

Как уже было сказано, иными признаками, имеющими непосредственное значение для квалификации, являются время, место, способ, орудие совершения преступления. Любое деяние совершается в определенном месте, при этом, для каждого рода преступления – оно имеет свои особенности. Так, например, хулиганские действия совершаются в общественных местах, кражи совершаются в помещениях и жилищах, а также при открытом доступе объекта посягательства, иные насильственные преступления против личности имеют различные места их совершения (парки, скверы, квартиры, подъезды и т.д.). Однако наличие такого признака является обязательным, его отсутствие не позволит установить фактические обстоятельства уголовного деяния, а также ставит под сомнение сам факт его совершения.

Как мы видим, объективная сторона состава преступления включает в себя его признаки, которые позволяют соотнести уголовное деяние к определенной норме УК РФ, способствует их квалификации, а, в конечном итоге, определению тяжести и соответствующего наказания. Они являются неотъемлемой доказательной частью виновности лица, описывают характер преступления, его место, время и способ. Данные признаки лежат в основе предъявленного обвинения, а в последующем и приговора суда.

Литература:

1. *Романова Н.Л.* Некоторые вопросы соотношения уголовной и административной ответственности / Н.Л. Романова // *Глагол Правосудия*. 2019. № 2(20). С. 25–28.

Literature:

1. *Romanova N.L.* Some questions of the correlation of criminal and administrative responsibility / N.L. Romanova // *Verb of Justice*. 2019. № 2(20). P. 25–28.

Шатанкова Елена Николаевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Юго-Западный
государственный университет
shatankova.elena@mail.ru

Тарыкин Владимир Константинович

доцент кафедры уголовного права,
Юго-Западный
государственный университет
tarykin.vladimir@yandex.ru

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИСТЕМЫ
ЭЛЕКТРОННОГО МОНИТОРИНГА
ПРИ ИСПОЛНЕНИИ НАКАЗАНИЙ,
НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ
ОТ ОБЩЕСТВА**

■ ■ ■
Аннотация. Осуществление электронного мониторинга поднадзорных лиц при исполнении наказаний, не связанных с изоляцией от общества, позволяет обеспечить получение своевременной, объективной, четкой информации об осужденных в целях принятия обоснованных решений, оказывать на них воздействие дистанционно, снизить количественную нагрузку осужденных на учреждения уголовно-исполнительной системы. В связи с этим, особую актуальность приобретает решение существующих проблем в области применения данной системы.

Ключевые слова: осужденный, наказание, уголовно-исполнительная система, электронный мониторинг, ограничение свободы, исправительные работы, принудительные работы.

■ ■ ■
Применение системы электронного мониторинга подконтрольных лиц сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции при исполнении наказаний, не связанных с лишением свободы, представляет собой использование комплекса технических средств и устройств контроля, региональных информационных центров, которые обеспечивают дистанционный надзор за осужденными и выполнения ими предписанных судом ограничений, путем идентификации их местонахождения, а также, посредством сбора, накопления, обработки, хранения и предоставления инспекцией информации. Данная система помогает осуществлять контроль за перемещением поднадзорных круглосуточно, что позволяет применять ее для установления полного наблюдения за их жизнью во время отбытия наказания [3, с. 102].

Elena N. Shatankova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor
of the Department of Criminal Law,
Southwestern State University
shatankova.elena@mail.ru

Vladimir K. Tarykin

Associate Professor
of the Department of Criminal Law,
Southwestern State University
tarykin.vladimir@yandex.ru

**THE USE OF AN ELECTRONIC
MONITORING SYSTEM
IN THE EXECUTION OF SENTENCES
NOT RELATED TO ISOLATION FROM
THE SOCIETY**

■ ■ ■
Annotation. The implementation of electronic monitoring of supervised persons in the execution of sentences not related to isolation from society allows to ensure timely, objective, clear information about convicts in order to make informed decisions, to influence them remotely, to reduce the quantitative burden of convicts on institutions of the penal system. In this regard, the solution of existing problems in the field of application of this system is of particular relevance.

Keywords: convicted person, punishment, penal enforcement system, electronic monitoring, restriction of freedom, correctional labor, forced labor.

■ ■ ■
Отметим, что в России система электронного мониторинга появилась в 2009 года, в связи с введением в уголовное законодательство наказания в виде ограничения свободы. В том же году, в 3 российских регионах провели эксперимент по применению электронных браслетов. В 2010 году представители ФСИН России констатировали, что внедрение нового способа контроля прошло успешно. Ввиду этого была разработана вся необходимая техническая документация, а в конце года начался выпуск пробных образцов средств контроля, которые благополучно прошли испытания. За первые три года использования электронных браслетов с их помощью отбыли наказание более 30 тысяч человек [2].

Эффективность использования электронных браслетов заключается и в том, что в 2019 году было выявлено более 4 тысяч нарушений,

допущенных подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. В этом же году оборудование системы электронного мониторинга применялось в отношении 10 тысяч осужденных к ограничению свободы и к 19 тысячам подозреваемых (обвиняемых), к 18 тысячам человек, находящихся под домашним арестом, к одной тысяче человек под запретом определенных действий и к 11 лицам, находящимся под залогом [1].

Однако на сегодняшний день важной проблемой остается частый выход из строя технических средств электронного мониторинга. Так, на практике срок их эксплуатации в несколько раз меньше, чем заявлено производителями, что влечет за собой дополнительные затраты на ремонт. По данным Минюста за 2020 год, в России возникла потребность в дополнительном обеспечении уголовно-исполнительных инспекций оборудованием для слежения. Количество исправных систем варьируется от 57 % до 78 %. При этом срок службы устройств ограничен и составляет в среднем 5–7 лет. Так, в 2016–2018 годах он истек у более чем 11 тысяч устройств, это 93 % от общего количества оборудования [5].

Кроме того, с введением в действие системы электронного мониторинга появилась потребность в подготовке квалифицированных кадров, обладающих специальными профессиональными знаниями в области применения данной системы. В связи с этим, ФСИН России было принято решение об организации обучения сотрудников по программе «Организационно-правовые и технические основы деятельности операторов системы электронного мониторинга подконтрольных лиц».

Помимо этого, использование системы электронного мониторинга сотрудниками основано на технологиях GPS, ГЛОНАСС, телефонов, Интернета, радиоустройств и индивидуальных средств идентификации. Каждое контрольное устройство имеет уникальный номер, который заносится в базу данных и закрепляется за подконтрольным лицом.

Виды электронного мониторинга можно классифицировать на несколько групп исходя из различных оснований. По виду взаимодействия с объектом: голосовой и сигнальный. В первом случае поднадзорное лицо обязано своим голосом подтвердить, что находится в определенном месте. Второй способ подразумевает, что контроль осуществляется без общения с поднадзорным verbally, но сигнал, в случае пересечения поднадзорным определенной границы поступает в контрольную, либо лицо постоянно находится в сфере контроля. По техническим способам электронный мониторинг можно также разделить на несколько видов. Первый путь предусматривает размещение передающего устройства в доме преступника. Другой подход предусматривает использование ретрансляторов.

Выбор электронного средства персонального надзора и контроля осуществляется

сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции в зависимости от ограничений, возложенных судом и с учетом личности осужденного. Необходимо под расписку уведомлять осужденных о применении к ним технических средств надзора и контроля, разъяснять им и проживающим с ними лицам ответственность за порчу оборудования.

Стоит отметить и то, что в существующих реалиях система электронного мониторинга подконтрольных лиц не является совершенной, а, следовательно, ее результативность проявляется не в полном объеме. Опрос сотрудников показал, что система используется недостаточно эффективно, особенно в отдельных регионах. По данным ФСИН РФ, количество неисправного оборудования составляет 40 %, а в среднем по России применено лишь 53 % имеющихся устройств [4].

При высокой эффективности системы электронного мониторинга осужденные испытывают определенные неудобства при отбывании наказания, к которым необходимо отнести:

- 1) потребление приборами электроэнергии, которую осужденные вынуждены оплачивать за свой счет;
- 2) неудобство и дискомфорт при ношении приборов;
- 3) периодические повреждения электронного оборудования;
- 4) сигналы тревоги с электронного браслета поступают в учреждения уголовно-исполнительной системы с запозданием в 8–10 минут;
- 5) от влаги контакты браслета окисляются, прибор это расценивает как попытку расстегнуть замок и подает ложный сигнал тревоги;
- 6) браслет начинает давать сбои, если в помещении высокая температура.

Вместе с тем, с использованием системы электронного мониторинга подконтрольных лиц существуют проблемы правового, организационного и технического характера, связанные с недостаточным обеспечением внедрения электронных средств наблюдения, с возмещением осужденными материального ущерба, причиненного техническим средствам, значительное количество оборудования работает на старых версиях программного обеспечения, в регионах контрольные устройства длительное время не передают данные, не производится своевременная корректировка количества подконтрольных лиц, отмечается формальное снятие сообщений системы [6, с. 168].

С учетом изложенного, целесообразно разработать рекомендации по применению технических средств надзора и контроля к осужденным, исходя из медицинских показаний (например, при наличии кардиостимулятора, слухового аппарата, металлических пластин). Нередкими являются случаи, когда осужденные совершают попытки обмана системы слежения – снятие

электронного браслета, подмена сигнала, использование «глушителей» сигнала и другие.

Однако есть и улучшения. Сейчас Россия работает с системой ГЛОНАСС, технические устройства стали меньше весить, электронные браслеты адаптированы к режим перепадам температур. На данном этапе ведется замена устаревающего парка технических средств надзора, активно осуществляется переход инженерно-технического обеспечения на качественно новый уровень, соответствующий современным требованиям, закономерностям и тенденциям.

Литература:

1. Во ФСИН оценили эффективность электронных браслетов для заключенных. URL : <https://ria.ru/20191121/1561419519.html> (дата обращения 22.08.2022).
2. За три года более 30 тысяч человек в России отбыли наказание с применением «электронных браслетов». URL : <https://tass.ru/obschestvo/694107> (дата обращения 22.08.2022).
3. Исполнительное производство : учебник и практикум для среднего профессионального образования / С.Ф. Афанасьев, О.В. Исаенкова, В.Ф. Борисова, М.В. Филимонова. М. : Юрайт, 2020. 410 с.
4. *Казак Б.Б.* Организационное обеспечение использования в деятельности уголовно-исполнительных инспекций системы электронного мониторинга подконтрольных лиц / Б.Б. Казак, И.Н. Смирнова. URL : <http://pravo-znanie.ru/ugolovnoe-pravo-i-ugolovnyj-protsess/414-organizatsionnoe-obespechenie-ispolzovaniya-v-deyatelnosti-ugolovno-ispolnitelnykh-inspektzij-sistemy-elektronnogo-monitoringa-podkontrolnykh-lits.html> (дата обращения 09.02.2022).
5. ФСИН не хватает электронных браслетов для осужденных и арестантов. URL : <https://legal.report/fsin-ne-hvataet-elektronnyh-brasletov-dlya-osuzhdennyh-i-arestantov> (дата обращения 22.01.2022).
6. *Обернихина О.В.* Теоретико-правовые основы организации контроля за лицами, отбывающими наказания без изоляции от общества / О.В. Обернихина // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 167–169.

Подводя итог, стоит отметить, что в настоящее время техническое оснащение в уголовно-исполнительной системе достигло достаточного уровня, и уже невозможно представить служебную деятельность без применения технических средств. Система электронного мониторинга подконтрольных лиц, как и любая другая электронная система, имеет свои достоинства и недостатки. Поэтому необходимо более подробное законодательное регулирование рассматриваемой сферы, налаживание технического оборудования, а также, профессиональное обучение кадров, действовавших в работе с данной системой.

Literature:

1. The FSIN assessed the effectiveness of electronic bracelets for prisoners. URL : <https://ria.ru/20191121/1561419519.html> (date of the application 22.08.2022).
2. Over three years, more than 30 thousand people in Russia have served their sentences with the use of «electronic bracelets». URL : <https://tass.ru/obschestvo/694107> (date of the application 22.08.2022).
3. Enforcement proceedings : textbook and workshop for secondary vocational education / S.F. Afanasyev, O.V. Isaenkova, V.F. Borisova, M.V. Filimonova. M. : Yurayt, 2020. 410 p.
4. *Kazak B.B.* Organizational support for the use of the electronic monitoring system of controlled persons in the activities of criminal enforcement inspections / B.B. Kazak, I.N. Smirnova. URL : <http://pravo-znanie.ru/ugolovnoe-pravo-i-ugolovnyj-protsess/414-organizatsionnoe-obespechenie-ispolzovaniya-v-deyatelnosti-ugolovno-ispolnitelnykh-inspektzij-sistemy-elektronnogo-monitoringa-podkontrolnykh-lits.html> (date of the application 09.02.2022).
5. The Federal Penitentiary Service lacks electronic bracelets for convicts and prisoners. URL : <https://legal.report/fsin-ne-hvataet-elektronnyh-brasletov-dlya-osuzhdennyh-i-arestantov> (date of the application 22.01.2022).
6. *Obernikhina O.V.* Theoretical and legal foundations of the organization of control over persons serving sentences without isolation from society / O.V. Obernikhina // Criminal Justice. 2018. № 11. P. 167–169.

Шубенкова Ксения Владимировна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры юриспруденции,
Волжский филиал Волгоградского
государственного университета
shubenkova34@yandex.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ЦИФРОВОГО ОБРАЗА ЛИЧНОСТИ В РФ

Аннотация. Развитие цифровых технологий, в том числе, связанных с моделированием цифрового облика конкретного человека, сформировало правовую необходимость закрепления в законодательстве ряда прав, связанных непосредственно с цифровой идентичностью граждан, при этом большинство ученых продолжают отмечать наличие существенных нормативных недостатков в данной сфере. Целью работы является проведение научного обзора существующих правовых подходов к цифровому образу личности и обоснование необходимости продолжения работ по правовому обеспечению цифровых прав гражданина, связанных с данной категорией. С помощью методов научного познания, прежде всего, метода системного анализа, установлено, что сложность выделенной проблемы предполагает использование как правотворческого, так и правореализационного «виденья» основных направлений и форм предотвращения нарушений порядка использования цифровой идентификации личности в ущерб его прав. Результаты: рассматриваемые подходы и правовые механизмы защиты цифровых прав личности, позволят обосновать необходимость организационных мероприятий по совершенствованию норм права и правоприменительной практики в стране и предложить ряд мер по их устранению. Выводы: необходимо 1) усилить защиту персональной информации пользователей социальных сетей от третьих лиц; 2) создать на основе уже существующих систем (к примеру: Яндекс.картинки) специальный портал для проверки и оценки размещаемой в открытом доступе фейковой информации; 3) увеличить круг субъектов, подлежащих юридической ответственности (административной или уголовной) за нарушение права на цифровой образ личности и др.

Ключевые слова: deepfake, цифровые права личности, электронная безопасность, ответственность за нарушения прав личности.

Введение.

В рамках развития цифрового статуса электронной информации и близких к ней

Ksenia V. Shubenkova

Candidate of Law Sciences,
Associate Professor
of the Department of Jurisprudence,
Volga branch
of Volgograd State University
shubenkova34@yandex.ru

LEGAL ISSUES OF PROTECTION OF THE DIGITAL IMAGE OF THE PERSON IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The development of digital technologies, including those related to the modeling of the digital appearance of a particular person, has formed the legal need to consolidate in legislation a number of rights directly related to the digital identity of citizens, while most scientists continue to note the presence of significant regulatory shortcomings in this area. The purpose of the work is to conduct a scientific review of existing legal approaches to the digital image of the individual and substantiate the need to continue work on the legal provision of digital rights of a citizen related to this category. Using the methods of scientific cognition, first of all, the method of system analysis, it is established that the complexity of the highlighted problem involves the use of both law-making and law-realization «vision» of the main directions and forms of preventing violations of the procedure for using digital identification of a person to the detriment of his rights. Results: the considered approaches and legal mechanisms for the protection of digital rights of the individual will justify the need for organizational measures to improve the norms of law and law enforcement practice in the country and propose a number of measures to eliminate them. Conclusions: it is necessary to 1) strengthen the protection of personal information of users of social networks from third parties; 2) create a special portal based on existing systems (for example: yandex.pictures) for checking and evaluating fake information posted in the public domain; 3) increase the number of subjects subject to legal liability (administrative or criminal) for violation of the right to a digital image of a person, etc.

Keywords: deepfake, digital rights of the individual, electronic security, liability for violations of individual rights.

категорий 18 марта 2019 г. Государственная Дума Российской Федерации приняла Федеральный закон № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей

Гражданского кодекса Российской Федерации», позволивший нормативно определить правовую природу цифровых прав, в том числе, связанных с правами личности. Согласно трактовке данных изменений, цифровые права нормативно были отнесены к объектам неимущественных гражданских правоотношений. Это позволяет данные объекты цифрового права включить в качестве элементов гражданского оборота и урегулировать в рамках информационной системы непосредственную принадлежность отмеченных объектов лицу, обладающему правом непосредственного распоряжения ими [2].

При этом законодатель в своих актах обращает внимание на то, что цифровые права должны быть четко определены в законах, которые будут разрабатываться с непосредственным участием федеральных министерств. Так, к примеру, был принят Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», определивший, меры защиты прав лица на цифровые финансовые активы.

Научный обзор правового статуса цифровых прав личности.

Как не однократно отмечается специалистами, до сих пор остается спорным вопрос о существовании права на цифровой образ личности. С каждым годом растет число случаев использования фото- и видеоизображений, аудиозаписей людей без их согласия на это. Копирование и использование таких данных легло в основу методики синтеза изображений, основанной на искусственном интеллекте и получившей название *deepfake* [8]. Появление этой технологии, позволяющей сфальсифицировать медиаматериалы с использованием копии изображения и голоса человека, вызвало рост числа фейков, особенно, в новостной журналистике. К примеру, в мае 2021 г. в Интернете был опубликован видеоролик о том, как глава регионального штаба оппозиционного движения якобы дает интервью по видео-конференц-связи местным журналистам и парламентариям. Как позже выяснилось, представитель оппозиции не давал данного интервью, а с журналистами и парламентариями общались пранкеры (лица, инсценирующие розыгрыши, часто с хулиганскими целями) [8].

Использование данной технологии привело к возможности создания произведений с участием любых артистов, которые на самом деле не только не принимали участия в работе, но и не были информированы о таком проекте. Так, блогер Race Archibold в 2021 г. презентовал версию кинофильма «Гарри Поттер» не с оригинальным актерским составом, а с участием голливудских киноартистов, которые не снимались в этой ленте и не давали согласия на использование их образов.

Отмеченное позволяет сделать вывод о том, что технология *deepfake* несложна в формальном применении (цифровой образ личности можно изготовить, используя программное приложение, доступное всем пользователям), что и

подтверждается, в большинстве случаев, в рамках анализа периодически возникающих, в т.н., «желтых изданиях», неожиданных фейковых сенсаций или при попытках решения политических задач не добросовестным путем. Иногда за такими актами формирования цифрового образа стоят представители преступной среды [3].

Совершенно справедливы опасения М.А. Желудкова, с точки зрения которого, «подобные технологии в условиях удаленного доступа могут быть использованы для оформления подложных товарно-денежных операций, изменения доказательств по реальным уголовным делам. Если сегодня такие программы пока еще недостаточно совершенны, то пройдет небольшой промежуток времени, и технология дипфейков с открытым кодом создаст серьезные трудности в идентификации аудио- и видеoinформации в интернет-пространстве» [4].

Появление доступной технологии *deepfake* несет в себе опасности разного рода: помимо авторитета журналистской деятельности под угрозой оказываются также общественная и национальная безопасность, международные (дипломатические) отношения, подвергаются нападкам принципы демократического устройства государства, усугубляются социальные противоречия и др.

Т.А. Нестик и Е.А. Михеев, рассматривая деструктивную информацию (дезинформацию) и ее воздействие на сознание масс, выделяют автоматизированный фишинг и компьютерную пропаганду [7]. В первом случае, вредоносные программы применяются для разработки дипфейка в целях совершения правонарушения или преступления, во втором – технологии *deepfake* активно используются для манипулирования общественным сознанием посредством распространения слухов и сплетен.

Чтобы предупредить распространение лжеинформации (фейков), кражу персональных данных, унижение достоинства личности и иные правонарушения с использованием искусственного интеллекта, в том числе, с применением технологии *deepfake*, необходимо признать право на цифровой образ личности каждого гражданина и задействовать эффективные меры его защиты.

Согласно точки зрения И.Г. Чернышенко, широкое распространение технологии *deepfake* объясняется, прежде всего, тем, что фото- и видеоматериалы с изображениями многих граждан – пользователей Интернета находятся в открытом доступе, в частности, в личных аккаунтах в социальных сетях. Таким гражданам целесообразно позаботиться о конфиденциальности своих данных, установив настройки приватности, используя функционал закрытых профилей. Если же обеспечить защиту сведений этими способами невозможно, надо обращаться к разработчикам интернет-платформ с требованием о прекращении обработки персональных данных в части аудио-, фото- и видеоматериалов в открытом доступе [8].

Важным представляется вопрос о совершении сделки передачи в пользование цифрового

образа личности. Позиция законодателя следующая: правомочия владельца цифрового образа своей личности включают передачу этого объекта, залог, обременение и другие способы, реализующиеся только с применением информационных систем без обращения к третьему лицу.

Представим, что недобросовестное лицо использует цифровой образ для совершения преступного деяния. Очевидно, что обладатель указанного права может лишь воспользоваться механизмом защиты нарушенного права после того, как ему стало известно о нарушении. Данный вопрос следует решить, закрепив порядок пользования цифровым образом личности с участием третьей стороны, которая предварительно будет проверять конкретные сделки на применение технологии deepfake [8].

Если же обратиться к зарубежному опыту в рассматриваемой сфере, то, к примеру, в США существуют три федеральные комиссии, в компетенцию которых входит проверка добросовестного и разумного использования технологии deepfake: Федеральная торговая комиссия, Федеральная комиссия по связи и Федеральная избирательная комиссия [1]. Федеральная торговая комиссия призвана обеспечить прозрачность обязательств, связанных с коммерческим взаимодействием хозяйствующих субъектов (например, сдерживая использование любой фэйковой информации в рекламе); Федеральная комиссия по связи рассматривает вопросы спонсорства и финансирования политической рекламы, ее полномочия позволяют требовать указания правдивого источника представленной информации. Таким образом, федеральные комиссии США в определенных случаях де-факто считаются третьими сторонами при заключении сделок, в которых фигурируют технологии искусственного интеллекта (в сфере рекламы, осуществления обязательств и т.д.).

Данный опыт заслуживает внимания и в России, урегулировать правила участия третьих лиц (территориальных органов исполнительной власти) в процессе проверки совершаемой сделки, связанной с использованием права на цифровой образ личности, в частности, предусмотреть в законодательстве случаи, когда такая проверка будет обязательной (например, при опубликовании видео-, фото-, аудиозаписей с использованием технологии deepfake на интернет-портале для неограниченного круга лиц при наличии у ответственных лиц оснований полагать, что такая сделка может причинить юридически значимый вред и др.). Один из недостатков зарубежного опыта в данной сфере – ограниченная юрисдикция федеральных комиссий по взаимодействию с интернет-платформами. В связи с этим, предлагается предусмотреть возможность установления порядка взаимодействия интернет-платформ с территориальными органами исполнительной власти по проверке и контролю ранее указанных сделок непосредственно в Российской Федерации.

И.Г. Чернышенко также определяет и техническое решение данных проблем, доступное модераторам интернет-пространства [8]. В качестве

примера может послужить портал FactCheck.org, определяющий фэйковую информацию и ее источники. Создание единого портала проверки фэйковой информации с широким функционалом, позволило бы оперативно блокировать пользователей, размещающих фэйковый контент, а также, сами аккаунты таких пользователей, что способствовало бы устранению ряда проблем ещё на стадии первичной модерации.

П.Г. Кошкин обращает внимание на реализацию программ повышения цифровой грамотности, способствующих развитию критического мышления и медиаграмотности граждан, обучающих принципам проверки информации [5]. Правовое просвещение поможет снизить неоправданно высокий уровень доверия пользователей сети к публикуемым фактам. Следует создать такие условия, при которых люди освободятся от необходимости получения информации посредством использования цифровых технологий, научатся подозрительно относиться к любым данным, изготовленным посредством использования искусственного интеллекта.

Анализируя иные меры защиты права на цифровой образ личности, В.А. Першина настаивает на законодательном урегулировании дефиниции deepfake и предлагает следующую формулировку: дипфейк – это аудиовизуальная запись, созданная или измененная таким образом, что она ошибочно представляется разумному наблюдателю аутентичной записью реальной речи, поведения, внешности или образа индивидуума [6]. Также, автор рассматривает еще один вариант толкования данного явления: аудио-, фото- и видео материалы, содержащие в себе образ конкретного человека (лицо, голос, мимику, артикуляцию и др.), используемый без согласия на то обладателя права на этот образ, либо без согласия его представителей. Под представителями здесь следует понимать близких родственников лица, имеющих право распоряжаться цифровым образом личности в случаях, определенных гражданским законодательством (например, при вступлении в права наследования, при опекунов, попечительстве, патронаже и т.д.). Согласие на пользование цифровым образом личности должно быть обязательным условием сделки. Также, у лица, передающего в пользование данный образ, должна быть юридическая гарантия прекращения такого использования после достижения оговоренной цели применения (например, сразу же после завершения съемок фильма).

В.А. Першина выступает за привлечение к ответственности интернет-провайдера в случае нарушения права на цифровой образ личности, если провайдеру стало известно о распространении дипфейка, но он допускает дальнейшее опубликование такого материала. Юридической ответственности должны подлежать также сотрудники отдела модерации интернет-платформы, допустившие публикацию дипфейка.

Обязательно должен быть установлен порядок опровержения от имени физического или юридического лица, которые использовали цифровой образ личности в целях распространения

недействительной информации или унижении чести и достоинства обладателя права на такой цифровой образ. Опровержение должно даваться на том же ресурсе, где был размещен дипфейк, при этом ресурс должен до и после момента опровержения находиться в открытом доступе для третьих лиц. Гарантированным правом требовать опровержения дипфейка должны обладать как сам человек, чей образ был использован, так и его представители.

Юридические механизмы противодействия нарушениям статуса цифровых прав личности.

Рассматривая институт ответственности за противоправное применение технологии deepfake, следует обратить внимание на разграничение административной и уголовной ответственности. Уголовная ответственность должна быть напрямую связана с совершением преступления путем применения технологии deepfake с прямым умыслом, с целью дискредитации чести и достоинства физических лиц, подрыва конституционного порядка и общественного строя (общественной и национальной безопасности), т.е., с причинением вреда [8].

Административная ответственность может быть предусмотрена за незаконное использование чужого образа личности, если данное использование не было направлено на подрыв общественного (социального) доверия к физическому лицу (т.е. ущерб ему не нанесен). Например, если лицо незаконно использовало цифровой образ личности для создания пародии на данного гражданина, но в данном материале отсутствовала любая информация, которая могла бы ввести в заблуждение иных лиц по поводу представленной личности, то применим институт административной ответственности.

Совершение преступления (мошенничества, вымогательства, лжесвидетельства и др.), сопряженное с неправомерным использованием права на цифровой образ личности, должно включать совокупность преступлений; т.е., основное преступное деяние (например, вымогательство) и вытекающее из него неправомерное использование права на цифровой образ личности посредством применения технологий искусственного интеллекта с причинением вреда личности, обществу или государству.

Основаниями для применения мер государственного принуждения в случае неправомерного использования технологии deepfake выступают:

- неправомерное использование чужого образа личности (в отсутствие согласия владельца цифрового права);
- присвоение имени или образа личности с определенным интересом;

- публичное распространение любых медиаматериалов с использованием чужого образа (исключая случаи, когда лицо не могло осознавать, что созданный им материал будет в публичном доступе);
- наличие заведомо ложных сведений о личности, причиняющие вред (в случае применения уголовной ответственности) [2].

Выводы.

Случаи использования технологии deepfake для недобросовестных целей продолжают увеличиваться. Для снижения угроз в данной сфере, целесообразно применить комплекс мер [8]:

- усилить защиту персональной информации пользователей социальных сетей от третьих лиц с помощью настроек конфиденциальности данных;
- урегулировать в специальном федеральном законе все разновидности цифровых прав относительно нематериальных благ личности: понятие дипфейка, право на цифровой образ личности, содержание правомочий владельца такого права, специфические меры защиты и охраны данного права;
- создать специальный портал для проверки и оценки размещаемой в открытом доступе фейковой информации;
- организовать оперативные допубликационные проверки информации на наличие дипфейков силами модераторов интернет-платформ;
- включить в перечень способов защиты права на цифровой образ личности обращение в суд за получением опровержения от ответственных представителей интернет-платформы, распространивших дипфейк, при условии открытого доступа к ресурсу для третьих лиц;
- законодательно урегулировать составы административного правонарушения и преступления в части неправомерного использования цифрового чужого образа личности.

Борьба законодателя с дипфейками не должна быть связана с прямым запретом на их применение. Ограничения призваны лишь защитить общество от последствий неправомерного использования технологии deepfake и обеспечить точность и правдивость публикуемой информации. При этом само обществу вынуждено реагировать на данные угрозы, в частности после начала специальной военной операции на Украине по «демилитаризации и денацификации страны» в цифровом пространстве возникло огромное количество фейковой информации, использующей, в том числе, технологии deepfake, для борьбы с которой в общем вещании стали доступны передачи по разоблачению данных подделок, примером такой передачи выступил проект 1 Канала «Антифейк».

Литература:

1. *Chesney B.* Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security / B. Chesney, D. Citron // *California Law Review*. 2019. Vol. 107. P. 1804–1808.
2. *Shubenkova K.* Legal and technical forms of developing digital law-enforcement in modern Russia: problems and prospects / K. Shubenkova, G.G. Egorov // *Lecture Notes in Networks and Systems* (see in books). 2020. Vol. 111. P. 705–711.
3. *Егоров Г.Г.* Нормативно-правовые особенности реализации цифровых технологий в российском правосудии / Г.Г. Егоров; Отв. ред. Ю.И. Миронов, Г.Г. Егоров; ВФ ВолГУ // *Экология, экономика, право: взгляд в будущее: сборник статей по материалам научно-практической конференции, проходившей в рамках Недели науки (апрель, 2018 г.)*. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2018. С. 145–153.
4. *Желудков М.А.* Обоснование необходимости адаптации деятельности правоохранительных органов к условиям цифровой трансформации преступной среды / М.А. Желудков // *Lex russica (Русский закон)*. 2021. № 4. С. 66–67.
5. *Кошкин П.Г.* Американская журналистика и постправда. М., 2019. С. 43.
6. *Першина В.А.* Технология deepfake: необходимость внесения изменений в Уголовный кодекс РФ / В.А. Першина // *Современные наука и образование: достижения и перспективы развития: Материалы национальной научно-практической конференции : в 2 ч.* Керчь, 2021. С. 231–232.
7. *Нестик Т.А.* Информационные войны с использованием систем искусственного интеллекта: анализ психологических механизмов воздействия / Т.А. Нестик, Е.А. Михеев // *Организационная психология и психология труда*. 2019. № 4. С. 155.
8. *Чернышенко И.Г.* Правовая охрана цифрового образа личности / И.Г. Чернышенко // *Законодательство*. 2022. № 4. С. 55–58.

Literature:

1. *Chesney B.* Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security / B. Chesney, D. Citron // *California Law Review*. 2019. Vol. 107. P. 1804–1808.
2. *Shubenkova K.* Legal and technical forms of developing digital law-enforcement in modern Russia: problems and prospects / K. Shubenkova, G.G. Egorov // *Lecture Notes in Networks and Systems* (see in books). 2020. Vol. 111. P. 705–711.
3. *Egorov G.G.* Regulatory and legal features of the implementation of digital technologies in Russian justice / G.G. Egorov; Ed. ed. Yu.I. Mironov, G.G. Egorov; VF VolGU // *Ecology, economics, law: a look into the future: a collection of articles based on the materials of the scientific and practical conference held as part of the Science Week (April, 2018)*. Volgograd : VolGU Publishing House, 2018. P. 145–153.
4. *Zheludkov M.A.* Justification of the need to adapt the activities of law enforcement agencies to the conditions of digital transformation of the criminal environment / M.A. Zheludkov // *Lex russica (Russian law)*. 2021. № 4. P. 66–67.
5. *Koshkin P.G.* American journalism and post-truth. M., 2019. P. 43.
6. *Pershina V.A.* Deepfake technology: the need to amend the Criminal Code of the Russian Federation / V.A. Pershina // *Modern science and education: achievements and development prospects: Proceedings of the national scientific and practical conference : in 2 parts*. Kerch, 2021. P. 231–232.
7. *Nestik T.A.* Information wars with the use of artificial intelligence systems: analysis of psychological mechanisms of influence / T.A. Nestik, E.A. Mikheev // *Organizational psychology and labor psychology*. 2019. № 4. P. 155.
8. *Chernyshenko I.G.* Legal protection of the digital image of a person / I.G. Chernyshenko // *Legislation*, 2022. № 4. P. 55–58.

Шумов Пётр Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент,
заведующий кафедрой
теории и истории государства и права,
Владимирский юридический институт
ФСИН России,
доцент кафедры
гражданского права
и процесса юридического института,
Владимирский государственный
университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
pshumov@gmail.com

Беззубиков Дмитрий Александрович

заместитель директора
по юридическим вопросам,
ООО «СЗ «Ренова»
bezzubikovd@bk.ru

**ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК,
СОВЕРШЕННЫХ ТРЕТЬИМИ ЛИЦАМИ
ЗА ДОЛЖНИКА, В РАМКАХ ДЕЛ О
НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВЕ)**

Аннотация. Статья посвящена всестороннему исследованию актуальных позиции Верховного Суда Российской Федерации, посвященных оспариванию сделок, совершенных третьими лицами за должника, в рамках дел о несостоятельности (банкротстве). По результатам исследования авторы предлагают концепции по внедрению механизмов, которые упростят выявление, квалификацию, разграничение и оспаривание платежей третьих лиц как сделок с предпочтением, а также, делают вывод о необходимости законодательного урегулирования отдельных вопросов, связанных с оспариванием сделок, совершённых третьими лицами за должника.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство), должник, кредиторы, арбитражный управляющий, уполномоченный орган, сделка, предпочтительные платежи, недобросовестность, аффилированность.

Согласно статье 153 Гражданского кодекса Российской Федерации, сделками признаются действия граждан и юридических лиц, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей.

При этом специальные нормы Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) отходят от общего понимания понятия «сделка», о чём говорит позиция Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской

Petr V. Shumov

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Theory
and History of State and Law,
Vladimir Law Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Associate Professor of the Department
of Civil Law and the Process
Vladimir State University
named after A.G. and N.G. Stoletov
pshumov@gmail.com

Dmitriy A. Bezzubikov

Deputy Director for Legal Affairs,
«SZ «Renova» LTD
bezzubikovd@bk.ru

**CHALLENGING TRANSACTIONS MADE
BY THIRD PARTIES FOR THE DEBTOR
IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASES**

Annotation. The article is devoted to scientific investigation of the current positions of the Supreme Court of the Russian Federation on challenging transactions made by third parties for the debtor in the framework of insolvency (bankruptcy) cases. According to the results of the study, the authors propose concepts for the introduction of mechanisms that will simplify the identification, qualification, differentiation and contesting of third-party payments as transactions with preference, and also conclude that there is a need for legislative regulation of certain issues related to contesting transactions made by third parties for the debtor.

Keywords: insolvency (bankruptcy), debtor, creditors, arbitration manager, authorized body, transaction, preferred payments, dishonesty, affiliation.

Федерации от 23.12.2010 г. № 63 (далее – Постановление № 63).

Из пункта 1 указанного Постановления № 63 следует, что: «Под сделками, которые могут оспариваться по правилам главы III. 1 этого Закона, понимаются, в том числе, действия, направленные на исполнение обязательств и обязанностей, возникающих в соответствии с гражданским, трудовым, семейным законодательством, законодательством о налогах и сборах, таможенным законодательством Российской Федерации,

процессуальным законодательством Российской Федерации и другими отраслями законодательства Российской Федерации, а также, действия, совершенные во исполнение судебных актов или правовых актов иных органов государственной власти».

Исходя из указанного, следует, что законодательство о банкротстве идет по пути расширительного толкования понятия «сделка». Такой подход представляется разумным и направлен на более широкий круг действий, которые могут быть оспорены в рамках дел о банкротстве.

Нормами Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) определено, что сделка, совершенная должником в отношении отдельного кредитора или иного лица, может быть признана арбитражным судом недействительной. При этом, статьей 61.3 Закона о банкротстве не определены действия третьих лиц, которые могут быть оспорены по правилам настоящего Федерального закона.

В судебной практике арбитражных судов отсутствует единообразный подход к разрешению обособленных споров по заявлениям о признании недействительными платежей, совершенными третьими лицами за должника, или всё ещё находится в стадии формирования. Однако необходимо отметить, что тенденции судебной практики идут по пути установления общих критериев, которые позволяют дать оценку платежам третьих лиц, совершенных за должника, и установить признак предпочтительности (или его отсутствие).

Оспаривание платежей третьих лиц осложнено тем, что суд, зачастую, устанавливает лишь факт уменьшения конкурсной массы должника, однако, оставляет без ответа вопросы о добросовестности третьих лиц, а также об их аффилированности по отношению к должнику, о целях, которые преследуются. Указанные вопросы должны исследоваться наряду с остальными, являющимися предметом судебного разбирательства, поскольку такие платежи могут быть совершены в целях причинения вреда кредиторам и вывода имущества из конкурсной массы должника.

Например, выступающие созаёмщиками супруги, могут вносить такие платежи в целях вывода объекта недвижимости из-под залогового статуса (см.: Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 18.03.2021 г. № 308-ЭС20-20893 по делу № А32-41264/2016).

Верховный Суд Российской Федерации отметил, что: «При оспаривании в деле о банкротстве операций, совершённых третьим лицом в пользу контрагента должника, необходимо проверить, принадлежало ли переданное по сделке имущество должнику либо подлежало ли это имущество предварительной передаче должнику». Как правило, суды первой инстанции и суды апелляционной инстанции вопрос о том, совершён ли платёж за счёт должника (и соответственно, допустимо ли его оспаривать в рамках настоящего дела о банкротстве), фактически, не исследуют.

Необходимо отметить, что подобная практика, с одной стороны, создает барьер в доказывании при оспаривании сделок, совершенных третьим лицом за должника в пользу отдельных кредиторов, а, с другой стороны, позволит заинтересованным по отношению к должнику лицам исполнить обязательства за должника в случаях, если такое исполнение происходит за счет этих лиц, и когда такое исполнение носит экономически целесообразный характер.

Встречаются случаи, где конкурсным управляющим оспариваются платежи третьих лиц за должника, совершенные на основании финансовых договоров, несмотря на то, что пункт 5 статьи 61.4 Закона о банкротстве устанавливает критерий осведомленности кредитора по такой категории договоров. Если не доказано, что кредитор или иное лицо, в пользу которого заключен такой договор или совершено такое действие, знали о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества, сделка не может быть признана недействительной – абз. 3 и п. 5 ст. 61.3 Закона о банкротстве. На практике встречаются проблемы в доказывании осведомленности кредитора.

Так, например, при получении кредитором платежа по договору от третьего лица за должника само по себе не означает, что кредитор знает или должен был знать о неплатежеспособности должника. Т.е., к финансовой организации как к профессиональному участнику экономических отношений необходимо применять повышенный стандарт доказывания в части осведомленности о неплатежеспособности должника-контрагента. Например, доказательством осведомленности могут служить:

- наличие в картотеке арбитражных дел информации о поданном заявлении о признании несостоятельным (банкротом) в отношении должника;
- неоднократные обращения должника к кредитору с просьбой об отсрочке или рассрочке платежа и пр.

Стоит согласиться с позицией Р.К. Лотфуллина, согласно которой, если кредитор обратился с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом) в арбитражный суд, то это, само по себе, не может свидетельствовать о наличии признаков неплатежеспособности должника при оспаривании подобных сделок с предпочтением, равно как и то, что, если кредитором выступает кредитная организация, это, само по себе, не означает её осведомленность о неплатежеспособности должника [2].

Также, хочется отметить и согласиться с позицией А.А. Аюровой, согласно которой, о добросовестности или недобросовестности кредитора может свидетельствовать поведение, как самого кредитора, так и должника, а также, их совместные действия и некоторые иные фактические данные [1]. Действительно, на практике судам, при изучении поведения субъектов, стоит более тщательно подходить к анализу целесооб-

разности и разумности действий сторон при совершении сделки, при этом, применяя специальные презумпции, установленные Законом о банкротстве и иными нормативными актами.

Как было указано авторами, суд зачастую «привязан» к исследованию поверхностных фактов, одним из которых (и, пожалуй, основным) является факт совершения платежа за счет должника.

Однако стоит выделить позицию Верховного суда Российской Федерации в деле № А40-199320/2016 (Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.04.2021 г. № 305-ЭС20-13952 (2) по делу № А40-199320/2016). Суды трёх инстанций сочли, что, в результате совершения сделок, банку оказано предпочтение по отношению к другим кредиторам гражданина, чьи требования остались непогашенными и включены в реестр требований кредиторов.

Верховный Суд Российской Федерации не согласился с позицией нижестоящих судов, отменив судебные акты и отказав в удовлетворении заявления. При этом Верховный Суд Российской Федерации указал на то, что: «Сделка с предпочтением подлежит признанию недействительной лишь в том случае, если один из кредиторов в преддверии возбуждения дела о банкротстве или после начала производства по такому делу за

Литература:

1. *Аюрова А.А.* Критерий осведомленности при оспаривании сделок с предпочтением по законодательству о банкротстве / А.А. Аюрова // Журнал российского права. 2014. № 7(211). С. 127–133.
2. *Лотфуллин Р.К.* Оспаривание сделок при банкротстве. М., 2019. 1720 с.

счет должника получает удовлетворение, превышающее причитающееся ему по правилам законодательства о несостоятельности, вследствие чего уменьшается совокупная конкурсная масса этого должника и нарушаются права и законные интересы иных кредиторов, которые получают меньше причитающегося им».

Указанный вывод, безусловно, является очень важным в формировании подобной практики по оспариванию сделок с предпочтением. Однако также важно устанавливать реальное положение дел и цели, которые преследуют лица. В случае, если такие платежи фактически будут направлены на погашение задолженности должника перед третьим лицом, или в счет каких-либо иных долговых обязательств таких лиц, то подлежат применению положения Закона о банкротстве о недействительности сделок.

В заключение стоит отметить, что на сегодняшний день практика арбитражных судов всех уровней по вопросам оспаривания платежей, совершенных третьими лицами за должника, только начинает сформировываться и вырабатывать определенные концепции при рассмотрении подобных обособленных споров. Однако множество правовых вопросов, среди которых и квалификация спорных платежей, всё же остаётся без ответов.

Literature:

1. *Ayurova A.A.* Criterion of awareness when challenging transactions with preference under bankruptcy legislation / A.A. Ayurova // Journal of Russian Law. 2014. № 7(211). P. 127–133.
2. *Lotfullin R.K.* Challenging transactions in bankruptcy. M., 2019. 1720 p.

Шумова Кристина Александровна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры
гражданского права и процесса,
ФГБОУ ВО «Владимирской
государственный университет имени
Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых»,
доцент кафедры частноправовых
дисциплин факультета права и управления
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
kristinashumov@yandex.ru

Заварцева Юлия Сергеевна

менеджер по логистике,
Общество с ограниченной
ответственностью «Атмосфера»
zavartseva.iulya@yandex.ru

**К ВОПРОСУ О ПРИЗНАНИИ
И ИСПОЛНЕНИИ РЕШЕНИЙ
ИНОСТРАННЫХ СУДОВ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

■ ■ ■
Аннотация. Порядок признания и исполнения судебных решений иностранных судов закреплен в некоторых нормативных правовых актах российского законодательства. На современном этапе развития международного права и его интеграции в национальное право, вопросы признания и исполнения решений иностранных судов становятся наиболее актуальными. В этой связи, в данной статье рассмотрены теоретические и практические проблемы признания и исполнения решений иностранных судов в Российской Федерации.

Ключевые слова: признание и исполнение иностранных решений, международное право, национальное право, процессуальное право, проблемы теории и практики, российское процессуальное право.

■ ■ ■
Порядок признания и исполнения судебных решений иностранных судов закреплен в некоторых нормативных правовых актах российского законодательства. К примеру, в Конституции Российской Федерации закреплены общие принципы российского судопроизводства, а более расширенное толкование институт признания и исполнения решений иностранных судов нашел свое отражение в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (далее – ФКЗ

Kristina A. Shumova

Candidate of Law,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Civil Law and Procedure,
Vladimir State University
named after Alexander Grigoryevich
and Nikolay Grigoryevich Stoletov,
Associate Professor of the Department
of Private Law Disciplines
of the Faculty of Law and Management
Vladimir Law Institute
Federal Penitentiary Service of Russia
kristinashumov@yandex.ru

Yulia S. Zavartseva

Logistics Manager,
Limited Liability Company «Atmosphere»
zavartseva.iulya@yandex.ru

**ON THE ISSUE OF RECOGNITION
AND ENFORCEMENT OF DECISIONS
OF FOREIGN COURTS
IN THE RUSSIAN FEDERATION**

■ ■ ■
Annotation. The procedure for the recognition and execution of court decisions of foreign courts is enshrined in some regulatory legal acts of Russian legislation. At the present stage of development of international law and its integration into national law, the issues of recognition and enforcement of decisions of foreign courts are becoming the most urgent. In this regard, this article examines the theoretical and practical problems of the recognition and enforcement of decisions of foreign courts in the Russian Federation.

Keywords: recognition and enforcement of foreign decisions, international law, national law, procedural law, problems of theory and practice, Russian procedural law.

■ ■ ■
«О судебной системе Российской Федерации»), Гражданском процессуальном кодексе РФ (далее – ГПК РФ) и Арбитражном процессуальном кодексе РФ (далее – АПК РФ). В частности, в данных правовых актах указано, что суды, в соответствии со своей компетенцией, имеют право разрешать вопросы о признании и исполнении решений иностранных судов.

Одним из основных моментов при решении вопроса о признании иностранного судебного решения остается вопрос о том круге решений

иностранных судов, которые подлежат обязательному исполнению и признанию российскими судами. В России данный вопрос разрешается в зависимости от того, имеется у Российской Федерации договор с той страной, суд которой вынес рассматриваемое решение, об этом гласит статья 409 ГПК РФ. Но необходимо заметить, что в статье 241 АПК РФ указано, что исполнение решений может быть допущено и при наличии лишь федерального закона, который это предусматривает. Оба Кодекса основываются в данном вопросе на положение части 3 статьи 6 ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», в которой указано, что необходимость и обязательность исполнения на территории Российской Федерации решений и постановлений международных судов, иностранных судов, арбитражей определяется с помощью международных договоров РФ.

На современном этапе развития процессуального права в России, актуальным стал вопрос о расширении круга иностранных решений, признаваемых в нашей стране. Одной из особенностей нового перечня решений иностранных судов должно стать, в том числе, и отсутствие международных договоров со страной, принявшей решение, подлежащее исполнению. Вместе с тем, данное нововведение может привести к осложнению и возникновению противоречий в национальном праве среди затрагиваемых при этом институтов.

Данная целесообразность подтверждается стремлением РФ к повышению международного авторитета и экономической ситуации за счет правового и экономического сотрудничества с другими государствами и в целом разностороннее развитие России. Также, это объясняется стремлением повлиять на развитие экономически-международных отношений в Европе и принятие европейских ценностей и стандартов. В этом также заинтересованы и другие государства. Определенные обязательства в данной сфере у России имеются за счет принятой 04 ноября 1950 года Европейской конвенции по защите прав человека. Также, играет определенную роль, что в то время как Россия будет активно признавать и исполнять решения иностранных государств, так и иностранные государства будут признавать и исполнять решения российских судов. Но в это время не должны последовать никакие негативные последствия, связанные с изменением российского законодательства, а также, возникающие затруднения с поиском наличия международных договоров, то есть, взаимности. Но в любом случае, решения, принимаемые российской стороной, которые могут затронуть суверенитет и независимость нашей страны, должны быть тщательно проверены и взвешены. Необходимо также обратить внимание на то, что существует ряд проблем, которые заключаются, главным образом, в недостаточности и нечеткости, пробелах регулирования данного вопроса законодательно, так как в настоящий момент определенные законы интерпретируются по-разному. Из-за чего в судебной практике случаются ошибки при рассмотрении данного вопроса судами.

Если говорить о судах общей юрисдикции, то здесь все упирается в наличие и содержание международного договора. Так, например, в судебной практике возник спор о взыскании алиментов и воспитании ребенка с гражданином Финляндии и гражданкой РФ. Так, между государствами существует международный договор, который был заключен еще в СССР, а правопреемником теперь является Россия, то Верховный суд РФ, все-таки, признал, что данный договор о правовой защите и помощи по семейным, гражданским и уголовным делам не предусматривает исполнения решений иностранных судов.

Также, проблемным аспектом данного вопроса можно отнести порядок исполнения и условия признания судебных решений иностранных судов. Так как данные условия обычно прописываются в договорах, поэтому при их отсутствии решение данного вопроса становится проблематичным. Отказать в признании решений иностранных судов, в случае наличия договора с этим государством, возможно лишь в некоторых прописанных в договоре случаях.

Но российский законодатель, в свою очередь, закрепляет перечень случаев, когда в исполнении иностранных постановлений может быть отказано. Данный перечень закреплен как в ГПК РФ (статье 412), так и в АПК РФ (статье 244). Хотя на практике международные договоры содержат те же правила, что установлены в российском законодательстве, но в зависимости от ситуации бывают и различия.

Анализируя сказанное выше, авторы задаются вопросом: Если в международном документе прописаны не все правила, установленные российским законодателем, то могут ли неуказанные правила и условия послужить в обоснование отказа от исполнения решений иностранного государства?

По общему правилу, если существует какое-либо расхождение в толковании ситуации и ее разрешении, то необходимо ссылаться на нормы международного договора. У данных норм есть приоритет над другими нормами, указанными в российском законодательстве. Также, нормы и правила, закрепленные во внутреннем законодательстве, не могут служить дополнительными по отношению к нормам международных договоров, если перечень условий и правил, указанных в соглашениях является исчерпывающим, то есть, не допускающим использования иного законодательства в поддержку или противовес данным прописанным нормам.

Следует также отметить, что признание судебных решений иностранных судов не носит безусловный характер. Так, решение не признается в случаях исключительной подсудности, исходящей из заключенных международных договоров, в случае некомпетентности иностранного суда по рассматриваемому вопросу согласно национальному законодательству страны, суд которой вынес решение. Также, не подлежит применению судебное решение иностранного государства в

случае, когда, согласно национальному законодательству данной страны, спорный вопрос также относится к исключительной подсудности.

Подводя итог, следует отметить исключительную актуальность вопросов признания и исполнения судебных решений иностранных судов в Российской Федерации. При этом данную проблему следует решать не только внутри страны, но среди стран, решения судов которых подлежат признанию и исполнению. Напрашивается вывод о

Литература:

1. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ (ред. от 08.12.2020) «О судебной системе Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 06.01.1997. № 1. Ст. 1.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собр. законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 16.11.2021) // Собр. законодательства РФ. 29.07.2002 г. № 30. Ст. 3012.
4. *Богуславский М.М.* Проблемы соотношения международного публичного и международного частного права / М.М. Богуславский // Молодой ученый. 2019. № 28. С. 707–709.
5. *Жидков А.А.* Проблемы признания и исполнения решений иностранных судов в РФ / А.А. Жидков; Юго-Западный государственный университет; Межрегиональная просветительская общественная организация «Объединение православных ученых»; Орловский госуниверситет имени И.С. Тургенева; Рязанский государственный агротехнологический университет имени П.А. Костычева; Московский политехнический университет // Школа молодых новаторов: Сборник научных статей 2-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых, Курск, 18 июня 2021 года. Курск : Юго-Западный государственный университет, 2021. С. 40–44.

необходимости принятия нормативных правовых актов международного характера, которые будут регулировать данный институт международного права. В результате интеграции международного права в национальное право современных стран, проблемы принятия и исполнения решений иностранных судов требуют совместных решений юристов многих стран. При этом, принятые в рамках разрешения данных проблемных вопросов международные акты, не должны противоречить национальному законодательству.

Literature:

1. Federal Constitutional Law № 1-FKZ of 31.12.1996 (as amended on 08.12.2020) «On the Judicial system of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 06.01.1997. № 1. Art. 1.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 № 138-FZ (ed. of 01.07.2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 18.11.2002. № 46. Art. 4532.
3. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation of 24.07.2002 № 95-FZ (ed. of 01.07.2021, with amendments. dated 16.11.2021) // Collection of legislation of the Russian Federation. 29.07.2002 № 30. Art. 3012.
4. *Boguslavsky M.M.* Problems of correlation of international public and international private law / M.M. Boguslavsky // Young scientist. 2019. № 28. P. 707–709.
5. *Zhidkov A.A.* Problems of recognition and enforcement of decisions of foreign courts in the Russian Federation / A.A. Zhidkov; Southwest State University; Interregional educational public organization «Association of Orthodox Scientists»; Oryol State University named after I.S. Turgenev; Ryazan State Agrotechnological University named after P.A. Kostychev; Moscow Polytechnic University // School of Young innovators: Collection of scientific articles of the 2nd International Scientific Conference of promising developments of young scientists, Kursk, June 18, 2021. Kursk : Southwest State University, 2021. P. 40–44.

Щеглов Евгений Николаевич
адвокат,
Воронежская областная
коллегия адвокатов
ferrari49@yandex.ru

Караваев Александр Александрович
кандидат юридических наук,
доцент кафедры административной
деятельности органов внутренних дел,
Воронежский институт МВД России
ferrari49@yandex.ru

О СВЕДЕНИЯХ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, ПОДЛЕЖАЩИХ ОБОРОТУ В ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. В статье проводится исследование сведений конфиденциального характера, подлежащих обороту в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Исследуются легальная дефиниция института «конфиденциальной информации». Отмечена нормативная правовая систематизация конфиденциальных данных. Обозначаются отдельные подходы к вопросу накопления конфиденциальных сведений в полиции.

Ключевые слова: информационная безопасность, конфиденциальные сведения, правонарушение, подразделение по делам несовершеннолетних, оборот конфиденциальной информации, информационных банки данных.

Легальное определение «конфиденциальная информация» в действующих профильных нормативных правовых актах обнаружить не представляется возможным. ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» содер­жал подобное определение (конфиденциальная информация – документированная информация, доступ к которой ограничивается в соответствии с законодательством Российской Федерации), однако, пришедший ему на смену ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [1], от данной трактовки отказался. Следовательно, законодатель в новом нормативном правовом акте решил формулировать данную правовую категорию на основе ее свойств. Так, ст. 2 закрепляет термин «конфиденциальность» как обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информации, требование не передавать такую

Evgeny N. Shcheglov
Advocate,
Voronezh Regional
Bar Association.
ferrari49@yandex.ru

Alexander A. Karavaev
Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the Department
of Administrative Activities
of Internal Affairs Bodies,
Voronezh Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ferrari49@yandex.ru

ON INFORMATION OF A CONFIDENTIAL NATURE SUBJECT TO TURNOVER IN THE DIVISIONS FOR MINOR CASES OF THE INTERNAL AFFAIRS

Annotation. The article examines information of a confidential nature subject to circulation in the departments for juvenile affairs of the internal affairs bodies. The legal definition of the institution of «confidential information» is being researched. The normative legal systematization of confidential data is noted. Separate approaches to the issue of accumulation of confidential information in the police are indicated.

Keywords: information security, confidential information, offense, department for juvenile affairs, circulation of confidential information, information databanks.

информацию третьим лицам без согласия ее обладателя.

Подобный подход, по нашему мнению, ведет к расширительному толкованию, поскольку для определения типологии информационного контента и его отношению к сведениям ограниченного распространения исполнителю необходимы достаточные знания в сфере информационного права и базисное содержания сведений сопровождаемое их оценкой от лица правообладателя. В научной литературе просматривается несколько как сторонников, так и противников теории определения информационного потока на основе его свойств, мы в данном случае, рассматриваем конфиденциальную информацию с позиции ее защиты подразделением полиции, призванным реализовывать охранительный функционал в сфере прав и свобод гражданина,

следовательно, расширительное толкование не представляется нам как объективный и исчерпывающий способ определения требований к данной категории сведений. Более практичным, по нашему мнению, является практика конкретизации нормативных правовых предписаний в тексте федерального закона, как это было реализовано ранее в ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации».

Представляется актуальным, обозначить авторское видение категории «конфиденциальная информация», основанное на анализе актуальных нормативных правовых актов и позиции юридической литературы, как «сообщения, данные (любые сведения) независимо от формы их размещения, представления, хранения на которые распространяется требование конфиденциальности, т.е., налагается запрет на передачу данного информационного контента третьим лицам за исключением случаев, предусмотренных действующим законодательством». Представляется, что подобная формулировка будет отвечать юридической технике и определять непосредственное содержание сведений ограниченного распространения доступ, к которым ограничен на основании конфиденциальности последних.

Систематизация или нормативная типология конфиденциальных сведений представлена указом Президента Российской Федерации перечня сведений конфиденциального характера [2]. Данная типология в некоторых работах по информационному праву может иметь несколько расширенный характер, однако, представляется нам, не более чем условным подразделением обозначенных категорий на дополнительные подгруппы путем выделения отдельных (сугубо частных) признаков, к примеру, разделение категорий «личная» и «семейная тайна», а также, выделение из последней категории тайны усыновления. Широкий подход, в данном контексте, через определение режимов охраны данных сведений, не основанный на частных свойствах, позволит утверждать, что они могут охраняться как персональные данные.

Обозначим более детально, установленные указом Президента категории, с привязкой их возможного нахождения в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел:

– Сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность (персональные данные), за исключением сведений, подлежащих распространению в средствах массовой информации в установленных федеральными законами случаях.

В контексте персональных данных, подразделения по делам несовершеннолетних согласно Федерального закона от 07 февраля 2011 года № 3-ФЗ «О полиции» [3]; Федерального закона от 24 июня 1999 года № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4]; Федерального закона от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [5]; приказа МВД

России от 15 октября 2013 года № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации» [6], обязаны накапливать значительный объем конфиденциальной информации о несовершеннолетних правонарушителях, о лицах, не достигших возраста 18 лет, в отношении которых совершены активные противоправные действия, о неблагополучных семьях, о детях, находящихся в социально-опасном положении. Более того, инспектор ПДН имеет доступ к информационным учетам полицейского ведомства который содержит сторонний объем конфиденциальной информации, следовательно, ознакомление его с данной категорией конфиденциальной информации в рамках реализации задач и функций возлагает на него требования по их защите от противоправного распространения. Отдельного внимания заслуживают статистические учеты, которые ПДН реализует в своей деятельности, следовательно, подразделение не только аккумулирует определенный объем информации конфиденциального характера, а также реализует процедуры оборота с ними (получение, хранение, передача, уничтожение и т.д.). Таким образом, данный массив сведений занимает значительное место в системе информационного обеспечения деятельности инспектора подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

– Сведения, составляющие тайну следствия и судопроизводства, сведения о лицах, в отношении которых принято решение о применении мер государственной защиты, а также, сведения о мерах государственной защиты, если законодательством Российской Федерации такие сведения не отнесены к сведениям, составляющим государственную тайну.

Проводя анализ данной категории относительно нахождения подобных сведений в ПДН, можно предположить следующую концепцию. Инспектор как лицо, не задействованное в процессе государственной защите, скорее всего, доступа к сведениям подобной категории получить не сможет, соответственно, и о мерах реализации защиты говорить, возможно, весьма условно, либо, полученный им доступ к сведениям, позволит ознакомиться со сведениями, не избличающим суть, характер и содержание конкретных мероприятий, которые реализуются в настоящее время в отношении несовершеннолетнего.

Таким образом, это будет информация общего характера, к примеру, в отношении гражданина «Н» начата реализация мер государственной защиты в отсутствие необходимости засекречивания самого этого факта. Данная группа сведений будет охраняться в режиме служебной тайны.

Относительно тайны следствия и судопроизводства необходимо отметить, что в нормативном правовом акте есть определенная сложность формулировки, зачастую, все судебные заседания в России являются мероприятиями гласного характера, это является некоторым достижением демократизации судебных процессов в государстве и непосредственным подтверждением

принципа объективности и справедливости принимаемого судебным органом решения. В данном контексте тайны, можно говорить о совещании судей в процессе принятия конкретного решения, однако, данные сведения в деятельности инспектора ПДН не подлежат обороту.

Переходя к тайне следствия, отметим необходимость коррекции формулировки, а именно – «тайна предварительного расследования», поскольку конфиденциальность необходимо реализовать и при проведении дознания по уголовному делу с участием несовершеннолетнего лица. Данная категория присутствует в деятельности инспектора ПДН, как нам представляется, достаточно усечено. Поскольку производство предварительного следствия по уголовным делам не входит в компетенцию инспектора, следовательно, он может быть привлечен как участник процесса, а требования по поддержанию режима охраны данной категории информации распространяются преимущественно на следователя, либо дознавателя.

– Служебные сведения, доступ к которым ограничен органами государственной власти в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами.

Представляется актуальным, отметить, что Гражданский кодекс, в связи с исключением из его состава статьи 139, с 2008 года не регламентирует данную сферу общественных отношений, таким образом, необходимость внесения изменений в состав данного указа очевиден. Отметим, что в деятельности инспектора большой объем сведений охраняется именно в режиме служебной тайны, при этом необходимо отметить, что данный правовой режим охраны распространяется на практически всех сотрудников полиции, поскольку вся информация, за исключением открытой, получаемая сотрудниками полиции, формируется на основе реализации интересов службы, и в данном режиме должна охраняться.

– Сведения, связанные с профессиональной деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральными законами (врачебная, нотариальная, адвокатская тайна, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых отправлений, телеграфных или иных сообщений и так далее).

Данная категория сведений подлежит обороту в подразделении по делам несовершеннолетних и охраняется в режиме служебной тайны. При этом механизмы ее предоставления в ПДН с позиции охраны полностью не регламентированы. Таким образом, если субъект предоставления сведений недобросовестно выполнит передачу сведений конфиденциального характера, при которых они станут доступными для ознакомления третьим лицам, доказательство невиновности в подобной «утечке» сведений может стать бременем сотрудника полиции. Следовательно, корректное правовое регламентирование процедуры передачи конфиденциальных сведений в подразделения по делам несовершеннолетних органов внутренних

дел позволит повысить качественный уровень их защиты от разглашения.

– Сведения, связанные с коммерческой деятельностью, доступ к которым ограничен в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации и федеральными законами (коммерческая тайна).

Обозначенная категория конфиденциальной информации может попасть в подразделения по делам несовершеннолетних несколькими способами, в рамках производства по различным категориям производств, реализуемых полицией в рамках опроса несовершеннолетнего правонарушителя, либо, находящегося в социально-опасном положении. Охранительная возможность инспектора, в данном контексте, сохраняется по аналогии служебной тайны. Передача такой информации возможна в форме и порядке, установленном действующим законодательством как внутри подразделения, так и сторонним государственным учреждениям (прокуратура, суд). Необходимо отметить, что подобные сведения приобретают режим охраны в соответствии с тем подразделением, в которое поступают, либо направлены; таким образом, одновременно сходная группа сведений может подлежать охранению в нескольких режимах (служебная тайна, коммерческая тайна).

– Сведения о сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца до официальной публикации информации о них.

Это довольно маленький институт защиты конфиденциальной информации, поскольку данные предписания реализуются на отрезке времени от направления соответствующих документов в орган патентования до принятия решения о выдаче патента, либо отказе. Следовательно, в данном контексте, имеется определенный круг обязанных субъектов охраны. В деятельности инспектора по делам несовершеннолетних подобная категория сведений будет очень редкой, если вообще возможной.

– Сведения, содержащиеся в личных делах осужденных, а также, сведения о принудительном исполнении судебных актов, актов других органов и должностных лиц, кроме сведений, которые являются общедоступными в соответствии.

Рассматриваемая категория конфиденциальной информации подлежит обороту в подразделениях по делам несовершеннолетних, более того, если осужденный член семьи, к примеру, профилактируемого ребенка, наличие подобного информационного контента у инспектора позволит грамотно и своевременно пресечь как деструктивную информационно-психологическую среду несовершеннолетнего, так и угрозу его социализации, воспитания, а, в некоторых случаях – жизни и здоровья.

Необходимо отметить, что анализ всех видов конфиденциальной информации, циркулирующей в органах внутренних дел, позволяет заключить,

что подразделения по делам несовершеннолетних как оператор, зачастую, взаимодействует с персональными данными, служебными сведениями, сведениями, содержащимися в личных делах осужденных. Реже, в деятельности

инспектора можно встретить коммерческую тайну, сведения, составляющие тайну предварительного расследования, сведения о сущности изобретения, полезной модели или промышленного образца.

Литература:

1. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
2. Перечень сведений конфиденциального характера: указ Президента Российской Федерации от 06 марта 1997 № 188 // СПС «КонсультантПлюс».
3. О полиции: Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 29.07.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (ред. от 07.06.2017) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
6. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15 октября 2013 года № 845 // СПС «КонсультантПлюс».

Literature:

1. On information, information technologies and information protection: Federal Law of July 27, 2006 № 149-FZ // SPS «ConsultantPlus».
2. List of confidential information: Decree of the President of the Russian Federation dated March 06, 1997 № 188 // SPS «ConsultantPlus».
3. On the police: Federal Law of February 07, 2011 № 3-FZ (as amended on July 29, 2017) // SPS «ConsultantPlus».
4. On the basics of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency: Federal Law of June 24, 1999 № 120-FZ (as amended on 06/07/2017) // SPS «ConsultantPlus».
5. On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation: Federal Law of June 23, 2016 № 182-FZ // SPS «ConsultantPlus».
6. On the approval of the Instructions for organizing the activities of units for juvenile affairs of the internal affairs bodies of the Russian Federation: order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated October 15, 2013 № 845 // SPS «ConsultantPlus».

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Андреанов Алексей Юрьевич

кандидат экономических наук,
доцент,
заведующий кафедрой управления
и информационных технологий
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
nirr1960@mail.ru

Alexey Yu. Andrianov

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Head of the Department of Management
and Information Technologies
of the Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute of the
Federal Penitentiary Service of Russia
nirr1960@mail.ru

**УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В СФЕРЕ
ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

**THREAT TO ECONOMIC SECURITY
IN THE SPHERE OF FOREIGN TRADE**



Аннотация. Содержание настоящей статьи затрагивает один из значимых секторов внешнеэкономической деятельности, внешнеторговой деятельности государств. Раскрыта сущность внешней торговли, её структура, а также, сформулированы, исходя из сложившейся торговой практики на международном уровне, угрозы её экономической безопасности. В отношении Российской Федерации приведён комплекс основных мероприятий по предотвращению наступления негативных последствий рассмотренных угроз. В ключе прогнозирования последствий наступления угроз, вероятности их наступления рассмотрена категория «риски». На уровне таможенного контроля, непосредственно относящегося к внешнеторговой деятельности, рассмотрена существующая система управления рисками.

Ключевые слова: экономическая безопасность, национальная безопасность, внешнеторговая деятельность, угрозы, риски, управление рисками, система управления рисками.



Экономическая безопасность является важной составляющей национальной безопасности каждой страны.

Согласно Стратегии экономической безопасности Российской Федерации (далее РФ), данное понятие в России включает в себя «...состояние защищённости национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство её экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» [1].

Российская правовая защита в сфере экономической безопасности дополнена международной после вступления РФ во Всемирную торговую организацию (далее ВТО).



Annotation. The content of this article affects one of the significant sectors of foreign economic activity, foreign trade activity of states. The essence of foreign trade, its structure is revealed, and threats to its economic security are formulated based on prevailing trade practices at the international level. In relation to the Russian Federation, a set of basic measures is given to prevent the onset of the negative consequences of the considered threats. In the context of forecasting the consequences of the onset of threats, the likelihood of their occurrence, the category of «risks» is considered. At the level of customs control directly related to foreign trade, the existing risk management system has been considered.

Keywords: economic security, national security, foreign trade, threats, risks, risk management, risk management system.



Нормами ВТО в данном случае регулируются:

– режим наибольшего благоприятствования (РНБ), сущность которого заключается в снижении таможенных барьеров для одной страны и для всех установивших с ней указанный режим иных стран;

– национальный режим для российских товаров и услуг, защита от дискриминационного применения санитарных и фитосанитарных барьеров, гарантия против произвольного использования таких средств, как квотирование, антидемпинговые и компенсационные меры.

В условиях членства в ВТО внешнеторговая деятельность (далее ВТД) представляет один из сегментов внешнеэкономической деятельности (далее ВЭД) и подразумевает деятельность по

осуществлению сделок в области внешней торговли товарами, услугами, информацией и интеллектуальной собственностью с перемещением последних через таможенные границы под государственным контролем [2].

Приток товаров в страну на условиях возмездности называется импортной торговлей, отток – экспортной, а вывоз товаров, ранее завезённых в страну с целью их дальнейшей перепродажи после нескольких операций переработки – реэкспортом.

Росту экономического благосостояния любой страны, в значительной степени, способствуют увеличение, как импорта, так и экспорта. Это связано с тем, что импорт обеспечивает страну лучшими и более передовыми технологиями, а также, капитальными средствами, с помощью которых некоторые сектора экономики получают импульс к росту, одновременно, уменьшая свою зависимость друг от друга. С другой стороны, экспорт имеет возможность обеспечивать значительный доход государственной экономике, который в дальнейшем направляется для поддержки проектов национального уровня, и иных целей во благо экономического развития.

ВТД происходит, в первую очередь, для удовлетворения потребностей населения стран и обеспечения экономической полезности ресурсов.

Как правило, ни одна из стран не является самодостаточной. В определённой степени одни страны зависимы от других в отношении импорта товаров, отечественный производственный объем которых (либо его отсутствие) не позволяет в достаточной степени удовлетворить потребительский спрос. Точно также данная страна имеет возможность экспортировать товары, которые находятся в избыточном количестве и востребованы за её пределами.

Внешняя торговля позволяет потребителям получить преимущество от конкурентной среды, так как для того, чтобы соответствовать ожиданиям круга потребителей и получать значительную прибыль, каждая страна будет пытаться разработать решение, идеальным образом подходящее под шаблон потребительских требований. Иными словами, потребители получают разнообразие выбора.

Сфера внешнеторгового оборота объединяет национальные валюты стран мира и регулируется законами, правилами и положениями соответствующих стран.

ВТД способствует также сближению стран путём оказания помощи от развитых стран развивающимся странам в силу экономических отношений, вытекающих из торговых соглашений, повышению уровня жизни людей посредством притока новых и лучших видов продукции.

Внешняя торговля, по своей сути, не имеет принципиальных отличий от внутренней, поскольку мотивация и поведение сторон, участвующих в торговле, существенно не меняются независимо

от того, производится ли торговля через границу или нет. Основное отличие ВТД от внутренней заключается в том, что она наиболее финансово затратна, поскольку перемещение товаров через границу и соответствующие таможенные платежи требуют дополнительных расходов.

В этой связи, можно сделать вывод о том, что внешняя торговля является наиболее значимой детерминантой экономического развития стран.

ВТД в РФ существует достаточно продолжительное время, с момента открытия государственных границ для осуществления перемещения грузов в целях торговли.

Непосредственно для России осуществление ВТД обусловлено рядом задач, а именно:

- повышение конкурентоспособности российских товаров на иностранных рынках, усиление области экспорта;
- привлечение иностранных инвестиций на взаимовыгодных условиях.

В этой связи, развитие сектора внешней торговли актуально для развития отечественной экономики.

Влияние на законное осуществление ВТД, на её экономическую безопасность оказывают следующие факторы:

- обеспечение государственных условий для развития ВТД;
- стабильность курса национальной валюты;
- степень безопасности перемещения грузов через таможенные границы;
- наличие запретов и ограничений по перемещению грузов.

Понять природу обеспечения безопасности в любой сфере возможно лишь, очертив круг потенциальных угроз. Научно определённой, принятой классификации угроз экономической безопасности ВТД не существует, однако выделение ряда наиболее распространённых из них, исходя из содержания Стратегии и мировой практики осуществления внешней торговли, является очевидной реальностью.

Так, представляется возможным выделить следующие угрозы экономической безопасности ВТД.

1. Сфера внешней торговли является высоко конкурентной до той степени, что некоторыми странами условие «здоровой» конкуренции пренебрегается. Используя свои экономические преимущества развитых стран, они стремятся к достижению уровня глобальной конкуренции и монополии на товарных рынках, что значительным образом приводит к ограничению торговых полномочий других стран.

2. Введение санкционных запретов, иных ограничений, дискриминаций в отношении отдельных

государств создаёт последним угрозой сокращения импортирования, а, следовательно, приводит к негативным экономическим последствиям (в особенности данная угроза опасна для стран, в которых трудно реализуемым является импортозамещение конкретных товаров (услуг).

3. Возникновение конфликтов и агрессий, в том числе, военно-политического, биологического характера, в зонах экономических интересов также

Литература:

1. Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

2. Федеральный закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ «Об основах регулирования внешнеторговой деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4850.

приводит к невозможности (или ограничению) осуществления внешней торговли между странами.

Стабильная же политическая среда является наиболее дружественной для ведения предпринимательской деятельности, так как позволяет организациям, предприятиям строить долгосрочные планы с определённой степенью уверенности.

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation of 05.13.2017 № 208 «On the Strategy for the Economic Security of the Russian Federation for the period until 2030» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2017. № 20. Art. 2902.

2. Federal Law of 08.12.2003 № 164-FZ «On the Basics of Regulation of Foreign Trade Activity» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2003. № 50. Art. 4850.

Бугаева Наталья Юрьевна
аспирантка,
Институт законодательства
и сравнительного правоведения
при Правительстве РФ
romashckina.natalia16@yandex.ru

МЕСТО БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ

Аннотация. Многие эксперты сходятся во мнении, что банковские системы в лице коммерческих банков являются основными каналами по отмыванию преступных доходов. Они пользуются своими полномочиями по переводу и размещению преступных активов за границей и последующей их легализацией. В данной статье мы проанализировали проблемы по противодействию легализации преступных доходов в банковской сфере, а также, раскрыли недостатки деятельности банковских организаций и правоохранительных органов. В статье мы описали ряд способов, которые бы могли способствовать противодействию легализации преступных доходов.

Ключевые слова: банковская сфера, банковская система, «отмывание» денег, деятельность банка, кредитно-денежные организации, противодействие, банки, Центральный Банк, Банк России.

Несмотря на то, что во многих сферах экономики присутствует деятельность злоумышленников, занимающихся легализацией преступных доходов, банковская сфера остаётся ключевой, так как является основным каналом по движению криминальных денежных средств.

Многие эксперты в настоящее время сходятся во мнении, что банковские системы в лице коммерческих банков являются основными каналами по отмыванию доходов (далее – ОД). Сотрудники коммерческих банков могут пользоваться служебными полномочиями по переводу и размещению преступных активов за границей и последующей их легализацией.

Сейчас основным законом по противодействию отмыванию преступных доходов является Федеральный закон от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма при осуществлении расчетов» (далее – Закон № 115-ФЗ) [8].

В соответствии с п. 2 ст. 7 Закона № 115-ФЗ организации, которые осуществляют операции с

Natalya Y. Bugaeva
Graduate Student,
Institute of Legislation and Comparative Law,
Under the Government
of the Russian Federation
romashckina.natalia16@yandex.ru

THE PLACE OF THE BANKING SYSTEM IN COUNTERING THE LEGALIZATION (LAUNDERING) OF PROCEEDS FROM CRIME

Annotation. Many experts agree that banking systems represented by commercial banks are the main channels for laundering criminal proceeds. They use their powers to transfer and place criminal assets abroad and their subsequent legalization. In this article, we analyzed the problems of combating the legalization of criminal proceeds in the banking sector, and also revealed the shortcomings of the activities of banking organizations and law enforcement agencies. In the article, we have described a number of ways that could contribute to combating money laundering.

Keywords: banking sector, banking system, money laundering, bank activity, monetary organizations, counteraction, banks, Central Bank, Bank of Russia.

денежными средствами, должны противодействовать легализации денежных средств, которые были получены преступным путем. Должны быть назначены специальные лица, которые будут нести ответственность за реализацию внутреннего контроля. Но на практике можно увидеть, что банки часто допускают нарушения правил по идентификации клиентов. Среди таких нарушений можно отметить:

- не в полной мере проверена информация по клиенту;
- принимаются документы, которые не действительны на момент принятия;
- отсутствие у организации программ по подготовке и обучению персонала в рассматриваемой сфере;
- не прохождение руководителями организации обязательного обучения в целях противодействия ОД [8].

Само сокрытие преступных активов осуществляется с помощью большого количества

финансовых операций. В каждом отдельном случае, легализация преступных доходов связана с использованием схемы по перемещению денег за границу или внутри страны.

Вся существующая сегодня система банковского контроля проводимых операций и платежей, осуществляемая в рамках экономической деятельности юридическими, физическими лицами и индивидуальными предпринимателями, сформирована и обеспечивается Банком России и иными контролирующими органами [3].

Организацией противодействия ОД (далее – ПОД) Банк России занимается совместно с Федеральной налоговой службой, Росфинмониторингом, различными правоохранительными органами, и другими контрольно-надзорными органами. Совместно они осуществляют борьбу с сомнительными операциями в финансово-кредитной системе.

Каждый год Банк России публикует годовой отчет, в котором подводит итоги по проделанной работе в сфере ПОД/ФТ. Банк России осуществляет свои надзорные функции за счет проведения мероприятий по дистанционному и контактному надзору. В рамках контактного надзора в сфере ПОД/ФТ в прошлом году завершено 48 проверок кредитных организаций и 17 проверок некредитных

финансовых организаций, что составило 34 и 12 % соответственно от общего количества контактных проверок кредитных организаций и НФО [1].

Также, Центральным банком Российской Федерации в целях оказания банкам методологической помощи по выявлению и пресечению сомнительных операций, были утверждены Методические рекомендации [5], содержащие порядок управления рисками проведения сомнительных операций [7].

В Методических рекомендациях содержится перечень критериев, которые банки могут использовать при выявлении сомнительных операций или клиентов, входящих в зону риска, а также, приведен перечень сомнительных операций, предлагаемый к использованию банковскими организациями.

Стоит отметить, что применение рекомендаций способствует универсализации деятельности кредитных организаций в этом вопросе и упрощает механизм проверки и оценки каждой операции и клиента. В результате деятельности по управлению рисками ОД, схематично вывод денежных средств за пределы Российской Федерации и способы обналичивания денежных средств в первом полугодии 2021 года, выглядят следующим образом (Диаграммы 1, 2).

ВЫВОД ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ ЗА РУБЕЖ (млрд рублей)

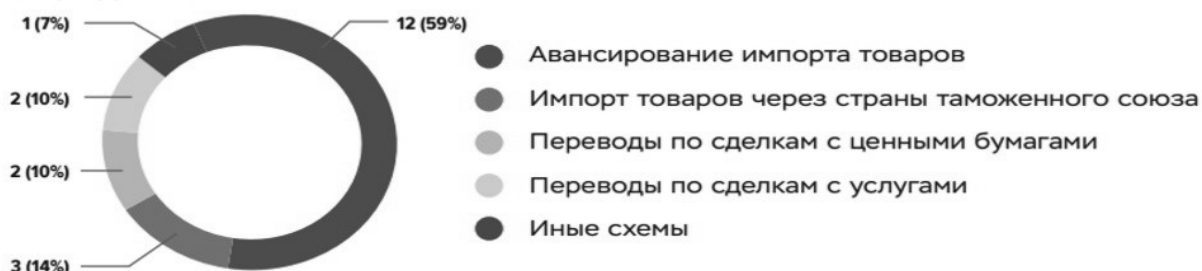


Диаграмма 1 – Структура вывода денежных средств за рубеж в первом полугодии 2021 года [6]

ОБНАЛИЧИВАНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ (млрд рублей)

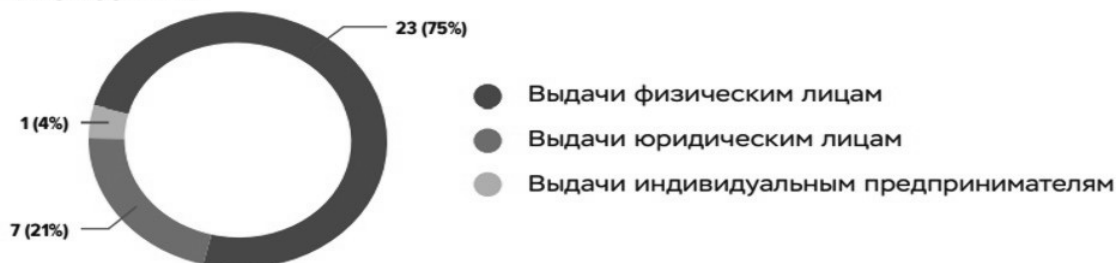


Диаграмма 2 – Структура обналичивания денежных средств в первом полугодии 2021 года [6]

Используемая в диаграммах формулировка показателей базируется на утвержденном в Методических рекомендациях перечне сомнительных операций. Структура секторов экономики,

сформировавших спрос на теневые финансовые услуги в первом полугодии 2021 года, выглядит следующим образом:

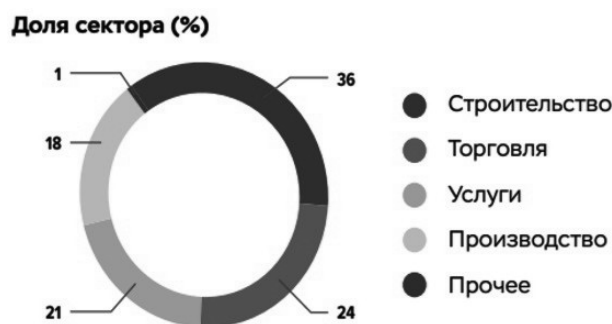


Диаграмма 3 – Секторы экономики, формировавшие спрос на теньевые финансовые услуги в первом полугодии 2021 года [6]

Проанализировав данные, представленные Банком России, о структуре сомнительных операций за первое полугодие 2021 года и аналогичный период 2020 года, можно сделать ряд выводов.

Произошло сокращение объемов сомнительных операций на 11 %. Это свидетельствует о положительном результате в работе организаций банковского сектора, предотвращающей попытки совершения сомнительных операций.

Достаточно легко увидеть уязвимость коммерческих банков перед организованной экономической преступностью. Чтобы выявить легализацию преступных доходов на стадии их размещения, банкам необходимо тщательно проверять документы и личность своих клиентов [7]. Банковскую информацию при открытии счетов и движения вкладов по ним необходимо использовать для получения дополнительных сведений о вкладах и финансовых операциях по счетам физических и юридических лиц, которые могут иметь доказательственное значение при расследовании уголовных дел о преступлениях данной категории [9].

Литература:

1. Ахиярова М.М. Банковская деятельность по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем / М.М. Ахиярова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 2. С. 89–93.
2. Березанский В.В. Технология реализации процедур противодействия отмыванию денежных средств, полученных преступным путем / В.В. Березанский // Финансы и кредит. 2019. № 10. С. 85–92.
3. Институты финансовой безопасности : монография / И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина, О.А. Акопян; Отв. ред. И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина. М. : ИЗИСП; ИНФРА-М. 2017.
4. Лавроненко Р.А. Актуальные проблемы противодействия легализации преступных доходов в банковской сфере / Р.А. Лавроненко // Безопасность бизнеса. 2019. № 2. С. 32–38.
5. Методические рекомендации Банка России «О подходах к управлению кредитными организациями риском легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования

С 01 июля 2022 года стала работать платформа «Знай своего клиента» – эта система по предоставлению всей необходимой информации по своему клиенту об уровне риска вовлеченности в подозрительные операции. Данная платформа поможет сократить число необоснованных отказов банка.

Подводя итог, стоит отметить, что за последние годы Центральный Банк Российской Федерации ужесточил требования к банкам по ПОД, которые были получены преступным путем. С каждым годом количество банков, которые ведут такого рода операции, становится все меньше. При этом все также остается актуальной проблема по обучению персонала работе с банковскими операциями и тщательной проверкой клиентов. Правительство разрабатывает все новые инструменты по проверке клиентов, поэтому необходимо, чтобы банковские организации обладали полной информацией по данным нововведениям, чтобы применить их на практике.

Literature:

1. Akhiyarova M.M. Banking activities to combat the legalization of proceeds from crime / M.M. Akhiyarova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. № 2. P. 89–93.
2. Berezansky V.V. Technology for the implementation of anti-money laundering procedures / V.V. Berezansky // Finance and credit. 2019. № 10. P. 85–92.
3. Institutions of financial security : monograph / I.I. Kucherov, N.A. Povetkina, O.A. Hakobyan; Editor-in-chief I.I. Kucherov, N.A. Povetkin. M. : IZISP; INFRA-M, 2017.
4. Lavronenko R.A. Actual problems of combating the legalization of criminal proceeds in the banking sector / R.A. Lavronenko // Business Security. 2019. № 2. P. 32–38.
5. Methodological recommendations of the Bank of Russia «On approaches to managing the risk of legalization (laundering) of proceeds from crime and financing of terrorism by credit institutions» № 18-MR

терроризма» № 18-МР от 21.07.2017 года. М. : Вестник Банка России. 2017. № 63(1897). С. 44–51.

6. Официальный сайт Банка России. URL : https://cbr.ru/today/resist/resist_sub/2021_1

7. Риски финансовой безопасности: правовой формат : монография / Отв. ред. И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина. М. : ИЗИСП, 2018.

8. Федеральный закон от 07.08.2001 N 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (ред. от 23.04.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (часть I). Ст. 3418.

9. *Шестернева Е.* Банки смогут блокировать сомнительные платежи / Е. Шестернева // Административное право. 2019. № 3. С. 29–32.

dated July 21, 2017. М. : Bulletin of the Bank of Russia. 2017. № 63(1897). P. 44–51

6. Official website of the Bank of Russia. URL : https://cbr.ru/today/resist/resist_sub/2021_1

7. Financial security risks: legal format : monograph / Ed. I.I. Kucherov, N.A. Povetkin. М. : IZISP. 2018.

8. Federal Law of 07.08.2001 № 115-FZ «On countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism» (as amended on 23.04.2018) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2001. № 33 (part I). Art. 3418.

9. *Shesterneva E.* Banks will be able to block dubious payments / E. Shesterneva // Administrative law. 2019. № 3. P. 29–32.

Буркальцева Диана Дмитриевна

доктор экономических наук,
доцент,
профессор кафедры финансов и кредита,
Институт экономики и управления,
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского
di_a@mail.ru

Османо́ва Эльнара Усеиновна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры экономики,
финансов и учёта,
Севастопольский филиал Российского
экономического университета
имени Г.В. Плеханова
elnara.osmanova@mail.ru

Киселев Рэм Олегович

заместитель председателя
комитета по здравоохранению,
социальной политике и делам ветеранов,
Государственный совет Республики Крым,
соискатель,
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского
kiselev.mger@gmail.com

Бондарь Александр Петрович

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры финансов и кредита,
Институт экономики и управления,
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского
bondar@ie.u.cfuv.ru

Бугаева Татьяна Николаевна

кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры государственного
и муниципального управления,
Крымский федеральный университет
имени В.И. Вернадского
bugaevafinansy@mail.ru

**ИННОВАЦИОННЫЕ ФИНАНСОВЫЕ
ИНСТРУМЕНТЫ, ВЛИЯЮЩИЕ
НА КРЕАТИВНОЕ ПРОСТРАНСТВЕННОЕ
РАЗВИТИЕ РЕГИОНА**

■ ■ ■
Аннотация. В работе рассмотрены основные под-
ходы к определению инновационных финансовых
инструментов для государственного и

Diana D. Burkaltseva

Doctor of Economics,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Finance and Credit,
Institute of Economics and Management,
Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky
di_a@mail.ru

Elnara U. Osmanova

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor of the Department
of Economics, Finance and Accounting,
Sevastopol branch of the Russian
University of Economics
named after G.V. Plekhanov
elnara.osmanova@mail.ru

Rem O. Kiselev

Deputy Chairman of the Committee on Health,
Social Policy and Veterans Affairs,
State Council of the Republic of Crimea,
Applicant,
Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky
kiselev.mger@gmail.com

Alexander P. Bondar

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Finance and Credit,
Institute of Economics and Management,
Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky
bondar@ie.u.cfuv.ru

Tatiana N. Bugaeva

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of State and Municipal Administration,
Crimean Federal University
named after V.I. Vernadsky
bugaevafinansy@mail.ru

**INNOVATIVE FINANCIAL INSTRUMENTS
INFLUENCING THE CREATIVE SPATIAL
DEVELOPMENT OF THE REGION**

■ ■ ■
Annotation. The paper considers the main approaches
to the definition of innovative financial instruments for
state and municipal regulation. An innovative financial

муниципального регулирования. Предложен инновационный финансовый инструмент краудфандинг, способный обеспечить удовлетворение потребности экономической системы в инвестициях, а также креативное пространственное развитие регионов России. Поддержание же экономической системы возможно обеспечить лишь при равномерном, креативном пространственном развитии регионов, нормативно-правовом государственном регулировании.

Ключевые слова: инновационный финансовый инструмент, креативное пространственное развитие региона, государственное и муниципальное регулирование.



Введение.

Российский финансовый рынок в 2022 году ощутил существенное санкционное давление, включающее заморозку активов и ограничение крупнейших финансовых организаций, беспрецедентный отток иностранного капитала, требующее структурной трансформации экономики в целях создания условий для дальнейшего развития. В условиях недоступности иностранного капитала поддержание финансового рынка возможно только за счет внутренних инвестиций, в том числе, привлечения физических лиц, однако, наличие существенных отличий в региональном охвате финансовыми услугами, предоставляемыми физическим лицам, затрудняют данный процесс.

Постановка задачи.

Целью исследования выступает анализ возможностей использования инновационных финансовых инструментов, способных обеспечить удовлетворение потребности экономической системы в инвестициях, а также креативное пространственное развитие регионов России.

Материалы и методы. В работе использованы общенаучные методы в рамках логического и сравнительного анализа.

Ход исследования.

Обзор литературы и исследований. Современный этап развития российского финансового рынка требует применения инновационных инструментов, обеспечивающих дополнительные возможности в привлечении инвестиций, управлении финансовыми потоками и рисками, сокращение транзакционных издержек. Инновационные финансовые инструменты составляют интерес и становятся предметом исследования. Некоторые исследователи в своих работах выделяют отдельные инновационные финансовые инструменты, как наиболее перспективные в применении. Так, Ю.Н. Гамбеева, Н.Н. Кожухова, А.С. Набиуллин, Р.С. Зарипова свои работы посвятили изучению опыта применения краудфандинга, который позволяет широкому кругу непрофессиональных инвесторов аккумулировать свои средства для

instrument, crowdfunding, is proposed that can meet the needs of the economic system for investment, as well as the creative spatial development of Russian regions. The maintenance of the economic system can be ensured only with a uniform, creative spatial development of the regions, legal state regulation.

Keywords: innovative financial instrument, creative spatial development of the region, state and municipal regulation.



дальнейшей реализации инновационного и венчурного финансирования [1; 3].

А.И. Решетников среди наиболее перспективных инновационных финансовых инструментов выделяет краудинвестинг, призванный расширить практику коллективного инвестирования на российском финансовом рынке путем приобретения эмиссионных ценных бумаг [4]. Е.А. Локтионова рассматривает инновационные финансовые инструменты как способ повышения уровня безопасности финансового рынка [2]. В своей работе Е.О. Соколов инновационным финансовым инструментам дает более широкое определение, «понимая под ними как инновационные механизмы привлечения финансовых ресурсов (краудфандинг и венчурное финансирование), так и инструменты управления рисками (реальные и экзотические опционы)» [5]. Как видно из приведенного обзора, понимание инновационных финансовых инструментов обширно и разрозненно, однако, на наш взгляд, под ними следует понимать инструменты, существенно отличающиеся от существующих и представляющие собой новую форму аккумуляции и использования ресурсов.

Материалы и методы. В работе использованы общенаучные методы в рамках логического и сравнительного анализа.

Результаты исследования. Отличие уровня финансовой доступности в регионах Российской Федерации в настоящее время выступает основным сдерживающим фактором экономического развития. Для поддержания устойчивости, финансовому рынку необходимо пройти через структурную трансформацию, требующую изменения пропорции долгового и долевого финансирования и развития инструментов пополнения акционерного капитала. Особую важность в условиях ограничения внешних источников финансирования экономики в обеспечении финансовой устойчивости приобретают физические лица, как важнейшие источники притока капитала в современных условиях, с учетом «международных принципов ESG, основанных на трех взаимосвязанных составляющих, а именно экологии (Environmental), социальной политике (Social) и корпоративном управлении (Governance)» [6]. Активизация интереса граждан к финансовому рынку с

одновременным сохранением доверия к нему, последовательное и равномерное расширение доступности различных инструментов финансового рынка, вовлечение в инвестирование на рынке капитала становится ключевым условием поддержания устойчивости экономической системы и обеспечения развития регионов. Таким потребностям финансового рынка наиболее полно отвечает инструмент краудфандинга. Краудфандинг представляет собой финансовый инструмент, инвестирование при котором возможно путем краудлендинга (предоставление займов), краудинвестинга (приобретение эмиссионных ценных бумаг) и УЦП (приобретения утилитарных цифровых прав). Основными заемщиками в России выступают субъекты малого и среднего предпринимательства, а поскольку данная форма организации бизнеса наиболее распространена в региональном аспекте, применение краудфандинга позволит обеспечить их пространственное развитие. При этом концентрация некоторых организаторов инвестиционных платформ на сфере работы заемщиков. Это могут быть разные виды деятельности (факторинг, виды торговли, ремонтные работы, коммерческая недвижимость), но в данном случае следует выделить творческую [7] – что сделает возможным креативное пространственное развитие регионов. В Российской Федерации рынок краудфандинга начал свое существование в 2020 году и показал активный рост в 2021 году (увеличение объема привлеченных средств на 97,1 % до 13,8 млрд рублей в 2021 году). Большую часть активных инвесторов составляют физические лица (95 %), более 80 % из них мужчины 39–42 лет. В среднем, в 2021 году реальная прибыль инвестора составила 15 %. В 1 квартале 2022 года объем рынка краудфандинга в стоимостном выражении ожидаемо замедлился, однако увеличение количества

Литература:

1. Гамбеева Ю.Н. Краудфандинг как инновационный финансовый инструмент цифровой экономики: национальные модели / Ю.Н. Гамбеева, Н.Н. Кожухова // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 77. С. 6–32.
2. Локтионова Е.А. Развитие инновационных финансовых инструментов как фактор повышения уровня безопасности финансового рынка / Е.А. Локтионова // Финансы и кредит. 2019. Т. 25. № 10(790). С. 2236–2249.
3. Набиуллин А.С. Краудфандинг как инновационный финансовый инструмент цифровой экономики / А.С. Набиуллин, Р.С. Зарипова // Информационные технологии в строительных, социальных и экономических системах. 2020. № 2(20). С. 52–54.
4. Решетников А.И. Инновационные финансовые инструменты на рынке коллективного инвестирования / А.И. Решетников // В сборнике: Финансовые и правовые аспекты социально ориентированного инвестирования. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 181–185.

организаций – операторов инвестиционных платформ и их клиентов свидетельствуют о развитии инструмента как перспективного способа получения и предоставления финансирования для бизнеса [8].

Выводы. Вовлечение физических лиц в инвестирование в современных условиях выступает необходимым условием поддержания финансового рынка, что становится возможным только путем роста доступности инвестиционных услуг, благодаря цифровизации и инновационным финансовым инструментам. Поддержание же экономической системы можно обеспечить лишь при равномерном, креативном пространственном развитии регионов, государственном регулировании. Инновационным финансовым инструментом, способным оказать влияние на креативное пространственное развитие регионов России, выступает краудфандинг. Уверенный рост уровня проникновения финансового инструмента краудфандинга в региональном аспекте возможен, прежде всего, при дальнейшей цифровизации, обеспечивающей удаленный доступ к инструментам финансового рынка и дистанционные каналы продаж финансовых услуг, что приведет к росту числа клиентов инвестиционных платформ.

Дальнейшие исследования необходимо направить на механизм изучения инновационного привлечения средств на принципах устойчивого развития региона в области экологической безопасности, а также разбор понятийного аппарата «креативное пространственное развитие региона».

Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и образования РФ программа «Приоритет-2030» № 075-15-2021-1323.

Literature:

1. *Gambееva Yu.N. Crowdfunding as an innovative financial instrument of the digital economy: national models / Yu.N. Gambееva, N.N. Kozhukhova // Public administration. Electronic Bulletin. 2019. № 77. P. 6–32.*
2. *Loktionova E.A. Development of innovative financial instruments as a factor in increasing the security level of the financial market / E.A. Loktionova // Finance and Credit. 2019. Vol. 25. № 10(790). P. 2236–2249.*
3. *Nabiullin A.S. Crowdfunding as an innovative financial instrument of the digital economy / A.S. Nabiullin, R.S. Zaripova // Information technologies in construction, social and economic systems. 2020. № 2(20). P. 52–54.*
4. *Reshetnikov A.I. Innovative financial instruments in the collective investment market / A.I. Reshetnikov // In the collection: Financial and legal aspects of socially oriented investment. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference. 2019. P. 181–185.*

5. Соколов Е.О. Использование инновационных финансовых инструментов в инвестиционной и предпринимательской деятельности: характеристика и особенности применения / Е.О. Соколов // Russian Economic Bulletin. 2019. Т. 2. № 5. С. 214–217.

6. Информационно-аналитический материал. Обзор рынка краудфандинга в России. 2021 г. и I квартал 2022 г. URL : http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/42097/crowdfunding_market_01_2022.pdf

7. Центральный банк Российской Федерации // Банк России (cbr.ru). URL : <https://cbr.ru>

8. Информационно-аналитический материал. Обзор рынка краудфандинга в России. 2021 год и I квартал 2022 года. URL : http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/42097/crowdfunding_market_01_2022.pdf

5. Sokolov E.O. The use of innovative financial instruments in investment and entrepreneurial activities: characteristics and application features / E.O. Sokolov // Russian Economic Bulletin. 2019. Vol. 2. № 5. P. 214–217.

6. Information and analytical material. Overview of the crowdfunding market in Russia. 2021 and Q1 2022. URL : http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/42097/crowdfunding_market_01_2022.pdf

7. Central Bank of the Russian Federation / Bank of Russia (cbr.ru). URL : <https://cbr.ru>

8. Information and analytical material. Overview of the crowdfunding market in Russia. 2021 and the first quarter of 2022. URL : http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/42097/crowdfunding_market_01_2022.pdf

Кочкудан Дмитрий Александрович

студент факультета механизации,
Кубанский государственный
аграрный университет
имени И.Т. Трубилина
kochkudan04@mail.ru

Терещенко Олеся Валерьевна

кандидат философских наук,
старший преподаватель
кафедры истории и политологии,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
olesya.tereschenko@yandex.ru

Кошокова Саньят Январбиевна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории и политологии,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
sumerki7@yandex.ru

Тренды научно-технического развития России

Аннотация. Статья посвящена описанию трендов научно-технического развития России, оказывающие, в большей степени, влияние на формирование российского общества и экономики. С приумножением знаний, человеческих ресурсов, капитала и передача их между субъектами предпринимательской деятельности, секторами экономики, странами, а также, наукой, развитием новых продуктов, технологий, рынков и трансформацией традиционных отраслей Россия столкнулась с широкомасштабными вызовами. В связи с этим, тема о трендах научно-технического развития нашей страны является весьма актуальной, как и проблематика формирования и реализации научно-технической политики, так как в последние годы в России ведутся глубокие дискуссии о перспективах науки и технологий, их роли в развитии экономики и общества.

Ключевые слова: научно-техническое развитие, технологическая революция, новая промышленная революция, конвергенция нанотехнологий и биотехнологий, устойчивое развитие, глобализационные процессы.

Указом Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» в соответствии со ст. 181 Федерального закона от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом

Dmitry A. Kochkudan

Student of the Faculty of Mechanization,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
kochkudan04@mail.ru

Olesya V. Tereshchenko

Candidate of Philosophical Sciences,
Assistant Professor of the Department
of History and Political Science,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
olesya.tereschenko@yandex.ru

Saniyat Y. Koshokova

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department
of History and Political Science,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
sumerki7@yandex.ru

TRENDS OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL DEVELOPMENT OF RUSSIA

Annotation. The article is devoted to the description of the trends in the scientific and technological development of Russia, which have a greater impact on the formation of Russian society and economy. With the increase of knowledge, human resources, capital and their transfer between business entities, economic sectors, countries, as well as science, the development of new products, technologies, markets and the transformation of traditional industries, Russia has faced large-scale challenges. In this regard, the topic of trends in the scientific and technological development of our country is very relevant, as is the problem of the formation and implementation of scientific and technological policy, since in recent years in Russia there have been deep discussions about the prospects of science and technology, their role in the development of the economy and society.

Keywords: scientific and technological development, technological revolution, new industrial revolution, convergence of nanotechnologies and biotechnologies, sustainable development, globalization processes.

планировании в Российской Федерации» [1] утверждена «Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации» [2].

Тенденции развития НТР сформулировали цели и главные задачи научно-технологического

прогресса Российской Федерации. Определены проблематика и приоритеты, важные направления и границы исполнения государственной политики в этой области, в том числе установлены критерии оценки реализации указанной Стратегии, которые гарантируют гибкое, устойчивое и согласованное развитие России на долгосрочный срок [3, с. 1].

Одной из мировых научно-исследовательских стран является Российская Федерация. Существенный вклад в аккумулирование человечеством академических знаний и создание прогрессивных технологий внесли исследовательская и технические школы, которые результативно решали проблемы экономико-социологического эволюционирования и гарантировали защиту государства. В основном этому способствовала организация исследований и проектная деятельность, соответствующие эпохе и структуре экономики. С начала XXI в. и по настоящее время отечественная наука играет важную роль в организации безопасности Российской Федерации и способствует прогрессу транснациональной научной деятельности.

Россия – одна из величайших мировых стран, способная вести инновационные разработки в самых разных отраслях техники и производства. В последнее десятилетие появилось достаточно много удачных проектов с использованием современных российских технологий.

Нам известны доминирующие технологии, такие как, технология распознавания лиц, искусственный интеллект, управление дронами, 3D-принтеры, экзоскелет, сверхзвуковой самолет, биотехнологии и многие другие. Научное сообщество в начале нового тысячелетия озадачилось вопросом о том, что есть ли резон финансировать аналогичные технологии. На сегодняшний день большинство государств мира присоединились к гонке. Стоит лишь догадываться, кто из них первое овладеет этими технологиями, отыщет им мирное применение и создаст посредством их новый товар или услугу. Экосистема должна сыграть здесь немаловажную роль. Она способствует объединению спроса и предложения.

В настоящее время много надежд возлагается на искусственный интеллект и роботизацию. За пределами исследовательских центров уже повсюду применяются созданные робототехнические системы, а также системы искусственного интеллекта. Все сферы предпринимательской деятельности заинтересовались продуктами науки в данной области. Возникает большое количество стартапов, что, в свою очередь, говорит о проникновении научного потенциала в сознание бытовых граждан.

Робототехника и искусственный интеллект являются частью нашей стремительно изменяющейся реальности. Например, с 2020 года активно распространяются нейроинтерфейсы будущего. Это, так называемые, продвинутое технологии, которые связывают достижения в области искусственного интеллекта и ИТ, медицины, биотехнологий и позволяющие напрямую соединить компьютер и

человеческий мозг. Как мы знаем, на сегодняшний день указанные научные разработки активно применяются в реабилитации человека, в том числе, но в меньшей степени, в образовательной деятельности. Сегодня люди живут в эпоху любопытных перемен. Не далек тот день, когда мы получим возможность напрямую присоединиться к централизованному информационному полю. Вероятно, уже к началу 30-х годов второго тысячелетия эти технологии станут такими же естественными, как смартфоны с видеосвязью, коммуникационные системы Zoom, Skype и пр.

Российский бизнес сегодня стремится к снижению себестоимости товаров, улучшению и удешевлению производственных процессов. Он желает предугадывать потребности отдельного человека. А российское общество, в это время, широко проявляет интерес к товарам с новыми потребительскими свойствами.

Как правильно заметила О.А. Иванова, спрос требует увеличить как производительность труда, что является естественным желанием любого бизнеса, так и сформировать обновленные потребительские свойства товаров, что соответствует пожеланиям человека. Сегодня мы можем получить все товары и услуги с учетом наших нужд и потребностей.

Тренды научно-технического развития России должны способствовать человеку раскрыть свои уникальные способности. Так, проект «умного города» активно применяет технологии «новой промышленной эволюции». Город становится таким же самоприспосабливающимся, как «умный дом». Он подстраивается под человека, обеспечивает стабильную, «зеленую» инфраструктуру и равновесие между работой и личной жизнью, помогая горожанину развиваться [4].

Однако появление новых возможностей и перспектив научно-технологического развития Российской Федерации могут создать существенные риски для общества, экономики, системы государственного управления, это с одной стороны. С другой же – наука и технологии играют важную роль в обеспечении устойчивого развития цивилизации и в оценке рисков, и возможных опасностей для человечества.

Президент России считает наиболее важными проблемами и угрозами, требующими государственного ответа с точки зрения научно-технологического развития в стране, следующие:

- сокращение возможностей для экономического роста в России, основанного на масштабной эксплуатации сырьевых ресурсов;
- демографические изменения, приводящие к возникновению новых социальных проблем и проблем в области здравоохранения в связи с увеличением продолжительности жизни людей, изменением образа жизни и последующим старением населения;
- усиление антропогенного давления на окружающую среду до такой степени, что возникает

угроза воспроизводству природных ресурсов, и увеличение рисков для жизни и здоровья граждан, связанных с их неэффективным использованием;

– продовольственная безопасность и продовольственная самообеспеченность России и необходимость обеспечения конкурентоспособности отечественной продукции на мировом продовольственном рынке;

– качественные изменения в мировой системе и локальной энергетической структуре;

– новые внешние угрозы государственной безопасности (включая военные угрозы и угрозу потери народной и культурной идентичности российского населения), вызванные обострением межнациональной конкуренции и конфликтов, мировой и локальной неустойчивостью. Указанная проблематика нашла свое отражение в работах О.В. Терещенко [6, 7, 8, 9];

– потребность продуктивного исследования и использования космоса, а также укрепления положений Российского государства в экономическом, общенаучном, и военном овладении космического и воздушного пространства, Мирового океана, Арктики и Антарктики [3, с. 7].

Со стороны государства и общества существуют потребности в новых технологиях и в свершении промышленной революции. Однако у вновь созданных человеком экосистем тоже существуют свои требования в научно-промышленной сфере. В научно-технологической революции спрос персонализируется. Он становится «этически и экологически чувствительным», предполагая, что все должно подстраиваться под соответствующую отрасль предпринимательской деятельности или конкретного производителя товаров и (или) услуг [4]. Наука здесь применима лишь в части, которая тесно связана с новыми источниками энергии, алгоритмами искусственного интеллекта и материалами. Тем не менее, если у человечества будет отсутствовать стремление к объединению и использованию новинок научно-технической революции, даже при условии наличия соответствующих знаний в определенной области и самих технологий, ничего в жизни не изменится.

Нововведения современной науки носят междисциплинарный характер. Это компромисс энергетики и современных материалов, биотехнологий с нанотехнологиями, медицины с IT-технологиями, умственных систем и автотранспорта. Базовыми компетенциями предстоящего десятилетия выступают знания и умения, связанные с критическим мышлением в информационном шуме, способность системно проанализировать определенную проблематику, глубоко погрузиться в нее

Литература:

1. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841

и вновь перейти на междисциплинарный уровень, быть проактивным, а также талант предвидеть будущее и решать поставленные задачи.

Государственные ресурсы и финансовые средства должны целенаправленно перенаправляться в те области (проекты), которые дают гарантированные, защищенные научно-технические результаты и на их основе высококачественную конкурентоспособную продукцию и услуги [5]. На практике должны быть реализованы такие меры, как распределение и страхование рисков, удобная налоговая система, создание сетевых коммуникационных платформ и расширение открытого доступа к необходимой информации. Например, повышение качества и эффективности национальных информационных систем на мировом уровне.

В условиях введения зарубежными государствами антироссийских санкций и формирования современного глобального миропорядка, в том числе, в области науки и технологий, достижение национальных целей развития возможно лишь при условии присутствия отечественного научно-технологического комплекса, который способен выполнять широкомасштабные наукоемкие проекты.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что сегодня объективно необходимо пересмотреть действующую научно-техническую политику. Существует настоятельная потребность переориентировать ее на инновационное развитие взамен ресурсного, а именно стремиться занять лидирующую позицию на транснациональном рынке высокотехнологичной продукции. В том числе, и институциональная структура научно-технологического комплекса требует пересмотра, как и его ресурсное и нормативно-правовое обеспечение.

К огорчению, ни одна научно-технологическая революция не получалась без общественных потрясений. И те меры, которые в данный момент принимает правительство нашей страны, ориентированы на то, чтобы сглаживать вероятные общественные потрясения, делать современные рабочие пространства. Тут-то появляется гигантская задача – помогать людям войти в современную технологическую революцию и применить ее блага. Немаловажно, чтобы мы понимали природу новых технологий, анализировали их последствия для нашей безопасности, изучали возможности трендов научно-технического развития России, раздвигали границы возможного и были готовы снизить связанные с ними риски. В конечном счете, мы можем разрешить себе увлекаться тем, чем пожелаем. И в этом ключевое превосходство следующего десятилетия.

Literature:

1. Federal Law № 172-FZ of 28.06.2014 «On Strategic Planning in the Russian Federation». URL : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841

2. Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>
3. Глобальные тренды и перспективы научно-технологического развития Российской Федерации : краткие тезисы: доклад к XVIII Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 11–14 апреля 2017 г. / Л.М. Гохберг, А.В. Соколов, А.А. Чулок [и др.]. М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2017. 39 с.
4. *Иванова О.А.* Переход к маркетингу 3.0 в парадигме новой промышленной революции / О.А. Иванова // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право», 2022. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-marketingu-3-0-v-paradigme-novoy-promyshlennoy-revoljutsii>
5. *Крикун К.С.* Пути повышения эффективности производства продукции растениеводства / К.С. Крикун // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник статей по материалам X Всероссийской конференции молодых ученых, посвященной 120-летию И.С. Косенко. 2017. С. 1537–1538.
6. *Терещенко О.В.* Глобализационные процессы современности и устойчивое развитие / О.В. Терещенко, М.В. Гринь // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 9. С. 62–64.
7. *Терещенко О.В.* Проблема устойчивого социального порядка в современном обществе / О.В. Терещенко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 86–89.
8. *Терещенко О.В.* Социально-философские аспекты анализа процесса криминализации современного общества / О.В. Терещенко // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 3. С. 323–331.
9. *Терещенко О.В.* Социальный порядок: теоретико-методологический подход / О.В. Терещенко // Национальное здоровье. 2018. № 2. С. 298–306.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 01.12.2016 № 642 «On the Strategy of scientific and technological development of the Russian Federation». URL : <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41449>
3. Global trends and prospects of scientific and technological development of the Russian Federation: brief abstracts: report to the XVIII April International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development, Moscow, April 11–14, 2017 / L.M. Gokhberg, A.V. Sokolov, A.A. Chulok [et al.]. M. : National Research University «Higher School of Economics», 2017. 39 p.
4. *Ivanova O.A.* Transition to marketing 3.0 in the paradigm of the new industrial revolution / O.A. Ivanova // Bulletin of the Udmurt University. Series «Economics and Law», 2022. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-marketingu-3-0-v-paradigme-novoy-promyshlennoy-revoljutsii>
5. *Krikun K.S.* Ways to increase the efficiency of crop production / K.S. Krikun // Scientific support of the agro-industrial complex: A collection of articles based on the materials of the X All-Russian Conference of Young Scientists dedicated to the 120th anniversary of I.S. Kosenko. 2017. P. 1537–1538.
6. *Tereshchenko O.V.* Globalization processes of modernity and sustainable development / O.V. Tereshchenko, M.V. Grin // Humanities, socio-economic and social sciences. 2021. № 9. P. 62–64.
7. *Tereshchenko O.V.* The problem of sustainable social order in modern society / O.V. Tereshchenko // Humanities, socio-economic and social sciences. 2017. № 6–7. P. 86–89.
8. *Tereshchenko O.V.* Socio-philosophical aspects of the analysis of the process of criminalization of modern society / O.V. Tereshchenko // Socio-humanitarian knowledge. 2019. № 3. P. 323–331.
9. *Tereshchenko O.V.* Social order: theoretical and methodological approach / O.V. Tereshchenko // National Health. 2018. № 2. P. 298–306.

Кошелева Татьяна Николаевна

доктор экономических наук,
доцент,
член-корреспондент МАН ВШ,
Санкт-Петербургский
государственный университет
гражданской авиации,
Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики
romanvolkov3009@yandex.ru

Ксенофонтова Татьяна Юрьевна

доктор экономических наук,
профессор,
Петербургский государственный
университет путей сообщения
императора Александра I
milena.555@mail.ru

**МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
МОДЕЛИРОВАНИЯ УРОВНЕЙ
ГОТОВНОСТИ СЕРВИСНЫХ
КОМПАНИЙ ТРАНСПОРТНОЙ СФЕРЫ
К ОКАЗАНИЮ УСЛУГ
В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ**

Аннотация. В статье структурированы и рассмотрены основные элементы управления; классифицированы и конкретизированы условия, определяющие уровень готовности сервисных компаний транспортной сферы к оказанию услуг в цифровой среде; предложен авторский подход к разработке модели трех ступеней освоения цифрового пространства, которая предполагает три уровня проникновения в цифровую сферу взаимодействия с потребителями и охарактеризовать три ступени освоения цифрового пространства. Сформулированы принципы обеспечения комплексного системного управления цифровой трансформацией сервисного обслуживания в транспортной сфере.

Ключевые слова: цифровая среда, сервисные компании, цифровая трансформация.

В данной работе выделим и классифицируем условия, определяющие уровень готовности сервисных компаний транспортной сферы к оказанию услуг в цифровой среде: внутренние и внешние условия.

Внутренние условия – это:

- технологическая готовность сервисной компании;
- квалификация сотрудников;

Tatiana N. Kosheleva

Doctor of Economics,
Associate Professor
Corresponding Member
of the Higher School of Economics,
St. Petersburg State University
of Civil Aviation,
Saint Petersburg University of Management
and Economics Technologies
romanvolkov3009@yandex.ru

Tatiana Yu. Ksenofontova

Doctor of Economics,
Professor,
St. Petersburg State University
of Railways of Emperor Alexander I
milena.555@mail.ru

**METHODOLOGICAL ASPECTS
OF MODELING THE LEVELS
OF READINESS OF TRANSPORT SERVICE
COMPANIES TO PROVIDE SERVICES
IN THE DIGITAL ENVIRONMENT**

Annotation. The main control elements are structured and considered in the article; the conditions determining the level of readiness of transport service companies to provide services in the digital environment are classified and specified; the author's approach to the development of a model of three stages of digital space development is proposed, which assumes three levels of penetration into the digital sphere of interaction with consumers and characterize three stages of digital space development. The principles of providing integrated system management of digital transformation of service in the transport sector are formulated.

Keywords: digital environment, service companies, digital transformation.

– ресурсные возможности удалённого взаимодействия и индивидуального дистанционного сопровождения потребителей;

– наличие (отсутствие) новых разработок в сфере цифрового обслуживания (в сфере цифровых платформ и оболочек, цифровых моделей управления, изменений в сфере управления удалёнными сотрудниками и выстраивания удалённого взаимодействия между сотрудниками и потребителями);

- маркетинговые инновации в сфере цифрового продвижения транспортных услуг.

Внешние условия включают:

- наличие (отсутствие) спроса на услуги в цифровой среде;
- уровень конкуренции на рынке сервисных компаний транспортной сферы.

В рамках определения подходов к управлению процессом формирования условий готовности сервисных компаний транспортной сферы к оказанию услуг с использованием цифровых технологий (искусственный интеллект, облачные технологии, большие данные, блокчейн, виртуальная и дополненная реальность) в рамках анализа условий готовности к функционированию сервисных компаний в новой рыночной реальности, необходимо выделить следующие направления [1, 2, 3]:

- *лидер-ориентированная форма управления* (управление процессом формирования условий готовности сервисных компаний транспортной сферы к оказанию услуг в цифровой среде «снизу вверх»);
- условия готовности сервисных компаний учитываются всеми подразделениями компании и полностью взаимосвязаны между собой; при необходимости, функции ряда подразделений компании могут быть частично взаимозаменяемыми;
- методы управления процессом формирования условий готовности сервисных компаний должны быть специализированными, т.е., ориентированными под удалённый формат управления подразделениями и технологическими сервисными процессами);
- *инновационно-ориентированная форма управления* (управление процессом формирования условий готовности сервисных компаний транспортной сферы к оказанию услуг в цифровой среде «сверху вниз»);
- интеграция основных бизнес-процессов сервисной компании в рамках формирования новых технологических и ресурсных условий для трансформации сервисных компаний в цифровой формат взаимодействия;
- участие всех сотрудников сервисной компании в направлении трансформации сервисной компании в цифровой формат обслуживания);
- *традиционно-ориентированная форма управления* (управление процессом формирования ключевых условий готовности сервисных компаний транспортной сферы к оказанию услуг в цифровой среде);
- разработка превентивных мер по управлению процессом формирования условий готовности сервисных компаний транспортной сферы к оказанию услуг в цифровом формате);

- *адаптивно ориентированная форма управления* (адаптивный принцип управления процессом формирования условий готовности сервисных компаний транспортной сферы к оказанию услуг в цифровом формате).

Для обеспечения эффективного управления процессом формирования условий готовности сервисных компаний транспортной сферы к оказанию услуг в цифровом формате на всех уровнях проникновения цифровых технологий целесообразно рассмотреть модель трех ступеней освоения цифрового пространства [4, с. 354–363], которая предполагает три уровня проникновения в цифровую сферу взаимодействия с потребителями. Первая ступень освоения цифрового пространства. На этом уровне проникновения в цифровую сферу взаимодействия с потребителями управление процессом начальной цифровой трансформации должны осуществлять руководители бизнес-функций компаний, в чьи компетенции входят:

- управление технологической подготовкой информационных оболочек для выстраивания удалённого взаимодействия с потребителями и между функциональными подразделениями сервисной компании в дистанционном формате деятельности;
- внедрение основных бизнес-процессов сервисной компании в рамках формирования новых технологических и ресурсных условий для трансформации сервисных компаний в цифровой формат взаимодействия сервисной компании;
- идентификация и оценивание последствий начальной цифровой трансформации в сервисной компании.

Управление процессом формирования условий готовности сервисных компаний транспортной сферы к оказанию услуг в цифровом формате на более высокой ступени должно осуществлять подразделение цифровой трансформации (отдел цифровых технологий сервисной компании), функциями которого, кроме всего прочего могут выступать:

- алгоритм процесса создания технических условий цифровой трансформации сервисных компаний транспортной сферы для оказания услуг в цифровом формате (в виртуальной и дополненной реальности);
- разработка инструментов защиты от технических и информационных рисков при выстраивании алгоритма освоения цифрового пространства и в процессе разработки цифровой стратегии функционирования сервисной компании в виртуальной и дополненной реальности;
- выстраивание технического взаимодействия и преемственности между ступенями освоения цифрового пространства трансформации сервисных компаний транспортной сферы для оказания услуг в цифровом формате [4].

Следующая ступень освоения цифрового пространства подразумевает контроль реализации

подходов к управлению процессом формирования условий готовности сервисных компаний транспортной сферы к оказанию услуг в цифровом формате.

Выстраивание модели трех ступеней освоения цифрового пространства в рамках управления процессом формирования условий готовности сервисных компаний транспортной сферы к оказанию услуг в цифровом формате позволит выстроить комплексную систему управления цифровой трансформацией сервисного обслуживания в транспортной сфере на вертикальных и горизонтальных уровнях управления. Вместе с тем, для обеспечения комплексного системного управления цифровой трансформацией сервисного обслуживания в транспортной сфере необходимо учитывать следующие принципы:

– единый подход к управлению цифровой трансформацией;

Литература:

1. Galochkina O.A. The formation of a multifunctional transport cluster through the development of public-private (cooperative) partnership / O.A. Galochkina, D.V. Zmievisky, T.N. Kosheleva, E.V. Grozovskaya // *Studies in Systems, Decision and Control*. 2021. Vol. 316. P. 825–833.

2. Грозовская Е.В. Методологические основы разработки концепции управления развитием предпринимательской деятельности на транспорте / Е.В. Грозовская, Д.С. Бразевич, Т.Н. Кошелева // *Вестник высшей школы «Alma mater»*. 2020 № 1. С. 99–103.

3. Ксенофонтова Т.Ю. Practical application of methodologies and mechanisms of formation of regional innovation development strategies / Т.Ю. Ксенофонтова, Р.В. Смирнов, О.В. Кадырова, О.В. Бургонов, Т.Н. Кошелева // *IJRTE-International Journal of Recent Technology and Engineering*. 2019. Vol. 8. Iss. 2.

4. Ксенофонтова Т.Ю. Basic problems of interregional differentiation in Russia and innovative and reproduction prerequisites to overcome them / Т.Ю. Ксенофонтова, А.Г. Бездудная, О.В. Кадырова // *International Journal of Applied Business and Economic Research*. 2017. Vol. 15. № 8. P. 1–10.

– единая для всех уровней организации форма управления;

– определение ответственных на всех уровнях управления в сервисной организации;

– непрерывный мониторинг и контроль за функционирующей системой управления.

Таким образом, обеспечение модели трех ступеней освоения цифрового пространства позволит оценить условия готовности сервисной компании транспортной сферы к оказанию услуг в цифровой среде и, тем самым, будет способствовать выстраиванию платформы для качественной цифровой трансформации всех технологических процессов сервисного обслуживания и повысит уровень устойчивости и чувствительности в условиях ресурсной недостаточности сервисной компании, что позволит стать более конкурентоспособной.

Literature:

1. Galochkina O.A. The formation of a multifunctional transport cluster through the development of public-private (cooperative) partnership / O.A. Galochkina, D.V. Zmievisky, T.N. Kosheleva, E.V. Grozovskaya // *Studies in Systems, Decision and Control*. 2021. Vol. 316. P. 825–833.

2. Grozovskaya E.V. Methodological foundations of the development of the concept of management of the development of entrepreneurship in transport / E.V. Grozovskaya, D.S. Brazevich, T.N. Kosheleva // *Bulletin of the Alma mater Higher School*. 2020. № 1. P. 99–103.

3. Ksenofontova T.Y. Practical application of methodologies and mechanisms of formation of regional innovation development strategies / T.Y. Ksenofontova, R.V. Smirnov, O.V. Kadyrova, O.V. Burgonov, T.N. Kosheleva // *IJRTE-International Journal of Recent Technology and Engineering*. 2019. Vol. 8. Iss. 2.

4. Ksenofontova T.Y. Basic problems of interregional differentiation in Russia and innovative and reproduction prerequisites to overcome them / T.Y. Ksenofontova, A.G. Bezdudnaya, O.V. Kadyrova // *International Journal of Applied Business and Economic Research*. 2017. Vol. 15. № 8. P. 1–10.

Ли Шаншан
магистрант,
экономический факультет,
Санкт-Петербургский
государственный университет
wangjuntao@ya.ru

ВЛИЯНИЕ ЭНЕРГЕТИКИ НА ЕВРОПЕЙСКУЮ ВАЛЮТНУЮ СИСТЕМУ

Аннотация. Валютная система формирует стоимость своих элементов – национальных валют паритетом стоимости национальной валюты к стоимости резервных международных валют. Изменение энергетической политики и цепочек формирования добавленной стоимости изменили механизм формирования стоимости валют, что определяет актуальность данного исследования. Цель исследования – выявить содержание влияния изменения формирования стоимости элементов энергетического пространства, на формирование стоимости элементов европейской валютной системы.

Ключевые слова: энергетическая политика, паритет цен, курсовая разница, спрос, предложение, валютная пара.

Европейская валютная система представляет собой многостороннее соглашение о регулирование обменного курса, в котором большинство стран Европейского экономического сообщества (ЕЭС) связали свои национальные валюты в единую валюту, чтобы обеспечить отсутствие волатильности курса отдельных национальных валют. Европейская валютная система функционирует путем постоянной корректировки номинального и реального обменных курсов национальных валют, тем самым устанавливая более тесное валютное сотрудничество и создавая зону валютной стабильности на европейском пространстве. В рамках единой валютной системы был создан первый европейский механизм обменного курса, который рассчитывал обменные курсы для каждой валюты и европейскую валютную единицу – расчетную валютную единицу, которая представляла собой средневзвешенное значение валют 12 государств-участников. Подобная система позволяет обменным курсам колебаться в пределах фиксированных значений и допускает некоторые вариации при одновременном ограничении валютных рисков и поддержании ликвидности европейских национальных валют. Европейская валютная система просуществовала с 1979 по 1999 год, после которого ей на смену пришел Экономический и валютный союз, а обменные курсы для стран еврозоны были зафиксированы по отношению к единой валюте евро (EUR). Тем самым

Li Shang Shang
Master's Student,
Economics Faculty,
St. Petersburg State University
wangjuntao@ya.ru

THE IMPACT OF ENERGY ON THE EUROPEAN MONETARY SYSTEM

Annotation. The currency system forms the value of its elements – national currencies by the parity of the value of the national currency to the value of reserve international currencies. Changes in energy policy and value chains have changed the mechanism of currency formation, which determines the relevance of this study. The purpose of the study is to identify the content of the influence of changes in the formation of the cost of elements of the energy space on the formation of the cost of elements of the European monetary system.

Keywords: energy policy, price parity, exchange rate difference, supply, demand, currency pair.

было достигнута стабильность и отсутствие значительной волатильности обменных курсов внутри стран участников Европейского союза – рисунок 1.

Как видно из рисунка 1 обменный курс европейской валюты неуклонно снижается относительно другой резервной международной валюты – доллара США. При этом стоимость энергетических ресурсов (газ) имеет восходящую тенденцию, которая не имеет ярко выраженного восходящего тренда, а представляет собой крайне волатильную кривую цены на значительном ценовом диапазоне. В тоже время волатильность цены на газ в значительной степени влияет на стоимость европейской валюты в части значительного снижения обменного курса валюты. Основным фактором, который определяет зависимость европейской валютной системы от стоимости энергетических ресурсов, прежде всего, газа, как основного энергетического ресурса для потребления Европейского экономического пространства – выступает отказ от Гронингенского принципа ценообразования.

В современных условиях хозяйствования Гронингенский принцип ценообразования, предполагающий долгосрочную контрактную основу поставок природного газа представляет собой ряд основных положений:

- Цена на газа привязывается к цене ресурсов способных его заместить, то есть альтернативами (нефть, бензин и т.д.) непосредственно в момент потребления покупателем.
- Регулярность пересмотров цен на поставку газа в рамках используемой формулы по заключённому долгосрочному контракту (обычно каждый квартал).

- Фиксация объёмов выбора ресурса стороной покупателя, то есть долгосрочный контракт предполагал условную фиксацию цены (до пересмотра) и фиксацию объёмов выбора с условием возможности недобора ресурса в пределах двадцати процентов.



Рисунок 1 – Изменение обменного курса европейской валюты по валютной паре EUR/USD, пунктов.

Источник: составлено автором по данным [2]



Рисунок 2 – Изменение стоимости энергетических ресурсов (газ) в рамках Европейского экономического пространства, долл.

Источник: составлено автором по данным [2]

Становится очевидным, что использование Гронингенского принципа ценообразования предполагало устойчивость поставок и частичную фиксацию цен на энергетические ресурсы. Фиксация цен на энергетические ресурсы формировало

исходную базу для формирования цены на конечные результаты деятельности хозяйственных систем Европейского экономического пространства. Отказ от Гронингенского принципа ценообразования на поставки энергетических ресурсов со

стороны Европейского экономического пространства, очевидно, привёл к нестабильности европейской валютной системы, что привело к нескольким отрицательным последствиям: произошла разбалансировка механизма ценообразования на конечную продукцию крупных промышленных центров Европы, что привело к неизбежному хеджированию валютных рисков производителями, как следствие цены на продукцию стали расти; произошло резкое снижение покупательной способности европейской валюты из-за значительного удорожания конечных продуктов потребления, что резко изменило паритет цен и стоимость потребления отдельными домохозяйствами; резко вырос фактор неопределённости в поставках и обеспечении энергетическими ресурсами производственных циклов, что в свою очередь привело к снижению обменного курса

европейской валюты, так как продукция становится неконкурентоспособной на мировых рынках из-за падения производственных мощностей и удорожания конечной продукции.

Закключение. Европейская валютная система формировалась в условиях долгосрочного обеспечения фиксированных поставок и фиксированных цен на энергетические ресурсы. Отказ от долгосрочного механизма ценообразования на энергетические ресурсы привёл к разбалансировке паритета цен европейской валюты относительно других валют, наиболее используемых в обращении. Стабилизация механизма ценообразования предполагает учёт хеджирования валютных рисков и устранение фактора неопределённости, что неизбежно приводит к снижению обменного курса европейской валюты [3; 4; 5].

Литература:

1. *Hierro L.Á.* 20 Years of European Monetary Policy. From Doctrinarism to Realpolitik / L.Á. Hierro, A.J. Garzón, H. Domínguez-Torres // *Scientific Annals of Economics and Business*. 2019. Vol. 66. P. 149–172.
2. Котировки онлайн. URL : <https://www.profinance.ru> (дата обращения 10.10.2022).
3. *Соловова Ю.В.* Трансформации мировой энергетической системы в контексте тенденции энергетического перехода / Ю.В. Соловова // *Дискуссия*. 2021. № 4(107). С. 49–58.
4. Smart cities in future energy system architecture / E.T. Mekhdiiev, V.V. Prokhorova, S.V. Makar [et al.] // *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2018. Vol. 8. № 5. P. 259–266.
5. *Чугунов Д.К.* Инициативы по снижению роли газа в энергетической политике ЕС / Д.К. Чугунов, А.В. Кузык, П.П. Танев // *Евразийский юридический журнал*. 2021. № 1(152). С. 56–58.

Literature:

1. *Hierro L.Á.* 20 Years of European Monetary Policy. From Doctrinarism to Realpolitik / L.Á. Hierro, A.J. Garzón, H. Domínguez-Torres // *Scientific Annals of Economics and Business*. 2019. Vol. 66. P. 149–172.
2. Quotes online. URL : <https://www.profinance.ru> (date of the application 10.10.2022).
3. *Solovova Yu.V.* Transformations of the world energy system in the context of the trend of energy transition / Yu.V. Solovova // *Discussion*. 2021. № 4 (107). P. 49–58.
4. Smart cities in future energy system architecture / E.T. Mekhdiiev, V.V. Prokhorova, S.V. Makar [et al.] // *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2018. Vol. 8. № 5. P. 259–266.
5. *Chugunov D.K.* Initiatives to reduce the role of gas in the EU energy policy / D.K. Chugunov, A.V. Kuzyk, P.P. Tanev // *Eurasian Legal Journal*. 2021. № 1(152). P. 56–58.

Ли Шаншан
магистрант,
экономический факультет,
Санкт-Петербургский
государственный университет
wangjuntao@ya.ru

АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ВАЛЮТНОЙ СИСТЕМЫ В ОБЛАСТИ ФИНАНСОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Национальные валютные системы представляют собой ключевые элементы международной финансовой системы, определяя макроэкономическую и социальную стабильность, как внутри страны, так и в целом в мире. Актуальным вопросом остаётся содержание политики в сфере международной валютной системы в области финансовой безопасности, так как в большей степени данная проблематика определяет экономической и социальное благополучие граждан. Цель исследования – раскрыть содержание политики в сфере международной валютной системы в области финансовой безопасности.

Ключевые слова: валюта, финансы, пруденциальная политика, долговые обязательства, экономический надзор, мониторинг, контроль.

Основная часть. Одним из основных центров, определяющих содержание мировой политики в сфере финансовой безопасности, выступает Международный Валютный Фонд (МВФ). МВФ в рамках проекта оценки финансового сектора (FASP) (см. Информационное сообщение Банка России от 24 февраля 2021 г. «Информация об участии Банка России в Программе оценки финансового сектора (FSAP) МВФ и Всемирного банка в 2021 году») осуществляет экономический надзор и мониторинг финансовой обстановки, фактически замыкая на своих функциях регулирование финансовой безопасности крупномасштабных финансовых систем. В 2022 году финансовая безопасность валютных систем обеспечивалась реализацией ФСАП. В реальном времени проводится комплексный анализ надзорной деятельности в рамках ФСАП МВФ и осуществляет постоянные мероприятия по улучшениям деятельности в рамках двустороннего надзора, включающий в себя: укрепление аналитики системных рисков; разработка элементов макропруденциальной политики; совершенствование основы прогнозов и диагностики валютной системы; продвижение деятельности по разработке стандартов и системы мониторинга данных. Основные элементы политики в сфере международной валютной системы в 2022 году следующие [1]:

Li Shang Shang
Master's Student,
Economics Faculty,
St. Petersburg State University
wangjuntao@ya.ru

ANALYSIS OF THE POLICY IN THE FIELD OF THE INTERNATIONAL MONETARY SYSTEM IN THE FIELD OF FINANCIAL SECURITY

Annotation. National monetary systems represent the key elements of the international financial system, determining macroeconomic and social stability, both within the country and in the world as a whole. The content of the policy in the sphere of the international monetary system in the field of financial security remains an urgent issue, since to a greater extent this problem determines the economic and social well-being of citizens. The purpose of the study is to reveal the content of the policy in the field of the international monetary system in the field of financial security.

Keywords: currency, finance, prudential policy, debt obligations, economic supervision, monitoring, control.

– Внедрение целостного подхода, как новая систематизированная основа аналитических процедур вариантов, проводимой финансовой политики и ответных действий на следствия кризисов с учётом особенностей конкретных стран, включая в себя: обновление институциональной позиции МВФ в части либерализации и регулирования потоков капитала, для создания возможности осуществления превентивных мер регулирования потока капитала; пруденциальное регулирование с целью снижения системных рисков и обеспечения финансовой стабильности;

– Также значительное обновление в политике МВФ представляет собой особый подход по отдельным элементам потока капитала: 1. пруденциальные мероприятия, которые вводятся согласно положениям Базельской системы; 2. противодействие уходу и уклонению от уплаты налогов; 3. мероприятия, которые осуществляются соответственно международным стандартам в части противодействия отмыванию денег и исключению источников финансирования терроризма.

Основной упор в политике в сфере международной валютной системы делается на противодействие роста долговых обязательств стран в постковидный период – рисунок 1. Последствия

пандемии COVID-19 выражаются в значительной финансовой нагрузке в виде долговых обязательств, которые достигли пика объёмов в 2022 году. Подобное масштабное увеличение долговых обязательств отражается на финансовой стабильности стран во всём мире, поэтому содержание политики в сфере международной валютной

системы определяется мероприятиями по противодействию финансовой дестабилизации и валютным шоком. Для этого в рамках обеспечения финансовой безопасности и устойчивости международной валютной системы выделены значительные суммы средств наиболее уязвимым странам – рисунок 2.



Рисунок 1 – Уровень долга в процентах от внутреннего валового продукта стран, в процентах.
Источник: составлено автором по базам данных МВФ [1]



Рисунок 2 – Объём финансовой помощи МВФ в рамках обеспечения финансовой безопасности стран, СДР.
Источник: составлено автором по базам данных МВФ [1]

Также существенной проблемой международной валютной системы остаётся расширение масштабов теневой экономики в сфере валютного обращения и легализации незаконных доходов: «...основным источником основных угроз расширения неформальной экономики выступают цифровые валюты (криптовалюты, электронные средства платежа), которые являются искусственно созданным основным средством платежа и обмена» [2, с. 62; 3]. Для это для обеспечения международной финансовой безопасности

разработаны процедуры на уровне регулирования национальных валютных систем, представляющий собой последовательность проведения пяти операций – рисунок 3.

Операции на уровне национальных правительств в сфере обеспечения финансовой безопасности, при активном участии Центральных банков включают в себя: активное включение механизма внешнего аудиторского контроля; разработку правовой структуры и соответствующей автономии;

разработку системы представлений финансовых отчётов; разработку механизмов внутренних аудиторских проверок; разработку системы внутренних контролирующих механизмов.

С начала 2000 года по середину 2022 в рамках реализации данной политики было осуществлено порядка 366, включая участие 104-х Центральными банками, при этом двадцать проверок были завершены в текущем финансовом году (2022 год).

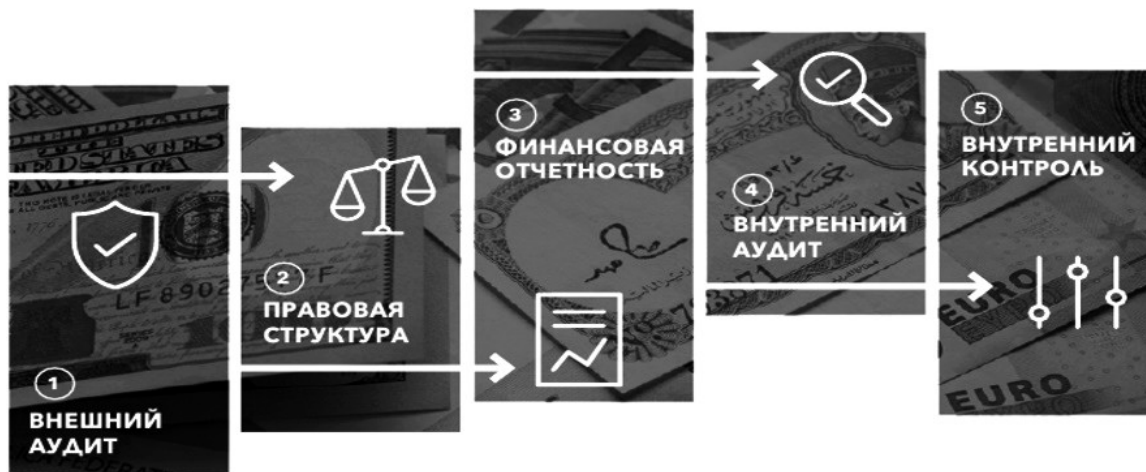


Рисунок 3 – Последовательность операций по созданию защитных механизмов на уровне национальных Центральными банками.

Источник: составлено автором по базам данных МВФ [1]

Заключение. Финансовая безопасность – неотъемлемый элемент национальной безопасности, определяющий финансовую стабильность, как по национальному признаку, так и во всём мире. В текущее время, характеризующееся беспрецедентным уровнем экономической и финансовой неопределенности, своевременная реализация

механизмов финансовой безопасности и адаптация к реальным условиям внешней среды играет крайне важную роль в части устойчивости валютной системы, международных финансов и является обязательным элементом устойчивого роста международных экономических систем.

Литература:

1. Международный валютный фонд // 2022 IMF Annual Report Russian 2022. URL : <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2022/downloads/imf-annual-report-2022-russian.pdf> (дата обращения 10.10.2022).
2. Полийчук А.С. Легализация доходов в части неформальной экономики России: критический анализ и меры противодействия / А.С. Полийчук // Дискуссия. 2022. № 2(111). С. 60–68.
3. Данилов Д.Д. Совершенствование механизма противодействия коррупции как условие обеспечения экономической безопасности государства / Д.Д. Данилов // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3(154). С. 433–435.

Literature:

1. International Monetary Fund // The IMF's Annual Report for 2022 on Russia for 2022. URL : <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2022/downloads/imf-annual-report-2022-russian.pdf> (date of the application 10.10.2022).
2. Paliychuk A.S. Legalization of income in the informal economy of Russia: critical analysis and counteraction measures / A.S. Paliychuk // Discussion. 2022. № 2(111). P. 60–68.
3. Danilov D.D. Improving the anti-corruption mechanism as a condition for ensuring the economic security of the state / D.D. Danilov // Eurasian Legal Journal. 2021. № 3(154). P. 433–435

Лю Хан
магистрант,
философский факультет,
Московский государственный
педагогический университет
569227303@qq.com

АНАЛИЗ ОТСТАВАНИЯ МЕЖДУ ФИНАНСОВЫМ КРИЗИСОМ И МЕЖДУНАРОДНОЙ ВАЛЮТНО-ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМОЙ

Аннотация. Разрыв во времени причинно-следственных связей экономических событий негативно сказывается на состоянии социально-экономических систем и систем диагностики и финансового мониторинга, что определяет актуальность исследования. Объектом исследования выступает финансовая система. Предметом исследования выступает валютно-денежная система, как элемент крупномасштабной финансовой системы. Цель исследования – теоретический анализ отставаний, составляющих лаги по времени показателей финансового кризиса и международной валютно-финансовой системы. Методологией исследования выступает эвристический подход к познавательной активности в области экономического знания. Результаты исследования: представлено графическое отображение лагов (отставания) по времени и по пространству; представлены расчетные формулы изменения отставания (дивергенции и конвергенции).

Ключевые слова: экономическая инерция, лаги, валютные котировки, волатильность, биржа, валютная пара, обязательства.

Для последующей детекции содержания цели исследования, необходимо представить определение того, что понимается под финансовым кризисом. Финансовый кризис – это множество возможных негативных исходов, при которых часть финансового капитала теряет свою стоимость, величина потерь при этом превышает номинальную стоимость капитализированных источников. В основном, выделяют четыре составных компонента финансовой системы [1]:

Финансовые рынки и биржи – пространство, на котором покупатель и продавец взаимодействуют друг с другом и, участвуя в операциях с облигациями, акциями и другими активами, называются финансовыми рынками.

Финансовые активы – активы, операции с которыми совершаются на финансовых рынках. На основании различных требований к операциям, покупатель и продавец кредитных обязательств, ценных бумаг отличаются друг от друга.

Liu Hang
Master's Student,
Faculty of Philosophy,
Moscow State
Pedagogical University
569227303@qq.com

ANALYSIS OF THE GAP BETWEEN THE FINANCIAL CRISIS AND THE INTERNATIONAL MONETARY AND FINANCIAL SYSTEM

Annotation. The gap in time of cause-and-effect relationships of economic events negatively affects the state of socio-economic systems and diagnostic and financial monitoring systems, which determines the relevance of the study. The object of the study is the financial system. The subject of the study is the monetary system as an element of a large-scale financial system. The purpose of the study is a theoretical analysis of the lags that make up the time lags of the indicators of the financial crisis and the international monetary and financial system. The methodology of the research is a heuristic approach to cognitive activity in the field of economic knowledge. The results of the study: a graphical representation of lags (lag) in time and space is presented; calculation formulas for changes in lag (divergence and convergence) are presented.

Keywords: economic inertia, lags, currency quotes, volatility, stock exchange, currency pair, liabilities.

Финансовые учреждения – финансовые учреждения выступают в качестве посредника между инвесторами и заемщиками. Они предоставляют финансовые услуги для своих членов и своих клиентов. Их также называют финансовыми посредниками, потому что они действуют как посредники между вкладчиками и заемщиками. Сбережения инвестора мобилизуются прямо или косвенно через финансовые рынки. Они предлагают услуги организациям, которые хотят привлечь средства с рынков и позаботиться о финансовых активах (депозиты, ценные бумаги, кредит и т.д.).

Финансовые услуги – услуги, предоставляемые компаниями по управлению активами и пассивами. Они помогают получить необходимые средства, а также следить за тем, чтобы они были эффективно инвестированы (например, банковские услуги, страховые услуги и инвестиционные услуги) [3].

В случае значительных потерь номинальной стоимости финансовых активов, государства не

могут удержать паритет цен и обменного курса, что приводит к девальвации национальных валют из-за накопления неприемлемого дефицита счета текущих операций, это провоцирует валютный кризис или кризисом платежного баланса. В случае, когда страна не может погасить свой суверенный долг, возникает суверенный дефолт. Девальвация и дефолт часто воспринимаются как произвольные результаты изменения настроений инвесторов, которое приводит к внезапному прекращению притока капитала или внезапному увеличению оттока капитала из финансовой системы, что неизбежно приводит к снижению финансово-экономических показателей системы.

Таким образом, международная валютно-финансовая система, являясь элементом крупномасштабной системы – финансовой системы, в динамике должна повторять движение характерных показателей сводных показателей финансовой системы, но на практике этого не происходит из-за лагов по времени, обусловленных инерционностью экономических и финансовых систем. Так,

отечественные исследователи предлагают следующее определение экономической инерции: «Экономическая инерция – такое свойство экономической системы, заключающееся в сохранении предыдущего состояния, определяемое, в том числе, противоречием социальных обязательств и экономического интереса, при этом экономический рост не является «естественным» состоянием экономической системы» [2, с. 100].

Инерционность составных элементов финансовой системы приводит к лагам по времени (отставанию) между негативной динамикой совокупной системы (финансовый кризис) и составных элементов, в частности валютных систем, как следствие можно наблюдать дивергенцию или конвергенцию между данными и показателями систем. На рисунке 1 отражена дивергенция (конвергенция) показателей финансовой системы и её составного элемента валютно-финансовой системы.

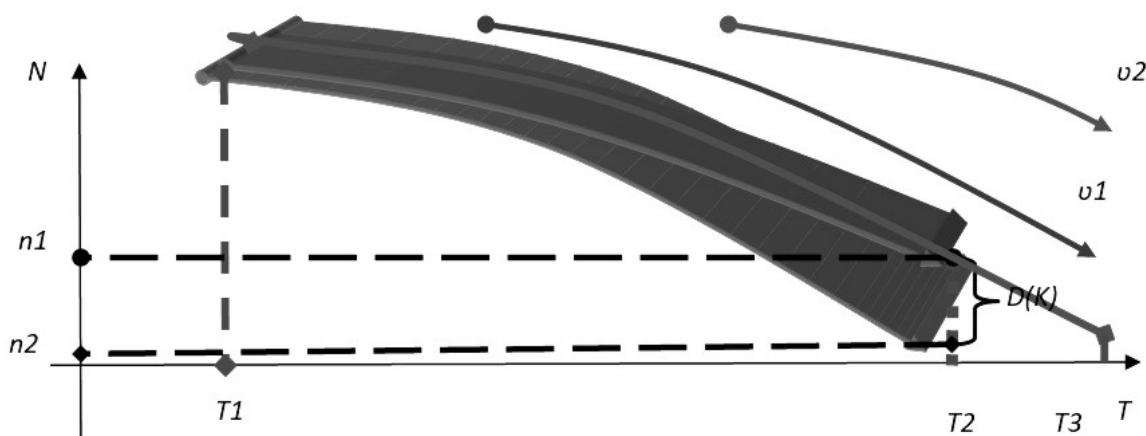


Рисунок 1 – Изменение показателей составных элементов (верхний график) и совокупной финансовой системы (нижний график).
Источник: составлено автором

На рисунке 1 графически отражается лаг по времени между совокупной величиной показателей общей системы (финансовой системы) и её составного элемента. Отставание может быть двух типов: лаг по времени и лаг по пространству.

Лаг по времени возникает из-за фактора инерционности составных элементов финансовой системы; так, на рисунке 1 условный уровень падения n_2 достигнут в точке, характеризующейся следующими координатами: $[T_2, n_2]$, в то время как из-за дивергенции показателей уровень n_2 будет достигнут в точке с координатами $[T_3, n_2]$, тогда лаг по времени будет иметь вид:

$$\Delta T = T_3 - T_2, \quad (1)$$

где T – время, год.

Лаг по пространству характеризует отставание в достижении уровней стоимостных показателей (n): по оси ординат – $[n_1, T_2]$ и $[n_2, T_2]$, тогда лаг по пространству будет иметь вид:

$$\Delta n = n_1 - n_2, \quad (2)$$

где n – уровни стоимостных показателей, ден. ед.

Таким образом, можно установить изменение параметров скорости изменения показателей [2] (дивергенция/конвергенция) по формулам 3, 4, 5:

$$V_- = \sum_{i=1}^n \left| \frac{\left(\frac{1}{D(K)_i} - \frac{1}{D(K)_{i-1}} \right)}{n} \right|, \quad (3)$$

$$V_+ = \sum_{i=1}^n \frac{\left(\frac{1}{D(K)_i} - \frac{1}{D(K)_{i-1}} \right)}{n}, \quad (4)$$

$$a = \frac{\Delta V}{\Delta t}, \quad (5)$$

где V_- – скорость падения по модулю, при условии, что:

$$\frac{1}{D(K)_i} < \frac{1}{D(K)_{i-1}},$$

V_+ – скорость роста при условии, что:

$$\frac{1}{D(K)_i} > \frac{1}{D(K)_{i-1}},$$

a – ускорение изменения показателей риска.

Таким образом, можно количественно измерить величину отставанию составных элементов

Литература:

1. *Melvin M.* The crisis in the foreign exchange market / M. Melvin, M.P. Taylor // *Journal of International Money and finance*. 2009. Vol. 28. №. 8. P. 1317–1330.
2. *Хайруллин В.А.* Инерция в социально-экономических системах: теоретико-эвристический анализ феномена / В.А. Хайруллин, С.В. Макара, Э.Н. Ямалова // *Дискуссия*. 2021. № 5(108). С. 88–104.
3. *Zhou J.* Risk identification and prevention of commercial banks participating in PPP projects / J. Zhou // *Евразийский юридический журнал*. 2021. № 1 (152). P. 461–463.

финансовой системы, как и между общей системой и составной частью.

В исследовании рассмотрены два вида лагов, лаги по времени и лаги по пространству. Лаги по времени характеризуют достижение уровней стоимостных показателей в различные временные промежутки, представлена формула расчёта 1. Лаги по пространству характеризуют различие в положении уровней стоимостных показателей в один момент времени, представлена формула расчёта 2. Представлены расчётные формулы для характеристики дивергенции/конвергенции, которые позволяют количественно измерить дивергенцию/конвергенцию показателей между составными элементами и финансовой системой.

Literature:

1. *Melvin M.* The crisis in the foreign exchange market / M. Melvin, M.P. Taylor // *Journal of International Money and finance*. 2009. Vol. 28. №. 8. P. 1317–1330.
2. *Khairullin V.A.* Inertia in socio-economic systems: theoretical and heuristic analysis of the phenomenon / V.A. Khairullin, S.V. Makar, E.N. Yamalova // *Discussion*. 2021. № 5(108). P. 88–104.
3. *Zhou J.* Risk identification and prevention of commercial banks participating in PPP projects / J. Zhou // *Евразийский юридический журнал*. 2021. № 1 (152). P. 461–463.

Лю Хан
магистрант,
философский факультет,
Московский государственный
педагогический университет
569227303@qq.com

АНАЛИЗ ОБМЕННОГО КУРСА ДОЛЛАРА США И ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

Аннотация. Американский доллар США является одной из ведущих резервных валют в мире, изменение курса которой, напрямую затрагивает цепочки экспорта и импорта, производственные и логистические цепочки, производственные и хозяйственные связи, что определяет актуальность и теоретическую значимость исследования. Объектом исследования выступает международная финансовая система. Предметом исследования выступает доллар США, как ведущая резервная валюта в мире. Цель исследования – представить содержательную оценку изменения курсовых разниц доллара США в условиях негативного изменения международной финансовой системы. Методология исследования экономические методы научного познания, обусловленные общепризнанными методами: анализ, синтез, обобщение. Результаты исследования – детекция изменения обменного курса доллара США в условиях глобального финансового кризиса.

Ключевые слова: волатильность, дефолт, паритет цен, курсовая разница, резервная валюта.

Финансовый кризис, вызванный пандемией COVID-19 в 2019–2020 годах, значительно снизил финансовую активность мировых рынков [3]. В 2022 году произошёл следующий цикл снижения стоимости финансовых активов, вызванный отсутствием энергетической безопасности и надежностью глобальной финансовой системы, отдельных финансовых учреждений, а также, снизить системный риск, в качестве реакции на глобальный финансовый кризис и европейский кризис суверенного долга роль изменения стоимости резервной валюты имеет ключевое значение для стабильности мировой экономики. На рисунке 1 представлен график изменения USD_INDEX с марта 2022 года.

Как видим из графика изменения USD_INDEX, с марта 2022 года наблюдается восходящее трендовое движение обменного курса доллара США к основным валютам, составляющим валютную корзину. Валютная корзина – это портфель выбранных валют с разным весом. Валютная

Liu Hang
Master's Student,
Faculty of Philosophy,
Moscow State
Pedagogical University
569227303@qq.com

ANALYSIS OF THE US DOLLAR EXCHANGE RATE AND THE GLOBAL FINANCIAL CRISIS

Annotation. The US dollar is one of the leading reserve currencies in the world, the change in the exchange rate of which directly affects the export and import chains, production and logistics chains, production and economic ties, which determines the relevance and theoretical significance of the study. The object of the study is the international financial system. The subject of the study is the US dollar, as the leading reserve currency in the world. The purpose of the study is to provide a meaningful assessment of changes in the exchange rate differences of the US dollar in the context of negative changes in the international financial system. Research methodology economic methods of scientific cognition, conditioned by generally recognized methods: analysis, synthesis, generalization. The results of the study are the detection of changes in the exchange rate of the US dollar in the context of the global financial crisis.

Keywords: volatility, default, price parity, exchange rate difference, reserve currency.

корзина обычно используется инвесторами для минимизации риска колебаний валютных курсов, а также правительствами при установлении рыночной стоимости валюты страны [1]. При этом наблюдается достаточно устойчивый восходящий ценовой коридор, при этом волатильность доллара США условно постоянна и находится на уровне 14 пунктов (рис. 1). В финансах волатильность (обычно обозначаемая σ) – это степень изменения ряда курсовых цен во времени, обычно измеряемая стандартным отклонением логарифмической доходности [2].

На недельном графике обменного курса доллара США к валютной корзине наблюдается боковое движение:

1) в 2019 году по март 2020 года, при этом волатильность находится на минимальном уровне в пределах [96; 100] пунктов. В марте 2020 года наблюдается резкий рост волатильности, вызванной последствиями мировой пандемии COVID-19, которая перешла в снижение курсовой разницы

доллара США. В 2021 году, восстановление мировых рынков снизило волатильность доллара США;

2) почти год волатильность находилась в пределах четырёх пунктов. Далее с началом и углублением финансового кризиса, вызванного нехваткой энергоносителей для обеспечения

деятельности национальных систем хозяйствования, наблюдается;

3) устойчивый рост курсовой разницы с отметки 100 пунктов до отметки 114 пунктов. Историческая волатильность измеряет временной диапазон прошлых курсовых разниц.



Рисунок 1 – Дневной график изменения курса доллара США к валютной корзине.
Источник: составлено автором



Рисунок 2 – Недельный график изменения курса доллара США к валютной корзине.
Источник: составлено автором

Для любого инвестиционного фонда, который развивается случайным образом со временем, волатильность определяется как стандартное отклонение последовательности случайных величин, каждая из которых представляет собой доход инвестиционного фонда за некоторую

соответствующую последовательность (одинакового размера) итераций.

Обобщенная волатильность σ_T для временного горизонта USD_INDEX T в годах выражается как:

$$\sigma_T = \sigma * \sqrt{T}. \quad (1).$$

Следовательно, если ежедневная логарифмическая доходность курсовой разницы имеет стандартное отклонение σ в день, а период доходности равен P в торговых днях, годовая волатильность равна:

$$\sigma_P = \sigma * \sqrt{P}.$$

Среднее количество дней активности финансовых площадок $P = 252$ торговых дня в в среднем по каждому году. Тогда, если σ в день = 0,01 пункта, годовая волатильность USD_INDEX равна:

$$\begin{aligned}\sigma_T &= \sigma * \sqrt{T} = 0,01 * \sqrt{1008} = \\ &= 0,01 * 31,75 = 0,32 \text{ пункта.}\end{aligned}$$

Формулы, представленные выше, для преобразования показателей доходности или волатильности USD_INDEX из одного периода времени в другой, предполагают конкретные значения курсовой разницы; таким образом формируется базовая модель. Данные формулы являются точными экстраполяциями случайного блуждания или винеровского процесса, шаги которого имеют конечную дисперсию [2]. Однако в более общем плане для естественных стохастических процессов точная взаимосвязь между показателями волатильности для разных периодов времени является более сложной.

Используя упрощенную приведенную выше формулу, можно оценить волатильность в годовом исчислении, основываясь исключительно на приблизительных наблюдениях. Рассматривая период, представленный на рисунке 2, курсовая разница USD_INDEX имеет текущее значение

Литература:

1. *Meier S.* The global financial crisis, the EMU sovereign debt crisis and international financial regulation: lessons from a systematic literature review / S. Meier, M.R. Gonzalez, F. Kunze // International Review of Law and Economics. 2021. Vol. 65. P. 105945.
2. *Gunawan D.* Variational Bayes approximation of factor stochastic volatility models / D. Gunawan, R. Kohn, D. Nott // International Journal of Forecasting. 2021. Vol. 37. № 4. С. 1355–1375.
3. *Давыдова Л.В.* Банковская система РФ в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 / Л.В. Давыдова, А.Д. Самохина, Н.С. Комиссарова // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1(152). С. 431–432.

около 113 пунктов, перемещается, в среднем, примерно на 0,3 пункта в день в течение рассматриваемого периода. Это, приблизительно, составляет величину менее одного процента ежедневного движения вверх или вниз. Среднюю величину наблюдений приняли простым приближением стандартного отклонения рыночного индекса USD_INDEX. Предполагая, что ежедневные изменения курсовой разницы USD_INDEX нормально распределены со средним значением, равным нулю, и стандартным отклонением σ , ожидаемое значение величины наблюдений составляет $\sqrt{(2/\pi)} \sigma = 0,798$. Содержание расчёта и его погрешность заключается в том, что этот достаточно приблизительный подход и занижает истинную волатильность USD_INDEX примерно на двадцать процентов (по индексу волатильности, но не курсовой разницы).

В данном исследовании рассмотрена курсовая разница USD_INDEX, определяющая обменный курс доллара США на период начала и развёртывания двух периодов глобального финансового кризиса. Первый период из-за общего снижения хозяйственной активности, вызванного последствиями мировой пандемии COVID-19 характеризуется снижением USD_INDEX, как и снижением волатильности. При восстановлении мировой экономики, наметился разворот значений курсовой разницы USD_INDEX и продолжающееся повышение значений курсовой разницы и условно постоянным значением волатильности. Значение курса USD_INDEX на октябрь 2022 года составляет приблизительно 112 пунктов, что на 22 пункта превышает расчётное значение USD_INDEX на момент начала второго периода глобального финансового кризиса.

Literature:

1. *Meier S.* The global financial crisis, the EMU sovereign debt crisis and international financial regulation: lessons from a systematic literature review / S. Meier, M.R. Gonzalez, F. Kunze // International Review of Law and Economics. 2021. Vol. 65. P. 105945.
2. *Gunawan D.* Variational Bayes approximation of factor stochastic volatility models / D. Gunawan, R. Kohn, D. Nott // International Journal of Forecasting. 2021. Vol. 37. № 4. С. 1355–1375.
3. *Davydova L.V.* The banking system of the Russian Federation in the conditions of the COVID-19 coronavirus infection pandemic / L.V. Davydova, A.D. Samokhina, N.S. Komissarova // Eurasian Law Journal. 2021. № 1(152). P. 431–432.

Михайлушкин Павел Викторович
доктор экономических наук,
профессор,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
snimschikovaiv@gmail.com

Попов Михаил Юрьевич
доктор социологических наук,
профессор
popov-52@mail.ru

И.В. СНИМЩИКОВА О ФЕНОМЕНЕ БЕДНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. Бедность, по своей сути, состояние, характерное для социума и индивида независимо от уровня его развития, которое И.В. Снимщиковой характеризуется как общеисторический феномен, системное, исторически обусловленное многофакторное экономическое и социокультурное явление. Актуальность проблематики данной монографии определена сложностью и значимостью вопросов преодоления бедности в современной России в условиях глобальной нестабильности, новых вызовов, обусловленных санкционным давлением на национальную экономику со стороны западных стран, продолжающейся внутренней институциональной трансформацией. Авторы данной публикации поставили перед собой задачу презентации научной обществу монографии, посвященной теме бедности в современной России как феномена, исходя из той точки зрения, что это явление как объект научного анализа относится не только к объектам исследования экономической науки, но и других областей гуманитарного знания.

Ключевые слова: бедность, российская экономика, механизмы распределения доходов, уровень и качество жизни, экономическая система в современной России.

Бедность – общеисторический феномен, существующий на различных этапах эволюции социума. Однако на каждом этапе она имеет свои специфические особенности формирования, свои факторы, воздействующие на ее масштабы и формы проявления [1, с. 3].

Мы не случайно начали анализ монографии И.В. Снимщиковой с этого тезиса, потому что он определил тему проведенного ею исследования, стратегия которого не ограничивается только экономической составляющей, но и социальными факторами, вследствие чего, ею во введении в качестве цели данной монографии определено выявление социально-экономической природы

Pavel V. Mikhailushkin
Doctor of Economic Sciences,
Professor,
Kuban State Agrarian University
named after I.T. Trubilin
snimschikovaiv@gmail.com

Mikhail Yu. Popov
Doctor of Sociological Sciences,
Professor
popov-52@mail.ru

I.V. SNIMSHCHIKOVA ABOUT THE PHENOMENON OF POVERTY IN MODERN RUSSIA

Annotation. Poverty, in its essence, is a condition characteristic of society and the individual, regardless of the level of its development, which I.V. Snyschikova is characterized as a general historical phenomenon, a systemic, historically conditioned multifactorial economic and socio-cultural phenomenon. The relevance of the problems of this monograph is determined by the complexity and significance of the issues of overcoming poverty in modern Russia in the context of global instability, new challenges caused by sanctions pressure on the national economy from Western countries, and the ongoing internal institutional transformation. The authors of this publication set themselves the task of presenting to the scientific community a monograph on the topic of poverty in modern Russia as a phenomenon, based on the point of view that this phenomenon as an object of scientific analysis refers not only to the objects of study of economic science, but also to other areas of humanitarian knowledge.

Keywords: poverty, Russian economy, mechanisms of income distribution, level and quality of life, economic system in modern Russia.

бедности, особенностей формирования данного феномена в России, факторов на нее воздействующих, взаимосвязи проблемы бедности и устойчивости развития российской экономической системы [1, с. 6].

Приступая непосредственно к обзору самой монографии, мы хотим отметить, что она, помимо введения, содержит четыре главы, девяти параграфов, заключения и списка использованной литературы. В частности, во введении автор, отмечая многообразие подходов к раскрытию различных аспектов разрабатываемой тематики, констатирует практическое отсутствие экономических исследований феномена бедности на

мезоуровне, недостаточную проработанность общетеоретических и методических вопросов бедности, в частности, проблемы социально-экономического содержания бедности и ее факторов, восстановления уровня заработной платы, адекватной ее стоимостному содержанию, оценки роли бедности в обеспечении экономической безопасности и устойчивости развития.

Эти выводы позволили автору определить целью данной монографии выявление социально-экономической природы бедности; особенностей формирования данного феномена в России, факторов, на нее воздействующих; взаимосвязи проблемы бедности с экономическим ростом; решение вопросов обеспечения безопасности и устойчивости развития российской экономической системы.

Первая глава – «Теоретико-методологические подходы к проблеме бедности в экономической науке» состоит из четырех параграфов, посвященных исследованию классической и марксистской концепций бедности, маргиналистской и неоклассической трактовкам бедности, а также, кейнсианским, монетаристским и институциональным подходам к проблеме бедности.

Завершая главу, И.В. Снимщикова приходит к выводу о том, что, несмотря на не снижающийся интерес экономической науки к вопросам оптимизации механизма распределения доходов населения, и формирования на этой основе устойчивой рыночной системы, а также, в результате анализа научной литературы, до сих пор слабо разработаны механизмы:

- решения проблемы социально-экономического содержания бедности и ее факторов;
- восстановления уровня заработной платы, адекватной ее стоимостному содержанию;
- оценки роли бедности в обеспечении экономической безопасности и устойчивости развития.

В этой связи, разработка теоретической концепции социально-экономического феномена бедности в России, оптимизации механизма распределения доходов выступает насущной потребностью современной хозяйственной практики.

Во второй главе – «Бедность – как социально-экономический феномен трансформирующейся экономики России», автор проводит комплексный анализ бедности, ее стратификации и институционализации, факторов обеднения населения России в условиях рыночной трансформации, преобразования распределительных отношений как главной причины бедности, реформирования системы социальной защиты как условия обеднения населения в первом десятилетии перехода к рынку.

В ее завершении автор приходит к следующим выводам.

1. Российская бедность в настоящий период как объективное явление – это реальность, признанная на уровне государства, институционально закреплена посредством функционирующих служб

занятости, комитетов социальной защиты, обосновываемая данными институтами как общепринятый факт, имеющий место в странах с рыночной экономикой.

2. Генерации института бедности в нашей стране способствовала практика перманентного игнорирования общепринятых показателей уровня и качества жизни населения, характерных для государств с развитой рыночной экономикой – продолжительность жизни, качество здравоохранения и образования, уровень располагаемых доходов домохозяйств и размер реальной заработной платы, объем и динамика потребительского спроса, преодоления неравенства и поляризации доходов.

3. Институционально бедность воспроизводилась под влиянием ее реального роста, как по удельному весу, так и по категориям граждан, при этом доля среднего класса остается весьма незначительной, составляя по некоторым экспертным оценкам примерно 15–18 %. Поэтому преодоление бедности, эффективная помощь, поддержка малообеспеченных и экономически слабых слоев населения является объективно необходимым условием стабильности в российском обществе.

4. Возможности страны в современных условиях определяются не столько факторами экономической состоятельности общества, сколько человеческим потенциалом, уровнем воспроизводства рабочей силы с учетом удовлетворения количественно, качественно и структурно различных потребностей людей на территории проживания, соответствующего достигнутому этапу развития производства. Поэтому для реализации стратегической цели – преодоления бедности, повышения реального уровня доходов и качества жизни населения, необходимо не на словах, а на деле обеспечивать приоритетное развитие России с точки зрения ее национальных интересов и выбранной модели социально ориентированной рыночной экономики.

5. Борьба с бедностью стала в настоящее время одной из важнейших стратегических задач демократического развития российского общества. Институционализация бедности, посредством установления официального статуса бедной семьи необходима, чтобы многие виды социальных пособий, в первую очередь, пособия на детей, дотации на жилищно-коммунальные услуги, – стали исключительно адресными. Программы борьбы с бедностью должны осуществляться в комплексе с программами долговременного экономического роста и инвестиций, стабилизации кредитно-денежной системы, занятости и создания рабочих мест.

6. Процесс обеднения российского населения находится под влиянием динамики реальных доходов. Противоречия рыночной трансформации, отсутствие стержневой стратегии реформ, углубление финансового кризиса и потеря управляемости экономикой негативно сказались на развитии социальной сферы. Поэтому усиление взаимосвязи структурной политики доходов с

экономикой – настоятельное требование к управлению социально-экономическими процессами, поскольку поляризация и дифференциация обрела значительные масштабы. Только разумная социальная, антиинфляционная и антимонопольная политики, четкая фиксация гарантий, продуманная налоговая и политика доходов позволят преодолеть негативные последствия экономического спада в стране и дальнейшее понижение жизненного уровня основной массы граждан.

В третьей главе монографии – «Уровень потребления – фактор бедности населения в современной России и ее пространственная дифференциация», автором проведен анализ структуры потребления как показателя бедности, пространственной дифференциации бедности в России, в результате которого, она пришла к следующим выводам.

1. По сравнению с развитыми зарубежными странами (США, Германия, Франция, Великобритания) и рациональными нормами питания, у нас наблюдается дефицит потребления мясных и молочных продуктов, фруктов и ягод, но явно в избытке потребление углеводосодержащих продуктов (картофеля, хлебных продуктов). Так, неполноценно питаются только бедные.

2. Разница между городским и сельским семьями по сводкам данных Госкомстата, и Российского лонгитюдного мониторингового исследования (RLMS) очень большая: по данным Госкомстата 26,4 % городских семей и 59,2 % сельских упали за черту бедности в среднем только в течение 2004 года, а 14 % и 39 % семей, соответственно, оказались среди семей с доходом ниже минимального. Но даже при таких низких показателях, в стране сформировалась и существует значительная доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, что свидетельствует об устойчивом характере бедности в России, поскольку почти 18 % населения находятся на грани физиологического выживания. Следствием этого является низкий покупательный спрос значительной доли населения, падение экономического роста, углубление демографической проблемы и в целом ухудшение социально-экономической безопасности страны.

3. Все меры по перестройке хозяйственного механизма должны быть оценены с точки зрения интересов человека, в первую очередь, по группам населения с различным уровнем материальной обеспеченности в аспектах формирования доходов (производство) и их размеров, состава (распределение) и направлений использования (обмен, потребление). Такой подход изменит многие представления и, следовательно, повлияет на выбор вариантов предпринимаемых действий, ибо меры, ориентированные на бедных, не совпадают с интересами богатых: разные потребности и возможности – разные понятия и установки.

4. Сегодня наивно выглядит идея реформаторов о том, что бедность может быть уничтожена стимулированием индивидуумов к участию в своей собственной судьбе: через улучшение образования, получение профессиональной подготовки,

проявление большей инициативы в поисках лучшей работы, контролирование рождаемости и своего здоровья.

Таким образом, поскольку уровень жизни населения в России становится всё более критическими, необходимо провозгласить борьбу с бедностью как национальную цель, при достижении которой мы сможем выйти из системного социально-экономического кризиса.

В результате работы над четвертой главой – «Институциональные преобразования и пути преодоления бедности и безопасного развития российской экономики», автор выделяет следующий круг проблем:

1. В нашей стране в результате экономических преобразований произошло разрушение системы социального страхования, которая в развитых странах (Швеции, Франции, Германии и т.п.) играет важнейшую роль в борьбе с бедностью. В результате, страдает именно адресная социальная защита работника и его семьи при утрате заработка: копят страховые средства все, а получают их те, кто попал в кризисную зону: болезнь, травма, безработица. Передача этих денег в бюджет означает, что социально слабые категории теперь утрачивают право на целевые средства, встают в одну очередь с другими субъектами государственных нужд.

2. Программа реформы социальных льгот как основа социально-экономической политики правительства также представляется неудачной с позиции борьбы с бедностью, поскольку она провозглашает исключительный приоритет помощи бедным и максимальное сосредоточение в этих целях всех соответствующих средств бюджета. В них учтено и то, что до сих пор они расходуются по категориальному принципу, не исключая, по мнению чиновников, включение в нее среднеобеспеченных и даже состоятельных семей. Сюда же предполагается направить поступления населению в виде дотаций производителям хлеба, молока, транспортных, коммунальных и других социально значимых товаров и услуг. Подобная перестройка слишком серьезна и, безусловно, требует глубоких проработок с учетом последствий. Предполагается отменить все другие формы помощи, предусмотренные Федеральным законом «Об основах социального обслуживания населения в РФ», и осуществить переход на единое пособие по бедности, возможно, включающее в себя жилищную дотацию и пособие на детей для малообеспеченных семей.

3. Мощным фактором обеднения является жилищная реформа, в один миг превратившая малообеспеченных в пограничную по уровню доходов категорию граждан. Аргумент в пользу бедных здесь несостоятелен – большая часть населения трудится, получая заработную плату, не включающую расходы на коммерческое жилье. Видимо, надо бы утвердить принцип квартирной платы и коммунальных тарифов по мере роста доходов без учета состоятельных слоев, чтобы не допускать роста нуждаемости в социальном пособии.

4. Переход на платное образование и здравоохранение, хотя в этих сферах введены некоторые амортизаторы налоговых льгот, также не способствует преодолению бедности. Проблемой являются не столько получение скидки, сколько величина общей суммы, необходимой для учебы, и допустимые здесь затраты, которые пока даже не пытаются регулировать.

5. Действующая система социальных компенсаций низкого уровня нуждается в упорядочении. Но рассматривать социальное пособие, введенное Федеральным законом «О государственной социальной помощи», как некую панацею, неразумно. Справедливо было бы просто говорить о бюджетной экономии на социальные цели как способе экономического облачения государственной финансовой нагрузки. Эта позиция в данной программе явно просматривается в тезисе от социального к субсидируемому государству, помогающему исключительно тем, кто не получает минимума жизненных средств собственными силами.

6. Переход к приоритету адресного пособия по нуждаемости в общей системе социальной защиты, в свою очередь, означает радикальную реформу национального института самой социальной помощи, который, на практике, уже действует на местах. Получателями государственной социальной помощи могут быть малоимущие одиноко проживающие граждане, которые, по независящим от них причинам, имеют среднедушевой доход ниже прожиточного минимума, установленного в соответствующем субъекте Российской Федерации.

Таким образом, в рамках борьбы с бедностью требуются изменения экономического содержания доходов, традиционных форм их распределения, корректировки системы социальной защиты.

В заключении, сделанном автором в завершении работы над монографией, особого, по нашему мнению, внимания заслуживают следующие выводы.

1. Бедность из явления статистического превратилась в осознаваемую проблему экономического и социального неравенства, институционализировалась. Выделение в социальном пространстве группы бедных происходит двумя путями: «сверху» – через закрепление правового статуса экономически зависимых людей, достойных помощи (дистанцирование); «снизу» – через формирование особого стиля жизни внутри данной группы (самоизоляция). Таким образом, формируется статусная группа, в которой есть работающие и неработающие, которые в классовой структуре занимают различные позиции.

2. В условиях бедности, включая состояние нищеты, сегодня в России живет почти каждый пятый. При этом сопоставление российских и общеевропейских данных показывает, при всех объективных различиях между численностью бедных и принципиально разным восприятии бедности, в Европе быть бедным или возвращаться в их среде стыдно, а в России бедность, скорее,

воспринимается как несчастье, которое должно вызвать у окружающих сочувствие и жалость. Однако и в современной России постепенно становится стыдно публично быть (или казаться) бедным.

3. В реальной действительности, разделение на богатых и бедных связано с потребительскими аспектами. По экономическим и социологическим меркам разрыв в душевых доходах между представителями богатых и обездоленных достигает 20 и более раз.

4. Весьма распространенное суждение о том, что бедные – это, главным образом, пострадавшие от реформы пенсионеры, не отражает реального положения дел. К ним сегодня относятся представители «новых бедных» – люди, занятые в системе образования, здравоохранения, искусства, культуры, социальной сфере, дети, инвалиды и пр. Хроническая нехватка денег, отсутствие сбережений, значимого имущества, социальных связей, которые можно использовать в процессе выживания, препятствуют выстраиванию бедными каких – либо самостоятельных долгосрочных стратегий преодоления трудной материальной ситуации, выхода из «порочного круга бедности».

5. Если скудные ресурсы бедных неспособны обеспечить им самостоятельную адаптацию и преодоление трудной материальной ситуации, то они и дальше будут истощаться, углубляя социальную деградацию и маргинализацию, способствуя росту угрозы кризисов и социальных конфликтов в российском обществе. Поэтому расширение доступа к эффективной занятости, наращивание материальных и социальных ресурсов, выравнивание крайне дифференцированного положения различных групп населения – центральные задачи в рамках борьбы с бедностью.

6. В оценке ситуации есть все основания констатировать, что россиян, в большей степени, беспокоит не размер кошелька или банковского счета «соседа», а именно, то обстоятельство, что нынешнее расслоение на богатых и бедных несоответственно, неограниченно и проистекает из таких источников, которые «разрывают» общество, задают антисоциальные ориентиры.

7. Ключевым вопросом в аспекте проблемы «Богатые и бедные», является обеспечение социальной безопасности в России. В этой связи, можно резюмировать: с одной стороны, сформировалось поколение людей, которое уже ничего не ждет от государства и властей, готово действовать на свой страх и риск, а, с другой, произошла такая индивидуализация массовых установок среди обедневшей части населения, при которой говорить об осознании общности групповых интересов, о каких бы то ни было солидарных действиях не приходится.

Таким образом, завершая экспертизу монографии И.В. Снимщиковой «Феномен бедности в современной России», мы пришли к заключению о том, что данное исследование подготовлено на актуальную тему, а, благодаря высокому

профессионализму и научной компетентности автора, оно носит комплексный характер, потому что круг проблем, обозначенных в нем, позволяет осознать, что уровень бедности в нашей стране высок и служит источником многочисленных угроз, выходящих далеко за пределы экономического сектора, потому что люди, долгое время находящиеся в состоянии бедности и не видящие реальных способов выхода из него, несут в своем мировосприятии и поведении не только высокий потенциал девиантности, делинквентности, но и являются объектами пристального внимания представителей организованной преступности, идеологов политического, религиозного и националистического экстремизма, а, следовательно,

Литература:

1. *Снимщикова И.В.* Феномен бедности в современной России : монография / И.В. Снимщикова. Краснодар : КубГАУ, 2022. 145 с.

содержат высокий потенциал угроз различным секторам национальной безопасности Российской Федерации.

Исходя из выше изложенного, мы полагаем, что данное исследование является актуальным не только для представителей экономических наук, но и для социологов, социальных философов, криминологов, социальных психологов. Автору же данного исследования мы желаем новых творческих успехов в исследовании феномена бедности в нашей стране и в поиске реальных путей в экономическом развитии нашей страны, направленном на повышении благосостояния российских граждан.

Literature:

1. *Snimshchikova I.V.* The phenomenon of poverty in modern Russia : monograph / I.V. Snimshchikova. Krasnodar : KubGAU, 2022. 145 p.

Мэн Гаочжэн
магистрант,
Юридический институт,
Российский университет дружбы народов
gaozheng.meng@outlook.com

РЕФОРМА ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА РОССИИ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Аннотация. Реформа Центрального банка России, вызвана необходимостью экономического регулирования, как ответ на санкционную политику западных стран в отношении экономических субъектов и денежно-кредитной и банковской системы России. Объект исследования - денежно-кредитная и банковская система. Предмет исследования – экономическое регулирование, как ответные инструментальные методы реагирования на санкционное давление и изменение макро и микро экономического положения в национальной системе хозяйствования. Цель исследования – представить основные положения реформы Центрального банка России. Методология исследования – теоретические методы анализа официальных источников информации, обусловленные экономическим и общепризнанным научным характером познания. Результаты исследования – перечислены основные положения, состоящие из ряда мероприятий монетарной и фискальной политики, реализованные Центральным банком России и призванные не допустить необратимые деструктивные изменения финансовой системы государства.

Ключевые слова: банки, коммерческие организации, обменный курс, субординированный инструмент, пруденциальные меры, норматив, риск.

Экономическое регулирование включает в себя помимо экономических мер стимулирования и стабилизации сферы банковского хозяйствования, включает в том числе «банковский надзор» и «банковский контроль» [2, с. 215].

Регулирование в общем виде включает в себя несколько элементов:

- Публичные законы, стандарты или заявления Центрального банка России.
- Процесс регистрации или лицензирования для утверждения и разрешения работы финансовых служб.
- Процесс проверки или другая форма обеспечения соблюдения нормативов, включая финансовой отчетности и управления за несоблюдением нормативов.

Meng Gaozheng
Master's Student,
Law Institute,
Peoples' Friendship University of Russia
gaozheng.meng@outlook.com

REFORM OF THE CENTRAL BANK OF RUSSIA AND ECONOMIC REGULATION

Annotation. The reform of the Central Bank of Russia is caused by the need for economic regulation as a response to the sanctions policy of Western countries against economic entities and the monetary and banking system of Russia. The object of the study is the monetary and banking system. The subject of the study is economic regulation as a response instrumental methods of responding to sanctions pressure and changes in the macro and micro economic situation in the national economic system. The purpose of the study is to present the main provisions of the reform of the Central Bank of Russia. Research methodology – theoretical methods of analyzing official sources of information due to the economic and generally recognized scientific nature of cognition. The results of the study – the main provisions consisting of a number of monetary and fiscal policy measures implemented by the Central Bank of Russia and designed to prevent irreversible destructive changes in the financial system of the state are listed.

Keywords: banks, commercial organizations, exchange rate, subordinated instrument, prudential measures, standard, risk.

– Установление контроля над резервами и капиталом в форме регулирования максимальной величины или нормативов, особенно, для системообразующих кредитных организаций.

Санкционная политика западных стран напрямую затрагивает банковскую сферу России и направлена на снижение эффективности взаимодействия финансовых секторов экономики и производственных комплексов страны. Необходимость реформирования текущей деятельности Центрального банка России вызвана объективными причинами сложившейся современной экономической реальности, рассмотрим основные положения реформы в части экономического регулирования финансовой и денежной кредитной сфер России.

Реформа Центрального банка (ЦБ) России заключается в нескольких основных положениях [4]:

1. Разработка мероприятий по снижению рыночной волатильности.

2. Создание условий, при которых будет соблюдена устойчивость финансовый, денежно – кредитных институтов.

3. Разработка программ по дополнительному кредитованию секторов экономики и хозяйствующих субъектов.

4. Пересмотр показателей расчёта (методика расчёта системы пруденциальных показателей) и условий соблюдения банковских нормативов, особенно в части достаточности капитала и управления рисками.

Содержание основных положений реформы ЦБ России.

1. Фиксация обменных курсов иностранных валют (шесть иностранных валют) – относительно рубля начиная от 18 февраля 2022 года [1].

2. Указано и регламентировано установление предельного значения процентной ставки, включаемой в капитал субординированных инструментов, номинирование которых осуществляется в рублях. Величина размера установлена исходя из двух максимальных значений величин: пятьдесят процентов, либо увеличение на пять п.п. величины значения ставки рефинансирования Банка России – установлен временной промежуток действия положения до 31 декабря 2022 года включительно (Решение принято Советом директоров Банка России 29.04.2022.).

3. Процедура выкупа собственных еврооблигаций изменена для кредитных организаций в части исключения из расчётов пруденциального капитала – переоценки, осуществляемой исходя из величин справедливой стоимости из значения величины обязательства по еврооблигациям (Решение принято Советом директоров Банка России 22.07.2022.).

4. Снижены на пятьдесят процентов значения коэффициентов рисков при расчёте величины нормативов: Н6, Н7, Н21, Н25, касательно требований к нефинансовым субъектам хозяйствования при увеличении уставного капитала более чем на десять млрд. рублей на период до 31 декабря 2022 года, при этом период действия льготного снижения распространяется до 31 июня 2025 года (Решение принято Советом директоров Банка России 24.06.2022).

5. Для системообразующих предприятий принято снижение весовых коэффициентов при расчёте показателей риска для целей пополнения величины оборотного капитала за счёт субсидированных кредитов Правительства РФ (Решение принято Советом директоров Банка России 29.04.2022.):

– 85 процентов при отсутствии обеспечения гарантиями ВЭБ РФ, в случае, если заёмщики не относятся к инвестиционным классам;

– 65 процентов при отсутствии обеспечения гарантиями ВЭБ РФ, в случае, если заёмщики относятся к инвестиционным классам.

6. Увеличения значений величины ссудного капитала субъектам малого и среднего предпринимательства до пятидесяти миллионов рублей, при соблюдении следующих условий (Решение принято Советом директоров Банка России 24.06.2022.):

– Статус финансового положения субъекта малого и среднего предпринимательства не ниже среднего.

– Кредитные риски оцениваются внутренней оценкой банковских организаций, без требований рассмотрения финансовой отчётности и оценке финансового положения субъектов малого и среднего предпринимательства.

7. При выкупе активов у нерезидентов (исключая страховые и кредитные субъекты хозяйствования) не применяются обязательные нормативы повышенных коэффициентов рисков и резервов до 01 января 2023 года.

8. На протяжении 2022 года кредитным организациям позволяется не снижать оценки ссудного капитала заемщиков, которые пострадали в результате санкционной политики западных стран или в случае ухудшения хозяйственной деятельности экономических субъектов из-за последствий применения санкций.

9. С целью обеспечительных мер по нейтрализации возможности наложения вторичных санкций для кредитных организаций вводится запрет (в части раскрытия информации по результатам деятельности и финансовой отчётности) на осуществление публичных публикаций и публичного раскрытия информации (Решения приняты Советом директоров Банка России 14.04.2022.).

10. Для банков реализована возможность формирования резервов и порядка расчета значений нормативов в части заблокированных активов кредитных организаций и также может не учитываться сам факт их блокировки. Также, до 31 декабря 2022 года может не учитываться факт остановки иностранными депозитариями проведения операций с финансовыми активами из-за наложенных санкций.

Также, Банк России откладывает осуществление части регуляторных новаций, по следующим направлениям:

- введение в 2023 году нормативов концентрации крупных кредитных рисков (Н30);

- обязательность перехода банков с универсальных лицензий на финализированный подход;

- реализация концепций управления иммобилизованных активов, включая риск – чувствительный лимит;

- установка дифференцированной надбавки к нормативу достаточности капитала для системно значимых кредитных организаций.

В исследовании раскрыты основные положения реформы ЦБ России в части экономического регулирования денежной кредитной и банковской сферы. Меры экономического регулирования

Литература:

1. Информационное письмо Банка России от 28.02.2022 № ИН-01 – 23/17.
2. Слепак Э.В. К вопросу о соотношении категорий «банковский контроль» и «банковский надзор» / Э.В. Слепак // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3(166). С. 215–217.
3. Тац Д.М. Практика внедрения инновационных технологий и новых продуктов в банковскую деятельность / Д.М. Тац // Евразийский юридический журнал. 2021. № 6(157). С. 157–158.
4. Центральный банк Российской Федерации // Банковское регулирование Информационный бюллетень январь-июль 2022. URL : https://cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket (дата обращения 01.09.2022).

носят системный характер и рассчитаны на оперативное и тактическое противодействие санкционной политики западных стран.

Literature:

1. Information letter of the Bank of Russia dated February 28, 2022 № IN-01 – 23/17.
2. *Slepak E.V.* On the question of the correlation of the categories «banking control» and «banking supervision» / E.V. Sulpak // Eurasian Legal Journal. 2022. № 3(166). P. 215–217.
3. *Tats D.M.* The practice of introducing innovative technologies and new products into banking / D.M. Tts // Eurasian Legal Journal. 2021. № 6(157). P. 157–158.
4. The Central Bank of the Russian Federation // Banking regulation Newsletter January-July 2022. URL : https://cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket (date of the application 01.09.2022).

Петров Сергей Валерьевич
кандидат экономических наук,
доцент,
доцент кафедры управления
и информационных технологий
факультета права и управления,
Владимирский юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний России
psv01@yandex.ru

УГРОЗЫ И УПРАВЛЕНИЕ РИСКАМИ В СФЕРЕ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Содержание настоящей статьи затрагивает один из значимых секторов внешнеэкономической деятельности, внешнеторговой деятельности государств. Раскрыта сущность внешней торговли, её структура, а также сформулированы, исходя из сложившейся торговой практики на международном уровне, угрозы её экономической безопасности. В отношении Российской Федерации приведён комплекс основных мероприятий по предотвращению наступления негативных последствий рассмотренных угроз. В ключе прогнозирования последствий наступления угроз, вероятности их наступления рассмотрена категория «риски». На уровне таможенного контроля, непосредственно относящегося к внешнеторговой деятельности, рассмотрена существующая система управления рисками.

Ключевые слова: экономическая безопасность, национальная безопасность, внешнеторговая деятельность, угрозы, риски, управление рисками, система управления рисками.

Экономическая безопасность является важной частью национальной безопасности каждой страны.

На примере развивающихся и развитых стран, имеющих историю быстротекущих политических изменений, можно проследить, что подобные непредвиденные сдвиги в политике влекут серьёзные последствия для производственной и торговой деятельности.

Более крайняя форма политической нестабильности образуется под воздействием гражданских войн и переворотов, многие из которых вызваны ростом национализма и сопровождающей его этнической ненависти.

Колебания валютных курсов на международных финансовых рынках также служат угрожающим фактором ослабления внешней торговли, поскольку создают экономическую неопределён-

Sergey V. Petrov
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Management
and Information Technologies
of the Faculty of Law and Management,
Vladimir Law Institute
Federal Settlements in Russia
psv01@yandex.ru

THREATS AND RISK MANAGEMENT IN THE FIELD OF FOREIGN TRADE

Annotation. The content of this article affects one of the significant sectors of foreign economic activity, foreign trade activity of states. The essence of foreign trade, its structure is revealed, and threats to its economic security are formulated based on prevailing trade practices at the international level. In relation to the Russian Federation, a set of basic measures is given to prevent the onset of the negative consequences of the considered threats. In the context of forecasting the consequences of the onset of threats, the likelihood of their occurrence, the category of «risks» is considered. At the level of customs control directly related to foreign trade, the existing risk management system has been considered.

Keywords: economic security, national security, foreign trade, threats, risks, risk management, risk management system.

ность, нестабильность, оказывают непосредственное влияние на финансово-кредитную политику страны.

К примеру, цены на газ и нефть особенно зависимы от валютных колебаний. Учитывая, что цены на нефть влияют на стоимость сырьевых товаров во всем мире, потребители могут непосредственно ощущать воздействие этих взаимосвязанных колебаний.

Недостаточная эффективность государственного управления в области таможенного регулирования.

Данный пункт подразумевает необходимость проводимой на регулярной основе оптимизации таможенных процедур с целью их упрощения для таможенных органов и участников ВЭД, минимизации фактов физического контактирования, появления большей степени «прозрачности».

Преобладание доли теневой экономики в сфере внешней торговли, недекларируемой деятельности представляет значимую угрозу экономической безопасности ВТД.

На государственном уровне требуется разработка комплекса мер по выявлению и ликвидации «теневых» проявлений, оказывающих негативное воздействие на развитие экономики в целом.

Факторы эпидемиологического, биологического, природного характера.

Таким образом, на основе представленной, по мнению автора, классификации угроз экономической безопасности ВТД, можно выделить существование как внутренних, исходящих от конкретного государства, так и внешних угроз.

Внутренние угрозы нарастают, как правило, при появлении признаков экономического кризиса в стране, нестабильности экономики. В такой ситуации возрастает роль государства, так как сектор бизнеса начинает утрачивать долгосрочные ориентиры. Внешние угрозы для конкретного государства поступают от иных государств, участников ВТД.

По масштабу распространения угрозы представляется возможным распределить на крупные, средние и малые. Аналогично другим сферам деятельности, одни угрозы экономической безопасности внешней торговли поддаются прогнозированию, другие возникают спонтанно, могут быть потенциальными и реально существующими.

Основным отличием является то, что в сфере ВТД угрозы возникают в области импортирования, экспортирования и реэкспорта товаров (услуг).

Обеспечение экономической безопасности внешней торговли является одной из приоритетных целей любого государства. Её достижение осуществляется при активном решении руководством стран таких задач, как обеспечение и укрепление экономической стабильности, суверенитета, повышение степени устойчивости государственной экономики к воздействию внешних и внутренних угроз.

Достижению указанной цели, в частности, в Российской Федерации, будет способствовать реализация комплекса задач:

- принятие мер к максимально возможному обеспечению защиты национальной финансовой системы во избежание экономических сбоев;
- проведение на постоянной основе мониторинга состояния законодательства, регламентирующего внешнеторговые отношения, выстраивание национальной системы регулирования внешней торговли, одновременно отвечающей международным требованиям в данной области ВЭД;
- формирование и укрепление системы импортозамещения посредством укрепления собственных производств, поиска современных, в

том числе инновационных технологий и их внедрение в сферу производства товаров и услуг, направление дополнительных ресурсов на экспортное [6, с. 48];

- противодействие «теневому» сектору экономики страны методами обявлявания легализации трудовых отношений, снижения административных барьеров;
- осуществление государственного контроля реализации таможенного законодательства, таможенных процедур;
- обеспечение актуальной работоспособности системы выявления, профилактики и пресечения преступлений, связанных с трансграничным перемещением товаров.

Применительно к таможенной сфере наибольшая угроза внешней торговле исходит, в первую очередь, от её субъектов и проявляется в недобросовестности осуществления ими действий, связанных с перемещением товаров через таможенные границы.

В этой связи, проводятся мероприятия по профилактике и пресечению преступлений, включающих действия по посягательству на экономическую безопасность ВТД и экономики страны, в целом.

Базу приоритетных задач в области регулирования экономической безопасности внешней торговли дополняет комплекс мероприятий по профилактике, выявлению и пресечению преступлений, совершаемых субъектами ВТД.

В частности, наиболее распространённым в настоящее время преступлением, последствия которого наносят значительный ущерб экономике страны, подрывают законные устои и правила ведения внешней торговли, признаётся контрабанда.

Ввиду того, что угроза этимологически означает возможную опасность, с её приходом наступают нежелательные события, влекущие потери, отклонения от ожидаемых результатов или вовсе их недостижение. Подобные последствия прогнозируемых угроз относятся к категории рисков. То есть, риск определяется как вероятность наступления события и его последствий.

В таможенной сфере Российской Федерации, в этой связи, действует система управления рисками (далее СУР), целевое предназначение и порядок применения которой регламентированы ст. 378 Таможенного кодекса Евразийского экономического союза [2] и Федеральным законом «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [4].

В целом, принципы таможенного контроля с применением системы управления рисками закреплены в Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур [1].

В этих целях автором предложено совершенствование СУР в таможенных органах, которая определяет степень обеспеченности таможенными

органами экономической безопасности во внешне-торговых сделках и более рациональное распределение контрольно-надзорных ресурсов.

Литература:

1. Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (совершено в Киото 18.05.1973) (в ред. Протокола от 26.06.1999).
2. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза // Официальный сайт Евразийского экономического союза. URL : <http://www.eaeunion.org> (12.04.2017).
3. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5082.
4. Федеральный закон от 03.08.2018 № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 32 (часть I). Ст. 5082.
5. *Максимов Ю.А.* Система обеспечения внешне-торговой безопасности и формирования экономической политики государства / Ю.А. Максимов // Ученые записки В.В. Бобков Санкт-Петербургское отделение Российской таможенной академии, 2018. № 3. С. 47–51.

Literature:

1. International Convention on the Simplification and Harmonization of Customs Procedures (Done at Kyoto 05/18/1973) (as amended by the Protocol of 06/26/1999).
2. Customs Code of the Eurasian Economic Union // Official website of the Eurasian Economic Union. URL : <http://www.eaeunion.org> (12.04.2017).
3. Federal Law of 08.12.2003 № 164-ФЗ «On the Basics of Regulation of Foreign Trade Activity» // Collection of legislation of the Russian Federation. 2003. № 50. Art. 4850.
4. Federal Law of 03.08.2018 № 289-ФЗ «On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. № 32 (part I). Art. 5082.
5. *Maksimov Yu.A.* The system of ensuring foreign trade security and shaping the economic policy of the state / Yu.A. Maksimov // Uchenye Zapiski V.V. Bobkov St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy, 2018. № 3. P. 47–51.

Чжэн Фан

магистрант по направлению
«машиностроительные технологии»,
Московский государственный технический
университет имени Н.Э. Баумана
929526406@qq.com

МАШИНОСТРОЕНИЕ В РОССИИ И КИТАЕ И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ДВУХСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В данной статье анализируется состояние машиностроительной отрасли в Китае и России. Автор статьи выявляет проблемы, с которыми сталкивается машиностроительная промышленность в двух странах и анализирует перспективу развития российско-китайского сотрудничества в области машиностроения. Автор статьи исследует факторы, определяющие дальнейшее развитие сотрудничества между Россией и Китаем в машиностроении, считая, что развитие сотрудничества двух стран в машиностроительной отрасли стимулирует укрепление российско-китайского стратегического партнерства.

Ключевые слова: машиностроение, автомобилестроение, Россия, Китай, стратегическое партнерство.

Экономический потенциал машиностроения привел к бурному развитию этой отрасли во многих странах.

В Китае машиностроение является одним из крупнейших секторов экономики, хотя еще в начале 1980-х годов эта отрасль зависела от импортного оборудования, оставляемого с целью модернизации данной отрасли промышленности. Однако дальнейшие расчеты показали, что замещение значительной доли импорта собственным производством могло бы значительно сократить бюджетные расходы. Таким образом, к 1990 году около 60 % продукции машиностроения уже производилось в Китае, в связи с чем, отрасль выбилась в лидеры, став «ключевой» [3]. В настоящее время почти в каждой китайской провинции, особенно во всех крупных городах функционирует машиностроительное предприятие. Главными центрами машиностроительной промышленности являются Шанхай, Тяньцзинь, Шеньян, Бейжинг, Харбин, Чангчун, Тайюань, Лоян, Ухань, Чунцин, Чэнду, Сиань и Ланьчжоу. В 2011 году 46 % процентов национального дохода Китая было направлено на развитие промышленности, в том числе и на машиностроение. Согласно статистике, только эта отрасль приносит в национальную казну КНР 20–30 % дохода от всей

Zheng Fan

Master's Student in the Direction
of «Mechanical Engineering Technologies»,
Moscow State Technical University
named after N.E. Bauman
929526406@qq.com

MACHINEBUILDING INDUSTRY IN RUSSIA AND CHINA AND ITS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT OF BILATERAL RELATIONSHIP

Annotation. This article analyzes the state of the machine-building industry in China and Russia. The author of the article identifies the problems faced by the machine-building industry in the two countries and analyzes the prospects for the development of Russian-Chinese cooperation in the field of mechanical engineering. The author of the article examines the factors determining the further development of cooperation between Russia and China in mechanical engineering, considering that the development of cooperation between the two countries in the machine-building industry stimulates the strengthening of the Russian-Chinese strategic partnership.

Keywords: machine building, auto industry, strategic partnership, Russia, China.

промышленности. В 2012 году Китай в 28-й раз продемонстрировал самые высокие в мире темпы роста промышленного производства – 7,9 %, хотя, как считают эксперты, мировой финансовый кризис внес свои коррективы и в развитие китайского машиностроения, замедлив темпы роста машиностроительного производства. Но, в целом, текущее состояние китайского машиностроения, как и всей китайской экономики, таково, что позиции этой отрасли на мировой экономической площадке будут только укрепляться. По мнению МВФ (Международный валютный фонд), Китай со временем станет бесспорным лидером мирового машиностроительного рынка [3].

Согласно данным, представленным в отчете Торговой палаты, китайское правительство планирует крупные инвестиции в машиностроительную промышленность. Улучшение торговых отношений с Россией, Бразилией и другими странами, вероятно, послужит стимулированию роста этой отрасли, что обусловлено, в первую очередь, крупными инвестициями [3, с. 52]. История развития российского машиностроения служит примером успешной реализации политики по привлечению знаний и технологий, реализованных частным бизнесом, а также – эффективной государственной поддержки. Необходимо отметить, что

именно государственная поддержка, имела решающее значение для возрождения отечественного машиностроения, возможности которого были качественно расширены за счет передачи технологий и привлечения инвестиций.

Машиностроение России включает в себя общее, среднее, точное и тяжелое машиностроение. Производство машин и оборудования, производство электрооборудования, производство транспортных средств являются основными отраслями машиностроения. Наибольшего успеха российские производители добились в сфере производства железнодорожной и сельскохозяйственной техники [2]. Но в 1990-е годы российское машиностроение (особенно такое его направление, как автомобилестроение) оказалось в глубоком кризисе. Отечественные производители отстали в технологическом плане и уделяли мало внимания контролю качества продукции, в результате чего, они столкнулись с резким снижением продаж во всех сегментах рынка, значительную часть которого составляла продукция импортного производства. Однако правительство предприняло ряд усилий, пытаясь улучшить ситуацию в данной отрасли и создать ряд промышленных кластеров ориентированных на автомобилестроение и производство запасных частей. Для «оживления» машиностроительной промышленности широко привлекались иностранные компании, которые размещали в России сборочные производства. В результате целенаправленной политики по развитию локальной инфраструктуры появилось несколько крупных промышленных кластеров, в которых международными поставщиками было налажено производство деталей и комплектующих. Наиболее крупные промышленные кластеры находятся в Тольятти («АвтоВаз» – Nissan), Калининграде («Автотор» – BMW, Chery Automobile, GM, Kia Motors, NAC), Елабуге (Ford), Санкт Петербурге (Ford, Toyota, Nissan), Калуге (VW, Volvo) [5, с. 52]. Машиностроительная отрасль является одним из наиболее перспективных стратегических направлений сотрудничества между Россией и Китаем. Высокие темпы машиностроительного производства в Китае привели к тому, что Россия стала многообещающим рынком сбыта этой продукции. Так, в машиностроительной отрасли развивается сотрудничество между ОАО «НПК «Уралвагонзавод», ОАО «ВТБ Лизинг» и китайской компанией Honghua Group

Литература:

1. *Дун Яньхуэй*. Развитие сотрудничества Китая и России в сфере автомобилестроения : автореф. ... канд. экон. наук. М., 2009. 25 с.
2. *Кирина Е.К.* Роль машиностроения в экономике России / Е.К. Кирина, К.Е. Вилисова // Россия молодая: сборник материалов XII Всероссийской, научно-практической конференции молодых ученых. Кемерово : КГТУ, 2020. С. 84616.
3. *Максимова Е.И.* Машиностроительная индустрия Китая и ее перспективы / Е.И. Максимова // Восточная аналитика. 2016. № 1. С. 41–60.

Limited. Партнеры планируют наладить производство тяжелых буровых установок эшелонного типа на территории России [4, с. 16].

На российском рынке также востребована автомобильная продукция китайской компании Great Wall Motors, которая открывшей еще в 2004 году в Москве свое представительство. В 2005 году эта компания продала в России 4070 автомобилей. Но, начиная с 2006 года, выпуск транспортных средств данной компании стал осуществляться в подмосковном поселке Гжель. В 2014 году Great Wall Motors Company заключила инвестиционное соглашение с правительством Тульской области, согласно которому на ее территории будет открыт завод по производству автомобилей брендом Haval. Общий объем инвестиций в данный проект оценивается в 18 млрд рублей. М.Л. Титаренко считает, что «крупномасштабное привлечение китайских инвестиций и подключение российских производителей... способны существенно оживить российский машиностроительный комплекс – поначалу на инновационном направлении, а затем и в форме массового производства современной продукции» [6, с. 53]. Правительство КНР с большим вниманием относится к сотрудничеству с РФ в сфере машиностроения, что является важной составной частью укрепления межгосударственных отношений стратегического взаимодействия и партнерства. Сотрудничество между Россией и Китаем осуществляется как по межправительственной линии, так и на других уровнях государственной власти [1, с. 13]. Важно отметить, что в сотрудничестве РФ и КНР в области машиностроительных технологий китайскую сторону реально интересуют российские инновационные технологии. КНР стремится использовать имеющиеся у РФ оборудование и экспериментальные установки, обращая внимание на условия выполнения ряда важных проектов [1, с. 14].

Таким образом, машиностроение является не только отраслью, оказывающей огромное влияние на эффективность всей экономики. Данная отрасль является и локомотивом развития различных форм сотрудничества между странами. Российско-китайское экономическое сотрудничество в сфере машиностроения будет способствовать ускорению экономического роста национальных экономик обеих стран.

Literature:

1. *Dong Yanhui*. Development of cooperation between China and Russia in the field of automotive industry : abstract ... cand. of econ. M., 2009. 25 p.
2. *Kirina E.K.* The role of mechanical engineering in the Russian economy / E.K. Kirina, K.E. Vilisova // Young Russia: collection of materials of the XII All-Russian, scientific and practical conference of young scientists. Kemerovo : KSTU, 2020. P. 84616.
3. *Maksimova E.* Machinebuilding industry and its perspectives / E. Maksimova // Eastern Analytics. 2016. № 1. P. 41–60.

4. Развитие российско-китайских отношений на примере глобальных проектов. Доклад. М. : Центр политической информации, 2015. 22 с.

5. Россия и Китай: инновации и предпринимательство. Аналитический отчет. М., 2016. 94 с.

6. *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. М. : Памятники исторической мысли, 2008. 623 с.

5. The development of Russian-Chinese relations on the example of global projects. Report. M. : Center for Political Information, 2015. 22 p.

5. Russia and China: Innovation and Entrepreneurship. Analytical report. M., 2016. 94 p.

6. *Titarenko M.L.* The geopolitical significance of the Far East. M. : Monuments of historical Thought, 2008. 623 p.

Чжэн Фан

магистрант по направлению
«машиностроительные технологии»,
Московский государственный технический
университет имени Н.Э. Баумана
929526406@qq.com

РОССИЙСКОЕ МАШИНОСТРОЕНИЕ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ФЕНОМЕН МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

Аннотация. Великая Отечественная война 1941–1945 годов коренным образом изменила плановую экономику России. Чтобы одержать победу над фашистской Германией, руководство страны приняло решение встать на путь мобилизационной экономики, создав условия для развития оборонно-промышленного комплекса в условиях военного времени. В данной статье дается анализ развития машиностроения как отрасли, занимающей лидирующее положение в военное время. Автор статьи описывает стратегии перехода машиностроения на военные рельсы в период Второй мировой войны и доказывает, что, принятые руководством страны решения, создали предпосылки для развития машиностроительного сектора экономики и в послевоенное время.

Ключевые слова: Вторая мировая война, мобилизационная экономика, машиностроение, военно-промышленный комплекс.

Вторая мировая война, несмотря на колоссальные жертвы и разрушения, внесла весомый вклад в экономическое развитие России. Уже в первые годы германской оккупации практически все регионы великого государства, именуемого в то время Советским Союзом, включились в перестройку промышленности с учетом военного времени. К началу войны страна Советов подошла неподготовленной. Внезапно разразившаяся фашистская агрессия, поставила советскую экономику в чрезвычайно тяжелое, а затем и весьма критическое положение. Уже в первые дни и недели войны руководство Союза осознало, что технический уровень военного производства, как и оснащение войск вооружением, оставляет желать лучшего, в связи с чем, требовалось незамедлительно перевести промышленность на военные рельсы, максимальное увеличив выпуск оборонной продукции. Добиться материально-технического превосходства Красной Армии над вермахтом и другими войсками фашистского блока, тем самым, переломив ход событий, мог помочь только путь мобилизационной экономики, под которой следует понимать состояние хозяйствующего субъекта, отвечающее решению, в

Zheng Fan

Master's Student in the Direction
of «Mechanical Engineering Technologies»,
Moscow State Technical University
named after N.E. Bauman
929526406@qq.com

RUSSIAN MECHANICAL ENGINEERING DURING THE SECOND WORLD WAR AS A PHENOMENON OF THE MOBILIZATION ECONOMY

Annotation. The Great Patriotic War of 1941–1945 radically changed the planned economy of Russia. To defeat nazi Germany the country's leadership decided to embark on the path of a mobilization economy, creating conditions for the development of the military-industrial complex in wartime conditions. This article analyzes the development of mechanical engineering as an industry that occupies a leading position in wartime. The author of the article describes the strategies of the transition of mechanical engineering to military rails during the Second World War and proves that the decisions taken by the country's leadership created prerequisites for the development of the machine-building sector of the economy in the post-war period.

Keywords: World War II, mobilization economy, mechanical engineering, military-industrial complex.

первую очередь, внеэкономических задач; например, задач выживания страны и государства в условиях войны [3, с. 7]. 23 июня 1941 года руководством страны были рассмотрены и приняты к реализации меры по мобилизации советской экономики, которой в военных условиях предстояло удовлетворять нужды фронта, наращивать военное производство [4, с. 232]. Экономическое обеспечение войны в сложных для страны условиях легло, в первую очередь, на плечи советского машиностроения, которое должно было «выковать» победу над врагом. Именно от состояния машиностроительного комплекса во многом зависел уровень обороноспособности страны. Уже через два дня после начала войны встал вопрос об эвакуации предприятий и заводов, находившихся в оккупационных регионах. Военно-хозяйственный план предусматривал перевод в районы Поволжья, Урала, Западной Сибири, Казахстана и Средней Азии предприятий в целях производства боеприпасов, вооружения, танков, самолётов [1, с. 39–40]. С июля по ноябрь 1941 г. на Урал и в Поволжье было перебазировано 1523 крупных промышленных предприятия, большая часть которых занимались машиностроением. Эти

предприятия в эвакуации, чаще всего, размещались самостоятельно, на собственных площадях. Но были случаи создания дублирующих заводов, чему причиной послужило расчленение оборудования эвакуированных предприятий по нескольким точкам из-за невозможности размещения в одном месте. Так, Московский автозавод был эвакуирован в четыре пункта, где выросли новые предприятия – Ульяновский автозавод, Миасский моторный завод (впоследствии превратился в автозавод), Шадринский агрегатный завод и Челябинский кузнечно-прессовый завод. Таким образом, можно сказать, что война расширила географию автомобильной промышленности и создала экономическую базу для будущего развития машиностроения [6, с. 127].

Эвакуация машиностроительных заводов требовала, по возможности, очень быстрого их ввода в действие на новых местах, поскольку армии требовалась военная продукция. Эта плановая задача была решена. Практически все эвакуированные заводы в первом полугодии 1942 г. работали на полную производственную мощность, обеспечивая нужды армии [6, с. 123]. Многие из них превзошли уровень производства, достигнутый в довоенное время. Так, на Уральских заводах к 1942 году производство вооружения выросло более чем в 5 раз, на заводах Западной Сибири – более чем в 27 раз, а на заводах Поволжья – в 9 раз [6, с. 128–129]. В данном контексте важно отметить, что перестройка машиностроения для нужд военного производства происходила за счёт вытеснения и ограничения производства гражданских машин. Сталелитейные и чугунолитейные базы машиностроительных заводов были перестроены на производство корпусов снарядов и мин. Производство мотоциклов перестроено на выпуск стрелкового вооружения, производство тракторов перестроено на изготовление танков [1, с. 81].

Таким образом, уже с 1942 года начался планомерный подъем промышленного производства и экономики в целом. А главное – была решена проблема кадров. Примерно 30 % рабочих, имевших большой довоенный стаж, были демобилизованы из армии для работы на военных заводах. Поэтому перестройка экономики на военные рельсы позволила СССР производить для фронта техники больше, чем это могла сделать Германия,

Литература:

1. *Вознесенский Н.* Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. : Государственное издательство политической литературы, 1948. 191 с.
2. *Иванченко В.* Мобилизационная модель индустриализации СССР как стратегический ответ на подготовку второй мировой войны / В. Иванченко // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2012. № 2. С. 7–25.
3. *Недосекин А.О.* Мобилизационная экономика по-русски. СПб. : Изд-во Политехн. университета, 2015. 124 с.

несмотря на использование труда пленных и потенциала захваченных стран и территорий. При этом динамично, по ускоренным технологиям и с высокими качественными характеристиками выпускалась новая техника. И к 1944 г. в стране был достигнут самый высокий уровень производства боевых машин и вооружений для фронта [2, с. 17].

Но на создание вооружения, военной техники, военных технологий была направлена не только оборонная промышленность. Выпуск продукции военных заводов был бы невозможен без разработок инженеров и конструкторов, положивших начало созданию научно-технических школ, некоторые из которых получили свое развитие только в годы войны. Примером тому является уральская научная школа танкостроения, которая «родилась из практики и стала результатом сплава интеллектуальной мысли и практической работы многих талантливых конструкторов и инженеров». Несмотря на то, что до войны не было серийного производства танков, российские изобретатели создавали проекты и модели танков, которым до сих пор нет аналогов в мире [5, с. 81]. В первую очередь, речь идет о таких прославленных и известных всему миру боевых машинах, как танк Т-34, применявшихся как для непосредственной поддержки пехоты, так и для маневренных боевых действий. Высокая технологичность конструкции этого танка позволяла наладить его серийное производство даже с использованием недостаточно квалифицированной рабочей силы на различных по оснащению машиностроительных заводах. За время войны выпуск танков Т-34 составил 51 тысячу машин [4, с. 222].

Анализ экономических стратегий, поднявших в критическое для страны время машиностроительную отрасль на высокий уровень, показывает эффективность советской модели мобилизационной экономики, в рамках которой стали возможны такие проекты как перемещение огромного количества людей и промышленного оборудования на дальние расстояния и обеспечение фронта высококачественной машиностроительной продукцией в нереально короткие сроки. Эта модель продемонстрировала свою жизнестойкость в противоборстве с экономическим титаном – Германией.

Literature:

1. *Voznesensky N.* The military economy of the USSR during the Patriotic War. M. : State Publishing House of Political Literature, 1948. 191 p.
2. *Ivanchenko V.* Mobilization model of industrialization of the USSR as a strategic response to the preparation of the Second World War / V. Ivanchenko // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2012. № 2. P. 7–25.
3. *Nedosekin A.O.* Mobilization economy in Russian. SPb. : Publishing House of the Polytechnic University. university, 2015. 124 p.

4. Отечественный военно-промышленный комплекс и его историческое развитие / Под ред. О.Д. Бакланова, О.К. Рогозина. М. : Общество сохранения лит. наследия, 2013. 760 с.

5. Рожик А.Ю. Особенности и формирование отечественного инженерного мышления во время войны 1941–1945 гг. / А.Ю. Рожик // Вестник ЮУрГУ. 2021. Т. 13. № 1. С. 77–93.

6. Экономический фундамент Победы: параллели истории и современности : монография / Под общ. ред. И.В. Караваевой. М. : Институт экономики Российской академии наук, 2015. 344 с.

4. The Domestic military-industrial complex and its historical development / Edited by O.D. Baklanov, O.K. Rogozin. M. : Society for the Preservation of Lit. heritage, 2013. 760 p.

5. *Rozhik A.Yu.* Features and formation of domestic engineering thinking during the war of 1941–1945 / A.Yu. Rozhik // Bulletin of SUSU. 2021. Vol. 13. № 1. P. 77–93.

6. The Economic Foundation of Victory: Parallels of History and Modernity: Monograph / Under the general editorship of I.V. Karavaeva. M. : Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2015. 344 p.

Чэнь Сяюнь

магистрант,
Московская школа экономики,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
sxiaoyun@mail.ru

**ИССЛЕДОВАНИЕ СОСТОЯНИЯ
РАЗВИТИЯ И ПРОБЛЕМ
ИНОСТРАННЫХ КОММЕРЧЕСКИХ
БАНКОВ В РОССИИ**



Аннотация. В 2022 году из-за изменения макроэкономической ситуации в мире и усиливающейся санкционной политики западных стран в отношении России, финансовая, денежно-кредитная и банковские системы в значительной степени трансформировали свои содержательные и структурные элементы. Подобная трансформация финансовой реальности актуализирует тему данного исследования. Объект исследования – банковский сектор России. Предмет исследования – кредитные организации в статусе нерезидентов России, являющимися участниками санкционного процесса. Цель исследования – выявление и содержательное раскрытие научно-обоснованной информации о развитии и проблемах иностранных коммерческих банков в России. Методология исследования – теоретические методы анализа, обусловленные экстраспективными методами научного познания экономической реальности. Результаты исследования – дескрипция проблемной области и состояния кредитных организаций – нерезидентов.

Ключевые слова: финансовый сектор, валюта, банкинг, рейтинг, норматив, корпоративный бизнес, санкции.



С февраля 2022 года при изменении макроэкономической конъюнктуры, разделения финансовых систем по национальному признаку, некоторые банковские структуры перестают вести свою экономическую деятельность в национальной финансовой системе. Основное разделение на «уходящих» и «остающихся» происходит в сфере кредитования корпоративного бизнеса и розничной работы с клиентами. Крупные банковские конгломераты, связанные с корпоративным бизнесом и не являющиеся резидентами страны, уходят с российского рынка – рисунок 1.

Первой крупной кредитной организацией в сфере кредитования корпоративного бизнеса, покинувшей российский рынок, стал Goldman Sachs, размер капитализации бизнеса в России – 22,5 млрд руб., занимая 130 место в национальном секторе.

Chen Xiaochun

Master's Student,
Moscow School of Economics,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
cxiaoyun@mail.ru

**RESEARCH OF THE STATE
OF DEVELOPMENT AND PROBLEMS
OF FOREIGN COMMERCIAL BANKS
IN RUSSIA**



Annotation. In 2022, due to the changing macroeconomic situation in the world and the increasing sanctions policy of Western countries against Russia, the financial, monetary and banking systems have largely transformed their substantive and structural elements. Such a transformation of financial reality actualizes the topic of this study. The object of the study is the banking sector of Russia. The subject of the study is credit organizations with the status of non-residents of Russia who are participants in the sanctions process. The purpose of the study is to identify and provide meaningful disclosure of scientifically-based information about the development and problems of foreign commercial banks in Russia. Research methodology – theoretical methods of analysis, conditioned by the extra-prospective methods of scientific cognition of economic reality. The results of the study are a description of the problem area and the state of non-resident credit institutions.

Keywords: financial sector, currency, banking, rating, regulation, corporate business, sanctions.



Далее следует ведущая тройка иностранных банков:

- американский JP Morgan Chase;
- немецкий Deutsche Bank;
- немецкий Commerzbank [2].

Российское представительство Дж.П. Морган Банк Интернешнл – 44,2 млрд руб., 98-е место по объёму капитализации в России; Российское представительство Дойче Банк – 119,4 млрд руб., 58-е место по объёму капитализации в России; Российское представительство Коммерцбанк – 66,137 млрд руб., 83-е место по объёму капитализации в России.



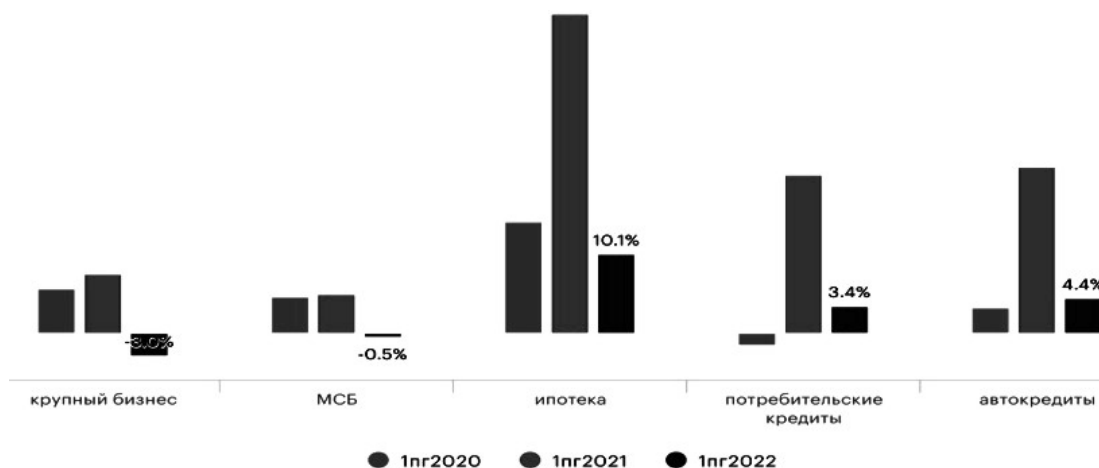


Рисунок 1 – Состав портфелей банков в сравнении по периодам.

Источник: составлено автором по данным [1]

Кредитные организации, специализирующиеся на розничном обслуживании клиентов. Уходят следующие банки:

- Американский банк Ситигруп с весны 2022 года сворачивает свой бизнес и уходит с финансового сектора России, закрывая, как розничные направления, так и корпоративные направления – 717,193 млрд руб., 19-е место по объёму капитализации в России;
- Итальянский банк Юникредит с весны 2022 года сворачивает свой бизнес и уходит с финансового сектора России, закрывая, как розничные направления, так и корпоративные направления – 1252 млрд руб., 15-е место по объёму капитализации в России;
- Австрийский банк Райффайзенбанк с весны 2022 года «условно» уходит с российского рынка, переводя свои российские отделения на сторонних юридических лиц, но при этом сохраняет свой бизнес и свои направления – 1615 млрд руб., 11-е место по объёму капитализации в России;
- Французский банк Сосьете Женераль – Росбанк, также «условно» уходит с российского рынка, переводя все направления своего бизнеса

на самостоятельную структуру, которая становится независимым юридическим лицом, но при этом сохраняет все свои направления, включая значительное розничное направление – 1566 млрд руб., 12-е место по объёму капитализации в России;

- Венгерский ОТП Банк, прекращает финансирование российского представительства, при этом полностью сохраняя все направления бизнеса, также, как Сосьете Женераль, переводя все направления своего бизнеса на самостоятельную структуру, которая становится независимым юридическим лицом, но при этом сохраняет все свои направления – 166 млрд руб., 40-е место по объёму капитализации в России. Основным условием ухода с российского рынка кредитных организаций нерезидентов, наличие необходимой суммы активов для погашения всех обязательств перед кредиторами. Этим объясняется значительное сокращение всех видов просроченных обязательств у банков на конец 2022 года – рисунок 2. Изменяется структура направлений деятельности кредитных организаций: большинство кредитных организаций – нерезидентов до 2022 года специализировались на кредитование корпоративного бизнеса и инвестиционном банкинге.



Рисунок 2 – Доля просроченной задолженности в совокупном портфеле банков.

Источник: составлено автором по данным [1]

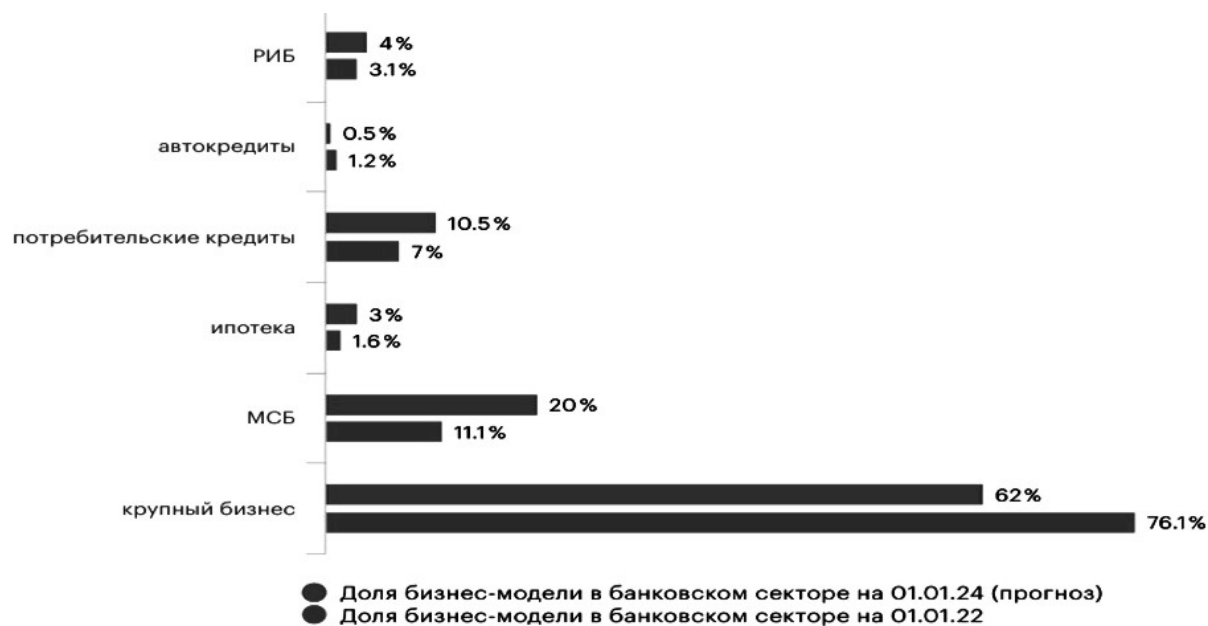


Рисунок 3 – Направление деятельности банков: текущий и прогноз.

Источник: составлено автором по данным [1]

В настоящее время структура направлений деятельности кредитных организаций меняется, так системообразующие предприятия кредитуются российскими банками, доля иностранных инвесторов из-за последствий санкционной политики западных стран снижается [3], поэтому иностранные банки, которые сохраняют своё присутствие на российском рынке переориентируются на кредитование малого и среднего бизнеса (МСБ) – рисунок 3.

Направления движения мировой экономики в настоящее время определяется не экономическими и финансовыми мерами регулирования, определяющими рыночный признак хозяйствования, а мерами политического давления,

выражающимися в постоянном санкционном давлении и санкционной политике. Наиболее пострадавшими от подобных действий являются финансовые, денежно-кредитные и банковские институты, которые вынуждены перестраивать структуру и содержание своей деятельности в зависимости от изменений в содержании политических решений. При этом в России национальная система хозяйствования остаётся устойчивой за счёт локализации собственных финансовых, денежных и кредитных ресурсов внутри страны и независимости банковской системы. Основные проблемы испытывают кредитные организации – нерезиденты, которые вынуждены покидать отечественный финансовый сектор из-за политического давления западных стран.

Литература:

1. Итоги банковского сектора за 1-е полугодие // Эксперт. URL : https://raexpert.ru/researches/banks/bank_1h2022 (дата обращения 01.09.2022).
2. Центральный банк Российской Федерации // Банковское регулирование Информационный бюллетень январь-июль 2022. URL : https://cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket (дата обращения 01.09.2022).
3. Козырский Д.А. Судебная процедура и обеспечение принципа равенства участников гражданского процесса по делу о несостоятельности (банкротстве) юридического лица в законодательстве некоторых зарубежных стран / Д.А. Козырский // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1(152). С. 232–234.

Literature:

1. Results of the banking sector for the 1st half of the year // Expert. URL : https://raexpert.ru/researches/banks/bank_1h2022 (date of application 01.09.2022).
2. Central Bank of the Russian Federation // Banking Regulation Newsletter January-July 2022. URL : https://cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket (date of application 01.09.2022).
3. Kozyrsky D.A. Judicial procedure and ensuring the principle of equality of participants in civil proceedings in the case of insolvency (bankruptcy) of a legal entity in the legislation of some foreign countries / D.A. Kozyrsky // Eurasian Legal Journal. 2021. № 1(152). P. 232–234.

Чэнь Сяоюнь
магистрант,
Московская школа экономики,
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
sxiaoyun@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ БАНКОВСКОЙ СИСТЕМЫ В РАМКАХ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ ФИНАНСОВЫХ РЕФОРМ

Аннотация. В 2022 году произошли значительные изменения финансовой, инвестиционной и экономической систем, как на международном, так и на национальном уровнях. В большей степени, изменения коснулись национальных экономик и в первую очередь – российской экономики. В данной работе исследуются изменения банковской системы России – содержательных, структурных и результативных величин. Результаты исследования – представлены графические отображения изменений показателей банковской системы: до осуществляемых финансовых реформ и после; представлены основные изменения в банковской системе, которые имеют системообразующий характер.

Ключевые слова: кредитные организации, финансовая система, структурный профицит, ликвидность, задолженность, финансовая реформа.

Банковский сектор России последние годы подвергается значительными стресс-факторами от потрясений: последствия пандемии COVID-19, за которыми последовали более значительные и масштабные испытания: обвалы фондовых индексов, уход из банков вкладчиков, резкий рост стоимости фондирования, остановка кредитования. Выделим ключевые моменты, определяющие состояние банковского сектора России в настоящее время.

Дефицит ликвидности. Паника и пессимизм настроений у вкладчиков весной 2022 года способствовали образованию беспрецедентного оттока средств клиентов из банков и банковской системы, в целом. По результатам в I квартала 2022 года образовался рекорд значений дефицита ликвидности. В подобном случае величина задолженности кредитной организации перед ЦБ РФ превышает величину свободных средств на депозитах у регулятора. В начале марта 2022 года значение дефицита ликвидности превысило 7 трлн рублей [1]. Совокупная задолженность банков – около 10 трлн рублей, а значение величины остатка на депозитах составило менее 3 трлн рублей – рисунок 1.

Chen Xiaochun
Master's Student,
Moscow School of Economics,
Moscow State University
named after M.V. Lomonosov
cxiaoyun@mail.ru

RESEARCH OF THE BANKING SYSTEM WITHIN THE FRAMEWORK OF THE RUSSIAN FINANCIAL REFORM POLICY

Annotation. In 2022, there were significant changes in the financial, investment and economic systems, both at the international and national levels. To a greater extent, the changes affected national economies and, first of all, the Russian economy. This paper examines the changes in the banking system of Russia – substantive, structural and effective values. The results of the study – graphical displays of changes in the indicators of the banking system are presented: before the ongoing financial reforms and after; the main changes in the banking system, which are of a system-forming nature, are presented.

Keywords: credit institutions, financial system, structural surplus, liquidity, debt, financial reform.

Следует отметить, что даже в течении пиковой фазы мировой пандемии в 2020 году у банков имелся профицит ликвидности, то есть, у банков свободных денег, которые находились в ЦБ РФ было больше, чем объём задолженности перед ЦБ РФ.

Прямая помощь и регулирование от ЦБ РФ и Правительства России.

К вариация процентных условий и реагированию регулятивными мерами, оказывалась помощь деньгами напрямую от ЦБ РФ и бюджета. Было представлено безлимитное рефинансирование на аукционах РЕПО (под залог ценных бумаг).

По итогу февраля и начала марта, общий объём задолженности у банков перед ЦБ установила новый рекорд в 10 трлн рублей. Существенной поддержкой ликвидности отметился Минфин, временно предоставив банкам необходимый объём свободных бюджетных средств на депозиты и посредством сделок РЕПО Федерального казначейства. В первой половине марта объём чистого притока средств в банковскую систему через Федеральное казначейство имел величину – 1,25 трлн рублей [2]. Также, объём совокупного притока ликвидности через все бюджетные каналы за этот период времени стал выше 2 трлн рублей.

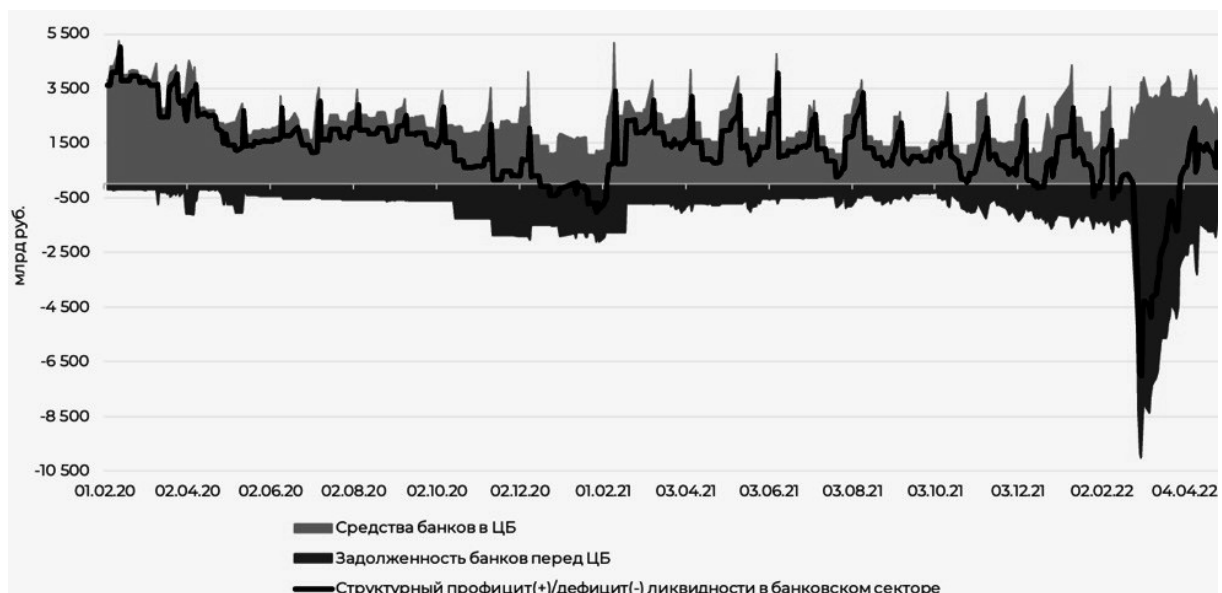


Рисунок 1 – Изменение значений показателей ликвидности банковского сектора России.
 Источник: составлено автором по данным Банка России [1] и расчётам Банки.ру [2]

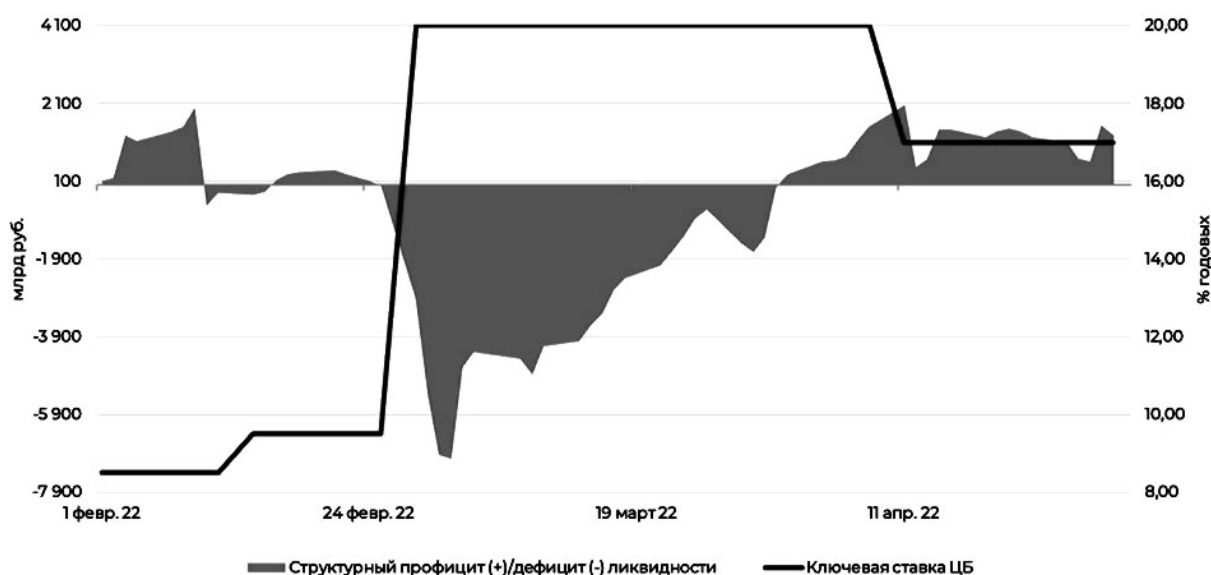


Рисунок 2 – Значения показателей ликвидности и ключевой процентной ставки Банка России.
 Источник: составлено автором по данным Банка России [1] и расчётам Банки.ру [2]

Объём средств юридических лиц остался самым значительным источником пополнения величины пассивов банковского сектора, по окончании I-го квартала 2022 года составил 40,6 трлн рублей (по данным [1] без учета корпоративных еврооблигаций). В течение I-го квартала изменение их объёма имело следующую величину – +863 млрд рублей (+2,2 %) и большая мера объёма пришлась на январь (+688 млрд рублей) [2]. При этом февраль характеризовался сокращением притока средств в размере 177 млрд рублей.

По сравнению с февралём 2021 года – наблюдалось четырёхкратное расхождение. Динамика

марта характеризовалась незначительным отрицательным значением. Также, в валютных структурах средств были отмечены изменения. По данным Банка России, в марте величина объёма рублевых средств юридических лиц выросла на 1,1 трлн рублей, и приблизительно на такое же значение величины произошло уменьшение средств в зарубежной валюте. Подобные изменения, это следствие реализации государством мер, обязывающих продавать 80 % объёма валютной выручки экспортеров – данное решение способствовало оперативной стабилизации ситуации на валютном рынке.

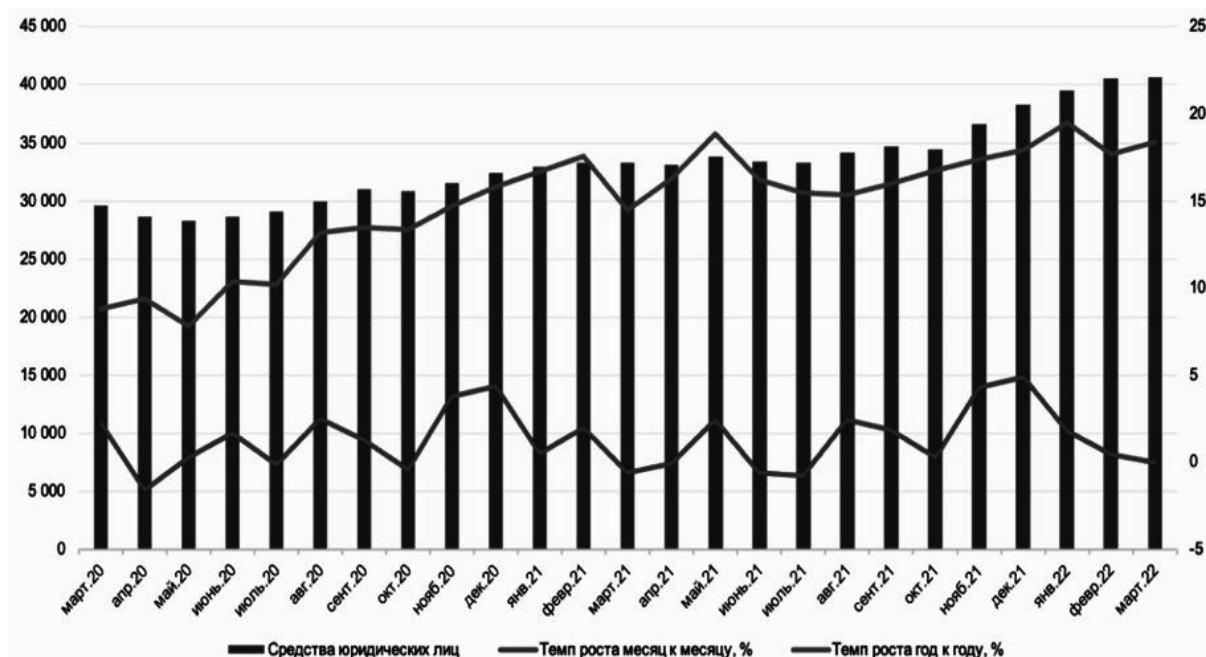


Рисунок 3 – Динамика изменения объёма средств юридических лиц, размещённых в банках.

Источник: составлено автором по данным Банка России [1] и расчётам Банки.ру [2]

В результате проведенного исследования можно уверенно утверждать, что, в целом, банковский сектор России показал хорошую устойчивость к внешним и внутренним шокам, вызванными кардинальными изменениями в мировой политике и мировой финансовой системе. При этом значительную роль в стабилизации микроэкономической

ситуации, валютного, фондового рынков сыграли регуляторные и контрольные органы с правильно подобранной финансовой политикой реагирования [3; 4]. В целом, банковская система России достаточно успешно справляется и преодолевает деструктивные факторы санкционной политики западных стран.

Литература:

1. Центральный банк Российской Федерации // Банковское регулирование Информационный бюллетень январь-июль 2022. URL : https://cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket (дата обращения 01.09.2022).
2. Банковский сектор: итоги 1 квартала 2022 года // Банки.ру. URL : <https://www.banki.ru/news/research/?id=10966543> (дата обращения 01.09.2022).
3. Гилева Н.С. Осуществление финансового контроля в условиях цифровизации общества / Н.С. Гилева, О. В. Пономарев // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12(163). С. 273–275.
4. Давыдова Л.В. Банковская система РФ в условиях пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 / Л.В. Давыдова, А.Д. Самохина, Н.С. Комиссарова // Евразийский юридический журнал. 2021. № 1(152). С. 431–432.

Literature:

1. The Central Bank of the Russian Federation // Banking regulation Newsletter January-July 2022. URL : https://cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket (date of application 01.09.2022).
2. Banking sector: results of the 1st quarter of 2022 URL : <https://www.banki.ru/news/research/?id=10966543> (date of application 01.09.2022).
3. Gileva N.S. Implementation of financial control in the conditions of digitalization of society / N.S. Gileva, O.V. Ponomarev // Eurasian Legal Journal. 2021. № 12(163). P. 273–275.
4. Davydova L.V. The banking system of the Russian Federation in the conditions of the COVID-19 coronavirus infection pandemic / L.V. Davydova, A.D. Samokhina, N. S. Komissarova // Eurasian Law Journal. 2021. № 1(152). P. 431–432.

Ян Сюе
аспирант,
экономический факультет,
Российский университет дружбы народов
yangxue199739@163.com

АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ ВСЕМИРНОЙ ВАЛЮТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА ПЕРИОД С 2010 ПО 2020 ГОДЫ

Аннотация. Всемирная валютная организация содействует международному валютному сотрудничеству, активизирует международную торговлю, обеспечивает стабильность обменного курса и создаёт условия устойчивого экономического роста. Через Всемирную валютную организацию осуществляются значимые виды деятельности для международной финансовой системы, такие как сбор статистических данных и анализ, наблюдение за экономикой своих членов и реализация определенной финансовой и валютной политики – всё это актуализирует тему исследования. Объект исследования – международная валютная система. Предмет исследования – функциональный и головной центр международной валютной системы, Международный валютный фонд. Цель исследования – теоретический анализ результатов реализации политики Всемирной валютной организации. Методология исследования – использованы общепринятые теоретико-экономические методы анализа общедоступной и статистической информации. Результаты исследования – детекция результатов реализации политической активности Всемирной валютной организации в представлении Международного валютного фонда.

Ключевые слова: валютная политика, обменный курс, либерализация торговли, деньги, кредит, процентная ставка.

Основная часть. Международный валютный фонд (МВФ) представляет собой первичный центр всемирного контроля и распределения валютных активов, является центральным звеном международной финансовой системы, представляя собой крупное финансовое агентство Организации Объединенных Наций и международной финансовой организацией со штаб-квартирой в Вашингтоне, округ Колумбия, члены которой представляют 190 стран. Основные функции Международного валютного фонда (МВФ) заключаются:

- в развитии глобального валютного сотрудничества;
- в обеспечении финансовой стабильности;
- в развитии торговли финансовыми активами и эквивалентами денежных единиц.

Yang Xue
Graduate Student,
Faculty of Economics,
Peoples' Friendship University of Russia
yangxue199739@163.com

ANALYSIS OF THE POLICY OF THE WORLD MONETARY ORGANIZATION FOR THE PERIOD FROM 2010 TO 2020

Annotation. The World Monetary Organization promotes international monetary cooperation, activates international trade, ensures exchange rate stability and creates conditions for sustainable economic growth. Through the World Monetary Organization, significant activities for the international financial system are carried out, such as collecting statistical data and analysis, monitoring the economy of its members and implementing certain financial and monetary policies - all this actualizes the topic of the study. The object of the study is the international monetary system. The subject of the study is the functional and head center of the international monetary system, the International Monetary Fund. The purpose of the study is a theoretical analysis of the results of the implementation of the policy of the World Monetary Organization. Research methodology – general formal theoretical and economic methods of analysis of publicly available and statistical information were used. The results of the study are the detection of the results of the implementation of the political activity of the World Monetary Organization in the representation of the International Monetary Fund.

Keywords: currency policy, exchange rate, trade liberalization, money, credit, interest rate.

Фонд был образован в 1944 г., фактическая деятельность была начата 27 декабря 1945 г., как следствие, прошедшей Бреттон-Вудской конференции, содержание которой было сформировано, в первую очередь, идеями Гарри Декстера Уайта и Джона Мейнарда Кейнса [2]. МВФ в 1945 году включал в себя 29 стран-членов, и изначально основной целью являлась реконструкция международной валютной системы. В настоящее время МВФ выполняет важную функцию в управлении статьями международного платежного баланса и предотвращением последствий международных финансовых кризисов. Страны-участники вносят средства в общий пул и через разработанную систему квот, страны, которые испытывают проблемы с распределением финансовых ресурсов и платежным балансом, могут кредитовать свои экономики.

Глобальная валютная структура сформирована тремя финансовыми институтами:

1. Глобальные финансовые рынки и транснациональные компании.
2. Национальные правительства, связанные друг с другом экономическими и военными союзами во главе с Соединенными Штатами.
3. Развивающиеся глобальные организации, такие как Всемирная торговая организация (ВТО), МВФ и Всемирный банк.

Подобная международная финансовая система институализирует глобальное неравенство между западными странами и мировым

большинством развивающихся стран. С 2010 года величина заимствований странами участниками МВФ оставалась постоянной – рисунок 1 первый этап, нулевой и второй этап характеризуется увеличением объемов заимствований, как следствия кризисов: ипотечного кризиса 2008 года и последствия мировой пандемии 2019 года [1].

Объем мировой торговли характеризуется условным постоянством в относительных показателях ВВП стран-участников, которая характеризуется резким снижением к 2020 году и таким же резким восстановлением – рисунок 2.

Сальдо текущих операций МВФ снижается до минимума с 2020 года – рисунок 3.

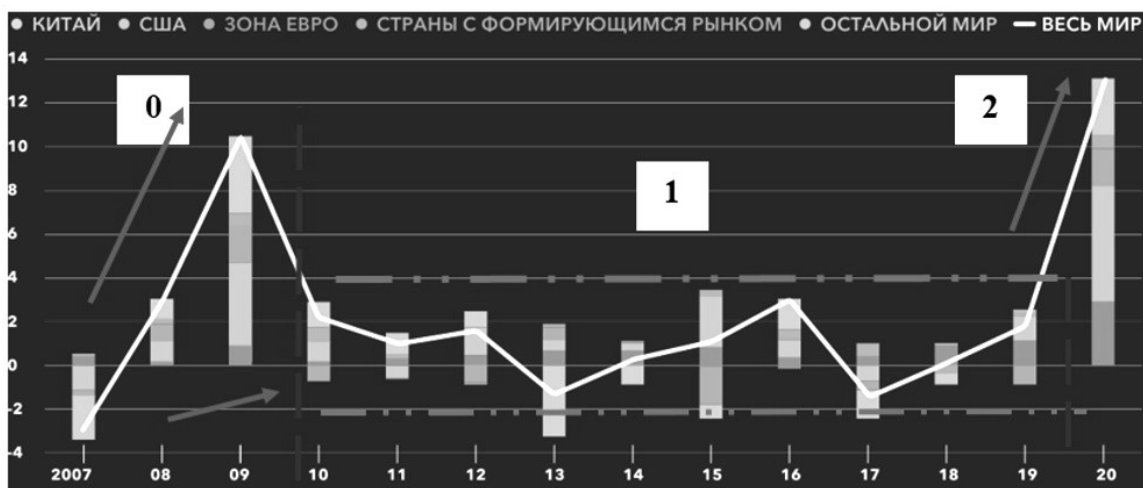


Рисунок 1 – Изменение глобальных государственных обязательств МВФ, в процентах ВВП.

Источник: составлено автором по данным [3]



Рисунок 2 – Изменение объема мировой торговли, в процентах ВВП.

Источник: составлено автором по данным [3]

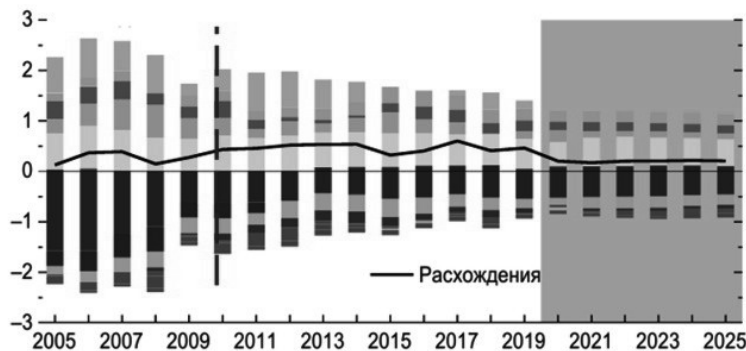


Рисунок 3 – Сальдо текущих операций по всему миру МВФ, в процентах ВВП.

Источник: составлено автором по данным [3]

Некоторые положения политики Всемирной валютной организации в 2010–2020 годах [3]:

1. Реализация политики сокращения расходов или увеличения доходов, также известной как политика жесткой экономии.
2. Сосредоточение экономической деятельности на прямом экспорте и добыче ресурсов.
3. Политика масштабной девальвации валют.
4. Политика либерализации торговли или снятие ограничений на импорт и экспорт – рисунок 2.
5. Политика стабилизации объёмов инвестиций (путем привлечения дополнения прямых иностранных инвестиций открытием объектов для внутренних рынков стран-участников).
6. Политика балансировки бюджетов без перерасходования.
7. Политика снятия контроля над ценами и государственными субсидиями.

Литература:

1. *Afanasjev E.G.* Non-refoulement principle's validity during the COVID-19 / E.G. Afanasjev // Eurasian Law Journal. 2021. № 6(157). P. 26–28.
2. A critical evaluation of IMF history and policies / S. Ahmed [et al.] // Manag Econ Res J. 2018. Vol. 4. № 2018. P. 3270.
3. Перспективы развития мировой экономики // Международный валютный фонд. URL : <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/2020/October/Russian/texttr.ashx> (дата обращения 01.09.2022).

8. Приватизация или отчуждение всех или части государственных предприятий.

9. Политика расширения прав иностранных инвесторов по отношению к национальному законодательству.

10. Политика минимизации коррупционных проявлений внутри локальных финансовых институтов и структурная перестройка деятельности международных институтов заимствований.

В данном исследовании затрагиваются вопросы реализации политических инициатив Всемирной валютной организации, как ведущего центра контроля, регулирования и распределения финансовых ресурсов. Инструментальная реализация положений политики МВФ на период с 2010 года по 2020 год – между периодом последствий ипотечного кризиса долговых обязательств США и периодом последствий мировой пандемии COVID-19 – привела к стабилизации объёмов государственных обязательств (рис. 1), объёмов мировой торговли (рис. 2), объёмов текущих операций (рис. 3).

Literature:

1. *Afanasjev E.G.* Non-refoulement principle's validity during the COVID-19 / E.G. Afanasjev // Eurasian Law Journal. 2021. № 6(157). P. 26–28.
2. A critical evaluation of IMF history and policies / S. Ahmed [et al.] // Manag Econ Res J. 2018. Vol. 4. № 2018. P. 3270.
3. Prospects for the development of the world economy // International Monetary Fund. URL : <https://www.imf.org/-/media/Files/Publications/WEO/2020/October/Russian/texttr.ashx> (date of application 01.09.2022).

Ян Сюе
аспирант,
экономический факультет,
Российский университет дружбы народов
yangxue199739@163.com

ИССЛЕДОВАНИЕ ВЛИЯНИЯ ВАЛЮТНОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ НА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ТОРГОВЛИ ФИНАНСОВЫМИ УСЛУГАМИ

Аннотация. В исследовании рассматривается актуальный вопрос интернационализации валютных национальных систем, обеспечивающее международное участие национальных экономик в деятельности крупномасштабных мировых финансовых систем. Объектом исследования выступает международная финансовая система. Предметом исследования являются национальные валютные системы. Целью исследования является установление значимости признака интернационализации национальных валют для целей увеличения конкурентоспособности национальных валют и их эквивалентов. Методология исследования – экономико-статистический подход к теоретическому анализу экономического знания. Результаты исследования: 1. Проанализированы данные по вкладу национальных валют в мировой оборот финансовых активов; 2. Изучена модель Манделла-Флеминга; 3. Рассмотрено условие Маршалла-Лернера.

Ключевые слова: экспорт, импорт, валютная интервенция, национальные валюты, экономическая интеграция, финансовая система.

Валютная интернационализация – процесс масштабирования национальной валюты за пределы локального признака хозяйствования и включения в состав оборота глобальных финансовых систем. По данным Международного валютного фонда [1], основные десять валют, обеспечивающих основной вклад в международный оборот финансовых активов:

- 1) Доллар США – Код ISO 4217 – \$ – 88,3 %;
- 2) Евро – Код ISO 4217 – € – 32,3 %;
- 3) Японская иена – Код ISO 4217 – ¥ – 16,8 %;
- 4) Фунт стерлингов – Код ISO 4217 – £ – 12,8 %;
- 5) Австралийский доллар – Код ISO 4217 – \$ – 6,8 %;
- 6) Канадский доллар – Код ISO 4217 – C\$ – 5,0 %;

Yang Xue
Graduate Student,
Faculty of Economics,
Peoples' Friendship University of Russia
yangxue199739@163.com

STUDY OF THE IMPACT OF CURRENCY INTERNATIONALIZATION ON THE COMPETITIVENESS OF FINANCIAL SERVICES TRADE

Annotation. The study examines the topical issue of internationalization of national currency systems, ensuring the international participation of national economies in the activities of large-scale global financial systems. The object of the study is the international financial system. The subject of the study is national currency systems. The purpose of the study is to establish the significance of the internationalization of national currencies for the purpose of increasing the competitiveness of national currencies and their equivalents. The research methodology is an economic and statistical approach to the theoretical analysis of economic knowledge. Research results: 1. Data on the contribution of national currencies to the global turnover of financial assets are considered; 2. The Mandell-Fleming model is considered; 3. The Marshall-Lerner condition is considered.

Keywords: export, import, currency intervention, national currencies, economic integration, financial system.

- 7) Швейцарский франк – Код ISO 4217 – CHF – 5,0 %;
- 8) Китайский юань – Код ISO 4217 – 元/¥ – 4,3 %;
- 9) Гонконгский доллар – Код ISO 4217 – HK\$ – 3,5 %;
- 10) Новозеландский доллар – Код ISO 4217 – Код ISO 4217 – NZ\$ – 2,1 %.

В экономике оптимальная валютная зона или оптимальная валютная область – это географический регион, в котором можно максимально эффективно использовать в некую условную единую валюту. Лежащая в основе теория, описывает оптимальные характеристики для слияния национальных валют или создания новой валюты на основе валют с локальным признаком. Положения теории часто используются для обсуждения готовности той или иной национальной территории

войти в валютный союз, что является одним из заключительных этапов экономической интеграции. Оптимальная валютная зона обычно имеет масштаб часто больший, чем масштаб отдельной страны. Например, одна из причин создания евро заключается в том, что отдельные страны Европы не образуют оптимальных валютных зон, с чем справляется Европа, в целом [1].

Создание евро представляет собой современный и самый масштабный пример попытки создания оптимальной валютной зоны, а также, дает сравнительную модель «до и после», с помощью которой можно проверить принципы теории. Модель Манделла-Флеминга, представляет собой экономическую модель, впервые сформулированную (независимо) Робертом Манделлом и Маркусом Флемингом [2]. Модель Манделла-Флеминга отображает краткосрочную взаимосвязь между номинальным обменным курсом, процентной ставкой и выпуском средств в обращении в экономику, в отличие от модели для закрытой экономики, которая сфокусирована только на взаимосвязи между процентной ставкой и выпуском. Модель Манделла-Флеминга используется, чтобы доказать [2]: необходимость интернационализации национальных валютных систем и, что экономика не может одновременно поддерживать:

1. Фиксированный обменный курс.
2. Свободное движение капитала.
3. Независимую денежно-кредитную политику.

Постулируется, что национальная экономика может поддерживать одновременно только два пункта из трех. Подобный принцип часто называют «политической трилеммой» [2, с. 165]. Валютная интернационализация инструментально находит своё отражение в деятельности экономического и валютного союза (ЭВС) представляет собой тип торгового блока, в котором сочетаются мировой рынок, таможенный союз и валютный союз. Учрежденный посредством торгового пакта, ЭВС представляет собой один из последних этапов процесса экономической интеграции. Соглашение об ЭВС обычно сочетает в себе таможенный союз с общим рынком [1]. Типичная форма ЭВС устанавливает свободную торговлю и общий внешний тариф на всей территории своей юрисдикции, также предназначен для защиты свободы передвижения товаров, услуг и людей. Эта договоренность отличается от стандартного валютного союза, который обычно не предполагает общего рынка. Как и экономический и валютный союз, созданный между 27 государствами-членами Европейского Союза (ЕС), ЭВС может поразному влиять на разные части своей юрисдикции, но очевидно, учитывая равнозначный статус стран-участников – конкурентоспособность национальных экономик в финансовом секторе вырастает. Некоторые районы подпадают под действие отдельных таможенных правил от других районов, подпадающих под действие ЭВС. Эти

различные договоренности могут быть установлены в официальном соглашении, или они могут существовать на основе де-факто. Например, не все государства-члены ЕС используют евро, установленный их валютным союзом, и не все государства-члены ЕС входят в Шенгенскую зону, некоторые члены ЕС участвуют в обоих союзах, а некоторые ни в одном.

Для аргументации валютной интернационализации и иллюстрации увеличения конкурентоспособности национальных финансовых услуг также используется условие Маршалла-Лернера (в честь Альфреда Маршалла и Аббе П. Лернера). Данное условие выполняется, если абсолютная сумма эластичностей спроса на экспорт и импорт страны (реакция спроса на цену) больше единицы. [3] Если оно выполняется, то страна имеет нулевой торговый дефицит, в этом случае, национальная валюта страны обесценивается (например, для покупки доллара требуется меньше рублей). Торговый баланс улучшится (например, США разовьют положительное сальдо торгового баланса с Россией). Импортные интервенции страны дорожают, а экспортные дешевеют из-за изменения относительных цен, а условие Маршалла-Лернера подразумевает, что косвенное влияние на объем международной торговли превышает прямое влияние национальной экономики страны, вынужденной платить более высокую цену за свой импорт и получать более низкую цену за свой экспорт. Эластичность спроса по обменному курсу, определяется как внутренняя стоимость национальной валюты к стоимости иностранной валюты. Для внутренних потребителей, при условии роста обменного курса, импорт становится дороже, поэтому они потребляют меньше, и можно наблюдать отрицательную эластичность – подобный результат характерен для национальных валют без признака интернационализации. Для иностранных потребителей, когда обменный курс растет, экспортные товары, которые они покупают, обходятся им дешевле, и они потребляют больше, поэтому можно наблюдать положительную эластичность [4].

Таким образом, валютная интернационализация обеспечивает переход с отрицательной эластичности в фазу положительной эластичности, что, в целом, сказывается положительно на сальдо торгового баланса и объеме экспортных и импортных операций.

Валютная интернационализация аргументирована экономической моделью Манделла-Флеминга и условием Маршалла-Лернера, что обеспечивает Экономический и валютный союз (ЭВС), представляющего собой совокупный торговый блок, составными элементами которого являются: общий рынок, таможенный союз и валютный союз. Очевидно, что в условиях ЭВС, национальные валюты приобретают статус мировых валют, что, в значительной степени, увеличивает конкурентоспособность национальных экономик.

Литература:

1. Международный валютный фонд // Международный валютный фонд URL : <https://www.imf.org> (дата обращения 01.09.2022).
2. *Iqbal A.S.* The Mundell-Fleming Model and the Impossible Trinity / A.S. Iqbal // Foreign Exchange. Palgrave Macmillan, Cham, 2022. P. 163–187.
3. *Bahmani M.* Empirical tests of the Marshall-Lerner condition: a literature review» / M. Bahmani, H. Harvey, S.W. Hegerty // Journal of Economic Studies. 2013. Vol. 40. № 3. P. 411–443.
4. *Гилева Н.С.* Осуществление финансового контроля в условиях цифровизации общества / Н.С. Гилева, О.В. Пономарев // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12(163). С. 273–275.

Literature:

1. International Monetary Fund // International Monetary Fund. URL : <https://www.imf.org> (date of application 01.09.2022).
2. *Iqbal A.S.* The Mundell-Fleming Model and the Impossible Trinity / A.S. Iqbal // Foreign Exchange. Palgrave Macmillan, Cham, 2022. P. 163–187.
3. *Bahmani M.* Empirical tests of the Marshall-Lerner condition: a literature review» / M. Bahmani, H. Harvey, S.W. Hegerty // Journal of Economic Studies. 2013. Vol. 40. № 3. P. 411–443.
4. *Gileva N.S.* Implementation of financial control in the conditions of digitalization of society / N.S. Gileva, O.V. Ponomarev // Eurasian Legal Journal. 2021. № 12(163). P. 273–275.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 24.10.2022
Подписано в печать 26.10.2022
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 15,8
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 98

e-mail: [id.yug2016@gmail.com](mailto: id.yug2016@gmail.com)